

С. И. ГРИГОРЬЕВ

ПРИДВОРНАЯ
ЦЕНЗУРА

И ОБРАЗ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ

1831 - 1917

Алетейя

ЛЕВИАФАН

Государство. Общество. Личность

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

В серии
ЛЕВИАФАН:
Государство. Общество. Личность

вышли в свет:

Глобальное сообщество: Новая система координат (подходы к проблеме)

Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры

Девиянтность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.):

Тенденции и социологическое осмысление

Трактаты о вечном мире / Составители И. Андреева, А. Гулыга

Абельс Х.	Интеракция, идентичность, презентация.
Введение в интерпретативную социологию
Арендт Х.	Vita activa, или О деятельной жизни
Асп Э. К.	Введение в социологию
Бачинин В. А.	Национальная идея для России. Исторические очерки
политической теологии и культурной антропологии
Богданов В. В.,
Ларионов С. В.	Почувствовать себя русским
Григорьев С. И.	Придворная цензура и образ Верховной власти (1831–1917)
Давыдов А. Ю.	Мешочники и диктатура в России. 1917–1921 гг.
Ханс Йоас	Креативность действия
Кессиди Ф. Х.	Идеи и люди. Историко-философские
и социально-политические этюды
Лебедев С. В.	Русские идеи и русское дело. Национально-патриотическое
движение в России в прошлом и настоящем
Миндлин А. Б.	Государственные, политические и общественные деятели
Российской империи в судьбах евреев. 1762–1917 годы.
Справочник персоналий
Мусихин Г. И.	Россия в немецком зеркале
Мусихин Г. И.	Власть перед вызовом современности. Сравнительный анализ
российского и немецкого опыта конца XVIII — начала XX вв.
Нефёдов А. М.	Цивилизованное общество и его противники
Нильсен Ф. С.	Глаз бури
Осипова Е. В.	Социология Вильфредо Парето. Политический аспект
Плахов В. Д.	Западная социология XIX–XX вв. От классики
до постнеклассической науки. Эпистемологическое обозрение
Савицкий В. Д.	Три века российского самовластия: сомнения, недоумения,
коррективы
Смирнов И. П.	Социософия революции
Яковлев И. А.	История человечества. История отношений человека и природы
как цивилизационный процесс

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
ЕВРОПЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

С. И. ГРИГОРЬЕВ

**П Р И Д В О Р Н А Я
Ц Е Н З У Р А
И ОБРАЗ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ
1831–1917**

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2007

УДК 32.001
ББК 66.01
Г83

*Утверждено к печати Учеными советами
Санкт-Петербургского института истории РАН
и Европейского университета в Санкт-Петербурге*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
и Фонда имени Дмитрия Сергеевича Лихачева
Проект № 06-01-92302д*

Научные рецензенты:

*Р. Ш. Ганелин, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук
(СПб институт истории РАН);
А. В. Блюм, доктор филологических наук
(СПб Государственный университет культуры и искусств)*

Григорьев С. И.

Г83 Придворная цензура и образ Верховной власти (1831–1917) /
С. И. Григорьев. — СПб. : Алетейя, 2007. — 480 с., [16] с. ил. —
(Серия «Левиафан: Государство. Общество. Личность»).

ISBN 978-5-91419-030-6

В научной монографии на основании большого количества архивных документов, большей частью впервые вводимых в научный оборот, исследуется деятельность придворной цензуры — одной из ведомственных цензур Российской Империи, существовавшей в 1831–1917 гг., которая занималась надзором за репрезентацией образов российских императоров и членов императорской фамилии посредством газет, книг, изобразительных, фото- и киноматериалов, предметов обихода. Как желала выглядеть Верховная власть в глазах своих подданных и всего мира? Какие черты своего образа подчеркивала? И что обусловило в конце концов провал этих усилий? На эти вопросы и отвечает эта книга. Издание предназначено для преподавателей и студентов гуманитарных факультетов высших учебных заведений, изучающих политическую историю России XIX–XX веков; историю журналистики и цензуры; историю фотографии и кинематографа; историю рекламы и PR; психологию политики, и других читателей, интересующихся историей России.

ISBN 978-5-91419-030-6

© С. И. Григорьев, 2007

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2007

© «Алетейя. Историческая книга», 2007

*Моим маме и папе —
людям, ради которых я живу*

ВВЕДЕНИЕ

Кризис консервативного мировоззрения, поразивший один за другим все слои российского общества в конце XIX в., имел огромное значение для судеб российского государства. Одна из главных задач современного историка, занимающегося данным периодом, — изучение факторов этого кризиса. Среди этих факторов важнейшее место занимает феномен образа Верховной власти. Прежде всего определимся в терминах. Понятие «образ» далее будет пониматься как «форма отражения объекта в сознании человека. На чувственной ступени познания образами являются ощущения, восприятия и представления, на уровне мышления — понятия, суждения, концепции, теории»¹. Таким образом, **понятие «образ Верховной власти» можно определить, как форму отражения Верховной власти в сознании подданных Российской Империи, понимаемую комплексно — на чувственном уровне и на уровне мышления.**

Репрезентация, представительство — черта, присущая любой власти². Образ власти является одним из способов выражения государственной идеологии, поскольку всякая государственная идеология должна быть соответствующим образом подана и адекватно воспринята населением. Сегодня формированию образа власти служат различные средства — государственные церемонии, телевидение, кинематограф, фотография, изобразительное искусство, литература.

Стратегии создания и репрезентации образов власти всех уровней разрабатывают специальные государственные и частные организации. Это направление практического социального знания получило название «политический ПИАР» (сокращение от английского понятия «public relation» — «связи с общественностью»).

В современной России проблема формирования образа власти в целом, равно как и образов отдельных руководящих лиц, имеет особую значимость — в силу сохраняющейся персонификации политической жизни, типичной для традиционного общества. В ситуации, когда идеологические различия между политическими лидерами зачастую перестают играть решающую роль, на первый план выходит изучение комплекса социокультурных представлений о власти: средств, которыми образы власти создаются, способов их репрезентации, особенностей восприятия этих образов современниками. В этой связи очень важно воссоздать историю репрезентации образов тех, кто столетиями воплощал высшую власть в нашей стране, — российских императоров и императриц.

В Российской Империи идеология и политика всегда были предельно персонифицированы. Соответственно, восприятие подданными государственной идеологии (а, стало быть, и идеологии Верховной власти) было в значительной мере обусловлено восприятием образа конкретного носителя Верховной власти — в его идеологической, политической и эстетической составляющих. Каждый российский император имел свое видение идеального монархического начала, которое и воплощал в своем собственном образе Верховной власти. Но свои представления о том, каким должен быть русский самодержец, имели и его подданные. Положительная (в целом) оценка современниками образа носителя Верховной власти означала совпадение его с их представлениями об идеальном монархе. В начале XX в. этого не произошло. Современники русской революции остались чужды тому воплощению монархического начала, которое предложили своим подданным последние представители романовской монархии: как известно, образы императора Николая II и императрицы Александры Федоровны к 1917 г. не вызывали симпатий у большинства населения. Встает закономерный вопрос: а занимался ли кто-нибудь целенаправленным формированием образа Верховной власти в Российской Империи? И существует ли конкретное лицо или учреждение, на которые следует возложить историческую ответственность за этот глобальный идеологический провал, приведший к столь катастрофи-

ческим последствиям? Это был ключевой вопрос, всегда волновавший автора. Ответом на него — прежде всего самому себе — стала данная книга.

Предлагаемая монография представляет собой оригинальное научное исследование своеобразного и совершенно не изученного административного феномена — цензуры Министерства императорского двора (МИДв), до сего времени остававшегося надежно скрытым от глаз как современников, так и потомков. Между тем, именно это ведомство должно было заниматься формированием образа Верховной власти в Российской Империи. Итак, в центре внимания — институт придворной цензуры и его практическая деятельность по регулированию процессов создания и репрезентации образа Верховной власти частными источниками информации путем надзора за соблюдением в печати уважения к Российскому императорскому дому. Берясь за эту тему, автор предвидел встающие перед ним трудности. Они были обусловлены как междисциплинарным характером исследования (находящегося на стыке нескольких наук — истории, социологии, политологии), так и уникальностью самой темы внутри исторической науки. Ведь проблема изучения придворной цензуры как инструмента по созданию образа Верховной власти лежит на пересечении традиционной истории (история государственных институтов; история цензуры как часть истории культуры) и новой области истории — исторической антропологии (история создания и репрезентации образа Верховной власти). Как эти трудности удалось преодолеть — решать читателю.

Исследовательскую логику данной работы можно образно представить в виде сужающейся спирали. Каждая из глав отвечает на свой вопрос, логически вытекающий из предыдущего. Так, глава I разрешает следующую проблему — на каких юридических основаниях существовала придворная цензура? В этой главе анализируется, в широком контексте, процесс формирования тех положений российского цензурного законодательства, которые стали юридической основой деятельности придворной цензуры. Глава II отвечает на вопрос, «что представлял собой институт, существовавший на выявленных юридических основаниях?». В ней рассматривается институциональное устройство Канцелярии МИДв как государственного института, в рамках которого придворная цензура функционировала большую часть времени. Глава III отвечает на вопрос, «чем именно занималась придворная цензура?», и исследует практическую деятельность придворной цензуры в рамках каждого из основных ее направлений.

Наконец, глава IV отвечает на вопрос, «кто именно руководил придворной цензурой?». В этой главе рассматриваются персоналии руководителей придворной цензуры — тех лиц, которые непосредственно принимали цензурные решения. Данный способ изучения, думается, позволил представить институт придворной цензуры в наиболее полном виде.

Что же предшествовало созданию придворной цензуры? Какова, так сказать, ее «предыстория»? Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся «в глубь веков». В Московской Руси, как и в других современных ей традиционных государствах, образ Верховной власти создавался (и одновременно репрезентировался) прежде всего посредством государственных церемоний. Они были разнообразны: венчания на царство, смотры войск и царского двора, царские походы на богомолье и на охоту, торжественные встречи иностранных и русских послов, наконец, погребальные процессии. Все эти акты были масштабными феерическими действиями, оставшимися в истории не в последнюю очередь благодаря глубокому впечатлению, произведенному ими на современников — участников и зрителей. Государственные церемонии являлись важнейшей частью культурной и политической жизни страны. Они были призваны утвердить в сознании подданных саму идею преклонения перед Верховной властью, они возвышали ее авторитет, показывали ее силу и могущество. Оставаясь на протяжении многих веков основным (наряду с Православной Церковью) создателем своего образа, Верховная власть всегда была монопольным, единственным источником его практического представления. Репрезентация осуществлялась путем непрямого личного участия носителей Верховной власти в празднествах. Подобная традиция сохранилась и в Российской Империи.

Развитие капиталистических отношений и ускорившийся технический прогресс поставили перед Верховной властью новую проблему. В первой трети XIX в. в России появилось определенное количество частных, финансово независимых от государства источников информации, пользующихся повышенным вниманием общества. Таковыми являлись производители печатной и изобразительной продукции — издатели газет и журналов, владельцы типографий и литографий. Эти предприниматели быстро осознали коммерческий потенциал любой информации, содержащей упоминания о персонах государя императора и членов императорской фамилии («высочайших особах», как их называли), и по собственной инициативе — из

коммерческих соображений — начали публиковать в периодической печати новости из придворной жизни и тиражировать различными способами изображения высочайших особ. По сути, предприниматели занялись независимой от государства репрезентацией образа Верховной власти. Со временем этот информационный поток получил широкое распространение и занял заметное место в процессе формирования информационного рынка в России в 1860–1870-е гг. Таким образом, уже к середине XIX в. прежняя монополия Верховной власти на репрезентацию своего образа оказалась фактически утраченной.

Новые технологии существенно расширили возможности репрезентации — теперь пышные государственные церемонии, которые проходили лишь время от времени, можно было дополнять постоянным выпуском печатных материалов о них, что многократно расширяло аудиторию зрителей этих актов. Кроме того, систематическая публикация в периодических изданиях различной информации об отдельных высочайших особах способствовала упрочению престижа этих персон в российском и европейском высших обществах. В этом российские императоры были весьма заинтересованы и потому не стремились к пресечению подобных частных инициатив. Однако жизненные реалии поставили перед Верховной властью проблему идеологического руководства этим новым информационным потоком. Процесс неконтролируемой репрезентации следовало упорядочить и поставить под особый надзор.

К середине XIX в. назрела необходимость в учреждении в России специального органа, занимающегося цензурой любой информации, содержащей упоминания о персоне государя императора и членов императорской фамилии. Цензуру такого рода не считали возможным поручить ведомству, осуществлявшему общую цензуру в государстве. Столь важная идеологическая задача должна была решаться в рамках Министерства императорского двора. В Российской империи учреждением, в компетенцию которого входила придворная цензура, стала Канцелярия МИДв.

Формирование образа Верховной власти может быть представлено в виде четырех составляющих его процессов:

- создание образа власти;
- репрезентация (представление) его внешнему миру;
- надзор за этими процессами;
- восприятие данного образа подданными.

Каждый процесс представляет отдельную обширную тему для изучения. Данная работа посвящена исследованию одного из них — процессу надзора за созданием и репрезентацией образа Верховной власти, осуществляемому посредством цензуры МИДв. Но что такое собственно цензура?..

Термин «цензура» имеет два значения: 1) «Надзор за печатью с целью предупреждения распространения вредных с господствующей в данное время в правящих сферах точки зрения произведений печати; 2) то учреждение, которому специально поручен таковой надзор»³. Пореформенное российское законодательство о печати определяло цензуру как «государственное учреждение, имеющее обязанностью охранять, в пределах печати, существующий, на основании законов, государственный строй»⁴. К началу XX в. — ко времени наивысшего развития института — придворная цензура осуществляла надзор над следующими видами информации:

- 1) упоминания в печати персон государя императора и членов императорской фамилии;
- 2) изображения высочайших особ на различных носителях;
- 3) публикации о деятельности императорских театров (относившихся к ведению МИДв);
- 4) упоминания в печати прочих установлений МИДв.

К теме данной работы относятся только два первых вида — поскольку именно они имеют отношение к формированию образа Верховной власти.

Отметим, что следует отделять процесс надзора за созданием и репрезентацией образа Верховной власти от карательной практики государства в области цензуры. Да, российское законодательство обязывало производителей, посредством органов общей цензуры, представлять в МИДв на предварительную цензуру все материалы, содержащие упоминания высочайших особ. В противном случае вступала в силу статья 1024 Уложения о наказаниях, согласно которой виновные — «хотя бы и содержание напечатанного и не заключало в себе ничего законопротивного»⁵ — наказывались денежным штрафом до 300 рублей и арестом на срок до трех месяцев. Но, с другой стороны, цензура МИДв являлась цензурой ведомственной и рассматривала только те материалы, которые прежде уже были пропущены органами общей цензуры. Понятно, что они заведомо должны были удовлетворять общим идеологическим требованиям, иначе эти материалы попали бы не в МИДв, а в Министерство внутренних дел (МВД) — для адми-

нистративного или судебного преследования. Исходя из этого, изучение деятельности общей цензуры, равно как и работа МВД в этой области, были исключены из данного исследования.

Придворная цензура не могла служить средством прямого создания (и репрезентации) образа Верховной власти (каким, например, были государственные церемонии). Действуя путем ограждения уже созданного образа от искажений и отклонений, отсекая всё несоответствующее гласным и негласным установкам носителей Верховной власти, подчеркивая одни и затушевывая другие черты, придворная цензура должна была стать своего рода «обратной связью» между создателями образа Верховной власти и его «потребителями». Давая подданным представление о том, каким должен был быть образ того или иного носителя Верховной власти в общественном сознании, цензура служила лишь инструментом опосредованного влияния на создание этого образа. Тем не менее, этот инструмент являлся важнейшим индикатором того, как желали выглядеть российские императоры и члены императорской фамилии перед внешним миром.

В конечном итоге придворная цензура была призвана способствовать созданию в глазах подданных такого образа Верховной власти, который соответствовал бы совершенному идеалу монархической государственности. Казалось бы, в этом случае речь могла идти не только о системе запретов, но и, в определенном смысле, о некой креативной функции придворной цензуры — подчинении ее деятельности идеологической сверхзадаче по формированию конкретных черт, составляющих положительный образ представителей романовской династии в глазах общества. Однако была ли в реальности поставлена перед придворной цензурой такая задача? Ответ на этот вопрос — ключевой для данной книги.

Хронологические рамки работы значительно уже хронологических рамок данной темы. Впервые в российском законодательстве понятие придворной цензуры было упомянуто в высочайшем повелении императора Николая I от 29 марта 1831 г. Прекратила же свое существование придворная цензура после февраля 1917 г. Фактические рамки данного исследования — 1855–1896 гг. Именно в этот период происходил процесс становления института придворной цензуры: сложилась ее бюрократическая структура, устоялись делопроизводственные практики, выработались основные идеологические подходы. Наконец, именно в данный период произошла окончательная легитимизация института цензуры (в 1870 г.), — и потому это время

представляется наиболее интересным. Тем не менее, в процессе исследования данные рамки при необходимости расширились.

Источниковую базу исследования составляют как неопубликованные, так и опубликованные источники. Первые представлены прежде всего материалами Российского государственного исторического архива (РГИА) из двух фондов: фонда 468 (Кабинета его императорского величества), насчитывающего 68 426 архивных дел, и фонда 472 (Канцелярии МИДв), включающего 42 572 архивных дела. Говоря о документации этого рода, следует различать два понятия, связанных с термином «дело». Под архивным делом далее будет пониматься архивная единица хранения, имеющая определенный номер и представляющая собой папку со сброшюрованными в хронологическом порядке документами (объемом 100–400 листов). Под цензурным делом будет пониматься комплекс документов по каждому отдельному обращению в цензуру МИДв (объемом до 10 листов). Таким образом, каждое архивное дело включает ряд цензурных дел за определенный период.

Корпус архивных источников по придворной цензуре можно разделить на три типа:

- 1) Текущие ежегодные архивные дела, ведущиеся на протяжении большей части истории придворной цензуры и охватывающие все виды поступающих на цензуру МИДв материалов. Таких дел, в свою очередь, существовало два типа, которые разделены по принципу поступления цензурируемых материалов: внутренний поток цензуры — материалы, поступающие из органов общей цензуры, внутри страны («О сочинениях, представляемых на цензуру МИДв»), и иностранный поток цензуры — материалы, поступающие из-за рубежа на таможи («О выпуске из таможи предметов с изображениями высочайших особ»)⁶. Именно эти два вида дел и будут находиться в центре данного исследования.
- 2) Текущие ежегодные архивные дела по цензуре какого-либо одного вида материалов: например, по цензуре во время путешествий высочайших особ, об утверждении рисунков медалей с изображениями высочайших особ, по цензуре кинофильмов, о сообщаемых известиях по двору.
- 3) Цензурные дела по ходатайствам конкретных лиц.

Внутри отдельных цензурных дел анализировались типовые, повторяющиеся в каждом деле документы, не имеющие особых намено-

ваний: «обращение», «отпуск», «доклад по делам», «справка» («записка для памяти»).

Второй вид неопубликованных источников — личные архивные фонды. Они представлены материалами Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) — фонда 1001 (А. А. Мосолова), и РГИА — фонда 919 (Воронцовых); фонда 1300 (В. Б. Фредерикса); фонда 1614 (Адлербергов); фонда 1654 (Половцовых), а также материалами Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) — фонда 601 (Половцовых); фонда 831 (Цензурные материалы); фонда 1000 (Собрание отдельных поступлений). Среди них особое место заняли ранее неопубликованные личные документы чиновников МИДв — мемуары В. С. Кривенко и дневники А. В. Половцова.

Опубликованные источники представлены мемуарами и дневниками российских государственных и общественных деятелей — П. А. Валуева, Д. А. Милютина, Е. А. Перетца, А. А. Половцова, С. Ю. Витте, В. Н. Ламздорфа, В. Ф. Джунковского, И. И. Толстого, А. А. Мосолова, В. Н. Воейкова, Н. А. Епанчина, В. П. Мещерского, А. В. Никитенко, Е. М. Феоктистова, А. Ф. Тютчевой, А. А. Толстой, М. Э. Клейнмихель, А. В. Богданович и др. При изучении мемуарных источников учитывались цель и время их создания. В ходе работы обнаруженные свидетельства, касающиеся изучаемой темы, по возможности подвергались сопоставлению на предмет выявления разночтений — для построения более целостной и непротиворечивой картины прошлого. Кроме того, использовалось издание «Список чинов Министерства императорского двора», выходившее ежегодно в 1859–1885, 1892, 1898–1901, 1903–1912, 1914 гг.

Историография темы обусловлена тем, что она, как уже отмечалось, одновременно относится к трем областям исторической науки: истории государственных учреждений (Канцелярии МИДв как основного учреждения, в обязанности которого она входила), истории цензуры (придворной цензуры как части истории общей цензуры), политической антропологии (истории создания и репрезентации образа Верховной власти). Вследствие этого, историография данной темы должна быть представлена отдельно во всех этих трех областях.

Историографию Канцелярии МИДв следует рассматривать в рамках историографии государственных учреждений Российской империи. Систематическое изучение государственных институтов началось в России с середины XIX в. Историки государственной школы отводили государству и его институтам центральное место в истори-

ческом процессе. Позднее юридические аспекты российской государственности изучались историками русского права. Однако внимание исследователей того времени занимали по преимуществу проблемы зарождения и формирования российской государственности в целом, иногда — история отдельных государственных и общественных институтов. История же высших государственных учреждений Российской империи (министерств, ведомств, комитетов) долгое время оставалась совершенно не разработанной — по двум причинам. Первая, объективная, причина заключалась в существовавшем до 1905 г. фактическом запрете на публикацию исторических сочинений, рассматривавших историю России после 1725 г.* Вторую, субъективную, причину этого положения привел крупнейший отечественный исследователь истории государственных учреждений Н. П. Ерошкин: «Дореволюционная историография почти не затрагивала формы правления России... Господствующие верхи не были заинтересованы в публичном освещении таинств управления даже в историческом плане»⁷. В начале XX в., в связи со столетним юбилеем министерской системы в России, в поле зрения историков впервые оказалась проблема учреждения министерской системы. Но история большинства государственных учреждений по-прежнему находилась вне научного изучения. В их числе было и Министерство императорского двора — вероятно, самое закрытое от общества министерство Империи. /

Единственной формой исторического изучения министерств в дореволюционной России были юбилейные ведомственные издания, составляемые чиновниками этих учреждений к юбилейным датам. Данный вид исторических исследований имеет общий недостаток — их составители предпочитали воздерживаться от аналитического осмысления приводимой информации — вероятно, следуя пожеланиям начальства. В тех же случаях, когда комментарии имелись, они естественным образом отражали официальную точку зрения на описываемые факты. Типичный для подобных трудов способ подачи исторического материала раскрыл составитель одного из таких изданий по истории МИДв, Н. Е. Волков: «...Я излагаю в нем лишь факты, почерпнутые мною из дел Министерства и из всеподданнейших докладов, в историческом их освещении и без всяких комментариев...»⁸. Можно предположить, что в отдельных случаях приводимая информация могла быть и недостоверна — проверить ее было невозмож-

* См. главу I данной книги.

но, ведь документация оставалась закрытой для доступа сторонних исследователей. Тем не менее, вследствие высокой насыщенности таких изданий разнообразной, пусть и требующей проверки информацией и отсутствия других исторических исследований ценность данного вида источников представляется весьма высокой.

Министерство двора в этом ряду стоит особняком. Издания, посвященного его истории в целом, так и не было опубликовано — подобные труды издавались только к юбилейным датам, а до своего столетнего юбилея (который наступил бы в 1926 г.) Министерство не «дожило». Тем не менее, работы по истории Министерства в целом (но охватывающие лишь определенный исторический период) неоднократно составлялись его служащими, хотя и не были опубликованы. Так, можно упомянуть «Краткий очерк деятельности Министерства императорского двора в первое 25-летие благополучного царствования государя императора Александра II (19.02.1855–19.02.1880)»⁹, составленный П. Т. Китицыным в 1880 г.; «Общий очерк к обзору деятельности Министерства императорского двора за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III (1881–1894)», составленный А. Н. Коковихиным в 1901 г.; «Очерк деятельности Министерства императорского двора и уделов за время 1897–1907 гг.»¹⁰, подготовленный Н. Е. Волковым в 1908 г. Составители этих работ рассматривали только институциональные изменения основных установлений Министерства. Весьма поверхностный характер этих работ, вызванный, как можно предположить, недостаточной исторической и литературной подготовкой их составителей, привел к тому, что они могут использоваться лишь как справочный материал, подлежащий перепроверке. Выходили издания и к юбилеям отдельных установлений в составе МИДв¹¹.

Единственным (до настоящего времени) изданием, посвященным истории Министерства в целом (хотя и только за один период), стал капитальный труд «Обзор деятельности Министерства императорского двора и уделов за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III. 1881–1894», подготовленный бывшим заведующим Канцелярией министра двора В. С. Кривенко¹². Это издание состояло из четырех томов: двух частей и приложений. В нем подробнейшим образом рассматривалась не только институциональная, но и финансовая сторона каждого из установлений МИДв. Фундаментальность подхода подразумевала большое количество справочного материала, сведенного в разнообразные таблицы.

Исследование было выполнено на весьма высоком научном уровне. Однако стремление составителя к «сухой», сугубо научной подаче информации привело к тому, что текст книги воспринимается по преимуществу как пояснение к огромному справочному материалу. При этом какой-либо анализ перечисляемых разнообразных фактов почти полностью отсутствует. Канцелярии МИДв уделено совсем немного внимания, даже области ее компетенции не рассмотрены — что вполне объяснимо, поскольку в период, которому посвящено это издание, Канцелярия была упразднена. Упомянута в этом труде и придворная цензура (единственный раз во всей дореволюционной историографии) — в перечне вопросов, перешедших в компетенцию Административного отдела Кабинета е.и.в. после реформы 1888 г.¹³

Наиболее интересное в научном плане юбилейное издание о МИДв — «200-летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704–1904». Это — единственное опубликованное до революции в полном смысле историческое исследование одного из учреждений МИДв. Его авторы — В. Н. Строев, П. И. Варыпаев и А. Н. Коковихин — исследовали историю Кабинета как государственного института, делая акцент на финансовой стороне его деятельности. Всю историю Кабинета авторы разделили на два неравнозначных периода: 1704–1786 гг., когда Кабинет являлся учреждением общегосударственного значения, обладавшим самой широкой компетенцией, и 1786–1904 гг., когда он был учреждением (сначала самостоятельным, затем в составе МИДв), ведающим только «Государево казначейство и Государевы имущества».

Главную свою задачу авторы видели в изучении первого периода. По их мнению, он представлял наибольший интерес, поскольку «роль Кабинета во втором периоде значительно сузилась и деятельность его направилась исключительно на изыскание средств для удовлетворения потребностей дворцового хозяйства и других расходов, исторически относившихся на Кабинет, а также на управление вверенными ему имуществами с целью извлечения из них доходов»¹⁴. Следствием такого подхода стала крайняя неравномерность распределения исторического материала: из девяти глав этого труда пять посвящены царствованию Петра I, и лишь одна глава (автор А. Н. Коковихин) — всей истории Кабинета после 1786 г. (т. е. 32 из 488 стр.). К тому же следует отметить, что исторический анализ в этой главе, на наш взгляд, значительно более поверхностен, чем в первой части работы. Тем не менее, содержащийся в данной работе фактический ма-

териал имеет большую научную ценность. Канцелярии МИДв автор касается лишь вскользь, а придворную цензуру не упоминает вовсе: при перечислении областей компетенции, перешедших из Канцелярии в Административный отдел Кабинета, она оказалась скрыта за формулировкой «другие вопросы административного и юридического характера»¹⁵.

В первые послереволюционные десятилетия изучение высших государственных учреждений Российской Империи практически не велось: внимание советской исторической науки было приковано к социально-экономическим проблемам. Возвращение к изучению их истории началось в конце 1950-х гг., в рамках возрастания общего интереса к внутривполитической проблематике. Как подчеркивал один из первых советских исследователей истории государственных учреждений Г. М. Горфейн, она «является важной, представляющей самостоятельный интерес областью общей истории России, освещающей развитие организации и деятельность сложнейшего механизма, посредством которого самодержавное дворянско-бюрократическое государство осуществляло свои функции по управлению громадной страной и политику защиты интересов господствующих классов... В то же время история государственных учреждений имеет и большое вспомогательное значение. Она — основа организации архивных материалов и надежное руководство при поиске среди них источников по самым разнообразным темам; к ней постоянно обращаются в ходе исследований для получения фактических сведений; она является важнейшим пособием при комментировании и публикации документов и т. д.»¹⁶. Н. П. Ерошкин обосновывал значимость данной области для советской исторической науки по-иному: «Государствоведческие аспекты помогают значительно расширить изучение исторических процессов, происходящих в социально-экономической жизни дореволюционной России, познать тот лагерь, который угнетал народные массы. Изучение политических институтов дореволюционной России имеет большое научное значение, помогает глубоко осмыслить особенности развития отечественной экономики, классов и классовой борьбы, революционного и общественного движения, внутренней и внешней политики дореволюционной России»¹⁷.

Однако роста исследовательского интереса к истории госучреждений не наблюдалось. Г. М. Горфейн отмечал, что эта область «разрабатывается все еще слабо, большей частью попутно с решением других исторических проблем»¹⁸. Н. П. Ерошкин уже в конце жизни

также писал, что «серьезным препятствием на пути создания глубокого обобщающего труда по истории государственных учреждений до 1917 г. является отсутствие исследований по истории подавляющего большинства высших, центральных и местных учреждений»¹⁹.

Со временем трудами Н. П. Ерошкина, П. А. Зайончковского, Ю. Б. Соловьева и др. был наработан огромный фактографический материал по общей истории государственного аппарата второй половины XIX в. Однако МИДв по-прежнему оставалось не изученным: советские историки лишь упоминали его в связи с какими-либо историческими сюжетами или конкретными персоналиями²⁰. При этом Канцелярия МИДв как отдельное учреждение в советских исторических трудах не упоминалась совсем. Таким образом, можно заключить, что в советское время изучение Министерства двора оказалось на далекой периферии — не только советской исторической науки вообще, но и внутри данной области (истории государственных учреждений) в частности. Причина этого, как представляется, заключалась в следующем. Предполагалось, что в первую очередь должны изучаться структуры, лежавшие в основе материальной жизни государства и общества, — т. е. составлявшие, по марксистским канонам, «базис» — финансы, экономика, промышленность. Области же, которые можно было отнести к «надстройке», — культура, идеология, религия и т. д. — в соответствии с господствующей доктриной ситуацию в дореволюционной России не определяли, а потому считались в советской историографии второстепенным направлением для изучения. Более того, научный интерес к изучению «надстройки» в то время был, вероятно, даже несколько подозрителен и требовал обязательной подстраховки. Обратим внимание на характерную ссылку на марксистскую догму, как бы оправдывающую научный интерес к этому направлению: «Экономика и социальные отношения находились в тесной связи с политической надстройкой страны: самодержавием, бюрократией, государственными учреждениями. Политика классов и классовых государств всегда опиралась на экономическую силу, но, возникнув на определенной экономической базе, политическая надстройка оказывала активное обратное на развитие экономическое строя, содействовала этому развитию или, наоборот, задерживала его»²¹. На первый план здесь выдвигается доказанный «классиками» факт взаимовлияния базиса и надстройки в обществе — конечно, при сохранении непререкаемого приоритета экономики. Что же касается МИДв, то его «реакционная эксплуататорская сущность» как

государственного института была настолько очевидна и бесспорна, что научная корректировка этого положения в том или ином направлении представлялась несущественной.

Первым советским историком, обратившимся к изучению одного из установлений, вошедших впоследствии в состав МИДв, стала Е. И. Индова, опубликовавшая в 1964 г. работу по экономической истории дворцового хозяйства в XVIII в.²² Автор на большом документальном материале анализирует экономическое развитие дворцовых вотчин в различных регионах страны, изучает их финансовое положение, прослеживает происходившие в них социальные изменения. Данная работа, относящаяся к экономической истории, рассматривает то, что в советской науке называлось «развитием производственных сил и производственных отношений» — но в среде дворцового хозяйства. В одной из глав автор кратко касается и истории центральных установлений дворцового аппарата, прослеживая всю властную вертикаль, от Главной дворцовой канцелярии в столице до низового вотчинного аппарата на местах.

Также к экономической истории относится и монография Г. П. Жидкова о земельной деятельности Кабинета е.и.в.²³ Эта выдающаяся работа является единственной в советской историографии специально посвященной истории одного из установлений в составе МИДв (правда, только одной из граней его деятельности). На основе материалов сибирских архивов автор анализирует историю землевладения российских императоров в Алтайском и Нерчинском округах, находившихся в управлении Кабинета е.и.в. Автор детально исследует земельную, переселенческую и фискальную политику Кабинета на подведомственных территориях, анализирует его хозяйственную и финансовую деятельность. Г. П. Жидков рассматривает и институциональную историю Кабинета, в связи с чем касается общей истории всего Министерства. Автор впервые вводит понятие функций МИДв, за каждую из которых отвечало определенное установление в его составе. Всего Г. П. Жидков выделяет четыре функции: представительскую, придворно-церемониальную, престижную и меценатскую, финансово-хозяйственную²⁴. Впервые в отечественной историографии в этой работе проводится различие между институтами удельного ведомства и Кабинета и разграничение их областей компетенции. Канцелярия МИДв упоминается в этой монографии только вскользь.

Первым историком, обратившимся к изучению МИДв в целом, как государственного института, стал Н. П. Ерошкин. Он так опре-

делял его место и значение в истории России: «Министерство императорского двора было важным звеном российского абсолютизма, на той стадии его развития, когда слияние имущественных интересов и средств абсолютного монарха и государства было уже неприемлемым и потребовалось их более четкое разделение... Создание Министерства императорского двора явилось, таким образом, тоже элементом общих процессов развития абсолютизма дореформенной России»²⁵. Отмечая особое положение МИДв в системе государственного управления, Ерошкин подчеркивал прежде всего материальный аспект его деятельности: «Это было административно-хозяйственное ведомство, обеспечивавшее наивысший материальный уровень жизни императора и всей императорской фамилии, позволявшее поддерживать в глазах подданных (особенно широких народных масс) и правительств других стран внешний престиж абсолютного, неограниченного монарха»²⁶. Впервые в советской историографии Н. П. Ерошкин привел полный перечень установлений в составе Министерства (в числе которых была и Канцелярия МИДв), но не рассматривал отдельно их функции и деятельность.

Выходившие в постсоветский период исторические энциклопедические издания²⁷ и монографии²⁸ содержали лишь краткие справочные данные по общей институциональной истории МИДв, не касаясь деятельности отдельных установлений в его составе. Исключение составила биографическая статья Д. И. Исмаил-Заде, посвященная одному из министров двора — И. И. Воронцову-Дашкову²⁹. Рассматривая период министерства Воронцова-Дашкова (1881–1897 гг.), автор касается и произведенных при нем в МИДв реформ. Другим исключением стала небольшая статья челябинской исследовательницы И. В. Несмеяновой, посвященная МИДв в целом³⁰. Автор кратко обозначает институциональное устройство МИДв: общие законодательные основы, его место в системе центрального управления, структуру министерства, основные направления деятельности главных установлений в его составе. И. В. Несмеянова упоминает и некоторые стороны его финансовой деятельности: приводит основные источники финансирования и данные о содержании министров по штатному расписанию. Несмотря на малый объем, данная статья имеет большую научную ценность вследствие своей информативной насыщенности. Касаясь функций основных установлений в составе Министерства, автор упоминает и Канцелярию МИДв, отмечая, что она «являлась одним из важнейших общих установлений, решавших вопросы адми-

нистративного характера по всем учреждениям МИДв», а в ее компетенцию входила также деятельность Министерства как придворного ведомства³¹.

Историографическая ситуация начала меняться только в последние годы. Отправной точкой стало издание третьего тома коллективного труда «Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917». Впервые в отечественной историографии в нем была представлена исчерпывающая справочная информация не только по МИДв в целом (как государственному институту), но и по каждому из установлений, в разное время входивших в его состав. Канцелярии МИДв посвящена отдельная глава³², в которой детально рассматривается ее структура, функции и области компетенции подразделений, персональный состав руководства. В числе прочих областей компетенции соответствующего подразделения Канцелярии упомянута и придворная цензура. Некоторые аспекты истории Министерства двора затронуты в статьях³³ автора этой книги.

Историографию придворной цензуры как части института цензуры следует рассматривать в контексте историографии общей цензуры. Изучение истории общей цензуры в России началось в 1860-е гг. — в рамках подготовки цензурной реформы. Дореволюционные работы по истории общей цензуры выходили преимущественно в 1862–1865 гг. и 1903–1905 гг. — поскольку именно в эти периоды политических «оттепелей», в ходе подготовки цензурных реформ 1865 г. и 1905 г. образованное российское общество старалось донести свое мнение о желаемых переменах до правительства. Первыми изданиями в этой области стали «Исторические сведения о цензуре в России» и «Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г.», подготовленные П. К. Щербальским. Если первая книга представляла собой очерк истории цензурных учреждений в России, написанный с позиций государственной власти, то вторая — включила все постановления по цензуре, когда-либо принятые в Российской Империи.

Для дореволюционной историографии истории цензуры в России характерна крайняя хронологическая неравномерность изучения — общих исследований, охватывающих длительные периоды, было мало. Чаще всего рассматривались только две кратких, хотя и переломных исторических эпохи: процесс подготовки и принятия первого цензурного устава (юбилейные публикации, появившиеся к его столетнему юбилею в 1903–1904 гг.) и время подготовки цензурной реформы (1859–1865 гг.). Авторы подходили к историческому изучению сугубо

с прикладной точки зрения: стараясь привязать свои исторические экскурсы к текущей общественно-политической ситуации, они рассчитывали сделать свою политическую позицию более весомой.

С идеологической точки зрения, историографию цензуры можно, вслед за советской исследовательницей Ю. И. Герасимовой³⁴, разделить на две неравные части. Одну из них Герасимова назвала «официозно-охранительной», другую — «буржуазно-либеральной». Границу между ними она обозначила, исходя из оценки отношения авторов к роли Верховной власти в цензурных послаблениях. Так, согласно мнению исследовательницы, представители первой историографической традиции — П. К. Щербальский, С. В. Рождественский, О. Нотович, К. К. Арсеньев — считали, что инициатором пересмотра законов о печати выступала сама Верховная власть, пришедшая к выводу о необходимости дать средствам печати определенную свободу. Вторые — А. М. Скабичевский, Н. А. Энгельгардт, М. К. Лемке, Г. А. Джаншиев, В. Розенберг, В. Якушкин — подвергали первых критике с либеральных позиций и полагали, что изменения правительственной политики в области печати происходили под усиливающимся давлением общественного мнения.

Данное положение, думается, нужно дополнить другим, более важным основанием, разделяющим эти историографические традиции, — особенностью их подхода к изучаемому предмету. Для представителей «официозно-охранительного» течения было характерно рассмотрение истории цензуры с юридической позиции. Авторы, в большинстве своем юристов, интересовала прежде всего практика применения цензурного законодательства. При этом имевшие место нарушения действующих законов подвергались ими суровой критике, но сами цензурные законы, как правило, принимались как данность. Можно сделать вывод, что представители этого течения изучали, по сути, историю цензурного права; другими словами, они смотрели на проблему цензуры как бы «сверху», со стороны государства. Авторы же «буржуазно-либерального» направления (по преимуществу литераторы), напротив, рассматривали цензуру как бы «снизу» — как средство ограничения и давления власти на литературу. Характерно мнение одного из таких авторов, В. Якушкина: «Для того чтобы правильно оценить создание какого-либо писателя, то или другое периодическое издание, всегда более или менее отражающее в себе вопросы, идеи времени, необходимо иметь в виду цензурные условия, влиявшие на эти произведения печати. Мы только тогда можем

судить о писателе, об его взглядах, когда примем во внимание степень свободы, ему предоставленной»³⁵. Эти авторы рассматривали историю цензуры как часть истории литературы, связывающую ее с общественно-политическими реалиями времени, и почти не исследовали законодательную политику в этой области.

Таким образом, институциональная история органов общей цензуры осталась в дореволюционной историографии цензуры совершенно не исследованной. Что же касается придворной цензуры, то, будучи цензурой ведомственной, она не относилась к органам общей цензуры, а потому о ней даже не упоминали. К тому же не следует забывать о том, что пишущая публика большей частью не имела дела с придворной цензурой напрямую (с ней сносилась цензура общая), и с ней не были связаны никакие заметные политические скандалы той эпохи, которые могли бы привлечь к ней внимание общества. Все это привело к тому, что придворная цензура тоже оказалась полностью исключенной из поля зрения дореволюционных историков.

Советская историография не имела ни одной общей работы по истории цензуры в России. Продолжая изучать цензуру прежде всего как часть истории литературы, большинство советских исследователей видело в ней только средство борьбы «самодержавия» с «революционным движением». Советские историки журналистики и книжного дела сосредоточили свое внимание на правительственных преследованиях отдельных писателей и публицистов, преимущественно революционно-демократического толка, на изучении истории конкретных большевистских или оппозиционных изданий, на деятельности единичных «прогрессивных» книгоиздателей. Существовал в советской историографии и ряд работ, рассматривавших цензуру с точки зрения развития цензурного законодательства. Также как и представители первого направления, авторы этих трудов рассматривали особенности преследования оппозиционной литературы, но лишь через призму изменений запретительной политики государства в области печати, причем только в течение определенного периода. Характерно мнение одного из таких авторов, И. В. Новожиловой. «История русской печати, развитие российского законодательства о печати и цензура в XIX – начале XX века свидетельствуют о том, что цензурная политика царизма определялась стремлением самодержавия к всемерному подавлению прогрессивной общественной мысли и духовной свободы человека, а позднее социально-демократических и марксистских идей, распространяемых через печатные издания»³⁶.

Единственным автором во всей историографии цензуры, который отметил сам факт существования придворной цензуры, стал И. В. Оржеховский. В числе прочих законодательных мер, направленных на изменение и сужение Временных правил 1865 г., он упомянул «установление для всех видов изданий предварительной цензуры Министерства императорского двора при публикации материалов, касающихся членов императорской фамилии»³⁷. Однако дальше этого упоминания не пошел и он.

Зарубежная историография российской цензуры крайне невелика и представлена, насколько известно, только работами Ч. А. Рууда³⁸, занимавшегося периодом подготовки цензурной реформы 1865 г. Продолжая «официозно-охранительную» дореволюционную традицию, Рууд исследовал прежде всего законодательный аспект и придворную цензуру не упоминал.

Качественный прорыв в изучении темы совершила В. Г. Чернуха³⁹. Рассматривая практические механизмы создания правительственной политики в области печати, автор проследила, как проходила ее практическая реализация. Впервые в отечественной историографии В. Г. Чернуха детально исследовала процесс зарождения общественного мнения в России в конце 1850-х гг. и оценила его влияние на процесс формирования правительственной политики в области цензуры. Чернуха обратилась к изучению институционального аспекта темы, проанализировав бюрократические взаимоотношения различных министерств, комиссий и органов общей цензуры. Наконец, к неоспоримым достоинствам этой монографии следует отнести то, что в ней впервые в советской историографии оценена по достоинству (хотя и с оговорками) роль собственно носителя Верховной власти в вопросах подготовки и проведения цензурной реформы: «Можно утверждать, что Александр II в полной мере определял лицо правительственной политики в делах печати, диктуя не только ее основы, но в ряде случаев и ее частные проявления...»⁴⁰. Придворная цензура В. Г. Чернухой не упоминалась.

В постсоветский период той же исторической эпохой занималась Н. Г. Патрушева⁴¹. Ее внимание также сосредоточилось на институциональном аспекте темы. Анализируя законотворческую деятельность комиссий и Государственного Совета по разработке цензурных нововведений в начале 1860-х гг., исследовательница выделила несколько направлений в правительственной политике по вопросам цензуры и печати и детально проследила пути их реализации в конкретных мерах. Н. Г. Патрушева впервые рассмотрела реализацию

дальнейших цензурных мер, принятых после 1865 г. — вплоть до 1905 г. Однако эта часть ее работы, вследствие сжатости, имеет определенные недостатки. Так, упоминая важнейшие, по ее мнению, цензурные нововведения, Патрушева обошла вниманием тему придворной цензуры, хотя эта проблема вполне вписывается в заявленные автором рамки цензурных «контрреформ».

В последние годы появились исследования, охватывающие всю историю общей цензуры за двести лет ее существования, — работы Г. В. Жиркова⁴². Занимаясь цензурой в рамках истории журналистики, автор продолжил «буржуазно-либеральную» традицию взгляда на цензуру, как на часть истории литературы. Жиркова в первую очередь интересует, как то или иное цензурное постановление влияло на положение печати. В одной из работ исследователь коснулся и темы придворной цензуры: говоря о деятельности Николая I как верховного цензора, Г. В. Жирков упомянул акт 2 января 1831 г.⁴³

В новейшей литературе по истории цензуры имеется и еще одно упоминание придворной цензуры; в монографии М. М. Шевченко, посвященной истории общей цензуры в николаевское время, придворная цензура приведена в общем ряду ведомственных цензур⁴⁴.

Историография создания и репрезентации образа Верховной власти в России насчитывает всего около десятилетия. Как уже отмечалось, формирование образа власти может быть представлено в виде четырех составляющих его процессов: создания образа власти; репрезентации (представления) его внешнему миру; надзора за этими процессами; восприятия созданного образа подданными. В последние годы начато исследование первого, второго и четвертого процессов.

Изучению истории создания и репрезентации образа Верховной власти в Российской Империи посвящен труд Р. Уортмана «Сценарии власти»⁴⁵. Эта двухтомная работа стала первым (и до сего времени единственным) общим историческим исследованием в области политической антропологии, созданным на российском материале. Она имеет особое значение для данной темы, и потому на ней следует остановиться.

Предмет исследования Р. Уортмана — символический и мифологический аспекты в истории российской монархии нового времени. Результатом стало создание оригинальной культурологической концепции мифа и ритуала. Автор вводит новые понятия — индивидуального сценария царствования и основополагающих мифов российской монархии. Индивидуальные сценарии царствования создавались русскими императорами, от Петра I до Николая II, придавая индивидуальный

смысл каждому правлению и определяя соответствующее значение основных публичных церемоний относительно основополагающего мифа. Основополагающих мифов российской монархии, по Уортману, в разное время существовало два: европейский и национальный.

Со времен Петра Великого и до Александра II образ царя был обусловлен европейским мифом. Для него было характерно «возвышение» монарха в системе социального мировосприятия прежде всего через подчеркивание инородного, чужеземного происхождения правителя и правящей элиты, через мотив завоевания и имперского господства. Фигура императора олицетворяла идею секуляризованного абсолютистского государства, построенного на основе европейских моделей. Он был представлен как богоподобный герой — носитель имперских культурных ценностей, некая персонификация динамического начала, благодаря которому страна движется к прогрессу и благосостоянию. Согласно Р. Уортману, в этот период миф и ритуал императорской России сосуществовали, не вступая в противоречие друг с другом.

Введение в политическую символику российской монархии нового, национального, мифа было начато Александром III после потрясения 1881 г. Перемена выразилась в демонстративном отрицании основ европейского наследия в монархической традиции — значения Санкт-Петербурга как столицы Империи, роли бюрократии и государственных институтов. Новый миф имел несколько основных отличий от прежнего. Во-первых, он напрямую освящал личный авторитет царя как помазанника Божия, дискредитируя при этом ценности формальных государственных законов и институтов. Во-вторых, он объявлял Православную Церковь главной выразительницей национальных ценностей, заменивших в новом мифе материальное благополучие и прогресс в качестве основных целей самодержавия. В-третьих, новый миф оправдывал и превозносил сословные учреждения, дворянство и крестьянскую общину в качестве социальной опоры царской власти. Таким образом, в национальном мифе содержался скрытый отказ от ряда основных ценностей самодержавия. Обосновав свою власть не прежним имперским, а в первую очередь религиозным и национальным началами, Александр III, утверждает Уортман, изменил традиционные монархические ценности. Результатом этого изменения стало все возрастающее несоответствие между политическим мифом и ритуалом самодержавия.

Выбранная позднее Николаем II роль царя-богомольца (в рамках национального мифа) оказалась принципиально несовместима с вызо-

вами времени — и именно в этом заключалась, по мнению Р. Уортмана, одна из коренных причин кризиса самодержавной государственности в России. Произошедшие изменения послужили причиной подрыва основ существования тех ценностей и социальных групп, посредством которых русские монархи осуществляли правление на протяжении двух веков, — высшей бюрократии, европеизированной аристократии и дворянства. Таким образом, Уортман отвергает традиционную точку зрения, согласно которой — в силу логики формационного подхода (марксистская парадигма) или конституционного развития (либеральная традиция), — российское «самодержавие» считалось косным и реакционным институтом. Монархия в России, утверждает Уортман, была способна адаптироваться к вызовам времени, включая нововведения в основной монархический миф, и, соответственно, изменяла репрезентационные практики. Яркими примерами активного отношения российской монархии к историческим изменениям стали не только «вестернизация» и формирование европейского монархического мифа, но и попытка национализации монархии — с помощью включения в самодержавный консервативный миф идеи национальности, а также создание моделей массового политического участия при помощи новых возможностей для формирования образа Верховной власти, появившихся в конце XIX в.

Необходимо отметить, что само наличие внутреннего генезиса идеологии Верховной власти (ранее всегда рассматривавшейся, напомним, только в статике, как некое неизменное «самодержавие») впервые в мировой историографии постулировано именно Р. Уортманом. Данный вывод имеет огромное значение для настоящего исследования. Проблема авторства «сценариев власти», также впервые поставленная Р. Уортманом (носители Верховной власти являлись только основными «авторами» и «исполнителями» своего «сценария», но воплощали его в жизнь другие, зачастую малоизвестные лица, которые по сути являлись «соавторами» императоров), стала своего рода «отправным пунктом» для автора этой книги.

Исследование Р. Уортмана положило начало дальнейшему изучению процессов создания и репрезентации образа Верховной власти. Следует отметить, что отечественная постсоветская историография по данной теме чрезвычайно скудна. Причина этого, возможно, в том, что она до сих пор находится; так сказать, «в тени» капитального труда Р. Уортмана, при всех его известных недостатках фактически закрывшего, на наш взгляд, тему церемониальных репрезентаций в охваченный им период российской истории. Можно упомянуть монографию

А. К. Левыкина⁴⁶, посвященную царским воинским церемониям XIV–XVII вв., статью О. Б. Мельниковой⁴⁷, рассматривающую изменения в придворных праздничных ритуалах XVII–XVIII вв., статью А. В. Скоробогатова⁴⁸, анализирующую процесс создания образа императора Павла I.

Двух других процессов, составляющих формирование образа Верховной власти (надзора и восприятия созданного образа) Р. Уортман почти не касается (да это, надо думать, и не являлось его целью). Однако совсем обойти вниманием эти смежные темы в таком фундаментальном исследовании было нельзя. Р. Уортман — единственный автор, специально рассмотревший деятельность частных источников информации, из коммерческих соображений занимавшихся репрезентацией образа Верховной власти. Этой теме посвящена часть 14 второго тома⁴⁹, хронологически охватывающая вторую половину царствования Николая II. Уортман описывает различные средства репрезентации, имевшиеся тогда в распоряжении монархии, — монеты, марки, фотооткрытки, сувениры, брошюры, кинофильмы. С помощью этих средств образ императора и его семьи — в официальной и частной жизни — тиражировался для широкой публики. Говоря о фильмах с участием высочайших особ, Уортман упоминает и придворную цензуру, кратко отмечая, что она разработала особые правила демонстрации таких фильмов (при этом Уортман сослался на монографию Ю. Цивьяна, вышедшую в Англии)⁵⁰.

Между тем роли фотографии и кинематографа, как новых средств репрезентации образа Верховной власти, посвящен целый ряд публикаций отечественных исследователей, занимающихся историей кино. Во всех работах упоминается придворная цензура, но только в связи с рассмотрением фото- и кинопродукции с участием императорской семьи. Первой среди таких публикаций следует назвать книгу известного советского историка дореволюционного кинематографа С. С. Гинзбурга⁵¹, который отметил, что большей частью ранней российской кинохроники были фильмы, изображающие императорскую семью. Именно Гинзбург первым в отечественной историографии еще в 1963 г. упомянул придворную цензуру: он сообщил, что разрешение на съемку и показ таких фильмов давали в Министерстве двора, где были разработаны специальные правила их показа⁵². Назвал он и основного автора этих фильмов — придворного фотографа А. К. Ягельского (ошибочно именуюя его «К. фон Ган»).

Более подробно роль А. К. Ягельского, как создателя первых хроникальных фильмов о жизни Николая II и членов его семьи, была

рассмотрена в статье В. К. Белякова⁵³. Автор касается некоторых аспектов взаимоотношений фотографа с руководством МИДв, отдает должное новаторским идеям А. К. Ягельского в области репрезентации образа Верховной власти. В. К. Белякову принадлежит также честь первой в отечественной историографии публикации документов из архива Министерства императорского двора: в 1993 г. он опубликовал полный список фильмов А. К. Ягельского с участием императорской семьи за 1900–1903 гг.⁵⁴

Близкой теме посвящена и статья А. И. Барковец⁵⁵, занимавшейся фотографической деятельностью Николая II. В этой публикации также упоминается придворная цензура; автор рассматривает бюрократический механизм работы Канцелярии МИДв с А. К. Ягельским, в ходе которой его снимки разрешались к распространению.

Изучению деятельности другого фотографа, работавшего с императорской семьей в конце XIX в. — Б. А. Матушевского, — посвящена статья В. П. Магидова⁵⁶. Автор детально анализирует съемочную практику Матушевского в России в 1897–1898 гг., поднимает вопрос и о его официальном статусе. Одним из первых В. П. Магидов обращается к архивным делам Канцелярии МИДв; на основе документов переписки Б. А. Матушевского с руководством Министерства исследователь выстраивает достоверную картину притязаний фотографа на финансовую помощь. Следует отметить и статью Р. Янгирова, в которой рассматриваются обстоятельства первой в России киносъемки коронационных торжеств в Москве в мае 1896 г. В этой связи автор касается и деятельности чинов придворной цензуры, готовивших эти празднования, — в частности, упоминает делопроизводителя Канцелярии МИДв Н. И. Оприца⁵⁷.

Среди работ, посвященных изучению истории кинематографа, как одного из новых средств репрезентации образа Верховной власти, заметное место занимает статья С. Казакова и С. Казаковой, которые оценивают значение кино в жизни царской семьи. В этой небольшой, но весьма информативной работе, созданной на основе материалов архива Канцелярии МИДв, авторы детально рассматривают механизм проведения «кинематографических спектаклей» при дворе, которые устраивали А. К. Ягельский, Б. А. Матушевский, А. О. Дранков и другие деятели. Упоминают исследователи и придворную цензуру, приводя конкретные примеры запретов⁵⁸.

Придворная цензура один раз была упомянута и в более позднее время — правда, вновь лишь в связи с цензурой кинофильмов. Это

упоминание имело место в работе З. И. Перегудовой⁵⁹, посвященной истории политической полиции в Российской империи. Говоря о деятельности Департамента полиции в отношении кинематографа, исследовательница приводит цитату из «Правил для г.г. владельцев театр-иллюзионов и других заведений, демонстрирующих кинематографические ленты», разработанных одесской полицией для местного пользования в 1912 г. и принятых позднее за основу при издании циркуляров на центральном уровне. Эти правила регулировали самые разнообразные вопросы, связанные с практической организацией кинематографов. Они содержали и пункты, касавшиеся правил цензуры и демонстрации лент с изображением особ императорской фамилии. В «Правилах...» отмечалось, что разрешение на показ таких фильмов может быть дано только МИДв, а в пункте, регламентирующем демонстрацию таких фильмов, дословно цитировались формулировки аналогичных правил из типовых разрешений, выдаваемых Канцелярией МИДв⁶⁰.

З. И. Перегудова иллюстрирует практическое применение этих правил примерами конкретных дел из фонда № 102 Департамента полиции ГАРФ, относящихся к 1905 и 1913 гг. К сожалению, при этом автор допускает фактическую неточность. Говоря о случае, имевшем место в 1905 г., и справедливо отмечая, что «закон для всех отснятых лент был одинаков — необходима предварительная цензура и разрешение Министерства императорского двора», Перегудова ошибочно утверждает, что официально «это решение было принято несколько позже»⁶¹. На самом деле обязательная придворная цензура кинофильмов с участием высочайших особ и правила подобных показов были учреждены еще 28 сентября 1898 г., отношением МВД № 6600. Данная ошибка вполне объяснима: несмотря на широкое применение этого положения, оно так и не было кодифицировано. Говоря об отношении императорской семьи к кинематографу, З. И. Перегудова упоминает и «личного фотографа семьи» А. К. Ягельского⁶². Несмотря на отмеченную неточность, обращение автора к теме придворной цензуры представляется весьма важным; насколько известно, это первое применение темы придворной цензуры к конкретному историческому исследованию. Вообще, можно заключить, что придворная цензура кино и фотопroduкции в царствование Николая II — единственный аспект изучаемой темы, который сегодня активно исследуется.

Четвертый из составляющих процесса формирования образа Верховной власти — восприятие образа подданными — долгое время на-

ходилась вне поля зрения историков. Первой к его изучению обратилась Г. В. Лобачева⁶³, занимающаяся кризисом консервативного мировоззрения в России в конце XIX — начале XX веков. Впервые в отечественной историографии автор детально рассматривает социально-психологические особенности восприятия образа Верховной власти массовым сознанием и влияние этого образа на монархические идеалы. Придворную цензуру Г. В. Лобачева не упоминает.

Итак, можно сделать вывод, что в историографии — как отечественной, так и зарубежной — на сегодняшний день не существует ни одного специального исследования, посвященного: Канцелярии МИДв — как учреждению, в составе которого находилась придворная цензура; придворной цензуре — как части института цензуры; и придворной цензуре — как средству надзора за формированием образа Верховной власти. Таким образом, институт придворной цензуры оказался фактически полностью «выпавшим» из историографии России.

Данная монография основана на материалах кандидатской диссертации, подготовленной автором в 2000–2003 гг. в стенах Европейского Университета в Санкт-Петербурге. Заканчивая введение, автор считает неперенным долгом выразить самую искреннюю признательность своему учителю — Р. Ш. Ганелину, без которого эта книга просто не могла быть написана. Автор приносит благодарность декану факультета истории Европейского Университета в Санкт-Петербурге М. М. Крому и сотрудникам ЕУСПб И. В. Гуркиной и Д. Ю. Милютину, а также сотрудникам Санкт-Петербургского института истории РАН В. В. Лапину, С. В. Куликову и сотруднику Российской национальной библиотеки Д. Н. Шилову.

¹ Образ // Философия. Энциклопедический словарь. М., 1989. С. 432.

² Мельникова О. Б. Образ Империи: церемониальные процессы в России XVII–XVIII вв.: (Сравнительный анализ) // Образы власти в политической культуре России. М., 2000. С. 95.

³ Цензура // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. СПб., 1903. Т. 37-А. С. 948.

⁴ Сборник узаконений и распоряжений правительства по делам печати. СПб., 1878. С. 2.

⁵ Уложение о наказаниях. (Свод законов Российской Империи. Т. XV. Гл. V. Отд. 2. Ст. 1024). Цит. по: Устав о цензуре и печати / Сост. В. П. Ширков. СПб., 1900. С. 192.

⁶ Наименования дел со временем менялись.

- ⁷ *Ерошкин Н. П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX века). М., 1981. С. 7.
- ⁸ РГИА. Ф. 472 (Канцелярии Министерства императорского двора). Оп. 43. Д. 67. Л. 9.
- ⁹ Там же. Оп. 66. Д. 256.
- ¹⁰ Там же. Оп. 43. Д. 67.
- ¹¹ См., напр.: Столетие Уделов. 1797–1897. СПб., 1897; История уделов за столетие их существования. СПб., 1902; 200-летие Кабинета его императорского величества (1704–1904). Историческое исследование. СПб., 1911; Обзор деятельности Кабинета его императорского величества за 1906–1915 гг. Пг., 1915; *Волков Н. Е.* Двор российских императоров в его прошлом и настоящем. СПб., 1900; Юбилейная памятка Конвойной стражи. 1811–1911. СПб., 1911; *Бровцын В. П.* 50-летие Кассы Министерства императорского двора (1864–1914). СПб., 1914.
- ¹² Обзор деятельности Министерства императорского двора и уделов за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III (1881–1894). СПб., 1901.
- ¹³ Там же. Ч. 1. С. 73–75.
- ¹⁴ 200-летие Кабинета его императорского величества (1704–1904). Историческое исследование. С. VIII.
- ¹⁵ Там же. С. 437–438.
- ¹⁶ *Горфейн Г. М.* Основные источники по истории высших и центральных учреждений XIX – начала XX вв. // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX – начала XX веков: Сб. ст. Л., 1967. С. 73.
- ¹⁷ *Ерошкин Н. П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX века). С. 3.
- ¹⁸ *Горфейн Г. М.* Основные источники по истории высших и центральных учреждений XIX – начала XX вв. С. 74.
- ¹⁹ *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 21.
- ²⁰ См., напр.: *Давидович А. М.* Самодержавие в эпоху империализма. М., 1975. С. 181–183; *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. С. 168–170; *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978. С. 48.
- ²¹ *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. С. 3.
- ²² *Индова Е. И.* Дворцовое хозяйство в России. (Первая половина XVIII века). М., 1964.
- ²³ *Жидков Г. П.* Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск, 1973.
- ²⁴ Там же. С. 54.
- ²⁵ *Ерошкин Н. П.* Министерства России первой половины XIX века — фондообразователи центральных государственных архивов СССР. М., 1980. С. 74.

- ²⁶ Там же. С. 73–74.
- ²⁷ См., напр.: *Ерошкина А. Н.* Министерство императорского двора // Государственность России. Словарь-справочник. М., 1997. Т. 3. С. 79–80; *Панина А. Л.* Министерство императорского двора // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. М., 2000. Т. 3. С. 596.
- ²⁸ См., напр.: *Шепелев Л. Е.* 1) Титулы, мундиры, ордена в Российской Империи. Л., 1991; 2) Чиновный мир России XVIII – начала XX веков. СПб., 1999; *Раскин Д. И.* Исторические реалии российской государственности и русского гражданского общества в XIX веке // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 5. С. 662–830.
- ²⁹ *Исмаил-Заде Д. И.* Илларион Иванович Воронцов-Дашков // Исторические силуэты. М., 1999. С. 20–62.
- ³⁰ *Несмеянова И. В.* Управление императорским двором в XIX веке // Вестник Челябинского Университета. Серия 7: Государственное и муниципальное управление. 1998. № 1. С. 59–65.
- ³¹ Там же. С. 61.
- ³² Высшие и центральные государственные учреждения России (1801–1917 гг.). СПб., 2002. С. 146–166.
- ³³ *Григорьев С. И.* 1) Был ли консерватизм идеологией Верховной власти в предреволюционной России? // Русь, Россия: политические аспекты истории (материалы XXIV Всероссийской заочной научной конференции). СПб., 2002. С. 88–92; 2) Историческая антропология — «на обломках самовластия» // КЛИО. 2002. № 1(16). С. 165–169; 3) Придворная цензура как инструмент создания образа верховной власти в Российской империи: юридический аспект // Источник. История. Историк: Сб. науч. работ. СПб., 2002. Вып. 2. С. 169–238; 4) Канцелярия Министерства императорского двора как государственный институт // Там же. СПб., 2003. Вып. 3. С. 150–177; 5) Институт цензуры Министерства императорского двора // Государственный аппарат и реформы в России: К 200-летию министерской системы: (Материалы междунар. науч. конф. 24–25 октября 2002 г.). СПб., 2003. С. 123–134; 6) Институт цензуры Министерства императорского двора: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2003; 7) Придворная цензура и печатная реклама // СМИ–2004. Средства массовой информации в современном мире: (Тез. науч.-практ. конф. 21–22 апреля 2004 г.). СПб., 2004. С. 13–14; 8) Царская PR-служба // Советник. 2004. № 10. С. 48–49; 9) Придворная цензура в царствование императора Николая I // Новая политическая история: (Сб. науч. работ). Серия «Источник. История. Историк». СПб., 2004. Вып. 4. С. 61–76; 10) Изменения в титуловании носителей верховной власти Российской Империи (по материалам придворной цензуры) // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: (Материалы V Междунар. науч.-теорет. конф., 24 декабря 2004 г.).

- СПб., 2004. С. 235–241; 11) Придворная цензура предметов широкого потребления // Цензура и доступ к информации: история и современность: (Тез. Междунар. науч. конф. 16–18 марта 2005 г.). СПб., 2005. С. 19–22; 12) Придворная цензура — последняя ведомственная цензура Российской империи // Цензура в России: история и современность: (Сб. науч. тр.). СПб., 2005. Вып. 2. С. 8–34; 13) Упоминания высочайших особ как товар: (по материалам придворной цензуры) // Телескоп. 2006. № 3 (57). С. 44–48; 14) «Императорский» ширпотреб // Родина. 2006. № 7. С. 109–112; 15) Упоминания высочайших особ как товар: (по материалам придворной цензуры) // Клио. 2006. № 2 (33). С. 120–125; 16) Упоминания высочайших особ как символический капитал // Социс. 2006. № 10. С. 124–131; 16) Министры двора и императоры: типология взаимоотношений // Человек в контексте своего времени: опыт историко-психологического осмысления: (Материалы XX Междунар. науч. конф. 18–19 декабря 2006 г.). СПб., 2006. Ч. 1. С. 194–199; 17) *Кривенко В. С.* В Министерстве Двора: Воспоминания. СПб., 2006. (*Григорьев С. И.* — вступ. ст., подгот. текста, именной указатель); 18) Придворная цензура — первая PR-служба в истории России // КЛИО. 2006. № 4 (35). С. 125–127.
- ³⁴ *Герасимова Ю. И.* Правительственная политика Александра II в области печати в годы первой революционной ситуации (конец 50-х — начало 60-х гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1974. С. 3–4.
- ³⁵ *Розенберг В., Якушкин В.* Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М., 1905. С. 1.
- ³⁶ *Новожилова И. В.* Политика царского правительства в области законодательства о печати (1905–1914 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1971. С. 5.
- ³⁷ *Оржиховский И. В.* Администрация и печать между двумя революционными ситуациями (1866–1878 гг.). Горький, 1973. С. 77.
- ³⁸ *Riud Ch. A.* 1) The Russian Censorship (1855–1865). Berkeley, 1965; 2) Fighting Words Imperial Censorship and the Russian Press. Toronto, 1982.
- ³⁹ *Чернуха В. Г.* Правительственная политика в отношении печати в 60–70-е годы XIX в., Л., 1989.
- ⁴⁰ Там же. С. 33.
- ⁴¹ *Патрушева Н. Г.* Цензурная реформа в России 1865 г.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1990.
- ⁴² *Жирков Г. В.* 1) История цензуры в России XIX века. СПб., 2000; 2) История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001.
- ⁴³ *Жирков Г. В.* Век официальной цензуры // Очерки русской культуры XIX века. М., 2000. Т. 2. С. 189.
- ⁴⁴ *Шевченко М. М.* Конец одного величия. М., 2003. С. 79.
- ⁴⁵ *Wortman R. S.* 1) Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton, 1995. Vol. 1: From Peter the Great to the Death of Nicholas I;

- 2) *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. Princeton, 2000. Vol. 2: From Alexander II to the Abdication of Nicholas II. Рус. перевод: Уортман Р. Сценарии власти: миф и церемония в русской монархии. М., 2000.
- ⁴⁶ Левыкин А. К. Воинские церемонии и регалии русских царей. М., 1997.
- ⁴⁷ Мельникова О. Б. Образ Империи: церемониальные процессии в России XVII–XVIII вв. (Сравнительный анализ). С. 95–115.
- ⁴⁸ Скоробогатов А. В. Образ монарха в официальной идеологии России на рубеже XVIII–XIX веков // *Философский век. Альманах 17: История идей как методология гуманитарных исследований: (Материалы междунар. конф. 27–30 сентября 2001 г., Санкт-Петербург)*. СПб., 2001. С. 225–231.
- ⁴⁹ Wortman R.- S. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. Vol. 2. Chapt. Fourteen "Publishing the Tsar". P. 481–502.
- ⁵⁰ Tsivian Y. *Early Cinema in Russia and Its Cultural Reception*. London, 1994.
- ⁵¹ Гинзбург С. С. Кинематография дореволюционной России. М., 1963.
- ⁵² Там же. С. 33–34, 56–57.
- ⁵³ Беляков В. К. Царская хроника — опыт кинопубликации // *Киноведческие записки*. 1993. № 18. С. 23–37.
- ⁵⁴ Беляков В. К. Каталог съемок А. К. Ягельского // *Киноведческие записки*. 1993. № 18. С. 98–106.
- ⁵⁵ Барковец А. И. Император Николай II — «остановленное мгновение» // Николай II. Семейный альбом. Каталог фотовыставки. М., 1998. С. 19–26.
- ⁵⁶ Магидов В. П. Итоги кинематографической и научной деятельности Б. Матушевского в России // *Киноведческие записки*. 1999. № 43. С. 268–280.
- ⁵⁷ Янгиров Р. Начало «царской» хроники // *Искусство кино*. 1995. № 3. С. 59.
- ⁵⁸ Казакова С., Казаков С. «Их Императорских величеств синематограф» // *Искусство кино*. 1995. № 3. С. 63–64.
- ⁵⁹ Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000.
- ⁶⁰ Там же. С. 321–322.
- ⁶¹ Там же. С. 327.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Лобачева Г. В. Самодержец и Россия: образ царя в массовом сознании россиян (конец XIX – начало XX веков). Саратов, 1999.

ГЛАВА I

ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРИДВОРНОЙ ЦЕНЗУРЫ

Данная глава не предполагает детального исследования истории общего цензурного законодательства России; в этой главе рассматривается процесс кодификации лишь тех его положений, которые стали юридической основой идеологической деятельности придворной цензуры (цензура упоминаний в печати государя императора и членов императорской фамилии и изображений высочайших особ на различных носителях). Однако, думается, было бы неправомерно рассматривать историю изучаемого вопроса вовсе вне исторического контекста. В связи с этим возникает необходимость в выборе варианта периодизации общей истории цензуры в России. Для такой периодизации могут быть использованы различные основания: хронологическое (по царствованиям), юридическое (по действовавшим цензурным уставам), принципиальное (по базовому принципу, лежавшему в основе работы цензуры, — осуществлялась ли она до выхода произведения в свет или после). Предпочтение, на наш взгляд, должно быть отдано третьему варианту, как наиболее важному, затрагивающему сам смысл цензуры: понимается ли под ним предотвращение возможного или преследование уже совершенного цензурного нарушения. Впервые данная периодизация была предложена известным русским историком права Н. А. Энгельгардтом¹, выделившим три периода:

1. XVIII в. — период отсутствия правовой регламентации;
2. 1804–1865 гг. — период действия предварительной цензуры;
3. 1865 г. и далее — период действия карательной цензуры.

История цензурных положений, ставших законодательной основой деятельности придворной цензуры, значительно отличается от

истории общего цензурного законодательства и потому нуждается в особой периодизации. Она включает четыре этапа.

1. **Период до кодификации норм придворной цензуры (1723–1804 гг.)** — когда общее цензурное законодательство в России еще не существовало, и отдельные цензурные положения, регулировавшие процесс репрезентации образа Верховной власти частными производителями, принимались по конкретным поводам.
2. **Кодификация норм придворной цензуры в царствования императоров Александра I и Николая I (1804–1857 гг.)** — когда общее цензурное законодательство в виде цензурных уставов уже возникло, однако цензурные положения, относящиеся к теме исследования, находились в процессе становления и не были выделены в сводную юридическую норму.
3. **Кодификация норм придворной цензуры в царствование императора Александра II (1857–1870 гг.)** — когда данная сводная юридическая норма вошла в общее цензурное законодательство, но еще не приняла завершенную форму.
4. **Кодификация норм придворной цензуры после ее введения в законодательство как института (1870–1917 гг.)** — когда искомая юридическая норма приняла завершенную форму в виде единой статьи 73 в составе цензурного законодательства и тем окончательно легитимизировала институт придворной цензуры.

Хронологические рамки данной периодизации основываются на следующих обстоятельствах. Нижний предел был выбран, исходя из традиционного взгляда историков российской цензуры, ведущих отсчет с 1720 г. и не включающих в предмет своего изучения законодательные акты предшествующих исторических эпох. Эта традиция идет от первых изданий по истории цензуры в России, выпущенных в 1862 г. П. К. Щербальским. Другим обоснованием выбранного нижнего предела стал источник, обнаруженный автором в Российском государственном историческом архиве, — перечень статей Полного собрания законов Российской Империи (ПСЗ), касающихся областей компетенции отдельных установлений в составе МИДв². Этот перечень был составлен в конце 1890-х гг. чиновником Канцелярии МИДв В. А. Ивановым и содержит ссылки на законодательные акты, относившиеся к придворной цензуре, также начиная с 1723 г. Что касается верхнего предела, то он обусловлен тем, что в 1917 г. институт придворной цензуры прекратил свое существование.

1. ПЕРИОД ДО КОДИФИКАЦИИ НОРМ ПРИДВОРНОЙ ЦЕНЗУРЫ (1723–1804 гг.)

В допетровское и большую часть петровского времени цензурного законодательства в России не существовало. Со времени своего возникновения в XVI в. все типографии в стране были государственными или церковными и находились под непосредственным надзором властей, и потому надобности в какой-либо законодательной регламентации цензуры не возникало.

Как известно, история общей цензуры в России ведет отсчет с указа Петра I от 5 октября 1720 г. Вызван он был жалобой местоблюстителя патриаршего престола С. Яворского на типографии Киевской митрополии, не желавшие представлять ему для предварительного просмотра печатавшиеся ими духовные книги. Император поддержал авторитет Яворского. А вскоре, 25 января 1721 г., был опубликован «Регламент или устав Духовной Коллегии», распространивший это принятое по частному вопросу решение на все аналогичные случаи: «...аще кто о чем богословское письмо сочинит, и тое б не печатать, но перве презентовать в коллегииум. А коллегииум рассмотреть должно, нет ли какового в письме оном погрешения, учению православному противного»³. Таким образом, отметим, что цензура в России впервые возникла именно в предварительной форме и была введена поначалу только по отношению к духовной литературе.

В конце царствования Петра I был издан и первый законодательный акт, относящийся к изучаемой теме. Он регламентировал надзор за процессами создания и репрезентации внутри страны образа Верховной власти изобразительными средствами. 21 января 1723 г. супер-интендант И. И. Заруднев объявил Сенату именной указ Петра I, гласивший, что: «Его Императорское Величество указал продаваемые в Москве по разным местам и обретающиеся по домам живописные Его Императорского Величества и Благоверных Государыни Императрицы персоны, которые неискусно невеждами писаны, усмотря прилежно Супер-Интенданту Зарудневу, обрат в Синод, и впредь так неискусно невеждами писать и никому продавать и в домах иметь отнюдь не велеть, и о том учинить жестокое запрещение, а велеть такие персоны искусно писать свидетельствованным в добром мастерстве живописцам, со всякою опасностью и с прилежным тщанием, сего над ними оному Зарудневу и надзирать»⁴.

Следующий прецедент имел место уже в царствование Елизаветы Петровны. В руки императрицы неизвестными путями попали два листа с портретами ее самой и наследника Петра Федоровича, «неискусным мастерством, и нимало несходны». 6 апреля 1744 г. Елизавета отдала их генерал-прокурору князю Н. Ю. Трубецкому с повелением, «...чтоб такие листы, також и доски, которыми те листы печатаются, обобрав во всех местах, и впредь таковых неисправных... печатать и продавать запретить». В результате розыска «...показанных листов в Москве в разных местах собрано, а именно: в Спасских воротах Печатного двора у батырщика Федора Елизарова 22, Архангельского собора у дьячка Андрея 22 ж, за Спасскими воротами Новгородского подворья, у ворот Барашской слободы купца Никифоровской жены Ивановской, у вдовы Прасковьи Васильевой 29, и того 73, в том числе Ея Императорского Величества 50, Его Императорского Высочества 23, да Большой Таможни у сторожа Конона Тимофеева досок медных 2, таковых же листов больших и малых 18, которые при том объявлены».

В ответ на последовавший запрос Святейший Синод (из чего можно сделать вывод, что изучаемая проблема относилась тогда к духовной цензуре) представил справку, из которой следовало, что И. И. Заруднев, определенный к этому делу еще Петром, давно умер, а на смену ему «к тому смотрению» никто определен не был. Императрица приказала допросить продавцов о других подобных «листах и досках», все собранное сдать в Сенатский Архив, «...и впредь им таковым неисправным и неискусным письмом мастерам Ея Императорского Величества и Его Императорского Высочества, портретов не печатать и писать и в продажу употребить запретить, и в том им объявить Указ с подпискою, також и прочим всякого чина людям, таковых неискусным мастерством портретов не печатать и не писать же; и буде у кого в домах таковые портреты на листах и на картинах и доски, которыми такие портреты печатаны, есть, оные велеть объявить им в Сенате немедленно, и [о] том чрез Полицию публиковать, и обывателям объявить с подписками...». А для того чтобы не допустить подобного впредь, императрица повелела: «Для смотрения над живописцами, чтоб такие писаны были... добрым и искусным мастерством, Главному Магистрату выбрав живописного мастера, человека в том мастерстве совершенно искусного, представить в Правительствующий Сенат немедленно...»⁵. В этом же указе Елизавета назначила впредь, «до будущего Указа», осуществлять надзор за столичными живописцами художника И. Вешнякова.

Новый порядок был подтвержден указом Сената от 11 марта 1747 г., объявившим «во всенародное известие», что живописец Академии художеств И. Соколов, которому императрица заказала «вырезать на меди самым добрым и чистым мастерством» свой портрет, прекрасно выполнил эту работу. Портрет был «Всемилоостивейше апробирован» и признан Елизаветой настолько хорошим, что один его экземпляр она передала в Сенат как образец, «...дабы... худым мастерством и неоствою работою высоких портретов Ея Императорского Величества нигде не делали... а делали б и писали наподобие вышеописанного... под опасением, ежели кем не искусно те портреты... деланы будут, наижесточайшего истязания без всякой пощады»⁶. Указ подтвердил полномочия И. Вешнякова как надзирающего за живописцами столицы, равно как и полномочия другого неназванного лица, выбранного ранее главным магистратом Москвы на аналогичную должность.

Еще через четыре года императрица Елизавета вновь обратилась к той же проблеме. Однако теперь речь шла не об изобразительных средствах, а о печати. Именным указом от 3 ноября 1751 г. предписывалось, «...чтоб отныне в печатаемых Русских газетах, в которые вносятся артикулы о происхождениях при Дворе Ея Императорского Величества, яко о пожалованных в чины и о бывшем в минувшем Октябре месяце Ея Императорского Величества в Красном селе похода, в котором артикуле упоминается, что Ея Императорское Величество изволила забавляться псовой охотою, подобных тому артикулов, отколь бы оные для печатания ни присланы были, отнюдь печатать не велеть, но оные артикулы прежде печатания объявлять в кабинет Ея Императорского Величества для апробации Ея Величества»⁷. Этот указ стал первым в российском законодательстве актом, регламентирующим процессы создания и репрезентации образа Верховной власти отечественными частными источниками информации. В условиях абсолютной монархии было вполне естественно, что эта прерогатива принадлежала исключительно самому носителю Верховной власти — что и подчеркивалось в указе.

Императрица Екатерина II, проводившая в России большую законотворческую работу, темы придворной цензуры, однако, не касалась вовсе, во время ее царствования не появилось ни одного законодательного акта, регламентирующего этот вопрос. Не была начата ею и систематическая кодификация общего цензурного законодательства. Можно предположить, что отсутствие у Екатерины интереса к проблеме цензуры объяснялось, в числе прочего, и влиянием на

мировоззрение императрицы идей Просвещения. Моральный фактор этих идей подразумевал приоритет личной нравственности, прививаемой каждому сознательному гражданину воспитанием. Вероятно, для Екатерины гораздо важнее было воспитание у подданных благонамеренности и добропорядочности, как средств самоконтроля, чем разработка системы формальных ограничений свободы слова сверху, цензурным путем. При этом Екатерина II старалась личным примером дать своим подданным образец этих качеств.

Деятельность императора Павла I по созданию и репрезентации нового образа Верховной власти недавно стала предметом отдельного исследования⁸. Павел I, так же как и его предшественница, не стал проводить кодификацию общего цензурного законодательства. Он внес единственное кодифицированное законодательное дополнение, касавшееся изучаемого вопроса, повелев 29 апреля 1799 г., чтобы «...за исправностью по городам живописных Императорской Фамилии портретов имели наблюдение начальствующие в Губерниях и городах»⁹.

Справедливым представляется вывод О. Нотовича, полагавшего, что в XVIII в. «...цензурная деятельность развивалась без всякого заранее обдуманного плана, путем административной практики. Каждое цензурное постановление вызывалось каким-нибудь чрезвычайным случаем и, вследствие этого, отличалось крайне односторонним и неопределенным содержанием... Цензура продолжает развиваться путем одних случайностей, постоянно блуждая из одного ведомства в другое, то разбиваясь на отдельные функции, то опять смешиваясь в одном учреждении и беспрерывно осложняясь сепаративными указами»¹⁰.

Действительно, выходившие в этот период некодифицированные цензурные предписания, регламентировавшие процессы создания и репрезентации образа Верховной власти отечественными частными источниками информации, «...имели совершенно случайный характер и издавались по поводу отдельных книг или журналов»¹¹. В XVIII в. российские императоры и императрицы по-прежнему предпочитали традиционный путь создания и репрезентации своего образа — через личное участие в государственных церемониях. Реальной конкуренции между ними и частными производителями печатной и изобразительной продукции в репрезентации (и тем более в создании) образа Верховной власти не возникало, независимых от государства источников информации было еще слишком мало. Таким образом, монополия Верховной власти на эти процессы в данный период сохранялась.

2. КОДИФИКАЦИЯ НОРМ ПРИДВОРНОЙ ЦЕНЗУРЫ В ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТОРОВ АЛЕКСАНДРА I И НИКОЛАЯ I (1804–1857 гг.)

С воцарением императора Александра I в истории цензуры началась новая эпоха. 9 июля 1804 г. был утвержден первый цензурный устав, который официально ввел в России предварительную цензуру. «Ни одна книга или сочинение не должно быть напечатано в Империи Российской, не выпущено в продажу, не быв прежде рассмотрено Цензурою»¹². Цензура была отнесена к ведению Министерства народного просвещения (МНП). Целью цензурного рассмотрения, заявленной в уставе 1804 г., был отнюдь не запрет, но желание «...доставить обществу книги и сочинения, способствующие к историческому просвещению ума и образованию нравов, и удалить книги и сочинения, противные сему намерению»¹³.

Устав 1804 г. впервые кодифицировал нормы цензуры, охранявшие неприкосновенность Верховной власти. Цензурные ограничения по данному вопросу регламентировала статья 15, устанавливавшая, что цензура должна наблюдать, «чтобы ничего не было... противного Закону Божию, *Правлению* [курсив наш — С. Г.], нравственности и личной чести какого-либо гражданина»¹⁴. Следует отметить, что положения, регулировавшие надзор за созданием и репрезентацией образа Верховной власти частными источниками информации, в этот устав не были включены вообще.

Обращает на себя внимание тот факт, что само понятие «Верховная власть» отсутствовало среди перечисленных охраняемых позиций. Правда, ниже, в статье 19, регламентировавшей действия цензоров при обнаружении крамолы, это понятие все же появляется (единственный раз в данном уставе): «Если же в Цензуру прислана будет рукопись, исполненная мыслей и выражений, явно отвергающих бытие Божие, вооружающая против веры и законов отечества, оскорбляющая *Верховную Власть* [курсив наш — С. Г.]... то Комитет немедленно объявляет о такой рукописи Правительству, для отыскания сочинителя и поступления с ним по закону»¹⁵. Подобная несогласованность может быть объяснена существовавшей в российском законодательстве, и в тот период, и позднее, терминологической неопределенностью юридического значения термина «Верховная власть». Действительно, ни один официальный законодательный акт, вошедший в ПСЗ, не содержит четкого определения этого термина. И это не случайно. Надо ду-

мать, сам сакральный характер природы Верховной власти был здесь непреодолимым препятствием, отнюдь не способствовавшим детальной юридической разработке данного понятия. Любая попытка терминологического или юридического определения его границ всегда расценивалась как попытка ограничения.

И современники, и потомки были солидарны в положительной оценке цензурного устава 1804 г. Историк литературы начала XX века Н. Н. Булич, например, полагал, что «это был самый мягкий из всех наших цензурных уставов, по крайней мере, он был составлен с целью дать большой простор мысли и печатному слову, был выражением лучшей ноты царствования Александра. Уставом 1804 года остались довольны все: после недавних строгостей цензуры его мягкое отношение к печатному слову и уважение мысли обрадовали писателей»¹⁶. Историк цензуры П. К. Щебальский, выразивший, как считалось, официальное мнение цензурного ведомства в начале 1860-х гг.¹⁷, писал: «Устав 1804 года есть самый снисходительный из всех действовавших у нас цензурных уставов и едва ли не самый лучший, потому что он самый краткий; последующие уставы, особенно устав 1826 года, старались предусмотреть все виды отклонения мысли от указанного ей пути и этим самым затрудняли применение цензурных правил»¹⁸.

Со временем Верховная власть начала укрепляться во мнении о необходимости более строгого цензурного надзора за печатью. В 1810 г. цензура была передана в ведение только что созданного Министерства полиции, вместе с которым и перешла в 1819 г. в МВД. С 1820 г. началась разработка нового цензурного устава, который должен был зафиксировать изменившееся отношение правительства к цензуре. Работы эти затянулись, и новый устав был утвержден уже следующим императором, Николаем I, 10 июля 1826 г.

Устав 1826 г. возвратил цензуру в МНП, где впервые было образовано отдельное цензурное ведомство. Новый устав утверждал и новые цели цензурного рассмотрения: теперь они заключались в том, чтобы «...произведения словесности, наук и искусств... дать полезное или, по крайней мере, безвредное для блага Отечества направление»¹⁹. Отдельно оговаривалась основная обязанность цензуры, состоявшая «в ограждении Святыни, *Престола* [курсив наш — С. Г.], постановленных от него властей, законов Отечественных, нравов и чести народной и личной от всякого, не только злонамеренного и преступного, но и неумышленного на них покушения»²⁰.

Нормы цензуры, охранявшие неприкосновенность Верховной власти и — впервые в цензурном законодательстве — уважение к императорскому дому, были кодифицированы в уставе 1826 г. самым подробным, грозным и вместе с тем невнятным образом: «Все, что, в каком бы то ни было отношении, обнаруживало в сочинителе, переводчике или художнике нарушителя обязанностей верноподданного к священной Особе Государя Императора и достодолжного *уважения к Августейшему Его Дому* [курсив наш — С. Г.], подлежит немедленному преследованию; а сочинитель, переводчик или художник, задержанию и поступлению с ним по законам»²¹.

Один из следующих параграфов был обращен уже к цензорам: «...цензоры, при рассматривании всякого рода произведений, обязаны всевозможное обращать внимание, чтобы... отнюдь не вкрадывалось ничего, могущего ослабить чувства преданности, верности и добровольного повиновения постановлениям *Высочайшей Власти* [курсив наш — С. Г.] и законам Отечественным»²². Ниже еще и еще раз утверждалось: «Всякое сочинение или перевод, в котором прямо или косвенно порицается Монархический образ правления, подвергается запрещению... Запрещаются всякие рассуждения, в которых говорится, без надлежащего уважения, о Государях, Правительствах и политических властях вообще...»²³. Из приведенных фрагментов хорошо видно главное отличие устава 1826 г. от всех прочих: постановления его были очень подробны и во многом дублировали друг друга. Являясь необыкновенно строгим, этот устав стал самым громоздким в истории российской цензуры — 230 параграфов против 47 статей предыдущего.

Впервые в устав вошли и статьи, регламентировавшие процесс создания и репрезентации образа Верховной власти частными источниками информации. «При рассматривании всякого рода изображений, представляемых к одобрению для гравирования или литографирования, наблюдается: 1) Чтобы оные имели нравственную, полезную или, по крайней мере, безвредную цель; 2) Чтобы не были оскорбительны Правительству, народной чести, какому-либо сословию вообще или лицу в особенности; и 3) *Чтобы портреты Лиц Августейшей Фамилии имели художественное достоинство, приличествующее изображению Особ Высочайшего Дома, и желательное в сих случаях сходство* [курсив наш — С. Г.]»²⁴. В сомнительных случаях устав предписывал Главному цензурному комитету — высшей цензурной инстанции — обращаться за консультацией в Академию художеств²⁵. Устав 1826 г. содержал и еще

одну новацию: он впервые регламентировал порядок публикации посвящаемых произведений. «Никакие стихи, посвящения и сочинения, надписанные Государю Императору и Особам Высочайшего Дома, не могут быть напечатаны: в первом случае, без Высочайшего разрешения; а в последнем, без соизволения тех лиц, кому они поднесены или надписаны»²⁶.

Устав 1826 г. получил у современников определение «чугунный»; он «...оказался слишком далеко идущим даже для той эпохи»²⁷. Можно согласиться с историком цензуры В. Розенбергом, полагавшим, что, несмотря на все строгости, устав 1826 г. «...предоставлял широкое поле для всяких произвольных толкований»²⁸. Даже министр народного просвещения С. С. Уваров впоследствии признавал, что этот устав содержал в себе «...множество дробных правил и был очень неудобен для практики»²⁹. Действовал этот устав недолго. Уже в 1827 г. министр внутренних дел В. С. Ланской, начав работу по составлению особого цензурного устава, посвященного иностранной цензуре (отсутствовавшей в прежних уставах), столкнулся с необходимостью отступить от сути некоторых параграфов. Император, склонившийся к мнению, что невозможно и даже опасно брать всю литературу под полную опеку правительства, повелел не только не придерживаться правил прежнего устава, но пересмотреть его в целом. Новый, сокращенный, устав (158 пунктов) был утвержден 22 апреля 1828 г. (по ПСЗ — Собр. 2. Т. 3. № 1979). Он просуществовал с дополнениями до 1865 г., значительная же его часть сохранялась без изменений вплоть до 1905 г. Цензура осталась в МНП, однако общее наблюдение было теперь возложено на III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Высшая цензурная инстанция, несколько расширенная в своем составе, получила наименование Главного управления цензуры.

Обязанности цензуры были сформулированы теперь так: «...рассматривать произведения Словесности, Наук и Искусств, назначаемые к изданию в свет внутри Государства... а равно и привозимые из-за границы, и дозволить издание или продажу тех только из оных, кои в целом составе и в частях своих не противны изложенным... общим правилам»³⁰. Правила же эти содержали лишь четыре основания для запрещения (составляли пункт 3 устава и оставались в силе почти 80 лет, до ноября 1905 г.):

«1) Когда в оных содержится что-либо клонящееся к поколебанию учения Православной Грекороссийской Церкви, ее преданий и обрядов, или вообще истин и догматов Христианской Веры; 2) Когда в оных

содержится что-либо нарушающее неприкосновенность Верховной Самодержавной Власти или уважение к Императорскому Дому [курсив наш — С. Г.] и что-либо противное коренным Государственным постановлениям; 3) Когда в оных оскорбляются добрые нравы и благопристойность; и 4) Когда в оных оскорбляется честь какого-либо лица непристойными выражениями или предосудительным обнародованием того, что относится до его нравственности или домашней жизни, а тем более клеветой»³¹.

По неизвестным причинам в этот устав не вошли положения из прошлого устава, регламентировавшие процесс формирования образа Верховной власти частными источниками информации и порядок публикации посвящаемых произведений. Однако появилась новация, вызванная, надо думать, возросшей внешнеполитической активностью России в этот период: «В рассматривании сочинений Исторических и Политических, Цензура ограждает неприкосновенность Верховной Власти, строго наблюдая, чтобы в оных не содержалось ничего оскорбительного, как для Российского Правительства, так и для Правительств, состоящих в дружественных с Россиею сношениях»³². Это — единственные статьи данного устава, касающиеся изучаемой темы.

Представляется интересным проанализировать приведенные положения всех трех уставов. Прежде всего обращает на себя внимание коренное различие заявленных целей цензурного рассмотрения. Устав 1804 г. возвышенно формулирует эту цель в типичных терминах эпохи Просвещения («историческое просвещение ума», «образование нравов» и т. д.) и считает нужным в первую очередь не запрещать, но «доставлять» обществу достойные книги. Необходимо отметить, что законодатель образца 1804 г. предполагает преследовать виновных только в случаях «явного (т. е. осознанного, злонамеренного — С. Г.) оскорбления» Верховной власти, оставляя без наказания ситуации с неумышленным ущербом.

Устав 1826 г. также возвышен и неконкретен, однако «во главу угла» он ставит намерение придать подцензурным материалам определенное, «полезное» или «безвредное», направление. Таким образом, за цензурой впервые утверждалась роль активного идеологического руководителя. Характерно и желание составителей устава преследовать уже не только «злонамеренное и преступное» «покушение», но и «неумышленное» — т. е. имеются в виду превентивные меры, вновь выдающие желание законодателя играть патерналист-

скую роль. Наконец, устав 1828 г. предельно прагматичен: цензура теперь должна только «рассматривать» подцензурные материалы, и «дозволять» только те из них, которые не противоречат установленным «общим правилам». Генезис законодательных формулировок ясен — от оставшейся в наследство высокопарности Просвещения через декларативность зарождающейся «официальной народности» к конкретике и буржуазному прагматизму.

Порядок охраняемых цензурой позиций, напротив, устанавливается уже в первом уставе и затем лишь повторяется, с определенными исключениями. На первом месте во всех уставах находится Закон Божий («Святыня» 1826 г.) — общее понятие, приведенное к наиболее полной и корректной формулировке лишь в уставе 1828 г. На втором месте везде стоит позиция, получившая оптимальную форму также лишь в уставе 1828 г. Термин 1804 г. «Правление» — крайне размытый и не делавший различия между Верховной властью и государством — превратился в уставе 1826 г. в «Престол» и «постановленные от него власти». Заметим, что в 1826 г. данное разделение уже вполне осознается законодателем, однако конкретные виды возможных нарушений по-прежнему не указываются, надо полагать, из-за невозможности законодателя представить себе формы подобного «кощунства». И только в уставе 1828 г. появляется четкое разделение на Верховную власть и государственную. Более того, здесь впервые происходит размежевание двух охраняемых позиций — «неприкосновенности Верховной власти» (т. е. собственно императора) и «уважения к императорскому дому» (т. е. защиты чести и престижа прочих членов императорской фамилии).

Далее начинаются различия. Если первый устав на третье место ставит «нравственность», то в следующем уставе это место занимают «законы Отечественные». Но имеет ли смысл отделять государственные власти, уже упомянутые в предыдущем пункте, от законодательства? Можно заключить, что перед нами — пример дублирования.

Понятия «нравственность» (1804 г.) и «нравы» (1826 г.), при очевидной близости, имеют определенное различие. Оно весьма точно характеризует различие эпох, в которые они создавались. Если первый термин — типичная для Просвещения апелляция к индивидуальному благоразумию, то второй устанавливает приоритет общественного (т. е. традиций, обычаев, принятых в данном обществе) над индивидуальным, личным. Устав 1828 г. определил уже вполне приемлемые для практического руководства рамки — отныне преследуется имен-

но «оскорбление благопристойности», — что можно признать вполне конкретным основанием.

В последнем пункте охраняемых позиций различия между уставами становятся значительными. Если устав 1804 г. четко указывает «личную честь какого-либо гражданина», то в уставе 1826 г. появляется поразительное понятие — «честь народная», лишь после чего, в виде добавления, идет «личная честь». Характерно, что в уставе 1828 г. о «народной чести» даже не упоминается. Можно предположить, что это понятие явилось отражением собственного взгляда на новую формирующуюся идеологию «официальной народности» редактора устава 1826 г. — тогдашнего министра народного просвещения адмирала А. С. Шишкова. В 1828 г. понятие «личной чести» расшифровывается и принимает уже вполне современные очертания.

От устава к уставу хорошо заметно развитие терминологии. Если в уставе 1804 г. все четко и ясно — есть «Правительство» и есть «Верховная Власть», то в следующем уставе появляются изменения. Так, в виде синонимов, призванных обозначить семью императора, в уставе 1826 г. встречаются понятия «Августейшему Его Дому», «Лиц Августейшей Фамилии», «Особ Высочайшего Дома». Данное понятие принимает окончательный вид, ставший отныне единственным, только в уставе 1828 г. — «Императорскому Дому». Термин 1804 г. «Верховная Власть» в 1826 г. оказался заменен на «Высочайшая Власть», а в 1828 г. — на «Верховная Самодержавная Власть». Однако в другой статье устава 1828 г. присутствует и изначальная формулировка — «Верховная Власть». Характерно, что именно статья 9 устава 1828 г. стала первой юридической нормой, вошедшей без изменений в первую сводную статью 9 Свода уставов о цензуре 1857 г. — базовую статью по изучаемой теме.

Приведенные примеры ярко иллюстрируют эволюцию понятий и подходов, происшедшую в те годы. Устав 1826 г. — прежде всего идеологическая декларация. Исходя из этого, в нем используется термин «Августейший», принятый для подчеркивания сакральной, сверхъестественной сущности монархии. Устав 1828 г. — документ, направленный в первую очередь на практическую деятельность. Нужно помнить и о времени его создания — именно в этот период по повелению императора проводилась кодификация законов Российской Империи под руководством М. М. Сперанского. Стремление законодателя к юридически более точным формулировкам прослеживается и в данном уставе. Думается, поэтому в нем отдано пред-

почтение термину «Императорский Дом» — юридически более корректному, дававшему возможность опереться на предшествующее законодательство по данному вопросу — прежде всего на «Учреждение об Императорской Фамилии» от 5 апреля 1797 г.³³ Характеризуя устав 1828 г., нельзя не отметить переход к новому написанию слова «цензура» — через «с». Можно предположить, что подобное буквальное прочтение с латыни было призвано отразить стремление законодателя уйти от прошлых перегибов и наслоений и максимально приблизиться к классическому пониманию сути цензуры. Это написание сохранялось до конца царствования Николая I.

Устав 1828 г. при всех его значительных достоинствах имел и существенные изъяны, на которые справедливо указал историк цензуры В. Якушкин: «Новый устав страдал по-прежнему неопределенностью в основных положениях, давал простор для всяких толкований... Дальнейшая цензурная практика основывалась, с одной стороны, на толковании статей устава в неблагоприятном для литературы смысле, с другой — на новых дополнительных цензурных правилах, на распоряжениях администрации; она вполне отражала на себе характер времени»³⁴. Действительно, почти сразу после введения новый устав начал быстро обрастать дополнительными поправками и разнообразными новыми узаконениями, отвечающими требованиям определенного момента времени. В. Якушкин полагал (вполне справедливо), что, «в сущности, при этих дополнениях он мало чем отличался от устава 1826 года, и в цензурной практике действовали те начала, те взгляды, которые были официально осуждены в 1828 году»³⁵.

Другая характерная особенность цензурной практики того времени — множественность видов цензуры — напрямую связана с темой данной работы и потому требует более подробного рассмотрения. Понятие «множественность видов цензуры» следует отличать от понятия «исключение из общей цензуры».

Исключение из общей цензуры означало передачу цензуры печатных произведений какого-либо рода в определенное для этого учреждение. Такая передача была законодательно закреплена в цензурных уставах, и передаваемые произведения больше не рассматривались органами общей цензуры, проходя лишь одну специальную цензуру. Примером может служить духовная литература, рассматриваемая исключительно органами духовной цензуры Святейшего Синода. Количество подобных цензур, существовавших параллельно с общей, постоянно увеличивалось: устав 1804 г. предусматривал три

исключения, устав 1826 г. — уже десять, а устав 1828 г. — двенадцать специальных цензур. Данная тема остается неисследованной и по сей день (исключение составляет только духовная цензура)³⁶.

Множественность видов цензуры означала наличие ряда ведомственных цензур, рассматривавших печатные материалы, которые касались данного ведомства, по представлению общей цензуры. Затем эти материалы вновь поступали в органы общей цензуры, которые и принимали окончательное решение об их пропуске в печать — но лишь после разрешения на опубликование соответствующим ведомством.

Начало этому явлению положил устав 1826 г. «Статьи, касающиеся до Государственного управления, не могут быть напечатаны без согласия того Министерства, о предметах коего в них рассуждается»³⁷. В устав 1828 г. это положение не вошло, но, несмотря на его недолгое официальное существование и, вероятно, «в силу господствовавших административных нравов»³⁸, множественность цензур получила широкое распространение.

Первым права предварительной ведомственной цензуры добился для своего ведомства министр финансов граф Е. Ф. Канкрин. В 1830 г. он обратился к императору и получил, несмотря на сопротивление министра народного просвещения князя К. А. Ливена, высочайшее дозволение (подтвержденное в 1844 г.), чтобы все статьи, затрагивавшие интересы финансового ведомства, не проходили в печать без его предварительного согласования. В 1833 г. военный министр граф А. И. Чернышёв также получил высочайшее дозволение (подтвержденное и дополненное затем в 1835 г. и 1850 г.), чтобы все статьи о современных военных событиях, а позднее и о военных действиях российской армии, печатались только после его предварительного одобрения. Этому же права добилось в 1833 г. и Военно-топографическое депо — в отношении карт, атласов и планов (подтверждено в 1846 г.). В последующее десятилетие право предварительной ведомственной цензуры было даровано Почтовому департаменту, Главному управлению путей сообщения и публичных зданий, II и III Отделениям с.е.и.в. канцелярии, МВД, МНП, Академии наук, Штабу е.и.в. по военно-учебным заведениям, Управлению попечителя Московского учебного округа, Комитету главного попечительства детских приютов, Комиссии о построении Исаакиевского собора, Человеколюбивому обществу, Кавказскому комитету, Археографической комиссии, Главному управлению государственного коннозаводства. В конце царствования Николая I, 2 ноября 1852 г., последовало, наконец, повторное законодательное утвержде-

ние множественности цензур, окончательно возвратившее положение в этой области к 1826 г.: «Те сочинения, в коих теория законодательства или финансовые или административные науки применяются автором к существующим собственно у нас учреждениям... предварительно рассмотрения их в общей цензуре, препровождаются сею последнею в те правительственные места и учреждения, до которых сочинения сии по предмету своему относятся»³⁹.

Все ведомственные цензуры были равно-обязательными, и какое-либо издание с разнообразной информацией должно было проходить последовательно через несколько ведомственных цензур, что не избавляло его от общей цензуры. Это очень увеличивало сроки публикации печатных материалов, создавая различные неудобства и порождая постоянное недовольство российского образованного общества. Как отмечал официальный историк МНП С. В. Рождественский, «одна только чистая поэзия и беллетристика подлежали ведению цензурных комитетов, все же прочее сверх их отдавалось на просмотр того или другого ведомства»⁴⁰. Известный цензор, профессор Петербургского университета А. В. Никитенко позднее писал: «Если сосчитать всех лиц, заведующих цензурою, их окажется больше, чем книг, печатаемых в течение года»⁴¹.

Можно согласиться с выводом современного историка цензуры Г. В. Жиркова о том, что «тенденция роста числа ведомств, обладающих цензурными функциями... была постоянной. Каждое ведомство ревностно следило за публикациями, содержащими любую информацию о нем, и требовало... их на просмотр»⁴². Также вполне справедливым представляется вывод о создавшемся положении другого историка цензуры, В. Якушкина: «Николаевская цензура была несамостоятельна, как по своему основному характеру, так и по фактическому своему положению»⁴³. Именно в рамках данного явления — множественности ведомственных цензур — и возникла цензура МИДв.

В конце 1830 г. император Николай I «с крайним неудовольствием» обнаружил, что в выпускаемых периодических изданиях — «Санкт-петербургских, Академических и разных других Ведомостях [—] помещаются Придворные известия, без всякого на то от Правительства разрешения». 2 января 1831 г. именным указом, через министра двора П. М. Волконского, всем редакциям публичных Ведомостей было строжайше предписано, «дабы они ни под каким видом не осмеливались ничего печатать касающегося до Особы Государя Императора и всех Членов Императорской Фамилии, а также и о торжествах или

съездах, бывающих при Дворе, без особого на то Высочайшего разрешения, которое имеет быть сообщаемо от Министра Императорского Двора»⁴⁴. Ответственность за надзор над редакциями возлагалась лично на министра народного просвещения князя К. А. Ливена, как руководителя цензурного ведомства. Впоследствии, 5 сентября 1850 г., это положение было дополнено: «Известия о приездах и отъездах Членов Императорской Фамилии печатать в газетах на будущее время без особого Высочайшего разрешения»⁴⁵. Указ от 2 января 1831 г. стал первым законодательным актом, упомянувшим придворную цензуру как постоянный институт, и потому именно с него начинается отсчет ее существования. Следует отметить, что, как и в указе от 3 ноября 1751 г.⁴⁶, здесь подчеркивалась обязательность принятия цензурного решения лично императором, которое затем только передавалось министром двора по принадлежности.

Проблема цензуры исторических сочинений нашла свое отражение в цензурном законодательстве в мае 1846 г., когда главноуправляющий III Отделением с.е.и.в. Канцелярии А. Ф. Орлов сообщил министру народного просвещения С. С. Уварову, что императору стало известно о подготовке к выпуску сочинения чиновника провиантского департамента Лебедева «Двадцать лет царствования императора Николая». К этому времени рукопись уже прошла общую и военную цензуру. А. Ф. Орлов предложил представить рукопись, в соответствии со статьей 9 Устава о цензуре, для рассмотрения в МИДв, однако С. С. Уваров на это ответил, что «указанное постановление не относится к делу, потому что имеет в виду только известия, сообщаемые в газетах и журналах об особах императорской фамилии»⁴⁷. Обнаружившееся противоречие разрешило высочайшее повеление от 7 июля 1846 г., в котором приказывалось «пополнить вышеприведенную статью Свода Законов определенным пояснением, что на издание всякого сочинения, в коем описываются события, относящиеся до Его Императорского Величества и Особ Августейшей Фамилии, надлежит предварительно испрашивать Высочайшее соизволение чрез Министра Императорского Двора»⁴⁸. Таким образом, формирование корпуса законодательных постановлений, регулирующих деятельность придворной цензуры, с самого начала имело прецедентный характер (т. е. нормы разрабатывались не превентивно, а вследствие выявленных недостатков). Эта особенность юридических основ придворной цензуры сохранялась во все время ее существования.

Вскоре, 9 августа 1846 г., эта норма была дополнена еще раз. Министр двора В. Ф. Адлерберг пришел к выводу, что выполнение нового постановления «может породить недоразумения, вследствие коих и все исторические сочинения, большей частью обширные, будут присылаемы на цензуру Министра Двора, который не имеет для того ни времени, ни средств и вынужден будет просить об определении к себе особого Цензора, содержание коего повлекло бы к напрасной издержке». Адлерберг представил императору свое предложение о дополнении закона, чтобы цензурные комитеты доставляли для придворной цензуры не целые книги, а «только выписки из книг тех мест, в коих описывается какое-либо событие или рассказывается анекдот, до Особы Царствующего Императора и Членов Августейшей Фамилии относящиеся»⁴⁹. Император это дополнение одобрил.

Тогда же впервые была регламентирована и проблема публикации автографов членов императорской фамилии. 11 августа 1847 г. цензурное ведомство получило высочайшее повеление (не отраженное в ПСЗ) о запрете выпуска изданий со скопированными автографами и рукописями высочайших особ. Но когда через несколько лет, 23 февраля 1853 г., возник вопрос, применимо ли это постановление к умершим членам императорской фамилии, император приказал: «Выпуск изданий с скопированными почерками рук и подписями Особ Императорской Фамилии, в Бозе почивающих, разрешить, не распространяя, однако, сего разрешения на подписи и почерки Августейших Особ здравствующих»⁵⁰.

Последнее цензурное нововведение царствования императора Николая I, относящееся к исследуемой теме, коснулось деятельности иностранной цензуры. Причиной его принятия вновь стал прецедент. В Петербургскую таможню поступили четыре пары иностранных золотых часов с портретом Николая I. Комитет цензуры иностранной, не желая брать на себя ответственность, представил их своему прямому начальству — министру народного просвещения П. А. Ширинскому-Шихматову, а тот, через министра двора, — императору, «...испрашивая вместе с тем, каким правилом следует руководствоваться иностранной цензуре в могущих встретиться подобных случаях»⁵¹. 25 июля 1853 г. император, «изъявив соизволение на пропуск вышесказанных часов», дал указание и впредь в подобных случаях обращаться к нему. Таким образом, Верховная власть впервые озаботилась проблемой репрезентации своего образа внутри страны иностранными частными производителями. Впоследствии цензурное

рассмотрение предметов с изображениями высочайших особ, проходящих из-за границы на таможах, стало одним из постоянных направлений деятельности органов придворной цензуры.

К концу царствования Николая I общая цензура переживала тяжелые времена: «жалобы на слабость цензуры, жалобы цензоров на неопределенность цензурных постановлений, множество различных, иногда противоречивых и друг друга исключавших циркуляров, совершенно уничтоживших значение устава 1828 года, очевидно требовали каких-либо существенных преобразований»⁵². Законодательным итогом этого периода стал изданный в 1857 г., уже при новом императоре Александре II, Свод уставов по цензуре. Он включал, наряду с текстом устава 1828 г., и все дополнения по 1857 г. Статья 9 регламентировала деятельность придворной цензуры. Ввиду особого значения для исследуемой темы приведем ее полностью:

«В рассматривании сочинений Исторических и Политических, Цензура ограждает неприкосновенность Верховной Власти, строго наблюдая, чтобы в оных не содержалось ничего оскорбительного, как для Российского Правительства, так и для Правительств, состоящих в дружественных с Россиею сношениях. Равно наблюдает цензура, чтобы на издание всякого сочинения, в коем описываются события, относящиеся до Его Императорского Величества и Особ Августейшей Фамилии, и при сообщении в газетах и журналах известий об Особе Императорского Величества и Членах Императорской Фамилии, о придворных торжествах и съездах, было испрошено Высочайшее разрешение чрез Министра Императорского Двора; из сего правила исключены только известия о приезде и отъезде Членов Императорской Фамилии, для коих сего разрешения не требуется. При сем, кроме статей, помещаемых в газетах и журналах о Государе Императоре и Членах Августейшей Фамилии, о придворных торжествах или съездах, доставляются Цензурными Комитетами на рассмотрение Министра Двора только выписки из книг тех мест, в коих описывается какое-либо событие или рассказывается анекдот, до сих Августейших Особ относящийся. — Дозволяется выпуск изданий со скопированными почерками рук и подписями Особ Императорской Фамилии, в Бозе почивающих, но сие дозволение не распространяется на подписи и почерки Августейших Особ здравствующих»⁵³.

Нетрудно заметить, что статья 9 воспроизводит в виде слитного текста (с необходимой редакторской правкой, но без единого изменения или дополнения по существу) следующие цензурные положения

(по ПСЗ): 1828 апреля 22 (1979), 9; 1831 января 2 (4236); 1846 июля 10 (20221); 1846 августа 9 (20298); 1850 сентября 5 (24460); 1853 февраля 23 (27035). Данная статья явилась первой в российском цензурном законодательстве сводной юридической нормой, ставшей основой практической деятельности придворной цензуры. Необходимо также отметить, что это первый обнаруженный цензурный документ, касающийся изучаемого вопроса, в котором слово «цензура» встречается уже в современном правописании — через «з». Возврат к написанию времен устава 1804 г., возможно, должен был служить для демонстрации символического отмежевания обновленных органов цензуры — от старых, «николаевских».

Итак, можно сделать вывод о том, что в 1804–1857 гг. законодательные нормы, касающиеся изучаемой темы, были в основном кодифицированы, но от устава к уставу существенно менялись. При этом положение, регулировавшее создание и репрезентацию образа Верховной власти отечественными частными источниками информации, появилось только в уставе 1826 г. и позднее специально не упоминалось. Можно предположить, что при авторитарном режиме Николая I его законодательная регламентация была неактуальна.

3. КОДИФИКАЦИЯ НОРМ ПРИДВОРНОЙ ЦЕНЗУРЫ В ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II (1857–1870 гг.)

Воцарение императора Александра II вдохнуло в российское образованное общество ощущение близких перемен во всех областях жизни. Историк цензуры М. К. Лемке позднее писал: «Переоценка и перестройка всего нашего прошлого — вот содержание этого периода государственной и еще более — общественной русской жизни. В ряду подлежащих такой переоценке и перестройке учреждений едва ли не впереди многих других, если не всех, стояла, конечно, цензура»⁵⁴.

Уже первое высочайшее повеление, относящееся к изучаемой теме, 20 сентября 1856 г. (на основании дела № 302 от 28 декабря 1855 г. и отношения министра народного просвещения от 10 августа 1856 г.), внесло серьезные изменения в работу иностранной цензуры: «Получаемые из-за границы вещи, с изображением портретов Высочайших Особ, подвергнуть правилам внутренней цензуры и предоставить

Комитетам, заведывающим иностранной ценсурой, и Отдельному Цензору в Ревеле разрешать самим, на свою ответственность, пропуск таковых вещей, если в оных соблюдено приличие и вообще не заключается ничего неодобрительного по ценсурным правилам, хотя бы портреты, на оных изображенные, и не имели совершенного сходства и изящества отделки»⁵⁵. Это повеление имело весьма радикальный характер. Отменяя положение 1853 февраля 23 (27035)⁵⁶, оно фактически декларировало отказ императора от влияния на процесс репрезентации внутри страны образа Верховной власти иностранными частными производителями. Вероятно, таким способом молодой Александр II старался подчеркнуть перед всем миром свой либерализм и терпимость.

В 1857 г., когда началась подготовка к отмене крепостного права, Александр II пришел к выводу о необходимости пересмотра всего действующего цензурного законодательства. Для подготовки нового устава о печати была создана Особая Комиссия, но ее работа затянулась. Проект нового устава был составлен только к 1859 г. В мае состоялось его обсуждение в Государственном Совете, где проект подвергся критике за противоречивость и был отложен⁵⁷.

Не обошел новый император и «наболевшую» для российского общества проблему множественности цензур. 23 января 1858 г. последовало высочайшее утверждение резолюции Совета Министров, которое резко сократило перечень ведомств, имевших право предварительной цензуры, и внесло ясность в их взаимоотношения с органами общей цензуры. Оно вошло в первое продолжение Свода уставов 1857 г.: «В видах упрощения цензурного производства, касательно сочинений и статей, относящихся к предметам разных правительственных мест и учреждений и препровождаемых в оные, по существующим постановлениям, на предварительное рассмотрение, назначить в СПб от Министерств: Императорского Двора, Военного, Морского, Внутренних Дел, Финансов, Государственных Имуществ и Юстиции, Главного Управления Путей Сообщения и Публичных Зданий, Главного Штаба Е.И.В. по Военно-Учебным Заведениям и Третьего Отделения С.Е.И.В. Канцелярии по одному доверенному чиновнику, для непосредственных по сему предмету сношений с СПб Цензурным Комитетом, цензорами и редакциями периодических изданий в СПб»⁵⁸.

Нельзя согласиться с мнением известной современной исследовательницы цензурной политики Александра II В. Г. Чернухи, полагающей, что этот акт был лишь одной из многих мер административного

«обуздания» печати, вызванной желанием правительства компенсировать происшедшее «некоторое ослабление цензурных пут, обусловленное наплывом рукописной и зарубежной литературы»⁵⁹. Не следует рассматривать этот акт в отрыве от всего предшествовавшего законодательства по проблеме множественности цензур. Как было отмечено, к концу царствования императора Николая I правом предварительной ведомственной цензуры пользовалось гораздо больше учреждений, чем упомянуто в акте 23 января 1858 г. Таким образом, даже в простом количественном отношении новое положение означало сужение, а не расширение сферы предварительной ведомственной цензуры, что является несомненным признаком его либеральной направленности. К тому же бо́льшая часть учреждений, прежде пользовавшихся этим правом, относилась к уровню ведомств или даже более низкому уровню — комиссий, комитетов, обществ и т. д. Новое положение, напротив, предоставило право ведомственной цензуры в основном учреждениям высшего уровня — министерствам. Думается, это была мера, призванная ослабить, а не усилить давление на печать, — акт, по сути предваривший полную отмену множественности ведомственных цензур.

Вскоре установленный бюрократический порядок был вновь изменен. Положение, при котором цензоры должны были направлять все материалы, касавшиеся МИДв, недавно назначенному чиновнику, перестало удовлетворять министра двора В. Ф. Адлерберга. Появилась необходимость в разграничении компетенции этих инстанций.

На основании дела 1858 г. № 379, по докладу министра двора, 30 декабря 1858 г. император «...Высочайше повелеть соизволил, чтобы для предупреждения на будущее время недоразумений и неприятных от того последствий, подтверждено было Цензурным Комитетам о точном соблюдении с их стороны означенного закона [статья 9 Свода уставов издания 1857 г. — С. Г.], то есть о доставлении на рассмотрение Министра Двора выписок из тех сочинений, в коих описываются события, до Государя Императора или Особ Императорской Фамилии относящиеся, к вышеупомянутому же чиновнику Министерства Двора — статей, собственно до учреждений Министерства касающихся; ибо только Министр Двора, посредством личных Всеподданнейших докладов и сношений с Их Императорскими Величествами, может удостоверить в подлинности событий или слов, при каком-либо случае Августейшими Особами произнесенных»⁶⁰.

Таким образом, этот документ возвратил министру двора исключительное право влияния на процессы создания и репрезентации

образа Верховной власти отечественными частными источниками информации, утраченное им почти на 11 месяцев согласно акту 23 января 1858 г. Обратим внимание на впервые проявившееся четкое разграничение функций придворной цензуры: на те, которые не могут быть доверены простому чиновнику, и прочие — принять цензурное решение в рамках которых он вполне компетентен. Положение 30 декабря 1858 г. также впервые установило правило обязательного повторного подтверждения заимствованных сведений о высочайших особах: «Государю Императору угодно, чтобы и в тех случаях, когда событие, до Лиц Императорской Фамилии относящееся, заимствуется из напечатанных уже сочинений, для помещения в каком-либо журнале, газете или книге, снова представляемы были выписки тех мест на рассмотрение Министра Двора»⁶¹. Это позволило придворным цензорам каждый раз оценивать как новый контекст, так и актуальность нового упоминания приводимой информации.

К 1858 г. относится и еще одно своеобразное цензурное постановление, также оставшееся не кодифицированным. Оно касалось членов императорской фамилии. 31 мая 1858 г. (на основании дела № 169 1858 г. и согласно высочайшему повелению, переданному через министра двора) было выпущено циркулярное предложение министра народного просвещения, утверждавшее: «По случаю предположенного одним частным лицом напечатания, в издаваемой им брошюре о помещичьих крестьянах, полученных им от Особ Императорской Фамилии благодарственных отзывов за поднесенную им брошюру, Государь Император Высочайше повелеть соизволил, чтобы без особого Высочайшего разрешения не должны быть публикуемы частные суждения Особ Августейшей Фамилии о литературных произведениях, особенно политического содержания»⁶². Это постановление стало первым проявлением характерного для всей последующей деятельности придворной цензуры негативного отношения к упоминаниям в выходящих сочинениях о благодарностях, полученных их авторами от высочайших особ. Впоследствии рассмотрение посвящаемых членам императорской фамилии и подносимых им авторами литературных и музыкальных произведений станет еще одним постоянным направлением деятельности органов придворной цензуры.

В конце 1858 г. Совет Министров принял решение учредить, наряду с прежними органами цензуры, «для укрепления связи власти с журналистами и литературой», новый межведомственный орган. 24 января 1859 г. был учрежден Комитет по делам книгопечатания.

В его состав вошел А. В. Адлерберг (сын министра и сам будущий министр двора, в то время — управляющий делами императорской Главной квартиры), А. Е. Тимашев (управляющий III Отделением с.е.и.в. канцелярии) и Н. А. Муханов (авторитетный член Главного управления цензуры). Основной целью нового Комитета было «принятие мер к правильному и соответствующему видам правительства направлению нашей литературы». Комитету надлежало «...указывать деятельности литераторов или специалистов на такие предметы, по которым правительство желает или подготовить общественное мнение, или получить разъяснение»⁶³. Он также должен был решать задачи инспирации («наладить внедрение в существующую частную печать инспирированных статей, поддерживающих правительственный курс»)⁶⁴ и координации («сношение с Министерствами и Главными управлениями для получения нужных сведений и объяснений по вопросам, до подлежащих ведомств касающихся и обсуждаемых в печатаемых статьях»)⁶⁵.

Существовала и еще одна задача нового Комитета, вплотную касающаяся изучаемой темы, — ему было поручено представить свои соображения о способах к развитию законов, ограждающих честь частных, должностных лиц, в том числе и неприкосновенность Верховной власти, против оскорблений в печати. В ходе обсуждения члены Комитета разделили необходимые меры на две части: судебные и административные. Судебные меры заключались в переходе к сокращенному порядку делопроизводства по всем делам об оскорблениях в печати, административные меры — в возложении на губернских прокуроров обязанности «...предъявлять от своего лица иски в случаях нарушения должного к Августейшим Особам и правительству уважения и праве начатия таких исков по требованию лиц, занимающих высшие должности в государстве»⁶⁶.

Важным нововведением, имеющим отношение к изучаемой теме, стал циркуляр по цензурному ведомству от 8 марта 1860 г., установивший новые хронологические рамки придворной цензуры. Вопрос о границах дозволенного для изучения прошлого (без сношения с МИДв) имел огромное значение для отечественной исторической науки, и поэтому на нем следует остановиться подробнее. Дело в том, что решение придворной цензуры не зависело от «благонадежности» историка или лояльности высказанных оценок исторических персонажей (чем обычно руководствовалась цензура общая) — хронологические рамки цензуры МИДв определяли ту временную грань, после

которой материал, упоминаящий царственных предков, как правило, вообще не допускался к публикации. Фактически это был запрет на исследования огромного периода русской истории.

Впервые временные границы своей личной цензуры установил Николай I. Когда в феврале 1852 г. издатель Г. К. Фридебург обратился к нему, желая издать книгу «Российский Царственный Дом Романовых», император повелел, «чтобы жизнеописания сии были не обширны и извлечены из достоверных источников и были представляемы: до царствования Покойного Императора Павла Петровича — на цензуру Санкт-Петербургского Цензурного Комитета, а начиная с сего Государя — ко мне»⁶⁷. Так в прецедентном порядке были высочайше установлены первые хронологические рамки изучения отечественной истории. Они оставались ограниченными 1796 г. и в начале царствования Александра II (например, в июне 1857 г.)⁶⁸. Но эпоха реформ не могла миновать столь важный идеологический вопрос, как контроль над исторической наукой.

Циркуляр от 8 марта 1860 г. предписывал: «...а как в Цензурном Уставе нет особенной статьи, которая бы положительно воспрещала распространение известий неосновательных и по существу своему неприличных к разглашению о жизни и правительственных действиях Августейших Особ Царствующего Дома, уже скончавшихся и принадлежащих Истории, то, с одной стороны, чтобы подобные известия не могли приносить вреда, а с другой — дабы не стеснить отечественную историю в ее развитии, — периодом, до которого не должны доходить подобные известия, принять конец царствования Петра Великого. После сего времени воспрещать оглашение сведений, могущих быть поводом к распространению неблагоприятных мнений о скончавшихся Августейших Лицах Царствующего Дома, как в журнальных статьях, так в отдельных мемуарах и книгах»⁶⁹. Таким образом, новые границы дозволенного были расширены вполне в либеральном духе — от прежнего 1796 г. до 1725 г. Обратим внимание на примечательную мотивировку этого положения: в нем впервые открыто указывается на идеологические причины необходимости подобных временных рамок.

Этот предел официально оставался в силе вплоть до полной отмены хронологических ограничений на исторические исследования в ноябре 1905 г. Тем не менее, на практике уже в конце царствования Александра III утвердилось следующее правило: цензуре МИДв подлежали материалы, относящиеся к предшествующему и нынешнему царствованиям. Характерно, что в июне 1896 г. один из тогдашних

руководителей придворной цензуры А. В. Половцов отнес представленный в Министерство портрет Николая I действию общей цензуры⁷⁰. Желательность официального введения «плавающих» рамок обсуждалась в переписке МИДв в 1899 г.⁷¹, однако они так и не были никогда введены (хотя и были включены в проекты цензурных уставов 1905 г. и 1912 г., оставшиеся неутвержденными).

До начала 1862 г. цензурное законодательство продолжало существовать по инерции. Постепенно это все более входило в противоречие со стремительно менявшейся общественной атмосферой в столицах: «Постоянные жалобы или на цензурные стеснения, или на слабость цензуры; сетования цензоров на неопределенность постановлений; множество противоречивых и нередко исключавших одно другое распоряжений, не согласованных с цензурным уставом, привели к мысли о необходимости новой кодификации цензурных постановлений»⁷². С такой оценкой согласна и В. Г. Чернуха: «Что касается распоряжений и сепаратного законодательства, то здесь следует сказать, что и то и другое развивалось в рамках цензурного устава 1828 г., подновляемого многочисленными распоряжениями и “высочайшими повелениями”, как правило, являвшимися откликом на текущие события... Вся эта разнородная и огромная масса распоряжений никак не могла отрегулировать деятельность цензуры... и потому все ведомство остро ощущало необходимость получения точных критериев относительно пригодных к печати сочинений. Особенно стало чувствоваться отсутствие таких правил к 1862 г., к моменту наибольшего подъема в стране революционного движения»⁷³.

В марте 1862 г. министр народного просвещения А. В. Головнин обратился к императору с докладом о сложившейся ситуации в области цензуры и получил повеление пересмотреть все существовавшие постановления по делам печати. Через несколько дней под его контролем была создана «Особая Комиссия для пересмотра, изменения и дополнения всех вообще постановлений по делам книгопечатания» под председательством статс-секретаря князя Д. А. Оболенского. Она начала работу по пересмотру всего корпуса общего цензурного законодательства.

В качестве подготовительных мероприятий к грядущей реформе цензуры в течение 1862 г. Особая Комиссия выпустила целый ряд изданий по истории и проблемам цензуры⁷⁴. Еще в феврале 1862 г. А. В. Головнин обратился к Петербургскому цензурному комитету и в редакции ведущих изданий страны с просьбой высказать мнения

о существующих законах о печати и предложения по реорганизации цензуры. Полученные ответы были опубликованы в сборнике «Мнения разных лиц о преобразовании цензуры». Они дали возможность правительству получить достаточно полное представление о состоянии проблемы и показали отношение к ней цензоров и литераторов. Поскольку в этом сборнике представлены и различные суждения по проблеме множественности цензур, на нем следует остановиться особо.

Проблема множественности цензур выступает в этом сборнике как одна из наиболее одиозных, оставшаяся в наследство от недавнего прошлого и требующая срочных изменений. Так, цензор К. С. Оберт отмечает: «Общий и самый справедливый повод к жалобам на действия цензуры — это обязанность цензоров передавать на предварительное рассмотрение разных министерств и главных управлений так называемые специальные статьи. Это условие одинаково обременительно и для литературных деятелей, и для цензоров. Литературных деятелей оно только задерживает; цензоров оно затрудняет повторением рассмотрения статьи и прежде и после отсылки в постороннее ведомство, не снимая с них ответственности даже в случае одобрения посторонним ведомством»⁷⁵.

С К. С. Обертом согласен и цензор Ф. И. Рахманинов: «Посылка статей и целых сочинений на предварительное рассмотрение подлежащих ведомств... затрудняя срочность издания, не менее затрудняет и цензоров... В видах единства действий, полезно было бы сосредоточить в Цензурном Комитете и подчинить его начальству доверенных лиц от... управлений, пользующихся правом предварительного просмотра сочинений»⁷⁶. Нетрудно заметить, что принятие этого нововведения, помимо разрастания штатов и полномочий общего цензурного ведомства, привело бы, по сути, к полной отмене ведомственных цензур, что, вероятно, и хотел, но не решался прямо предложить Ф. И. Рахманинов.

Дальше всех идет в своих выводах цензор Е. Е. Волков: «Мы берем смелость сказать, что, по нашему мнению, эта рассылка статей в разные министерства и ведомства за исключением статей, по содержанию своему подлежащих... рассмотрению духовной цензуры и военного цензора, — совершенно излишняя, и притом она весьма стеснительна для редакторов и издателей...»⁷⁷. В случае сохранения множественности цензур Е. Е. Волков предлагает свою новацию: «...чтобы снята была ответственность с цензора за пропуск им статей, бывших на рассмотрении в разных министерствах и ведомствах;

эта ответственность, по всей справедливости, должна падать исключительно только на те лица, которые одобрили статью»⁷⁸. Это предложение Волкова столь же радикально — его принятие означало бы, вместо отмененных специальных предварительных цензур, автоматическое введение ряда новых исключений из общей цензуры, что противоречило действовавшему законодательству: «Всякое иное изъятие из общего Ценсурного ведомства может последовать не иначе, как по Высочайшему повелению»⁷⁹.

Единственный, кто в сборнике выступил за сохранение множественности цензур — цензор Ф. Ф. Веселаго: «Нельзя согласиться с мнением, что уничтожение специальных цензоров облегчит и ускорит журнальное дело; напротив, это изменение поведет к большим замедлениям потому, что общая цензура, не зная современных требований каждого отдельного ведомства, будет на каждом шагу затрудняться»⁸⁰. Характерно, однако, что даже этот защитник старой «николаевской» цензуры признает необходимым ввести поправку в сложившуюся практику: для сокращения времени материалы, предполагаемые к рассмотрению специальных цензоров, Ф. Ф. Веселаго предлагает отсылать им прямо из редакций, минуя общую цензуру.

Непосредственное отношение к исследуемой теме имеет и записка уже упоминавшегося цензора Е. Е. Волкова. Он рассматривает сложившуюся практику применения оснований для цензурного преследования (которых, напомним, по действовавшему цензурному законодательству было четыре — см. п. 3 устава 1828 г.⁸¹), в ходе чего делает исключительно важное признание. Говоря о применении на практике основания 2 (прямо относящегося к теме данной работы), Волков подчеркивает: «Этот пункт, нам кажется, изложен так ясно и подробно, что цензор, помня его, не может впасть в какую-либо ошибку или недоразумение при рассмотрении статей или сочинений, в которых содержится что-либо нарушающее неприкосновенность Верховной Самодержавной Власти или уважение к Императорскому Дому... Впрочем, таких статей, сколько нам известно, *представляется в цензуру никогда не было* [курсив наш — С. Г.]»⁸².

Собственно цензуру МИДв упоминают в данном сборнике лишь два цензора — К. С. Оберт и Е. Е. Волков, приводя ее в качестве примера типичной ведомственной цензуры⁸³. При этом оба говорят о ней исключительно как о цензуре театральной (поскольку императорские театры относились к придворному ведомству). Цензор А. В. Никитенко, перечисляя в своем дневнике виды ведомственных цензур, также

определяет ее только как театральную цензуру⁸⁴. Наличие в санкционированном правительством сборнике отмеченной оговорки Е. Е. Волкова (вполне, надо думать, компетентного и информированного специалиста) и упоминаний о придворной цензуре Волкова и Оберта, а также приведенное мнение Никитенко — все это позволяет сделать важный вывод: первые десятилетия своего существования придворная цензура оставалась для российского образованного общества прежде всего цензурой театральной. Таким образом, она реализовывала лишь одну свою функцию — цензуру информации о деятельности императорских театров. Идеологические же ее функции на практике применялись очень редко (по причине крайне малого количества материалов, подлежащих цензуре МИДв) и реализовывались исключительно на самом высоком уровне — императора и министра двора, минуя нижние звенья Канцелярии МИДв и общей цензуры.

Суждения цензоров, приведенные в сборнике «Мнения разных лиц о преобразовании цензуры», свидетельствуют о том, что определение идеологических ориентиров, установление неких «точек отсчета» в текущей цензурной политике стало к этому времени на-сущно необходимым прежде всего для самого цензурного ведомства, и в полной мере осознавалось его сотрудниками. В 1862 г. в печати появилось несколько отдельных брошюр, имевших одинаковое название «Записка о цензуре». Авторы их выступали в основном с охранительных позиций. Один из них, коллежский асессор В. Я. Фукс, отражая общую линию, коснулся в своей «Записке» и изучаемого вопроса: «...как и во всякой государственной реформе, надлежит переходить от несостоятельного старого к новому, но непривычному порядку, в органической постепенности... Устранив от цензуры власть распорядительную и преследовательную и передав эту власть, с некоторыми необходимыми на первое время исключениями, в ведение полицейского и судебного ведомств, нельзя не сохранить, в известной же мере, предупредительное свойство цензуры... сохранив в полную силу предупредительные системы по тем предметам, которые по духу действующего законодательства требуют неослабного охранительного надзора, а именно: относительно всех сочинений православно-религиозных и тех мест или выражений в печатных вообще изданиях, которые касаются Особы Государя Императора и лиц Императорской Фамилии»⁸⁵.

Одной из первых мер, принятых по предложению Особой Комиссии, был именной высочайший указ от 10 марта 1862 г.: «Сохраняя в

полной своей силе постановление, чтоб встречающиеся как в книгах, так и в периодических изданиях места и статьи... касающиеся Нас и Особ Императорской Нашей Фамилии, препровождались на рассмотрение Министра Двора Нашего, по всем прочим предметам — Министерству Народного Просвещения, только в сомнительных случаях обращаться к другим Ведомствам... Вследствие сего, отменить назначенных от разных Ведомств доверенных чиновников для просмотра статей, касающихся этих Ведомств»⁸⁶. Этот указ имеет определяющее значение для изучаемой темы. Как можно заметить, он положил конец явлению множественности цензур — в том виде, в каком оно существовало в предшествующие десятилетия, — ведомственном. Одновременно этот указ выделил из общего ряда единственное исключение — придворную цензуру МИДв. Такое ее положение — единственной оставшейся в России ведомственной цензуры — сохранялось вплоть до революции 1917 г.

Но пока Комиссия князя Д. А. Оболенского разрабатывала проект устава (он был завершен к октябрю 1862 г.), 12 мая 1862 г. были высочайше утверждены «Временные правила по цензуре, впредь до пересмотра всех постановлений по делам книгопечатания», остававшиеся главным законодательным цензурным актом в России до цензурной реформы 1865 г. Можно согласиться с мнением В. Г. Чернухи, оценивающей этот акт как попытку «...сформулировать идеи и темы, которые вообще ни при каких обстоятельствах не должны попадать на страницы печати, сформулировать постулаты, враждебные или опасные для существующего строя... Временные правила явились своего рода мостиком к цензурной реформе, ибо целый ряд их положений вошел в закон 6 апреля 1865 г.»⁸⁷. «Временные правила...» состояли из 13 пунктов, два из которых относились к изучаемой теме: «Во всех вообще произведениях печати не допускать нарушения должного уважения к учению и обрядам Христианских исповеданий, охранять неприкосновенность Верховной Власти и ея атрибутов, *уважение к Особам Царствующего Дома* [курсив наш — С. Г.], непоколебимость основных законов, народную нравственность, честь и домашнюю жизнь каждого... В отношении к статьям и известиям политическим наблюдать общее правило об охранении чести и домашней жизни царствующих иностранных Государей и членов их семейств от оскорблений печатным словом и о соблюдении приличия при изложении действий иностранных правительств»⁸⁸. Следует отметить, что в порядке очередности охраняемых позиций, равно как и

в утверждении «охранять... честь... каждого», законодатель вернулся к уставу 1804 г. Однако здесь присутствует и своеобразное напоминание об уставе 1826 г. («охранять... народную нравственность»).

В январе 1863 г. цензурное ведомство было передано в МВД и получило наименование Главного управления по делам печати (ГУ ДП). Здесь, под личным наблюдением министра внутренних дел П. А. Валуева, 14 января 1863 г. была учреждена новая Особая Комиссия, под председательством того же князя Д. А. Оболенского. В течение четырех месяцев она пересмотрела прежний проект нового устава, положив теперь в его основу синтез предварительной и карательной цензур. Однако до решения противоречия между проблемой свободы печати и отсутствием нормальной судебной практики устав не мог быть претворен в жизнь.

Но перемены пришли в придворную цензуру гораздо раньше. 15 сентября 1863 г. Александр II утвердил особый циркуляр № 485 по ведомству цензуры (датирован 20 сентября 1863 г.), положивший начало качественно новому этапу в ее деятельности. В документе предписывалось: «Все назначаемые к печати известия, в коих приводятся изустные выражения Государя Императора и прочих Августейших Особ, или описываются личные Их действия, или же приводятся речи, обращенные к Высочайшим Особам, а также все статьи, содержащие в себе рассказы и суждения, до Членов Императорской Фамилии относящиеся, представлять на предварительное рассмотрение министру Императорского Двора»⁸⁹. Этот акт впервые официально (пока только на нормативном уровне) закрепил персональное право придворной цензуры за министром двора. Отныне личное участие императора в принятии цензурного решения становилось исключением, а не правилом, как прежде. С начала действия этого циркулярного предписания (январь 1864 г.) все подобные материалы централизованно, на постоянной основе и в обязательном порядке, поступали из органов общей цензуры в Канцелярию МИДв.

Осенью 1864 г. в России началась юридическая реформа, в ходе которой в ноябре были приняты судебные уставы, регламентировавшие преследования печати по суду. Тогда же, в ноябре 1864 г., проект устава, подготовленный комиссией управляющего II Отделением с.е.и.в. канцелярии, тайного советника князя С. Н. Урусова, был внесен на обсуждение в Государственный Совет. Одновременно он был представлен «для сообщения замечаний» по статьям, которые их касаются, в отдельные ведомства, в том числе и в МИДв.

Ответное отношение министра двора В. Ф. Адлерберга датировано 13 января 1865 г. Представляется, что этот документ имеет исключительное значение для исследуемой темы, поскольку он отражает мнение лица, фактически лично создавшего институт придворной цензуры: «Прочитав этот проект, я не мог не обратить внимания прежде всего на то, что в нем совершенно упущены из виду принятые нашим законодательством правила, недавно еще Высочайше подтвержденные...». Далее, педантично процитировав все постановления, касающиеся изучаемой темы начиная с 1857 г., В. Ф. Адлерберг продолжал: «Проект нового устава о книгопечатании вовсе не упоминает о приведенных постановлениях, хотя, впрочем... не исключает необходимости в цензуре специальной, независимой от общей. <...>

Если сознается потребность в предупредительных мерах к ограждению религии, народного здоровья и чисто научных интересов от злоупотребления печатным словом и вредного влияния невежества, то я не вижу ни малейшего основания считать излишним такие же меры относительно предмета, к которому благоговейное уважение, и по народным понятиям, и по духу государственных узаконений, должно быть свято охраняемо от всего, что может поколебать оное прямым или косвенным образом.

В проекте предусмотрены... случаи оскорбления Императорского Величества и Членов Августейшей Фамилии способами, ведению цензуры подлежащими, и определены за совершение таковых преступлений, по мере вины, наказания; но, если важно и необходимо, чтобы преступные в сем отношении действия не оставались без заслуженной кары, то едва ли еще не важнее, по свойству самого дела, *не допускать их, а предупреждать, по возможности, всякое к тому посягательство, прикрываемое иногда благовидной внешней формой.*

При оглашении посредством печати событий и сведений, касающихся Императорского Дома, не только сочинения и статьи, с враждебным правительству направлением, явно обличающие злой умысел, но и те, коими искажается истина, хотя бы в них и не заключалось оскорбления Верховной Власти, могут производить пагубное на умы впечатление.

Не должно забывать, что в заявлениях этого рода, устраняя всякие неблагонамеренные побуждения, одна неточность передаваемых публике известий и ошибочные суждения частных лиц нередко влекут за собою вредные последствия, давая повод к превратным толкам [курсив наш — С. Г.].

Неверности в частных известиях очевидно неизбежны, и до сих пор неоднократно случалось, что при представлении на Высочайшее воззрение предназначенных к опубликованию статей, Государь Император собственноручно изволил исправлять в них положения, не согласные с действительностью.

Отменить или обойти, при предстоящем преобразовании цензурных правил, вышеизъясненные постановления, предоставляя на произвол и ответственность каждого распространение в печати неосновательных суждений и сведений, касающихся Высочайших Особ, я со своей стороны признаю решительно невозможным»⁹⁰.

Важнейший момент в приведенном отрывке — определение В. Ф. Адлербергом основного смысла, вкладываемого им в понятие придворной цензуры (в тексте выделен курсивом). Из него можно заключить, что задача придворной цензуры — не пресечение заведомо злонамеренных публикаций (это дело суда), но влияние на общественное мнение в соответствующем направлении, с целью постоянного формирования «в умах» определенного образа Верховной власти. Это означает, что придворная цензура по замыслу своего создателя имела прежде всего именно идеологический характер.

После четырех обсуждений проекта устава⁹¹ Государственный Совет постановил: вместо издания нового единого цензурного устава ограничиться только теми дополнениями и переменами, которые «...впредь до дальнейших указаний опыта можно немедленно привести в действие, в виде мер переходных»⁹². Таким образом, новые «Временные правила...» вошли в действующий Сводный устав о цензуре и печати в качестве «Приложения к статье 5», при этом цензурный устав 1828 г. был оставлен в силе.

24 марта 1865 г. Государственный Совет принял, а 6 апреля император утвердил «Временные правила о цензуре и печати» (они вступили в силу с 1 сентября 1865 г. и оставались основополагающим цензурным актом до ноября 1905 г.). Они начинались словами: «Желая дать отечественной печати возможные облегчения и удобства, Мы признали за благо сделать в цензурных постановлениях, при настоящем переходном положении судебной у нас части и впредь до дальнейших указаний опыта, нижеследующие перемены и дополнения...»⁹³.

«Временные правила...» освободили от предварительной цензуры в обеих столицах все периодические издания, оригинальные сочинения объемом не менее 10 печатных листов, а также переводы объемом не менее 20 печатных листов. «На существующем теперь

основании», т. е. при сохранении предварительной цензуры, была оставлена духовная и иностранная цензура, а также цензура изобразительной продукции (позднее, на основании приказа № 216 от 5 августа 1891 г. по Петербургскому градоначальству и последовавшего разъяснения Петербургского цензурного комитета, к этим исключениям были добавлены «работы, производимые в фототипических заведениях»⁹⁴). Поскольку «Временные правила...» 1865 г. не являлись новым цензурным уставом, осталось в силе большинство ранее утвержденных актов, относившихся к придворной цензуре — 23 февраля 1853 г.; 20 сентября 1856 г.; статья 9 Свода уставов по цензуре издания 1857 г.; 8 марта 1860 г.; 10 марта 1862 г.; 12 мая 1862 г.⁹⁵

«Временные правила...» содержали еще одно существенное дополнение — они вновь официально утвердили в цензурном законодательстве принцип множественности цензур. Однако теперь это явление существовало в иной, чем прежде, форме — вместо ведомственных появились специально-административные цензуры. Они рассматривали соответствующие печатные материалы, как и раньше, наряду с органами общей цензуры. Таким образом, в России фактически был введен новый тип цензуры — карательный, при сохранении в ряде случаев цензуры предварительной. Одним из таких случаев сохранения предварительной цензуры и стала цензура МИДв. Следует, однако, отметить, что термин «карательный» в цензурном законодательстве того времени не встречался; тогда говорилось только об административных взысканиях, налагаемых в случае нарушений на издания, «изъятые от предварительной цензуры».

Историки цензуры отмечали заимствованный характер новых законодательных установлений; образцом для них послужили аналогичные законы, принятые в 1852 г. во Франции, при императоре Наполеоне III, а еще раньше — в Пруссии и Австрии⁹⁶. Отмечались и общие для всех этих стран цели законодателя: «Система эта... получила господство в тех странах, где, по существующим условиям, невозможно было восстановить цензуру предварительную, но вместе с тем являлось желание приблизиться к ней, как возможно более»⁹⁷. Здесь коренились причины двойственности, половинчатости и, как следствие, противоречивости этого законодательного акта, вошедшего в историю России как цензурная реформа.

Очень точно охарактеризовал суть основного недостатка цензурной реформы В. Якушкин: «Главное “облегчение и удобство”, какое было дано печати, заключалось в разрешении изданий без предва-

рительной цензуры, в установлении судебной ответственности. Но значение этих мер для периодической печати сразу парализовалось сохранением “административных взысканий”, то есть административного произвола. Временные постановления по цензуре 1865 года заключали в себе двойственность. Трудно было ожидать, чтобы практика сохранила равновесие между двойственными элементами этих постановлений; и действительно, последующие распоряжения нарушили это равновесие в ущерб основным принципам постановлений 1865 года»⁹⁸.

В. Г. Чернуха подчеркивает непоследовательность «Временных правил...» 1865 г., свойственную, по ее мнению, всем буржуазным реформам Александра II. Более того, она считает «Временные правила...» самой консервативной из всех реформ 1860-х гг.⁹⁹ Однако, думается, ближе к истине мнение другой современной исследовательницы вопроса, Н. Г. Патрушевой, которая, напротив, весьма высоко оценивает эту реформу: «В истории цензурного законодательства устав 1865 г. явился значительным шагом вперед, положив начало переходу от старой системы предварительной цензуры к закону о печати, основанному на судебной ответственности». Цензурная реформа, по мнению Патрушевой, отнюдь не была самой ограниченной в ряду Александровских реформ: «Если говорить об этих реформах как законодательных актах, отвлекаясь от процесса их реализации, следует считать, что на пути к правовому строю цензурная реформа была не менее значительным шагом, чем новые судебные уставы, а с точки зрения создания юридических возможностей для общественной деятельности в стране, ей принадлежит не меньшая роль, чем реформам земской и городской»¹⁰⁰.

Мнение министра двора В. Ф. Адлерберга, выраженное при обсуждении цензурной реформы, было проигнорировано. Утвержденные «Временные правила...» не содержали никаких установлений относительно придворной цензуры, не отменяя, однако, ранее принятых по данному вопросу актов. Подобное положение не могло устроить МИДв. В мае 1868 г. ГУ ДП подготовило проект дополнений к действовавшим цензурным постановлениям. Этот проект предусматривал дополнение отдела IV «Временных правил...». В нем перечислялись исключения, на которые не распространялось их действие. Этот отдел предполагалось дополнить пунктом 2: «На сочинения и статьи, в коих сообщаются личные действия и изустные выражения Государя Императора и членов Императорского Дома».

Необходимость нововведений мотивировалась министром императорского двора В. Ф. Адлербергом так: «Принимая во внимание, что после издания закона 6 апреля, редакторы и издатели повременных изданий, изъятых от предварительной цензуры, могут признавать обязательными только этот закон и опубликованные, установленным порядком, законодательные постановления, тем более что в окончательной редакции законоположений 6 апреля 1865 года не было указано, в каких именно частях существующие цензурные постановления должны считаться измененными и дополненными, Совет Главного Управления по делам печати пришел к заключению о необходимости дополнить отдел IV указа 6 апреля в смысле Высочайшего повеления 15 сентября 1863 года»¹⁰¹.

Присланный на утверждение проект дополнения был признан министром двора недостаточным. В своем отзыве от 30 мая 1868 г. он писал: «Потребность дополнения к отделу IV указа 6 апреля 1865 года вызвана указаниями опыта. В действующее законоположение о печати не вошло постановление 15 сентября 1863 года... соблюдаемое во всей строгости до издания закона 6 апреля. Неудобства такого обстоятельства... не замедлили обнаружиться на практике. Во многих газетах стали появляться корреспонденции, возбуждавшие неудовольствия Августейших Особ Императорской Фамилии... В периодических и других изданиях, освобожденных от предварительной цензуры, помещались известия и статьи, которые не были бы дозволены к печати по постановлению 15 сентября 1863 года». Между тем, считал министр, предлагаемая формулировка пункта 2 «не вполне объемлет содержание упомянутого Высочайшего повеления... В проекте дополнительного пункта, как оказалось при сличении оного с текстом Высочайшего повеления, опущена существенная и весьма важная часть последнего». Эту формулировку министр предложил дополнить словами: «...или же приводятся речи, обращенные к Высочайшим Особам, а также на статьи, содержащие в себе рассказы и суждения, до Членов Императорской Фамилии относящиеся»¹⁰².

В заключение В. Ф. Адлерберг подчеркнул, что ему представляется «удобнейшим не вводить правила сего в законоположение, а ограничиться циркулярным предписанием о том по цензуре», — никак не мотивируя, однако, это свое пожелание. Последний момент необходимо отметить, поскольку он представляется исключительно интересным. Это первое обнаруженное документальное подтверждение наметившегося в то время перехода: от существовавшей прежде

практики обязательной кодификации всех законоположений, регулировавших деятельность придворной цензуры (в форме указов, публикуемых должным образом), — к новой нормативной практике, позволявшей обойти кодификацию.

Действительно, впоследствии многие положения, относившиеся к придворной цензуре, не вводились установленным для законов Империи порядком — в форме высочайших или сенатских указов, с помещением в ПСЗ. Механизм их принятия стал следующим. На основании всеподданнейших докладов министра императорского двора формулировались высочайшие повеления, выражаемые императорами министрам двора чаще всего в устной форме. Затем повеления путем межведомственных бюрократических сношений, через посредство Канцелярии МИДв, доводились до сведения министра внутренних дел, — после чего выходили уже в форме циркулярных распоряжений и предписаний по ГУ ДП, относившемуся к МВД. Таким образом, эти положения обходили официально принятый, через Сенат, способ обнародования подобных юридических актов. Можно предположить, что такая практика была избрана ввиду возраставшей в течение последней трети XIX в. закрытости придворной цензуры от общества. Возвращение же к прежней схеме произошло в 1897 г. уже при министре двора В. Б. Фредериксе.

Проектируемое дополнение отдела IV указа 6 апреля в 1868 г. так и не последовало. Однако годы применения на практике «Временных правил...» дали основание для разработки новых изменений. 2 ноября 1869 г., «для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати и для приведения их в надлежащую систему, ясность и полноту»¹⁰³, была высочайше утверждена Особая Комиссия под председательством князя С. Н. Урусова. Итогом ее двухлетней деятельности стало составление проекта нового цензурного устава (позднее оставшегося без утверждения) и издание в 1870 г. сборника «Материалы, собранные Особой Комиссией, Высочайше утвержденной 2 ноября 1869 года, для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати».

Ситуацию с затянувшейся кодификацией смог переломить только новый министр императорского двора, в полной мере, надо полагать, сознававший ее необходимость. 17 апреля 1870 г. Министерство двора возглавил А. В. Адлерберг, сменивший на этом посту своего отца. А уже 28 апреля император Александр II утвердил журнал «Особого Комитета для установления мер к устранению на будущее время появления в русской печати неверных или неуместных известий и

статей, касающихся Особы Государя Императора и Членов Императорской Фамилии», под председательством А. В. Адлерберга. Вскоре Особая Комиссия утвердила в журнале № 7 новые законодательные положения, вошедшие в цензурное законодательство в качестве базовой юридической нормы придворной цензуры.

Статья 73 «Об оглашении в печати сочинений и статей, касающихся Особы Государя Императора и членов Императорской Фамилии» состояла из двух частей: «1. Сочинения и статьи, как оригинальные, так и переводные, в коих описываются личные действия или излагаются изустные выражения Государя Императора и прочих Особ Императорской Фамилии, или же приводятся обращенные к ним речи, а также статьи, содержащие в себе рассказы и суждения, до Высочайших Особ относящиеся, во всех без исключения изданиях, повременных и других, печатать не иначе, как с разрешения Министра Императорского Двора, и 2. Разрешение к печати обыкновенных известий о путешествии Высочайших Особ предоставляется и местным Губернаторам»¹⁰⁴.

Начиная с этого момента текст данной статьи оставался неизменным до последнего дня существования придворной цензуры. Правда, в течение следующих десятилетий статья 73 включила в себя некоторые дополнения, однако они касались частных вопросов и вошли в текст в виде дополнительных пунктов, не изменив приведенных основных положений. Таким образом, сводная статья, регламентировавшая ранее деятельность придворной цензуры, была заменена единой юридической нормой, что означало наступление нового этапа в истории придворной цензуры.

Третий этап (1857–1870 гг.) представляется наиболее важным из всех прочих. Главным его итогом следует признать фактическое завершение в 1870 г. кодификации законодательных положений, ставших юридической основой деятельности придворной цензуры, принятием единой статьи 73. Существование этой нормы — четко сформулированной, занимавшей соответствующее место в российском цензурном законодательстве и остававшейся неизменной на протяжении длительного времени — стало основой законодательной стабильности и юридической определенности в этой области.

Другим важным итогом третьего периода стало сначала ограничение множественности цензуры (в 1858 г.), а затем и полная замена одного ее вида (ведомственной цензуры) другим — специально-административной цензурой (в 1865 г.). Следствием этой замены стало

упрочение исключительного положения придворной цензуры в качестве последней ведомственной цензуры, существовавшей как бы вне построенной цензурной системы — в качестве своеобразного «рудимента» предшествовавшей цензурной эпохи. Необходимо отметить и еще один важный момент: в ходе этого периода впервые идеологические функции придворной цензуры вышли на первый план. Именно к упрочению влияния придворной цензуры на процессы создания и репрезентации образа Верховной власти отечественными частными источниками информации относилось большинство цензурных положений, касающихся изучаемой темы и появившихся в этот период.

4. КОДИФИКАЦИЯ НОРМ ПРИДВОРНОЙ ЦЕНЗУРЫ ПОСЛЕ ЕЕ ВВЕДЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК ИНСТИТУТА (1870–1917 гг.)

Начало следующего, четвертого, этапа совпало с приходом нового министра императорского двора А. В. Адлерберга. Он занимал пост министра до 1881 г., когда был замещен И. И. Воронцовым-Дашковым. Как уже отмечалось, режим, установившийся в России к этому времени в области придворной цензуры, отличался стабильностью и определенностью. В 1876 г. был издан новый устав по цензуре и печати, позже он переиздавался еще дважды — в 1886 и в 1890 гг. Помимо официальных изданий цензурного устава, выходили и неофициальные, частные, цензурные издания. Основу каждого такого издания составлял текст последнего по времени Устава, со всеми позднейшими узаконениями. Кроме того, в них входили разнообразные нормативные документы (циркуляры, правила и т. д.), необходимые разъяснения Сената, а иногда и «законодательные мотивы», — по сути, комментарии составителя к соответствующим документам. Цензурные положения быстро устаревали, а потому подобные издания часто переиздавались. Наиболее популярными были «Законы о печати (Настольная справочная книга)» З. М. Мсерианца, изданные в Москве в 1868, 1876, 1888, 1893, 1896, 1899 гг., и «Устав о цензуре и печати», опубликованный В. П. Ширковым в Санкт-Петербурге в 1900 г. Помимо этого, периодически выпускались и другие неофициальные сборники цензурных документов, но это были разовые издания, имевшие относительно небольшие тиражи.

Как уже отмечалось, сложившееся к началу 1870-х гг. цензурное законодательство вновь узаконило множественность цензуры в ее новой форме — специально-административной. Теперь специально-административная цензура относилась к общей внутренней цензуре, а область ее действия ограничивалась «...определенною в законе специальною сферою словесности, наук и искусств... Специально-административная цензура хотя и подчиняется высшим органам общей цензуры, но действует самостоятельно... Специально-административная цензура нашла место в специальных постановлениях о некоторых отраслях управления, с указанием иногда на них и в постановлениях по цензуре общей»¹⁰⁵.

Исключений, составивших эту часть цензуры, было немного. Так, печатные постановления, доклады и отчеты о заседаниях земских, дворянских и городских общественных и сословных собраний, а также сопутствующие прения и речи, теперь подлежали предварительной цензуре местного губернского начальства (статья 97). Цензура медицинских книг и печатных объявлений о медицинских средствах осуществлялась Медицинским советом при Министерстве внутренних дел или медицинскими факультетами местных университетов (ст. 103). Частные объявления и афиши цензуровались местным полицейским начальством (ст. 105–106). Печатание объявлений о продаже билетов иностранных лотерей осуществлялось с разрешения Министерства финансов (статья 102)¹⁰⁶.

В текст статьи 73, регламентировавшей деятельность придворной цензуры, входили только два положения, утвержденные 28 апреля 1870 г. Все появлявшиеся дополнения выходили вплоть до 1898 г. только на уровне нормативных документов — в форме циркулярных распоряжений и предписаний по ведомству общей цензуры — ГУ ДП. Так, именно на уровне нормативных документов в 1872 г. была принята весьма важная в идеологическом плане мера, возвратившая Верховную власть к николаевской практике влияния на процесс создания своего образа внутри страны иностранными частными издателями и производителями. По докладу министра финансов М. Х. Рейтерна, в чье ведение входили таможи Империи, 12 декабря 1872 г. последовало высочайшее повеление об обязательной цензуре всех поступавших на таможи из-за границы картин, гравюр, фотографий и различных предметов с изображениями членов императорской фамилии: «...испрашивать всякий раз разрешение на обращение их в публике, через Министра Императорского Двора»¹⁰⁷. Данное нововведение хоть и

не отменяло, но напрямую противоречило положению 1856 сентября 20 (30969)¹⁰⁸, регулировавшему деятельность органов иностранной цензуры, которые выполняли функции, во многом дублировавшие таможенные. Этот фактический отказ Александра II от своей первой цензурной меры, направленной на формирование образа Верховной власти и призванной тогда показать всему миру либерализм молодого императора, является, на наш взгляд, явным знаком того, что взгляды носителя Верховной власти на идеологию, а как следствие — и на цензуру, — к этому времени претерпели серьезные изменения.

Следующий циркуляр, № 2947 от 19 мая 1873 г., впервые узаконил перечень официальных изданий и условия, при которых соответствующие материалы могли на законных основаниях миновать повторную придворную цензуру: «Никакие перепечатки статей, касающиеся Особ Императорской Фамилии, не должны быть допускаемы в подцензурных изданиях без нового их разрешения Министром Императорского Двора, за исключением лишь статей сего рода, появившихся в “Правительственном Вестнике” и “Русском Инвалиде”, из коих подобные статьи могут быть разрешаемы беспрепятственно, без сношения с Министром Императорского Двора»¹⁰⁹. Таким образом, положение 1858 г. о повторных публикациях¹¹⁰ было существенно дополнено.

Стремительно меняющаяся в стране в конце 1870-х гг. общественно-политическая ситуация нашла свое отражение и в нормативных документах по придворной цензуре. Так, циркуляр № 1839 от 18 мая 1879 г. предписывал: «Нельзя печатать никаких предварительных публикаций и известий о предстоящих отъездах или переездах из одного места в другое Особы Его Величества и Членов Императорской Фамилии»¹¹¹. Этот документ внес серьезное изменение в прежнее постановление 1850 г.¹¹², заняв свое место в ряду прочих мер государственной защиты от терроризма.

После убийства Александра II 1 марта 1881 г. на престол взошел император Александр III. В течение его царствования был выпущен только один новый нормативный документ, касавшийся придворной цензуры, — циркулярное распоряжение ГУ ДП № 3887 от 4 сентября 1889 г., принятое по заявлению министра двора. Оно регламентировало цензуру портретов и прочих изображений членов императорской фамилии. Отныне они, как и все подобные материалы, должны были в обязательном порядке представляться на рассмотрение министра двора. Следует отметить, что это нововведение, несмотря на его важность, так и не было впоследствии кодифицировано. Похоже,

Александр III вообще не придавал придворной цензуре особого значения. Характерно, что в утвержденных императором 27 августа 1882 г. новых «Временных правилах о печати», внесших серьезные изменения в цензурный режим страны и усиливших роль административного вмешательства в дела печати, о ней даже не упоминалось. Можно предположить, что проблему формирования своего образа император стремился решать исключительно лично, — предпочитая, как говорится, «быть», а не «казаться».

Следующий нормативный документ, направленный на формирование образа Верховной власти, был издан уже в царствование императора Николая II. После появления в продаже чашек с изображением Николая II и Александры Федоровны вышло циркулярное извещение МВД за № 2307 от 29 мая 1895 г., принятое по отношению Канцелярии МИДв. Оно уведомляло губернаторов «...о недозволении к обращению в продаже, без соответствующего заключения Министерства, предметов, имеющих в домашнем обиходе утилитарное значение, с изображением на них портретов Их Императорских Величеств»¹¹³. Впоследствии это положение неукоснительно применялось в повседневной практике придворной цензуры.

Другой циркуляр, уже по ведомству цензуры, № 700 от 26 января 1898 г. (принятый также по отношению Канцелярии МИДв), предписывал цензорам: «В каталогах и прејскурантах могут быть помещаемы названия растений, цветов и плодов, посвященных Именам Особ Императорской Фамилии, лишь в том случае, если на это посвящение было предварительно испрошено согласие той Особы, именем которой желательно назвать растение или плод»¹¹⁵. Третья новация отразилась в отношении Канцелярии МИДв № 6412 от 22 сентября 1898 г. Оно уведомляло Петербургский цензурный комитет о том, чтобы «все сведения, касающиеся Высочайших Особ и помещаемые в отчетах разных благотворительных и ученых обществ, представлялись, согласно ст. 73 Устава Цензуры, предварительно на цензуру в Министерство Императорского Двора»¹¹⁵. Характерны сами поводы этих цензурных нововведений — интерес к чашкам и цветам свойственен стабильному, мирному, спокойному обществу.

Вскоре вышло и первое, после многолетнего перерыва, кодифицированное положение, направленное на формирование образа Верховной власти, — высочайшее повеление от 5 ноября 1898 г. Оно вошло в продолжение Устава о цензуре и печати 1902 г. в качестве дополнения к статье 73: «Все статьи, содержащие в себе известия об

Иностранных Августейших Особах, во время пребывания их в России, в качестве Высоких Гостей у Его Императорского Величества и Особ Императорской Фамилии, — безотносительно к тому, находятся ли пребывающие в России Иностранные Августейшие Особы в родстве с Императорским Российским Домом или нет, — допускаются к печатанию во всех без исключения изданиях, повременных и других... не иначе как с разрешения Министра Императорского Двора»¹¹⁶. Отношением № 5609 от 2 июля 1902 г. Канцелярия МИДв сообщила в ГУ ДП о том, что министр двора «...не признал желательным распространение в пределах Империи беллетристических произведений, в коих, хотя бы и не в качестве действующих лиц, неоднократно упоминается имя ныне благополучно царствующего Государя Императора»¹¹⁷.

Появление кинематографа нашло свое отражение в высочайшем повелении от 15 июня 1902 г. (оставшемся, несмотря на важность этого акта и его последующее широкое применение, не кодифицированным): «Разрешение снимков различных торжеств с изображениями Августейших Особ предоставить Министру Императорского Двора, а картины неофициального характера не разрешать без Высочайшего указания»¹¹⁸. Поскольку, как уже отмечалось, предварительная цензура фотографии была введена еще в 1891 г., это положение органично вошло в формировавшийся корпус документов, относившихся к придворной цензуре. Также естественно (поскольку предварительная цензура изобразительной продукции существовала еще с 1865 г.) в этот корпус вошло и кодифицированное высочайшее повеление от 1 сентября 1903 г.: «Все рисунки медалей, на коих имеются изображения Высочайших Особ здравствующих, предварительно отпечатания сих медалей, следует представлять на цензуру Министра Императорского Двора»¹¹⁹.

12 декабря 1904 г. был обнародован именной высочайший указ, который занял важное место в истории общей цензуры. В пункте 8 этого указа отмечалось намерение «...устранить из ныне действующих о печати постановлений излишние стеснения и поставить печатное слово в точно определенные законом пределы...»¹²⁰. Во исполнение этого указа, 21 января 1905 г. Комитет Министров учредил «Особое Совещание для пересмотра действующего цензурного законодательства и для составления проекта нового устава о печати», под председательством члена Государственного Совета, директора Императорской публичной библиотеки, действительного тайного советника Д. Ф. Кобеко.

Целью Совещания было заявлено «создание нового... законоположения, которое, сообразно признанному с высоты Престола значению печати, сообщало бы ей соответственное положение и создало условия, менее для ее развития стеснительные...»¹²¹. Совещание работало с 10 февраля по 4 ноября 1905 г. В итоге был составлен проект нового устава, который, однако, не был утвержден ввиду резкого изменения политической ситуации в стране. Тем не менее, его материалы были опубликованы в виде отдельного издания (в этом смысле обращает на себя внимание схожесть исторической судьбы Особого Совещания 1905 г. и Особой Комиссии 1869 г.).

На заседании 22 марта 1905 г. (протокол № 11) обсуждалась и статья 73¹²². Это обсуждение представляется исключительно важным, поскольку дает основания для выводов о видении юридических основ придворной цензуры ее тогдашним руководителем — начальником Канцелярии МИДв, свиты е.и.в. генерал-майором А. А. Мосоловым. Прежде всего, Мосолов сообщил, что находит положения данной статьи «вполне правильными по существу и подлежащими дальнейшему сохранению в законе». Вместе с тем, он отметил, что эта статья, основанная на положениях, принятых 35 лет назад, «оказывается несогласованною в настоящей своей редакции с некоторыми узаконениями позднейшего времени (имеются в виду акты 5 ноября 1898 г. и 1 сентября 1903 г. — С. Г.)». Также он указал на необходимость точного согласования текста статьи с законодательными актами, напрямую не связанными с цензурой, но оказывающими, по мнению А. А. Мосолова, косвенное влияние. Несомненно, он имел в виду «Учреждение об Императорской Фамилии», утвержденное 2 июля 1886 г., установившее различие в преимуществах ближних родственников царствующего императора и прочих членов императорского дома, а также новое Уголовное Уложение, утвержденное 22 марта 1903 г., в котором было упомянуто о необходимости «особого охранения памяти почивших Родителя и Предшественника Царствующего Императора». Кроме того, А. А. Мосолов сослался и на практическую деятельность органа придворной цензуры последних лет, выдвинувшей разнообразные ситуации, также не предусмотренные статьей, — «...касающиеся, главным образом, сферы торговых и промышленных интересов частных лиц и учреждений, — когда выпуск в свет тех или других произведений печатного слова должен несомненно быть поставлен в зависимость от разрешения сего Министерства. Для подобных, в законе прямо не предусмотренных случаев и во избежание...

нежелательных последствий, оказалось необходимым издать ряд административных распоряжений и циркуляров. В настоящее время... было бы вполне соответственно... те из означенных распоряжений и циркуляров, которые желательно сохранить и впредь, облечь в форму законодательных определений и включить в закон». В связи с этим, сообщил Мосолов, в его Министерстве был предпринят пересмотр всех нормативных документов, относившихся к придворной цензуре, и выработаны соответствующие дополнения к действующей статье, которые представлены Особому Совещанию.

В заключение начальник Канцелярии МИДв подчеркнул, что его ведомство «отнюдь не преследует в изложенных предположениях своих цели установить для печати, путем расширения области придворной цензуры, какие-либо новые стеснения, а исходит, наоборот, из того взгляда, что облечение распоряжений, издававшихся доселе путем административным, в определенную и твердую форму закона, явится несомненным улучшением существующего по сему предмету порядка, создавая для должностных лиц придворного ведомства, на коих возлагается цензирование, — более твердые и ясные основания для их деятельности, а для частных лиц, обращающихся в цензуру Министерства, — возможность вполне определенного руководства общеизвестным и всем доступным законом».

Итоговый вариант статьи, вошедший в проект устава, имел основную часть и четыре пункта, которые, ввиду особой важности, будут приведены полностью (курсивом выделены новые, относительно прежней редакции статьи 73, положения).

«73. Сочинения, статьи и известия, как оригинальные, так и переводные, в коих описываются личные действия *Их Императорских Величеств и Членов Императорского Дома, коим принадлежит титул Императорских Высочеств* (Зак. Осн., ст. 100–102 и прим.), или излагаются выражения *на словах или письме поименованных Высочайших Особ, либо приводятся сведения и суждения о частной их жизни*, печатаются с разрешения Министра Императорского Двора.

В том же порядке печатаются обращенные к Их Императорским Величествам речи и подносимые Им лично прошения, а также устные и письменные на них ответы Их Величеств.

Разрешение к печати обыкновенных известий о путешествии *Их Императорских Величеств* предоставляется и местным Губернаторам».

В виде особого мнения в протокол было занесено замечание одного из членов Совещания, известного правоведа К. К. Арсеньева, полагающего, что «...проектируемое в настоящей статье подчинение цензуре Министерства Императорского Двора подносимых Их Императорским Величествам прошений и ответов на них, расширяя, вопреки основной цели Совещания, сферу действия специальной цензуры, подлежит исключению».

«73-1. Сочинения, статьи и известия о главах иностранных государств и иностранных Августейших Особах, во время пребывания их в России, в качестве Высоких Гостей Их Императорских Велиществ или Особ Императорской Фамилии, печатаются с соблюдением правил, в предыдущей статье указанных».

73-2. Сочинения и статьи, как оригинальные, так и переводные, содержащие в себе рассказы и суждения, касающиеся частной жизни усопших Родителя или Предшественника Царствующего Императора, печатаются с разрешения Министра Императорского Двора».

В виде особого мнения было отмечено, что К. К. Арсеньев счел этот пункт подчиняющим литературу новой, не предусмотренной действующим уставом предварительной цензуры, что «прямо противоречило бы как Высочайше предуказанной настоящему Совещанию цели — освободить печать от излишних стеснений, так и принятым уже Совещанием положениям о бесцензурности всех вообще повременных изданий и книг». Кроме того, Арсеньев полагал, что этот пункт препятствовал бы, «в весьма значительной степени, дальнейшему развитию столь желательных у нас исторических научных исследований, отодвигая пределы таких исследований на весьма отдаленную, иногда от современников, эпоху и затрудняя правильное и всестороннее освещение событий и лиц первостепенной, может быть, исторической важности».

«73-3. Печатание гербов, вензелевых изображений и скопированных почерков рук и подписей Высочайших Особ, в статье 73 поименованных, или упоминание Их Имени на вывесках или объявлениях частных лиц и торговых или промышленных заведений, а равно печатание афиш, программ и объявлений об устраиваемых, с разрешения или под покровительством названных Высочайших Особ, театральных либо иных представлениях, разрешается Министром Императорского Двора».

73-4. Картины, портреты и рисунки с изображениями Высочайших Особ, в статье 73 поименованных, получаемые из-за границы

и изготавливаемые в России, а равно медали и вообще всякие предметы с изображениями названных Высочайших Особ, печатаются и допускаются для обращения в публике с разрешения Министра Императорского Двора».

Рассмотрим приведенные положения постатейно. В основной части статьи 73 следует отметить нововведение о цензуре речей, подносимых прошений и ответов на них. Можно предположить, что оно было вызвано участвовавшими контактами высочайших особ с делегациями представителей сословий на различных торжествах. Безусловно, К. К. Арсеньев был прав, отмечая в этой статье расширение сферы действия придворной цензуры, однако, как представляется, данное расширение было вызвано реальными потребностями жизни, а не чиновничьим произволом, а потому было вполне оправданно.

В пункте 73-1 следует отметить введение в текст упоминания о главах иностранных государств, вместо изъятых замечания о родстве с Российским императорским домом. Можно предположить, что это нововведение было вызвано произошедшей в последние десятилетия XIX в. переориентацией внешней политики Империи с монархической Германии на республиканскую Францию. Прежде наиболее частыми политическими визитерами в Россию были члены немецких королевских домов, многие из которых состояли в родстве с домом Романовых, и именно этот факт родства служил основанием для отнесения информации об этих событиях к ведению придворной цензуры. Теперь главным политическим союзником России в Европе стала Франция, и информационная поддержка визитов выборных президентов должна была получить соответствующее законодательное основание. Новая формулировка, предписывающая представлять в МИДв материалы, упоминающие обо всех высоких гостях, независимо от их родства с Российским императорским домом, уравнивала иностранных государственных лиц перед цензурным законодательством и потому, как представляется, была вполне актуальна.

Пункт 73-2, впервые после 1860 г.¹²³, регламентировал правила публикации исторических сочинений. Данное положение обсуждалось еще в 1899 г.¹²⁴, однако тогда никаких актов не последовало. Учитывая, что настоящая редакция ограничивала пределы исторических изысканий уже не концом царствования Петра I (1725 г.), как прежде, а началом царствования Александра III (1881 г.), ее принятие означало бы отмену предварительной цензуры для огромного периода русской истории.

Что касается пункта 73-3, то он кодифицировал положения, ранее существовавшие в практической деятельности придворной цензуры только на уровне негласных правил и запретов, что являлось, на наш взгляд, весьма положительным моментом, поскольку четкий закон всегда лучше административного произвола.

Пункт 73-4 существенно изменял статью 201 Прим. Устава о цензуре и печати издания 1890 г. Согласно этой статье, представлявшей собой кодифицированный вариант положения 1856 сентября 20 (30969)¹²⁵, органы иностранной цензуры могли самостоятельно решать вопрос о пропуске вещей с изображениями высочайших особ. Однако такое положение входило в противоречие с порядком, установленным высочайшим повелением еще 12 декабря 1872 г. (оно не было кодифицировано). Это повеление предписывало таможням «...испрашивать всякий раз разрешение на обращение их [привозимых картин, гравюр, фотографий и других предметов с изображениями особ императорской фамилии — С. Г.] в публице, через Министра Императорского Двора»¹²⁶. Теперь же существовавшее более тридцати лет (с 1872 г. по 1905 г.) противоречие между нормативным и законодательным уровнями предполагалось ликвидировать, передав право решения соответствующих вопросов от органов иностранной цензуры, входившей в состав общей цензуры, — цензуре МИДв.

Введение этого положения следует признать юридически правильным, поскольку оно уничтожало противоречия и вело к законодательному единообразию. Однако подобное возвращение к существовавшему при императоре Николае I порядку означало прежде всего еще одно расширение сферы действия придворной цензуры. Можно предположить, что на это изменение, явно противоречащее заявленным целям Совещания, руководители придворной цензуры пошли также и под давлением обстоятельств: широко распространившиеся в тот период в европейской прессе политические карикатуры, героями которых регулярно становились и российские политические деятели, зачастую были не вполне корректны.

Как можно заметить, проектировавшиеся изменения имели весьма радикальный характер. Их утверждением кодифицировались бы все те нововведения, которые считались в этот период наиболее важными самими руководителями придворной цензуры. При этом в единую законодательную норму оказались бы сведены все рассмотренные выше юридические положения, направленные на формирование образа Верховной власти, что означало бы серьезный шаг вперед в дальнейшей

адаптации института придворной цензуры к существовавшей государственно-политической системе — уже на прочной законодательной основе.

Однако разворачивающаяся в стране революция изменила все планы. Обнародованный 17 октября 1905 г. Манифест «Об усовершенствовании Государственного порядка» провозгласил, в числе прочих, и свободу слова¹²⁷. В развитие этого положения, 24 ноября 1905 г. был обнародован именной высочайший указ «О временных правилах о повременных изданиях», который гласил: «Предварительную как общую, так и духовную цензуру выходящих в городах Империи повременных изданий, а равно эстампов, рисунков и других изображений, помещаемых в сих изданиях или же выпускаемых ими отдельными листами, — отменить, сохранив действующие о повременных изданиях постановления в отношении изданий, выходящих вне городов»¹²⁸. Статья 73 и добавление к ней (по продолжению 1902 г.) упоминались в числе немногих статей, сохранявшихся в силе, как не отменяемых или не заменяемых настоящим указом. Статья 201 Прим. (об иностранной цензуре) отменялась. Через полгода, 26 апреля 1906 г., вышли «Временные правила для неповременной печати» с аналогичными постановлениями. Именно с этого времени устав 1828 г. и его многочисленные наслоения утратили юридическую силу.

Таким образом, формулировки статьи 73 Устава о цензуре и печати издания 1890 г. остались неизменными и существовали в таком виде вплоть до 1917 г. Вышедшее в 1912 г. дополнение устава кодифицировало без изменений положение от 5 ноября 1898 г. (о цензуре информации о высоких гостях) — как пункт 73-1, и положение от 1 сентября 1903 г. (о цензуре медалей) — как пункт 73-2. Дополнения 1913–1914 гг. не внесли в них никаких изменений. Также не содержали изменений и два документа военной поры, касающиеся придворной цензуры: вышедшее 20 июля 1914 г. «Положение о военной цензуре» и опубликованные в 1915 г. «Правила о порядке выдачи разрешений корреспондентам...»¹²⁹. Подтверждая действие статьи 73, они регламентировали порядок взаимодействия органов печати и цензуры МИДв в условиях военного времени. Можно предположить, что дальнейшая кодификация положений, регулировавших деятельность придворной цензуры, была сочтена нежелательной, поскольку это могло спровоцировать новые нападки либерального общественного мнения на Верховную власть.

Некоторые дополнения, но только на нормативном уровне, появились лишь после наступившего в России относительного общественного спокойствия. 10 августа 1909 г. вышел циркуляр ГУ ДП № 7020, разрешивший, без дополнительного сношения с МИДв, перепечатку «в повременных изданиях портретов Высочайших Особ, уже помещенных в Петроградских изданиях, но при условии указания источника заимствования»¹³⁰. Вскоре, 8 декабря 1909 г., там же появился циркуляр № 11704, уведомлявший, что «повергнутые на Высочайшее Государя Императора и Августейших Особ воззрение адреса и телеграммы, а также письма или телеграфные ответы на таковые — печатаются в периодических изданиях с разрешения высшей местной администрации, а также Комитетов по делам печати»¹³¹. Это были последние реально утвержденные цензурные положения, направленные на формирование образа Верховной власти в России. Характерно, что они впервые за многие десятилетия не расширяли полномочия МИДв, а, напротив, сужали, передавая их другим инстанциям.

В начале 1910-х гг., в условиях установившейся социальной и экономической стабильности, был вновь поднят вопрос о разработке единого закона о печати. Так, выступавший 5 июля 1912 г. в IV Государственной Думе председатель Совета Министров В. Н. Коковцов отметил, что правительство «вполне осознает всю желательность замены административных репрессий судебным порядком преследования правонарушений в области печатного слова, так же как и настоятельную необходимость определить положение печати, и в особенности повременной ее части, твердыми нормами ясного и незыблемого закона»¹³².

Проект нового устава о печати был разработан и опубликован МВД в том же 1912 г. Проектируемые в нем положения по изучаемому вопросу заслуживают внимания, поскольку являются последним в истории вариантом законоположений по придворной цензуре. В этой связи можно предположить, что при их составлении учитывались не только все прежние документы, не только постоянно накапливавшийся в этой области практический опыт, но и реалии миновавшей революции. Проект включал всего 152 статьи (против 302 в издании 1890 г.). Изучаемой теме в нем был посвящен раздел V, озаглавленный «О произведениях печати, подлежащих рассмотрению Министерства Императорского Двора (о придворной цензуре)». Таким образом, впервые открыто признавалось наличие цензуры МИДв как единственной оставшейся ведомственной цензуры.

Кроме того, впервые в российское цензурное законодательство вводился сам термин «придворная цензура».

Раздел состоял из двух статей. Ниже они приводятся полностью (курсивом выделены новые положения по сравнению с проектом 1905 г.)¹³³.

«71. Сочинения, статьи и известия, как оригинальные, так и переводные, в коих *обсуждаются или приводятся слова и действия Их Императорских Величеств и Их Императорских Высочеств (ст.ст. 144–146 и прим. Св. Осн. Гос. Зак., изд. 1906 г.)*, либо излагаются сведения и суждения о частной жизни поименованных Высочайших Особ, а равно сочинения и статьи, содержащие в себе рассказы и суждения, относящиеся к личным действиям и жизни усопших родителей Царствующего Императора, печатаются с разрешения Министра Императорского Двора.

72. В том же порядке печатаются:

а) обращенные к Их Императорским Величествам и *Их Императорским Высочествам речи, приветствия, а также адреса и телеграммы*,

б) гербы, вензелевые изображения и скопированные почерков рук и подписей Высочайших Особ здравствующих, а также рисунки медалей, на коих имеются изображения тех же Высочайших Особ,

в) *плакаты, вывески, объявления и афиши, с указанием имени, герба или вензеля Высочайших Особ*,

г) афиши, программы и объявления об устройении с разрешения или под покровительством Их Императорских Величеств или Их Императорских Высочеств театральных представлениях, *собраниях, концертах, выставках и съездах*,

д) картины, портреты, рисунки и *всякого рода фотографические и кинематографические снимки, изображающие Их Императорских Величеств или Их Императорских Высочеств, или Родителей сих Высочайших Особ*,

е) сочинения, статьи и известия о главах иностранных государств и иностранных Августейших Особах, во время пребывания их в России, в качестве Высоких Гостей Их Императорских Величеств *или Их Императорских Высочеств*.

Примечание. Разрешение к печати обыкновенных известий о путешествии Их Императорских Величеств и Их Императорских Высочеств, а также посылаемых на имя Их Императорских Величеств и Их Императорских Высочеств телеграмм и адресов,

по поводу каких-либо местных событий, собраний или съездов, в случае получения Высочайших письменных или телеграфных ответов, равно и самих этих ответов, предоставляется местным Губернаторам или Градоначальникам».

Кроме того, изучаемой темы касалась также статья 117, которая гласила: «Поступающие из-за границы произведения неповременной печати, относящиеся к предметам, поименованным в ст. ст. 71 и 72 сего Устава, дозволяются к обращению не иначе, как по сношении с Министром Императорского Двора».

Как можно заметить, действие придворной цензуры значительно расширялось даже в сравнении с проектом устава 1905 г. Раздел регламентировал все возможные ситуации с упоминанием императора и членов императорской фамилии в практической жизни, определяя и применение технических новшеств (фотографии, кинематографа, телеграфа). Впервые вводилась особая статья, распространявшая придворную цензуру и на привозимую из-за рубежа литературу. Можно предположить, что утверждение приведенных статей означало бы расширение сферы деятельности придворной цензуры до наибольших в ее истории пределов. Однако все эти меры остались лишь на бумаге... Проект устава о печати неоднократно обсуждался в Совете Министров, был наконец передан в Государственную Думу, где его обсуждение и затянулось вплоть до начала войны, а затем было прекращено.

Четвертый (последний) этап истории юридических основ деятельности придворной цензуры стал самым стабильным из всех. Закрепленная в цензурном законодательстве в конце предыдущего периода статья 73 оказалась вполне работоспособной, что позволило органам придворной цензуры функционировать в жестко очерченных законом пределах длительное время. Последовавшие (а также и только проектируемые) изменения возникли лишь после того, как изменилась сама жизнь, — в социальном, но главное, — в технологическом смысле.

* * *

Проведенное исследование процесса кодификации положений, ставших юридическими основами деятельности органов придворной цензуры, позволяет сделать вывод о том, что этот процесс носил неравномерный характер. В течение долгого времени данные положения практически не развивались. В ходе третьего периода (1857–1870 гг.) возникла потребность в них, и началось накопление практического

материала. В 1870 г., после достижения определенного количественного уровня, произошел качественный скачок — утверждение базового текста статьи 73. В дальнейшем накопление юридической практики по данному вопросу продолжалось. К 1905 г., после достижения необходимого уровня, можно было ожидать следующего качественного скачка — создания новой редакции статьи 73, в которой были бы учтены все реалии изменившейся эпохи. Этому помешала революция. Но насущная потребность в изменениях осталась, и после революции, в 1912 г., была сделана еще одна попытка выйти на новый уровень. Ей положила конец разразившаяся Мировая война.

Как можно заметить, развитие норм придворной цензуры и общего цензурного законодательства, в рамках которого развивались соответствующие положения, все время шло в противоположных направлениях. В то время как общее цензурное законодательство в 1860–1910 гг. постепенно сужало сферы своего применения, нормы придворной цензуры, напротив, оставались без изменения. Более того, в начале XX века, когда общая цензура подверглась радикальному сокращению своей власти над российской культурой, придворная цензура не только не была затронута процессом либерализации, но стремилась еще больше расширить сферы своего применения, а значит — и влияния. Определение причин этого противоречия — впереди.

-
- 1 *Энгельгардт Н.* Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903). СПб., 1904. С. 31–32.
 - 2 РГИА. Ф. 472 (Канцелярии Министерства императорского двора). Оп. 66. Д. 728.
 - 3 ПСЗ I. Т. 6. № 3718. [Раздел] III. [Пункт] 3.
 - 4 Там же. Т. 7. № 4148.
 - 5 Там же.
 - 6 Там же. Т. 12. № 9381.
 - 7 Там же. Т. 13. № 9903.
 - 8 *Скоробогатов А. В.* Образ монарха в официальной идеологии России на рубеже XVIII–XIX веков // *Философский век. Альманах 17. История идей как методология гуманитарных исследований* (Материалы междунар. конф., 27–30 сентября 2001 г., Санкт-Петербург). СПб., 2001. С. 225–231.
 - 9 ПСЗ I. Т. 25. № 18948.
 - 10 *Нотович О.* Исторический очерк нашего законодательства о печати. СПб., 1873. С. 35–36.

- ¹¹ Цензура // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. СПб., 1903. Т. 37-А. С. 950.
- ¹² Устав о Цензуре. СПб., 1804. Ст. 3. С. 1.
- ¹³ Там же. Ст. 2. С. 1.
- ¹⁴ Там же. Ст. 15. С. 7.
- ¹⁵ Там же. Ст. 19. С. 9.
- ¹⁶ Булич Н. Н. Очерки из истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. СПб., 1900. С. 64–65.
- ¹⁷ Лемке М. Пропущенный юбилей. Столетие первого русского устава о цензуре (1804–1904) // Русская мысль. М., 1904. Кн. 11. С. 35.
- ¹⁸ [Щебальский П. К.] Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862. С. 10.
- ¹⁹ Устав о Цензуре. СПб., 1826. § 1. С. 2.
- ²⁰ Там же. § 3. С. 2.
- ²¹ Там же. § 165. С. 66.
- ²² Там же. § 167. С. 68.
- ²³ Там же. § 168, 171. С. 68.
- ²⁴ Там же. § 183. С. 84.
- ²⁵ Там же. § 184. С. 84.
- ²⁶ Там же. § 142. С. 58.
- ²⁷ Цензура // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. С. 950.
- ²⁸ Розенберг В. В мире случайностей // Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М., 1905. С. 47.
- ²⁹ Цит. по: Жирков Г. В. История цензуры в России XIX века. СПб., 2000. С. 45.
- ³⁰ Устав о Цензуре. СПб., 1829. § 1. С. 1.
- ³¹ Там же. § 3. С. 5.
- ³² Там же. § 9. С. 7–8.
- ³³ ПСЗ I. Т. 24. № 17906.
- ³⁴ Якушкин В. Из истории русской цензуры // Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. С. 52.
- ³⁵ Там же. С. 55.
- ³⁶ Котович А. Н. Духовная цензура в России. СПб., 1909.
- ³⁷ Устав о Цензуре. СПб., 1826. § 141. С. 58.
- ³⁸ Якушкин В. Из истории русской цензуры. С. 52.
- ³⁹ ПСЗ II. Т. 27. № 26724.
- ⁴⁰ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802–1902): В 2 т. СПб., 1902. Т. 1. С. 334–335.
- ⁴¹ Никитенко А. В. Записки, дневник: В 3 т. М.; Л., 1955. Т. 1. С. 227.
- ⁴² Жирков Г. В. История цензуры в России XIX века. С. 50.
- ⁴³ Якушкин В. Из истории русской цензуры. С. 53.
- ⁴⁴ ПСЗ II. Т. 6I. № 4236.

- ⁴⁵ Там же. Т. 25. № 24460.
- ⁴⁶ ПСЗ I. Т. 13. № 9903.
- ⁴⁷ Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. № 5. С. 391–393.
- ⁴⁸ ПСЗ II. Т. 21. Отд. 2. № 20221.
- ⁴⁹ Там же. № 20298.
- ⁵⁰ Там же. Т. 28. Отд. 1. № 27035.
- ⁵¹ Там же. № 27462.
- ⁵² [Щебальский П. К.] Исторические сведения о цензуре в России. С. 83.
- ⁵³ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб., 1862. С. 316.
- ⁵⁴ Лемке М. Эпоха цензурных реформ (1859–1865 гг.). СПб., 1904. С. 7.
- ⁵⁵ ПСЗ II. Отд. 1. Т. 31. № 30969.
- ⁵⁶ Там же. Т. 28. № 27462.
- ⁵⁷ Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати. 60–70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 65.
- ⁵⁸ ПСЗ II. Отд. 1. Т. 33. № 32712.
- ⁵⁹ Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати. С. 63.
- ⁶⁰ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. С. 439–440.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же. С. 430.
- ⁶³ Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета Министров. СПб., 1902. Т. 3. Ч. 1. С. 197–198.
- ⁶⁴ Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати. С. 63–64.
- ⁶⁵ Жирков Г. В. История цензуры в России XIX века. С. 128.
- ⁶⁶ Лемке М. Эпоха цензурных реформ (1859–1865 гг.). С. 31–32.
- ⁶⁷ ОР РНБ. Ф. 831. Д. 4. С. 352.
- ⁶⁸ Там же. С. 356–357.
- ⁶⁹ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. С. 482.
- ⁷⁰ РГИА. Ф. 468 (Кабинета его императорского величества). Оп. 42. Д. 2042. Л. 666.
- ⁷¹ ГАРФ. Ф. 1001 (А. А. Мосолова). Оп. 1. Д. 159. Л. 5–7.
- ⁷² Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел за двадцатипятилетие 1855–1880 гг. СПб., 1880. С. 114.
- ⁷³ Там же. С. 64–65.
- ⁷⁴ Мнения разных лиц о преобразовании цензуры. СПб., 1862; Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г.; [Щебальский П. К.] Исторические сведения о цензуре в России; Фридберг П. И. Записка о цензуре. СПб., 1862; Фукс В. Я. Записка о цензуре. СПб., 1862.
- ⁷⁵ Мнения разных лиц о преобразовании цензуры. С. 32–33.

- ⁷⁶ Там же. С. 14–15.
- ⁷⁷ Там же. С. 38.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Устав о Ценсуре. 1829. § 25. С. 18.
- ⁸⁰ Мнения разных лиц о преобразовании цензуры. С. 24.
- ⁸¹ Устав о Ценсуре. 1829. § 1. С. 1.
- ⁸² Там же. С. 35–36.
- ⁸³ Там же. С. 32, 36.
- ⁸⁴ *Никитенко А. В.* Записки, дневник. С. 227.
- ⁸⁵ *Фукс В. Я.* Записка о цензуре. С. 47–48.
- ⁸⁶ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. С. VI, VII, 467.
- ⁸⁷ *Чернуха В. Г.* Правительственная политика в отношении печати. С. 65.
- ⁸⁸ ПСЗ II. Отд. 1. Т. 37. № 38270.
- ⁸⁹ Материалы, собранные Особой Комиссией, Высочайше утвержденной 2 ноября 1869 года, для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати. СПб., 1870. Ч. 1. С. 709.
- ⁹⁰ Там же. С. 360–362.
- ⁹¹ *Патрушева Н. Г.* Цензурная реформа в России 1865 г.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1990. С. 13.
- ⁹² *Жирков Г. В.* История цензуры в России XIX века. С. 69–80.
- ⁹³ ПСЗ II. Отд. 1. Т. 40. № 41988.
- ⁹⁴ Устав о цензуре и печати / Сост. В. П. Ширков. СПб., 1900. С. 6.
- ⁹⁵ Изложение постановлений о цензуре и печати. СПб., 1865. С. 10–15.
- ⁹⁶ *Розенберг В.* В мире случайностей. С. 119.
- ⁹⁷ *Джаншиев Г. А.* Эпоха великих реформ. СПб., 1907. С. 237.
- ⁹⁸ *Якушкин В.* Из истории русской цензуры. С. 86.
- ⁹⁹ *Чернуха В. Г.* Правительственная политика в отношении печати. С. 67–71.
- ¹⁰⁰ *Патрушева Н. Г.* Цензурная реформа в России 1865 г. С. 14–17.
- ¹⁰¹ Материалы, собранные Особой Комиссией, Высочайше утвержденной 2 ноября 1869 года, для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати. С. 709.
- ¹⁰² Там же. С. 709–710.
- ¹⁰³ *Жирков Г. В.* История цензуры в России XIX века. С. 80.
- ¹⁰⁴ ПСЗ II. Отд. 1. Т. 45. № 48297.
- ¹⁰⁵ Сборник узаконений и распоряжений правительства по делам печати. С. 2.
- ¹⁰⁶ Законы о печати (Настольная справочная книга) / Под ред. З. М. Мсерианц. М., 1876. С. 27–30.
- ¹⁰⁷ Общий очерк к обзору деятельности Министерства императорского двора за время царствования в Бозе почившего императора Александра III (1881–1894) / Сост. В. Н. Коковихин. СПб., 1901. С. 329.
- ¹⁰⁸ ПСЗ II. Отд. 1. Т. 31. № 30969.
- ¹⁰⁹ Устав о цензуре и печати. С. 37.

- ¹¹⁰ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. С. 439–440.
- ¹¹¹ Устав о цензуре и печати. С. 37.
- ¹¹² ПСЗ II. Т. 25. № 24460.
- ¹¹³ ГАРФ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 158. Л. 4.
- ¹¹⁴ Устав о цензуре и печати. С. 37.
- ¹¹⁵ ГАРФ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 158. Л. 4.
- ¹¹⁶ ПСЗ III. Отд. 1. Т. 18. № 16033.
- ¹¹⁷ ГАРФ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 158. Л. 4.
- ¹¹⁸ РГИА. Ф. 472. Оп. 43. Д. 67. Л. 351.
- ¹¹⁹ ПСЗ III. Отд. 1. Т. 23. № 23388.
- ¹²⁰ Там же. Т. 25. № 25495.
- ¹²¹ Протоколы Высочайше учрежденного под председательством Действительного Тайного Советника Кобеко Особого Совещания для составления нового устава о печати. СПб., 1913. С. 2.
- ¹²² Там же. С. 232–235.
- ¹²³ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. С. 457.
- ¹²⁴ ГАРФ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 159. Л. 5–7.
- ¹²⁵ ПСЗ II. Отд. 1. Т. 31. № 30969.
- ¹²⁶ Общий очерк к обзору деятельности Министерства императорского двора за время царствования в Бозе почившего императора Александра III (1881–1894). С. 329.
- ¹²⁷ ПСЗ III. Отд. 1. Т. 25. № 26803.
- ¹²⁸ Там же. № 26962.
- ¹²⁹ Правила о порядке выдачи разрешений корреспондентам, художникам, фотографам и кинематографистам на право производства ими по своей специальности работ во Дворцах, Дворцовых парках и на торжествах в Высочайшем присутствии. Царское Село, 1915.
- ¹³⁰ Цит. по: Временное положение о военной цензуре / Сост. И. К. Авдеенко. Одесса, 1914. С. 6.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² Цит. по: *Новожилова И. В.* Политика царского правительства в области законодательства о печати 1905–1914 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1971. С. 11.
- ¹³³ Проект устава о печати. СПб., 1912. С. 14–15, 23.

ГЛАВА II

КАНЦЕЛЯРИЯ МИНИСТЕРСТВА ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ

В Российской Империи учреждением, в компетенцию которого наибольшее время (1831–1888, 1897–1917 гг.) входила придворная цензура, являлось общее центральное установление в составе Министерства императорского двора — Канцелярия МИДв. Что же представляло из себя это Министерство?

Министерство императорского двора и уделов (МИДв) было учреждено 22 августа 1826 г. именным высочайшим указом императора Николая I. Оно объединило все существовавшие к тому времени части дворцового управления: придворные конторы и дворцовые правления, Кабинет его императорского величества и Департамент уделов. Каждая из этих частей прежде была — и в административном, и в хозяйственном смысле — совершенно самостоятельна. Они имели коллегиальное устройство. В подчинении их руководителей, именовавшихся президентами, состояли особые присутствия (коллегии), принимавшие решения на общих собраниях, путем голосования. Президенты пользовались правами главноуправляющих и получали все указания по своей текущей деятельности непосредственно от императора. Результатом такого положения стала все углублявшаяся со временем автономность и, как следствие, рассогласованность придворных учреждений: «...Отдельные действия Контор, не имея общей связи в высшем заведывании, производили различные последствия. Каждая из них

несообразовывалась ни с общими потребностями, ни с общими способами Императорского Двора. Хозяйство не имело особой системы, не велось в самых разнообразных видах и без правильной отчетности»¹. Таково было мнение министра двора В. Ф. Адлерберга, занимавшего этот пост в 1852–1870 гг. В этом видел основную причину организации нового государственного института и известный отечественный исследователь истории государственных учреждений Н. П. Ерошкин: «Для установления большей согласованности и хозяйственной эффективности деятельности отдельных административно-хозяйственных учреждений, обслуживающих императорскую фамилию, Николай I прибег к их централизации»².

С самого начала новое министерство заняло совершенно особое положение в ряду прочих высших ведомств Империи, а министр двора (им стал князь П. М. Волконский, управлявший МИДв в 1826–1852 гг.) — в общем порядке государственного управления: «Министр Императорского Двора имеет состоять под собственным ведением Государя Императора; следственно, во всех своих деяниях отчет дает токмо Его Императорскому Величеству, равно и все повеления получает от Его Величества, а другое никакое Правительство никакого отчета по делам, вверяемым его распоряжению, требовать и предписаний по оному чинить права не имеет»³.

Таким образом, МИДв не зависело от Правительствующего Сената — верховного учреждения, которому подчинялись в порядке суда, управления и исполнения все прочие учреждения Российской Империи⁴. В то время как все ведомства получали от Сената указы и были обязаны отчитываться перед ним представлениями, рапортами и доношениями⁵, МИДв получало только копии с определений Сената, передаваемые министру двора обер-прокурором Сената лично⁶. Никакие жалобы на действия и распоряжения министра двора не могли быть обжалованы обычным путем, через Сенат, и подавались на высочайшее имя. Аналогичным образом был устроен и финансовый контроль за деятельностью МИДв. Все входящие в его состав учреждения не подлежали ревизии Государственного контроля. За законностью и правильностью операций по приходу, расходу и хранению финансовых средств следило особое учреждение в составе самого Министерства — Контроль МИДв⁷.

Другой особенностью Министерства двора, выделяющей его из ряда прочих министерств империи, была территориальная локализация: все его основные установления находились в столице. След-

ствием этого стало фактическое отсутствие вертикально-территориальных связей на ведомственном уровне. Правда, следует отметить, что позднее такими представительствами располагали отдельные установления МИДв — Главное управление уделов (дворцовые хозяйства в Крыму, Польше и др.) и Кабинет его императорского величества (земельные управления в Алтайском и Нерчинском краях). Однако связи таких подразделений с центральными установлениями носили исключительно хозяйственный характер, а сами эти установления являлись наиболее обособленными и закрытыми в рамках самого Министерства. Таким образом, в отличие от других общегосударственных ведомств, таких, как Министерства внутренних дел, путей сообщения или юстиции, МИДв в целом не имело никаких полномочных представительств вне столицы, не преследовало какой-либо ведомственной политики на местах — а потому не стремилось и к контактам с губернаторами. В этом смысле можно сказать, что Министерство императорского двора не являлось общегосударственным ведомством, будучи скорее административно-хозяйственным подразделением, возведенным в ранг министерства из-за высокого статуса обслуживаемого объекта (императорской фамилии).

После смерти первого министра двора П. М. Волконского император Николай I предпринял разделение МИДв на два отдельных ведомства. 30 августа 1852 г. был назначен новый министр двора, В. Ф. Адлерберг, и одновременно из состава МИДв выделено новое Министерство уделов. Во главе его был поставлен граф Л. А. Перовский, возглавлявший с 1828 г. Департамент уделов. Существует даже версия, что это было сделано императором во избежание конфликта между Л. А. Перовским и В. Ф. Адлербергом⁸. После смерти Л. А. Перовского эти институты 24 ноября 1856 г.⁹ были объединены в один, получивший отныне (и до 1917 г.) наименование Министерства императорского двора и уделов. Каждое установление в составе МИДв несло определенную функцию, все вместе они составляли функции МИДв как государственного института. В числе этих функций были: финансово-хозяйственная, административно-организационная, церемониально-представительская, культурно-меценатская и идеологическая. Последняя функция была возложена, в числе прочих, на Канцелярию МИДв. Она реализовывалась посредством придворной цензуры в составе Канцелярии МИДв.

Следует отметить, что роль канцелярий в системе управления, созданной в столь сильно централизованном государстве, как Российская

Империя в XIX веке, была исключительно высока. Это обуславливалось единственно возможной в то время технологией канцелярского делопроизводства: фиксирование информации на бумажных носителях, особенности ее обработки, переписки, транспортировки и, главное, — неразрывная связь делопроизводства с общей системой государственного контроля. Все это неизбежно выдвигало канцелярии на центральные места в бюрократических структурах того времени.

Канцелярия МИДв была учреждена одновременно с Министерством, 22 августа 1826 г. Ее прообразом послужила существовавшая прежде Канцелярия по придворной части. Новая Канцелярия стала общим центральным установлением МИДв, «с подчинением ведомству ее всех дел, относящихся до Придворных Управлений»¹⁰. Ее директор назначался и увольнялся именным высочайшим указом, прочие чины — самим министром двора. В августе 1826 г. был высочайше утвержден и первый штат Канцелярии¹¹. Он состоял из директора, в IV классе должности, его секретаря, экспедиторов с помощниками и нескольких чиновников для письма и особых поручений. Всего в Канцелярии служило 13 человек, на содержание которых было выделено 19 350 рублей в год.

Со временем этот штат оказался явно недостаточным для производства поступающих дел. К Министерству присоединялись все новые учреждения, а это влекло за собой постоянное расширение обязанностей и увеличение объемов канцелярской работы. 5 сентября 1839 г. был утвержден новый штат Канцелярии¹², согласно которому ее структура впервые приняла тот общий вид, который сохраняла до конца своей деятельности в 1917 г. Наименование и классность должностей руководителя и его секретаря не изменились. Но теперь Канцелярия имела три отделения, которыми управляли начальники, в VI классе. Каждое отделение состояло из столоначальника, в VIII классе и помощника. Помимо этого, в штате предусматривались должности: журналиста с помощником, казначея (он же экзекутор), архивариуса, чиновника для поручений, а также общий для всех отделений штат канцелярских служащих 1 и 2 разрядов — всего 26 человек, с содержанием 62 950 рублей в год. Удвоение кадрового состава и утроение денежного содержания Канцелярии всего через 13 лет работы свидетельствует как о расширении решаемых задач и росте объемов работы, так и о растущем доверии высшего руководства к Канцелярии МИДв.

В первые десятилетия существования МИДв постепенно определялись состав, компетенция («предмет ведомства») и направление

деятельности («образ действия») установлений, входивших в Министерство. Министр двора В. Ф. Адлерберг отмечал, что в этот период «...предприняты были различные меры к устройству... частей Министерства, в особенности же по введению должного порядка вообще в хозяйстве и отчетности. Сокращение вообще личного состава, упразднение излишних должностей, разного рода мастеровых команд и заведений и распределение денежных сумм соответственно действительным потребностям Императорского Двора, — составляли конечную цель Министерства»¹³. Тем не менее, как признавалось впоследствии в официальном «Кратком очерке деятельности Министерства Императорского Двора в первое 25-летие благополучного Царствования Государя Императора Александра II» (составленным юрисконсультom МИДв П. Т. Кितिцыным в 1880 г.), эта цель в полной мере так и не была достигнута: к концу царствования императора Николая I Министерство все еще «не имело окончательной стройной организации»¹⁴.

Эта задача была в то время, вероятно, невыполнима по объективным причинам. Многогранность деятельности МИДв; обилие замкнутых, самостоятельных установлений, связанных между собой только общим руководством (в лице министра двора); практическое отсутствие горизонтальных связей между этими установлениями (в силу их реальной ненужности); наконец, безусловный приоритет хозяйственной деятельности, направленной на всемерное обеспечение разнообразных нужд определенной группы лиц — все это лишало руководство Министерства возможности подчинить ведомство какой-то единой задаче и делало саму идею создания «стройной» системы управления МИДв принципиально невозможной.

После воцарения императора Александра II в государстве началась эпоха реформ. Согласно желанию императора, МИДв явилось одним из первых примеров гласности для российского общества: в 1856 г. впервые был опубликован отчет о финансовой стороне его деятельности¹⁵, а с 1859 г. стали публиковаться и ежегодные списки чиновников Министерства. В 1856 г. был законодательно закреплён состав учреждений, входящих в МИДв¹⁶. 5 сентября 1858 г. Канцелярия получила новый штат¹⁷. Теперь она состояла из четырех отделений (новому отделению перешли обязанности упраздненного Инспекторского департамента Гражданского ведомства). Каждое из них (кроме I отделения) по-прежнему имело по одному столу. Наименование и классность должности руководителя Канцелярии

не изменились (директор в IV классе с окладом 5 500 рублей¹⁸). Не изменилось и служебное положение начальников отделений (VI класс и оклад 2 000 рублей¹⁹), но при этом сами отделения существенно расширились. Каждый столоначальник получил наименование старшего столоначальника (VII класс и оклад 730 рублей) и имел теперь помощников (VIII класс и оклад 486 рублей) — всего в Канцелярии их было 7 человек. За каждым отделением был закреплен штат канцелярских служащих 1 и 2 разрядов. Появились и новые должности — помощника секретаря директора и секретаря при министре. Штат 1858 г. не предполагал выделения служащим Канцелярии казенных квартир, однако после 1861 г. высшему и среднему звену (до столоначальников включительно) такие квартиры были предоставлены. Низшие же чины получили особое квартирное довольствие — в соответствии с классом должности. Всего новый штат Канцелярии включал теперь 44 человека, с содержанием в 27 613 рублей в год. Это составило менее 0,33 % от общей суммы, поступающей на содержание МИДв от Государственного казначейства (для сравнения: из всех учреждений Министерства наибольшие издержки в царствование Александра II шли на Придворную его императорского величества контору — 27 %, и Конюшенную контору — 10,25 %) ²⁰.

Приведенные изменения в штате Канцелярии позволяют сделать несколько выводов. Во-первых, к этому времени окончательно определились различия между областями компетенции отделений — об этом говорит законодательное закрепление отличной от прочих структуры I отделения. Во-вторых, резко увеличилась делопроизводственная нагрузка на Канцелярию — на это указывает резкий рост ее кадрового состава. В-третьих, впервые было повышено служебное положение (а, значит, и ответственность) среднего звена служащих Канцелярии — столоначальников. В-четвертых, обращает на себя внимание то, что впервые многим чинам Канцелярии было предоставлено квартирное довольствие (в натуральном или денежном выражении). Эти факты вполне дают основание говорить как о росте доверия высшего руководства к чинам Канцелярии в этот период, так и об осознании им важности именно средней категории служащих для текущей бюрократической деятельности Канцелярии.

В 1862 г. император, имея в виду дальнейшие административные реформы, повелел всем министрам и главноуправляющим Империи представить «обзор состояния вверенной каждому из них части, равно видов и предположений относительно предстоящих действий» ²¹.

В ответном всеподданнейшем докладе министр двора В. Ф. Адлерберг так определил свои постоянные приоритеты в руководстве Министерством: «Главнейшею заботливостью моею и ближайших сотрудников моих было устройство хозяйства на правильных основаниях соответственно действительным потребностям и со всевозможной бережливостью в издержках, для одновременного установления стройного, в целом составе, порядка»²².

Ближайшей целью намеченных им преобразований был отход от коллегиального порядка управления. Как полагал В. Ф. Адлерберг, оно и ранее «в сущности... составляло лишь наружную форму, ибо все распоряжения зависели от Президента, который действовал по собственному своему усмотрению или же по Высочайшим указаниям»²³. Также планировалось дальнейшее сокращение расходов по МИДв, для чего предполагалось резко сократить кадровый состав. Отметим, что всемерной экономии средств, идущих на нужды Министерства, потребовал сам император, учитывая «...проявляющиеся с некоторого времени толки и замечания об огромности поступающих в распоряжение сего Министерства сумм»²⁴.

Однако планируемые сокращения никак не затрагивали Канцелярию. Напротив, министр двора в этот период неоднократно ходатайствовал перед императором о расширении ее состава. Так, в том же докладе В. Ф. Адлерберг, приводя примеры недавнего расширения обязанностей и подчеркивая возросшую ответственность ее чинов, писал: «...Все это влекло за собою многослойную переписку, какой доселе в Канцелярии не было и требующую не только особенной внимательности, но и спешности в исполнении. За всем этим я не осмеливался до сих пор утруждать Ваше Императорское Величество новым ходатайством своим об увеличении штата Канцелярии, всячески заботясь о недопущении новых издержек из Государственного Казначейства; но нынешнее состояние делопроизводства оной составляет меня в обязанность довести до Высочайшего сведения, что лежащие теперь на Канцелярии Министерства деловые обязанности далеко не соответствуют способам ея»²⁵.

Действительно, александровские реформы отразились на деятельности Канцелярии резким увеличением объемов документооборота. Характеризуя изменившиеся условия работы, В. Ф. Адлерберг в 1862 г. привел следующую статистику: в период 1852–1856 гг. в Канцелярию поступило дел и бумаг в среднем около 6 600 за год. На их основании всего за данный период было сделано около 1 400 все-

подданнейших докладов и последовавших высочайших повелений и издано 85 высочайших указов и конфирмаций. При этом исходящих документов было 7 144. В течение же одного 1861 г. в Канцелярию поступило 10 726 дел и бумаг, на основании которых было сделано 2313 всеподданнейших докладов и последовавших высочайших повелений и издано 133 высочайших указов и рескриптов. Всего исходящих бумаг оказалось более 10 530²⁶.

Рост бюрократической нагрузки на Канцелярию хорошо иллюстрирует и такой факт: если в прежнее время суммы, проходящие через Канцелярию, не превышали 1 500 рублей в год, то в 1861 г. денежные поступления достигли 5 149 рублей²⁷. При этом по действующему штату полагался только один казначей — чего теперь стало, как подчеркивал В. Ф. Адлерберг, явно недостаточно²⁸. Существенно увеличила объемы делопроизводства в Канцелярии и судебная реформа. С введением в действие новых судебных уставов 20 ноября 1864 г. в российских судах установился состязательный процесс. Результатом стало положение, при котором «администрация и казна поставлены почти в одинакие отношения с частными лицами на суде; поэтому оказалось существенно необходимым иметь посредствующие органы для защиты интересов казны и администрации пред судом»²⁹. С 1864 г. на Канцелярию было возложено наблюдение за всеми судебными делами, затрагивающими интересы отдельных установлений МИДв. Позднее, 2 января 1868 г. для ведения таких процессов при Канцелярии была учреждена особая Юрисконсультская часть³⁰.

Существенное увеличение документооборота в ведомствах пореформенной России не может быть вызвано какой-либо одной причиной, единым, все объясняющим обстоятельством. Можно предположить, что это стало результатом столкновения управленческих структур прежнего централизованного, сословного государства с начавшим именно в этот период свое развитие новым, гражданским обществом. Растущие горизонтальные связи между элементами российского общества порождали стремление государственных структур если не пресечь, то хотя бы взять их под свой контроль. Другими словами, это явление вполне можно назвать реакцией государства традиционного типа на распространение частной инициативы во всех сословиях российского общества.

Ходатайства министра двора о расширении Канцелярии были удовлетворены 3 июля 1867 г., когда император утвердил ее новый штат. Теперь ее возглавил управляющий (III класс и оклад 6 000 руб-

лей)³¹. Канцелярия вновь состояла из трех отделений, имевших одинаковую структуру. Во главе их стояли делопроизводители (V класс и оклад 1 900 рублей). Они имели 11 помощников — старших (VII класс и оклад 900 рублей) и младших (VIII класс и оклад 600 рублей). Должность журналиста (по-прежнему имевшего помощника) была соединена с должностью эскутера; должности казначея и секретаря директора были упразднены. Предусматривался при Канцелярии, как общем центральном органе управления Министерства, и штат чиновников для поручений (старших и младших) — но без содержания. Канцелярская часть была выведена из состава делопроизводств и, как по штату 1839 г., стала общей для всего установления. Ею руководил секретарь (VI класс и оклад 1 000 рублей), имевший помощника (VIII класс и оклад 600 рублей). Канцелярских чиновников имелось 18 — старших (XII класс и оклад 240 рублей) и младших (XIV класс и оклад 215 рублей). Остальные должности остались без изменений. В штате 1867 г. впервые было закреплено предоставление чинам Канцелярии квартирного довольствия. Всего же в Канцелярии теперь состояло 43 человека, с общим содержанием 36 420 рублей в год.

При сравнении данного штата с предыдущим заметно существенное улучшение служебного положения высшего и среднего звеньев кадрового состава Канцелярии. Так, должность ее руководителя (получив следующий, III класс) изменила наименование (с директора на управляющего). При этом делопроизводители также получили следующий, IV класс, а их оклады возросли с 730 до 1 900 рублей. При этом в их распоряжении теперь стало больше помощников (11 против прежних 7). Значительно улучшилось положение и самих помощников: лучшие из них получили следующий, VII класс, и всем без исключения дали большую прибавку в окладах (900 и 600 рублей, против прежних 486 рублей). Все эти изменения позволяют говорить о дальнейшем возрастании доверия высшего руководства к чинам Канцелярии — а следовательно, и росте значения ее как государственного института, решающего важные задачи в составе МИДв.

Законодательную основу деятельности Канцелярии в царствование Александра II составляла ст. 1954, т. I, ч. II Учреждения Министерств, издания 1857 г., повторяющая положения 1826 г. Эта статья не определяла ни место Канцелярии в общем порядке управления, ни области ее компетенции, ни права и обязанности ее руководителей³². Между тем, области ее компетенции были в этот период весьма обширны и разнообразны. Вот только важнейшие из них³³. В I отделении были

сосредоточены дела по хозяйственной, административной и распорядительной частям большинства установлений в составе МИДв (за исключением Кабинета его императорского величества, Главного управления уделов и Капитула российских императорских и царских орденов), а также распоряжения по вояжам императрицы. Во II отделении находилось производство дел: о литературных и музыкальных художественных произведениях, а также вещах, подносимых и посвящаемых императору и членам императорской фамилии; о приобретении художественных произведений, книг и редкостей для Императорского Эрмитажа, Собственных его величества арсеналов и библиотек, Археологической комиссии; дела о хозяйственной части Академии художеств; о назначении различных стипендий и пособий «для образования в художествах, музыке и пении»; назначение пенсий и пособий артистам Императорских театров; а также «рассмотрение предназначаемых к печати статей, касающихся Особ Императорской Фамилии и Учреждений Придворного Ведомства». По III Отделению состояли дела по инспекторской и церемониальной частям: пожалования в придворный штат; определения на службу чиновников МИДв; награждения их чинами, орденами и подарками; увольнения в отпуск и отставку, назначения пенсий; составление приказов и списков чинам по Министерству; дела по составлению церемониалов по всем происходящим при дворе торжествам, а также по представлению императору и императрице особ дипломатического корпуса³⁴. Таким образом, при Александре II Канцелярия являлась «средоточием всех административных дел»³⁵ в Министерстве. Это положение было законодательно зафиксировано: согласно статье 2316 Учреждения Министерств, по продолжению 1876 г., Канцелярия МИДв являлась «общим центральным управлением» Министерства двора.

Объемы документооборота Канцелярии МИДв в царствование императора Александра II таковы. За период 1855–1880 гг. общее число входящих в Канцелярию бумаг было 213 235, или в среднем 8 530 в год. На их основании было сделано около 27 500 всеподданнейших докладов и последовавших высочайших повелений; издано высочайших манифестов — 51, указов и грамот — 2 755, рескриптов — 95. Всего же исходящих бумаг за весь период оказалось 222 366, или в среднем 8 935 в год³⁶.

Тем не менее, впоследствии было признано, что состав Канцелярии в этот период оказался в целом не на высоте возложенных на него задач. В закрытом ведомственном обзоре деятельности Канцелярии,

составленном уже при императоре Александре III, кадровая политика прежнего руководства оценивалась весьма негативно: «Личный состав этой Канцелярии далеко не отвечал, по своему образовательному цензу, потребностям того времени и вовсе не был подготовлен к той деятельности, которая ему предполагалась... Что же касается до рассмотрения окладов чиновников Канцелярии по штату 1867 г., то по скудности они не удовлетворяли самым крайним требованиям жизни, а потому большинство чиновников существовали посторонними доходами»³⁷.

С назначением 17 августа 1881 г. И. И. Воронцова-Дашкова министром двора, перед ним встала проблема, так и не решенная его предшественниками: адаптация архаичной структуры Министерства двора к изменившимся социально-экономическим реалиям пореформенной России. Предыдущим министрам так и не удалось решить основные проблемы в управлении, стоящие с самого образования Министерства, и прежде всего не было достигнуто организационное единство структуры ведомства. Секретарь нового министра двора В. С. Кривенко позднее так описывал сложившееся положение: «Присматриваясь к дворцовым распорядкам, нельзя было не заметить разрозненности, беспорядочности в самом строителстве ведомства. Обнаруживалось ясное отсутствие объединения, руководящего направления для ведения однородных дел, распыленных по разным направлениям... Каждое управление работало на свой образец, не считаясь с общими потребностями, как самодовлеющая величина. То, что у одних было в излишке, другим не хватало»³⁸. Другой серьезной проблемой было построение внутренней вертикали власти, что невозможно было сделать без окончательной отмены коллегиального порядка управления. В. С. Кривенко отмечал издержки прежних порядков, оставшихся в наследие от XVIII в.: «Не только начальники ("президенты") управлений или их заместители, но нередко и представители маленьких ответвлений — шли непосредственно к министру за указаниями, шли с докладами по разнообразным мелочным делам»³⁹. Перед новым министром двора встала необходимость «сократить не в меру разросшийся конторско-правленский механизм с президентами, вице-президентами, советниками и целой гирляндой отдельных канцелярских управлений»⁴⁰.

Реформы, предпринятые в МИДв И. И. Воронцовым-Дашковым, имели два этапа: административные реформы 1881–1885 гг. и реорганизация центрального управления в 1888 г. Уже в ходе первого

этапа были решены главные задачи, стоявшие перед МИДв: окончательно упразднено коллегиальное начало во всех установлениях Министерства; централизовано дворцовое хозяйство (учреждением Главного дворцового управления, объединившего все разнообразные дворцовые учреждения, ранее обособленные) и выстроена новая властная вертикаль (учреждением Совета министра, осуществляющего непрерывное управление Министерством в отсутствие министра). Все реформы первого этапа проходили на особых основаниях, т. е. без законодательного утверждения. «По существующим тогда правилам изменения в штатах и разных положениях, касавшихся исключительно Министерства двора, не проходили через Госсовет, а непосредственно докладывались министром государю и по получению одобрения... препровождались министру юстиции для опубликования. При дворцовых реформах начала 80-х годов, ввиду того, что они вводились временно, для опыта, то решено было до выяснения результатов воздержаться от опубликования»⁴¹. Реформы в МИДв проходили при полной поддержке министра двора императором — и тем не менее не все увенчались успехом.

Одной из стратегических задач, стоявших перед МИДв, было объединение земель, находящихся под управлением Главного управления уделов и Кабинета е.и.в., в одном новом установлении. При этом должно было произойти полное перераспределение потоков основных финансовых поступлений в МИДв. Ранее огромные средства, получаемые от эксплуатации удельных земель, шли напрямую из удельного ведомства соответствующим членам императорской фамилии. Это позволяло удельному ведомству занимать совершенно независимое положение внутри Министерства. Теперь же эти средства должны были распределяться новым общим установлением МИДв, учитывая нужды всего Министерства. Таким образом, предстоящая административная реформа МИДв была объективно направлена против финансовой независимости Главного управления уделов, а следовательно, и финансовых интересов старших великокняжеских дворов. Инициатором этой реформы стал, по-видимому, сам И. И. Воронцов-Дашков: она началась буквально на следующий день по вступлении его в должность министра двора.

Уже 18 августа 1881 г. последовало высочайшее повеление об отделении Контроля МИДв от Кассы МИДв и присоединении его к Канцелярии в качестве особого контрольного отделения. При этом его хозяйственные функции остались в ведении Кассы, а контрольные функции расширились и на удельное ведомство. Впервые в истории

МИДв оно подпало под внешний финансовый контроль. Однако эта попытка оказалась неудачной: уже через полгода, 15 января 1882 г., вновь образованное контрольное отделение Канцелярии упразднили. При этом функция контроля над Главным управлением уделов вновь была изъята из компетенции Контроля МИДв — ставшего, как и прежде, самостоятельным общим центральным установлением в составе Министерства. Эта неудавшаяся реформа ясно показала границы влияния не столько И. И. Воронцова-Дашкова, сколько, по сути, реальной власти самого самодержавного государя Александра III. Сила традиции во взаимоотношениях внутри императорской фамилии и инерции в государственном управлении оказалась непреодолима. Вплоть до 1917 г. Главное управление уделов сохранило свое особое положение «министерства в министерстве».

Следующая административная реформа, проведенная в МИДв по инициативе В. С. Кривенко, была направлена на перераспределение властных полномочий внутри Министерства. 15 января 1882 г. был высочайше утвержден новый временный штат Канцелярии МИДв, существенно изменивший материальное положение ее личного состава. Руководитель Канцелярии вновь именовался лишь директором, с соответствующим IV классу должности, однако при этом ему был оставлен прежний оклад содержания — 6000 рублей⁴². Канцелярия теперь имела одно общее делопроизводство, состоящее под началом одного делопроизводителя⁴³. В его составе было три стола, возглавляемых столоначальниками, в VII классе (против прежнего V класса) и окладом в 1 500 рублей (против прежних 1 900 рублей). Под их началом было 5 помощников — в VIII классе (прежде 5 из них имели VII, 6 — VIII класс). Но при этом их содержание было удвоено (1 200 рублей, против прежних 600 рублей у служащих VII класса). Также изменилось положение должности секретаря канцелярской части: он был лишен помощника и понижен в классе (с VI до VII), однако его оклад был резко увеличен (с 1 000 до 1 800 рублей). Должность журналиста-экутатора была соединена с должностью заведующего прихода-расходной частью — без изменения классности, но с увеличением оклада (с 1 200 до 1 800 рублей). Положение его помощника было еще более улучшено: с повышением класса (с IX до VIII) возросло и содержание (с 800 до 1 200 рублей). Было значительно улучшено и материальное положение канцелярской части: при сохранении прежних классов должностей, оклады старших служащих возросли с 240 до 540 рублей, младших — с 215 до 420 рублей.

Должность архивариуса, равно как и штат чиновников для поручений, не предусматривались. Впервые вводился институт помощника директора, в V классе и окладом 5000 рублей. Отметим, что данный штат уже не содержал никаких упоминаний о предоставлении служащим Канцелярии квартирного довольствия — как в натуральном, так и в денежном выражении. Всего теперь служило 29 человек, на содержание которых было предусмотрено 38 380 рублей в год.

Произошедшие перемены свидетельствовали о кардинальном изменении всей кадровой политики нового руководства МИДв по отношению к Канцелярии. В этой кадровой политике можно выделить два направления. Во-первых, такие перемены, как изменение наименования должности руководителя, с соответствующим понижением класса; резкое сокращение кадрового состава; упразднение отделений, с заменой их столами; значительное понижение классов и содержания столоначальников против положения делопроизводителей; понижение классности ряда других должностей; а главное — упразднение штата чиновников для поручений, обязательных для каждого общего центрального управления Министерства, — позволяют сделать вывод о том, что уже с 1882 г. Канцелярия не рассматривалась высшим руководством как главное административное установление МИДв (в этом смысле становится понятна и замена прежнего постоянного штата новым, временным). Ее обязанности начали переходить к другим установлениям МИДв. Юридическое закрепление нового положения стало лишь вопросом времени.

Во-вторых, налицо значительное улучшение материального положения всего низшего звена Канцелярии — с сохранением, в основном, существующих классов должностей. Характерно, что на содержание меньшего состава (29 против 43 человек) теперь отпускалось средств больше, чем предусматривал прежний штат. Данное изменение позволяет говорить не только об очевидном желании высшего руководства стимулировать работу низшего звена Канцелярии, но и о признании значимой роли именно этой категории служащих-исполнителей в бюрократической деятельности Канцелярии.

Таким образом, можно предположить, что главный удар этой административной реформы был направлен преимущественно на среднее звено — единственную категорию служащих Канцелярии, которая в ее результате потеряла не только в положении, но и в деньгах (поскольку руководитель Канцелярии, будучи понижен классом, остался при прежнем содержании). А так как именно среднее звено

решало на практике (и в тот период, и позднее) большинство текущих вопросов, то подобное резкое ухудшение их положения вполне может, думается, служить доказательством крайне низкой оценки высшим руководством всей их предшествующей бюрократической деятельности.

Следующая реформа произошла 28 декабря 1885 г., когда была сформирована Канцелярия министра МИДв. В ее обязанности от Канцелярии МИДв перешли «исполнение разнообразных служебных поручений министра и переписка по тем делам, которые, по особенной важности своей, требовали скорейшего разрешения министра или же не могли входить в круг занятий прочих центральных установлений министерства»⁴⁴. Кроме того, в обязанности служащих Канцелярии министра МИДв теперь входило: ведение личной переписки министра и выполнение его различных поручений; постоянное дежурство при министре; сбор различной информации и подготовка аналитических справок. Ранее всем этим занимались чины юрисконсультской части МИДв (ныне упраздненной) и секретарь при министре, которого переводили теперь из штата Канцелярии МИДв в Канцелярию министра МИДв. Всего в Канцелярию министра было первоначально определено 3 человека (позже состав был несколько расширен). Анализ функций нового установления позволяет сделать вывод о том, что Канцелярия министра МИДв была учреждена не в качестве нового центрального органа управления Министерства, а скорее как секретариат («личный орган») министра двора.

Руководителем Канцелярии министра МИДв был назначен В. С. Кривенко, пробывший в этой должности от первого до последнего дня существования, вплоть до упразднения Канцелярии министра МИДв в 1897 г.). Впоследствии Кривенко так оценивал значение реформы 1885 г. для Канцелярии МИДв: «...Учреждение Канцелярии министра имело для Канцелярии министерства несомненно иное и гораздо большее значение, чем исключение из штата ее одной классной должности [секретаря при министре — прим. С. Г.]. С образованием названного установления и за отнесением к предметам ведения его не только личной переписки министра и исполнения разнообразных его поручений, но, главным образом, переписки по тем, требующим безотлагательного разрешения министра, делам, которые не могут входить в круг занятий центральных учреждений министерства, — прежнее значение канцелярии министерства, как общего центрального управления ею, несомненно должно было до известной

степени умалиться»⁴⁵. Свое логическое завершение этот процесс получил 24 апреля 1888 г., когда Канцелярия МИДв была упразднена, а ее властные полномочия были распределены между Кабинетом е.и.в. и Канцелярией министра МИДв. Это и был второй этап административных реформ И. И. Воронцова-Дашкова — их кульминация, в ходе которой была проведена полная реорганизация центрального управления Министерством.

Второй этап реформ прошел уже все надлежащие законодательные процедуры. Всеподданнейший доклад министра двора с описанием предлагаемых мер был подписан им 21 апреля. На следующий день доклад был одобрен императором, и уже с 24 апреля реформа была введена в действие (в этот же день был утвержден новый штат). 7 мая произошло опубликование именного высочайшего указа⁴⁶, узаконивающего принятые нововведения, после чего вышел циркуляр по Министерству, доводящий до установлений МИДв информацию о проведенной реформе.

В докладе министра двора по этому поводу провозглашалось, что цель данной реформы — «...завершить эти меры [предшествующие реформы МИДв — С. Г.] установлением тесной связи между частями центрального управления и обеспечить их штатом, соответствующим действительным потребностям и современным экономическим условиям. Исходя из того положения, что Министерство Императорского Двора имеет главным назначением ведать хозяйство Государево и что этим назначением обусловливаются как хозяйственные, так и административные действия, несомненно необходимо сосредоточить их в одном учреждении, ибо в делах, как и во всем, единство — сила, обеспечивающая успех»⁴⁷.

Таким учреждением, объединившим все властные полномочия внутри Министерства, теперь стал Кабинет его императорского величества. «...Установление, которому придано звание "Кабинета", имеет за себя вековую давность, и действующие законоположения характеризуют Кабинет, как установление, учрежденное для заведования собственностью Царствующего Государя Императора... Поэтому представилось более правильным и вполне согласным с назначением Кабинета — для объединения административных и хозяйственных частей ввести их в состав Кабинета. При осуществлении этого предположения достигается правильная группировка дел и однообразное их направление и притом с меньшею затратою личных средств, а, следовательно, и расходов»⁴⁸.

В докладе отмечалось, что первоначально существовал и план упразднения Кабинета, с одновременным учреждением нового центрального установления, под наименованием «общее управление МИДв». Тем не менее, выбор был сделан все же в пользу сохранения Кабинета е.и.в. и наделения его притом новыми обширными полномочиями. Мотивы этого выбора в докладе однозначно не определены. Характерно, однако, что вариант придания статуса центрального установления министерства Канцелярии МИДв даже не указан среди обсуждавшихся.

В результате реформы 24 апреля 1888 г. сфера деятельности Кабинета е.и.в. значительно расширилась. Помимо его основной задачи — заведования собственностью российских императоров — на него теперь были возложены и все дела административного, хозяйственного и финансового характера по Министерству вообще. Впервые в своей истории Кабинет утратил свой прежний обособленный характер и стал главным административным органом («общим центральным управлением») МИДв. Изданное 16 апреля 1893 г. новое Учреждение МИДв законодательно зафиксировало это положение⁴⁹.

Другим важным результатом реформы 1888 г. стало то, что Кабинет также впервые занял четко определенное место в системе государственного управления, получив значение Главного управления. При этом его управляющему было предоставлено право переписки с Сенатом, министрами, генерал-губернаторами и другими равными им лицами⁵⁰. Вошедшие в состав Кабинета отделы были приравнены к департаментам и канцеляриям министерств, а их заведующим, «относительно порядка сношений с посторонними ведомствами и должностными лицами», были предоставлены соответствующие права директоров департаментов и канцелярий⁵¹.

24 апреля 1888 г. был утвержден новый штат Кабинета, согласно которому в нем было образовано четыре отдела: 1) Административный, в который передавались все дела из Канцелярии МИДв и Юрисконсультской части; 2) Хозяйственный, куда перешли финансовые, счетные и хозяйственные вопросы, входившие ранее в компетенцию распорядительной части Контроля МИДв и I отделения прежнего Кабинета; 3) Земельно-заводской, занимающийся всеми делами по подведомственным Кабинету землям (Алтайскому и Нерчинскому округам), княжеству Ловичскому и фарфоровым, стеклянным и гранильному заводам, находящимся в собственности императора; 4) Камеральный⁵², в круг ведения которого вошли: дела по хранению императорских регалий и коронных бриллиантов; приобретение, хранение

и расходование жалуемых от лица императора драгоценных вещей; делопроизводство по сбору оброчной подати с некоторых оседлых «инородцев» и ясачного сбора с отдельных кочевых народов.

Во главе каждого отдела Кабинета был поставлен заведующий, в IV классе должности и окладом 6 000 рублей⁵³. Два первых отдела состояли из двух делопроизводств (Земельно-заводской и Камеральный отделы имели другую структуру). В их главе стояли делопроизводители, в VI классе и окладом 3 000 рублей, под началом которых были помощники — старшие (VII класс, оклад 1 800 рублей) и младшие (VIII класс, оклад 1 200 рублей).

К областям компетенции Административного отдела отошли из Канцелярии МИДв следующие вопросы:

«1) Распоряжения по случаю рождения, вступления в брак и кончины Членов Российского Императорского Дома, а также по наложению траура при Высочайшем Дворе в случае кончины Особ иностранных владетельных домов.

2) Распоряжения, связанные с торжественными выходами, празднествами, торжественными въездами, путешествиями Их Императорских Величеств и расписания по случаю приезда иностранных Августейших Особ.

3) Пожалование и назначение в придворные чины и звания (в том числе и медицинские) и сохранение сих званий при производстве в следующие чины.

4) Дарование звания поставщиков Высочайшего и Великокняжеских Дворов.

5) Утверждение уставов разных обществ, имеющих отношение к предметам ведения Министерства Императорского Двора.

6) Разрешение копировать картины и делать снимки с предметов, находящихся в Императорских Дворцах.

7) *Цензура печатных изданий, нот, портретов, рисунков, касающихся Их Императорских Величеств и Особ Императорской Фамилии.*

8) *Разрешение выпуска из таможни заграничных предметов с изображениями Их Императорских Величеств и Августейших Детей [курсив наш — С. Г.].*

9) Распоряжения, относящиеся до личного состава всех установлений Министерства (определение на службу, увольнение от нее, производство в чины, перемещения, награждения, назначение пенсий и проч.)

10) Распоряжения по пожалованию в придворные должности и звания»⁵⁴.

Помимо решения этих текущих, повседневных вопросов, Административный отдел занимался также разработкой и особых мероприятий, касающихся всего Министерства, — составлением проектов нового Учреждения МИДв в 1892–1893 гг., правил о порядке назначения единовременных пособий чинам МИДв в 1893 г., положения о Совете при министре МИДв в 1894 г. и др.

В первые годы существования Административного отдела в его деятельности имелись определенные бюрократические сложности: «...Многие дела, требуя по существу своему усиленного внимания, являются вместе с тем срочными, требующими исполнения вне всякой очереди. С другой стороны, число возникающих дел было весьма велико, особенно в первое время по образовании отдела, после того как в министерстве последовало введение новых штатов, вызвавшее большие изменения в личном составе, увольнение многих служащих с назначением им пенсий и пособий. Весьма поэтому естественно, что в Административном отделе, образованном лишь из двух делопроизводств, несмотря на усиленную работу служащих, замечалась иногда медленность в направлении некоторых дел»⁵⁵.

Эти проблемы, вызванные по сути субъективными причинами, были переходным явлением, и со временем деятельность отдела наладилась. Однако уже через несколько лет, после введения в строй первой очереди Сибирской железной дороги, возникла и объективная проблема. Она заключалась во все увеличивающемся противоречии между новыми для Кабинета административными и финансовыми вопросами, общими для всего Министерства (решаемыми силами Административного отдела), и прежними (присущими Кабинету и до реформы 1888 г.) задачами по управлению собственностью императора (относящимися к компетенции Земельно-заводского отдела): «Возникло много новых, притом чрезвычайно обширных, задач и вопросов по отношению к Алтайскому и Нерчинскому округам ведомства Кабинета. На ближайшую очередь стали мероприятия, касающиеся Алтая... Разработка возникших вопросов и осуществление целого ряда важных мероприятий в Алтайском и Нерчинском округах потребовали напряжения деятельности Кабинета в этом именно направлении, почему введенные в 1888 г. в круг дел Кабинета общие административные по министерству Императорского Двора обязанности оказались вскоре затруднительными для него»⁵⁶.

Создавшаяся ситуация неоднократно вызывала обсуждения о назревшей необходимости выделения из компетенции Кабинета общих административных и хозяйственных дел, относящихся ко всему МИДв. Наконец, 1 мая 1897 г., уже в последнюю неделю своего министерства, И. И. Воронцов-Дашков подал императору всеподданнейший доклад, предлагающий эту меру. Фактически это означало отказ министра двора от главной из своих реформ. Но, вероятно, вопрос о новом назначении был к тому моменту уже решен. Первым актом следующего министра двора В. Б. Фредерикса, вступившего в управление 6 мая 1897 г., стало восстановление 17 мая Канцелярии МИДв — в том виде и значении, в котором она существовала до начала административных реформ 1880-х гг.⁵⁷ Области компетенции воссозданной Канцелярии образовались из всех дел, решаемых ранее Административным отделом Кабинета и Канцелярией министра МИДв (теперь упраздненными). При этом дела, относящиеся до личного состава и личной переписки министра по Кабинету е.и.в., Главному управлению уделов и Капитулу российских императорских и царских орденов, остались в ведении этих учреждений.

30 октября 1897 г. было утверждено новое Положение о Канцелярии³⁸, законодательно зафиксировавшее эту административную контрреформу В. Б. Фредерикса (представляется, что употребление данного термина в данном контексте вполне уместно). Положение 1897 г. оставалось в силе до самого конца деятельности Канцелярии в 1918 г. В нем впервые в российском законодательстве были четко очерчены области компетенции Канцелярии: «Канцелярия Министерства Императорского Двора ведает: а) Дела, относящиеся до личного состава Министерства и Придворных чинов. б) Дела и распоряжения по Высочайшему Двору Министерству, не принадлежащие особо к ведению других установлений Министерства. в) Личную переписку Министра Императорского Двора и исполнением поручений, возлагаемых Министром».

Пункты, касающиеся назначения и увольнения чинов Канцелярии МИДв, практически повторяли аналогичные положения, утвержденные 22 августа 1826 г.: «Заведывающий Канцелярией определяется и увольняется Высочайшим Указом, по Всеподданнейшему докладу Министра Императорского Двора. Определение и увольнение всех прочих штатных чинов Канцелярии производится, по представлению Заведывающего, общим порядком, в законе установленным». Также впервые в российском законодательстве Положение обозначило

место Канцелярии как государственного учреждения в системе государственного управления и права ее руководителя: «Заведывающий Канцелярией пользуется, относительно порядка сношений с постоянными ведомствами и должностными лицами, правами, присвоенными Директорам Департаментов и Канцелярий Министров».

Одновременно был утвержден и временный штат Канцелярии⁵⁹. Возглавил ее, как и по штату 1882 г., заведующий, в том же IV классе и с тем же окладом 6 000 рублей. Он имел помощника, в прежнем V классе, но уже с меньшим окладом — 4 000 рублей. Канцелярия состояла из трех делопроизводств. Все делопроизводители имели VI класс и оклад 3 000 рублей — т. е. условия, аналогичные данной позиции в Административном отделе Кабинета. Делопроизводители имели помощников (всего 7) — старших (VII класс и оклад 1 800 рублей) и младших (VIII класс и оклад 1 200 рублей), что также повторяло условия в Административном отделе. Также в штате были новые позиции — регистратора (VIII класс и оклад 1 200 рублей) и его помощника (IX класс и оклад 900 рублей). Предусматривался теперь и штат чиновников для поручений (впервые с содержанием). Канцелярские служащие были — старшие (XII класс и оклад 600 рублей) и младшие (XIV класс и оклад 450 рублей). Таким образом, классы этих должностей не изменились, но деньги были несколько увеличены (по штату 1882 г. было 540 и 420 рублей соответственно). Сверх содержания, служащим были назначены служебные квартиры или квартирные деньги, в соответствии с классом должности, а некоторым должностям — и разъездные деньги. Всего в Канцелярии теперь состояло 28 человек, с общим содержанием 45 850 рублей в год.

Анализируя новое изменение кадровой политики высшего руководства по отношению к Канцелярии, можно отметить некоторую преемственность министров двора (что легко объяснимо, поскольку с 1893 г., с учреждения, специально для В. Б. Фредерикса, должности помощника министра, именно в его руках сосредоточилось практическое руководство МИДв). С одной стороны, новое сокращение кадрового состава (28 против 29 человек), как и по штату 1882 г., сопровождалось увеличением общего содержания учреждения, что говорит о желании руководства интенсифицировать работу оставшихся. Вновь категорией, улучшившей свое материальное положение (хоть и с сохранением прежней классности), стало младшее звено чиновничества Канцелярии, а единственная должность с уменьшившимся содержанием (помощника заведующего) относилась к среднему

звену. Но, с другой стороны, условия прочих представителей среднего звена Канцелярии (делопроизводителей и их помощников) полностью повторили аналогичные позиции, бывшие в Административном отделе Кабинета, т. е. наилучшие из всех предыдущих условий. Вероятно, здесь можно говорить о некоем синтезе прежнего подхода к кадрам И. И. Воронцова-Дашкова, характеризованного внимательным отношением к младшему звену чиновничества, — и нового подхода В. Б. Фредерикса, осознающего решающее значение для работы именно среднего звена Канцелярии.

Логическим завершением административной контрреформы В. Б. Фредерикса стало утверждение 20 ноября 1897 г. нового Положения о Кабинете Его Императорского Величества⁶⁰. В этом документе законодатель вернулся к формулировкам Устава Кабинета 1827 г., позднее вошедшим в Учреждение Министерств издания 1857 г. и отмененным в ходе реформы 1888 г. Согласно новому Положению, Кабинет стал, как и до реформ, полностью обособленным установлением внутри Министерства, занимающимся преимущественно хозяйственными и финансовыми вопросами эксплуатации собственности российских императоров. Это состояние Кабинета сохранялось вплоть до его ликвидации.

Таким образом, В. Б. Фредерикс начал свою деятельность в качестве министра двора с отхода от основных установок прежнего руководства: «...Жизнь указала, что многие из реформ графа Воронцова-Дашкова не отвечали ее запросам и что, следовательно, являлась необходимость согласовывать их с ее настоятельными указаниями... Как бережливый и мудрый хозяин, Министр заботился не только о сокращении расходов [В. Б. Фредерикс утвердил новые правила контроля, введшие строгую финансовую отчетность во всех установлениях МИДв — прим. С. Г.], но и о поднятии доходности многих и многих статей. Именно эта часть его деятельности столкнулась с результатами реформ его предшественника и заставила видоизменить некоторые из мероприятий слишком теоретического характера»⁶¹.

Одним из основных направлений деятельности В. Б. Фредерикса на посту министра двора стал социальный вопрос. Пожалуй, новый министр занимался этой проблемой в рамках своего ведомства больше чем кто-либо из его предшественников. Так, учитывая постоянный рост цен на квартиры в столице, В. Б. Фредерикс санкционировал строительство ведомственного многоквартирного дома для классных служащих МИДв, в результате чего к началу XX века большинство

их проживало в комфортабельном, удобном, и при этом бесплатном жилье в центре города. В этом смысле наиболее показательной является история подготовки и проведения пересмотра штатов 1902 г., на которой следует остановиться подробнее.

В годовом всеподданнейшем докладе 1901 г., указывая необходимую сумму на содержание МИДв в 1902 г. (исчисляемую в средних размерах за последние годы), В. Б. Фредерикс особо «испрашивал высочайшее соизволение» на некоторое ее увеличение, необходимое для назревшего общего пересмотра штатов Министерства: «Такой пересмотр, необходимость коего возникает от времени до времени в силу изменившихся условий жизни, при общем постоянном возрастании цен на все жизненные потребности и усложнении требований службы, должен был бы, в видах справедливости, одновременно осуществляться по всему Министерству. Так как *пересмотр этот будет иметь главнейшею своею целью некоторое, в пределах возможного, возвышение материального обеспечения служащих* [курсив наш — С. Г.], цель же эта могла бы быть удовлетворительно достигнута только при строгом ограничении численности личного состава требованиями действительной необходимости»⁶². Отметим, что улучшение материального уровня служащих МИДв с самого начала не маскировалось какими-либо другими мотивами, что говорит о единстве точек зрения на этот вопрос министра двора и императора.

Тем не менее, была и другая цель пересмотра штатов. Она заключалась в объединении не всегда согласованных между собой штатов отдельных установлений МИДв. Поскольку к тому времени существовали некоторые категории служащих, уже получающих повышенные оклады, испрошенные по разным случаям (например, к Рождеству, Пасхе и т. д.), планируемое увеличение окладов должно было уравнивать с ними и прочие категории. Однако при этом особо отмечалось, что пересмотр штатов отнюдь не означает введения уравнительной системы оплаты: «Во всяком случае этими нормами не должно преследоваться полное объединение всех окладов одного и того же класса или наименования, но, напротив, надлежит выработать для каждого класса разные типы окладов содержания, которые и применять сообразно с характером той или другой должности: большей или меньшей напряженностью требуемой ею труда, количеством рабочего времени, срочностью занятий и т. п.»⁶³.

2 марта 1902 г. начала работу Комиссия по пересмотру штатов МИДв, под председательством исправляющего должность управляю-

щего Кабинета е.и.в., свиты его величества генерала-майора К. Н. Рыдзевского. Предварительно совместными усилиями чинов Канцелярии и Кабинета были разработаны основные положения предстоящего мероприятия⁶⁴. Так, увеличения личного состава могли быть допущены лишь в самом крайнем случае, «при условии бесспорно доказанной их целесообразности и своевременности». Предположения о возведении должностей в классы выше пятого решено было не рассматривать вовсе. Из общей суммы нового увеличенного содержания неклассных должностей решено было отчислять некоторую часть на постоянные пособия отставным служащим этой категории и членам их семей. Также было принято за правило, что «...при повышении класса должности оклад содержания должен быть назначаем меньший из определенных для высшего класса. Наоборот, при понижении класса должности или уменьшения содержания по оной, занимающим подобные должности ко времени введения нового штата имеют быть сохранены класс и оклад по прежнему штату, впредь до выбытия со службы или получения другого назначения». Были установлены и пределы предстоящего повышения окладов по отдельным должностям: не более 30 % для классных и не более 20 % для неклассных должностей.

Подготовленные документы были разосланы во все установления, входящие в МИДв, чтобы те представили свой проект нового штата, наряду с разнообразной статистической информацией по своей структуре (каждое учреждение должно было представить по 29 типовых отчетных документов). После поступления всех проектов Комиссия начала работу. Проект Канцелярии рассматривался 9 марта. Его представлял исправляющий должность заведующего Канцелярией полковник А. А. Мосолов⁶⁵. Предложенные им мотивировки штатных изменений представляют большой интерес, поскольку характеризуют отношение руководства Канцелярии к определенным штатным позициям и к условиям их работы.

Так, помощнику заведующего, получавшему по временному штату 1897 г. 4000 рублей в год, А. А. Мосолов предложил присвоить оклад, равный в то время его собственному, — 6000 рублей (при прежнем классе), — объясняя это тем, что «в виду особенностей службы заведывающего Канцелярией, на помощника его возлагается очень часто временное заведывание Канцелярией. Исполнение этих обязанностей, неся за собою большую ответственность, сопряжено в то же время с известными расходами на представительство и разъезды [проект штата впервые не предполагал назначения особых разъ-

ездных денег — прим. С. Г.]». Комиссия, не отрицая особенностей службы на данной должности, тем не менее не признала возможность приравнять эту должность к начальнику части (подразделения). Было решено назначить помощнику оклад только в 4 500 рублей, оговорив, правда, при этом, что с учетом добавочных денег, выделяемых из экономленных средств, эту сумму возможно довести до требуемой. Тем не менее, Мосолов все же добился своего, и в утвержденном штате 1902 г. официальный оклад его помощника составил запрошенные изначально 6 000 рублей.

Выступая по должности делопроизводителя, А. А. Мосолов подчеркнул, что «в виду трудных и весьма ответственных обязанностей, сопряженных с должностями делопроизводителей, казалось бы справедливым несколько выделить их и вместе с тем усилить в их глазах интерес к службе предоставлением им V класса по должности [по временному штату 1897 г. был VI класс — прим С. Г.] и присвоением оклада содержания всем трем в 4 000 рублей, так как присвоение одной должности VI класса, с назначением и оклада содержания в меньшем размере, поставило бы в весьма затруднительное положение при выборе лица для помещения на эту должность». Комиссия отреагировала, как и в прошлый раз: признав «многотрудность и особенную ответственность, сопряженные с должностью делопроизводителя», она подчеркнула, что принятие пожелания Мосолова заставило бы провести эту меру и в прочих подразделениях МИДв, «кои стоят в одинаковых условиях с Канцелярией Министерства, что несомненно отразилось бы неблагоприятно на денежных расчетах, положенных в основание пересмотра штатов». Однако Мосолов не уступал, и ввиду выраженной им, несмотря ни на что, «особенной желательности осуществить означенное предположение», вопрос был поставлен Комиссией на открытое голосование. Большинством голосов (6 против 3) Мосолову было отказано в его пожелании. Прошло предложение Комиссии, согласно которому делопроизводители получили V класс и оклад 4 000 рублей; V класс и оклад 3 500 рублей; VI класс и оклад 3 500 рублей. Тем не менее, в утвержденном штате в этом вопросе все же был найден компромисс: при сохранении утвержденной Комиссией классности эти позиции получили 4 500, 4 000 и 4 000 рублей соответственно.

Что же касается должности помощника делопроизводителя, то здесь победила точка зрения Комиссии. Мосолов предложил присвоить одной из данных позиций VI класс, с повышенным окладом содержания, «чтобы тем дать возможность движения по службе

достойнейшим труженикам, занимающим эти должности». Комиссия постановила отказать ему в этом предложении, и в утвержденный штат вошел принятый ей вариант классности — три позиции VII класса с окладом 2 400 рублей; две позиции VII класса с окладом 2 000 рублей; три позиции VIII класса с окладом 1 600 рублей; две позиции VIII класса с окладом 1 200 рублей. Аналогичными были и результаты утверждения большинства прочих позиций нового штата Канцелярии: если классность должностей чаще фиксировалась в варианте, принятом Комиссией, то оклады, не утвержденные в результате обсуждения Комиссией, проводились Мосоловым на неофициальном уровне и в итоге оказывались включенными в окончательный штат.

Работы Комиссии завершились утверждением нового, уже постоянного штата Канцелярии МИДв⁶⁶. Название должности ее руководителя вновь изменилось — отныне ее возглавил начальник, в прежнем IV классе, но с окладом 10 000 рублей (эта позиция не обсуждалась Комиссией, поскольку данная сумма была согласована министром двора напрямую с императором). В сравнении со штатом 1897 г. утвержденные теперь должности имели следующие изменения: помощник начальника — тот же V класс, но оклад повышен с 4 000 до 6 000 рублей; делопроизводители — прежде все имели VI класс, теперь одна позиция осталась при прежнем классе, но у двух класс повышен до пятого, и у всех трех значительно повышено содержание; помощники делопроизводителей — возросло количество (с 7 до 10 человек), при этом классность была сохранена, но существенно возросли оклады: у VII класса были 1 800 — стали 2 000 рублей и 2 400 рублей; у VIII класса были 1 200 — стали 1 600 рублей (с сохранением у двух позиций прежних окладов). В штате имелись чиновники для поручений: одна позиция — VI класса с окладом 2 700 рублей (было 3 000 рублей); одна позиция — VII класса с окладом 2 000 рублей (было 1 800 рублей); две позиции VIII класса с окладом 1 600 рублей (было 1 200 рублей). Существенно улучшилось положение младшего звена служащих: регистратор был повышен в классе (с VIII до VII), с соответствующим повышением оклада (с 1 200 до 2 000 рублей); его помощник, при сохранении IX класса, получил прибавку с 900 до 1 200 рублей; канцелярская часть, при сохранении общего состава (9 человек), не включала теперь позиции XIV класса, получив несколько позиций X класса, с окладом 1 000 рублей. При этом половина позиций с прежним XII классом получила повышение в окладе (с 600 до 750 рублей), а половина осталась на прежних условиях. Всем служащим предоставлялись бесплатные ве-

домственные квартиры или, взамен их, квартирное довольствие по их классу, не входящее в основной оклад. Всего в Канцелярии имелось теперь 30 человек, содержание которых выросло с 1897 г. более чем на четверть и составило 65 050 рублей в год. Данный штат 1902 г. оставался в силе вплоть до конца деятельности Канцелярии.

Штат 1902 г. имел несколько примечаний, одно из которых устанавливало: «Штатные должности, до V класса включительно, могут быть замещаемы лицами, не имеющими соответствующих чинов или вовсе чинов не имеющие, а должности VIII класса и ниже — лицами, не имеющими прав на постановление на государственную службу, с особого в каждом случае разрешения Министра Императорского Двора. Кроме того, на должности до VI класса включительно допускается, также с разрешения Министра, назначать лиц по найму, с платою не свыше определенных штатом окладов по занимаемым ими должностям». Данное дополнение представляется весьма важным, поскольку оно фактически низводит непреложный в прошлом принцип классности каждой должности в Империи — до простой необязательной формальности, которая в любой момент может быть отменена прямым начальством. Таким образом, данная оговорка давала возможность руководству МИДв обойти общий для всех российских учреждений закон. Причина принятия этой поправки была вызвана, как представляется, желанием избежать в будущем недоукомплектовки кадров низшего звена служащих Канцелярии, имевшей место, например, в 1898 г.⁶⁷

Приведенные изменения позволяют сделать вывод о том, что кадровая политика высшего руководства по отношению к Канцелярии получила новое направление: при значительном улучшении материального положения всех категорий служащих, все же наиболее улучшилось положение среднего и высшего звена служащих. Это означало повышение значимости данных категорий в глазах высшего руководства и признание ценности решаемых ими задач (в том числе, надо думать, и по придворной цензуре). Тот факт, что руководитель Канцелярии А. А. Мосолов смог в большинстве случаев обойти постановления Комиссии по пересмотру штатов, позволяет сделать вывод о его огромном личном влиянии на высшее руководство, достигнутом к этому времени, и, как следствие, позволяет говорить о достижении наибольшего значения Канцелярии как государственного института в рамках Министерства именно в этот, последний, период ее существования.

После утверждения штата 1902 г. средние оклады содержания в МИДв стали одними из самых больших среди центральных ведомств

Империи⁶⁸. По состоянию на 1904 г. выше оклады были только в Главном управлении поокладных сборов, входившем в Министерство финансов. Примерно равными были оклады средних и высших классов должностей в Министерстве путей сообщения и Главном управлении торгового мореплавания и торговли. Что же касается окладов младших классов должностей (с 8 по 12), то в МИДв они были в тот период и вовсе наибольшими в Империи.

С принятием в 1906 г. новой редакции Основных Законов Российской Империи в стране утвердился государственный строй, получивший в историографии наименование Думской монархии. Одной из его отличительных черт стало право Государственной Думы на ежегодное утверждение государственного бюджета. Тем не менее, и по новым основаниям расходы на содержание МИДв оказались выведены из под обсуждения Думы. Так, пункт 4 Правил о порядке рассмотрения Государственной Респиси доходов и расходов, утвержденных 8 марта 1906 г., гласил: «Кредиты на расходы Министерства Императорского Двора, вместе с состоящими в его ведении учреждениями, в суммах, не превышающих ассигнований Высочайше утвержденной, 29 декабря 1905 г. (27167) Респиси, обсуждению не подлежат»⁶⁹. Таким образом, утвердился компромисс: отныне неконтролируемый, как и прежде⁷⁰, ежегодный бюджет МИДв был строго ограничен суммой его бюджета на 1906 г.⁷¹ Дополнительные средства на возникающие в будущем нужды теперь должны были утверждаться Думой. Справедливо понимая, что на проведение через Думу новых ассигнований на какие бы то ни было нужды Министерства рассчитывать не приходится, В. Б. Фредерикс должен был теперь изыскивать средства на его дальнейшее развитие только из внутренних резервов. Это наложило огромный отпечаток на всю дальнейшую деятельность МИДв, однако практически не отразилось на положении его служащих, поскольку, как отмечалось, «стремясь обеспечить служащих, барон Фредерикс в момент фиксации бюджета Министерства уже довел оплату их труда до такого максимума, который мог бы удовлетворить каждого из них»⁷².

В последнее десятилетие своей деятельности условия работы Канцелярии существенно усложнились. Значительно вырос объем поступающей документации: за период 1902–1913 гг. общее число входящих в Канцелярию бумаг было 144 721, или 12 060 в среднем в год; исходящих же бумаг за тот же период оказалось 160 679, или 13 390 в среднем в год⁷³. При этом из года в год увеличивался разрыв между количеством входящих документов (медленно возрастающим) и количеством

исходящих (возрастающим значительно быстрее). Так, если в 1904 г. исходящих бумаг было больше на 437, то в 1913 г. их стало больше уже на 7 955. Это было вызвано возросшей потребностью в различных согласованиях и подготовке ответных документов сразу в несколько инстанций. Частое пребывание высшего руководства вне столицы требовало от служащих Канцелярии составления дополнительных письменных справок и докладов, что также увеличивало сроки документооборота. Учреждение в начале XX века ряда новых великокняжеских дворов, а особенно включение в состав МИДв в 1905 г. Управления дворцового коменданта, имеющего многочисленный штат, добавило работы I делопроизводству, занимающемуся кадровым составом. Столь разросшаяся деятельность Канцелярии требовала своевременного увеличения штата, однако это в новых условиях признавалось, по-видимому, нежелательным. Выход был найден в неофициальном причислении сверх штата к Канцелярии служащих, необходимых для своевременного выполнения текущей работы. Таковых к 1914 г. было: классных (чиновничьих) должностей — две, неклассных (курьеров, сторожей и т. д.) — четыре⁷⁴. Все они получали жалование, соответствующее аналогичным позициям в штате, из резервных фондов Министерства.

Как показало данное исследование, служебное и материальное положения высшего и среднего звеньев чинов Канцелярии — и следовательно, положение Канцелярии МИДв как государственного института в рамках Министерства — существенно менялось в разные периоды ее истории. Таких периодов можно выделить три. В течение первого, в 1826–1882 гг., Канцелярия являлась центральным административным органом МИДв, и служебное положение ее чинов постоянно росло, достигнув максимума по штату 1867 г. Однако это не сопровождалось соответствующим ростом материального благосостояния среднего звена. В ходе второго периода своей истории, в 1882–1897 гг., Канцелярия утратила свое центральное положение — сначала фактически (1882–1888 гг.), а затем и юридически (была упразднена). В этот период и служебное, и материальное положение ее чинов резко упало, однако те из представителей среднего звена, кто после упразднения Канцелярии перешел на аналогичные позиции в Административный отдел Кабинета е.и.в., смогли значительно улучшить свое положение, даже в сравнении со временем до начала административных реформ. Наконец, в ходе третьего периода, в 1897–1917 гг., вновь учрежденная в своем прежнем качестве центрального органа управления, Канцелярия МИДв заняла определяющее положение

в Министерстве — что нашло выражение в штате 1902 г., обеспечившим наилучшее служебное и материальное положения ее чинам.

Приведенные особенности истории Канцелярии МИДв позволяют сделать вывод о том, что институциональное положение данного установления в рамках Министерства не в полной мере определялось проанализированными, законодательно закреплёнными факторами. Большое значение имел и такой неявный, неформальный фактор, как личные влияния в высшем эшелоне власти в МИДв. Выявление этого фактора — анализ властного ресурса отдельных видных чинов и установление границ их влияний на разных этапах — предстоит выяснить.

-
- ¹ РГИА. Ф. 472 (Канцелярии Министерства императорского двора). Оп. 66. Д. 711. Л. 11.
 - ² *Ерошкин Н. П.* Министерства России первой половины XIX века — фондообразователи центральных государственных архивов СССР. М., 1980. С. 70–71.
 - ³ ПСЗ II. Отд. 1. Т. 1. № 541. П. 2.
 - ⁴ Учр. Прав. Сената. Изд. 1857, 1886, 1892 гг. Т. 1. Ч. II. Ст. 1.
 - ⁵ Там же. Ст. 194.
 - ⁶ Там же. Ст. 193.
 - ⁷ Общий очерк к обзору деятельности Министерства императорского двора за время царствования в Бозе почившего императора Александра III (1881–1894) / Сост. А. Н. Коковихин. СПб., 1901. С. 13–14.
 - ⁸ Отечественная история России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. М., 2000. Т. 3. С. 596.
 - ⁹ ПСЗ II. Т. 31. № 31166.
 - ¹⁰ РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 256. Л. 9–10.
 - ¹¹ ПСЗ II. Т. 1. № 542.
 - ¹² ПСЗ II. Т. 14. № 12663.
 - ¹³ РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 711. Л. 5.
 - ¹⁴ Там же. Д. 256. Л. 1.
 - ¹⁵ Расписание доходов и расходов Министерства императорского двора и уделов. СПб., 1856.
 - ¹⁶ ПСЗ II. Т. 31. № 31166.
 - ¹⁷ ПСЗ II. Отд. 2. Т. 33. № 33522.
 - ¹⁸ После 1861 г. оклад директора Канцелярии составил 4 962 рублей.
 - ¹⁹ Здесь и далее приводятся годовые оклады содержания, состоящие из жалования и столовых. Прочие выплаты (квартирные, разъездные, арендные и др.) сюда не включены, поскольку выплачивались в индивидуальном порядке.

- ²⁰ РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 711. Л. 10, 80–81.
- ²¹ Там же. Л. 1.
- ²² Там же. Л. 10.
- ²³ Там же. Л. 2.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. Л. 82–83.
- ²⁶ Там же. Л. 83.
- ²⁷ Там же. Л. 12.
- ²⁸ Данная проблема была решена в 1863 г., с учреждением Кассы МИДв как нового общего центрального установления в составе Министерства. В нее и были сданы все денежные суммы, находившиеся ранее в Канцелярии.
- ²⁹ РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 256. Л. 13.
- ³⁰ Упразднена 28 декабря 1885 г. в связи с учреждением Канцелярии министра МИДв, куда и были переданы ее функции.
- ³¹ Реальные выплаты управляющему Канцелярией были значительно больше. Так, в 1868 г. они составили 10 030 рублей, в 1878 г. — 8 000 рублей.
- ³² Эти юридические неясности были устранены в Положении о Канцелярии, утвержденном 30 октября 1897 г.
- ³³ РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 256.
- ³⁴ После упразднения 15 января 1882 г. Придворной его императорского величества Конторы к компетенции Канцелярии были также отнесены дела по пожалованию в звания камергеров, камер-юнкеров, камер-пажей и фрейлин.
- ³⁵ Обзор деятельности Министерства императорского двора и уделов за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III (1881–1894). СПб., 1901. Ч. 1. С. 63.
- ³⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 256. Л. 12.
- ³⁷ Там же. Д. 472. Л. 3.
- ³⁸ ОР РНБ. Ф. 1000 (Собрания отдельных поступлений). Оп. 2. Д. 672. Л. 66.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. Л. 67.
- ⁴¹ Там же. Л. 69.
- ⁴² Реальные выплаты директору Канцелярии, как и прежде, намного превышали оклад. Так, в 1883 г. они составили 12 600 рублей, а в 1884 г. — даже 13 500 рублей.
- ⁴³ Должность упразднена 23 октября 1883 г.
- ⁴⁴ Обзор деятельности Министерства императорского двора и уделов за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III (1881–1894). Ч. 1. С. 50.
- ⁴⁵ Там же. С. 59.
- ⁴⁶ Собр. Узак. 1888 г. Ст. 407.
- ⁴⁷ Общий очерк к обзору деятельности Министерства императорского двора за время царствования в Бозе почившего императора Александра III (1881–1894). С. 258–262.

- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ ПСЗ III. Т. 13. № 9490. (Собр. Узак. 1893 г. Ст. 499).
- ⁵⁰ Учр. Мин. Изд. 1892 г. Ст. 887.
- ⁵¹ Обзор деятельности Министерства императорского двора и уделов за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III (1881–1894). Ч. 1. С. 77.
- ⁵² В 1893 г. Камеральный отдел был преобразован в Камеральное отделение в составе Кабинета е.и.в.
- ⁵³ Заведующий Административным отделом Кабинета е.и.в. одновременно (24 апреля 1888 г.) был назначен и управляющим делами Капитула российских императорских и царских орденов. Однако уже через год, 9 апреля 1889 г., эти должности были вновь разделены.
- ⁵⁴ Обзор деятельности Министерства императорского двора и уделов за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III (1881–1894). Ч. 1. С. 73–75.
- ⁵⁵ Там же. С. 79.
- ⁵⁶ 200-летие Кабинета его императорского величества (1704–1904). СПб., 1911. С. 438–439.
- ⁵⁷ Собр. Узак. 1897 г. Ст. 672.
- ⁵⁸ ПСЗ III. Т. 17. № 14590. (Собр. Узак. 1897 г. Ст. 1662).
- ⁵⁹ РГИА. Ф. 472. Оп. 43. Д. 67. Л. 330–331.
- ⁶⁰ ПСЗ III. Т. 17. № 14665. (Собр. Узак. 1897 г. Ст. 1777).
- ⁶¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 43. Д. 67. Л. 361.
- ⁶² РГИА. Ф. 468 (Кабинета его императорского величества). Оп. 44. Д. 969. Л. 5–8.
- ⁶³ Там же. Л. 6.
- ⁶⁴ Там же. Л. 6–8.
- ⁶⁵ Там же. Л. 17–20.
- ⁶⁶ ПСЗ III. Т. 21. № 22214.
- ⁶⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 47. Л. 17.
- ⁶⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1505. Л. 2.
- ⁶⁹ ПСЗ III. Т. 26. № 27505. (Собр. Узак. 1906 г. Ст. 335).
- ⁷⁰ Согласно предшествовавшим Правилам, утвержденным Александром II 22 мая 1862 г. (ПСЗ II. Т. 37. № 38309), бюджет МИДв утверждался лично императором — по всеподданнейшему докладу министра двора.
- ⁷¹ ПСЗ III. Т. 25. № 27167.
- ⁷² РГИА. Ф. 472. Оп. 43. Д. 67. Л. 360.
- ⁷³ Там же. Оп. 66. Д. 47. Л. 100.
- ⁷⁴ Там же. Л. 38.

ГЛАВА III

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРИДВОРНОЙ ЦЕНЗУРЫ

1. ВЫБОР И ОБОСНОВАНИЕ МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Идеологическая функция Министерства двора реализовывалась посредством Канцелярии МИДв. Этот идеологический аспект деятельности Канцелярии, в свою очередь, можно разделить на два направления:

- 1) Деятельность идеологическая по сути, но осуществляемая не напрямую, а опосредованно — путем практического использования символического значения Верховной власти¹. Примерами такой деятельности могут служить текущие ежегодные дела: о высочайшем соизволении на предоставление звания поставщика двора е.и.в.; о высочайшем утверждении проектов уставов различных обществ; о принятии особами императорской фамилии звания почетного члена, председателя или под свое августейшее покровительство благотворительных обществ; о восприятии от купели именем высочайших особ; о высочайшем благословлении при вступлении в брак и др.
- 2) Деятельность по прямому идеологическому надзору, осуществляемая посредством придворной цензуры. Предметом данного исследования является именно это, второе, направление идеологической деятельности Канцелярии МИДв.

При выборе методики определяющими обстоятельствами стали:

— невозможность охватить в полном объеме имеющуюся цензурную документацию на протяжении всего времени ее регулярного отложения 1855–1917 гг.;

— невозможность установить с заданной точностью общее количество обращений в придворную цензуру за все время ее существования;

— неоднородность общего количества обращений, выраженная в серьезных отличиях одних цензурных дел от других.

Указанные моменты не позволили применить в данном исследовании статистический выборочный метод, и было решено ограничиться изучением текущей делопроизводственной деятельности цензуры МИДв в отдельные годы. При выборе этих годов учитывалось, что они должны относиться к разным периодам деятельности Канцелярии и отстоять один от другого на примерно равные промежутки времени. Периоды истории Канцелярии, как было показано в других главах, определялись как различными царствованиями, так и разными условиями деятельности Канцелярии, выражавшимися в различном стиле руководства министров двора; разном положении установления в рамках Министерства, а также в действовавших в определенный период штатах. При этом желательно было, чтобы выбранные базовые года относились: внутри царствования — к его начальным годам, когда носители Верховной власти активно формировали свой образ (или, в терминологии Р. Уортмана, свои индивидуальные «сценарии власти»²), а в рамках действующего штата — к среднему или даже позднему периоду его действия, когда деятельность Канцелярии на его основании приняла уже установившийся, стабильный характер. Кроме того, для наилучшей репрезентативности следовало, чтобы выбранные годы равномерно представляли как переломные эпохи быстрых перемен, так и относительно спокойные, стабильные времена. В результате в качестве базовых были выбраны следующие годы:

- 1) 1855 г.³ и 1856 г.⁴ — первые года, за которые были обнаружены архивные дела по внутренней и иностранной цензуре МИДв; года смены царствований и формирования императором Александром II нового образа Верховной власти; время действия штата 1839 г.;
- 2) 1864 г.⁵ — год пика александровских реформ; руководство министра двора В.Ф.Адлерберга; время действия штата 1858 г.;

3) 1876 г.⁶ — наиболее стабильный период царствования императора Александра II; руководство министра двора А. В. Адлерберга; время действия штата 1867 г.;

4) 1885 г.⁷ — царствование императора Александра III; руководство министра двора И. И. Воронцова-Дашкова; существование Канцелярии по временному штату 1882 г.;

5) 1896 г.⁸ — начало царствования императора Николая II; год коронования; фактическое руководство Министерством помощника министра В. Б. Фредерикса, впоследствии министра двора; деятельность придворной цензуры в составе Кабинета е.и.в.

Как можно заметить, на царствование Александра II приходится три из пяти базовых годов, поскольку данный период представляется исключительно важным. Именно в это царствование произошло становление придворной цензуры как органа: сложилась ее бюрократическая структура, устоялись делопроизводственные практики, выработались идеологические подходы, наконец, именно в это царствование произошла окончательная легитимизация института цензуры (1870 г.). Выбранные года представляют три основные части царствования Александра II — начало «оттепели» (как известно, данный термин впервые был применен к общественно-политическим реалиям именно тогда); расцвет реформ (год судебной реформы); начало политического кризиса либерального курса. В рамках выбранных годов текущие ежегодные дела, охватывавшие все виды поступающих на цензуру МИДв материалов, анализировались полностью, дела же двух других типов изучались на всем протяжении деятельности придворной цензуры.

В ходе данного исследования был выделен ряд изучаемых характеристик, затем проведен анализ динамики изменения этих характеристик (за каждое полугодие и совокупно за год). Внутри каждой из характеристик был, в свою очередь, также выделен ряд групп, и определялся процентный вес каждой группы. При этом учитывалось различие групп по потокам — внутреннему (обращения в МИДв органов общей цензуры) и иностранному (обращения из таможен). Изучались следующие характеристики:

- 1) Общее количество внутренних и иностранных обращений в цензуру МИДв, с определением в нем процентной доли количества прошений и отношений. Под прошением здесь понимается обращение в МИДв из неофициального источника: частного лица — автора материала, поступившего на цензуру,

или представителя коммерческих структур, предполагающего тиражировать данный материал, или представителя негосударственной организации, предоставившей на цензуру свою информацию. Под отношением понимается обращение в МИДв официальных органов — цензурных и прочих государственных.

- 3) Структура количества прошений, с определением в ней процентной доли четырех выделенных групп источников прошений: частных лиц — авторов материалов; представителей коммерческих структур; представителей негосударственных организаций; редакций периодических изданий.
- 4) Структура количества отношений, с выделением в ней процентной доли двух определенных групп источников отношений: цензурных и прочих государственных органов.
- 5) Структура количества отношений из органов цензуры, с определением в ней процентной доли каждого цензурного органа.
- 6) Структура объема материалов, поступивших на цензуру МИДв, с определением в ней процентной доли каждой из следующих групп цензурируемых материалов: тексты (куда относились все заметки, статьи, брошюры и т. д.); стихотворения; изображения (все визуальные материалы — картины, портреты, рисунки и т. д.); музыкальные произведения; предметы широкого потребления (изделия промышленного и кустарного производства, имеющие применение в быту). За единицу материала была принята позиция, дальнейшее дробление которой не представляется возможным по недостатку информации, представленная из одного источника, относящаяся к одной группе материалов, по которой принято однородное цензурное решение. Результатом этой работы стал проведенный сравнительный анализ однородных групп материалов по направлениям (внутреннему и иностранному) цензуры МИДв.
- 7) Структура количества принятых цензурных решений, с выделением в ней процентной доли положительных и отрицательных решений, а также определения количества не принятых, по каким-либо причинам, определенных решений.
- 8) Структура упоминаний особ императорской фамилии, с выделением в ней процентной доли следующих групп: царствующий император; царствующая императрица; их императорские величества (император и императрица); наследник

престола; августейшие дети (дети царской четы); предшественник царствующего императора; вдовствующая императрица; великие князья; царственные предки (до предшественника); особы императорской фамилии (не определенные); иностранные особы императорских фамилий; императорская символика (государственный герб, вензелевое изображение имени, держава).

Выбранная методика позволила представить деятельность придворной цензуры, думается, в наиболее полном виде.

2. ПРИДВОРНАЯ ЦЕНЗУРА В ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

Основным источником при изучении цензурной практики этого периода являются материалы, собранные в конце 1850-х гг. комиссией под управлением М. А. Корфа и публиковавшиеся в журнале «Русская старина» в 1901–1904 гг. В. В. Стасовым. Именной указ 2 января 1831 г. предписывал редакциям, «дабы они ни под каким видом не осмеливались ничего печатать касающегося до Особы Государя Императора и всех Членов Императорской Фамилии, а также и о торжествах или съездах, бывающих при Дворе, без особого на то Высочайшего разрешения, которое имеет быть сообщаемо от Министра Императорского Двора»⁹. Казалось бы, учрежденный порядок однозначно устанавливал главенство МИДв в данной области цензуры, однако в действительности сложилась иная практика. Дело в том, что ко времени учреждения в 1831 г. придворной цензуры ее обязанности уже реально выполнялись другим ведомством — III Отделением с.е.и.в. канцелярии. Ее главноуправляющий, граф А. Х. Бенкендорф, по его позднему свидетельству, получил еще в 1826 г., при вступлении на престол Николая I, устное высочайшее повеление (оставшееся не кодифицированным) о том, что «все статьи, касающиеся до Членов Императорской Фамилии»¹⁰, подлежат рассмотрению ведомства Бенкендорфа. При учреждении придворной цензуры это повеление не было официально отменено, а значит, по российскому законодательству, оставлено в силе.

Разделение полномочий между ведомствами в данном вопросе позднее так и не было высочайше утверждено, а потому вполне естественно, что главы ведомств понимали границы своей компетенции

по-разному. Так, граф А. Х. Бенкендорф полагал, что «все статьи, описывающие события при Высочайшем Дворе, подлежат рассмотрению Министра Двора; а описания Высочайших вояжей и частных действий, не касающихся до Придворного ведомства, равно и стихотворения в честь Особ Императорской Фамилии»¹¹ — относятся к ведомству III Отделения. При этом Бенкендорф основывался на кодифицированном постановлении от 3 января 1831 г., гласящем, что «во время путешествий Его Величества, все известия, до Особы Его относящиеся, кои с Высочайшего разрешения должны печататься в публичных Ведомостях»¹². Затем эти сведения сообщались А. Х. Бенкендорфом (обычно сопровождавшим императора) министру двора — «для объявления по принадлежности».

Иное мнение было у руководителя общей цензуры, министра народного просвещения С. С. Уварова, который отнес в одном из всеподданнейших докладов (март 1841 г.) к компетенции министра двора «все статьи, не касающиеся до частной жизни Вашего Величества и Императорской Фамилии, а относящиеся к действиям всенародным, как-то: известия о прибытии в столицу и о выезде Высочайших Особ, о присутствии в общенародных местах, об аудиенциях посланников и т. п.»¹³. При этом Уваров руководствовался высочайшим повелением от 29 марта 1831 г. (оставшимся не кодифицированным), которое разрешало общей цензуре «статьи, не касающиеся до частной жизни Его Величества и Высочайшей Фамилии, а относящиеся к действиям всенародным, как-то: известия о прибытии в столицу и о выезде Высочайших Особ, о присутствии в общенародных местах, об аудиенциях иностранных посланников и т. п.» представлять на рассмотрение министра двора¹⁴.

Таким образом, каждый из руководителей опирался на соответствующее высочайшее повеление и с формальной точки зрения был прав. В этой ситуации обязанности придворной цензуры на практике оказывались в ведении того руководителя, который придавал ей большее значение. В огромной степени такое положение определялось и личным фактором: первый министр двора П. М. Волконский, в силу своих личных особенностей (возраста, черт характера, взглядов, стиля руководства), не оказывал придворной цензуре должного внимания и потому не стремился к расширению своей компетенции в данном вопросе. Положение изменилось только после прихода на пост министра двора нового лица — В. Ф. Адлерберга.

В марте 1841 г. сложившийся порядок вещей был поставлен под сомнение по инициативе министра народного просвещения С. С. Ува-

рова. Воспользовавшись частным цензурным случаем, он попытался вывести цензуру стихотворений, посвященных особам императорской фамилии, из компетенции III Отделения с.е.и.в. канцелярии, а заодно и заново установить границы компетенции трех ведомств в данном вопросе. Во всеподданнейшем докладе по этому поводу Уваров подчеркивал, что это разграничение необходимо, поскольку с 1826 г. «цензурные отношения во многом изменились». Но резолюция императора, наложенная 13 марта 1841 г., гласила: «Оставить в настоящем порядке»¹⁵. Это решение, оставляющее фактическую неопределенность в таком, казалось бы, важном для Верховной власти деле, выглядит странным лишь на первый взгляд. В условиях воссозданного Николаем I режима абсолютистской монархии все материалы по данной теме должны были неминуемо попасть к императору на стол — либо через министра народного просвещения, либо через начальника III Отделения, либо через министра двора. На протяжении всего царствования Николая I большинство решений по придворной цензуре принимались лично императором, а затем они лишь передавались руководителем соответствующего ведомства по принадлежности — в органы общей цензуры. Понятно, что в такой ситуации Николай мог оставить все без изменений. Тем не менее, и впоследствии создавшееся положение не раз становилось причиной ведомственных трений.

Бюрократический механизм в этот период действовал исключительно на уровне министров: отношение министра народного просвещения (в ведении которого была общая цензура) направлялось министру императорского двора, который составлял по каждому конкретному материалу, поступившему на цензуру, всеподданнейший доклад, а затем сообщал о принятом императором решении по принадлежности. Данная схема прохождения цензурируемых материалов могла существовать только при условии единичного характера появления таких материалов. Действительно, в то время случаи упоминаний высочайших особ в материалах, поступающих в общую цензуру, вообще были относительно редки. Дела по цензурным вопросам, имеющиеся в фонде Канцелярии за этот период, структурированы не по годам, а по отдельным обращениям.

Впрочем, на практике большинство материалов, в которых упоминались высочайшие особы, поступали на рассмотрение к императору не согласно законодательству, через министра двора П. М. Волконского, — а напрямую от руководителей общей цензуры, министров народного просвещения С. С. Уварова и П. А. Ширинского-Шихматова.

Таким образом, высочайшее повеление от 29 марта 1831 г. о цензуре МИДв долгое время фактически не выполнялось. Более того, зачастую такого рода материалы, в обход установленного порядка, вообще не попадали к Николаю I — цензоры сами рассматривали их наряду с прочими. На практике установилось негласное правило, согласно которому на утверждение императора выносилось только положительное заключение, при отказе же в публикации решение принималось обычно на уровне цензора. Затем отказ утверждался начальством МНП — без сношения с МВДв. По сути, цензоры при этом посягали на высочайшие прерогативы — оставаясь, впрочем, всегда безнаказанным.

Так, в мае 1831 г. цензор В. Н. Семенов (Петербургский Цензурный Комитет) не разрешил публикацию стихотворения Ф. Н. Глинки, предназначенного для журнала «Гирлянда», под названием «На обращение Государем Императором воинской чести к графу Паскевичу-Эриванскому». Причиной отказа стали последние строки стихотворения: «Кто более великим стал? Кто принял честь, или... кто дал?». Цензор нашел их «неприличными», поскольку в них «сделано сравнение между государем и подданным, которое может подлежать произвольным толкованиям»¹⁶. Цензурное решение было представлено на утверждение — но не в Министерство двора, а в Главное управление цензуры. Оно, однако, отказ не утвердило, не найдя в материале ничего предосудительного. Без сношения с МИДв стихотворение было разрешено к печати. Тот факт, что история не сохранила каких-либо данных о претензиях министра двора на это явное посягательство на свою компетенцию, лишний раз свидетельствует о том, что первый министр двора П. М. Волконский не уделял придворной цензуре должного внимания.

Однако в исключительных случаях органы общей цензуры все же считали нужным выносить на утверждение императора и отрицательное решение. Характерно, что при этом они по-прежнему продолжали игнорировать МИДв, предпочитая решать соответствующие вопросы напрямую — с Николаем I. Подобный случай, например, имел место в декабре 1831 г. Тот же цензор В. Н. Семенов не разрешил публикацию трагедии известного литератора М. П. Погодина «Петр I», поскольку в ней в виде действующих лиц были выведены сам Петр I и Екатерина Алексеевна. Однако подобное цензурное решение должен был утвердить император. В сопроводительном всеподданнейшем докладе министра народного просвещения К. А. Ливена отмечалось, что эта трагедия «по духу, в котором она написана, имеет цель истинно благонамеренную, показывая, что и самые лучшие учреждения,

клонящиеся к общей пользе, всегда находят противников в людях, управляемых личными видами или слабоумных, зараженных предрассудками». Тем не менее, император согласился с цензором: резолюция, наложенная им 22 декабря 1831 г., гласила: «Лицо Императора Петра Великого должно быть для каждого Русского предметом благоговения и любви, выводить оное на сцену было бы почти нарушение Святыни и по всему совершенно не прилично. Не дозволять печатать»¹⁷.

Большое значение Николай I придавал цензуре исторических сочинений, изображающих его царственных предков. Так, в том же 1831 г., ввиду «недостаточно уважительного упоминания высочайших особ», не увидела свет и историческая повесть литератора В. Н. Олина «Эшафот или Утро вечера мудренее», рисующая произвол властей времен царствования Анны Иоанновны¹⁸. Однако и позднее произведения, в которых изображались царственные предки, не всегда утверждались лично императором. Например, в марте 1832 г. цензор А. Л. Крылов своей властью не пропустил сочинение «Секретнейшее наставление князю Александру Вяземскому», повествующее о событиях времен царствования Екатерины II, поскольку приведенная автором информация «принадлежит ко времени еще слишком близкому»¹⁹. Это основание разделял и сам император: в июне 1838 г. он, по представлению С. С. Уварова, не разрешил публикацию воспоминаний секретаря Екатерины II А. В. Храповицкого — ввиду того, что описанные в них события относятся к слишком близкой истории и к тому же повествуют о частной жизни императрицы. Николай вполне согласился с предположением своего министра о том, что издание этих воспоминаний «будет, кажется, в политическом отношении преждевременно»²⁰. Тем не менее, информация о частной жизни высочайших особ не всегда являлась в то время обязательным основанием для запрета публикации. Так, в апреле 1842 г. император, вновь по представлению С. С. Уварова, разрешил издать дневник С. А. Порошина, одного из воспитателей наследника цесаревича Павла Петровича — хотя текст и содержал немало подробностей детства будущего Павла I²¹.

К этому же периоду относится еще один характерный пример того, как сочинение о царственных предках не достигло высочайшего цензора. В июле 1842 г. известный писатель И. И. Лажечников представил в Петербургский Цензурный Комитет свою трагедию «Опричник», повествующую об ужасах времен царствования Ивана Грозного. Сочинение было передано на рецензию именитому историку, академику Я. И. Березникову, который не нашел в нем ничего

противоречившего исторической науке — и тем не менее настоятельно рекомендовал его не публиковать. В своем заключении академик отмечал, что автор трагедии всецело опирался при ее написании на мнение Н. М. Карамзина, который описывал события крайне односторонне, «по источникам, враждебным памяти этого государя». Впрочем, Я. И. Бередников признавал, что Карамзин имел основания для своего мнения, поскольку составил его, исходя из имеющихся в его распоряжении материалов.

Тем не менее, полагал академик, «это любопытное и во многих отношениях загадочное царствование ожидает еще историка беспристрастного» — он сможет найти новые документы, которые «не оправдают, конечно, жестокости Иоанновой, но без всякого сомнения более объяснят причины ее, избавят его от многих нареканий». Публикация же данного произведения, по мнению Бередникова, нежелательна, поскольку «все это может быть уместно в истории, и неуместно в драматическом представлении, которое производит несравненно сильнейшее впечатление и на зрителей, и на читателей. В трагедии Лажечникова негодование возбуждается против законного царя русского, которого сан, в качестве помазанника Божия, все привыкли почитать священным; здесь самым разительным образом выказывается злоупотребление монархической власти; здесь в уста царя влагаются речи, способные ослабить уважение, питаемое всеми к высочайшей особе русских венценосцев. Одним словом, все, что здесь заключается, подрывает безотчетное чувство благоговения к монархам, которым русские исполняются с самого детства». Приведенный отзыв очень примечателен тем, что дает определенное представление о взглядах на образ Верховной власти, свойственных традиционному сознанию. Руководители общей цензуры согласились с этим мнением и отказали в разрешении, дав И. И. Лажечникову такой ответ: «Цензура находит неудобным выводить царя Иоанна в самом ужасном и презрительном виде в событии вымышленном и налагать на него произвольно вину, которую история не обременяет этого царя»²².

Выступления императора в качестве верховного цензора хорошо известны и описаны в литературе (например, ситуация с цензурой творчества А. С. Пушкина²³). Любопытный пример императорской цензуры имел место в июне 1850 г., когда было принято решение о новом издании собрания сочинений императрицы Екатерины II и встал вопрос о возможном включении в него переписки императрицы с Вольтером. Эти письма уже публиковались в России в 1802–1803 гг. Однако,

поскольку в них имелось «выражение нескромных похвал» Вольтеру, а также встречались остроты на религиозную тему, Николай повелел «не разрешать нового издания писем к Вольтеру»²⁴. Приведенные примеры показывают, что общая цензура вслед за императором в этот период руководствовалась в своих решениях не столько объективными критериями или какими-либо прежними прецедентами, сколько соображениями идеологической целесообразности.

Николай I внимательно следил за основными периодическими изданиями, отслеживая публикации, подлежащие рассмотрению в МИДв, но по каким-либо причинам не попавшие в поле зрения Министерства. Так, в феврале 1848 г., узнав, что в «Костромских губернских ведомостях» был напечатан доброжелательный отзыв о жителях Костромы, будто бы высказанный им самим при проезде в 1834 г., Николай запретил перепечатку этой статьи, поскольку «вовсе не изволит помнить, чтобы Он произнес когда-либо приведенные в помянутой статье слова»²⁵. Тот факт, что император пресек распространение сведений, представляющих его в благоприятном свете — но, возможно, не отвечающих действительности, — позволяет заключить, что Николай I стремился в своей личной цензуре к определенной объективности.

Существовавшая долгое время неопределенность в разграничении областей компетенции будущей придворной цензуры, как явное нарушение установленного законом порядка, со временем перестала устраивать императора. Об этом свидетельствует факт, имевший место в мае 1850 г. Узнав, что одна рижская газета опубликовала (без сношения с МИДв) заметку о прибытии во Францию герцога М. Лейхтенбергского, император еще раз подтвердил свой указ 1831 г. о том, чтобы печатание известий об «Особе Императорского Величества и Членах Императорской Фамилии, было допускаемо не иначе как с особого каждый раз Высочайшего разрешения, сообщаемого от Министра Двора, — не запрещая впрочем в газетах, выходящих вне столиц, все известия об Августейшем Императорском Доме перепечатывать из газет в Санкт-Петербурге появляющихся»²⁶. Таким образом, компетенция министра двора в данном вопросе была официально подтверждена. В этот период он сам уже мог устанавливать, какая из областей цензуры будет находиться в его ведении.

Характерен пример все с теми же стихами, посвященными высочайшим особам. Когда в январе 1847 г. общая цензура прислала министру двора князю П. М. Волконскому на рассмотрение два стихотворения об императоре, министр ответил, что «так как в указе от

9 августа 1846 г. [последнем на тот момент кодифицированном указе о цензуре отрывков исторических сочинений — С. Г.] о стихах нет ничего, то оных и не следует присылать на его цензуру»²⁷. Позднее, в августе 1853 г. новый министр двора В. Ф. Адлерберг особым отношением подтвердил это правило²⁸.

Тем не менее, следует отметить, что и в этот период компетенция министра двора нередко нарушалась: публикации, касающиеся высочайших особ, по-прежнему зачастую попадали к императору не через министра двора, а по докладу министра народного просвещения. Так, в феврале 1853 г. П. А. Ширинский-Шихматов в обход министра двора представил на утверждение Николая предназначенную к публикации речь московского митрополита Филарета, посвященную 50-летию Екатеринбургского училища благородных девиц — поскольку «некоторые места относятся тут к Государю и к Императрице»²⁹. Резолюция императора на докладе была лаконична: «Можно».

В процессе рассмотрения материалов Николай I лично занимался редактированием представленных ему на цензуру текстов. Так, в начале 1855 г. редакция газеты «Северная пчела» представила на цензуру МИДв заметку о военных маневрах, с упоминанием великих князей Николая и Михаила Николаевичей. В цензурном заключении значилось, что «Государь Император дозволяет оную напечатать с тем, чтобы слова на последней строке 3-й страницы и 1-я строка 4-й страницы, зачеркнутые карандашом [ранее материал уже прошел цензуру Военно-цензурного комитета при Военном министерстве — С. Г.], были восстановлены, а приписанные сверху — уничтожены»³⁰. При дозволении к распространению изображений современников (великих князей и членов их семей) император принимал решения сам, без сношения с ними. Интересно, что при этом он руководствовался отнюдь не эстетическими, а только идеологическими критериями. Например, когда в ноябре 1849 г. министр народного просвещения П. А. Ширинский-Шихматов представил на утверждение императора портрет великого князя Михаила Павловича, предназначенный к благотворительной продаже, была наложена следующая высочайшая резолюция: «Запрещать нет причины, хотя сходства немного»³¹.

К последним годам царствования Николая I относится другой любопытный случай. В феврале 1854 г. к императору попало стихотворение Ф. И. Тютчева для журнала «Современник», которое заканчивалось строками: «И своды древние Софии / В возобновленной Византии / Вновь осенит Христов алтарь / Пади пред ним, о Царь России /

И встань, как всеславянский Царь!»³². Император лично зачеркнул их, пометив: «Подобные фразы не допускать». Этот случай свидетельствует об осторожности Николая I, предпочитавшего лишний раз не дразнить Европу. Но, кроме того, этот сюжет достаточно ясно показывает и истинное отношение императора к славянофильству: даже в тогдашней напряженной международной обстановке Николай Павлович не считал нужным взять на вооружение славянофильские идеалы. Николай I до конца так и остался прежде всего светским европейским императором, даже перед лицом надвигающейся угрозы не попытавшимся стать православным русским царем...

При Николае I придворная цензура входила в компетенцию III Отделения Канцелярии МИДв. Оно следовало за императором в его перемещениях по стране, и на выходящих документах всегда обозначалось текущее место его пребывания — Царское Село, Санкт-Петербург, Москва, Николаев и т. д. Подобная кочевая жизнь пагубно отражалась на качестве делопроизводства: цензурные дела этого периода плохо подшиты (листы встречаются не там, где они должны быть), нередко нарушена их комплектация (отсутствуют отпуски (копии) разрешительных документов). Подчеркнем, что цензурные функции чинов Канцелярии в этот период были сведены к минимуму: директор Канцелярии (эту должность с 1832 г. занимал В. И. Панаев) только готовил поступающие на цензуру материалы для всеподданнейших докладов министра двора. В принятии цензурных решений директор участия не принимал: все бумаги подписаны министром двора и столоначальником, непосредственно составлявшим документ. На ответных официальных документах МИДв подпись директора в большинстве случаев не предусматривалась.

Можно заключить, что, поскольку большая часть материалов, упоминающих особ императорской фамилии, поступала императору через министров народного просвещения, цензурные решения по изучаемой теме принимались в большинстве случаев лично императором, а бюрократические сношения по цензурным вопросам проходили исключительно на уровне министров — в царствование Николая I придворная цензура фактически еще не существовала как государственный институт.

3. СТАНОВЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ПРИДВОРНОЙ ЦЕНЗУРЫ

Перемены в деятельности придворной цензуры наступили уже в первый год нового царствования. В октябре 1855 г. она перешла в ведение I отделения Канцелярии, располагающегося в Санкт-Петербурге, на Фонтанке, дом 20. С этого времени придворная цензура начала фактически функционировать как постоянный орган. Юридическое учреждение ее в данном качестве состоялось 5 сентября 1858 г., с утверждением нового штата. Согласно нему, в составе I отделения была организована новая структурная единица — 2 стол, в обязанности которого вошла и придворная цензура. Она оставалась в ведении I отделения до следующего штата 1867 г., после чего перешла во II отделение. В его компетенции она оставалась до конца царствования Александра II. Согласно временному штату, утвержденному в начале 1882 г., придворная цензура оказалась в ведении III отделения. После упразднения Канцелярии МИДв в 1888 г. придворная цензура вместе с прочими административными вопросами перешла в ведение Административного отдела Кабинета е.и.в. После восстановления Канцелярии МИДв в 1897 г. придворная цензура была возвращена в компетенцию II отделения, где и оставалась вплоть до 1917 г.

Структура делопроизводства придворной цензуры в общих чертах сформировалась к концу 1850-х гг. и позднее не претерпела больших изменений. Бюрократический процесс был в значительной степени стандартизирован. При этом степень стандартизации формулировок, как показало данное исследование, повышалась со временем — вместе с ростом объемов материалов, поступающих на цензуру МИДв. Отдельное цензурное дело состояло из следующих частей:

1) Обращение — прошение от частного лица, на имя министра двора, или отношение (на официальном бланке) — в случае обращения цензурного или другого государственного органа. Эти документы входили в цензурное дело в оригиналах. На листе обращения ставилась принятая резолюция. Подача прошения облагалась гербовым сбором (в 1870-е гг. — 1,2 рубля, в 1890-е гг. — 1,6 рубля, после 1900 г. — 2 рубля). Две гербовые марки наклеивались на прошение и после окончания дела погашались вручную; при этом в ответе просителю отмечался факт оплаты. В случае отсутствия гербовых марок прошение отсылалось обратно без цензурного заключения — до подтверждения факта оплаты.

2) Отпуск — черновик ответного отношения. В ранние периоды существования придворной цензуры (1850–1860-е гг.) текстовые формулировки, используемые в отпусках при описании необходимых исправлений (или, в отдельных случаях, поводов запрета), как правило, полностью дублировали те, которые содержались в принятой по данному делу резолюции. В поздние периоды (с конца 1880-х гг.) формулировки стали стандартными. Так, например, в начале 1890-х гг. при разрешении сообщалось, что «Административный отдел К. Е. И. В. [Кабинета его императорского величества — прим. С. Г.], по приказанию Помощника Министра Императорского Двора, уведомляет... по поводу его прошения от... что со стороны Министерства Императорского Двора не встречается препятствий к изданию...». В случае отказа отмечалось, «...что изложенное в прошении ходатайство отклонено», или материал «не может быть дозволен к напечатанию». При положительном решении визуальные материалы визировались специальными печатями, и отмечалось, что необходимо будет представить на утверждение в МИДв пробные оттиски каждого из них. Текстовые материалы правились красным карандашом, при этом указывалось, что данный текст может быть разрешен к печати только с произведенными исправлениями. Независимо от принятого решения, один экземпляр каждого материала, прошедшего цензуру и произведенного в определенном количестве (оттиск, фотография, жетон и т. д.), оставался в делах придворной цензуры (к сожалению, они не сохранились). На отпуске также помещалась роспись подателя прошения в получении другого экземпляра представленного на цензуру материала. Следует отметить, что существовала строгая служебная субординация авторов служебных ответов: частному лицу ответ составлялся обычно за подписью руководителя отделения (делопроизводства), руководителям департаментов и главных управлений — ответ был за подписью управляющего Канцелярией (Кабинета е.и.в.), ответы же великим князьям подписывал лично министр двора.

Помимо этих, обязательных, частей каждого цензурного дела, существовало еще несколько необязательных частей. Так, в 1870-е гг. в его состав вошел еще один лист — «Доклад по делам», на котором делопроизводитель (или его помощник) составлял детальное описание дела, включающее краткую характеристику материала, поступившего на цензуру и, в случае необходимости, справку по цензурным заключениям, принятым в аналогичных случаях ранее. Этот лист брался директором Канцелярии на доклад своему начальству, и на нем же

(а не на листе обращения) ставилась в этот период резолюция. На практике, однако, этот дополнительный документ оказался не обязательен, поскольку всегда слово в слово цитировал формулировки из прилагающегося обращения, а справки по аналогичным решениям требовались относительно редко. Через некоторое время от этого фактически дублирующего документа отказались. В этот же период, вероятно, в целях экономии, отпуска начали писать на обратной стороне обращений, однако после 1881 г. и с этой практикой было покончено.

Другой документ, по обстоятельствам входивший в цензурные дела на всем протяжении существования придворной цензуры, — «Справка» или «Записка для памяти». Этот лист включался только в нетипичные дела. В нем содержалось детальное описание ситуации, обрисовывалась сложившаяся цензурная практика в данной области цензуры и высказывались предположения по возможному цензурному решению. Следует отметить, что именно этот вид цензурных документов, в силу своей информативности, представлял наибольший интерес для данного исследования.

Механизм делопроизводственной деятельности придворной цензуры включал в себя и такой важный элемент, как согласования. В случаях упоминания в цензурируемых материалах отдельных членов императорской фамилии направлялся запрос в Контору (Канцелярию) двора того великого князя или княгини, которых они касались. Иногда в цензурируемом материале приводилась информация, от верности которой зависело цензурное решение. В этом случае делопроизводитель уточнял данную информацию в той инстанции, на которую имелась ссылка в материале, и только в случае ее безоговорочного подтверждения следовало положительное цензурное решение. При поступлении на цензуру музыкального произведения оно направлялось на рассмотрение в Придворный музыкантский хор или в Придворную капеллу. Во всех этих случаях в цензурное дело входили запрос на согласование (в виде отпуска) и ответ соответствующей инстанции (в оригинале). Данный бюрократический механизм был характерен и для внутренней, и для иностранной цензуры МИДв.

В первые десятилетия существования цензуры МИДв рост количества цензурных дел был незначителен и не отражался на количестве текущих ежегодных архивных дел: по каждому из направлений поступления материалов (внутреннему и иностранному) в год откладывалось по одному архивному делу. Постепенно объемы архивных

дел увеличивались: от 100 листов (в 1870-е гг.) до 400 листов (середина 1890-х гг.). После достижения технологического предела (картонные папки не вмещали большего количества бумаг), архивные дела начали структурировать по два в год — по полугодиям. При этом темпы роста объемов цензурного делопроизводства уже тогда значительно различались по направлениям: порог «одного тома» был перейден ими в разное время. Так, архивные дела внутреннего потока впервые составили два тома в 1894 г., иностранного — только в 1897 г. Со временем темпы роста объемов по направлениям стали различаться еще больше. Если количество архивных дел по иностранному потоку на рубеже веков стабилизировалось на уровне 2–3 в год, то количество архивных дел по внутренней цензуре в начале XX в. продолжало быстро расти. Так, в 1900 г. оно составило 6 томов, в 1902 г. — 7 томов, а в 1914 г. достигло 13 томов (т. е. около 400 листов документации накапливалось менее чем за 20 дней!).

Обратимся к анализу объемов собственно цензурных дел в рамках изучаемого периода. Динамика изменения количества и структуры внутренних обращений в придворную цензуру представлена в таблице 1.

Таблица 1

Динамика изменения количества и структуры внутренних обращений

	1855 г. ³³		1864 г. ³⁴		1876 г. ³⁵		1885 г. ³⁶		1896 г. ³⁷	
	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%
Кол-во прошений	35	67,3	8	15,4	50	65,8	26	32,9	138	38,5
Кол-во отношений	17	32,7	44	84,6	26	34,2	53	67,1	220	61,5
Обращений, всего	52	100	52	100	76	100	79	100	358	100

Как можно заметить, общее количество обращений в первое, «бурное», десятилетие реформ оставалось неизменным. Количество обращений начало возрастать после 1870 г. — с утверждением статьи 73 Устава о цензуре. Резкое увеличение потока материалов произошло лишь в первой половине 1890-х гг., что можно объяснить ускорившимися в этот период темпами роста промышленного производства (прежде всего печатного), повлекшего за собой увеличение информационных потоков. Эта же тенденция прослеживается и в динамике роста количества иностранных обращений (материалов, поступающих из таможен), представленной в таблице 2.

Таблица 2

Динамика изменения количества иностранных обращений от таможен

	1856 г. ³⁸	1876 г. ³⁹	1885 г. ⁴⁰	1896 г. ⁴¹
Отношений, всего, ед.	10	19	32	122

Как уже отмечалось, цензура МИДв, являясь цензурой ведомственной, рассматривала поступающие материалы помимо органов общей цензуры. В компетенцию цензуры МИДв не входило принятие окончательного решения о запрете или разрешении каждого конкретного материала (такое решение оставалось в компетенции местного органа общей цензуры). Придворная цензура должна была только дать заключение о желательности или нежелательности публикации материала с точки зрения Министерства двора. Многие же просители по незнанию обращались, минуя общую цензуру, сразу в МИДв. Характерный пример: весной 1855 г. стихотворения В. Д. Соломирского, посвященные Николаю I и представленные автором напрямую в МИДв, были ему возвращены. При этом в официальном ответе министра двора (в то время любую исходящую бумагу подписывал лично министр) было отмечено, что материалы должны «предварительно быть рассмотрены цензурою и уже от оной, если признает она нужным, поступить ко мне»⁴².

Порой имели место «накладки»: когда материал присылался сначала местным цензурным комитетом, а затем, спустя некоторое время, и самим его автором или производителем — с целью возможного ускорения процесса цензуры. В этом случае Канцелярия направляла свое официальное заключение местному органу общей цензуры, а автору или производителю следовал ответ о том, что решение выслано в местный цензурный комитет, куда и следует обращаться — сейчас и впредь. Это происходило потому, что ни тогда, ни позднее (ни на нормативном уровне, ни на законодательном, в статье 73) не содержалось прямого указания на то, кем именно и на каком этапе своего создания материал должен был представляться на цензуру в МИДв.

Обратимся к анализу структуры объема внутренних обращений в цензуру МИДв. Соотношение между прошениями и отношениями до начала реформ (1855 г.) и после завершения их основного этапа (1876 г.) оказалось примерно одинаково — 2:1 в пользу прошений. Затем количество прошений резко снизилось, и в последующие годы

(1885 г.; 1896 г.) установилось обратная пропорция — 2:1 в пользу отношений, при сохраняющейся тенденции к увеличению доли прошений. Из этого ряда выпадает время реформ (1864 г.), когда соотношение между прошениями и отношениями деформировалось за счет резкого снижения доли прошений. Приведенные данные возможно интерпретировать следующим образом.

С одной стороны, государство постоянно старалось придать потоку поступающих на цензуру материалов единообразное направление и утвердить приоритет местных органов общей цензуры. Прежде всего это касалось печатных и изобразительных материалов. Однако существовала особая группа — товары широкого потребления, которые должны были представляться на цензуру МИДв напрямую, самим производителем. И количество прямых обращений коммерсантов в МИДв постоянно увеличивалось. Таким образом, можно сделать вывод о существовании двух противоположных тенденций. В 1855 и 1876 гг. преобладала доля прошений (вторая тенденция); в 1885 и 1896 гг. власти добились определенной упорядоченности обращений в органы цензуры (т. е. взяла верх первая тенденция). Именно эти противоположные тенденции во многом определили динамику и структуру объема обращений в цензуру МИДв в исследуемый период. Чтобы более детально исследовать эти тенденции, обратимся к анализу структуры объемов прошений и отношений.

4. ПРОШЕНИЯ В ПРИДВОРНУЮ ЦЕНЗУРУ

Результаты изучения изменения структуры количества прошений сведены в таблицу 3.

Таблица 3

Динамика изменения структуры количества прошений

Источники прошений	1855 г. ⁴³		1864 г. ⁴⁴		1876 г. ⁴⁵		1885 г. ⁴⁶		1896 г. ⁴⁷	
	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%
Редакции периодических изданий	24	68,6	6	75,0	32	64,0	14	53,8	9	6,5
Частные лица (авторы)	7	20,0	2	25,0	11	22,0	5	19,2	17	12,3

Источники прошений	1855 г. ⁴³		1864 г. ⁴⁴		1876 г. ⁴⁵		1885 г. ⁴⁶		1896 г. ⁴⁷	
	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%
Частные лица (коммерсанты)	3	8,6	—	—	6	12,0	6	23,1	110	79,7
Негосудар- ственные организации	1	2,8	—	—	1	2,0	1	3,9	2	1,5
Прошений, всего	35	100	8	100	50	100	26	100	138	100

В общем объеме прошений можно выделить четыре группы их источников, имеющих различный удельный вес. Основной объем прошений долгое время (с начала существования придворной цензуры и вплоть до начала 1890-х гг.) приходился на редакции периодических изданий. Тема взаимоотношений придворной цензуры и прессы — одна из ключевых в данном исследовании, поэтому на ней необходимо остановиться.

4.1. Придворная цензура и пресса: прошения органов печати

Доля прошений от редакций периодических изданий достигла максимума в период подготовки цензурной реформы 1865 г., затем она начала падать. Это объясняется тем, что, в соответствии с первой выявленной тенденцией, к началу 1890-х гг. государству удалось перевести поток обращений на органы общей цензуры. Следует отметить, что столь большая доля прошений от редакций периодических изданий отнюдь не означала такого же широкого разнообразия печатных изданий, обращавшихся в МИДв.

Анализ документов показал, что номенклатура изданий, помещавших материалы об особах императорской фамилии, всегда оставалась очень невелика, хотя со временем и несколько увеличилась. Так, в 1855 г. из 24 прошений от периодических изданий 18 поступило от редакции столичной газеты «Северная пчела», издаваемой консервативным журналистом Ф. В. Булгариным; в 1876 г. большую часть прошений подала редакция столичного журнала «Всемирная иллюстрация». Как известно, это были так называемые «официозные» издания — частные органы печати, выражающие мнения, заведомо близкие к правительственной позиции. Их издатели считали не-

обходимым, для поддержания собственного авторитета в обществе, стараться первыми (или одними из первых) публиковать новости из великосветской жизни. Напомним, что официальные издания, т. е. органы печати, официально уполномоченные доносить до общества правительственную информацию, в России законодательно были утверждены (относительно данной области цензуры) только в 1873 г.⁴⁸ К тому же, можно предположить, что существенную роль играл и субъективный фактор неформальных взаимоотношений: издания, чьи публикации один раз благополучно прошли через придворную цензуру и принесли изданию запланированную прибыль, шли проторенной дорогой вновь и вновь. И здесь нельзя не коснуться интереснейшей темы, составляющей отдельное направление деятельности придворной цензуры — цензуры придворных известий.

Первый обнаруженный случай целенаправленной работы Верховной власти по репрезентации своего образа путем систематической публикации статей относится к 1856 г. — периоду подготовки коронавания императора Александра II. Статьи были призваны направить общественное мнение в желательном для Верховной власти направлении. Они (за год статей было написано порядка десяти⁴⁹) составлялись, вероятно, директором Канцелярии В. И. Панаевым, но обязательно визировались министром двора В. Ф. Адлербергом. Предназначались эти статьи для публикации в единственной газете, «Санкт-Петербургских академических ведомостях» — тогдашнем официальном правительственном издании.

Механизм создания статей о придворной жизни был вполне отработан к началу 1870-х гг. Текущие новости сообщались дежурным камер-фурьером, неотлучно находившимся у императора, в Придворную е.и.в. контору, чиновники которой составляли текст известия и представляли его в Канцелярию. Сотрудникам Канцелярии оставалось только составить сопроводительное письмо и направить статью в редакцию «Правительственного вестника» — основного официального органа Империи. Столь долгий, на первый взгляд, путь до публикации на практике занимал не более суток⁵⁰. Понятно, что при таком порядке статей должно было быть очень немного (хотя и заметно больше, чем в 1856 г.).

В царствования Александра III и Николая II технологии создания публикаций подобного рода изменились. Теперь такие статьи составлялись уже делопроизводителем Канцелярии МИДв — на основе информации о событиях жизни высочайших особ, сообщаемой

чаще всего управляющими дворов соответствующих великих князей (телеграммой или письмом). Затем готовый текст просматривался руководителем придворной цензуры, визировался и отправлялся, через специального чиновника по поручениям, в редакцию «Правительственного вестника»⁵¹. Эти сообщения публиковались на первой странице за подписью министра двора. Интересно, что при этом «Правительственный вестник» оплачивал МИДв передаваемую информацию построчно. Все прочие издания должны были перепечатывать известия уже оттуда. Наиболее важные новости параллельно передавались Российскому телеграфному агентству — для рассылки по газетам в виде телеграфных сообщений.

Данное положение не всегда удовлетворяло редакции, и в июне 1895 г. имел место любопытный казус. В Министерство двора обратилась с прошением редакция «Торгово-промышленной газеты» — ведомственного органа Министерства финансов. В прошении отмечалось, что данная редакция не получает сообщений дворцового ведомства, «будучи вынуждена или заимствовать придворные известия из других газет, или вовсе не помещать их в своем издании, как запоздалых»⁵². Между тем, говорилось далее, оперативное помещение подобной информации крайне необходимо читателям газеты по роду их деятельности, но официальное положение органа Министерства финансов не позволяет ему пользоваться перепечатками. Зная о том, что «Правительственный вестник» оплачивает МИДв передаваемую информацию, редакция «Торгово-промышленной газеты» просила позволить ей получать информацию напрямую — на тех же условиях. Министр двора удовлетворил это ходатайство. Приведенный случай, в ходе которого министр двора И. И. Воронцов-Дашков фактически негласно расширил состав официальных изданий Империи, доказывает, что с этого времени исключения из любых правил стали играть все более важную роль.

К 1900 г. относится и еще одно исключение, ставшее со временем постоянным. Тогда впервые руководство МИДв делегировало полномочия по придворной цензуре другим ведомствам. Отныне все статьи о военно-морских событиях в высшем присутствии (смотрах, парадах, маневрах, юбилейных и полковых празднествах), «ввиду их особого специального характера, для большей точности»⁵³, а также для оперативности публикуемой информации, — цензуровались на месте события специально назначенными для этой цели высшими офицерами Главного морского штаба, Штаба войск гвардии или Пе-

тербургского военного округа. Затем статьи направлялись, минуя МИДв, непосредственно в редакции официальных правительственных органов — газет «Правительственный вестник» и «Русский инвалид». Эта мера, по сути негласно возродившая ведомственную военно-морскую цензуру николаевских времен, свидетельствует о том, что к началу XX в. сил сотрудников Канцелярии МИДв стало явно недостаточно для того, чтобы справиться со всем объемом возложенных на них законом цензурных обязанностей.

Изменившиеся реалии жизни потребовали на новых основаниях организовать цензуру придворных известий — прежде всего в столице, в течение всего года. Ранее корреспонденты не имели права присутствовать на придворных мероприятиях (приемах, балах, раутах и т. д.), и в процессе создания своих заметок о них вынуждены были придумывать несуществующие подробности — для придания текстам достоверного вида. При этом возникала масса неточностей и некорректностей, не позволявшая потом придворной цензуре пропустить подобный текст. В конце 1880-х гг. министр двора И. И. Воронцов-Дашков (по настоянию заведующего Канцелярией министра В. С. Кривенко) ввел институт официальной аккредитации представителей прессы при МИДв, что давало им возможность лично присутствовать на важнейших светских мероприятиях. Позднее сам В. С. Кривенко вспоминал: «По моим соображениям, для того, чтобы достигнуть точности при описании, необходимо дать возможность корреспондентам своими глазами видеть торжества, присутствовать в дворцовых залах на выходах и балах, а не прятаться по закоулкам дворцовым, не выспрашивать придворную прислугу и сочинять недосказанное. Сначала мои представления казались недопустимыми, но с течением времени удалось приучить придворный мир к появлению среди шитых мундиров и черных фраков репортеров»⁵⁴. Это нововведение, придавшее большую открытость российскому высшему свету, стало в дальнейшем одним из основных новых способов репрезентации образа Верховной власти (наряду с фотографией и кинематографом). Кроме того, оно способствовало росту тиражей — а значит, и дальнейшему развитию рынка печатных изданий в России. Это вполне отвечало духу времени, поскольку находилось в рамках общеевропейской тенденции к развитию гражданского общества.

Вскоре стало ясно, что теперь уже чины придворной цензуры оказались в неравном положении с корреспондентами: для качественной цензурной работы была необходима их личная осведомленность в про-

исходящем. Для лучшей информированности о важнейших событиях придворной жизни, имеющих большой общественный резонанс, с конца 1890-х гг. министр двора В. Б. Фредерикс предоставил сотрудникам Канцелярии МИДв, занимающимся придворной цензурой (делопроизводителю Н. И. Оприцу и его заместителю Б. И. Неннингеру) возможность лично посещать эти события — наравне с представителями прессы. Причем если такие мероприятия происходили в дворцовых пригородах, то чиновникам Канцелярии выделялась отдельная комната во дворце. Сотрудники Канцелярии МИДв присутствовали на всех великосветских бракосочетаниях и балах, в том числе и на знаменитом костюмированном балу 11 февраля 1903 г. — последнем, насколько известно, балу в высочайшем присутствии в истории России. Интересно, что на следующий день императрица Александра Федоровна телефонограммой передала в Канцелярию пожелание, чтобы «описание вчерашнего костюмированного бала не выходило из пределов трезвой достоверности [подчеркнуто в тексте — С. Г.], т. е. без преувеличения его роскоши и грандиозности, чтобы гг. корреспонденты не слишком увлекались в сгущении красок»⁵⁵. Этот пример очень ярко характеризует полнейшее непонимание последней императрицей огромного идеологического значения роскоши придворного ритуала и его влияния на формирование образа Верховной власти. Следует отметить, что Александра Федоровна и позднее резко отрицательно относилась к идее личного участия в процессе репрезентации образа Верховной власти (об этом ярко свидетельствует эпизод, приведенный в воспоминаниях начальника Канцелярии МИДв А. А. Мосолова)⁵⁶. Можно предположить, что столь жесткое и однозначное неприятие императрицей самой идеи о возможности целенаправленной работы над своим образом стало одной из основных причин личной непопулярности Александры Федоровны в России.

В конце 1880-х гг. возникла необходимость в организации придворной цензуры на местах, во время высочайших вояжей. Требовалось наладить оперативную, но при этом корректную — в фактическом и в идеологическом плане — публикацию придворных известий в местной прессе. До 1897 г. эта задача не входила в компетенцию собственно органа придворной цензуры (напомним, тогда им был Административный отдел Кабинета е.и.в.). В этот период организацией придворной цензуры на местах занимался В. С. Кривенко (которому и принадлежало, по всей видимости, авторство данной идеи). В качестве заведующего Канцелярией министра двора он сопровождал императора в высочайших

вояжах. Так, в сентябре 1888 г. Кривенко совершил в свите Александра III путешествие на Кавказ, где занимался цензурой местной прессы, освещавшей высочайший визит. Кривенко не предпринимал в той поездке каких-либо целенаправленных мер по организации идеологической работы с местными печатными изданиями. Однако как первый положительный опыт взаимодействия власти с прессой это нововведение имело большое значение для развития российской печати.

Позднее эта практика получила развитие в организованных все тем же В. С. Кривенко особых временных административных органах на местах — Бюро корреспондентов. Во время каких-либо значительных событий придворной жизни (коронований, свадеб великих князей, высочайших визитов в регионы) эти Бюро должны были способствовать наилучшему освещению происходящих событий, занимаясь цензурой местной прессы. Но главное — они стали необходимым буфером между корреспондентами, как представителями общества, и органами власти, что серьезно облегчало практическую работу журналистов. Первым успешным опытом была организация Бюро корреспондентов на коронационных торжествах в Москве в мае 1896 г., которой В. С. Кривенко занимался вместе с делопроизводителем Административного отдела Н. И. Оприцем (позднее тот возглавил это направление работы).

Характерным примером новых подходов к взаимоотношениям с прессой может служить организация цензуры придворных известий во время высочайшего посещения Москвы на Пасху в апреле 1900 г. В ходе подготовки отмечалось, что «предстоящий приезд Их Императорских Величеств в Москву... неминуемо вызовет... прилив ходатайств от изданий и корреспондентов о допуске их присутствовать при... торжествах. С другой стороны, описания и корреспонденции по этому предмету потребуют усиленных занятий и надлежащей организации цензуры упомянутых сообщений, как потому, что число корреспондентов, рисовальщиков и фотографов, московских и провинциальных, сравнительно очень велико, так и оттого, что лица эти, не обладая опытом и осведомленностью постоянных С.-Петербургских корреспондентов, требуют особого руководства и тщательнейшей проверки их работ»⁵⁷.

Бюро наняло в Москве помещение, где корреспонденты могли собираться, общаться, оперативно получать необходимую информацию, взаимодействовать с цензурой и даже бесплатно питаться (чаем и кофе, с печеньем и сэндвичами). В Бюро имелись специально выделенные телефонные линии и почтово-телеграфные курьеры для

немедленной отправки телеграмм и другой корреспонденции. Здесь сотрудники Бюро выдавали различные справки и распределяли пропуска на торжества. Все корреспонденты, сотрудничавшие с Бюро, получали соответствующую аккредитацию, подкрепленную особым пропуском, дающим возможность проходить в закрытые для публики зоны. Конечно, прежде аккредитации каждый корреспондент проверялся на благонадежность, для чего Бюро сразу же установило тесный контакт с конторой московского обер-полицмейстера. Кроме того, Бюро централизованно сносилось и с другими государственными органами, от которых зависела работа журналистов — Канцелярией Московского генерал-губернатора, Штабом войск Московского военного округа, Городским Московским управлением, Почтово-телеграфным ведомством — для оперативного решения любых вопросов журналистской работы.

Обязанности чинов придворной цензуры распределялись следующим образом: «Заведывающий цензурою [т. е. делопроизводитель — С. Г.] личным присутствием везде узнает все то, что подлежит описанию, лично сносится по делам корреспондентов со всеми учреждениями и лицами, улаживает возникающие недоразумения, держит цензуру и следит за общим ходом передачи сообщений и выпуска фотографий. Другое лицо [помощник делопроизводителя — С. Г.] — должно постоянно находиться при корреспондентах на тех или других зрелищах, руководит ими, снабжая необходимыми сведениями; третье лицо, с этой целью, состоит при фотографах и рисовальщиках, расставляет их, следит за ними; в свободное от этого время они, совместно с Заведывающим цензурою, цензуруют корреспонденции»⁵⁸. Следует обратить внимание на последний пункт — он фактически регламентировал наибольшее падение уровня принятия цензурного решения в истории придворной цензуры. Всего в апреле 1900 г. в Москве через Бюро было аккредитовано 27 журналистов из 24 изданий; 14 дней его работы стоили Министерству двора 3 888 рублей.

Фактически Бюро корреспондентов являлись настоящими пресс-центрами. При всех неизбежно сопутствующих идеологических издержках, Бюро стали в высшей степени полезным опытом для российской печати. Это была совершенно новая для России форма взаимодействия власти и прессы. Говоря современным языком, эти Бюро вполне можно назвать первым в отечественной истории успешным опытом в области PR-технологий.

В конце 1890-х гг. у придворной цензуры появился еще один вид текущих архивных дел, относящихся к сфере взаимодействия Ми-

нистерства двора с прессой, — дела «О неукоснительном соблюдении редакциями повременных изданий статей Цензурного Устава, касающихся цензуры Министерства Императорского Двора»⁵⁹. Они включали текущую переписку с ГУ ДП по нарушениям статьи 73 Устава о цензуре отдельными периодическими изданиями: когда какая-либо публикация, содержащая упоминания высочайших особ и потому подлежащая представлению на цензуру Министерства двора, ее обошла и была напечатана без визы МИДв. В этих делах содержалась переписка как с самими редакциями (о публикации опровержений), так и с органами государственной власти (по поводу принятия необходимых карательных мер).

Надо сказать, действия придворной цензуры не всегда встречали понимание у редакций. В этом плане весьма характерно письмо неизвестного лица, адресованное министру двора В. Б. Фредериксу и относящееся к 1900 г.: «Несогласные с законом о печати действия Ваших подчиненных..., которым вверен просмотр придворных известий, вынуждают меня искать защиты у Вашего Высокопревосходительства против произвола этих лиц. Они не разрешают к печати даже такие известия, которые не только достоверны и вполне цензурны, но даже являются такими, которые благоприятно действуют на народную массу. В начале этой недели г. Неннингер не разрешил печатать известие о том, что Их Императорские Величества стали говеть, готовясь к принятию Св. Христовых Тайн, найдя это известие нецензурным, несмотря на то, что обнародование его послужило бы делу всего русского народа добрым примером»⁶⁰. Отметим, что Б. И. Неннингер, помощник делопроизводителя II делопроизводства Канцелярии МИДв, непосредственно занимающийся в этот период придворной цензурой, конечно, не мог лично принимать цензурные решения. Он только составлял ответные отношения, подписывая их, почему его фамилия и была известна широкой публике.

Дела этого рода позволили МИДв наладить с органами печати постоянную обратную связь. Это направление деятельности придворной цензуры имело большое значение: путем постоянного отслеживания нарушений статьи 73 охранялся основополагающий принцип цензуры любой информации, касающейся высочайших особ. Следует отметить, что этот принцип вплоть до начала XX в. оставался неизменным — статья 73 выполнялась неукоснительно. Подобных дел встречалось очень мало — всего 5–7 в год.

4.2. Придворная цензура и авторское право: прошения авторов

Вторая по значимости группа источников прошений — авторы художественных произведений (художники, фотографы, скульпторы, поэты, музыканты), изображающие особ императорской фамилии. Как можно заметить из таблицы 3, численность этой группы, достигнув пика в 1864 г., позднее несколько уменьшилась. Вызвано это было теми же причинами, что и сокращение численности первой группы, — прежде всего стремлением властей (со временем успешно реализованном) упорядочить поток обращений, направив его исключительно в органы общей цензуры. Но была и другая причина уменьшения количества прямых обращений — постепенное изменение отношения Верховной власти к предоставлению авторам права исключительной художественной собственности на их произведения. Эта проблема требует разъяснения.

Право исключительной художественной собственности (аналог современного авторского права) позволяло авторам монопольно заниматься изданием и последующим тиражированием своих произведений. Обычный механизм получения этого права был таков: автор должен был по установленной форме зарегистрировать свою работу у нотариуса, а затем представить нотариальные копии из актовых книг, с подробным описанием произведения, в Императорскую Академию художеств. На основании этих документов Академия публиковала в «Правительственном вестнике» объявление об утверждении за владельцем исключительного права собственности на перечисленные изображения. Что касается права исключительной художественной собственности на произведения, изображающие высочайших особ, то оно могло быть даровано только лично императором, по особому всеподданнейшему докладу министра двора. Предоставлялись такие права редко.

Впервые такое право было даровано Александром II фотографам Г. И. Деньеру и И. Ф. Александровскому на сделанные ими фотографии императорской четы в мае 1864 г.⁶¹ Затем оно неоднократно — например, в мае 1867 г.⁶², в марте 1878 г.⁶³ и в октябре 1896 г.⁶⁴ — предоставлялось тогдашнему придворному фотографу С. Л. Левицкому. Он объяснял свои неоднократные ходатайства тем, что, по его мнению, целые фирмы начали заниматься копированием и продажей «чужих произведений, без всякого уговора, ни даже согласия с производителем

оригинала»⁶⁵, — в том числе и его работ. В своих прошениях С. Л. Левицкий сетовал на ущерб, наносимый ему «безнаказанностью и безответственным своеволием продавцов подделок»⁶⁶, которые продают под его маркой и по той же стоимости «безобразные» некачественные копии. В результате в МВД было направлено отношение, предлагающее «строго воспретить всякую подделку (контрафакцию)» данных работ и наказать как производителей копий, так и их продавцов, согласно действующему законодательству⁶⁷.

Любопытно, что иногда на охрану авторских прав вставал сам министр двора. Например, в октябре 1864 г. в МИДв обратился французский гражданин Плюшар, прося о дозволении ему издавать копии с портрета Александра II, работы художника Беллони. В. Ф. Адлерберг признал в представленном портрете увеличенную копию фотографии работы Г. И. Деньера, получившего в том же году право исключительной собственности на нее, и написал на прошении: «Я не только не могу дать г-ну Плюшару просимого им разрешения, но обязан подвергнуть и г. Беллони взысканию за присвоение себе чужой собственности»⁶⁸. Скорее всего, однако, это дело не получило продолжения — поскольку по российскому законодательству (статья 344 Устава о цензуре) преследование за нарушение прав художественной собственности могло начаться только вследствие жалобы «обиженного». Вряд ли министр двора взял на себя труд еще и оповестить Деньера о нарушении его прав...

Следующий прецедент предоставления авторам права исключительной художественной собственности имел место в марте 1884 г., когда академик живописи Ф. А. Соколов получил его на издание разными способами (фотография, хромолитография и др.) своих акварельных портретов императорской четы⁶⁹. При этом, тем не менее, Соколову было предложено, в соответствии с существующими требованиями, представлять каждый раз новый оттиск на утверждение в Министерство двора. В 1894 г. такое право было впервые предоставлено уже не автору произведения, монопольно распространяющему копии своей работы, а производителю копий — владельцу магазина эстампов А. Фельтену, желающему воспроизводить различными способами и затем продавать в своем магазине портрет императрицы Марии Федоровны. Отметим, что при этом потребовалось разрешение автора — художника Ф. Фламенга⁷⁰.

Это условие — согласие автора на распространение — было обязательным. В том же году А. Фельтен попытался его обойти и хлопотать себе аналогичную монополию на производство и продажу

в России «свежих» фотографий наследника Николая Александровича и его невесты (снимки были недавно присланы ему из Дармштадта). Не помогло и имеющееся у Фельтена звание поставщика императорского двора: поскольку разрешения немецких фотографов у него не было, Фельтен получил отказ⁷¹. В октябре 1896 г. право исключительной художественной собственности было даровано вдове гелсингфорсского купца П. Михельсон-Беггровой — на сделанные ею фотографии вдовствующей императрицы. Отметим, что при этом на часть из представленных снимков, по желанию Марии Федоровны, вдова получила право собственности, но без права продажи — что, по сути, лишило данное право смысла⁷².

На рубеже веков, когда фотография стала массовым видом искусства, приносящим большую прибыль, позиция руководства Министерства двора по проблеме предоставления права исключительной художественной собственности изменилась. К этому времени окончательно сформировался институт придворных фотографов, который оптимально — с точки зрения высшего руководства — реализовывал репрезентацию Верховной власти средствами кино и фотографии. Таким образом, в независимых производителях в этой области она больше не нуждалась. Уже в 1903 г. временно управляющий МИДв князь Н. Д. Оболенский отмечал, что это право теперь не предоставляется Министерством никому, в том числе и авторам, «преследуя мысль наиболее широкого распространения снимков с изображением Высочайших Особ»⁷³ в народе. Конечно, на самом деле руководство МИДв старалось пресечь использование образа Верховной власти в коммерческих целях. Данная позиция не изменилась до самого конца деятельности Канцелярии МИДв. Единственное обнаруженное исключение имело место в марте 1905 г., когда по ходатайству германского фотографа Ф. Эгглера его фирме «Пазетти» было даровано сроком на один год право исключительной художественной собственности на сделанные Эгглером снимки императорской четы⁷⁴. Решение было принято лично Николаем II и явно по чьей-то высокой протекции.

Как представляется, долгое время одним из основных мотивов, побуждавших просителей-авторов напрямую обращаться в МИДв, было желание выгоды. Право исключительной художественной собственности на свои произведения позволяло впоследствии монопольно тиражировать их различными способами (а рынок такого рода товаров в стране был весьма велик). Однако прекращение дарования этого права в конце 1890-х гг. уничтожило данный мотив.

Другим важным моментом, побуждавшим авторов (главным образом стихотворных и музыкальных произведений), принадлежащих к самым разным сословиям (в т. ч. и крестьян), испрашивать дозволения на посвящение своих работ особам императорской фамилии, было тщеславие. Дело в том, что в случае разрешенного посвящения произведение получало некое новое достоинство и должно было иметь широкое распространение, невзирая на его художественные достоинства. В этих случаях, отклоняя произведения не по их идеологической направленности, а в силу невысоких художественных достоинств, придворная цензура вынуждена была фактически заменять собой цензуру общую. Со временем этот мотив перестал действовать: в 1890-е гг., в силу развития информационного рынка в стране, посвящение уже не являлось гарантией публикации. После ухода этих, прежде основных, мотивов на второй план количество прямых прошений авторов в МИДв сократилось.

4.3. Придворная цензура и бизнес: прошения коммерсантов

Третья по значимости группа источников прошений — прошения от частных лиц (коммерсантов), не являющихся авторами, но желающих производить или продавать копии изображений особ императорской фамилии. Эта группа — единственная, демонстрировавшая постоянный рост на всем протяжении исследуемого периода: из крайне незначительной в его начале она со временем превратилась в преобладающую среди прошений. Основной причиной такого стабильного роста было быстрое развитие промышленности в пореформенной России, вызванное углубляющейся модернизацией; становление гражданского общества вследствие упрочения земств, и как результат — распространение частной инициативы во всех сословиях.

Профессиональные области занятий коммерсантов, обращавшихся в Министерство двора, со временем менялись. Если в начале исследуемого периода это были преимущественно прошения от предпринимателей, занятых в полиграфии, то в конце его число прошений от этой подгруппы заметно снизилось. Вероятно, государству удалось перевести эту подгруппу на взаимодействие с органами общей цензуры. Тем не менее, общий вес группы коммерсантов в итоге вырос, и произошло это за счет многократного увеличения количества прошений от предпринимателей, занимающихся различными промыслами. Производители желали, с целью увеличения сбыта их изделий,

помещать на них изображения высочайших особ. Такие прошения долгое время неизменно отклонялись (ситуация изменилась только после начала Мировой войны). Большинство обращений коммерсантов было разовым, и тем не менее число таких просителей не уменьшалось. Для того чтобы представить, как работала придворная цензура с прошениями коммерсантов, приведем характерный пример.

В сентябре 1864 г. в Канцелярию МИДв обратился служащий Дирекции императорских театров В. А. Андреев, желающий издать копии с портретов (не его работы) наследника цесаревича великого князя Николая Александровича и его невесты, датской принцессы Дагмары (будущей императрицы Марии Федоровны). Андреев сообщил, что издание портретов приурочено к их помолвке, и отметил, что он желал бы посвятить эти портреты «их императорским величествам», поднести их императору, а также получить на них право исключительной художественной собственности. Резолюция министра двора В. Ф. Адлерберга гласила: «Высочайше повелено возвратить рисунки и объяснить, что они весьма дурно исполнены и портреты не имеют ни малейшего сходства с Высочайшими Особами, которых они должны изображать»⁷⁵. Этот пример свидетельствует как о стремлении министра двора к определенной объективности, так и об отсутствии у него ведомственных приоритетов: тот факт, что с прошением обратился сотрудник его ведомства, никак не повлиял на принятое цензурное решение.

Отрицательный ответ не остановил Андреева. Вскоре, в ноябре, он представил еще одно прошение, уже с другими портретами, объясняя свою настойчивость тем, что «портреты эти в настоящее время необходимы для народа, и появления оных в продаже публика весьма желает»⁷⁶. Раньше, пояснил Андреев, он использовал в качестве оригинала визитные карточки, имевшие «сомнительное сходство», но теперь в виде образцов взяты заграничные фотографии невесты (8 штук), уже продаваемые в столичных магазинах. Однако проблема заключалась в том, что имеющиеся портреты были «столь разнообразны между собою в сходстве портрета Ея Высочества, что не только я мог ошибиться при рисовке в верности исполнения оных, но продавцы не могут поручиться за верность сходства их, а публика до сего времени находится в недоумении, которая из прилагаемых карточек имеет верное сходство с оригиналом...»⁷⁷. Дело кончилось тем, что министр двора утвердил две фотографии, разрешив Андрееву их распространение, однако без посвящения Александру II и с тем, чтобы принцесса Дагмара была названа Марией (имея в виду переход

ее в православие). Этот сюжет хорошо демонстрирует механизм повседневной репрезентации высочайших особ в эпоху, когда средства массовой информации еще не взяли на себя эту задачу.

4.4. Придворная цензура и общественные организации: прошения негосударственных учреждений

Последнюю, четвертую, группу составляют прошения от негосударственных организаций — благотворительных и ученых обществ. Они ежегодно представляли на цензуру МИДв годовые отчеты, упоминающие высочайших особ в числе учредителей, посетителей или жертвователей. Подобные материалы разрешались, как правило, без изменений, но после проверки истинности содержащихся в них сведений. Следует отметить, что в 1860-е гг. для пропуска было достаточно упоминания о том, что данная информация подтверждается руководителем общества. Позднее такие отчеты в обязательном порядке должны были утверждаться теми особами императорской фамилии, которые в них были упомянуты. Впрочем, почти всегда отчеты благотворительных обществ утверждались высочайшими особами без правки.

Данная группа занимала наименьшее место среди прошений, и хотя в сентябре 1898 г. обязательность представления таких материалов на цензуру МИДв была специально подтверждена на нормативном уровне⁷⁸, количество отчетов, представленных напрямую, постоянно сокращалось. Это происходило потому, что негосударственные организации предпочитали представлять свои отчеты в органы общей цензуры, прежде всего в Петербургский Цензурный Комитет, где их разрешали без сношения с МИДв.

5. ОТНОШЕНИЯ В ПРИДВОРНУЮ ЦЕНЗУРУ

Результаты изучения изменения структуры количества отношений сведены в таблицу 4.

Как можно заметить, преобладающее количество отношений приходило в МИДв от органов общей цензуры. Со временем эта доля увеличивалась, поскольку государство стремилось выстроить четкую иерархическую систему цензуры, в соответствии с которой все инстанции должны были иметь дело исключительно с общей цензурой. Что касается отношений от прочих государственных органов,

Таблица 4
Динамика изменения структуры количества отношений

Источники отношений	1855 г. ⁷⁹		1864 г. ⁸⁰		1876 г. ⁸¹		1885 г. ⁸²		1896 г. ⁸³	
	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%
Органы общей цензуры	12	70,6	37	84,1	24	96,2	48	90,6	212	96,4
Прочие государственные органы	5	29,4	7	15,9	1	3,8	5	9,4	8	3,6
Отношений, всего	17	100	44	100	25	100	53	100	220	100

как местных, так и центральных, то их доля неуклонно снижалась. Это происходило в силу того, что и они переключались на взаимодействие с общей цензурой.

5.1. Отношения органов общей цензуры

Результаты исследования изменения структуры количества отношений из органов цензуры сведены в таблицу 5.

Органы общей цензуры можно разделить на три группы. Первую составляли органы внутренней цензуры, рассматривавшие произведения, напечатанные в пределах Российской Империи, — цензурные комитеты (ЦК). Они существовали в крупнейших городах (Петербурге, Москве, Варшаве, в начале исследуемого периода — в Одессе и Вильно) и занимались цензурой материалов на русском языке, представленных источниками по всему данному региону. Вторую группу образовали отдельные цензоры по внутренней цензуре, находившиеся в национальных районах империи (Одесса, Казань, Вильно, Рига). В их обязанности входила цензура материалов, также напечатанных в России, прежде всего на национальных языках. Наконец, третью группу составляли Комитеты цензуры иностранной, рассматривавшие произведения печати на иностранных языках, поступавшие на таможи для учреждений, книготорговцев и частных лиц. В столице находился Центральный комитет цензуры иностранной, на местах — отдельные цензоры по иностранной цензуре. Они исполняли свои обязанности в городах, находящихся на основных путях, связывавших Россию с Европой (Москва, Киев).

Таблица 5

Динамика изменения структуры количества отношений из органов цензуры⁸⁴

Источники отношений	1855 г. ⁸⁵		1864 г. ⁸⁶		1876 г. ⁸⁷		1885 г. ⁸⁸		1896 г. ⁸⁹	
	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%
СПб ЦК	6	50,0	36	97,3	23	95,8	19	39,6	43	20,3
Московский ЦК	4	33,3	—	—	—	—	17	35,4	48	22,7
Одесский ЦК	2	16,7	—	—	—	—	—	—	—	—
Виленский ЦК	—	—	1	2,7	—	—	—	—	—	—
Варшавский ЦК	—	—	—	—	—	—	4	8,3	13	6,1
Отдельный цензор по внутренней цензуре (Одесса)	—	—	—	—	1	4,2	—	—	24	11,3
Отдельный цензор по внутренней цензуре (Вильно)	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,5
Отдельный цензор по внутренней цензуре (Рига)	—	—	—	—	—	—	—	—	3	1,4
Отдельный цензор по внутренней цензуре (Казань)	—	—	—	—	—	—	—	—	10	4,7
СПб ЦК цензуры иностранной	—	—	—	—	—	—	6	12,5	46	21,7
Отдельный цензор по иностранной цензуре (Москва)	—	—	—	—	—	—	2	4,2	6	2,8
Отдельный цензор по иностранной цензуре (Киев)	—	—	—	—	—	—	—	—	18	8,5
Органы общей цензуры, всего	12	100	37	100	24	100	48	100	212	100

Органы общей цензуры существенно разнились между собой как по частоте обращений в Министерство двора, так и по количеству направляемых на цензуру материалов. Так, значительно чаще прочих приходили отношения Петербургского Цензурного комитета (СПб ЦК) и Центрального Комитета цензуры иностранной, однако в каждом пакете ими представлялось обычно не более 4–5 материалов. Наибольшие пакеты направлял в МИДв Московский Цензурный комитет — до 12 материалов одновременно. Прочие же органы общей цензуры обращались в МИДв достаточно редко и представляли обычно по одному материалу.

Первое место по количеству обращений в придворную цензуру долгое время занимал СПб ЦК. Более того, в 1864 г. его доля вплотную приблизилась к 100 %. Это можно объяснить двумя причинами — объективной и субъективной. С одной стороны, во время подготовки цензурной реформы 1865 г. поток цензурируемых материалов всех видов был целенаправленно централизован столичными властями — в силу первой из выделенных тенденций. С другой стороны, можно предположить, что в этот период неопределенности и быстрой смены идеологических критериев в литературной среде утвердилось мнение (вполне, впрочем, справедливое), что только СПб ЦК — как столичный орган, наиболее близко стоящий к власти и находящийся в курсе новых веяний, — может «верно» (т. е. с наиболее либеральных позиций) оценить материал.

Со временем доля СПб ЦК начала все более уменьшаться. Причиной этого стала децентрализация цензурных потоков в начале 1890-х гг. Тогда произошло их разделение между основными цензурными комитетами — Санкт-Петербургским, Московским, Варшавским и Одесским. С этого времени большая часть материалов стала рассматриваться на местах, без обязательной доставки в столицу, что позволило более равномерно распределить делопроизводительную нагрузку между органами общей цензуры в Империи.

Другой момент, обращающий на себя внимание, — резкое увеличение доли материалов на иностранных языках в последние годы исследуемого периода (1885–1896 гг.). Так, в 1896 г. доля Центрального комитета цензуры иностранной превысила даже долю СПб ЦК! Можно предположить, что это свидетельствовало о возрастании престижа России как мировой державы в царствование Александра III, — и, как следствие, о повышении международного интереса к российским особам императорской фамилии.

5.2. Отношения таможен

Иностранный поток материалов, поступающих на придворную цензуру, составляли различные изделия с изображенными на них высочайшими особами, приходящие из-за границы, поэтому особую группу обращений в МИДв образуют отношения от местных государственных органов — таможен. Таможни Российской Империи относились к Министерству финансов, входя сначала в ведение Департамента внешней торговли, затем — Департамента таможенных сборов. В 1870–1880-х гг. все подлежащие цензуре МИДв материалы таможи сначала представляли своему непосредственному начальству — Министерству финансов. Оттуда в Министерство двора приходило, вместе с соответствующим материалом, официальное отношение за подписью министра финансов (иногда его товарища). В нем отсутствовало указание на конкретную таможню, представившую данный материал. Установление основных путей поступления в Россию материалов с изображениями особ императорской фамилии стало возможным только с середины 1890-х гг. — когда, согласно циркуляру Департамента таможенных сборов № 12239 от 24 июня 1894 г., таможни получили возможность обращаться в МИДв напрямую, минуя свое руководство. Результаты исследования структуры количества таможен, представивших материалы по иностранной цензуре МИДв за первое полугодие 1896 г., сведены в таблицу 6.

Таблица 6

Структура количества таможен, представивших материалы по иностранной цензуре МИДв за первое полугодие 1896 г.⁹⁰

Наименование таможни	Количество отношений	%
СПб Портовая таможня	53	43,5
Варшавская таможня	16	13,1
Рижская таможня	16	13,1
Московская таможня	13	10,4
СПб Сухопутная таможня	5	4,1
Одесская таможня	5	4,1
СПб таможня на Финляндской ж. д.	3	2,5
Департамент таможенных сборов	3	2,5

Наименование таможни	Количество отношений	%
Гербская таможня	2	1,6
Волочискская таможня	2	1,6
Границкая таможня	1	0,8
Сосновицкая таможня	1	0,8
Севастопольская таможня	1	0,8
Харьковская таможня	1	0,8
Обращений, всего	122	100

Основным путем поступления материалов на цензуру МИДв был морской — через столичный порт. Это вполне объяснимо, учитывая, что морские сообщения являлись одним из наиболее дешевых видов грузоперевозок. При этом большая часть ввозимых товаров зарубежного производства сразу продавалась столичным оптовым покупателям, которые затем по своим каналам сбыта занимались распространением товара по стране. Что же касается стран-производителей изделий с изображениями высочайших особ, то, как показало данное исследование, главной из них являлась Германия. Наибольшее количество материалов поступало на цензуру МИДв из Варшавской (сухопутной) и Рижской (портовой) таможен. Что касается прочих таможен, то, как видно из таблицы 6, доли их были невелики.

5.3. Отношения других государственных органов

В 1850–1860-х гг. обращения государственных органов в МИДв по цензурным вопросам были единичными и касались случайных дел, не связанных с основной деятельностью данного учреждения. Обращения можно разделить на несколько групп:

1. Направления из других ведомственных цензур. Характерный пример имел место в феврале 1855 г., когда Управление Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора представило на утверждение министра двора речь императора к депутатам дворянства по случаю окончания работ по крымскому ополчению⁹¹.
2. Запросы о возможности публикации какой-либо информации, касающейся отдельных установлений МИДв. Так, в декабре

1864 г. от столичного Обер-полицмейстера пришел запрос, можно ли опубликовать в ведомственном органе МВД — газете «Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции» — заметку о недавнем пожаре в квартире письмоводителя Придворной певческой капеллы⁹².

3. Представления подлежащих цензуре МИДв материалов по протекции. Например, в марте 1864 г. главноначальствующий над Почтовым департаментом И. М. Толстой представил на разрешение заметку своего подчиненного, служащего Петербургского почтамта Лагоды, о его переписке с наследником цесаревичем Николаем Александровичем⁹³.

В последующие десятилетия обращения государственных органов, напротив, касались основной деятельности данных учреждений. Это были либо согласования государственных заказов (Управление гофмаршальской части МИДв), либо ведомственные запросы (Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов). Выявлено и несколько случаев переадресовки прошений, попавших не по принадлежности (Канцелярия е. и. в. по принятию прошений на высочайшее имя приносимых; Канцелярии губернаторов). Следует отметить, что большинство упомянутых органов являлись центральными. Отношения же из местных государственных органов — Канцелярий губернаторов — встречались и в этот, и в предыдущий период крайне редко.

В качестве примера можно привести случай, относящийся к январю 1896 г., когда владимирский губернатор прислал запрос, можно ли опубликовать в местной губернской газете текст телеграммы от императора, полученной в ответ на верноподданнейший адрес владимирского дворянства⁹⁴. Вообще в 1880–90-х гг. телеграммы от высочайших особ разрешались к печати по предъявлении оригинала телеграммы или письменного засвидетельствования ее правильности самим адресатом⁹⁵. Однако данный текст был ранее напечатан в «Правительственном вестнике» (из которого, согласно утвержденному в 1873 г. циркуляру ГУ ДП, перепечатка любых материалов была возможна без нового сношения с МИДв⁹⁶), и об этом не могла не знать местная администрация. Вероятно, это обращение было вызвано элементарным желанием перестраховаться. Изредка встречались и прежние варианты с протекцией. Так, в мае 1896 г. саратовский губернатор лично представил на цензуру верноподданническое стихотворение крестьянина И. Н. Липатова (оно было допущено к печати)⁹⁷.

6. МАТЕРИАЛЫ, ПОСТУПАВШИЕ НА ПРИДВОРНУЮ ЦЕНЗУРУ

Результаты изучения структуры объема материалов, поступивших на внутреннюю цензуру МИДв, сведены в таблицу 7.

Таблица 7

Структура объема материалов, поступивших на внутреннюю цензуру МИДв

	1855 г. ⁹⁸		1864 г. ⁹⁹		1876 г. ¹⁰⁰		1885 г. ¹⁰¹		1896 г. ¹⁰²	
	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%
Тексты	27	54,0	44	84,6	30	39,5	27	34,2	94	26,3
Стихотворения	20	40,0	7	13,5	7	9,2	2	2,5	28	7,8
Изображения	3	6,0	1	1,9	38	50,0	47	59,5	166	46,4
Музыкальные произведения	—	—	—	—	1	1,3	2	2,5	29	8,1
Предметы потребления	—	—	—	—	—	—	1	1,3	41	11,4
Материалов, всего	50	100	52	100	76	100	79	100	358	100

Результаты изучения объема материалов, поступивших на иностранную цензуру МИДв, сведены в таблицу 8.

Таблица 8

Структура объема материалов, поступивших на иностранную цензуру МИДв

	1856 г. ¹⁰³		1876 г. ¹⁰⁴		1885 г. ¹⁰⁵		1896 г. ¹⁰⁶	
	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%
Изображения	—	—	13	68,4	19	59,4	72	59,0
Предметы потребления	5	50	3	15,8	2	6,2	12	9,8
Карманные часы	5	50	2	10,5	4	12,5	7	5,7
Произведения искусства	—	—	1	5,3	7	21,9	23	18,9
Средства производства	—	—	—	—	—	—	8	6,6
Материалов, всего	10	100	19	100	32	100	122	100

Как можно заметить, общее количество материалов, поступающих на цензуру МИДв, по обоим направлениям (внутри страны и из таможен) несколько возросло после принятия статьи 73 (в 1870 г.) и

резко увеличилось к середине 1890-х гг. Проведенный сравнительный анализ однородных групп материалов по направлениям (внутреннему и иностранному) показал сходные результаты, что является свидетельством правильности выбранной методики исследования. Прежде всего, обращает на себя внимание наличие ряда групп материалов, присутствующих только в одном из направлений. Причина этого в существенных различиях между группами материалов внутренней и иностранной цензуры, выявленных в процессе изучения. На каждой из выделенных групп материалов следует остановиться подробнее. Сначала — об общих для обоих направлений группах материалов.

6.1. Визуальные материалы: портреты и изображения

Изображения особ императорской фамилии занимали наиболее значительное место в обоих направлениях в конце исследуемого периода. Однако в начале его (1855–1856 гг.) портреты различного рода (лито- и олеографические рисунки), напротив, занимали наименьшее место в общем потоке внутренней цензуры, из таможен же они не поступали вовсе. Можно предположить, что в 1850-е гг. существовало стихийное разделение рынка: собственно портреты печатались внутри страны, портреты же на разного рода произведениях искусства изготавливались исключительно за границей. Причины этого, вероятно, следует искать в первую очередь в недостаточных технологических возможностях тогдашней отечественной промышленности, а также в определенных стереотипах, свойственных российской элите, всегда предпочитавшей покупать предметы роскоши за рубежом.

Как можно заметить, наименьшее за всю историю придворной цензуры количество изображений во внутреннем потоке было представлено в разгар реформ — в 1864 г. Для того, чтобы объяснить этот феномен, выдвинем следующую гипотезу. В первое десятилетие царствования Александра II — впервые в истории России — новая, информационная (т. е. прежде всего текстовая) составляющая образа Верховной власти на некоторое время возобладала над традиционным визуальным способом репрезентации. Уникальность момента заключалась в том, что впервые то, что говорит Верховная власть, стало важнее того, как она выглядит.

Резкий скачок количества изображений, поступающих в МИДв по обоим направлениям, произошел в середине 1870-х гг., и далее эти доли приблизительно сравнялись. Можно предположить, что к этому

времени Александр II окончательно отказался от попыток логического убеждения подданных. Контакт, основанный на договоренности (т. е. текстуальном разъяснении, предполагающем рациональный момент понимания), уступил место прежнему контакту, основанному на эмоциональном впечатлении от визуального эффекта. Таким образом, произошел возврат к дореформенному, традиционному подходу к репрезентации Верховной власти. С одной стороны, этот возврат мог быть объективно вызван окончанием времени реформ, подразумевающих постоянную «подпитку» дела — словом, разъяснением. Но с другой, субъективной стороны, это мог быть и осознанный отказ носителей Верховной власти, в лице императоров Александра II и позднее Александра III, от дальнейших попыток рационального контакта с нацией.

Данная гипотеза вполне объясняет постоянное уменьшение доли текстовых материалов во внутренней цензуре, начиная с 1870-х гг., а также тот факт, что доля изображений с этого же времени резко увеличивается, и они занимают ведущее место в обоих цензурных потоках. Есть и другое объяснение: во второй половине XIX в. российский потребительский рынок в данной области начал ориентироваться на все более широкие массы потребителей, прежде всего низших сословий — неграмотных крестьян и малограмотных мещан, у которых впервые начали появляться излишки средств. Именно эти группы потребителей и стали с этого времени главными покупателями товаров с изображениями высочайших особ.

6.2. Предметы широкого потребления

Следующая группа материалов, присутствующая в обоих потоках, — предметы широкого потребления — вещи, используемые людьми в быту. Долгое время предметы потребления поступали в страну исключительно из-за границы, но со временем их количество сократилось. С 1880-х гг. эта группа появилась во внутреннем потоке и начала активно вытеснять зарубежного производителя с этого сегмента рынка. Произошло это, надо думать, из-за возросших технологических возможностей российской промышленности.

Придворная цензура первых лет царствования Александра II в отношении к подобным материалам резко отличалась от последующих периодов: пропускалось абсолютно все, поступавшее на таможни, включая то, что не разрешалось никогда после. В позднейшие же периоды отношение придворной цензуры к товарам этой группы су-

щественно различалось между двумя потоками: отношение к материалам, поступающим из таможен, было значительно более лояльным.

Возможно, это объяснялось тем, что подобные предметы, приходящие из-за границы, в большинстве случаев поступали в одном экземпляре, для личного пользования, тогда как внутри страны такие товары производились исключительно на продажу. Кроме того, в случае поступления товара на продажу учитывалось, на какую группу потребителей он рассчитан: для высших сословий (среди товаров из таможен таких было большинство) или для низших (преимущественно внутренний поток). В последнем случае цензурный подход был более жестким. Зачастую из таможен выпускались такие единичные вещи, какие никак не могли бы быть разрешены партиями на продажу во внутреннем потоке, например, сигарные этикетки с портретами высочайших особ (1876 г.)¹⁰⁷, шелковые платки (1894 г.)¹⁰⁸, альбомы для марок (1894 г.)¹⁰⁸, металлические брелоки (1894 г.)¹¹⁰ и даже столь оригинальное изделие, как зеркальце, на котором «путем дыхания» воспроизводились портреты императоров Александра III и Николая II (1894 г.)¹¹¹. В то же время не были пропущены через таможенную: металлические перья с портретом Александра III (1885 г.)¹¹², тамбурины с портретами императорской четы (1894 г.)¹¹³, металлические запонки с портретами императоров (1894 г.)¹¹⁴, а также прибор для вдевания ниток в иголки, с портретами императорской четы (1896 г.)¹¹⁵. Анализировать эти цензурные заключения с точки зрения логики, думается, затруднительно — все решало субъективное мнение руководителей придворной цензуры. Позднее такой подход сменился заранее жестко заданными условиями пропуска того или иного товара — субъективные вкусы уступили место идеологическим догмам.

Принципиальным для придворной цензуры стал вопрос, возможно ли будет использовать данный товар «в утилитарных целях», т. е. в быту. В этом случае однозначно следовал отказ. Объяснить данный запрет нетрудно: ведь в процессе эксплуатации предметы обихода изнашиваются, приходят в негодность и должны быть в итоге выброшены. Разбитая в пьяном угаре кружка со «святынями» на осколках, грязная скатерть с винным пятном в аккурат на императорском портрете, смятый испорченный почтовый конверт с «драгоценным» изображением в мусорном ведре — а как тогда властям относиться ко всему этому? Как к политической диверсии? И в итоге сослать на каторгу полстраны? Легче просто запретить такую коммерческую демонстрацию верноподданнических чувств...

Этот запрет, один из немногих, получил и нормативное подтверждение. Ему предшествовал очень характерный для того времени казус. Осенью 1894 г. Московским Цензурным комитетом в Министерство двора были представлены портреты наследника цесаревича Николая Александровича и его невесты, Александры Федоровны, предназначенные для печатания на платках Прохоровской Трехгорной мануфактурой. Они были запрещены к продаже. Тем не менее, в апреле следующего, 1895 г., эти платки появились в широкой продаже в обеих столицах. На посланный из Канцелярии МИДв запрос, кто и когда разрешил эти платки, Московский Цензурный комитет сообщил, что они выпущены с личного разрешения московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича¹¹⁶. Дядя императора (одна из наиболее влиятельных высочайших особ в стране) мог позволить себе не считаться с устоявшимися цензурными правилами. Министр двора не решился начать разбирательство и, не делая всеподданнейшего доклада, приказал разрешить дальнейшую продажу этих платков — в виде исключения.

Весной 1895 г. возникло еще одно аналогичное дело: в Кабинет поступило прошение московского купца М. Брасса, желающего выпускать чашки и стаканы с портретами императорской четы (ранее он выпускал чашки с портретом германского императора Вильгельма II). При этом Брасс сообщил, что подобные кружки уже выпускаются в российских столицах, и приложил их образцы, добавив, что его изделия будут изготавливаться «гораздо тщательнее и более художественно»¹¹⁷. Вскоре ушли запросы в Канцелярию столичного градоначальника и исправляющего должность московского обер-полицмейстера с просьбой произвести необходимое дознание. Выяснилось, что представленные кружки сделаны на фарфоровой фабрике И. Е. Кузнецова в г. Чудово Новгородской губернии. В результате полицейского расследования было установлено, что никакого разрешения Кузнецов ни у кого, конечно, не получал. 15 мая 1895 г. МИДв официально потребовало от МВД изъять эти кружки и заявило о недопущении подобного в дальнейшем. Результатом стало циркулярное извещение МВД за № 2307 от 29 мая 1895 г., уведомляющее губернаторов «о недозволении к обращению в продаже, без соответствующего заключения Министерства, предметов, имеющих в домашнем обиходе утилитарное значение, с изображением на них портретов Их Императорских Величеств»¹¹⁸. Это правило оставалось в силе вплоть до 1917 г. Проиллюстрировать действие этого постановления можно следующими примерами. В сентябре 1895 г. в МИДв был доставлен из МВД об-

разец платка, представленный туда казанским губернатором. Установив, что этот образец идентичен разрешенному в свое время в Москве Сергеем Александровичем, министр двора приказал вновь пропустить его — вновь в виде исключения¹¹⁹. Отметим — когда в октябре 1895 г. в Министерство двора были представлены тем же путем стеклянные стаканы с портретами — от таврического губернатора и из штаба Кавказского военного округа («отобраны от торговцев в Евпатории и Пятигорске») — их потребовали изъять из продажи.

Однако не всегда придворная цензура успевала принять надлежащие меры. Так, осенью 1895 г. в МИДв была получена информация о поступлении в столичную продажу стальных перьев фирмы «Myers&Son» (с оттиском портрета императора Александра III), которые не были представлены в цензуру. В. Б. Фредерикс приказал запросить Канцелярию градоначальника, откуда пришел ответ, что эти перья были куплены в магазине купца Исакова (Гостиный Двор, лавка № 25). Выяснить же, где их закупил означенный купец, «за давностью времени» не представляется возможным. Ранее перья действительно никем не разрешались, но теперь их в продаже уже нет — раскуплены. Дело не получило продолжения¹²⁰.

Циркуляр МВД от 29 мая 1895 г. не сразу смог изменить ситуацию. В июне 1896 г. от В. И. Белова, представителя Товарищества ткацкой мануфактуры в Москве, поступило прошение, в котором говорилось, что от покупателей постоянно поступают заказы на выпуск какого-либо предмета, напоминающего о короновании. Товарищество остановилось на «изящной и богатой шелковой скатерти, которая была бы в состоянии сделаться украшением всякого стола в гостиной, с портретами..., ткаными по золоту»¹²¹. Здесь же отмечалось, что подобные платки уже выпускаются Шлиссельбургской и Даниловской ситце-набивными мануфактурами. Вновь были посланы запросы столичным генерал-губернаторам, и в результате проведенного расследования установлено, что никаких разрешений их владельцы не получали. В итоге просителю был дан отказ, а уже выпускаемые изделия предложено изъять из продажи.

Однако скатерти и платки действительно могли с большим основанием считаться «утилитарными предметами», и с этим трудно спорить. Но вскоре ситуация усложнилась: поняв, что изготовление и продажа полезных в быту изделий с портретами высочайших особ (весьма, надо думать, коммерчески выгодное дело) встречается, тем не менее, с малообъяснимыми трудностями (чинимыми теми, от кого возмож-

но бы было ожидать поддержку), производители попытались обойти этот запрет. В январе 1896 г. французский фабрикант Л. Бузон, владелец шелкоткацкой фабрики в г. Клин Московской губернии, подал прошение, чтобы ему был разрешен выпуск ткацких портретов их императорских величеств, для продажи на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Нижнем Новгороде. В прошении Бузон особо подчеркивал, что «хотя таковые и будут воспроизводиться на шелковых лентах, но не будут иметь утилитарного значения, т. к. в продажу они будут поступать лишь только разрезанными, в отдельности каждый, что им придаст значение фотографии»¹²². В справке, подготовленной делопроизводителем, отмечалось, что выпуск подобных изделий уже разрешался в марте 1895 г. — при условии, чтобы эти портреты были выпущены в продажу в готовых рамках. На тех же условиях это было разрешено и вновь. Заметим, что прошение другого французского предпринимателя, Л. Равали, поданное одновременно с предыдущим, в котором он просил разрешение на выпуск к той же выставке таких же портретов, но на стенных коврах, — не было удовлетворено. Видимо, тогда ковры считались больше предметами обихода, чем предметами роскоши или произведениями искусства — как сейчас.

Интересно, что даже из этого, казалось бы, непреложного цензурного условия бывали исключения. Так, в июне 1896 г. в цензуру МИДв обратился владелец фабрики шелковых изделий из г. Лодзь С. А. Чаманский, которому еще в прошлом, 1895 г., были разрешены к производству портреты на шелковых лентах, заключенные в рамы. Теперь, на Нижегородской выставке, он встретил затруднения в их сбыте, поскольку «публику не всегда можно удовлетворить рамами известного образца при некотором даже разнообразии. Требуют портреты, рамы же покупающий оставляет своему собственному выбору и вкусу, тем более что портреты не всегда употребляют для украшения стен, частью для помещения в альбомах, как фотографические снимки, которые, как известно, продаются без рамок»¹²³. В итоге портреты были разрешены к продаже и без рам, но при условии, что они будут продаваться только в виде отдельных портретов, а не лентами, и чтобы они «не служили для украшения предметов домашнего обихода».

Этот пример представляется весьма важным, поскольку показывает, что, во-первых, цензурные правила могли отступать под влиянием запросов реальной жизни, и, во-вторых, дает понять, до каких пределов это было возможно. Кстати, отметим, что портреты особ

императорской фамилии, сделанные из самых оригинальных материалов, но заведомо не имевшие применения в быту, разрешались всегда беспрепятственно. В качестве примера можно привести портреты из папье-маше, выпускаемые варшавскими фабрикантами С. Пружаном — в 1890 г.¹²⁴, и Л. Г. Зильбербаумом — в 1896 г.¹²⁵ Они были разрешены к выпуску — при условии, чтобы портреты, взятые в качестве оригиналов, были ранее разрешены придворной цензурой, и чтобы представлялись образцы каждой изготовленной партии.

Имели место и другие исключения, когда под влиянием особых обстоятельств придворная цензура была вынуждена отступать от своих правил. Так, в октябре 1896 г. германский фабрикант И. Беккер во время пребывания Николая II в Дармштадте, добился (через посредство командующего Императорской главной квартирой) поднесения императору перочинного ножа своего изготовления, с портретами и императорской символикой на рукоятке. За это Беккер получил высочайшую благодарность и право на распространение этой продукции в России¹²⁶. Второй случай тоже был связан с Германией. В апреле 1904 г., по личному ходатайству германского генерального консула в России, в обход всех существовавших правил, был разрешен ввоз в страну партии складных ножей фирмы «Бальке и Шааф» из Золингена, с портретами Николая II¹²⁷. Еще один аналогичный случай имел место в январе 1905 г., когда опять же германские фабриканты Бергер и Симятицкий обратились, через Канцелярию по принятию прошений, с предложением выпустить на их табачной фабрике в Вестфалии новый сорт папирос, с изображением портрета Николая II на этикетке. Свое предложение они мотивировали тем, что император состоит шефом местного 8-го Гусарского Вестфальского полка. Решение принимал министр двора В. Б. Фредерикс. В резолюции говорилось, что он «не встречает препятствий разрешить это ходатайство на обращение папирос таких за границую, ввоз же таковых в Россию не признает возможным разрешить»¹²⁸. Это решение министра зримо иллюстрирует всегда существовавшую двойственность взглядов руководителей придворной цензуры на внешний и внутренний рынки: то, что допускалось для «заграницы», не могло быть приемлемо для России. Таким образом, исключения из данного цензурного правила имели место под влиянием одного из двух обстоятельств: при личной апробации товара императором (а это было возможно только посредством высокой протекции) или по политическим мотивам — в видах улучшения престижа России на международной арене.

Как уже отмечалось, для придворной цензуры принципиальным был момент употребления товара: может ли данный предмет иметь применение в быту, или он представляет из себя только украшение, пусть и весьма оригинальное. Например, в разное время не были пропущены: кожаные кошельки с надписью золотым тиснением в память о короновании¹²⁹, кожаные портсигары и бумажники с портретами высочайших особ¹³⁰, металлические цепочки с надписью в память о короновании¹³¹, золотые цепочки для карманных часов¹³², жестяные кружки с императорской символикой¹³³, брелоки с изображением бюста Николая II¹³⁴. Среди не разрешенных к выпуску предметов порой встречались и весьма любопытные варианты — например, рисунок «Боже, Царя храни!», предназначенный для помещения в «волшебных фонарях» во время праздничной иллюминации города Бердичева¹³⁵, бумажные флажки с вензелем — для встречи императорской четы в день коронования¹³⁶, каучуковый штемпель с императорской символикой — для печатания на шелковых шарфах¹³⁷. В то же время пропускались «деревянные коробки» (т. е. шкатулки) с портретами императорской четы¹³⁸, бронзовые рамки для картин с короной¹³⁹ и искусственные цветы с портретами высочайших особ¹⁴⁰.

Одними из материалов, неизменно запрещавшихся к выпуску, были **портреты высочайших особ на этикетках различных товаров** (духов, шоколада, конфет и т. д.). Но, как известно, любой непреложный запрет при большом желании и упорстве можно обойти. Пример такого упорства дало Товарищество парфюмерного производства «Брокар и К^о» (благополучно существующее на Невском проспекте, кстати, и сейчас). Эта фирма неоднократно обращалась в МИДв в 1896 г. и всегда получала отказ: сначала на «этикетки» с портретами их императорских величеств, затем — на такие же портреты, но на платках, которые должны бесплатно выдаваться в виде премии покупателям, затем — запрет портрета на миниатюрном медальоне, прикрепленном к флакону с духами ленточкой. Выход был найден только в августе 1896 г., когда Товарищество получило долгожданное разрешение — на портреты на атласной бумаге, предназначенные для бесплатной раздачи покупателям (аналог современных флаерсов).

Как из всякого правила, из этого также существовали и официальные исключения. Например, в царствование Александра III воспитанницам учебных заведений, при посещении ими Эрмитажа и бесплатных спектаклей в императорских театрах, выдавался особый шоколад с изображением вензелевого имени императрицы Марии

Федоровны. 25 апреля и 11 июля 1896 г., по представлению Гофмаршальской части МИДв, для той же цели были высочайше утверждены (пройдя придворную цензуру) образцы портретов императорской четы. Впоследствии, 16 сентября 1909 г., портреты, с соблюдением всех надлежащих процедур, были заменены более современными¹⁴¹. Изготавливался этот особый шоколад только кондитерской фирмой «Де-Гурмэ», в разрешении которой подчеркивалось, что «означенные обложки не должны быть употребляемы в виде этикетов для изготовленных на продажу изделий»¹⁴².

Следует отметить, что был обнаружен единственный случай распространения этого исключения на рядовых производителей: в мае 1896 г. казанскому кондитеру Т. А. Маломеркову было разрешено, при соблюдении того же условия, помещать аналогичные портреты на коробках с «конфектами», предназначенных для раздачи учащимся средних учебных заведений в день коронации¹⁴³. Как Маломерков этого добился, установить не удалось — вероятно, свою роль сыграла «предкоронационная горячка»... Таким образом, принципиальным моментом для руководителей придворной цензуры было не само помещение «священного» портрета на этикетке, а факт продажи такого изделия с портретом за деньги. Но бесплатная раздача в редких случаях могла, как видим, быть разрешена.

Материалами, по странному стечению обстоятельств причисленными придворной цензурой к предметам потребления, были **медали, медальоны и жетоны (значки)** с портретами особ императорской фамилии. Поначалу, в царствование Александра II, выпуск подобных медалей неоднократно разрешался¹⁴⁴. Например, в 1866 г. золотых дел мастер Д. Н. Дехтярев выпустил в продажу две медали — в память 25-летия бракосочетания императорской четы и по случаю бракосочетания наследника. В том же году петербургскому мещанину Макарову был разрешен выпуск медали в память о неудавшемся покушении на императора 4 апреля 1866 г. В 1871 г. крестьянину Ярославской губернии, бронзовых дел мастеру Копейкину, был дозволен выпуск народной медали «в память освобождения крестьян от крепостной зависимости». В 1878 г. отставной капитан Н. Гогель получил разрешение на выпуск медали «в память освобождения Болгар»¹⁴⁵. Во всех этих случаях дозволение на выпуск предоставлялось лично императором.

Но при Александре III ситуация в корне изменилась. Если прежде при принятии цензурного решения по медалям и жетонам с высочайшими портретами оценивались в основном качество работы

и идеологическая «уместность» их появления, то теперь принципиальным стало то обстоятельство, что выпуск планировался именно частными предпринимателями. Отныне все прошения частных лиц о выпуске памятных жетонов неизменно отклонялись: в 1883 г. — на коронавание Александра III; в 1888 г. — в память о катастрофе в Борках 17 октября; в 1891 г. — на 25-летие бракосочетания императорской четы; в 1896 г. — на коронавание Николая II. Можно предположить, что производство таких медалей и жетонов стало рассматриваться как государственная монополия. Возможно, причиной изменившейся позиции высшего руководства стало то, что именно в это десятилетие (1880-е гг.) резко расширился социальный состав предпринимателей, желавших заняться выпуском жетонов. Среди них теперь встречались мещане и крестьяне, запасной офицер «из вольноопределяющихся» и студент медицинского факультета Московского университета, и даже такой экзотический персонаж, как «артист магических искусственных сеансов и чревовещатель Певзнер Старший»¹⁴⁶, Последний, кстати, был весьма амбициозен, обращаясь в прошение лично к императору, но при этом, видимо, неграмотен (прошение написано отставным канцелярским служащим). Столь широкий поток дилетантов и лиц «с сомнительной репутацией», чьи личности и подробности биографий Министерству не представлялось никакой возможности хотя бы поверхностно проверить, открывал, как резонно полагали руководители придворной цензуры, путь к различным злоупотреблениям.

Впрочем, бывали и в это царствование единичные исключения. Например, в 1893 г. были разрешены к выпуску жетоны с портретами Александра III и Марии Федоровны (возможно, на том основании, что они были обозначены в документах как «металлические пластинки»)¹⁴⁷.

Не изменилось положение и со сменой царствований. Определенную огласку получил следующий случай. В декабре 1894 г. германский фабрикант О. Эртель представил, через посредство великого князя Константина Константиновича, алюминиевые жетоны своего производства, в память о кончине Александра III, — императору Николаю II. За это Эртель был удостоен высочайшей благодарности и дозволения к обращению их в России. В начале 1895 г. эти жетоны были официально разрешены придворной цензурой к выпуску из таможни. Единственным поставленным условием было то, что они не будут иметь ушки и кольца — чтобы не иметь сходства с медалями¹⁴⁸. Однако уже через год, в апреле 1896 г., по докладу министра финансов, эти жетоны были

запрещены, поскольку оказалось, что они похожи на российские монеты 50-копеечного достоинства¹⁴⁹. Заметим, что разрешение изъять жетоны было вновь испрашено лично у императора.

Интересно, что цензурное решение в этот период уже никак не зависело от качества изготовления и материала жетонов: например, в феврале 1896 г. придворная цензура не пропустила жетоны из золота и серебра в память нижегородской выставки, изготовленные ювелиром Э. К. Шубертом¹⁵⁰. Иллюстрацией этого запрета служит сюжет, относящийся к апрелю 1896 г. Из Канцелярии е.и.в. по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых, в МИДв было переслано прошение серебряных дел мастера А. Дальмана. Его дело имело свою историю. В марте прошлого, 1895 г., он заказал художнику проект жетона с портретами императоров Александра III и Николая II, для нижегородской выставки. Выполнив заказ, художник представил его, как и положено, на разрешение в МИДв, однако оно без заключения было отослано Генеральному комиссару выставки, поскольку утверждение жетонов в память выставки формально входило в его обязанности. Но комиссар, в свою очередь, тоже не пожелал брать на себя ответственность и вновь запросил Кабинет е.и.в. (это было уже в июле), возможен ли выпуск таких жетонов, и получил отказ. В итоге портреты на жетонах были заменены изображением фасада главного выставочного павильона, и в таком виде они (в феврале 1896 г.) были наконец разрешены. Однако А. Дальман этим не удовлетворился и теперь подал прошение уже на имя императора. В нем говорилось: «Всякому русскому посетителю выставки несравненно приятным было бы приобрести жетоны в память ее с портретами... Внемлите моей просьбе, обратите свое милостивое внимание на ненормальность цензуры портретов лиц Царских Особ. Во всех печатных видах, как то в гравюрах, литографиях и фотографиях, а также писанные красками и в скульптурах, Кабинет Его Величества допускает портреты к свободному распространению, а в жетонах не может... Никогда жетон не может быть в таком непочтительном положении, в каком бывают гравюры и литографии, где изображены лица Царских Особ...»¹⁵¹. Император, скорее всего, даже не видел это прошение — оно было передано по принадлежности, в Кабинет, откуда Дальман вновь получил, без каких-либо пояснений, отказ.

Запрет на выпуск жетонов с портретами высочайших особ оставался в силе до 1917 г. Что же касается медалей, то в 1903 г. было кодифицировано постановление (в виде дополнительного пункта к статье 73

Устава о цензуре), которое разрешило их выпуск любым промышленным структурам (запрет для частных лиц сохранился). При этом было поставлено непреложное условие об обязательном предоставлении эскизов медалей на предварительную цензуру МИДв. После 1906 г. цензура медалей стала еще одним постоянным направлением деятельности придворной цензуры, составив отдельный вид текущих архивных дел¹⁵².

В 1896 г. впервые возник прецедент уже не частного, разового отступления, но полного отказа придворной цензуры — хотя и на определенное время — от одного из своих основных положений. Этот феномен получил название **«франко-русских предметов»**. Осенью 1896 г., вскоре после возвращения Николая II из Франции, придворная цензура оказалась буквально завалена огромным количеством французского ширпотреба, ввозимого из-за границы, с портретами русской императорской четы. 31 октября 1896 г. «Правительственный вестник» писал: «Мелкая французская промышленность, удовлетворяющая преимущественно спросу невзыскательного простонародья, прониклась, как и все французское, значением переживаемых Парижем дней. В продаже появилось множество всяких вещиц и безделушек, не притязающих на изящность, но дорогих французскому простолудину ввиду их отношения к радостным для Франции событиям. Кроме портретов и бюстов Русской Императорской Четы, кокард, значков, скрещенных русских и французских флагов, расписаний празднеств и почтовых карточек с раскрашенными на них портретами Их Величеств, продаваемых по всем улицам Парижа, в рабочих кварталах, на далеких городских окраинах расходятся в несметном количестве всякого рода русско-французские эмблемы. В огромном количестве раскупаются народом украшения для стен, столов или комодов. Раскрашенные платки с черными по середине двуглавыми орлами, стаканы, чашки, солонки, бумажные веера, глиняные трубки и всякие другие предметы домашнего обихода с портретами Их Величеств расходятся в народе в сотнях тысяч экземпляров. Даже игрушки для детей носят отпечаток одушевляющих французов чувств, идущих от глубины их сердца...»¹⁵³.

Подобные предметы поступали в столицу в больших количествах, преимущественно через Центральный комитет цензуры иностранной. Все они по существующим правилам никак не могли быть пропущены. Встал вопрос, имеющий международное значение: как поступать с такими предметами? В докладной записке по этому поводу подчеркива-

лось, что подобные материалы «свидетельствуют о том подъеме духа и той искренней, сердечной радости, с коими французский народ встречает нашу Царскую Семью... Ввиду сего вряд ли было бы целесообразно относиться строго к таким проявлениям радости дружественного нам народа и лишать русскую публику доказательств того сердечного приема, который был оказан Августейшим Гостям»¹⁵⁴.

В итоге было принято взвешенное решение: позволить продажу таких предметов в России, но только сроком на полгода. Это решение стало компромиссом между внешнеполитическими интересами (сближения России со стратегическим союзником — Францией) и идеологическими установками внутренней цензуры. Сам факт его принятия говорит об огромном значении, которое придавалось Верховной властью российско-французскому сближению. Позднее, весной 1902 г., такое же решение было принято в преддверии ответного визита в Россию французского президента Э. Лубэ — «ввиду того, что изготовление этих предметов... рассчитано на популяризацию идеи франко-русского сближения»¹⁵⁵, и при условии, что они «будут удовлетворительно исполнены и сюжеты рисунков признаны подходящими». Следует отметить, что в обоих случаях решения принимал, по докладу министра двора, лично император. В указанные периоды все материалы, подпадающие под понятие «франко-русских предметов», пропускались без каких-либо ограничений. Более того, французское происхождение позволяло практически любым изделиям беспрепятственно проходить придворную цензуру. Единственное оставшееся в силе ограничение касалось медалей и жетонов, не имеющих ушка и кольца. Они по-прежнему не пропускались — «ввиду некоторого сходства с российской монетой»¹⁵⁶.

Другой постоянный запрет касался помещения портретов императорской четы на **почтовой бумаге**. Удалось обнаружить только один факт разрешения такого рода: в марте 1864 г. Александр II лично дозволил обращение в России писчей бумаги с портретами императорской четы¹⁵⁷. Позднее об этом неоднократно подавались прошения (например, от инженера путей сообщения Н. А. Демчинского в феврале 1896 г.¹⁵⁸, затем в декабре того же года¹⁵⁹), но всегда следовал неизменный отказ. Данный запрет обычно распространялся и на **почтовые конверты**. Весьма характерен следующий сюжет. В мае 1896 г., перед высочайшим визитом во Францию, там вышли почтовые конверты, украшенные государственным гербом России и портретом Николая II. В память о коронации на них было сделано специальное

коллекционное гашение, после чего киевский журнал «Марки» представил в придворную цензуру объявление о распространении конвертов в России. Однако это объявление не было разрешено, поскольку «конверты с изображением Императора Николая II не могут быть разрешены к обращению в России»¹⁶⁰.

То, что это не случайная оплошность, показывает следующий факт: в декабре того же года не была разрешена публикация (тем же журналом «Марки») объявления о распространении в России бланков **открытых писем (открыток)** и конвертов французского производства с портретами российского императора и президента Франции. В справке по этому делу, составленной делопроизводителем придворной цензуры для руководства, было четко указано, что даже в высочайше утвержденный полугодовой срок (вопрос возник именно в это время) разрешение могут получать только отдельные конверты, приходящие в страну из-за рубежа как «франко-русские предметы». Что же касается планируемого журналом «Марки» массового распространения таких изделий внутри России на долгосрочной основе, то это было признано нежелательным. Но при этом в ноябре и декабре 1896 г. французские открытые письма были допущены к обращению в России¹⁶¹. Интересно, что когда через несколько дней на цензуру поступили другие иностранные открытые письма с портретами российской императорской четы (не французского производства), они не были разрешены, поскольку, как было отмечено, «не составляют франко-русского предмета»¹⁶². Этот сюжет еще раз доказывает как двойственность подходов придворной цензуры, так и совершенно особое значение, придаваемое императором в этот период отношениям с Францией.

Позиция Верховной власти по отношению к открытым письмам с портретами высочайших особ изменилась в 1900 г. В сентябре, по личному ходатайству принцессы Е. М. Ольденбургской, последовало высочайшее разрешение Евгеньевской общине сестер милосердия (покровительницей которого была принцесса) на выпуск и распространение в России (на правах фактической монополии) бланков открытых писем с серией портретов императорской четы, их детей и других особ императорской фамилии¹⁶³. При этом были установлены следующие условия: на письмах должен был помещаться знак Красного Креста и надпись «В пользу общины Св. Евгении». Кроме того, каждый проект таких писем должен был предварительно утверждаться МИДв. Эта монополия продлилась целых семь лет и была отменена только в августе 1907 г., когда другой благотворительной организации — Петербург-

скому попечительному о сестрах Красного Креста Комитету — было также высочайше даровано право тиражирования и продажи бланков открытых писем с портретами императора и его супруги¹⁶⁴. При этом особо оговивалось, что разрешается выпуск только тех портретов четы, которые уже распространялись в стране их конкурентами с 1900 г. Наконец, в мае 1910 г. император Николай II, по докладу министра двора, принял небывалое решение: отменив монополию благотворительных организаций на выпуск бланков открытых писем с портретами высочайших особ, он не вернул *status quo*, возвратившись к монополии государства, а упразднил ее вовсе, разрешив свободный выпуск таких писем в Империи (конечно, при прежнем условии предварительного утверждения их проектов МИДв)¹⁶⁵. Эта мера, принятая отнюдь не под революционным напором (как, например, цензурные изменения 1905 г.), но по собственной воле, — не имела прецедентов в цензурной практике последнего царствования.

6.3. Музыкальные произведения

Обратимся к рассмотрению тех групп материалов, которые присутствуют лишь в одном из потоков придворной цензуры — внутреннем. Музыкальные произведения как особый вид материалов, постоянно представляемый на цензуру МИДв, появились только с начала 1870-х гг. Это было связано с двумя обстоятельствами: появлением в этот период в стране значительно большего, чем прежде, количества людей, знающих нотную грамоту, и развитием печатного дела, приведшим к возникновению специализированных музыкальных изданий, куда такие сочинения можно продать. Авторы желали получить разрешение на посвящение своих произведений особам императорской фамилии, поскольку это значительно увеличивало их шансы на публикацию — для чего и представляли сочинения в МИДв. В 1860-е гг. такие цензурные обращения были редки, но с конца 1870-х гг. они начали составлять отдельный вид текущих архивных дел.

В соответствии со сложившейся цензурной практикой, большинство музыкальных произведений разрешалось к публикации, но без посвящения высочайшей особе (что составляло, собственно, главный смысл обращения авторов в цензуру МИДв). Тем не менее, бывали и исключения. Основанием для них могло быть только предварительное испрошенное личное согласие высочайшей особы на посвящение. Пример такого исключения имел место в феврале 1896 г., когда СПб

ЦК представил на разрешение придворной цензуры свадебный полонез капельмейстера кадрового батальона Л.-Гв. Резервного пехотного полка Н. Глазунова, который автор желал опубликовать с посвящением императору. К прошению была приложена выписка из приказа по полку — об объявленной автору высочайшей благодарности за его сочинение и о высочайшем разрешении на посвящение. В виде исключения было разрешено опубликовать это произведение вместе с посвящением, но при следующих условиях: посвятительная надпись должна была помещаться не на обложке, а на особом листе, после заглавного, в следующем виде:

«ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

Государю Императору

Николаю Александровичу

“Свадебный полонез”

С глубочайшим благоговением всеподданнейше посвящает

Н. Глазунов»¹⁶⁶.

Все музыкальные сочинения проходили, для выяснения их художественных достоинств, процедуру рецензирования у профессиональных музыкантов. Так, в 1870-е гг. произведения обычно отсылались в хор войск гвардии и Петербургского военного округа, в 1880—1890-е гг. — в Придворную певческую капеллу или в Придворный музыкантский хор. Отзывы из этих учреждений существенно различались между собой. Так, заключения капельмейстера музыкантских хоров войск гвардии В. В. Вурма в большинстве случаев были вполне доброжелательны. Например, оценивая военный марш, представленный на цензуру МИДв дерптским мещанином П. Рангофом, он нашел его «хорошим и заслуживающим поднесения Его Императорскому Величеству»¹⁶⁷. В таких случаях авторам в этот период жаловались так называемые «обычные подарки» из Кабинета е.и.в. и объявлялась личная монаршая благодарность. В позднейшие времена высочайшие подарки за музыкальные произведения уже не давались — видимо, считалось, что достаточно и того заработка, который автор получит после публикации своего сочинения. Отзывы из Придворной певческой капеллы и Придворного музыкантского хора в подавляющем большинстве случаев были негативными, хотя и весьма различались между собой по тональности ответов. Придворной певческой капеллой руководил с 1895 г. известный композитор, профессор Московской консерватории А. С. Аренский, чьи отзывы даже при самой негативной оценке

представленного сочинения были вполне корректны. Например, в феврале 1896 г. ему были представлены коронационные песни на музыку П. П. Шенка, со словами М. А. Цейтль и Е. П. Пономарева. В отзыве Аренского говорилось, что «сочинения эти по настроению вполне соответствуют тексту, но в них не совсем правильно голосоведение»¹⁶⁸. После некоторой композиторской правки эти песни были пропущены. Другой его характерный отзыв: «возвращаемое при сем сочинение... не заключает в себе никаких музыкальных достоинств, но имеет весьма существенные недостатки, касающиеся как голосоведения, так и гармонии вообще»¹⁶⁹. Интересно, что в итоге и это произведение все-таки было пропущено.

Напротив, отзывы заведующего Придворным музыкантским хором генерал-майора барона К. К. Штакельберга были по-военному прямолинейны, суровы и эмоционально насыщены. Так, о представленном ему в феврале 1896 г. коронационном марше А. Пиорковского он отзывался следующим образом: «Уведомляю, что торжественный характер... отсутствует; это не более не менее как скорый марш... Выбирать для скорого марша всем известный мотив гимна "Коль славен наш Господь", — соч[инение] Бортнянского, который все привыкли слышать на церковных парадах [?! — С. Г.] и похоронах, нельзя не признать иначе как за профанацию. Самый марш, по этой же причине, так антиритмичен, что нужно удивляться смелости композитора, желающего выпустить его в свет. Кроме того, конец марша построен на мотив Русского гимна, что тоже не может быть допущено... Выпуск подобного сочинения... рассчитан прямо на эксплуатацию доверчивой публики. Такого рода сочинения следует воспретить не только печатать, но и исполнять публично»¹⁷⁰. В другой раз, в июне 1896 г. оценивая вальсы для фортепиано виленского мещанина К. М. Галковского, Штакельберг сообщил, что это сочинение «так слабо, что недостойно даже какого-нибудь музыкального суждения»¹⁷¹. Любопытно, что это же сочинение было месяц назад поднесено автором императору, за что и была получена высочайшая благодарность. Тем не менее, это обстоятельство не помогло автору: В. Б. Фредерикс отклонил публикацию. Кстати, через полгода этот композитор попытался обойти придворную цензуру, подав прошение на высочайшее имя. Однако Канцелярия по принятию прошений переслала его в Кабинет е.и.в., был поднят прежний разгромный отзыв, и прошение окончательно было отклонено. Редкие положительные отзывы К. К. Штакельберга тоже отличались, мягко говоря, «неформальностью» формулировок.

Например, в марте 1894 г. о понравившемся ему вальсе Н. Нотовича, посвященном великой княжне Ксении Александровне, барон сообщил, что это — «хорошенькая и грациозная вещица»¹⁷².

Следует отметить, что принятое цензурное решение далеко не всегда определялось мнением музыкальных специалистов. Как правило, если в отзыве отмечались хотя бы незначительные музыкальные достоинства произведения, оно разрешалось к публикации — правда, без посвящения его высочайшей особе (ради чего оно, надо думать, собственно, и представлялось в МИДв). К тому же можно предположить, что руководители придворной цензуры знали особенности оценок барона Штакельберга и делали на это соответствующую скидку. Например, рецензируя представленный в апреле 1896 г. торжественный марш Мясковского, заведующий Придворным музыкантским хором заключил, что «громкое название марша "Царь и Народ"... вовсе не соответствует очень слабому содержанию в музыкальном отношении»¹⁷³. Тем не менее, марш был разрешен к публикации. Также был разрешен и коронационный марш Фельдмана, о котором от Штакельберга пришел отзыв, что «марш — самого банального опереточного пошиба и при том заимствован. Написан он с грубыми орфографическими ошибками»¹⁷⁴. Пропущен был и другой марш, который генерал-майор оценил как «очень слабое и крайне не оригинальное музыкальное произведение»¹⁷⁵.

Вообще музыкальные сочинения запрещались относительно редко — преимущественно в тех случаях, когда претензии к ним имели идеологический подтекст. Например, считалось недопустимым обыгрывание в них, «в недостойном виде», мелодии русского гимна. Вероятно, под обыгрыванием в то время понимались различные виды аранжировок. Прежде всего, это касалось многочисленных произведений французских авторов, поступавших в середине 1890-х гг. в Россию. Характерный пример: в мае 1896 г. Центральный комитет цензуры иностранной представил на рассмотрение «Франко-Русский марш» некоего французского автора. В отзыве барона Штакельберга было сказано, что «упомянутое сочинение самого ординарного шансонеточного пошиба, в ретурнеле между куплетами русский гимн соединен с марсельезой [подчеркнуто в тексте — С. Г.], слова марша имеют политический характер»¹⁷⁶. Конечно, сочинение не было пропущено. В начале октября 1896 г. также было отклонено другое французское сочинение, о котором барон отозвался: «написано в форме шансонетки патриотического содержания по случаю недавних событий»¹⁷⁷. Все изменилось

после принятия политического решения о пропуске «франко-русских предметов». Теперь музыкальные сочинения, поступающие в Кабинет, почти перестали отсылать на заключение в Придворный музыкантский хор: они пропускались сразу. В одном из редких отзывов конца октября К. К. Штакельберг благосклонно замечает о таком произведении, что оно «не представляет высокого музыкального достоинства и должно быть принято снисходительно, как результат сердечного приема, оказанного Их Императорским Величеством в Париже»¹⁷⁸. При виде столь резкого изменения тона отзывов заведующего Придворным музыкантским хором, закрадывается предположение: быть может, и раньше все резкие оценки барона были не столько искренними и беспристрастными, сколько подогнанными под некий заранее согласованный взгляд? Ответа на этот вопрос нет.

6.4. Стихотворения

Последняя группа материалов, представленная только во внутреннем потоке цензуры — стихотворения. Занимая в начале изучаемого периода одно из самых значимых мест в общем объеме материалов (40 % в 1855 г.), к концу его количество стихотворений резко сократилось (2,5 % в 1885 г.) и лишь незначительно возросло в 1896 г. Объясняется такая динамика, вероятно, тем, что стихи — как эмоциональное выражение верноподданнических взглядов, рассчитанное прежде всего на грамотного потребителя, — не имели столь широкого рынка сбыта, как изображения особ императорской фамилии. При этом данный сегмент рынка (монархически настроенные грамотные потребители) со временем все более сокращался — в силу ускорившейся во второй половине XIX в. демократизации российского образованного общества. Можно предположить, что в 1870–1880-е гг. произошла переориентация производителей печатной продукции: с публикации монархических стихотворных опусов, не интересных большинству образованных читателей, — на издание понятных потенциальным потребителям всех сословий (и прежде всего неграмотным крестьянам) портретов высочайших особ. Что же касается некоторого увеличения доли стихов в 1896 г., то это можно объяснить не столько ростом монархических настроений в обществе, сколько желанием коммерчески настроенных авторов заработать на приближающемся короновании. В последующие годы количество стихотворных цензурных материалов продолжало сокращаться.

6.5. Карманные часы

Теперь рассмотрим группы материалов, представленных только в иностранном потоке придворной цензуры. На первый взгляд, карманные часы относятся к предметам потребления. Тем не менее, они вынесены в отдельную группу — как по причине весьма большой доли таких предметов, так и вследствие выявленного особого отношения руководителей придворной цензуры к данной группе. В начале исследуемого периода доля часов (золотых и серебряных) среди товаров, поступающих на таможни, составляла половину (напомним, что именно с представленных Николаю I часов с его портретом в 1853 г. началась история иностранного потока цензуры МИДв). Можно предположить, что причина такой распространенности часов заключалась в том, что они являлись в ту эпоху одним из основных предметов престижа среди небогатого российского населения.

После восстановления иностранной цензуры МИДв в 1872 г. к карманным часам из драгоценных металлов, приходящим на таможни, добавились и металлические часы, рассчитанные на более широкий круг покупателей. Однако отношение руководства придворной цензуры к часам определялось не их материалом. Принципиальным моментом стало... место расположения на часах изображения высочайшей особы! В случае размещения портретов на циферблате (а таких было большинство) — часы беспрепятственно пропускались; если же изображения были на внешней крышке или, тем более, на цепочке в виде жетона — часы неизменно запрещались к выпуску. Объясняется это, вероятно, представлением о том, что «дорогие монархическому чувству» портреты высочайших особ необходимо было защитить от внешних воздействий (в данном случае такой защитой являлась крышка).

Позднее доля часов начала сокращаться. Сегмент российского внутреннего рынка, прежде занятый часами, в 1880–1890-е гг. заполнили произведения искусства с изображениями особ императорской фамилии. Вероятно, это произошло потому, что часы, в силу их широкого распространения, уже не могли играть прежнюю роль символа успешности и престижа их владельца. Теперь их место заняли скульптурные произведения — бюсты, статуи, барельефы императоров из разных материалов. Встречались и весьма экзотические произведения, как, например, раковина в футляре, с вырезанным рельефным портретом Александра III¹⁷⁹. Такие изделия практически всегда пропускались

придворной цензурой — как в силу высокого художественного уровня изделий, так и в силу уникальности таких предметов искусства.

6.6. Средства производства

Последняя группа, представленная только в иностранном потоке, — средства производства изображений особ императорской фамилии на различных носителях. Эта группа появилась только в конце изучаемого периода и представляла собой приспособления для промышленного производства таких изображений в России. Этими средствами производства были чаще всего «литографические камни» (т. е. штампы с портретами), а иногда — полуфабрикаты, используемые при сборке (например, слайды на маленьких стеклах с портретами, предназначенные для помещения в стереоскопы, собираемые уже в России). Появление данной группы материалов может служить доказательством того, что рынок предметов с изображениями высочайших особ в этот период был весьма велик.

7. ТЕХНОЛОГИИ ПРИНЯТИЯ ЦЕНЗУРНЫХ ЗАКЛЮЧЕНИЙ

Результаты изучения динамики изменения количества и структуры цензурных заключений сведены в таблицу 9.

Таблица 9

Динамика изменения количества
и структуры цензурных заключений внутренней цензуры МИДв

	1855 г. ¹⁸⁰		1864 г. ¹⁸¹		1876 г. ¹⁸²		1885 г. ¹⁸³		1896 г. ¹⁸⁴	
	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%
Положительных заключений	46	95,9	41	85,4	58	78,4	61	82,4	280	79,1
Отрицательных заключений	2	4,1	7	14,6	16	21,6	13	17,6	74	20,9
Цензурных заключений принято, всего	48	100	48	100	74	100	74	100	354	100
Не принято определенного решения	4	—	4	—	2	—	5	—	4	—

Результаты изучения динамики изменения количества и структуры цензурных заключений иностранной цензуры МИДв сведены в таблицу 10.

Таблица 10
Динамика изменения количества и структуры цензурных заключений иностранной цензуры МИДв

	1856 г. ¹⁸⁵		1876 г. ¹⁸⁶		1885 г. ¹⁸⁷		1896 г. ¹⁸⁸	
	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%
Положительных заключений	10	100	11	57,9	24	75,0	96	78,7
Отрицательных заключений	—	—	8	42,1	8	25,0	26	21,3
Цензурных заключений принято, всего	10	100	19	100	32	100	122	100

Налицо общая для обоих направлений тенденция к постепенному снижению доли положительных решений в общем объеме цензурных заключений. Как можно заметить, на первом этапе почти по всем материалам внутреннего потока, и по всем без исключения материалам иностранного, были приняты положительные решения. Это можно объяснить, вероятно, высокой степенью самоцензуры, присущей в то время авторам: она не позволяла им создавать и тем более подавать на разрешение МИДв сомнительные в идеологическом смысле материалы. В дальнейшем количество негативных заключений начало расти и достигло максимума (в обоих потоках) в 1870-е гг. Причина этого — в резко увеличившейся в пореформенной России деловой активности представителей различных сословий. Несмотря на недостаточно высокие тогда технологические возможности, российские производители старались наладить производство товаров с изображениями высочайших особ — с целью извлечь выгоду. При этом они ориентировались на лояльные цензурные подходы 1860-х гг., но неожиданно для себя столкнулись с изменившимися идеологическими настроениями Верховной власти. Теперь она не желала более мириться с прежней цензурной вседозволенностью.

В 1870-е гг. придворная цензура начала строго пресекать попытки проникновения на отечественный рынок некачественных изображений высочайших особ, понимая, что причина этих упорных попыток — прежде всего желание получить прибыль. По сути, это было

первое столкновение консервативного монархического сознания, традиционно воспринимающего все, связанное с Верховной властью, как святыню, — с новым, либеральным взглядом на нее, как на некий товар, имеющий пусть высокую, но свою цену. Никогда прежде в России буржуазные порядки не касались непосредственно изначальных монархических устоев государства.

В 1880–1890-е гг. количество отрицательных заключений снизилось и стабилизировалось на уровне около 1 / 5 по обоим направлениям. Это произошло, думается, потому, что новые технические возможности, появившиеся у отечественного производителя к 1890-м гг., позволили выпускать полиграфические изделия гораздо лучшего, чем раньше, качества. При этом наступивший после принятия статьи 73 длительный период законодательной стабильности в данной области цензуры позволил коммерсантам приноровиться к дополнительным негласным нормам и правилам придворной цензуры, не вошедшим в статью 73, но от этого не менее обязательным. Для того чтобы понять практические технологии принятия цензурных решений в разные периоды, обратимся к анализу конкретных цензурных казусов.

7.1. Цензурная практика в министерство В. Ф. Адлерберга

Принятие цензурных решений в первое десятилетие царствования императора Александра II обычно происходило по той же схеме, что и при Николае I: министр двора представлял материалы императору, и тот лично разрешал их к печати. Прежде всего это касалось случаев упоминания в текстах каких-либо фактов частной жизни Александра II. При этом на обращении рукой В. Ф. Адлерберга ставилась резолюция: «Высочайше дозволено». Император лично занимался и редактурой текстов (характерный ответ министра двора — печатать можно, «за исключением строк, зачеркнутых Его Величеством»¹⁸⁹). Но в отдельных случаях (например, при упоминании императрицы, великих князей) решения принимал и сам министр двора. Важно подчеркнуть, что при этом он почти никогда не обращался к упомянутым в тексте высочайшим особам за разрешением на публикацию (единственное исключение составил великий князь Константин Николаевич — родной брат и один из наиболее близких Александру II людей по духу). Роль Канцелярии МИДв в 1850–1860-е гг. сводилась, как и раньше, исключительно к подготовке цензурируемых материалов к всеподданнейшим докладам министра двора и оформлению сопутствующей

делопроизводственной документации. В формировании цензурных заключений чины Канцелярии не принимали участия.

Стиль руководства министра двора графа В. Ф. Адлерберга — человека, фактически создавшего институт придворной цензуры — заслуживает того, чтобы на нем остановиться подробнее. Судя по всему, Адлерберг был наиболее лояльным руководителем за всю историю придворной цензуры: его решение зависело в большей степени от общего непосредственного впечатления, производимого на него материалом, чем от каких-либо предварительных идеологических установок (которые к тому же он определял сам). Другими словами, он был наиболее свободным и независимым в своих оценках и суждениях по сравнению со всеми прочими руководителями придворной цензуры. При этом, будучи человеком непосредственным, граф обычно оставлял на полях представляемых материалов пространные эмоциональные отзывы, порой целые письма, превышавшие объемом сами официальные тексты. Во многом именно благодаря этим отзывам, содержащим мысли и суждения В. Ф. Адлерберга по какому-либо поводу, сейчас можно судить как о его взглядах, так и о самих материалах. Последующие руководители придворной цензуры были гораздо лаконичнее, и их резолюции стали носить все более стандартный характер.

Например, рассматривая портрет великой княжны Марии Александровны, представленный Петербургским Цензурным комитетом (СПб ЦК) в мае 1867 г. для публикации в журнале «Новый русский базар», только В. Ф. Адлерберг мог оставить столь характерную для него резолюцию: «Хотя портрет этот никакого сходства с Великою Княжною не имеет, но однако разрешаю»¹⁹⁰. Также граф не считал основанием для запрета незнание им каких-либо упоминаемых деталей. Показателен и пример со статьей о художнике К. П. Брюллове, представленной СПб ЦК в марте 1864 г. В ней упоминался случай (будто бы имевший место в царствование Николая I) с царствовавшей тогда императрицей Александрой Федоровной. В. Ф. Адлерберг оставил на отношении следующую резолюцию: «Хотя об упоминаемом анекдоте [т. е. историческом случае — С. Г.] ни Его Величество, ни я ничего в памяти не сохранили и никаких следов не имеется, однако напечатать статью разрешается»¹⁹¹. Таким образом, для Адлерберга при принятии цензурного решения на первом месте стояла не достоверность, а уместность данной информации с точки зрения контекста.

В. Ф. Адлерберг старался по возможности разграничить области цензурной компетенции разных ведомств. Когда публикация попада-

ла к нему, как он полагал, не по адресу (например, присланная ему кем-то для перестраховки), министр двора не считал возможным брать на себя большие, чем имелись, полномочия. Так, когда в июле 1864 г. редакция журнала «Георгиевские кавалеры» прислала ему на цензуру статью о юбилее Комитета о раненых, в ответе было сказано, что места в тексте, «на пропуск коих к печати испрашивается разрешение его, графа Адлерберга, подлежат рассмотрению г[осподина] Военного министра»¹⁹². Часто министр двора старался переложить ответственность за запрещение конкретного материала на общую цензуру. Весной 1855 г. на стихотворении А. Башуцкого, посвященном Николаю I и озаглавленном весьма претенциозно — «Отошедшему», Адлерберг оставил резолюцию: «Стихотворение... отличается каким-то мистицизмом, почти бессмыслицей, и подлежит рассмотрению обыкновенной цензуры»¹⁹³. В другой раз, весной 1864 г. СПб ЦК представил рукопись «Чувства и мысли русского паломника при гробах незабвенных в Бозе почивших Императоров Петра Великого, Александра Благословенного и Николая I». В ответе директора Канцелярии МИДв А. П. Тарновского, адресованном начальнику СПб. ЦК М. Н. Турунову, значилось: «Препятствий к напечатанию сей рукописи вообще не встречается, но не изволите ли Ваше Сиятельство обратить внимание на слабость изложения оной, несоответствующего важности содержания»¹⁹⁴. Вообще разрешение материала, «если общая цензура допускает», в резолюциях Адлерберга тех лет встречается достаточно часто. Это свидетельствует о том, что границы компетенции общей и придворной цензур в тот период еще были нечеткими. Интересно, что порой министр двора оказывался либеральнее в своих цензурных воззрениях, чем органы общей цензуры. Так, когда осенью 1864 г. СПб ЦК представил на цензуру МИДв предназначенный для журнала «Отечественные записки» перевод воспоминаний французского посланника при российском дворе в конце 1820-х гг., в разрешении было отмечено, что «граф Владимир Феодорович изволил при этом выразить свое мнение, что могли бы быть допущены к печати и места, зачеркнутые красным карандашом [т. е. убранные общей цензурой — С. Г.]»¹⁹⁵.

В. Ф. Адлерберг часто лично занимался редактурой представленных текстов. В этом случае в ответном отношении могли приводиться, например, такие его пожелания: «упомянутая статья может быть перепечатана в “Северной пчеле”, с тем, что последний параграф... будет вовсе исключен, или по крайней мере подчеркнутые слова оно-го заменены будут другими»¹⁹⁶. В другом случае, рассматривая стихо-

творение, обращенное к императору, граф отмечал, что находит «подчеркнутые мною строки неловкими... Прилагательное “Державный” принадлежит только Императору и не может быть дано Наследнику... Впрочем, эти замечания представляю общей цензуре»¹⁹⁷.

Обратимся к анализу вносимых в этот период изменений, с учетом которых материал мог быть пропущен. Одним из основных моментов, подлежавших исправлению, было посвящение художественных произведений (преимущественно стихотворных и музыкальных) особам императорской фамилии. В царствование Александра II это зависело в первую очередь от художественных достоинств самого произведения. Цель, преследуемая при этом придворной цензурой, вполне понятна: не дать возможности связать в печати имя высочайшей особы с негодным сочинением дилетанта или графомана. Например, когда в мае 1855 г. Одесский Цензурный комитет представил на цензуру МИДв стихотворение учителя одесской городской гимназии Топорова, на немецком языке, которое автор желал бы посвятить вдовствующей императрице Александре Федоровне, это не было ему разрешено, поскольку «по литературному достоинству сочинение это не может быть удостоено высокой чести посвящения Его Величеству»¹⁹⁸.

Другим моментом, подлежащим корректировке, была публикация информации о благодарностях и подарках императора и других высочайших особ. Цензурные подходы к этому вопросу со временем менялись. Так, осенью 1855 г. редакция журнала «Северная пчела» представила на цензуру статью о художнике Бродском, в которой упоминалось, между прочим, о ценных подарках ему от великой княгини Александры Иосифовны (супруги великого князя Константина Николаевича). В ответе из Канцелярии значилось, что «статья сия не подлежит цензуре Министра Двора, ибо о подарках, жалуемых кому-либо Членами Императорской Фамилии, всегда печаталось в журналах... без сношения с Министерством»¹⁹⁹. Однако уже через девять лет позиция руководителей придворной цензуры изменилась. В марте 1864 г. наследники протоиерея П. И. Турчанинова захотели опубликовать заметку о высказанной ему в свое время благодарности императрицы Марии Александровны за поднесенные ей духовные музыкальные произведения. Несмотря на то, что информация подтвердилась, В. Ф. Адлерберг «не изволил разрешить напечатание означенной статьи, на том основании, что в публиковании оной нет никакой надобности, и что вообще изъятие подобного рода Высочайших благодарностей не подлежит обнародованию [курсив

наш — С. Г.]»²⁰⁰. Можно предположить, что к этому времени носители Верховной власти уже начали осознавать опасность коммерческого использования (т. е. в рекламных целях) информации о благодарностях высочайших особ.

Существовала и другая тонкость. В отличие от благодарностей прочих особ императорской фамилии, которые могли быть представлены в любой форме (в т. ч. и устной), — высочайшая благодарность (т. е. благодарности царствующих императора или императрицы) подразумевала совершенно определенную форму выражения, с обязательным документальным подтверждением. Непонимание этого нюанса порой приводило к недоразумениям. В виде примера приведем случай, имевший место осенью 1864 г., когда СПб ЦК представил на цензуру объявление академика живописи А. Е. Бейдемана об издании копий его картины, изображающей Александра II среди крестьян. В объявлении говорилось, что оригинал картины был ранее поднесен императору, за что художнику была выражена высочайшая благодарность. В представленной Канцелярией при этом справке сообщалось, что, действительно, год назад эту картину «Его Величество Всемилодивейше изволил удостоить благосклонного принятия»²⁰¹, однако высочайшей благодарности не последовало. Можно предположить, что художник полагал высочайшую благодарность автоматическим следствием принятия императором его картины, однако это было не так. В итоге объявление было все же разрешено к печати, но без упоминания о благодарности. Позднее любая информация о высочайших благодарностях, равно как и выражение в печати благодарности особам императорской фамилии, вообще перестали пропускаться в печать.

Среди вносимых в тексты изменений встречалась и борьба с чрезмерным славословием авторов. Весьма характерен в этом плане отзыв В. Ф. Адлерберга о стихотворении, представленном на цензуру в марте 1855 г. и посвященном только что взошедшему на престол императору Александру II: печатать можно, но «если только будет изменено в оном подчеркнутое карандашом полустышие, в котором упоминается об Александре Македонском, ибо это уподобление по настоящим обстоятельствам неуместно и вообще к России неудобоприменимо, тем более, что она славится своим Александром 1-м, сокрушившим врагов ея»²⁰². В аналогичном случае, в мае 1855 г., за стихотворение И. И. Лажечникова, описывающее в восторженных тонах встречу автора с будущим Александром II в Твери в 1837 г., было «Высочайше

повелено автора благодарить и позволить ему напечатание стиха, за исключением последних двух стрóf, имеющих вид упрека предшествовавшему Царствованию»²⁰³.

Среди цензурных вопросов, впервые возникших именно в царствование Александра II и требовавших от Верховной власти своего временного и четкого определения своей позиции, была проблема коммерческого использования символического значения Верховной власти — прежде всего изображений императорской символики, да и изображений самих высочайших особ, в качестве средства рекламы, для более успешного продвижения на рынок какого-либо товара или услуги. Со временем руководители МИДв смогли поставить под контроль это совершенно новое для России явление. Было официально введено специальное звание (поставщики двора его величества и великокняжеских дворов), позволявшее производителям на легальном основании использовать в коммерческих целях четко определенную императорскую символику. При этом носителям этого звания вручался особый товарный знак, гарантировавший потребителям высочайший уровень качества данного товара или услуги. Присвоение звания поставщика двора стало постоянной обязанностью Канцелярии МИДв, образовав еще один вид ежегодных архивных дел.

В начале царствования Александра II позиция Верховной власти по этой проблеме еще не сформировалась. В 1860-е гг. сам факт рекламы с упоминанием членов императорской фамилии не подразумевал обязательного запрета. Основным критерием пропуска в этот период была достоверность приводимой информации. Так, в ноябре 1864 г. в столичное издание «*Journal de St. Petersbourg*» было пропущено рекламное объявление придворного портного Кюстера, предлагавшего высшему обществу свои услуги и упоминавшего о высочайших заказчиках²⁰⁴. Вероятно, основанием для разрешения этого объявления стала общеизвестная справедливость упомянутого факта. Впрочем, возможно, публикацию разрешили просто потому, что объявление было на французском языке, а к публикациям на иностранных языках всегда демонстрировалось более лояльное отношение. Также в начале 1876 г. была «дозволена» публикация статьи (уже на русском языке) об академике Сюрякове, с упоминанием о том, что он является «гравером Его Императорского Величества». В этом случае основанием послужило документальное подтверждение приведенной информации: согласно поднятым документам Канцелярии МИДв, это звание действительно было ему присвоено в 1866 г.

Иной исход имело дело, относящееся к лету 1876 г. Столичная газета «St. Petersburg Zeitung» (газета немецкой колонии, издающаяся на немецком языке) представила на цензуру МИДв рекламное объявление дерптского фотографа К. Шульца, на немецком языке. В объявлении сообщалось, что, поскольку император разрешил поднести ему альбом своих работ с видами Санкт-Петербурга, фотограф приедет вскоре в столицу на съемку, сроком на два месяца, и может работать в это время и над прочими заказами. Расследование установило, что, действительно, означенный Шульц подносил Александру II свой альбом видов Санкт-Петербурга, за что и получил высочайшую благодарность. Однако было это в прошлом, 1875 г., а нынче повторного разрешения фотограф не получал. Следовательно, говорилось в приложенной справке, «его извещение о том, что он прибудет в С. Петербург, с целью заняться здесь исполнением видов для упомянутого альбома, ложно, и клонится к злоупотреблению доверием публики... В этом объявлении Шульц неточно приводит последовавшее по просьбе его Высочайшее повеление, рассчитывая, по-видимому, ссылкой на оное привлечь публику к заказам ему фотографических работ»²⁰⁵. Объявление не было пропущено.

Примером окончательно сформировавшейся позиции Верховной власти по проблеме коммерческого использования может служить сюжет, имевший место в конце 1876 г. Московский фабрикант золотых и серебряных изделий Хлебников представил на цензуру публикацию, упоминающую о сделанных недавно императорской четой покупках его изделий. В докладе делопроизводителя отмечалось, что «отчеркнутое карандашом место заключает в себе рекламу фирмы Хлебникова; *подобные же рекламы, в связи с объявлениями, касающимися Высочайших Особ, признавались для печати неудобными, а потому из предназначенных к опубликованию статей были исключаемы* [курсив наш — С. Г.]»²⁰⁶. В докладе имеется ссылка на отсутствие в Канцелярии сведений о данных покупках — дань прежней точке зрения о необходимости подтверждения истинности приводимой информации. Однако примечательно то, что эта заметка, хоть она и касается частной жизни императора, не была подана ему на утверждение, как это было бы обязательно сделано в подобном случае раньше, — отрицательное цензурное заключение было принято сразу. Обращает на себя внимание и однозначность формулировки в представленном делопроизводителем проекте цензурного решения: приведенное основание отказа было подано как уже привычное, не требующее особых

разъяснений. В дальнейшем все попытки коммерческого использования символического значения Верховной власти жестко пресекались.

Основным мотивом отказов в данный период было плохое качество технического исполнения представленных портретов высочайших особ. Что же касается идеологически некорректных упоминаний, то они были тогда крайне редки. Один из таких примеров имел место в конце 1864 г., когда СПб ЦК представил статью для журнала «Отечественные записки» под названием «Русские лгуны», содержащую упоминания некоторых членов императорской фамилии. Публикация была отклонена на том основании, что «некоторые из приведенных в ней случаев относятся к Высочайшим Особам, а между тем рассказ, как и самое заглавие свидетельствует, заключает в себе лишь грубый вымысел и вообще не имеет никакого интереса»²⁰⁷.

Порой придворной цензуре приходилось выполнять в 1860-е гг. и совершенно несвойственные ей обязанности — например, осведомлять императора о реалиях повседневной столичной жизни. Любопытный случай имел место летом 1864 г.²⁰⁸, когда редакция газеты «St. Petersburg Zeitung» представила на цензуру статью о воскресной поездке в Петергоф членов некоего общества «Пальма», называемых в немецком тексте «turner». Среди прочего в статье упоминалось и об их случайной встрече там с Александром II. Ознакомившись с материалом, В. Ф. Адлерберг раздраженно отметил: «Предоставленную на мое разрешение к печати немецкую газетную статью, о каком-то празднестве, какого-то общества под названием “Пальма” я оставил у себя для испрошения Высочайшего соизволения, ибо я ни о сем обществе (ремесленников, турнеров, певцов, Бог знает что!) ничего не знаю». Император статью одобрил (вероятно, подтвердив факт описанной встречи, про которую министру двора ничего не было известно), но при этом пожелал выяснить, «какое это общество, на каком основании и по чьему разрешению оно учреждено». Справка, представленная императору, оказалось самая благонадежная: «Дом для призрения подмастерьев, под названием “Пальма”, есть учреждение Евангелического Лютеранского Общества в Санкт-Петербурге», а его устав был утвержден министром внутренних дел П. А. Валуевым в 1862 г. Столь пристальный интерес к этой теме, проявленный императором, так и остался бы непонятен, если бы не записка Адлерберга. Из нее выяснилось, что все дело — в слове «turner», которое напомнило ему «о бывших в 20-х годах в Германии... обществах турнистов оказавшихся столь вредными — по тайной их цели...». Ста-

тя уже была давно опубликована, но Адлерберг решил прояснить ситуацию до конца и выяснить, нет ли подобных злонамеренных целей в уставе «Пальмы» (утвержденном, напомним, лично министром внутренних дел). В результате дополнительного расследования было установлено, что «Пальма» — «общество для продолжения образования немецких ремесленников... и предпринимает подобные поездки или пешеходные экскурсии с целью удержания ремесленников от дурного образа жизни». А что касается слова «turner», то оно было употреблено «исключительно в смысле “гимнасты”». Дело завершила лаконичная отметка «Доложено Его Величеству».

7.2. Цензурная практика в министерство А. В. Адлерберга

В начале 1870-х гг. технология цензурного производства претерпела существенные изменения. Это не было связано, как можно подумать, с произошедшим в апреле 1870 г. утверждением норм придворной цензуры — поскольку были кодифицированы нормы, давно уже применяющиеся на практике. Не внесло ничего нового в технологию цензурования и появление в конце 1872 г. нового направления деятельности — иностранного потока придворной цензуры, — поскольку работа в этом направлении была построена по образцу цензуры внутренней. Основной причиной новаций стал приход нового министра двора, сына прежнего министра и ближайшего друга императора — А. В. Адлерберга. Определяющее отличие этого периода (помимо введения дополнительного документа в цензурные дела, «Доклада по делам») состояло в том, что резко понизился уровень принятия цензурных решений. Если прежде решение принималось либо императором, либо министром двора, то теперь каждый материал сначала рецензировался делопроизводителем II отделения Канцелярии МИДв. Делопроизводитель составлял заключение, которое управляющий Канцелярии затем подавал министру двора (или лицу, его заменяющему) на утверждение. Практически всегда предположения делопроизводителя по разрешениям или отказам без каких-либо изменений утверждались министром двора. Императору цензурируемые материалы представлялись теперь лишь в исключительных случаях.

В случае отсутствия министра двора в столице право цензуры должно было бы переходить, по принадлежности, к управляющему Канцелярией МИДв. Однако на практике цензурные обязанности ее управляющему А. Н. Кирилину были явно не под силу: при приня-

тии решений он неизменно демонстрировал полную несамостоятельность, ориентируясь только на прежние прецеденты и не осмеливаясь принимать решения, не имевшие аналогов в практике Канцелярии. Это касалось даже самых элементарных цензурных вопросов. Так, когда в марте 1876 г. журнал «Всемирная иллюстрация» представил на цензуру рисунок похорон великой княгини Марии Николаевны, управляющий оставил следующую резолюцию: «Я не помню, бывали ли разрешены подобные рисунки? Справку»²⁰⁹. И только после справки о том, что подобные рисунки похорон (великой княгини Елены Павловны, супруги великого князя Михаила Павловича) разрешались ранее в 1873 г., дал свое разрешение. Поэтому вполне объяснимо, что на время долгих отъездов министра двора вместе с императором за границу (например, весной 1874 и 1876 гг.) право придворной цензуры официально передавалось министру внутренних дел и руководителю общей цензуры А. Е. Тимашеву²¹⁰.

Формулируя свои цензурные заключения, чины Канцелярии, вслед за своим начальством, исходили из правила, возведенного в ранг неофициального закона, которое гласило: «По бывшим примерам». Ссылки на прежние подобные решения почти обязательно присутствовали в их проектах цензурных решений. Например, весной 1876 г. Одесский отдельный цензор по внутренней цензуре представил стихотворение некоего Д. А. фон Гринштейна, посвященное императору. В представленном Канцелярией по этому поводу «докладе по делам» говорилось, что автор этого стихотворения — турецкоподданный еврей, и что «хотя оное содержит восхваление Государя Императора, за произведенные в настоящее царствование реформы в России, но по изложению не соответствует важности предмета. Печатание подобных стихотворений было, большею частию, отклоняемо»²¹¹.

Следует отметить, что сроки прохождения документов в министерство А. В. Адлерберга очень возросли. Так, доклад об этом деле был подан министру двора 17 марта, но только 12 мая Александр Владимирович нашел время утвердить это решение. Это много говорит о бюрократических порядках при А. В. Адлерберге... Нужно сказать, что приведенная формулировка отказа по отношению к стихотворным произведениям применялась в этот период достаточно часто. Так, в марте 1876 г. также не было пропущено стихотворение отставного поручика Строилова, обращенное к Александру II. В отказе было следующее заключение чинов Канцелярии: «Означенное стихотворение хотя содержит в себе выражение верноподданнических чувств авто-

ра, но по изложению не соответствует важности предмета. Просьбы о разрешении к печати подобных сочинений были, большею частью, отклоняемы»²¹². В другом случае, летом того же года, было отклонено стихотворение Н. А. Шулепникова «Заря Сусанина» — на том основании, что хотя оно «не заключает в себе ничего противоцензурного, но, по неудовлетворительности изложения, не соответствует важности предмета. Подобные произведения признавались неудобными для печати»²¹³. Можно предположить, что и в первом из приведенных случаев мотив отказа не был связан с антисемитизмом: скорее всего, просителю было отказано из-за низкого художественного уровня данного произведения.

Мотивы отказов в этот период фиксировались в резолюциях министра двора относительно редко. Пример такого исключения имел место весной 1876 г., когда журнал «Нива» представил на разрешение рисунок, изображающий императора на прогулке. А. В. Адлерберг отказал, собственноручно начертав на прошении: «Это чистая карикатура»²¹⁴. В другом случае рисунок, представленный журналом «Всемирная иллюстрация» и изображающий прибытие в Красное Село императорской четы вместе с принцем Умберто Пьемонтским, был забракован министром двора «за совершенную неудовлетворительностью и неправильностью рисунка»²¹⁵. Следует отметить, что А. В. Адлербергу вообще не была свойственна отцовская толерантность в цензурных решениях. В сомнительных случаях, когда можно было разрешить, а можно и запретить, — А. В. Адлерберг обычно выбирал запрет. Например, в феврале 1876 г. на цензуру поступило стихотворение, посвященное 15-летию отмены крепостного права, которое было препровождено министру двора следующим предположением делопроизводителя (построенном, как обычно, на типовых, повторяющихся формулировках): «Канцелярия, представляя при сем означенное стихотворение на благоусмотрение Вашего Сиятельства, имеет честь доложить, что отчеркнутые в оном черным карандашом... места подлежало бы исключить»²¹⁶. Министр запретил публикацию всего стихотворения.

Как уже отмечалось, несмотря на постоянный тщательный надзор за печатью, порой обнаруживались публикации, упоминающие о высочайших особах, но не представленные в свое время в придворную цензуру. Иногда подобные статьи становились причиной скандалов, которые получали широкий общественный резонанс. Характерен случай, имевший место в марте 1867 г., когда газета «Москва», выходящая

без предварительной цензуры, опубликовала информацию о том, что в состав акционеров акционерного общества, сооружающего железную дорогу Орел–Витебск, входит сам император и ряд особ императорской фамилии. Эта статья была перепечатана многими изданиями и дошла до сведения Александра II. В результате министр двора, по высочайшему повелению, подготовил опровержение, подчеркнув, что данная информация не соответствует действительности, и что впредь следует избегать появления таких ложных сообщений. Для этого всегда надлежит представлять подобные публикации на предварительную цензуру в МИДв. Об этом особым отношением было заявлено министру внутренних дел, а всем редакторам бесцензурных периодических изданий сообщили об этом деле под расписку. Редактора «Москвы» обязали опубликовать опровержение²¹⁷.

Аналогичный случай имел место в августе 1876 г., когда в Канцелярию пришло письмо от В. В. Зиновьева — гофмаршала двора наследника цесаревича Александра Александровича. Зиновьев сообщил, что информация, опубликованная в столичной газете «Голос», о том, что пожертвования в пользу балканских славян принимаются наследником, не соответствует действительности. Согласно резолюции Адлерберга, Канцелярия отправила отношение на имя начальника ГУ ДП В. В. Григорьева, с тем, чтобы редактору газеты «было поставлено на вид»²¹⁸. Вскоре из ГУ ДП пришла бумага, сообщавшая, что повеление наследника исполнено.

Со сменой министра двора (с отца на сына) изменилась и политика согласований с высочайшими особами. Список лиц, к которым теперь представлялись материалы, их касающиеся, расширился. В 1870-е гг. в этот список входили: наследник цесаревич Александр Александрович, а также великие князья Константин Николаевич и Николай Николаевич (Старший). Следует отметить, что только наследнику материалы, упоминающие о нем, отсылались на разрешение неукоснительно — двум другим особам они представлялись далеко не всегда. Можно предположить, что в этом проявилось желание А. В. Адлерберга не раздражать лишним раз наследника: их отношения не сложились. Однако в условиях существовавшего противостояния дворов, императорского и цесаревича, министр двора иногда позволял себе определенные «колкости».

Любопытный случай имел место в ноябре 1876 г. В Канцелярию МИДв пришла официальная бумага от гофмаршала двора наследника, представившая «для доклада императору» (а не на цензуру ми-

нистра двора, как это предписывал закон) рукопись преподавателя киевского института благородных девиц В. Андреева, под названием «Наша Царская Семья». В столь важном случае цензурное заключение готовил не делопроизводитель, а сам управляющий Канцелярией А. Н. Кирилин. Заранее выяснив, как можно предположить, желаемое направление отзыва от своего патрона, Кирилин написал, что «труд г. Андреева вполне благонамеренный, но не без некоторых недостатков. Сообщаемые автором биографические сведения об Августейших Особах большею частью отрывочны и неполны, ибо многое, существенно важное, в них опущено. Видно, что сочинитель пользовался опубликованными у нас и за границею известиями, которые до него дошли, и ограничился тем, что передал их в легком очерке, без строго обдуманного плана»²¹⁹. Имея в случае скандала возможность сослаться на этот отзыв, Адлерберг заключил: «Не считаю возможным разрешение такого слабого произведения». Можно представить недовольство наследника министром.

Иногда поступающие на разрешение музыкальные произведения не отсылались на отзыв музыкальным специалистам. Это происходило в тех случаях, когда уже имелось мнение о пришедшем сочинении кого-либо из членов императорской фамилии. Например, в феврале 1876 г.²²⁰ коллежский советник Вилламов представил на разрешение к печати свой «Марш на кончину великой княгини Марии Николаевны», сославшись на то, что во время ее погребения этот марш уже был исполнен оркестром Л.-Гв. Преображенского полка. Министр двора А. В. Адлерберг сообщил, что император желает знать, так ли это, и если так, то с чьего разрешения это было сделано. В ответ на запрос, посланный в Канцелярию полка, пришла бумага за подписью командира полка, принца А. П. Ольденбургского. В письме говорилось, что означенный марш действительно был исполнен — по его, принца, личному распоряжению. Печатать сочинение разрешили, однако без посвящения великой княгине.

7.3. Цензурная практика в министерство И. И. Воронцова-Дашкова

Смена царствований в 1881 г. вновь повлекла за собой серьезные изменения в технологии принятия цензурных решений. После введения в начале 1882 г. временного штата Канцелярии ее области компетенции постепенно начали переходить к секретарю нового

министра, В. С. Кривенко (через несколько лет, в 1885 г., этот процесс завершился юридическим оформлением новой расстановки сил в МИДв — учреждением Канцелярии министра, под начальством В. С. Кривенко, а затем и упразднением Канцелярии МИДв). К 1885 г. Канцелярия МИДв оказалась фактически обезглавлена, а практическое руководство Министерством двора перешло к управляющему Контроля МИДв Н. С. Петрову. Новый министр И. И. Воронцов-Дашков явно не считал идеологический аспект деятельности МИДв приоритетным направлением. При нем цензурируемые материалы сразу, без подготовки проекта цензурного решения, подавались временно исполняющим обязанности помощника директора Канцелярии (в 1885 г. на этой должности был М. Б. Фельдт) Н. С. Петрову, который и принимал решения лично. В отдельных случаях Петров докладывал вопрос министру, но ни одного факта утверждения цензурного решения императором установить не удалось. Таким образом, право придворной цензуры, по закону принадлежащее только министру двора, фактически оказалось делегировано им не предназначенному к этому лицу — Н. С. Петрову. Очень работоспособный и опытный чиновник, он не имел, однако, никакой склонности к идеологической работе, а, главное, не видел в цензуре никакой иной, кроме жестко охранительной, функции. Это проявилось в постоянном стремлении Петрова избежать ответственности за неправильное решение: он использовал любую возможность, чтобы уйти от принятия положительного цензурного заключения. Чаще всего для этого использовалась переадресация окончательного решения какой-либо сторонней инстанции, которая, имея на руках неопределенный отзыв столь влиятельного органа, каким являлось в то время МИДв, обычно не осмеливалась на принятие положительного решения. Таким образом, в сомнительном случае оптимальный, с охранительной позиции, исход — отказ — принимался не МИДв, а значит, и ответственность за неверное решение с него, Петрова, в этом случае снималась.

Очень характерен в этом плане следующий случай. Летом 1885 г. И. Н. Привалов, доверенное лицо Пермского губернского земства, прислал на цензуру проект хромолитографической картины, изображающей Александра II. Ее репродукцию земство собиралось издать к 25-летию освобождения крестьян от крепостной зависимости. Н. С. Петров, без консультации с министром, отослал прошение в МВД — поскольку «вопросы, относящиеся к заявленному просителем празднованию упомянутого события подлежат ведению Министерства Внутренних

Дел»²²¹. Следует отметить очевидное отличие лексики этой резолюции от прежних помет В. Ф. Адлерберга. Петров более чем кто-либо из прочих руководителей придворной цензуры злоупотреблял в своих текстах канцеляризмами; его резолюции отличались сухостью и полным отсутствием любых эмоций. Дело с Пермским губернским земством этим не закончилось. Буквально через несколько дней тот же И. Н. Привалов (видимо, посчитав, что действовать через общую цензуру будет успешнее) представил, уже через СПб ЦК, другой материал — памятный лист с портретами деятелей крестьянской реформы (в т. ч. Александра II и великого князя Константина Николаевича), а также портретами членов местного Комитета по освобождению крестьян. После пришедшего положительного отзыва из Конторы великого князя, в СПб ЦК было отправлено такое заключение: портреты высочайших особ к публикации допускаются, разрешение же на остальные портреты — зависит от МВД. Не одобрял Н. С. Петров и народные инициативы, пусть и монархического толка. Летом того же года редакция газеты «Екатеринбургская неделя» (через посредство СПб ЦК) представила проекты памятника Александру II, на который в Екатеринбурге собирались народные деньги. Изображения памятника предназначались для помещения на купонах жертвователям. Н. С. Петров не счел это начинание достойным поддержки, сообщив, что с таким делом нужно прежде обращаться в МВД²²².

Другой подобный казус имел место осенью 1885 г., когда СПб ЦК представил на цензуру рукопись стихов некоего В. Иванова, которые ранее якобы уже подносились императору. Канцелярия МИДв, по настоянию Н. С. Петрова, сделала запрос в Харьков, откуда пришел этот материал, и выяснила, что В. Иванов, купеческий сын, ученик шестого класса харьковской 3-й гимназии, — действительно, в 1881 г., за поднесение стихотворения удостоился, по всеподданнейшему докладу министра народного просвещения, ценного подарка — золотых часов с цепочкой. Позднее, в 1883 г., за поднесение, тем же путем, стихотворения В. Иванов еще раз был удостоен высочайшего подарка на 100 рублей. Директор 3-й харьковской гимназии «на сделанный Канцелярией вопрос о личности ученика В. Иванова, между прочим, сообщил, что этот ученик, проявляя поэтический талант, обнаруживает вместе с тем твердое религиозное направление»²²³. Тем не менее, несмотря на столь блестящую характеристику, Н. С. Петров не посчитал нужным разрешить такой нестандартный материал. В ответе Канцелярии отмечалось только, что по поводу первого поднесения

(1881 г.) переписка велась по Министерству народного просвещения (т. е. что Канцелярии МИДв сказать по этому поводу нечего). Также в письме подтверждался факт получения в 1883 г. автором подарка по линии МИДв (просто подтверждалась истинность этой информации). По поводу же собственно данного обращения в ответе буквально сообщалось: «К сему Канцелярия считает долгом присовокупить, что о подобных поднесениях и жалуемых за них подарках публикаций не допускается»²²⁴. И все! Разрешается ли публикация этого материала, или нет — в ответе вообще не говорилось. Решив не рисковать, Петров просто ушел от решения по данному вопросу.

Еще одна особенность технологии принятия цензурных решений в данный период — обилие повторных уточняющих запросов в источники представляемых материалов. Например, когда в марте 1885 г. издатель М. Я. Якобсон представил портреты императорской четы для помещения в издаваемый им «Живописный обиходный календарь», Петров дал разрешение только после того, как, согласно его требованию, издатель представил прежние выпуски своего календаря. В другом случае, когда Московский Цензурный комитет (МЦК) представил рисунки проекта памятника Александру II в Москве, был послан запрос: по чьему заказу и с какой целью были сделаны эти рисунки? МЦК переслал прошение автора проекта, фотографа В. И. фон Менгдена, детально объясняющего все возможные неясности. Тем не менее, в МЦК ушел поразительный ответ: «хотя со стороны Министерства Императорского Двора не усматривается препятствий к разрешению выпуска этих рисунков, но... представилось бы соответственным, по сношении с Комитетом по сооружению в Москве памятника в Бозе почившему Императору Александру II, выяснить: не встречает ли Комитет каких-либо препятствий к испрашиваемому разрешению?»²²⁵.

Будучи, судя по всему, человеком в высшей степени осторожным, Н. С. Петров полагал необходимым перед пропуском материала проверять любую, даже самую элементарную, приведенную информацию. Так, когда Комитет цензуры иностранной представил ему живописное полотно, изображающее Петра I и Екатерину Алексеевну, принимающих депутацию в 1721 г., был дан запрос в Главное дворцовое управление: подтверждается ли данный факт камер-фурьерскими журналами за упомянутый год? Только после положительного ответа картина была пропущена²²⁶. Понятно, что подобная практика запросов многократно замедляла сроки прохождения документов, что вызывало общее недовольство придворной цензурой. При этом постоянно

демонстрируемое Петровым недоверие и подозрительность к любым монархическим инициативам, идущим не от властей, а снизу, провоцировало ответное отчуждение консервативно настроенных предпринимателей.

В царствование Александра III радикально изменилась и ситуация с согласованиями с членами императорской фамилии. В силу своей гипертрофированной осторожности Петров считал необходимым утверждать материалы со всеми без исключения упоминающимися в них высочайшими особами. Например, в 1885 г. информация отсылалась на утверждение: царствующей императрице Марии Федоровне, великим князьям Константину Николаевичу, Владимиру Александровичу, Михаилу Николаевичу.

Исправления, вносимые в данный период, носили сжатый лаконичный характер. В первую очередь, это касалось исправления неполных титулов упоминаемых высочайших особ, которые в печати должны были употребляться исключительно в полном виде — вне зависимости от контекста. Так, полный титул наследника должен был быть таким: «Его Императорское Высочество Государь Наследник Цесаревич и Великий Князь Николай Александрович»²²⁷. Полный титул императорской четы выглядел так: «Их Императорские Величества Государь Император Александр Александрович и Государыня Императрица Мария Феодоровна». Аналогичным образом правились и прочие титулы. Ни И. И. Воронцов-Дашков, ни Н. С. Петров не утруждали себя редакторской правкой представленных материалов, лишь добавляя в текст разрешения фразу о необходимости исправить текст «в редакторском отношении». Разрешая к печати изображения высочайших особ, Н. С. Петров нередко добавлял требование лучшего качества. Например, при разрешении портрета Александра III было особо отмечено, что оно действительно только с тем, чтобы «литография употребила все старание к более тщательному изготовлению оттисков этого портрета»²²⁸. Заслуживает отдельного упоминания сюжет, относящийся к осени 1885 г. Представленные обложки для календарей с портретами их императорских величеств были разрешены с тем условием, чтобы изображения были отделены жирными линиями от надписи «Цена 5 коп.»²²⁹. Понятно, что сделано это было для того, чтобы у покупателя не возникло предположения, что российская императорская чета стоит столь небольших денег...

Отказы в публикации в 1880-е гг. стали гораздо более предсказуемы и упорядочены, чем раньше. Если прежде правилом было буквальное

цитирование в ответе резолюции по данному вопросу, дававшей достаточное представление просителю о причинах отказа, то теперь отказы чаще всего высылались без какого-либо разъяснения. Таким образом, просители оставались в полном неведении о сути их ошибки, что, конечно, не способствовало проявлению ими инициатив в дальнейшем. Другой особенностью отказов стало то, что теперь они практически перестали зависеть от впечатления, производимого на руководителя придворной цензуры конкретным материалом, и определялись исключительно заранее принятыми установками на пропуск или запрет того или иного типа материалов. Эти установки можно разделить на несколько групп.

Первая — отказы из-за неудовлетворительного по техническому качеству исполнения изображений или несоответствующего художественного уровня представленных произведений. Вторая группа — отказы предполагаемых к печати материалов с посвящением особам императорской фамилии, которое, как выяснялось, не было ранее получено надлежащим порядком. При рассмотрении материалов отечественного происхождения они чаще всего разрешались к печати, но без посвящения. В случае же, если иностранное издание имело посвящение, не испрошенное ранее (т. е. когда посвящение не было возможности отделить от самого материала), — например, при досмотре пришедшей по почте из-за границы книги на французском языке, с посвящением Александру III²³⁰ — такое издание вообще не допускалось «к свободному обращению в публике». Третья группа отказов — изображения императорских регалий или высочайших особ на изделиях, имеющих прикладное значение; «святые изображения» не могли быть испачканы или попорчены — все равно, по небрежению или по злому умыслу. Так, например, не были пропущены портреты высочайших особ на представленном землемером М. И. Сонкиным в 1885 г. проекте этикетки для изобретенной им настольной игры «Европейские военно-боевые крокеты» (!)²³¹. Не были разрешены к выпуску и фарфоровые тарелки с портретами высочайших особ, представленные владельцем фабрики фарфоровой и фаянсовой посуды в г. Калише О. Фрейденрайхом²³². Наконец, четвертую группу отказов составляли статьи, признаваемые «неудобными» к публикации по причине низкого литературного уровня и явной коммерческой направленности автора (как, например, воспоминания отставного урядника Н. Г. Земляницына о посещении великим князем Владимиром Александровичем Барнаула в 1868 г.)²³³.

В результате административной реформы 1888 г. Канцелярия МИДв прекратила свое существование, и придворная цензура, в числе прочих вопросов административного и идеологического характера, отошла в образованный в составе Кабинета е.и.в. Административный отдел. Схема принятия цензурных решений при этом не могла не измениться. Теперь первоначальное цензурирование материала производилось уже на уровне делопроизводителя; он же составлял, при необходимости, справку о прежних цензурных заключениях в аналогичных случаях. После этого материал поступал на стол заведующего Административным отделом (эту должность в 1890-е гг. занимал А. В. Половцов), который утверждал решение делопроизводителя и представлял уже готовое заключение на подпись руководства. Поначалу документы подписывал Н. С. Петров, возглавивший после реформы Кабинет е.и.в. Однако вскоре он тяжело заболел и вынужден был оставить должность. В 1893 г. цензурные решения утверждал новый начальник Кабинета, генерал-майор П. К. Гудим-Левкович. Однако он полагал своей основной задачей не административные дела, а хозяйственные, и при первой возможности передал полномочия руководителя придворной цензуры другому лицу — В. Б. Фредериксу, занявшему в декабре 1893 г. специально для него учрежденную должность помощника министра двора.

7.4. Цензурная практика при управлении В. Б. Фредерикса

После вступления в практическое руководство министерством В. Б. Фредерикса в МИДв установилась стабильная властная вертикаль, и процесс цензурирования уподобился хорошо налаженному конвейеру. Понятно, что это стало возможным благодаря тому, что и на прочие должности наконец были подобраны хорошо образованные, опытные и склонные к цензурной работе люди. Действительно, именно в этот период орган придворной цензуры впервые составил слаженный, высокопрофессиональный коллектив. В условиях многократного увеличения объемов поступления материалов на цензуру МИДв (напомним, что в начале 1890-х гг. их количество менее чем за пять лет возросло в четыре раза) это были разумные и своевременные меры.

1896 г. стал годом коронавания Николая II, и это наложило большой отпечаток на всю деятельность придворной цензуры. Подавляющее количество представляемых в этот год материалов так или иначе

касалось предстоящих празднеств. Для всех подобных материалов существовали два обязательных условия разрешения, неизменно приводившихся в каждом отпуске: во-первых, само название «Коронация» (видимо, как латинский подстрочник) не допускалось, будучи везде заменяемо на «патриотический» термин «Священное Коронование», и, во-вторых, публикация дозволялась только по «воспоследованию дня Священного Коронования». Причина последнего условия, вероятно, заключалась в традиционном суеверном отношении к предстоящему торжеству, не позволяющем предавать широкой огласке подробности «святого действия» до того, как оно благополучно завершится. Кроме того, обязательным требованием в этот период было удаление из любых материалов изображений: Государственного герба (т. к. это разрешалось только поставщикам двора) и вензелевого изображения имени их императорских величеств (поскольку ему придавалось значение своего рода императорского автографа, а значит, наличие вензеля должно было сообщать изображению некий частный, почти личный оттенок). Тем не менее, из этого последнего правила бывали и единичные исключения.

Так, в июне 1896 г. владелец типографии Е. А. Евдокимов, ранее получивший разрешение на печать портретов их императорских величеств (как принято, без изображения герба), повторно обратился в Кабинет, желая оставить герб. Мотивируя свою просьбу, Е. А. Евдокимов подчеркнул, что «это не есть Государственный Герб, а орел этот, с пальмовой ветвью, служит лишь украшением виньетки портретов... уничтожение же этого украшения повлечет за собою большие материальные потери, и выпустить в свет эти портреты не представится возможным»²³⁴. По неизвестным причинам ему пошли навстречу, и из общего правила (единственный известный случай) было сделано исключение.

В обязанности придворной цензуры в этот период вновь вошла редакторская правка представляемых текстов, приведение их к некоему стандарту упоминаний высочайших особ. Резолюции этого времени стали типовыми и очень односложными. Стандартный текст резолюции — «Разрешено», или «Г. Пом. Мин. не разрешил», без какого-либо разъяснения причин. Соответственно, и в текстах отпусков этого времени никаких мотивов запрета не указывалось. Характерным примером стандарта упоминаний служит рассмотренная в марте 1896 г. статья для киевского журнала «Марки», в которой рассказывалось о юном великом князе Александре Михайловиче, страстном

филателисте. Везде в тексте имя было заменено на титулы «Великий Князь» или «Его Императорское Высочество», слово «умершего Государя» — на «в Бозе почившего Государя».

Иногда возникали и серьезные идеологические проблемы, от решения которых зависели большие деньги. Так, один из принципиальных вопросов был затронут в январе 1896 г. Министерство финансов, через Департамент торговли и мануфактур, официально запросило МИДв о возможности помещать на «этикетах» товаров название «Царский». Ранее, говорилось в отношении, в данном вопросе не было единой линии: иногда такое разрешалось, иногда — нет. Так, производство дрожжей «Царских» разрешалось разным производителям в 1891 г. и 1892 г., а в 1894 г. и 1895 г. — наоборот, запрещались²³⁵. Пиво «Царское» запрещалось дважды — в 1894 и 1895 гг., чай «Императорский» запрещался дважды только в одном 1895 г. Теперь назрела необходимость в выработке единой позиции: «Принимая во внимание, что разрешение поступающих в Департамент ходатайств по одному и тому же предмету в различном смысле вызывает небезосновательные нарекания, Департамент... полагал бы необходимым установить в сем отношении какой-либо определенный порядок»²³⁶. И такой порядок был установлен: все упоминания слова «Царский» в названиях отныне не разрешались*. Аналогичный исход имели просьбы петербургского купца А. В. Кузнецова в феврале 1896 г., желающего выпустить в продажу новую марку шампанского — «Коронационное»²³⁷, и прошение содержательницы кондитерской А. В. Сегессер — о выпуске нового сорта конфет, «Коронационные»²³⁸.

Особую тему составляют случаи отступления придворной цензуры от установленных и незыблемых, на первый взгляд, правил. Каждый из таких случаев заслуживает отдельного внимания, однако, по недостатку места, коснемся только наиболее характерных. Интереснейший пример корректирования первоначальной позиции придворной цензуры под влиянием изменившейся ситуации имел место

* Имея в виду постоянное присутствие на сегодняшнем рынке отечественных продуктов с аналогичными названиями (майонез «Царский», кетчуп «Царский», чай «Императорский» и т. д.), напрашивается мысль — а не является ли такое стремление использовать в маркетинге лексику и символику императорской России свидетельством сохранения у современных россиян элементов монархического сознания на подсознательном уровне?

в 1895 г. Во Франции был издан портрет Николая II — настоящее произведение каллиграфического искусства, выполненное микрографическим способом из 61 800 букв текста высочайшего Манифеста о восшествии на престол Николая II (на русском языке) и биографии нового императора (на французском языке) (автором этого оригинального произведения был известный французский художник И. Софер). В докладной записке по этому поводу говорилось: «Государь Император изображен в форме Гусарского Имени Своего полка; под портретом, исполненным с большим изяществом, отчетливостью и отличающимся довольно близким сходством, две ветви — лавровая и дубовая, перехваченные посредине двуглавым орлом... Чтение сего текста начинается у правого чела»²³⁹. Поступив в страну впервые в апреле 1895 г., подобные портреты, представляемые и органами общей цензуры, и из таможен, несколько раз не разрешались к выпуску. Но 2 июля 1895 г. Варшавский Цензурный комитет сообщил в МИДв, что сразу в нескольких магазинах Варшавы такие портреты появились в продаже, причем с надписью «Разрешено МИДв». На запрос, дозволялось ли их распространение, должен был бы последовать четкий и однозначный ответ — нет, поскольку разрешения такие портреты не получали ни разу. Однако такой ответ подразумевал обязательную последующую процедуру изымания этих портретов с помощью полиции. Вероятно, В. Б. Фредерикс (уже руководивший в это время придворной цензурой) посчитал, что неминуемый скандал при таких изъятиях будет слишком серьезной издержкой в создавшейся ситуации. После месячного раздумья, 1 августа последовало положительное решение Фредерикса, причем в ответном отношении Кабинета не содержалось ответа на заданный ЦК вопрос, значилось только — «в настоящее время разрешены к выпуску»²⁴⁰. Данный сюжет показывает редкий пример того, как жизнь диктовала придворной цензуре свои условия.

Другой любопытный случай отказа придворной цензуры от своих требований описан в воспоминаниях начальника Канцелярии МИДв А. А. Мосолова. Следует отметить, что этот сюжет, относящийся к 1900-м гг., — единственное упоминание о придворной цензуре в мемуарах лица, непосредственно руководившего ею на протяжении 16 лет! В Германии много лет издавался ежегодник «Готский альманах» — своего рода аристократическая энциклопедия, публикующая биографические очерки обо всех европейских династиях. Статья о России называлась «династия Гольштейн-Готторп-Романовых», что

категорически не понравилось императрице Александре Федоровне. Она потребовала от Мосолова, под угрозой запрета ввоза издания, принудить редакцию убрать первые два слова — поскольку они, по мнению императрицы, ставят под сомнение национальный характер российской династии. А. А. Мосолову была известна эта проблема: каждый год, когда редакция присылала материалы на корректуру, начальник Канцелярии, по его словам, в числе прочей правки всякий раз лично вычеркивал эти слова, но редакция всегда игнорировала это его требование. На официальный запрос о причинах отказа был получен из Германии ответ, что, дескать, наименование династии исторически точно и потому изменено быть не может. Министр двора, которому был доложен этот ответ, приказал запретить ввоз альманаха в страну. Мосолову эта мера «показалась прямо чудовищной», и он, пойдя на нарушение служебной субординации, написал в обход министра всеподданнейший доклад императору. Однако вскоре Мосолов был вызван императрицей; последовавший разговор приведен в мемуарах: «Неужели вы не можете найти способа заставить эту упрямую редакцию вычеркнуть эти два слова? — спросила меня государыня. — Я им писал и письменно получил отказ. — А если я вам разрешу уведомить их, что вы обращаетесь к ним по моему приказанию? — Это означало бы, ваше величество, рисковать получением в ответ цитат из исторических актов, подтверждающих правильность их наименования династии. И, пожалуй, они предадут гласности всю переписку. — Тогда запретите ввоз этого издания в Россию. — Это тем более невозможно, так как вызовет общеевропейский скандал. Самый аристократический, легитимистический “Альманах” запрещен для ввоза в Россию. Конечно, доищутся этих двух слов, вызвавших запрещение; пойдут пересуды по всей столице и за границей. Альманах будет тайно ввозиться в Россию дипломатами и даст пищу для обсуждения деликатного династического вопроса, совершенно широкой публике нашей неизвестного. Поверьте, ваше величество, годами печатают этот заголовок, и никто на него не обращает внимания. Лучше это игнорировать, чем подымать шум»²⁴¹. Императрица больше не вспоминала этот вопрос.

Данный сюжет представляется исключительно важным — потому что, во-первых, выявляет крайне наивное представление Александры Федоровны о безграничности власти российской монархии; во-вторых, много говорит о самом начальнике Канцелярии, показывая его как профессионала идеологической работы очень высокого класса, который

может далеко просчитывать общественную реакцию на свои действия и не останавливается перед необходимостью идти против мнения высшего начальства — в случае, если он уверен в своей правоте.

Но чаще обстоятельства изменения позиции придворной цензуры оставались неизвестны. В январе 1896 г. Товарищество «А. И. Абрикосов и сын» представило на утверждение портреты императорской четы, и они были пропущены — при условии, чтобы они «ни в каком случае» не наклеивались в качестве этикеток на коробки с конфетами (или на любые другие коробки)²⁴². Но когда проситель представил, как и требовалось (уже в мае), пробные оттиски портретов — они оказались наклеенными именно на конфетные коробки. Тем не менее, по неизвестной причине, они все равно были утверждены²⁴³.

Порой просителям удавалось предъявить придворной цензуре аргументы, необходимые для пропуска. Такой случай имел место в марте 1896 г., когда «Генеральное общество французской ваксы» обратилось за разрешением на портреты «Их Императорских Величеств» на жесты. Резонно предположив, что они предназначены для помещения на этикетках коробок (что не разрешалось), Кабинет, тем не менее, сделал ответный запрос о выяснении назначения данных портретов. Разъяснение было вполне исчерпывающим: «Таковые будут иметь то назначение, единственно в виде портретов Их Императорских Величеств, в изящных рамках, также из печатанной и рельефной штампованной жести...». Печатание было разрешено, при соблюдении следующих условий: «во 1-х), упомянутые портреты должны быть напечатаны в обратном виде, т. е. ордена надлежит изобразить на левой стороне, а орденские ленты и аксельбанты (у Его Величества) на правой; во 2-х), лента ордена Св. Екатерины на портрете Ее Величества должна быть красного цвета с серебряной (белой) каймой; в 3-х), воспроизведенные на жести изображения Их Императорских Величеств могут быть дозволены к обращению лишь в виде портретов и в 4-х), предварительно выпуска портретов надлежит доставить в Кабинет Е.И.В., на рассмотрение, пробные оттиски в 2-х экземплярах»²⁴⁴. Последнее требование, напомним, было обязательным для каждого материала, пропускаемого придворной цензурой.

Основной мотив изменений в этот период — неправильное изображение формы мундира, в который одет император. Характерный пример: в марте 1896 г. владелец типографии О. И. Лашкевич получил отказ в разрешении портрета Николая II — по причине того, что «неправильно обозначается изображение шитья на гусарском мундире Его Величест-

ва»²⁴⁵. В ответе ему было рекомендовано исправить недочеты с помощью ретуши. Во многих случаях разъяснения носили более подробный характер, например, рекомендовалось «сделать исправления в форме одежды Государя Императора и Александра Михайловича, а именно: на портрете Его Императорского Величества шаровары должны быть черного цвета, обшлага мундира красного цвета с белым кантом и золотыми петлицами (по форме Л.-Гв. Преображенского полка) и на портрете Его Императорского Высочества следует заменить белый шарф и синий галстук — черным»²⁴⁶. Подобные изменения вносились достаточно часто, но они не могут быть признаны идеологически обусловленными — скорее, здесь имело место требование соблюдения эстетики традиционного для Российской Империи образа императора прежде всего как военного.

Иногда изменения вносились и высшим руководством. Так, в январе 1896 г. Русское телеграфное агентство задумало издать к коронационным торжествам альбом «Государь Император в форме русских полков, где Его Величество состоит шефом». Это был один из тех редких случаев, когда В. Б. Фредерикс смог применить в цензурной практике свои профессиональные знания. На одном из рисунков он отметил, что «лошадь изображена в невозможной постановке» и даже приложил в виде образца собственноручный эскиз правильной позиции. В другом рисунке его не устроила расцветка лошади, поскольку в данном полку все лошади гнедые. Предложив художнику зарисовать ее с натуры, он разрешил обратиться на этот предмет к начальнику верхового отделения Придворной конюшенной части²⁴⁷.

Следует отметить, что В. Б. Фредерикс неоднократно на практике реализовал свои представления о том, как должен выглядеть император со стороны. С. Ю. Витте писал в мемуарах (1903 г.), что министра двора «несколько смущало, что государь не имеет внушительного царского вида вследствие малого роста, из-за чего ему пришлось отказаться от ношения некоторых германских форм, которые еще больше уменьшают его вид»²⁴⁸. Этот же момент отмечал и А. А. Мосолов: «Министр двора всегда настаивал, чтобы Николай II показывался толпе преимущественно на лошади. Несмотря на свой небольшой рост, Николай Александрович был замечательным кавалеристом и верхом производил, действительно, более величественное впечатление, нежели пешком»²⁴⁹. Можно предположить, что образец величественного монарха руководители придворной цензуры видели в императоре Николае I — как известно, высоком и статном человеке.

Отказы в публикации можно разделить на несколько групп. Большую часть составляли, как и в предшествующие периоды, отказы по низкому художественному уровню сочинений. Типичный пример отказов такого рода — стихотворения, «хотя и патриотичны по содержанию и выражаемым чувствам, но страдают отсутствием смысла и несоблюдением правил стихосложения»²⁵⁰. Причиной отказов могло быть и неверное изображение формы императора — в тех редких случаях, когда ошибки нельзя было исправить. Например, в июле 1896 г. картина, изображающая коронацию, не была разрешена «в виду крайней неправильности в изображении обмундирования»²⁵¹. Но иногда бывали и отказы по идеологическим мотивам.

Пример подобного отказа описывается в воспоминаниях директора Пажеского корпуса генерала Н. А. Епанчина (кстати, это едва ли не единственное обнаруженное во всем корпусе опубликованных источников упоминание придворной цензуры). Этот случай относится к маю 1896 г., когда во время коронации императорская чета принимала множество deputаций подданных, в том числе и старообрядцев. Император сказал им свою ответную речь, которая, однако, на следующий день нигде не была опубликована. Н. А. Епанчин, бывший сослуживец и друг Н. И. Оприца (делопроизводителя Административного отдела Кабинета е.и.в., ведущего все дела по придворной цензуре), поинтересовался у него в частном порядке о причинах неопубликования ответной речи Николая II. То, что Епанчин узнал, очень его удивило: «Оказалось, придворная цензура имела уже распоряжение К. П. Победоносцева о запрещении объявить ответ Государя старообрядцам в печати... Таким образом, стало ясным, что в России есть цензура и на Царские речи; знал ли о таком распоряжении Победоносцева Государь?»²⁵². Описанный сюжет представляется исключительно интересным по двум причинам: во-первых, он выявляет обычно скрытый механизм принятия конкретного цензурного решения, называя лицо, давшее придворной цензуре соответствующую идеологическую установку. А во-вторых, он показывает степень закрытости придворной цензуры (имевшей дело, напомним, в основном не с самими авторами представляемых на цензуру материалов, а с цензурными комитетами) для российской публики. Характерно, что даже такое близкое к высшим сферам и весьма информированное лицо, как Н. А. Епанчин, с изумлением открывает для себя сам факт существования придворной цензуры. Что уж говорить о рядовых подданных...

Другой любопытный случай идеологического запрета имел место в июне 1896 г., когда Московский Цензурный Комитет представил на цензуру МИДв, в числе прочего, картину «Общий вид коронационного народного гуляния на Ходынке». Заведующий Административным отделом А. В. Половцов обратился за советом к своему знакомому — врачу Московского Дворцового управления, действительному статскому советнику В. М. Иванову (вероятно, очевидцу трагедии). Ответ гласил, что «рисунок этот не следует допускать к печати, потому что он ничего общего с действительностью не имеет»²⁵³ [надо думать! — С. Г.]. Конечно, картина не была пропущена.

Третья группа отказов — запреты по причине использования неподтвержденной информации. Например, не допускалась публикация недостоверных слов и мыслей, приписываемых высочайшим особам авторами. Это чаще всего встречалось в книгах на иностранных языках, представляемых в МИДв Центральным Комитетом цензуры иностранной. Иногда требовалось перед разрешением проверить истинность информации, приводимой в материале. Такие согласования в тот период встречались относительно редко. Любопытный случай согласования имел место в апреле 1896 г. Петербургские рыбопромышленники Зотовы представили через столичный Цензурный Комитет статью о своей фирме, для выставки в Нижнем Новгороде. В статье упоминалось о прежних поднесениях пойманных ими осетров высочайшим особам. Были подняты документы, подтвердившие, что действительно, пойманный Зотовыми на тонях Крестовского острова в июле 1884 г. девятипудовый осетр [рыба весом 144 килограмма почти в центре сегодняшнего города! — С. Г.] был поднесен Александру III²⁵⁴. Разрешение не заставило долго ждать. Как можно заметить, ответы придворной цензуры в 1890-е гг. резко отличались от ответов предшествующих периодов гораздо большим вниманием к просителям: мотивы как требуемых изменений, так и отказов доносились теперь до адресатов с исчерпывающей полнотой — что нельзя не признать за позитивную новацию.

Имелась и еще одна важная особенность, характерная для деятельности придворной цензуры именно в этот период — дублирование ее функций другими установлениями МИДв. Хотя придворная цензура в 1888–1897 гг. официально входила в круг обязанностей Административного отдела Кабинета е.и.в., зачастую ее функции приходилось выполнять и чинам Канцелярии министра — туда также попадали материалы, представляемые на цензуру МИДв. Дело в том, что некоторые просители по привычке адресовали свои мате-

риалы в Канцелярию (имея в виду Канцелярию МИДв), а попадали они теперь в новое установление — Канцелярию министра. Кто-то из просителей предпочитал выходить со своими материалами на цензуру и прямо на министра двора И. И. Воронцова-Дашкова. Иногда такие прошения пересылались по принадлежности, в Кабинет, что резко увеличивало сроки документооборота. Однако в случаях, когда требовалось неординарное или быстрое цензурное решение, оно обычно принималось лично секретарем министра В. С. Кривенко, а затем лишь утверждалось министром двора. Впрочем, таких цензурных дел было относительно немного — преимущественно тексты и музыкальные произведения. Они откладывались в архивные дела Канцелярии министра под названием «О бумагах, поставленных на цензурное рассмотрение»²⁵⁵.

8. НОВЫЕ ФОРМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ ПРИ ИМПЕРАТОРЕ НИКОЛАЕ II

В царствование Николая II получили широкое распространение новые формы репрезентации Верховной власти. Если традиционные формы представительства (публичные празднества) были призваны единовременно воздействовать на эмоциональное и эстетическое восприятие больших масс подданных, то новые формы репрезентации претендовали уже на установление постоянного личного духовного контакта монарха с конкретным подданным. В память о высочайшей встрече каждому присутствующему на ней теперь вручался некий личный подарок с портретом императора, который должен был постоянно напоминать об общем символе веры и о монархическом долге перед царем. Это была своеобразная попытка установить глубоко личную, даже интимную, верноподданническую связь между монархом и его подданными. Таким образом, если раньше речь шла о репрезентации образа Верховной власти в целом, то теперь это было стремление Николая II к личной репрезентации своего индивидуального образа самодержца. Можно предположить, что в этом случае идеалом (скорее неосознанным) для императора являлась феодальная связь вассала и сюзерена, характерная для средневекового образа царя-богомольца (выбранного Николаем II в рамках нового национального мифа)²⁵⁶.

8.1. Царские портреты и юбилейные кружки

Дарение императорских портретов иногда практиковалось и прежде, но имело место крайне редко. Один из первых таких случаев относится к 1868 г. и описан в воспоминаниях князя В. П. Мещерского²⁵⁷. Князь предложил императрице Марии Александровне вручать фото-портреты императорской четы лучшим ученикам в одной из провинциальных семинарских школ, куда он вскоре направлялся в служебную командировку. Получив от императрицы согласие, В. П. Мещерский произвел торжественное вручение, и этот случай получил огласку в печати. Интересно, что эта репрезентационная новация тогда встретила сопротивление некоторых видных чиновников, полагавших, что такие портреты должны вручаться только самым выдающимся сановникам Империи — как высший знак царской милости. Инициатива князя не получила развития.

Позднее установилась практика награждения отличившихся полков и военных кораблей высочайшими портретами. Они специально заказывались известным художникам, причем император изображался на этих картинах обязательно в форме данного полка. В царствование Николая II такие парадные портреты дарились уже не только российским, но и иностранным полкам — большей частью германским. Например, портреты были пожалованы Гусарскому имени его величества полку в Падеборне (1896 г.), Прусскому гвардейскому гренадерскому имени Александра III полку (1897 г.), Великобританскому Шотландскому Драгунскому полку (1899), Баварскому легко-конному полку (1901 г.)²⁵⁸.

Частным лицам обычно жаловались фотографии. На аудиенцию приглашался фотограф, который делал групповой фотопортрет с императором. Так же происходило и во время высочайших посещений воинских частей, кораблей и разного рода учреждений, в ходе которых фотографирование с императором было обязательной составляющей официальной части встречи. Затем копии фотографии заказывались по количеству присутствующих в кадре и вручались им как памятный сувенир. Дела об этом также вела Канцелярия МИДв, но не как текущие архивные, а в качестве отдельных дел по каждому конкретному поводу.

Некоторые из новых форм личной репрезентации Николая II рассмотрел Р. Уортман²⁵⁹, но большая их часть осталась вне его внимания. Одной из таких форм стали юбилейные кружки. Это — редкий пример отказа от установленных цензурных правил, вводимого посте-

пенно, но на постоянной основе (а не кратковременного, как в случае с «франко-русскими предметами», которые, напомним, разрешались к обращению в стране на полгода в 1896 г. и 1902 г.)²⁶⁰. Первый подобный опыт был, как водится, неудачен и представил собой весьма странный пример синтеза традиционных массовых и новых личных форм репрезентации. Имеется в виду известная попытка организовать на коронационных торжествах в Москве в мае 1896 г. массовую раздачу бесплатных сувенирных кружек. Эта масштабная (было заказано около 400 000 кружек) и тщательно планируемая (проекты кружек были утверждены министром двора еще в сентябре 1895 г.) акция закончилась, тем не менее, финансовым скандалом и судебными разбирательствами: фирма-заказчик не смогла договориться с фирмой-изготовителем²⁶¹. Свою лепту внесла и Ходынская катастрофа — и в итоге огромная часть сувенирных кружек осталась нереализованной. Чтобы снизить убытки, было решено выпустить кружки в продажу (что ранее никак не допускалось), однако из-за высокой цены расходились они плохо. Дело получило огласку и было с трудом замято.

Вскоре был найден адекватный вариант замены этого проекта — уже вполне в духе новых, индивидуальных, подходов к репрезентации Верховной власти. Речь идет о юбилейных кружках с портретом императорской четы, подносимых в подарок чинам определенных полков, в дни полковых юбилеев. Такие юбилейные кружки изготавливались из фарфора, большей частью одними и теми же производителями — Товариществами М. С. Кузнецова (Рига) и И. Е. Кузнецова (Чудово Новгородской губернии). Все эскизы подобных кружек утверждались командиром данного полка, а количество изготовленных экземпляров не должно было превышать количество его чинов. Разумеется, подобные кружки считались ценными сувенирами и, как и раньше, не могли поступать в продажу. Дарение юбилейных кружек производилось несколько раз: в 1896 г. — чинам Л.-Гв. Егерского полка; в 1897 г. — чинам Л.-Гв. Московского полка²⁶²; в 1898 г. — чинам Кинбурнского драгунского²⁶³, Л.-Гв. Гродненского Гусарского²⁶⁴ и Кавалергардского е.в. государины императрицы Марии Федоровны полков²⁶⁵. В мае 1909 г. императрица впервые утвердила для помещения на юбилейных кружках портрет наследника цесаревича (для 1-го Уманского полка Кубанского казачьего войска).

Ситуация в этом вопросе радикально изменилась с началом Мировой войны. Уже 19 августа 1914 г. колпинскому мещанину Цереру, «ввиду военного времени и в виде исключения»²⁶⁶, было впервые офи-

циально разрешено не только производить, но и продавать жестяные бокалы с портретом наследника (дозволение такого рода всегда давала исключительно лично императрица). В предреволюционные годы придворной цензурой был разрешен к выпуску еще целый ряд изделий с портретами особ императорской фамилии, предназначенных для продажи населению, пропуск которых раньше был бы немислим. В продажу поступили: металлические шкатулки и жестяные коробки для конфет, фарфоровые и стеклянные стаканы, кувшины и вазы, настенные клеенки и платки (конечно, не носовые), портсигары и даже швейные машинки [! — С. Г.] с высочайшими портретами²⁶⁷. Фактический отказ от одного из важнейших, идеологически обусловленных цензурных правил, несомненно, не мог произойти без сильнейшего потрясения, которым стала для носителей Верховной власти начавшаяся война.

8.2. Почтовые марки с портретами императоров

Нельзя не упомянуть и еще один любопытный казус, имевший место в последние годы существования придворной цензуры, — дело о выпуске юбилейных почтовых марок. 1 января 1913 г., в честь предстоящего празднования 300-летия Дома Романовых, была выпущена серия российских почтовых марок разного номинала с изображениями императоров, начиная с Петра I. Однако вскоре из разных концов Империи в Министерство двора начали поступать прошения монархически настроенных чиновников, протестующих против подобного, как они считали, глумления над высочайшими особами. Так, в групповом рапорте почтово-телеграфных чиновников из Саратова от 15 января того же года говорилось: «Как и всякие почтовые марки — эти марки также подлежат погашению штемпелем. Но это штемпелевание, допускаемое к маркам с изображением Государей уже в Бозе почившим... вызывает в нас чувство сердечной боли в отношении марок с изображением ныне благополучно царствующего горячо любимого Государя Императора. Врожденное чувство высшего почитания Монарха угнетается в нас при операции наложения на Его изображение почтового штемпеля, каковое изменяет вид этого, Священного для каждого русского душою человека, изображение»²⁶⁸. Им вторил почтовый чиновник из Бессарабии З. М. Эрлих: «Сердце обливается кровью при виде этих марок... от всех слышен один и тот же вопрос: "Как это разрешают запачкать жирною краскою..."». Приходили и анонимки. В одной из них, подписанной просто — «Патриот», эмоционально восклицалось:

«Доложите же Государю, как Его Образы обязательно подвергаются тягчайшему оскорблению на почтовых марках, равно и лики Царствовавших Предков Его... Что за безобразие происходит!»²⁶⁹.

Через некоторое время в Министерство двора начали обращаться и по неофициальным каналам. Некто А. Н. Косич в частном письме начальнику Главного управления уделов князю В. С. Кочубею замечал: «Получая из провинции письма со штемпелями, наложенными на марки, при известной этике меня это смущает, тем более при общей у нас разрухе [это в 1913-то году! Впрочем, можно предположить, что такой взгляд был вполне типичен для тогдашней интеллигенции — С. Г.] это, — по меньшей мере неудобно»²⁷⁰. Наконец, в конце января поднялся шквал гневных статей в правой прессе, и дальше молчать Министерство не могло. К этому же времени (конец января 1913 г.) относится «Записка для памяти», составленная делопроизводителем Канцелярии МИДв Н. И. Оприцем для министра двора, в которой все высказанные точки зрения были сведены воедино: «Соображения, по которым появление подобных марок [является] недопустимым, сводится к тому, что Царские портреты будут отправляться на языки гг. почтальонов и обывателей, пристукиваться кулаками и клеймиться почтовыми штемпелями. Под портретами помещены двусмысленные надписи: 7 коп. под портретом Государя Императора: распечатанные конверты с марками, где изображены Высокие Особы, будут валяться на полу и топтаться ногами... Приводимое в оправдание появления означенных марок указание на то, что и за границу имеются в обращении подобные же почтовые марки с портретами иностранных Государей и правителей — представляется... неубедительным, ибо в России это не вяжется с народными понятиями о Царственных Особах и о почитании изображений Высочайших Особ, чтимых народом, как священные изображения»²⁷¹.

Для выяснения причин, по которым проект марок в свое время не был согласован с МИДв, тогдашнему управляющему МВД Н. А. Маклакову был послан официальный запрос. В ответе сообщалось, что, согласно действующему порядку, марки приравняются к государственным ценным бумагам, а «изделия Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг, на коих помещаются изображения Высочайших Особ, как например, на кредитных билетах, на цензуру МИДв названной экспедицией не представляются, а испрашивается в каждом случае Высочайшее соизволение Министром Финансов... В данном случае Высочайшее соизволение испрошено было... Министром Внутренних Дел Столыпиным, которым был повергнут на

Высочайшее благоволение принципиальный вопрос, о допущении отпечатания портрета Его Величества на марках»²⁷². При этом, как отмечалось, император лично выбрал и утвердил каждый портрет из представленных. Тем не менее, по последовавшему всеподданнейшему докладу В. Б. Фредерикса, в этом же 1913 г. марки с портретами были изъяты из обращения. Так закончился этот интереснейший проект — вероятно, последняя попытка введения новых форм репрезентации образа Верховной власти в российской истории.

8.3. Верховная власть и фотографии: упорядочивание отношений

К началу XX в. фотография стала в России массовой. С появлением переносных камер появились и первые фоторепортеры, снимающие публичные торжества. А поскольку зачастую такие события проходили «в Высочайшем присутствии», в Канцелярию МИДв начало поступать множество прошений властей разных уровней и самих фотографов о разрешении на такие съемки. Перед придворной цензурой встал вопрос об упорядочении выдачи разрешений. Отметим, что до этого никакого официально установленного порядка не существовало, поскольку обращения за разрешениями были относительно редки. В июле 1900 г. в Канцелярии МИДв были составлены «Правила по выдаче разрешений фотографам, желающим воспроизводить снимки Высочайших Особ по разным случаям»²⁷³. После согласования со всеми затронутыми ведомствами Правила были утверждены министром двора и 15 сентября 1900 г. вступили в законную силу.

Согласно этим Правилам, в ведении МИДв осталась выдача разрешений на съемку только в императорских дворцах, садах при них и других местностях, подведомственных МИДв (например, к ним относился город Царское Село), а также на императорских охотах и в помещениях временного пребывания царской семьи. Причем выдавать эти допуски теперь должна была не Канцелярия, а начальники соответствующих дворцовых управлений. Разрешения на съемки «в Высочайшем присутствии» на войсковых маневрах, смотрах и учениях выдавались штабами военных округов. Право выдачи разрешений на такие съемки на улицах столиц и больших городов отныне передавалось местным властям: в Петербурге — градоначальнику, в Москве — обер-полицмейстеру, в прочих городах — губернаторам. Перед выдачей пропуска все указанные органы власти должны были установить личность фотографов

и степень их благонадежности в местной полиции, а затем, в случае положительного отзыва, снести с дворцовым комендантом — «на предмет выяснения, не встречается ли препятствий со стороны охраны Его Величества». В выданном после столь длительной бюрократической переписки документе имелась обязательная оговорка, что съемка будет возможна, только «если к тому не встретится препятствий со стороны чинов охраны и лиц, заведующих Дворами Высочайших Особ, которые желает снять фотограф». Следует отметить, что постоянных разрешений на любые съемки «в Высочайшем присутствии» не предусматривалось: перед каждым конкретным событием требовалось получить новое дозволение.

Новые Правила существенно разгрузили Канцелярию МИДв, позволив ей сосредоточиться на рассмотрении результатов таких съемок. Ведь данные Правила отнюдь не отменяли статьи 73 Устава о цензуре: все отснятые материалы по-прежнему должны были представляться на цензуру МИДв. Главное же — Правила сняли с ее руководителей всякую ответственность за любые возможные эксцессы с фотографами на местах. Например, хотя при высочайших путешествиях место расположения фотографов указывала дворцовая полиция, но выдача «пропускных билетов» в эти особые зоны лежала исключительно на Канцелярии местного губернатора. Таким образом, отныне все «ненадлежащие» прошения фотографов, продолжающие «по инерции» приходить в МИДв, просто отсылались по принадлежности.

8.4. Верховная власть и кинематограф

Важнейшим средством репрезентации Верховной власти в царствование Николая II стали кинофильмы с участием высочайших особ. Кинематограф проник в Россию практически сразу после его изобретения братьями Люмьер: киносъемка коронационных торжеств в Москве в мае 1896 г. вошла в историю как первая в мире киносъемка политической хроники (и вторая в истории киносъемка массового мероприятия — после съемки Фотографического Съезда в Париже, в том же году)²⁷⁴. Ее вели сразу несколько французских операторов²⁷⁵. В 1896–1897 г. снятые на коронации фильмы неоднократно демонстрировались в Павловском вокзале и различных летних театрах. Николай II, всегда интересовавшийся техническими новшествами, не мог обойти вниманием и кинематограф: в июле 1897 г. в Царском Селе был устроен высочайший киносеанс, где царская семья

с изумлением наблюдала картины недавней коронации. Видимо, впечатление было очень сильным, поскольку устроители показа (сами и отснявшие этот фильм) — Е. Матье, Ж. Прадин и А. П. Горлов-Карнинский — были удостоены небывалой награды: каждый получил по перстню с бриллиантами²⁷⁶.

Каждый раз разрешение прокатчикам на единичный показ выдавалось МИДв. Уже с этих первых демонстраций начали вырабатываться цензурные условия для подобных киносеансов. Однако вид обязательного к исполнению ряда четких правил эти условия получили только в сентябре 1898 г. Поводом стали демонстрации новых «киносликов» — высочайшего выхода с Красного крыльца и шествия церковной процессии в Успенский собор, снятые в Москве в августе 1898 г. По появившейся в Канцелярии МИДв информации, эти картины повсеместно «показываются подряд с другими картинами, иногда комического (бранящийся городской — картина эта единственная, которая всегда биссируется публикой) или легкого (танцующая балерина) содержания, и при том сопровождаются непрерывною игрою маршей или вальсов военным оркестром»²⁷⁷. В «Записке для памяти», составленной по этому поводу делопроизводителем II отделения Н. И. Оприцем, отмечалось, что эти картины ранее не представлялись на цензуру МИДв. Между тем, в одной из них в числе прочих высочайших особ «шествует, опираясь на палку», престарелая великая княгиня Александра Петровна — что могло, по мнению Н. И. Оприца, вызвать «нежелательные в публике рассуждения». Ввиду этого в записке предлагалось запретить к дальнейшему показу этот фильм. Тогдашний и.д. заведующего Канцелярии МИДв, генерал-майор К. Н. Рыдзевский, оставил на этом документе любопытную резолюцию: «Изъять невозможно, т. к. изображение исторически верно»²⁷⁸, — явив тем самым, думается, редкий в чиновничьем мире пример объективности и здравомыслия. Что же касается мер к «недопущению игнорирования» цензуры МИДв в дальнейшем, то они были приняты.

28 сентября 1898 г. отношением МВД № 6600 в России была официально введена обязательная предварительная придворная цензура кинофильмов с участием высочайших особ и утверждены правила подобных показов: «Демонстрирование упомянутых картин должно происходить не под музыку и каждый раз в особом отделении программы, после некоторого промежутка, не в связи и не вперемешку с показыванием остальных видов, т. е. чтобы перед началом появления картины того или другого события опускалась занавесь, затем показывались

бы одни лишь эпизоды этого события, после чего опять опускалась бы занавесь. В тех же случаях, когда синематографом будут демонстрируемы в общественных залах — является необходимым, чтобы показывание упомянутых картин отделялось бы некоторым антрактом от воспроизведения картин другого содержания»²⁷⁹. Начиная с этого времени цензура кинолент стала еще одним видом текущих архивных дел Канцелярии МИДв. 15 июня 1902 г., по докладу министра двора, последовало высочайшее повеление, дополнившее эти правила разграничением областей компетенции: «Разрешение снимков различных торжеств с изображениями Августейших Особ предоставить Министру Императорского Двора, а картины не официального характера не разрешать без Высочайшего указания»²⁸⁰. Наконец, еще через несколько лет правила демонстрации подобных кинофильмов были дополнены еще одним, последним пунктом: с целью избежания иногда возникающего по техническим причинам ускоренного движения высочайших особ на экране (что могло, по мнению руководителей придворной цензуры, вызывать нежелательный смех у публики), было предписано демонстрировать такие ленты только вручную.

Документальные фильмы с участием особ императорской фамилии, снимаемые тогда в России, были четырех жанров: военные парады и маневры в высочайшем присутствии; церковные шествия; встречи высоких визитеров из-за границы; высочайшие приезды и отъезды. Все снятые ленты отправлялись на проявку за границу — фирме-изготовителю (чаще всего это были французские фирмы «Патэ» и «Гомон»). Затем они поступали в страну уже в готовом к демонстрации виде и предоставлялись представительствами этих зарубежных фирм в наем частным прокатчикам — держателям кинематографов (часто в комплекте с проекционным оборудованием). Эти частные прокатчики и должны были получать в Канцелярии МИДв разрешения на демонстрацию каждого такого фильма. Большого разнообразия на этом рынке не было: в год выходило всего несколько фильмов с участием особ императорской фамилии, и потому они в прошениях часто повторялись. Тем не менее, разрешение каждый раз оформлялось вновь.

Механизм получения разрешения на демонстрацию таких кинолент был следующим. На основании поступившего в Канцелярию прошения в кинематограф командировался один из младших чинов придворной цензуры (позднее — чиновник для особых поручений, из числа прикрепленных к Канцелярии МИДв). Он осматривал представленные картины и на основании своего впечатления делал

заключение о желательности, или нежелательности, выдачи разрешения на их демонстрацию. Типовой положительный отзыв гласил: «Ничего предосудительного, с точки зрения цензуры, или некрасивого для глаза, по отношению к Высочайшим Особам, не замечено ни в одной из осмотренных картин»²⁸¹. Содержание фильмов почти всегда признавалось вполне удовлетворительным: изменения в основном касались неточных или вовсе неверных названий эпизодов.

Примеров запретов выявлено немного. Например, в 1902 г. не пропустили ленту, на которой Николай II вместе с князем Имеретинским принимал депутацию польских крестьян (вначале хотели просто удалить из названия фильма слово «польских», но затем решили перестраховаться)²⁸². В 1905 г. по неустановленным причинам была признана нежелательной демонстрация лент, где император благословляет войска, отправляющиеся на войну²⁸³. В другом случае, в 1908 г., не разрешили к распространению фильм, снятый в Ливадии на борту императорской яхты «Штандарт»: императорская семья вместе со свитой пробует матросскую пищу, а затем раздается традиционный морской сигнал «к вину». Н. И. Оприц счел, что у публики эта картина «может возбудить неуместные замечания и дать повод лицам, недоброжелательно настроенным в политическом отношении, к превратным толкованиям (в особенности в той части, где изображается питье матросами “Штандарта” их винной порции)»²⁸⁴.

Смотреть «кинематографические спектакли» было любимым делом императорской семьи²⁸⁵. Киносеансы проводились во время визитов зарубежных высоких гостей, в присутствии других членов династии, и в кругу семьи. Кинопоказы устраивались в Царском Селе, Петергофе, Ливадии, Спале — там, где царская семья находилась подолгу²⁸⁶. Производители фильмов всеми силами старались добиться разрешения на киносеанс «в Высочайшем присутствии», — чтобы потом это можно было указать на афишах. Провести «кинематографический спектакль» им разрешали, а использовать эту информацию в рекламных целях — нет. Придворная цензура неизменно следовала своему принципу — высочайшее имя не может быть средством привлечения прибыли.

8.5. Б. А. Матушевский — первый придворный киномеханик

Первый опыт Верховной власти по обзаведению собственным киномехаником был не совсем удачен. Фотограф Болеслав Александрович Матушевский, владевший сетью ателье в Варшаве и в Париже, летом

и осенью 1897 г. провел ряд кино- и фотосъемок императора во время его пребывания в Спале (Беловежская Пуща). Всего, по данным В. П. Магидова, современного исследователя деятельности Б. А. Матушевского, тогда было проведено 16 киносъемок и 8 фотосессий²⁸⁷. Тогда же Матушевский дважды устраивал царской семье «демонстрации движущихся фотографий» — за что и удостоился официальной высочайшей благодарности. В 1899 г., во время визита Николая II к родственникам жены в Германию, Матушевский провел еще один кинопоказ «в Высочайшем присутствии» в Дармштадте (правда, он прошел с техническими накладками: на докладе в этом месте имеется ремарка рукой тогдашнего руководителя Канцелярии МИДв К. Н. Рыздзевского — «оскандалился»)²⁸⁸. В Германии Матушевский поднес императору фотографии, сделанные им в Петербурге во время последних визитов в Россию германского императора и французского президента, за что удостоился высочайшего подарка на 275 рублей. Казалось бы, история завершилась благополучно. Но на самом деле это было только начало.

Подарок не устроил Матушевского, и в ноябре того же 1899 г. он обратился в МИДв (через российского посла в Париже) с ходатайством о возмещении всех своих расходов, понесенных им во время путешествий в Спалу, Дармштадт и Ливадию — он, оказывается, осенью 1898 г. еще раз приезжал из Парижа в Крым показывать кино царю, но опоздал: императорская семья уже отбыла в Петербург. Теперь Матушевский желал получить за все деньги. Министерство двора столкнулось с небывалой ситуацией: подобных претензий к российскому самодержцу раньше никто не предъявлял. Возмущенный К. Н. Рыздзевский потребовал срочно выяснить, давались ли этому фотографу какие-нибудь заказы или поручения о фотоработах, эмоционально приписав в конце резолюции: «Надо этого еврейчика отвадить раз навсегда»²⁸⁹. Запрос в Канцелярию дворцового коменданта выяснил, что означенный Матушевский в качестве фотографа в высочайшие путешествия никогда не приглашался, никаких заказов от двора ему делано не было, и все свои вояжи по Европе он делал за свой счет и «по своим личным видам». В российское посольство во Франции ушла бумага от министра двора, объявляющая на этом основании претензию Матушевского «совершенно лишенной основания».

В ответ от Матушевского через месяц пришло новое прошение, к которому прилагались фотокопии телеграмм, которыми его вызывали на киносеансы при дворе. В делах МИДв не нашлось ориги-

налов этих документов, и получалось, что ситуация двойственная. Перед руководством Министерства встал вопрос: действительно ли фотографа приглашали демонстрировать фильмы, или же он сам выступал инициатором этих кинопоказов? Если он вызывался из МИДв (независимо от его просьбы) — то его претензии совершенно обоснованы, если ехал на свой страх и риск («из личных соображений получить Высшую награду Высочайшего одобрения или из выгоды приобрести известность и затем продавать снимки другим кинематографам»)²⁹⁰ — то нет.

Вскоре хлопот с Матушевским прибавилось. В марте 1900 г. в МИДв пришел официальный запрос из Министерства иностранных дел: германский посол сообщил, что Матушевский обратился в Прусское Министерство двора со своими услугами, представившись при этом фотографом российского «Высочайшего двора». Посол решил проверить эту информацию. Конечно, ему ответили, что она не соответствует действительности — Матушевский никогда не имел статуса придворного фотографа. Неясно, взяли ли его тогда в Пруссии «на работу» (вероятнее, что нет), но зато достоверно известно, что в 1902 г., когда в Нидерландах он сотрудничал с Оранско-Нассауским Королевским Домом, то в документах по-прежнему продолжал именовать себя «фотографом е.и.в. Николая II». Еще через некоторое время появилась информация, что в вышедшей недавно во Франции книге Матушевского о кино он выказывает себя как лицо, «весьма приближенное» к российскому императору, что, конечно, было неправдой. Стало ясно, что от пронырливого фотографа лучше откупиться.

После длительной переписки внутри Министерства и консультации со специалистом (им стал французский оператор Е. Матье, снимавший коронацию 1896 г.) в начале января 1901 г. решено было, «не признавая права Матушевского на получение вознаграждения доказанным, но принимая в внимание его бедственное положение», выдать ему 2 200 рублей (потом император лично пожелал уменьшить эту сумму до 2 000). В обмен на деньги российскому послу в Париже предлагалось взять с Матушевского подписку об отказе от дальнейших домогательств. Но фотограф уже почувствовал близкую победу и, что называется, «закусил удила»: любые подписки он дать отказался и прислал новое письмо, в котором издевательски заявил, что предложенная ему сумма, «удивляя его своей незначительностью», была, вероятно, назначена без ведома министра двора. Четыре месяца держался этот настойчивый человек и только

в конце апреля 1901 г. наконец сдался, подписав требуемую расписку и взяв 2 000 рублей²⁹¹ (о том, как ждали этого события в МИДв, говорит хотя бы тот факт, что для этого документа было выделено отдельное архивное дело, состоящее из двух листов)^{**}. История с Матушевским показала руководству Министерства двора, что фотография — не забава, а один из новых видов бизнеса, и что финансовые отношения с фотографами следует строить только на четко оговоренных условиях. Этому правилу Министерство и старалось следовать в дальнейшем.

Справедливости ради следует отметить, что Б. А. Матушевский остался в истории мировой кинематографии совсем не в связи с сюжетом о «царских» съемках. В 1898–1899 гг. фотограф выпустил в Париже на французском языке две книги, ставшие в Европе знаменитыми, — «Новый источник истории» и «Живая фотография. Чем она является и чем она должна стать». За два года они выдержали несколько изданий и создали Матушевскому славу (вполне, впрочем, заслуженную) первого в мире теоретика этого нового вида искусства. Именно Б. А. Матушевский первым предсказал и научно обосновал огромное будущее кино как инструмента научного познания. Утверждая, что «важно не только снять на пленку событие, но и сохранить киноизображение для истории»²⁹², он стал родоначальником изучения кинофото документов как нового вида исторических источников и объектов архивного хранения — благодаря чему и занял достойное место в мировом кинопантеоне.

8.6. Первые придворные фотографы — С. А. Левицкий и А. А. Насветевич

Российские императоры любили фотографироваться. Многие известные фотографы в 1860–1890 гг. снимали их отдельно и с семьями: достаточно назвать имена Г. И. Денъера, А. А. Пазетти, К. И. Бергамаско, Л. Городецкого, Д. Асикритова. Фотопортреты, выполненные ими, отличались высоким качеством работы и художественным вкусом.

^{**} Вероятно, современному читателю эта история с Матушевским может напомнить другую, недавнюю тяжбу Российской Федерации со швейцарской фирмой «Нога». Правда, у Матушевского не было возможности арестовывать российское имущество за рубежом, а то он бы, наверное, пошел и на это. Характерно, что финалы у этих дел тоже похожи...

Фотографии прекрасно сохранились до наших дней, и это не удивительно: ведь многие из фотографов той эпохи имели художественное образование — например, Г. Деньер учился в Академии художеств. Все они работали в основном в своих ателье и не являлись придворными фотографами — они лишь выполняли разовые царские заказы. Первым придворным фотографом, постоянно работавшим с императорскими семьями, стал **Сергей Львович Левицкий**. Возвратившись в Россию в 1867 г. после долгой жизни за границей, он открыл в столице фотоателье и вскоре стал признанным мастером, востребованным и при дворе. Именно С. Л. Левицкий является автором многих известных парадных фотопортретов императоров Александра II, Александра III и Николая II, которые многократно публиковались и тиражировались самыми различными способами и хорошо известны нам сегодня. Вклад С. Л. Левицкого в репрезентацию образа Верховной власти велик и неоспорим. После смерти фотографа в 1898 г. дело продолжил сын Л. С. Левицкий, но с гораздо меньшим успехом: в силу неизвестных причин вскоре он потерял доверие руководства МИДв и сотрудничество с ним было прекращено.

В царствование Николая II был и один фотолюбитель, который вполне мог бы претендовать на звание придворного фотографа, — генерал-майор **Александр Александрович Насветевич**. Флигель-адъютант Александра II (крестившего когда-то сына Насветевича), он полжизни провел близ двора. Насветевич обучал фехтованию своего тезку — будущего Александра III, с которым с тех пор его связала искренняя и многолетняя дружба. Будущему Николаю II он был известен с раннего детства, и потому, когда А. А. Насветевич увлекся фотографией, то получил возможность, в обход существующих правил, фотографировать императора на любых выездных мероприятиях, не оформляя каждый раз новое разрешение. На протяжении многих лет он снимал военные парады и празднества «в Высочайшем присутствии» — в столице, и во время царских вояжей. Каждый раз Насветевич затем аккуратно составлял очередной фотоальбом и подносил его императору, к которому всегда имел беспрепятственный доступ. В первые годы оплата делалась по количеству предоставленных фотографом снимков, но с июня 1897 г., по высочайшему повелению²⁹³, Насветевичу стали просто выплачивать в год по 2 500 рублей за все его фотоработы, без счета — вероятно, император хотел так проявить уважение к старому другу его отца.

Следует отметить, что деятельность А. А. Насветевича не имела большого значения для репрезентации образа Верховной власти: он

снимал императора только «на выезде», и сделанные им снимки не предназначались для публикации и распространения. Они «оседали» в личной библиотеке Николая II. Кроме того, фотографии Насветевича всегда оставались работами фотолюбителя и не могли создать реальную конкуренцию работам мастеров. Эти снимки были, к сожалению, весьма низкого качества: фигуры людей мелкие (снимал издалека), композиция не продумана (многие сняты со спины), плохая обработка снимков при печати (выцвели от времени). Таким образом, А. А. Насветевич никак не мог претендовать на роль подлинного придворного фотографа.

8.7. А. К. Ягельский, фотограф его величества

После смерти С. Л. Левицкого место придворного фотографа оказалось вакантно, и этим в полной мере воспользовалось другое лицо. Его имя — **Александр Карлович Ягельский**. Фигура А. К. Ягельского при дворе — своего рода феномен; его роль в области репрезентации Верховной власти в царствование императора Николая II трудно переоценить, и потому на этом персонаже следует остановиться подробнее.

А. К. Ягельский приехал в столицу из Варшавы в конце 1880-х гг. Причины этого переезда неизвестны. В 1891 г. Ягельский открывает в Царском Селе фотоателье на паях с некой К. Е. Якобсон, женой помощника старшего инженера-механика — урожденной фон Ган. Новая фирма получила название «К. Е. фон Ган и К^о» — по имени компаньонки. В августе 1897 г. совладелец ателье вместо К. Е. Якобсон стала вдова титулярного советника В. Заельская²⁹⁴. С этого момента следы обеих дам теряются, но для изучаемой темы это и не важно: с самого начала, как можно предположить, их роль была сугубо номинальной. Всеми делами фирмы управлял А. К. Ягельский, отныне и навсегда скромно скрывшийся за маркой «К. Е. фон Ган и К^о». Помогал ему в то время брат И. К. Ягельский (позднее он отделился, начал собственное дело и весьма преуспел в нем — завел в Петербурге два своих фотоателье).

Первый обнаруженный документ, упоминающий Ягельского, датирован 19 апреля 1895 г. В этот день из Канцелярии министра двора столичному градоначальнику ушел запрос — не будет ли с его стороны затруднений к разрешению царскосельскому фотографу А. К. Ягельскому делать съемку парадов и других городских торжеств в присут-

ствии императора? Затруднений не последовало, и пропуск фотографу был выдан. Обращает на себя внимание одна деталь: пропуск Ягельскому был выписан в тот же день, 19 апреля, — до ответа на посланный запрос, и даже за день до даты, стоящей на его прошении!²⁹⁵ Можно заключить, что тогдашний руководитель Канцелярии В. С. Кривенко настолько хорошо знал просителя, что совершенно не сомневался в положительном результате запроса. Впрочем, не все прошения Ягельского тогда удовлетворялись. Так, в марте 1896 г. Департамент полиции обратился в Петербургское губернское жандармское управление с просьбой собрать сведения «о личных сношениях и степени политической неблагонадежности» братьев Ягельских, в связи с их прошением о допуске к фотосъемке предстоящей коронации. Несмотря на положительный отзыв жандармского управления, Департамент полиции по неизвестным причинам тогда отказал Ягельскому²⁹⁶. Коронационные торжества запечатлели другие...

Неизвестно, какими путями и когда Ягельский вошел в доверие Николая II и Александры Федоровны. Так или иначе, но с 1896 г. он постоянно начал фотографировать императора и членов его семьи. Будучи, судя по всему, человеком с ярко выраженной деловой хваткой, он с самого начала регистрировал на каждый подобный снимок право исключительной художественной собственности и при необходимости его жестко отстаивал. Как это происходило на практике, показывает следующий случай. В декабре 1898 г. один из редакторов газеты «Новое время» К. С. Тычинкин обратился в Канцелярию МИДв с прошением. В нем говорилось, что газета в марте того же года опубликовала фотографии великих княгинь Ольги и Татьяны, без указания на автора (им был А. К. Ягельский). Тычинкин подчеркивал, что он «никак не мог предполагать, что изображения Особ Государевой Семьи могут подлежать чьей-то монополии и составляют чью-либо исключительную собственность в полном смысле этого слова»²⁹⁷. Этот конфликт, по мнению Тычинкина, мог быть решен по первому заявлению автора, однако этого не произошло. Через несколько месяцев А. С. Суворин, издатель и владелец газеты, получил вызов к судебному следователю по иску Ягельского — «по обвинению его [Суворина] в присвоении чужой художественной собственности». Обратившись к Ягельскому за разъяснениями, Тычинкин понял, что претензии фотографа — «исключительно денежного свойства»: в виде компенсации он запросил 6000 рублей. Позднее Ягельский снизил сумму отступного сначала до 3000 рублей, затем и до 800 рублей, — однако А. С. Суворин, желая

выяснить вопрос с принципиальной стороны, не пожелал входить с ним ни в какие соглашения. Далее Тычинкин вполне резонно указал на разные, по его мнению, рынки сбыта с Ягельским: «Недобросовестность претензий Ягельского едва ли требует доказательства... В продаже его фотографии по 2 рубля... Бедные люди за фотографии этих цен не платят, а людям со средствами в голову не придет вырезать тусклый, как все газетные оттиски, отпечаток на тонкой бумаге»²⁹⁸.

Весьма интересно описание газетной практики того времени в отношении публикации портретов особ императорской фамилии, данное тем же Тычинкиным: «Помещая портреты Высочайших Особ, мы совершенно простым путем всегда и без всяких задержек получали их от фотографов Левицкого, Пазетти и проч., последний раз от Городецкого... и печатали их; одни отказывались при этом от всякой платы, а г. Городецкий предлагал уплатить ему 2 рубля — цену, взимаемую за эти карточки магазинами. Вот как оценивается самими же фотографами значение для них помещения карточки в газете»²⁹⁹. Но вернемся к делу Ягельского. Проситель желал получить разъяснения, и он их получил. Канцелярия сделала запрос в Академию художеств, где хранилась вся документация по авторским правам, и получила ответ, что, действительно, фирма Ягельского несколько раз, в 1896–1897 гг., регистрировала свои права по всей форме, в том числе и на означенный снимок. Стало быть, Ягельский формально прав, и дело должно подлежать решению суда, если стороны не придут к обоюдному согласию. От себя вице-президент Академии художеств граф И. И. Толстой добавил, что «претензии фотографа чрезмерны и носят несколько шантажный характер»³⁰¹, а потому желательно воздействовать на Ягельского, чтобы он умерил свои притязания. В этом же духе и был дан ответ газете «Новое время». Чем закончилось это дело, не известно. В дальнейшем оформлять право исключительной художественной собственности на свои работы Ягельскому стало не нужно: на страже его собственности встало Министерство двора.

Фирма «Фотограф Двора Его Величества К. Е. фон Ган и К^о» (таким было ее полное название) сразу начала работать только на императорский двор, поэтому она даже не упоминалась в разделе фотографов справочного издания «Весь Петербург» за 1896–1917 гг. Свою задачу Ягельский видел в том, чтобы «запечатлеть важнейшие моменты, происходящие в Высочайшем присутствии, где бы они не происходили, здесь или за границей...»³⁰¹. Ягельский делал не только парадные портреты императорской семьи, как придворные фотогра-

фы прошлого. На протяжении более шестнадцати лет он находился рядом с императором, снимая на фото- и кинопленку самые разные сюжеты с его участием — не только в официальной обстановке, но и в минуты отдыха и развлечений. Он фотографировал смотры войск «в Высочайшем присутствии» в пригородах столицы, присутствовал на встречах Николая II с главами государств и официальными делегациями, во время Мировой войны снимал императора в Ставке и на фронте. Он сопровождал царскую чету в путешествиях по балтийским шхерам на яхте «Штандарт» и в заграничных поездках и даже жил вместе с ней в Крыму, где рядом с новым Ливадийским дворцом в 1911 г. для него была оборудована фотолаборатория. В ней он учил царских детей фотоделу...

Со временем Ягельский вошел в ближний круг императора, куда допускались очень и очень немногие. Доверие Николая II и членов его семьи к своему фотографу было поистине безграничным: Ягельский был постоянным свидетелем самых сокровенных моментов их частной жизни — того, что всегда тщательно скрывалось от всех, кто в этот круг не входил. Надо сказать, что Ягельский не обманул царское доверие: насколько известно, он никогда не пытался предать огласке то, чему был очевидцем, не давал интервью и не оставил мемуаров. Не обнаружено и ни одного свидетельства его попыток влияния на императора — в противном случае об этом сразу бы стало известно при дворе. Вероятно, Ягельский вообще не затрагивал в беседах с императором политических вопросов. Он всегда был просто милым человеком и приятным собеседником — а это, как известно, Николай II ценил в людях больше всего.

Механизм взаимодействия Ягельского с придворной цензурой был следующим. После каждой фотосессии он представлял в Канцелярию МИДв контрольные отпечатки всех снимков в зеркальном изображении, изготовленные контактным способом. Начальник Канцелярии МИДв А. А. Мосолов просматривал снимки и наиболее удачные передавал на рассмотрение императорской четы. Они отбирали достойные фотографии, которые затем и передавались Ягельскому в работу. Готовые фотографии обычно наклеивались на паспорт с фирменным знаком ателье. Они хранились в царских альбомах, публиковались в официальных изданиях, тиражировались для тех лиц из окружения императора, которые были изображены на конкретных снимках. Кроме фотографий, Ягельский снимал и кинофильмы с участием Николая II и его близких. Первая такая лента была сделана в 1900 г. Та-

ким образом, именно А. К. Ягельского, а не А. О. Дранкова, следует считать создателем первого российского кинофильма. Правда, нужно оговориться, что фильмы Ягельского были документальными, первый же игровой, художественный, фильм — «Понизовая вольница» — без сомнения, снял Дранков в 1908 г. А. К. Ягельский же первым в России наладил регулярные съемки и открыл первую отечественную кинофабрику, начав производство позитивных копий для проката. Он стал владельцем и первого в стране киноархива. Стоили услуги Ягельского, надо сказать, недешево: например, один показ в марте 1903 г., проведенный в Белом зале Императорского Зимнего дворца в присутствии наследного германского принца, обошелся императору в 350 рублей³⁰². Для примера: одна стандартная фотография в исполнении Ягельского, сделанная на платиновой бумаге, оценивалась им в 10 рублей.

Оплата работ, выполняемых Ягельским, складывалась из трех статей. Кабинет е.и.в. оплачивал из Собственных е.и.в. расходов заказанные императором фотографии и устраиваемые при дворе киносеансы. Канцелярия е.в. государыни императрицы Александры Федоровны отдельно оплачивала заказанные ею семейные и детские фотографии. Суммы, полученные фирмой «Фотограф Двора Его Величества К. Е. фон Ган и К^о» из МИДв, огромны. Они сведены в таблицу 11.

Как можно заметить, суммы, полученные фирмой от императорской семьи (а значит, и объем проведенных фоторабот), постоянно возрастали на протяжении всего изученного периода. Количество официальных фотографий (предназначенных для дарения и оплачиваемых Николаем II) увеличивалось в спокойные годы, насыщенные различными юбилейными празднествами и приемами делегаций (1902–1903, 1909, 1913 гг.), и падало в годы революции, когда выездных мероприятий «в Высочайшем присутствии» старались не устраивать (1905–1906 гг.). Киносеансов при дворе больше всего проводилось в 1902 г., когда появились первые фильмы Ягельского. Затем, в «смутные годы», когда уменьшилось число аудиенций, да и количество снимаемых новых фильмов, — упало и число кинопоказов, чтобы вновь возрасти после окончания революции. Количество семейных фотографий (оплачиваемых императрицей) регулировалось, как можно предположить, в большей степени иным фактором: оно достигло максимума после рождения в 1904 г. долгожданного сына, наследника Алексея Николаевича.

Отношения Ягельского с Министерством двора не ограничивались чисто финансовым аспектом. Будучи человеком деятельным и твор-

Таблица 11

Доходы фирмы «Фотограф Двора Его Величества К. Е. фон Ган и К^о»

Годы	Выплаты Кабинета е.и.в. за фотографии, руб.	Выплаты Кабинета е.и.в. за киносеансы, руб.	Выплаты Кабинета е.и.в. за год всего, руб.	Выплаты Канцелярии Александры Фе- доровны, руб.
1899 ³⁰³	1 596	—	1 596	—
1900	5 037,05	—	5 037,05	—
1901 ³⁰⁴	3 842	2 050	5 892	868,80
1902	11 731	5 424,51	17 155,51	217,40
1903	14 420	2 650	17 070	1 292,95
1904	9 078	450	9 528	2 689,30
1905	2 280	—	2 280	2 598,25
1906	7 847	2 850	10 697	30
1907	6 700	6 650	13 350	3 272,95
Итого	62 531,05	20 074,51	82 605,56	10 969,65
1908 ³⁰⁵			21 898	
1909			27 742,50	
1910			22 162	
1911 ³⁰⁶			23 251	
1912			27 898	
1913			33 457	

ческим, Ягельский неоднократно делал высшему руководству МИДв различные коммерческие предложения. Для обсуждения проектов Ягельского каждый раз учреждалась Особая Комиссия, состоящая из чиновников всех затронутых установлений министерства — Канцелярии МИДв, Кабинета е.и.в., Контроля, юрисконсульта и Канцелярии е.в. государыни императрицы Александры Федоровны.

С первым проектом Ягельский обратился в МИДв в ноябре 1902 г., предложив устроить под эгидой Министерства двора общедоступный «Музей кинематографических картин» с участием императорской семьи³⁰⁷. В этом «Музее» он планировал разместить фотолабораторию, фильмотеку с хорошими условиями хранения и кинозал, в котором эти фильмы могли бы показываться всем желающим. Собственно, эта идея была не нова: еще в феврале 1900 г. Б. А. Матушевский предлагал мини-

стру двора свою подборку лент «в Высочайшем присутствии» как основу для «кинемато-исторической библиотеки» императора³⁰⁸. В. Б. Фредерикс тогда даже не ответил Матушевскому — чему причиной была, конечно, крайне неблагоприятная репутация фотографа при российском дворе. Теперь Ягельский пошел гораздо дальше: он подготовил, говоря современным языком, бизнес-план проекта «Музея» — с расчетом содержания персонала и стоимости технической эксплуатации. При этом Ягельский предложил выкупить у него все необходимое оборудование (за 5 422 рубля) и его коллекцию из 76 картин (6 — частных и 70 — официальных), общей длиной 1679 м, в оригиналах (негатив и позитив) — за 9 150 рублей (метр фильма частного характера он оценил в 10 рублей, метр официального — в 5 рублей)³⁰⁹. Для себя он оговорил право 25 лет делать со своего негатива новые позитивные отпечатки — поскольку, как он отметил, позитивная лента может быть пропущена через киноаппарат не более 15–20 раз, после чего качество фильма резко падает. Предложение это не получило тогда никакого ответа.

В октябре следующего 1903 г. Ягельский обратился с новым прошением — о назначении ему, в виде вознаграждения, ежегодного пособия в 3 000 рублей на развитие фирмы. Тогда-то в МИДв и было образовано первое Особое Совещание для обсуждения всех его предложений. После обсуждения Совещание пришло к следующим выводам³¹⁰: 1) Идея об устройстве «хранилища кинематографических снимков» заслуживает внимания, ввиду их исторической значимости; 2) Фильмы Ягельский оценивает слишком дорого (дороже зарубежных), но все-таки их необходимо, в целях сохранности, приобрести; 3) Оборудование его устарело, не стоит требуемых денег и может быть выкуплено только в полцены, за 2 500 рублей; 4) В 25-летнем праве на печать позитивов — отказать, из-за нежелательной изнашиваемости негатива, и дать напечатать каждый оригинал только один раз; 5) В ежегодном пособии — отказать, поскольку Министерство не давало просителю поручений или заказов на съемки, «каковые сделаны по его собственному желанию»³¹¹. Надо думать, предложенные условия не устроили одну из сторон (Ягельского или руководство МИДв), поскольку все осталось по-прежнему. Правда, через месяц, в ноябре 1903 г., Ягельский все же получил по высочайшему повелению единовременную беспроцентную ссуду в 20 000 рублей на развитие своей фирмы (отдал частями за десять лет).

Но самый масштабный проект А. К. Ягельский представил на суд министра двора в феврале 1908 г.: он предложил построить в Петер-

бурге большую кинофабрику для массового тиражирования кинофильмов с участием императорской семьи и производства недорогих отечественных кинопроекторных аппаратов! На эту идею, отмечает Ягельский, его натолкнул прошлогодний разговор с П. А. Столыпиным на яхте «Полярная звезда» (стоит отметить этот факт: вновь, как и в случае с изданием почтовых марок 1913 г., инициатива введения новых форм репрезентации Верховной власти исходила от П. А. Столыпина. Похоже, он был единственным высшим руководителем страны в начале XX в., понимавшим всю их необходимость). Председатель Совета Министров, по словам Ягельского, задал ему тогда вопрос — «отчего я не покажу и не познакомлю Россию с моими кинематографическими картинами, которые, без сомнения, оказали бы более пользы, чем всякие издаваемые брошюры»?³¹² В 1901–1907 гг. Ягельский снял множество уникальных фильмов с участием императорской семьи, которые, по его признанию, не окупили затраты на их изготовление — поскольку демонстрировались они в эти годы только при дворе и, в редких случаях (каждый раз с особого разрешения министра двора), на благотворительных киносеансах. Между тем, по мнению Ягельского, «распространение этих сюжетов... принесло бы кроме своего интереса немалую пользу для подъема патриотизма в народе далекой окраины, совершенно не знакомого с жизнью нашего Монарха».

Вначале, продолжает Ягельский, он решил предпринять путешествие по всей стране, показывая везде свои фильмы, — но потом отказался от этой мысли, поскольку это надолго отвлекло бы его от съемки новой документальной кинохроники; поручить же кому-либо такое серьезное дело он не решился. Выход — «в широком производстве и последующем распространении таких лент по доступным ценам», что позволило бы показывать их в войсковых частях, на военных кораблях, в училищах и других учебных заведениях. Дело это очень дорогое, но все огромные затраты Ягельский согласился взять на себя — при одном условии: официального предоставления ему исключительного права (т. е. монополии) на съемку и распространение кинохроники со всех официальных мероприятий «в Высочайшем присутствии».

Через месяц Ягельский сообщил в МИДв, что в разных городах уже проявляется большой интерес к его картинам. В доказательство он приложил вырезку из газеты «Новое время» за 12 марта, где сообщалось о том, что городская управа Москвы разрешила А. К. Ягельскому строительство на Театральной площади, в центре города, огромного временного театра на 3 000 мест, для демонстрации картин

о жизни двора³¹³. Ягельский просил разрешить выпуск в продажу имеющихся в его коллекции лент с участием императорской семьи. Пока же решается вопрос, он отправляется за границу для сбора информации о кинопроизводстве.

Не сообщив пока ответа Ягельскому, руководство МИДв сделало ему другое предложение, радикально меняющее порядок финансирования. Для того чтобы положить предел все возрастающим расходам МИДв на фотоуслуги, вместо оплаты счетов по факту выполненных работ Ягельскому предложили перейти на ежегодную фиксированную сумму выплат (по сути, зарплату). Он согласился. Дело было за малым — условиться в цене. Подсчитав по своим данным среднюю цифру за год, Ягельский округлил ее (немного уменьшив) до 10 000 рублей. За эти деньги он обязался делать любое количество стандартных снимков в одном экземпляре, оговорив при этом, что большие фотографии, киносекансы и заказы императрицы будут оплачиваться отдельно. Также он просил выделить ему постоянное помещение во дворце, отдельный экипаж от Конюшенного ведомства и командировочные в вояжах. Кроме того, Ягельский вновь предложил продать МИДв свою уникальную коллекцию фильмов³¹⁴ — поскольку они, по его мнению, «в настоящем месте их хранения не могут считаться безопасными в пожарном отношении»³¹⁵.

Для обсуждения ситуации в апреле 1908 г. было созвано очередное Особое Совещание, цель которого была оговорена сразу — снижение расходов МИДв на данный предмет. Совещание пришло к выводу, что сумма, заявленная Ягельским, сильно завышена. В результате детального обсуждения она была снижена до 7 500 рублей в год — но не как фиксированное вознаграждение, а как верхний предел, больше которого он не получит, независимо от количества снимков. При этом, если фактически им будет сделано снимков меньше определенного предела — эта сумма будет соответственно сокращаться.

Коснулось Совещание и проблемы финансового контроля. До этого времени его механизм был таков. Счета фотографа поступали в Канцелярию на проверку, затем отправлялись в Кабинет, который и производил оплату. При этом, по признанию делопроизводителя Н. И. Оприца, ведущего все дела с Ягельским, Канцелярия не могла реально контролировать процесс, поскольку большая часть снимков отдавалась лично императору, и их количество приходилось попросту принимать «на веру». Отсутствие же информации о том, оригинал это или дубликат, делало невозможным снижение расценок. Таким

образом, проверка счетов становилась простой формальностью. Причину того, что все попытки Канцелярии «в интересах упорядочения дела» (т. е. снижения расходов) проваливались, Н. И. Оприц совершенно справедливо видел в «необходимости считаться с особыми условиями, в коих находится Ягельский в отношении получения заказов на свои изделия и представления последних»³¹⁶. Другими словами, Совещание констатировало, что близость Ягельского к царской семье сделала его неподконтрольным Министерству двора. Налицо столкновение между личной волей императора и бюрократией, а по сути — между духом и буквой монархии.

Прошение о льготах (помещение, экипаж, довольствие) Совещание даже не стало обсуждать, предложив фотографу при надобности самому обращаться в надлежащие структуры Министерства — что означало завуалированный, но недвусмысленный отказ. Отказ получило и прошение Ягельского о предоставлении ему исключительного права на съемку и распространение снимков со всех официальных событий, происходящих «в Высочайшем присутствии»³¹⁷. Мотивы при этом были приведены следующие. Во-первых, предоставление такого права потребовало бы в дальнейшем ограждать кинопроизводство Ягельского от подделок — а это влечет для него дополнительные привилегии. Во-вторых, как быть, если появятся новые камеры, позволяющие другим операторам снимать мероприятия издалека, с неохраемых мест? А в-третьих, «в виду Совещания не имеется вовсе данных для суждения, не будет ли в том или другом случае дано разрешение на производство кинематографических снимков какому-либо другому фотографу» (т. е. вдруг императору вздумается самому нарушить монополию Ягельского?). Да и вообще, заключило Совещание, установление таких прав и привилегий определяются соответствующими законами, изменять которые — не в силах придворного ведомства.

Предложение Ягельского о приобретении МИДв его коллекции фильмов Совещание отвергло на том основании, что стоимость их изготовления давно уже окупилась царскими платежами за киносеансы. Другое дело, если бы он согласился передать коллекцию в собственность Министерства безвозмездно. В этом случае Совещание было бы готово оставить эти ленты у Ягельского (видимо, забыв, что свое предложение о приобретении коллекции он мотивировал как раз именно боязнью пожара в его хранилище). Что же касается просьбы Ягельского о разрешении на выпуск в продажу имеющихся в его коллекции лент, то большая их часть (официальная хроника) была раз-

решена к продаже — но при условии повторного представления их на придворную цензуру. Распространение же фильмов о частной жизни императорской семьи было признано «совершенно недопустимым».

Таким образом, совещание 1908 г. не привело ни к каким изменениям во взаимодействии МИДв с Ягельским. Стороны вновь не сошлись в цене, и поразительный проект «императорского Голливуда» канул в Лету. Интересно, что опыт двух совещаний не пошел министерскому руководству впрок. Когда через несколько лет, летом 1911 г., упрямый фотограф уже сам предложил перейти на ежегодную фиксированную оплату (определив ее за все свои услуги, включая и киносекансы, в 18 000 рублей) — вновь собранное по такому случаю Совещание Ягельскому отказало, решив, что сумма им завышена. Однако, если обратиться к таблице 11, видно, что реальные счета, оплаченные МИДв за предыдущие годы, были на гораздо большие суммы. Таким образом, можно заключить, что Ягельский стремился к стабильному заработку своей фирмы — даже в ущерб возможным, но непредсказуемым сверхприбылям. В другой области он добился успеха: Ягельскому были предоставлены те льготы (помещение, экипаж, довольствие), которых он безуспешно добивался в 1908 г. Теперь он пользовался всем наравне со служащими МИДв.

Предложения Ягельского были смелыми и оригинальными проектами и имели, как представляется, огромный идеологический потенциал. Конечно, они требовали от МИДв определенных вложений и приносили явную выгоду самому инициатору — но польза, которую они сулили в случае реализации, не исчислялась в денежном выражении. Впервые в российской истории пропаганда монархических ценностей среди широких народных масс могла бы стать активной, целенаправленной и, вполне вероятно, действенной. Эти проекты направили бы репрезентацию Верховной власти в новом направлении, что вывело бы дело популяризации образов ее носителей на качественно иной уровень. Совещания, собираемые по данному поводу, рождали массу бюрократической переписки, но в своих обсуждениях даже не затрагивали идеологический аспект предлагаемых проектов. Изучая материалы этих обсуждений, невольно приходишь к выводу, что руководство Министерства двора тогда попросту не осознавало проблему репрезентации Верховной власти, не видело необходимости в ведении какой-либо монархической пропаганды — и потому не считало нужным способствовать ей немалыми ресурсами МИДв. Совершенно не учитывая идеологическую пользу проектов Ягельского для российской

монархии, высшее начальство не отдавало себе отчета в их истинном смысле, видело в них только стремление к обогащению за счет их ведомства — и старалось всеми силами этому воспрепятствовать. Принималась во внимание одна только экономия средств Министерства, а поскольку все предложения были весьма затратными, то главной заботой этих Совещаний было найти побольше оснований для отказа. Думается, проекты Ягельского (по крайней мере, некоторые из них — например, идея о киноконцерне) опередили свое время — и потому были обречены на неудачу. Все осталось на прежних основаниях.

Благодаря своей близости к императорской семье, Ягельский всегда занимал особое положение на отечественном фото- и кинорынке и пользовался различными привилегиями. Характерный пример: в ноябре 1902 г. на таможне, согласно действующим правилам, были вскрыты предназначавшиеся для него коробки с кинолентами, присланные французской фирмой «Гомон», и часть из них испорчена. После личного обращения министра двора к тогдашнему министру финансов С. Ю. Витте, почтово-телеграфное ведомство (находившееся в подчинении Витте) сделало лично для Ягельского постоянное исключение из таможенных правил, и стало пропускать его посылки без досмотра³¹⁸. Тем не менее, и Ягельскому приходилось сталкиваться с конкуренцией — фотографы старались не упустить возможности при каждом удобном случае снять императорскую семью где-нибудь «на выезде» и затем представить фотографии Николаю II — вдруг да купит... В числе таких репортеров, например, был и известный русский фотограф К. К. Булла. Однако предлагаемые снимки чаще всего были не особенно интересными, и их не покупали.

Примеров успешной конкуренции А. К. Ягельскому немного, и относятся они большей частью к официальным киносъемкам в присутствии множества людей — там было легче затеряться оператору. Так, в июне 1908 г. несколько сюжетов «в Высочайшем присутствии» снял известный российский кинодеятель А. О. Дранков. Затем он добился разрешения показать эти ленты при дворе. Фильмы так понравились (вдовствующая императрица Мария Федоровна даже захотела посмотреть их дважды), что Дранкову было тут же пожаловано официальное звание поставщика двора е.и.в.³¹⁹ Что же касается постоянной реальной конкуренции, то ее, насколько известно, удалось составить (правда, только в одной области — выездные фотосъемки празднеств и маневров) единственному лицу — красносельскому фотографу А. А. Оцупу.

8.8. А. А. Оцуп как пример удачной конкуренции

На уникальном примере Александра Адольфовича Оцупа перед нами предстает карьера фотографа, не имеющего высоких покровителей, но тем не менее успешно прошедшего самостоятельно весь путь к признанию двора. Свою «придворную карьеру» Оцуп начал в 1902 г. с поднесения Николаю II альбома со снимками недавно прошедшей в столице Международной рыбопромышленной выставки — за что и удостоился высочайшего подарка на 200 рублей (золоченого ковша). В 1903 г. и 1904 г. он представил императору уже две небольшие серии фотографий, сделанных им в Красном Селе в присутствии великих князей, за что получил из Кабинета два подарка по 100 рублей каждый (золотые часы и запонки). К 1903 г. относится и еще один придворный успех Оцупа: он получил звание официального поставщика двора великой княгини Елены Владимировны.

Затем в «карьере» А. А. Оцупа произошел странный сбой, испортивший его отношения с руководством Канцелярии. В ноябре 1904 г. он представил императору фотоальбом с видами Красносельского и Ропшинского дворцов — за который получил (в январе) уже не подарок (как, видимо, он рассчитывал), а переданную от царя официальную устную благодарность. Это его не устроило, и через некоторое время (в апреле) он необдуманно заявил, что альбом он хотел императору просто показать, а если тот решил его купить, то его цена — 400 рублей. К таким поступкам в МИДв не привыкли, и альбом (в июне 1905 г.) был затребован обратно из Императорской библиотеки. Но в последний момент Оцуп вдруг понял всю пагубность сложившейся ситуации и, когда альбом уже вернулся в Канцелярию для отдачи, отказался и от него, и от денег — «ввиду изменившихся обстоятельств»³²⁰. Тем не менее, начальник Канцелярии никаких дел с ним иметь больше не желал.

Следующий шаг Оцуп сделал всего через два месяца, в августе 1905 г., оперативно представив в МИДв (уже не в Канцелярию, а лично министру двора) ряд новых снимков еще идущих красносельских маневров — для поднесения императору. Но В. Б. Фредерикс считал нужным сначала справиться о них у Ягельского и выяснил, что все представленные Оцупом сюжеты имеются на фотографиях Ягельского, причем в гораздо лучшем исполнении. Снимки отдали обратно без благодарности. Другой бы уже отступился — но не он! В следующий сезон настойчивый Оцуп продолжил свое «наступление» и достиг важ-

ного успеха: в июне 1906 г. он не только сумел-таки впервые снять на маневрах самого императора, но и добился от министра двора, чтобы он показал несколько его фотографий Николаю II. Резолюция В. Б. Фредерикса на докладе гласила: «В принципе Его Величеству угодно было высказаться, что достаточно фотографий Гана [под этим именем Ягельского знали при дворе — С. Г.] и чтобы от других фотографов представлять фотографии, лишь если какой-либо эпизод не был снят Ганом»³²¹. Таким образом, отныне Ягельский мог быть спокоен: на защиту его монополии встал сам император. И тем не менее, несмотря на такой холодный прием, это была победа Оцупа: все предложенные снимки у него все-таки купили (видимо, царь посчитал, что сделанная работа должна быть оплачена) — и по той же цене, что и фотографии Ягельского (по 10 рублей)! Правда, при этом его предупредили, что впредь императору будут представляться только те снимки, которые он заказал заранее. Это была зацепка, которую Оцуп упустить не мог.

В сентябре того же года, сославшись на личное желание императора, выраженное устно, он передал для него уже 110 отпечатков, изображающих различные события лета в Красном Селе и Петергофе «в Высочайшем присутствии». Из них выбрали 16, не имеющих дубликатов у Ягельского, и представили Николаю II, который их приобрел. В июле следующего, 1907 г., в очередной раз сменив посредника, Оцуп уже через дворцового коменданта В. А. Дедюлина представил царю целых 126 снимков, которые были куплены все. Характерно, что в этот раз оплата шла не через министра двора (постаравшегося, видимо, отстраниться от общения с навязчивым фотографом), а через его официального заместителя, управляющего делами МИДв князя Н. Д. Оболенского. Оцуп достиг своей цели: монополия «Гана» была прорвана. Следует отметить, что, конечно, масштабы их финансирования всегда были несопоставимы: если Оцуп в 1906 г. получил от МИДв 630 рублей, то «Ган» — 10 727 рублей. В 1907 г. соотношение было таким: Оцуп — 1 890 рублей, «Ган» — 16 622 рубля. Кроме того, Ягельский по-прежнему оставался единственным авторитетом в данной области: когда Оцуп приносил очередную серию, Ягельского всегда спрашивали, есть ли у него этот сюжет, и если таковой находился — снимки без разговоров отдавали обратно.

При дворе оставалась единственная «твердыня», которую Оцуп еще не «взял» — императрица, и в феврале следующего 1908 г. настырный фотограф принялся за нее. Представив Александре Федоровне серию фотографий событий «в Высочайшем присутствии», Оцуп

сослался на ее собственную «Августейшую Волю» об этом, переданную ему сначала лично, а затем и великим князем Георгием Михайловичем. Деньги Александра Федоровна Оцупу заплатила, но «изволила указать», что эти снимки она не заказывала. Дело этим не кончилось. Скрупулезная императрица решила выяснить этот вопрос до конца и обратилась в Канцелярию МИДв с официальным запросом: а на каком вообще основании этот фотограф делает снимки высочайших особ? Было произведено служебное расследование, Оцупа вызывали для объяснений, он как-то оправдывался... Например, сообщил, что один из снимков (Александра Федоровна на коне) «он воспроизвел с Милостивого соизволения Ея Величества, когда был осчастливлен разрешением поднести Государыне Императрице... собранный им... букет полевых цветов»³²². Инцидент этот имел для Оцупа не самые хорошие последствия: он, конечно, больше не пытался снимать императрицу, но важнее то, что ни в этот сезон, ни в следующий ни одного снимка царская семья у него не купила (все представляемые им фотографии — 244 штуки — возвращались без благодарности).

Тем не менее, это не стало концом его «придворной карьеры». Один из снимков Оцупа, сделанный на осенних маневрах 1909 г. и лично поднесенный уже в следующем году (Николай II стоит во ржи), был признан царем настолько удачным, что с него, по высочайшему повелению, была даже заказана известному живописцу Ф. А. Рубо акварельная картина. Оцупу за это выдали из Кабинета подарок на 200 рублей (отметим, что министр двора опять отстранился от сношений с фотографом — деньги выдавались по поручению тогдашнего управляющего министерством князя В. С. Кочубея). В. Б. Фредериксу назойливость Оцупа вообще явно не нравилась, и он старался, при возможности, поставить фотографа на место. Так, когда в августе 1910 г. тот представил (уже через нового посредника, флигель-адъютанта А. А. Дрентельна) очередную серию фото с красносельских маневров, то раздраженный министр двора приказал, ввиду того, что их подача произошла ненадлежащим образом (минуя его, а, значит, и контроль Ягельского), просто отдать их обратно. Оцуп сразу же сделал для себя правильные выводы и больше не пытался обойти В. Б. Фредерикса. Это принесло свои плоды: в 1910–1912 гг. Оцуп снимал императора уже не только на маневрах в Красном Селе, но ездил в Смоленск, Бородино и Москву на празднование юбилея Отечественной войны. Фотографии он затем представил, как и полагается, через министра двора, и Николай II почти все купил (более 1 000 штук) — правда, только по 5 рублей (цене в два раза мень-

шей, чем у Ягельского — снижения расценок добился, вероятнее всего, В. Б. Фредерикс, всегда симпатизировавший Ягельскому).

Правда, следует отметить, что творчество Оцупа не имело большого влияния на репрезентацию Верховной власти, поскольку почти все его фотографии «оседали» в личных императорских коллекциях. Единственная, насколько можно судить, его попытка выпустить «для обращения в публике» портрет императора в кавалергардской форме (март 1912 г.) окончилась плачевно: резолюция Николая II была необычно резка — «Такой мерзости, конечно, продавать не сметь»³²³. Таким образом, можно заключить, что в сфере репрезентации Верховной власти средствами фотографии монополия А. К. Ягельского осталась незыблема.

Квесне 1911 г. А. А. Оцуп достиг пика своей «придворной карьеры»: в апреле его авторскую фотовыставку в столичном Манеже, широко освещенную прессой, удостоил посещением сам император, а вскоре фотограф наконец получил и то, к чему шел долгие десять лет — официальное звание поставщика двора е.и.в. Суммы, получаемые им из МИДв, значительно возросли (в 1911 г. он заработал 1 080 рублей, в 1912 г. — уже 2 915 рублей, в 1913 г. — 2 575 рублей³²⁴). Главное же — А. А. Оцуп получил имя, позволившее ему широко развернуть свое дело: в эти годы он уже владел роскошным фотоателье в самом центре Петербурга. На его примере еще раз убеждаешься, что целеустремленность и настойчивость могут все...

Кстати, А. А. Оцуп был представителем целой династии фотографов, из которой наибольшей известности добился, пожалуй, его брат, П. А. Оцуп, получивший признание уже при советской власти. В дни Октябрьского переворота 1917 г. он находился в Смольном и стал единственным фоторепортером, присутствовавшим на Втором съезде Советов. Главным же достижением в карьере П. А. Оцупа стала съемка серии портретов В. И. Ленина, сделанная им в 1918–1922 гг. Он выполнил 35 портретов вождя, многие из которых хорошо известны и сегодня. Затем П. А. Оцуп работал в фотографии ВЦИК (1919–1925 гг.), руководил фотостудией ВЦСПС (1925–1935 гг.).

8.9. Запоздалые признания

Прекрасным поскриптумом для главы о новых формах репрезентации образа Верховной власти в царствование Николая II будет поразительный документ — докладная записка начальника Канцелярии

МИДв А. А. Мосолова министру двора. Она датирована 25 октября 1916 г.³²⁵ Дело в том, что 28 июля 1916 г. А. К. Ягельский скончался от прогрессирующего паралича (оставив беременную жену с ребенком на руках). Наследники еще не решили, будут ли продолжать его дело, и временно (до конца войны) передали право на кино- и фотосъемки «в Высочайшем присутствии» Скобелевскому комитету помощи увечным воинам — благотворительной организации, при которой имелся особый военно-кинематографический отдел. В договоре, утвержденном в МИДв в конце октября, значилось, что это право передается Комитету на время войны бесплатно, но при условии, чтобы фирме каждый раз предоставлялся оригинал негатива и один экземпляр снимков³²⁶. Текущие же фотоработы пока исполняли помощники А. К. Ягельского. Неизвестно, была ли осуществлена Скобелевским комитетом хотя бы одна съемка императорской семьи: последняя обнаруженная лента при участии императора была снята в Могилеве, в Ставке, и датирована она 4 октября 1916 г. — т. е. до заключения договора между фирмой «К. Е. фон Ган и К^о» и Комитетом.

В своей докладной записке А. А. Мосолов усомнился, что это новое положение дел устроит Министерство. Более того, по его мнению, пришло время для перехода всей уникальной коллекции А. К. Ягельского в собственность государства (и распоряжение МИДв) — с целью ее активного использования. А. А. Мосолов отметил, что недопустимо, чтобы архив кинолент и негативов остался в руках частной фирмы, которая «может продавать за границу не подлежащие обращению в публице снимки, притом и сама фотография [т. е. фирма — С. Г.] может переходить в руки владельцев, не пользующихся доверием Министерства».

А. А. Мосолов пришел к выводу, что «с широким развитием издательства всяких иллюстрированных журналов, приложений к газетам, лубочных картин, открыток и т. п. — получаемый из жизни Царской Семьи фотографический материал должен бы быть значительно шире одного лишь представления этих снимков в виде коллекций Государя Императора, а именно, путем постоянного помещения этого материала в указанные иллюстрированных изданиях. *Своевременное распространение в публице умело подобранных снимков* [курсив наш — С. Г.] с изображением моментов из жизни Их Величеств имело бы большое значение в деле популяризации в народе Царской Семьи и содействовало бы подъему монархических чувств среди населения». Но это ответственное дело, полагал Мосолов, не должно быть предо-

ставлено частной инициативе, которая «в поисках за наживой и рекламируя снимки, может вызвать лишь отрицательный результат». Это дело должно быть сосредоточено в МИДв, как учреждении, «наиболее близко стоящем к личной жизни» императорской семьи.

Далее А. А. Мосолов коснулся еще одного принципиально важного момента. Ссылаясь на повышение престижа МИДв перед издательствами, он предложил, чтобы «Министерство имело бы не только значение воспрещающей инстанции (придворная цензура), но и являлось бы источником, из коего иллюстрированные издания свободно черпали бы наиболее ценный для них материал. Таким образом, Министерство Двора взяло бы на себя руководящую роль в деле постоянного помещения снимков из жизни Царской Семьи в иллюстрированных изданиях». Все изложенное Мосолов относил и к фильмам. Признавая, что «в последнее время» они демонстрируются «очень мало», он полагал, что их «широкое и своевременное распространение... заслуживает особого внимания». Мосолов предложил и новое направление пропаганды: «Министерство Двора могло бы войти в сношение также и с заграницей для появления как в заграничных журналах, так и на экране тех моментов из жизни Царской Семьи, которые будут признаны Министерством желательными для распространения».

Мосолов предложил учредить в составе Канцелярии МИДв фотографический отдел, который бы монопольно сосредоточил в своих руках все фото- и киноработы для Российского императорского дома. В распоряжение новой структуры должен был поступить весь архив фирмы «Фотограф Двора Его Величества К. Е. фон Ган и К^о», который следовало выкупить на любых условиях. Этот архив нужно систематизировать и хранить в оптимальных условиях — чтобы он «в будущем при составлении научных трудов мог бы быть легко полностью использован». Конечно, предлагаемый проект влечет за собой очень значительные расходы МИДв, но все они обязательно будут оправданы, учитывая постоянно возрастающие счета на фотоработы частных фирм, не приносящие при этом *«никаких результатов в идейном отношении»* [курсив наш — С. Г.]. Для обсуждения своего проекта А. А. Мосолов предложил созвать Особое Совещание, но через месяц он отбыл посланником в Румынию, и дело так и осталось незавершенным.

Как представляется, эта докладная записка — очень важный документ для изучаемой темы. В ней руководитель придворной цензуры впервые открыто признает полный идеологический провал придворной цензуры, да и всей государственной машины в целом, в деле создания

положительного образа Верховной власти. Мосолов наконец приходит к выводу, что придворная цензура должна быть не только пассивным средством ограничения, но также играть активную роль, служить идеологическим инструментом по формированию общественного мнения. Подчеркивая насущную необходимость целенаправленной и активной монархической пропаганды средствами МИДв, А. А. Мосолов по сути выступает за те самые меры, которые, вероятно, планировал, но не успел осуществить П. А. Столыпин, и часть которых в свое время предлагал А. К. Ягельский. Что ж, нельзя не признать: все меры, изложенные в записке А. А. Мосоловым — безусловно разумные и правильные, вот только начинать их следовало лет на двадцать раньше. Увы, руководитель придворной цензуры понял это слишком поздно...

В докладной записке начальника Канцелярии есть и другие важные моменты. Так, помимо трогательной заботы о будущих историках, отметим и тот факт, что свое предложение о выкупе уникального архива фирмы «К. Е. фон Ган и К^о» Мосолов посчитал возможным сделать только после смерти ее совладельца. А сколько потенциальных опасностей он увидел при условии прежнего нахождения архива в частных руках! То, что подобные предположения никогда, насколько известно, не обсуждались и даже не упоминались при жизни А. К. Ягельского, может служить лишним доказательством поистине безграничного доверия к нему высшего руководства. Есть и еще одно обстоятельство. Настаивая на более активном распространении кинопродукции с участием императорской семьи, Мосолов впервые предлагает целенаправленно формировать образ российской Верховной власти за рубежом. Невольно возникает вопрос — как можно было не придавать этому значения раньше? Но он, конечно, риторический...

9. УПОМИНАНИЯ ВЫСОЧАЙШИХ ОСОБ КАК ТОВАР

Сегодня все продается и все покупается — в том числе и такие нематериальные вещи, как, например, княжеские титулы. Многие считают, что это характерно исключительно для нашего циничного времени. На самом деле это не так. Как показало данное исследование, и в романтическом XIX веке люди зачастую старались извлечь выгоду из чужих титулов — причем в полном соответствии с законом. Проблема упоминаний особ императорской фамилии с

коммерческими целями лишь косвенно касается придворной цензуры — она, как известно, не создавала информацию сама, а лишь рассматривала материалы, которые представлялись в МИДв. Тем не менее, данная проблема заслуживает особого внимания, поскольку предоставляет уникальную возможность попытаться проанализировать столь эфемерную категорию, как монархическое сознание людей прошлого. Для этого придется прибегнуть к терминологии, свойственной сразу трем научным дисциплинам — истории, социологии и маркетингу.

Либерализация цензурного законодательства, быстрое развитие частной инициативы и резкий промышленный рост в отраслях, связанных с полиграфическим производством, привели в 1860–1870-е гг. к формированию в пореформенной России информационного рынка. В новых условиях все средства, способствующие повышению уровня продаж издания (или изделия), стали активно использоваться предпринимателями. Заметную роль в становлении в России информационного рынка сыграл именно фактор упоминаний особ императорской фамилии. Любой буржуазный рынок всегда стремится все превратить в товар и каждому товару указать свою цену. Со временем все более широкие слои коммерсантов приходили к пониманию того, что объекты, рассматривающиеся традиционным сознанием как святыни, — такой же товар, как и прочие. Действительно, любое упоминание в тексте особы императорской фамилии, изображения высочайших особ на изделии, использование императорских регалий в оформлении — все это многократно увеличивало возможности сбыта изделия. К тому же такой товар имел в стране обширный рынок сбыта: любое упоминание носителей Верховной власти вызывало интерес монархических в своей массе российских потребителей к данному продукту, что резко повышало его потребительские свойства.

Все материалы, поступающие в придворную цензуру, предназначались для последующего опубликования, издания или производства — т.е. фактической продажи. Другими словами, на цензуру МИДв представлялась только та информация, которая могла быть успешно реализована на информационном рынке. При этом непопулярные в народе особы императорской фамилии не фигурировали в представляемых материалах: о них не печатали известий, не продавали их портреты, не иллюстрировали события их жизни. Проанализировав, какие высочайшие особы были представлены на носителях, произведенных внутри страны наиболее часто в определенный период, изучив динами-

ку этих упоминаний, можно выявить такую важную, но всегда скрытую характеристику монархического сознания российских подданных, как их готовность к практическому подтверждению своего монархического чувства — путем потребления. Понятно, что приобретая на свои зачастую небольшие сбережения, например, печатные издания с новостями о высочайших особах или товары с их изображением, простые россияне демонстрировали таким образом свои убеждения.

Изучая упоминания российских высочайших особ в иностранном потоке придворной цензуры (товаров зарубежного производства, поступающих на таможни), можно определить, во-первых, насколько адекватно представляли себе монархическое сознание россиян европейские производители (резонно предположить, что иностранные поставщики подобного рода товаров предварительно анализировали маркетинговую ситуацию на данном сегменте российского рынка). Во-вторых, при этом становится возможным выяснить то, какие именно российские особы императорской фамилии были наиболее популярны в Европе, поскольку часть изделий (прежде всего произведения искусства) создавалась в очень малом количестве экземпляров, с использованием редких или драгоценных материалов. Такие изделия предназначались, как можно предположить, не только для потребителей внутри России, но и в качестве сувениров за рубежом. Сравнивая результаты по потокам, можно определить популярность конкретных представителей династии Романовых в разные периоды — внутри страны и за рубежом.

В ходе исследования за 100 % было принято общее количество упоминаний высочайших особ в цензурных делах за определенный год. При этом стало возможно определение доли упоминаний каждой конкретной особы в каждом из потоков. Все упоминания были поделены, в зависимости от исторически сложившейся иерархии внутри Российского царствующего дома, на несколько позиций, образовавших в приведенных таблицах строки. Для того, чтобы провести их сравнительный анализ, были образованы пары позиций, между которыми возможно корректное сопоставление. Результаты исследования структуры упоминаний особ императорской фамилии по внутренней цензуре МИДв сведены в таблицу 12.

Результаты исследования структуры упоминаний особ императорской фамилии по иностранной цензуре МИДв сведены в таблицу 13.

Первая пара — **царствующий император и его предшественник**. Как можно заметить, в 1855 г. упоминаний предшественника

Таблица 12

Структура упоминаний особ императорской фамилии по внутренней цензуре МИДв

Упоминания	1855 г. ³²⁷		1864 г. ³²⁸		1876 г. ³²⁹		1885 г. ³³⁰		1896 г. ³³¹	
	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%
Царствующий император	17	30,3	17	36,2	22	27,9	26	25,2	64	17,1
Царствующая императрица	—	—	3	6,5	2	2,5	8	7,8	6	1,6
Их императорские величества	—	—	2	4,2	6	7,6	17	16,5	227	60,9
Наследник престола	—	—	8	17,0	8	10,1	15	14,6	1	0,3
Августейшие дети	—	—	—	—	—	—	4	3,9	—	—
Царственный предшественник	29	51,8	6	12,8	2	2,5	10	9,7	17	4,6
Вдовствующая императрица	2	3,6	2	4,2	—	—	—	—	6	1,6
Великие князья	6	10,7	6	12,8	26	32,9	13	12,6	25	6,7
Царственные предки	1	1,8	1	2,1	1	1,3	2	1,9	12	3,2
Особы императорской фамилии (не опр.)	1	1,8	2	4,2	8	10,1	5	4,9	13	3,5
Особы иностранных императорских фамилий	—	—	—	—	4	5,1	3	2,9	2	0,5
Особ императорской фамилии, всего	56	100	47	100	79	100	103	100	373	100
Императорская символика	—	—	—	—	—	—	—	—	14	—

(Николая I) было значительно больше, чем упоминаний царствующего Александра II. При этом разница по внутреннему потоку (30,3 % — 51,8 %) значительно больше, чем по иностранному (28,6 % — 35,7 %). Это вполне объяснимо, учитывая тот образ Верховной власти, который создал Николай Павлович — всеобъемлющий, суровый, блестящий. Этому образу страшились, перед ним преклонялись многие сооте-

Таблица 13

Структура упоминаний особ императорской фамилии по иностранной цензуре МИДв

Упоминания	1856 г. ³³²		1876 г. ³³³		1885 г. ³³⁴		1896 г. ³³⁵	
	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%
Царствующий император	4	28,6	15	71,4	16	39,0	21	16,2
Царствующая императрица	—	—	1	4,8	1	2,4	10	7,7
Их императорские величества	—	—	—	—	13	31,8	66	50,8
Наследник престола	—	—	2	9,5	5	12,2	1	0,8
Царственный предшественник	5	35,7	—	—	2	4,9	15	11,5
Вдовствующая императрица	1	7,1	—	—	—	—	5	3,8
Великие князья	2	14,3	—	—	—	—	1	0,8
Особы императорской фамилии (не опр.)	2	14,3	2	9,5	1	2,4	9	6,9
Особы иностранных императорских фамилий	—	—	1	4,8	3	7,3	2	1,5
Особ императорской фамилии, всего	14	100	21	100	41	100	130	100
Императорская символика	—	—	—	—	—	—	6	—

чественники. Александр II, только вступивший на трон, еще не успел проявить себя в должной мере и, конечно, не мог пока конкурировать с отцом по количеству упоминаний. В Европе же испытывали огромный интерес к личности нового императора, и потому доли упоминаний его и предшественника были близки.

В следующее десятилетие (1864 г.), когда иностранная цензура МИДв официально была упразднена, упоминания царствующего императора Александра II достигли во внутреннем потоке максимальной отметки за всю историю — 36, 2 %. Это объясняется не только огромной личной популярностью Александра II в этот период, но и, как можно предположить, крайней степенью персонификации проводимых в стране реформ в глазах соотечественников. Происходящие тогда изменения, равно как и Верховная власть вообще, ассоциировались у россиян прежде всего с личностью императора. Важно отметить, что в иностранном потоке цензуры пик упоминаний царствующего императора (71,4 %) имел место только в следующее десятилетие (1876 г.). Здесь впервые проявилось явление, характерное

для всех исследованных периодов, которое можно условно назвать «инерционностью» иностранного потока придворной цензуры.

Зарубежные производители предпочитали упоминать в своих изделиях российских высочайших особ со значительным отставанием во времени от начала их популярности внутри страны. Основная причина этого была в нежелании идти на коммерческий риск: предвительно нужно было убедиться, что данный товар гарантированно найдет своего потребителя. Вероятно, имела место и недостаточная информированность — и, как следствие, неуверенность в сбыте изделий с «неактуальными» (т. е. недостаточно популярными в данный момент в стране) изображениями конкретных высочайших особ. Можно предположить, что данное явление было обусловлено не в последнюю очередь и элементарными технологическими особенностями маркетинга: для изучения рынка всегда нужно какое-то время. Помимо «инерционности», зарубежным производителям была свойственна и некоторая умеренность в упоминаниях — т. е. тенденции, в полной мере проявлявшиеся в упоминаниях внутри страны, были свойственны и иностранным производителям, но были при этом лишены крайностей внутреннего потока.

Отметим, что в иностранном потоке в 1876 г. упоминания предшественника (Николая I) не встречаются вообще: вероятно, по мнению иностранных фабрикантов, его популярность в стране стала к этому времени ничтожной. Данные по внутреннему потоку подтверждают это предположение: в 1876 г. доля предшественника здесь также опустилась до минимальной в истории придворной цензуры отметки (2,5 %). Действительно, страна очень изменилась за два десятилетия царствования Александра II. Образ его грозного отца наконец отошел в прошлое, перестав олицетворять в глазах подданных фигуру, идеально воплощающую Верховную власть. В этот же период (1876 г.) внутри страны впервые проявилась новая тенденция: доля персональных упоминаний царствующего императора начала уменьшаться. Все чаще ее заменяли новой титульной формой — «их императорские величества», обозначающей императорскую чету совокупно. К этому феномену мы еще вернемся, пока лишь отметим, что в 1876 г. ее доля была еще невелика (7,6 %). Характерно, что в иностранном потоке в 1876 г. (в силу «инерционности») эта титульная форма еще не встречается вовсе.

В следующий период (1885 г.) тенденция к уменьшению доли персональных упоминаний царствующего императора сохранилась.

Эта доля по-прежнему оставалась наибольшей в общем количестве упоминаний, однако на второе место по частоте упоминаний в обоих потоках впервые вышла именно новая титульная форма. Отметим, что в иностранном потоке доля ее упоминаний даже превысила аналогичную долю во внутреннем потоке (31,8 % против 16,5 %), что можно объяснить стремлением зарубежных производителей соответствовать «новейшим веяниям» внутри страны. Следует отметить, что упоминаний предшественника (Александра II) во внутреннем потоке в 1885 г. было значительно больше, чем в иностранном (9,7 % против 4,9 %). Можно предположить, что за рубежом решили, поскольку в стране недавно произошло цареубийство, после которого последовала резкая смена политического курса, то persona прежнего императора также должна была теперь потерять былую популярность в народе. О том, что это не отвечало действительности, говорит весьма значительная доля упоминаний предшественника во внутреннем потоке в 1885 г. — 9,7 %. В России всегда любили мучеников — об этом в Европе тогда, вероятно, забыли...

В последний изучаемый период (1896 г.) доля упоминаний нового царствующего императора Николая II в обоих потоках цензуры упала до абсолютного минимума. Напротив, доля упоминаний новой титульной формы «их императорские величества» достигла наивысших значений по обоим направлениям придворной цензуры, став преобладающей в каждом из потоков. Характерно, что темпы ее роста по потокам оказались вновь весьма различны: если в иностранном потоке она выросла с 1885 г. менее чем вдвое (с 31,8 % до 50,8 %), то во внутреннем — почти вчетверо (с 16,5 % до 60,9 %). Можно констатировать, что именно в этот период новая титульная форма (по-прежнему оставаясь вне законодательного поля), фактически вытеснила с информационного рынка прежнюю, традиционную, — «его императорское величество».

Следует отметить, что доля упоминаний предшественника (Александра III) в иностранном потоке достигла в этот период наибольшего (после упоминаний Николая I в 1855 г.) значения — 11,5 %. Это свидетельствует прежде всего об огромной личной популярности Александра III в мире в 1890-е гг. Вероятно, его вообще можно считать наиболее популярной в Европе особой российской императорской фамилии за весь изучаемый период. Интересно, что доля упоминаний Александра III внутри страны была значительно меньше (4,6 %) — «нет пророка в своем Отечестве!».

Следующая пара позиций — **императрицы, царствующая и вдовствующая**. В 1855 г. упоминания вдовствующей императрицы (супруги Николая I Александры Федоровны) присутствуют в обоих потоках. В иностранном потоке эта доля в два раза больше, чем во внутреннем (7,1 % против 3,6 %), что вполне объяснимо зарубежным интересом, переносившим на нее отблеск внушительного образа Николая I. Характерно, что внутри страны личность этой императрицы вызывала интерес в гораздо меньшей степени. После кончины вдовствующей императрицы Александры Федоровны в 1864 г. ее упоминания вообще исчезают из обоих потоков, что свидетельствует о невысокой степени ее личной популярности у современников.

Как можно заметить, царствующая супруга Александра II Мария Александровна также не была популярной персоной: доля ее упоминаний во внутреннем потоке, поначалу (1855 г.) вообще отсутствующая, была и затем весьма невелика (6,5 % в 1864 г.). К концу жизни императрицы она еще уменьшилась, несмотря на долгое царствование (2,5 % в 1876 г.). Причины этого кроются в субъективных особенностях личности Марии Александровны, но, главное, — в уже отмечавшейся предельной персонификации Верховной власти в царствование Александра II. По сути, в сформировавшемся образе Верховной власти просто не оставалось места для императрицы. Деятельный и активный Александр II совершенно затмил в глазах большинства подданных ничем особенно не выделившуюся супругу. Характерный отзыв о Марии Александровне оставила хорошо ее лично знавшая супруга управляющего Ливадийским е.и.в. имением Ю. А. Горбунова: «Вообще можно сказать, что Императрица не пользовалась такой всеобщей любовью и симпатией, как Государь. В России Ее мало знали. Она жила своей, как бы внутренней замкнутой жизнью»³³⁶. Аналогичная ситуация имеет место и в иностранном потоке: редкие упоминания царствующей императрицы появляются здесь только в конце ее царствования (4,8 % в 1876 г.).

Супруга Александра III Мария Федоровна, напротив, стала самой популярной императрицей XIX в. внутри страны — об этом свидетельствует наивысшая доля ее упоминаний во внутреннем потоке среди аналогичных позиций за весь изучаемый период (7,8 % в 1885 г.). Характерно, что этого уровня она достигла лишь через четыре года после воцарения. О популярности Марии Федоровны в мире свидетельствует и вполне значимая доля ее упоминаний в иностран-

ном потоке — правда, уже в следующий период, в качестве вдовствующей императрицы (3,8 % в 1896 г.).

Следующая царствующая императрица (супруга Николай II Александра Федоровна) за два неполных года царствования достигла куда более скромных результатов внутри страны (1,6 % в 1896 г.). А ведь, как показало будущее, это был период наивысшей личной популярности в ее жизни! При этом Александра Федоровна стала наиболее часто упоминаемой в иностранном потоке царствующей императрицей (7,7 % в 1896 г.). Столь большой интерес в Европе к молодой, ничем себя еще не проявившей императрице можно объяснить как недавним приездом ее в Россию, так и ее личными связями с рядом высочайших особ Европы.

Следующая позиция — **наследник престола** — наивысшей доли упоминаний достигла в 1864 г. (17,0 %), когда в данном качестве пребывал цесаревич Николай Александрович (скончавшийся в следующем, 1865 г.). Столь большой интерес соотечественников к его особе можно объяснить распространенным тогда убеждением (не лишенным, кстати, оснований) в прекрасных личных качествах Николая Александровича. Вероятно, сыграла свою роль и широко освещавшаяся в прессе в 1864 г. помолвка цесаревича. Интересно, что в следующий период наследник Александр Александрович (будущий император Александр III) пользовался внутри страны значительно меньшей популярностью (10,1 % в 1876 г.). Можно предположить, что она пришла к нему позднее, уже в ходе балканской войны 1877–1878 гг. — вследствие занятой им жесткой славянофильской позиции, разделяемой большинством тогдашнего образованного общества.

Что же касается иностранного потока, то в нем наивысшую долю упоминаний за весь исследуемый период занял цесаревич Николай Александрович (будущий император Николай II) — 12,2 % в 1885 г. Думается, однако, что это имело место отнюдь не по причине некоего особого интереса за рубежом к личности юного наследника. Скорее, тут отразилось огромное внимание в мире к Александру III, распространившееся и на членов его семьи. Характерно, что именно в этот, единственный, период, августейшие дети стали восприниматься производителями как отдельный, самоценный информационный повод: в стране начали успешно распространять изображения детей Александра III (отдельно от царственной четы).

Следующая позиция — **великие князья и прочие высочайшие особы** — представлена преимущественно во внутреннем пото-

ке. Ее доля достигла максимума к концу царствования Александра II (32,0 % в 1876 г.), что можно объяснить двумя обстоятельствами — объективным и субъективным. С одной стороны, именно к этому времени великие князья поколения Александра II (прежде всего его родные братья, Николаевичи) вошли в пик своей служебной карьеры, что вызывало естественное внимание к их персонам. Пример тому: в 1876 г. чаще всех прочих великих князей упоминался Николай Николаевич (Старший) — в основном в связи с его назначением командующим действующей балканской армией. С другой стороны, личный авторитет императора, как главы Российского императорского дома, внутри императорской семьи в этот период был столь велик, что позволял Александру II не опасаться какого бы то ни было возрастания популярности любой другой высочайшей особы. Однако уже через девять лет количество упоминаний великих князей упало почти вдвое и к концу исследуемого периода достигло своего минимального значения (6,7 % в 1896 г.). Думается, это может свидетельствовать о произошедшем в последние два царствования (Александра III и Николая II) коренном перераспределении символического значения Верховной власти.

Остальные упоминаемые позиции — «царственные предки», «иностранные особы императорских фамилий» — занимали весьма незначительное место, которое почти не менялось с течением времени. Их упоминание обычно было связано с конкретными ситуациями. Так, например, в связи с предстоящими коронациями резко возрастал общественный интерес к царственным предкам дома Романовых.

10. ТИТУЛЫ В ЦЕНЗУРНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ МИНИСТЕРСТВА ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА

Как показало данное исследование, в последней трети XIX в. в порядке титулования особ императорской фамилии произошли существенные изменения. Ввиду их важности остановимся на этих переменах подробнее. Начнем с того, что собирательное понятие «Высочайшие Особы», наиболее часто встречающееся в цензурной документации при упоминании неназванных членов императорской фамилии, не являлось официальным титулом. Основным законом, определявшим в конце XIX в. положение членов Российского императорского дома, было «Учреждение об Императорской Фамилии» 1886 г.³³⁷,

остававшееся в силе до 1917 г. В нем регламентировалось применение таких титулов, как «Члены Императорского Дома», «лицо Императорской Фамилии», «Особы Императорского Дома». Титул «Высочайшие Особы» в нем не упоминался. Не был он предусмотрен и предыдущим «Учреждением об Императорской Фамилии», утвержденным 5 апреля 1797 г.³³⁸ императором Павлом I и действовавшим с 1797 г. по 1886 г. Таким образом, можно заключить, что использование словосочетания «Высочайшие Особы» в официальных документах не имело юридического основания в российском законодательстве.

Обратим внимание и на изменения, происшедшие в наименованиях статьи 73 Устава о Цензуре — основного цензурного положения, регулирующего деятельность придворной цензуры. В 1870-е гг. статья 73 была озаглавлена «Печатание статей и известий, касающихся Особы Его Величества и Членов Императорской Фамилии». В следующее десятилетие эта статья называлась уже «Об оглашении в печати сочинений и статей, касающихся Особы Государя Императора и Членов Императорской Фамилии». В чем смысл этих изменений?

Любой официальный титул императора призван подчеркнуть персонификацию Верховной власти в лице монарха. Титул «Особа Его Величества», характерный для XVIII в., — исторически более ранний. В традиционном понимании фигура государя-самодержца, как единовластного «хозяина» Империи, оказывалась слитой воедино с государством — что и выражалось в подчеркнуто личном, даже интимном характере титулования, с акцентом именно на личной феодальной преданности каждого подданного данному монарху.

Со временем этот взгляд стал сменяться восприятием фигуры императора как конкретного носителя Верховной власти, занимающего высший пост в государственной иерархии. Титул «Особа Государя Императора», утвердившийся к началу XIX в., также акцентировал восприятие подданных на персоне монарха. Однако император выступал носителем Верховной власти в этом случае скорее по закону, нежели по Божественному провидению. Данный титул подразумевал уже не столько личное, сколько официальное отношение подданных. Наконец, титул российских самодержцев «Государь Император» (вторая половина XIX в.) носил уже вполне обезличенный характер, обозначавший официальное наименование высшего поста в государственной иерархии, без какой-либо привязки к конкретному носителю Верховной власти — т. е., по сути, являлся уже не столько титулом, сколько должностью.

Это разделение представляется исключительно важным. Впервые в российской истории персон императора и государственное начало оказались функционально разделенными. Впервые «политическое тело» государя перестало отождествляться с его «человеческим телом» — что и нашло отражение в изменении титулования. Это означает, что романовская монархия впервые встала — пусть только на уровне титулования — на общеевропейский путь развития. Как известно, в Западной и Центральной Европе подобное разделение бессмертной «юридической сущности» монархии и личности конкретного монарха произошло на несколько столетий раньше — с утверждением концепции короны и фигуры правителя³³⁹. Прежде исследователи отказывали Российской Империи в таком опыте³⁴⁰. Впрочем, следует отметить, что выявленная тенденция к изменениям в титуловании прослеживалась преимущественно в официальных документах, тогда как в бюрократической и личной переписке сохранялись прежние титульные формы. Это объяснялось, как можно предположить, субъективными качествами авторов этих документов — прежде всего их консерватизмом, проистекающим из традиционного мировоззрения.

11. КОНЦЕПЦИЯ ГЕНЕЗИСА СИМВОЛИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ

Попыткой объяснить сложные идеологические процессы, происходившие внутри Российского императорского дома во второй половине XIX в., будет следующая концепция генезиса символического значения Верховной власти. Отметим, что в центре данной концепции находится именно символическое значение Верховной власти, т. е. то, что принято понимать под словом «харизма», а не юридический или политический смысл этого термина. Но прежде, в виде гипотезы, выдвинем свое определение этого понятия (оставшегося, как уже отмечалось, фактически не определенным и потому не кодифицированным в российском законодательстве).

Понятие «Верховная власть» включало ее основного официального носителя, императора, и тех членов императорской фамилии, с которыми сам данный носитель считал возможным разделить свою самодержавную ответственность перед Богом.

Это понятие носило не столько идеологический, сколько сакральный характер. По сути, оно было глубоко субъективно — каждый император вкладывал в него свой смысл. К тому же все самодержцы свято верили, что другие члены императорской фамилии не могут в полной мере разделять с ними ответственность за Верховную власть — поскольку в традиционном монархическом мировоззрении за все в государстве всегда в ответе перед Богом один только самодержец. Таким образом, персональный состав лиц, очерчиваемый понятием «Верховная власть», в каждом царствовании был достаточно стабилен. Косвенным свидетельством того, кто именно из высочайших особ входил в круг понятия «Верховная власть» в каждое царствование, могут служить упоминания этих особ в материалах придворной цензуры. Их популярность (о которой говорят эти упоминания) была обусловлена активной ролью в общественной жизни, а та, в свою очередь, во многом зависела от их близости к императору.

При императоре Николае I понятие «Верховная власть» персонифицировалось (согласно европейской имперской традиции) прежде всего в героической фигуре императора. Монарх стоял настолько несоизмеримо выше любых его подданных (в том числе и других особ императорской фамилии), что это позволяло ему без какого-либо ущерба своему величию распространять данное понятие на всех членов Российского императорского дома — ставя их рядом с собой, возвышая их таким образом. Вследствие этого, великие князья упоминались в материалах придворной цензуры в этот период относительно часто. При Александре II понятие «Верховная власть» существенно сузилось — помимо самого императора оно включало теперь только великого князя Константина Николаевича — самого близкого императору члена династии, которому он всецело доверял.

После воцарения Александра III внутри Российского императорского дома начался процесс концентрации символического значения Верховной власти — сужения количества носителей ее символического капитала за счет фактического вытеснения за ее пределы потенциальных носителей (т. е. младших членов старших великокняжеских родов). Если прежде понятие «Верховная власть» традиционно относилось ко всем членам императорской фамилии, то с начала 1880-х гг. оно все более начало отождествляться только собственно с императорской четой. Александр III впервые противопоставил свою семью великим князьям, рассматривая их как конкурентов в борьбе за популярность в российском обществе. Началась

борьба за символический капитал понятия «Верховная власть». Это стало следствием введения в политическую символику российской монархии нового национального мифа и последующего изменения символической репрезентации образа Верховной власти³⁴¹. По сути, это означало отрицание основ европейского наследия в российской монархической традиции.

Первый этап этой борьбы завершился в 1886 г., с утверждением Александром III «Учреждения об Императорской Фамилии»³⁴². Оно зафиксировало новое положение внутри Российского императорского дома. На практике Александр III пошел еще дальше: именно в его царствование титул «Государь Император» начал уступать место новому собирательному титулу — «Их Императорские Величества», обозначающему только императора и его супругу. Этот титул резко противопоставил их прочим членам императорской фамилии. Таким образом, произошел перенос идеологического акцента с императора-героя (образа, свойственного европейской имперской традиции) — на царственную чету (образ, берущий истоки в православной соборности и лежащий в русле нового национального мифа). Все остальные члены императорской фамилии также должны были получить новый собирательный титул «Их Императорские Высочества», призванный заменить прежние официальные титулы «Члены Императорского Дома» и «Особы Императорской Фамилии». Эти изменения в порядке титулования, начавшие (пока на неофициальном уровне) осуществляться в конце царствования Александра III, не имели аналогов в российской истории.

Тем не менее, в «Учреждение об Императорской Фамилии» 1886 г. новые собирательные титулы не вошли. Таким образом, процесс концентрации символического значения Верховной власти законодательно не был завершен. В царствование Николая II были сделаны попытки «встроить» их в существующее цензурное законодательство. В январе 1905 г. Особое Совещание, учрежденное под председательством Д. Ф. Кобеко, обсуждало проект нового устава о печати. Тогда и был впервые поднят вопрос о включении новых собирательных титулов в предлагаемый текст статьи 73. Характерно, что этот важнейший юридический нюанс не вызвал у присутствующих никаких вопросов и не стал темой особых мнений: видимо, к этому времени данная проблема была уже согласована на высшем уровне, и о положительном мнении императора члены Совещания были осведомлены. Однако, как уже отмечалось, новый Устав о печати так и не был принят — ни в 1905 г.,

ни в 1912 г. Других же попыток законодательного закрепления новых титулов, насколько известно, больше не предпринималось.

В начале 1890-х гг. эмансипация особ императорской фамилии от императорской четы ускорилась. В ходе этого контрпроцесса большинство членов династии, ранее политически лояльных, но теперь недовольных фактическим отчуждением от символического капитала Верховной власти, получили идеологическое основание на фронду. При Александре III эта эмансипация сдерживалась его авторитетом и властной натурой. Однако при первой же возможности (в первые годы царствования Николая II) старшие великие князья попытались изменить установленное в 1886 г. положение, но встретили резкий отпор со стороны молодой императрицы Александры Федоровны и министра двора В. Б. Фредерикса. Результатом этой неудачи стало дальнейшее усиление процесса концентрации Верховной власти, выразившееся в стремлении императорской четы ввести в действующее законодательство новую титульную форму «Их Императорские Величества». Если бы эта попытка увенчалась успехом, императорская чета впервые юридически совершенно обособилась бы внутри Российского императорского дома. В этом случае весь символический капитал Верховной власти оказался бы сконцентрирован в их руках. Эта попытка не удалась: новая титульная форма официально так и не вошла в российское законодательство. Тем не менее, в политическом обиходе начала XX в. утвердилось предельно суженное значение понятия «Верховная власть», включающее только императорскую чету, и оставалось таким до 1917 г. Это способствовало дальнейшей изоляции императорской четы внутри Российского императорского дома.

Император Николай I не считал нужным в свое время кодифицировать понятие «Верховная власть», хотя и имел к тому все возможности в условиях воссозданного им режима абсолютной монархии. Думается, что он воздержался от юридического трактования этого термина потому, что, каким бы широким это определение не было, оно все равно должно было бы иметь некие границы — а это противоречило бы основному принципу самодержавия. Теперь, в начале XX в., попытка Николая II законодательно зафиксировать количество носителей символического капитала Верховной власти (и тем фактически определить границы данного понятия) привела к парадоксальному итогу — большинство членов правящей в России династии в конечном счете пополнило ряды политической оппозиции.

* * *

Как показало данное исследование, бюрократические технологии принятия цензурных заключений, оставаясь в жестких рамках законодательства (прежде всего статьи 73), тем не менее, со временем существенно менялись. От оценки и принятия цензурного решения, исходя прежде всего из субъективного впечатления, производимого данным материалом, руководители придворной цензуры перешли к жесткому следованию ряду правил, нормативно не закрепленных (за редким исключением), но от этого не менее обязательных. При этом в деятельности придворной цензуры постепенно начали все более отчетливо проявляться два противоположных методологических подхода.

В отношении типовых, постоянно повторяющихся цензурных вопросов по-прежнему применялся прецедентный принцип цензуры (т. е. ориентация исключительно «по бывшим примерам» — аналогичным случаям из предшествующей практики). В случае же новых, нестандартных цензурных задач (а со временем именно они стали преобладать в общем потоке цензуры МИДв) все более и более значимую роль стал приобретать индивидуальный подход к каждой конкретной цензурной проблеме, стремление учесть идеологический контекст каждого цензурного решения. В повседневной практике это привело к постоянным отступлениям от общих цензурных (а в ряде случаев и шире — идеологических) правил и подходов — в угоду сиюминутным текущим задачам или чьим-то интересам. Этот подход не в последнюю очередь определялся субъективным, личным фактором — личностями руководителей придворной цензуры, их взглядами, особенностями их деловых и человеческих качеств. Изучению влияния этого фактора будет посвящена последняя глава книги.

¹ Именно эту деятельность, думается, имел в виду Г. П. Жидков под «престижной функцией» МИДв. (Жидков Г. П. Кабинетское землевладение Министерства императорского двора (1747–1917). Новосибирск, 1973. С. 54.)

² Wortman R.-S. 1) Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton, 1995. Vol. 1: From Peter the Great to the Death of Nicholas I; 2) Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton, 2000. Vol. 2: From Alexander II to the Abdication of Nicholas II. Рус. перевод: Уортман Р. Сценарии власти: миф и церемония в русской монархии. М., 2000.

- ³ РГИА. Ф. 472 (Канцелярии императорского двора). Оп. 9. Д. 2.
- ⁴ Там же. Д. 32.
- ⁵ Там же. Оп. 31. Д. 7.
- ⁶ По внутренней цензуре см.: Там же. Оп. 16. Д. 8; по иностранной цензуре см.: Там же. Д. 14.
- ⁷ По внутренней цензуре см.: Там же. Оп. 27. Д. 9; по иностранной цензуре см.: Там же. Д. 12.
- ⁸ По внутренней цензуре см.: РГИА. Ф. 468 (Кабинета его императорского величества). Оп. 42. Д. 2042; по иностранной цензуре см.: Там же. Д. 2041.
- ⁹ ПСЗ II. Т. 6. № 4236.
- ¹⁰ ОР РНБ. Ф. 831 (Цензурных материалов). Д. 4. С. 334.
- ¹¹ Там же. С. 336–337.
- ¹² ПСЗ II. Т. 6. № 4237.
- ¹³ ОР РНБ. Ф. 831. Д. 4. С. 334.
- ¹⁴ /Стасов В. В./ Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1901. № 9. С. 668.
- ¹⁵ ОР РНБ. Ф. 831. Д. 4. С. 340.
- ¹⁶ /Стасов В. В./ Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. № 2. С. 318.
- ¹⁷ ОР РНБ. Ф. 831. Д. 4. С. 329.
- ¹⁸ /Стасов В. В./ Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. № 2. С. 316–317.
- ¹⁹ Там же. С. 318.
- ²⁰ /Стасов В. В./ Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. № 6. С. 647.
- ²¹ Там же. С. 651–652.
- ²² Там же. С. 652–653.
- ²³ Жирков Г. В. История цензуры в России XIX века. СПб., 2000. С. 55–58. Подробнее об этом см.: Шевченко М. М. Конец одного величия. М., 2003.
- ²⁴ /Стасов В. В./ Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. № 10. С. 173–174.
- ²⁵ ОР РНБ. Ф. 831. Д. 4. С. 343.
- ²⁶ Там же. С. 347–348.
- ²⁷ Там же. С. 353.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ /Стасов В. В./ Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1904. № 1. С. 207.
- ³⁰ РГИА. Ф. 472. Оп. 9. Д. 2. Л. 4.
- ³¹ /Стасов В. В./ Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. № 10. С. 173.
- ³² /Стасов В. В./ Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1904. № 2. С. 442.

- 33 РГИА. Ф. 472. Оп. 9. Д. 2.
- 34 Там же. Оп. 31. Д. 7.
- 35 Там же. Оп. 16. Д. 8.
- 36 Там же. Оп. 27. Д. 9.
- 37 Там же. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2042.
- 38 Там же. Ф. 472. Оп. 9. Д. 32.
- 39 Там же. Оп. 16. Д. 14.
- 40 Там же. Оп. 27. Д. 12.
- 41 Там же. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2041. Здесь и далее данные за этот год приводятся только за первое полугодие.
- 42 Там же. Ф. 472. Оп. 9. Д. 2. Л. 58.
- 43 Там же. Оп. 9. Д. 2.
- 44 Там же. Оп. 31. Д. 7.
- 45 Там же. Оп. 16. Д. 8.
- 46 Там же. Оп. 27. Д. 9.
- 47 Там же. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2042.
- 48 Устав о Цензуре и Печати / Сост. В. П. Ширков. СПб., 1900. С. 37.
- 49 РГИА. Ф. 472. Оп. 9. Д. 30.
- 50 Там же. Оп. 16. Д. 10.
- 51 Там же. Оп. 43. Д. 213. Л. 53.
- 52 Там же. Оп. 44. Д. 75. Л. 130.
- 53 Там же. Оп. 66. Д. 194. Л. 26.
- 54 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 112.
- 55 Там же. Д. 203. Л. 28–29.
- 56 Мосолов А. А. При дворе последнего Российского императора: Записки начальника Канцелярии Министерства императорского двора. М., 1993. С. 39.
- 57 РГИА. Ф. 472. Оп. 48. Д. 783. Л. 1.
- 58 Там же. Л. 2–3.
- 59 См., напр.: Там же. Оп. 42. Д. 759.
- 60 Там же. Оп. 66. Д. 194. Л. 33.
- 61 Там же. Оп. 31. Д. 29. Л. 2–3.
- 62 Там же. Оп. 30. Д. 28.
- 63 Там же. Оп. 16. Д. 25.
- 64 Там же. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2189. Л. 12.
- 65 Там же. Ф. 472. Оп. 16. Д. 25. Л. 3.
- 66 Там же. Л. 1.
- 67 Наказания за незаконное производство печатной продукции регламентировались в этот период ст. 329, 344 Устава о цензуре, т. XIV; позднее — также § 28, 29 прил. к ст. 420, прим. 2, ч. 1 Св. Зак. Граж. изд. 1887 г.
- 68 РГИА. Ф. 472. Оп. 31. Д. 29. Л. 1.
- 69 Там же. Оп. 27. Д. 34.
- 70 Там же. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2189. Л. 7.
- 71 Там же. Д. 1787. Л. 74.

- ⁷² Там же. Д. 2189. Л. 7.
⁷³ Там же. Оп. 48. Д. 787. Л. 343.
⁷⁴ Там же. Ф. 472. Оп. 43. Д. 161. Л. 36.
⁷⁵ Там же. Ф. 468. Оп. 31. Д. 33. Л. 1.
⁷⁶ Там же. Л. 8.
⁷⁷ Там же.
⁷⁸ ГАРФ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 158. Л. 4.
⁷⁹ РГИА. Ф. 472. Оп. 9. Д. 2.
⁸⁰ Там же. Оп. 31. Д. 7.
⁸¹ Там же. Оп. 16. Д. 8.
⁸² Там же. Оп. 27. Д. 9.
⁸³ Там же. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2042.
⁸⁴ Таблица составлена на основе имеющихся в архивах МИДв документах и включает только те органы общей цензуры, которые представляли отношения в придворную цензуру.
⁸⁵ РГИА. Ф. 472. Оп. 9. Д. 2.
⁸⁶ Там же. Оп. 31. Д. 7.
⁸⁷ Там же. Оп. 16. Д. 8.
⁸⁸ Там же. Оп. 27. Д. 9.
⁸⁹ Там же. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2042.
⁹⁰ Там же. Д. 2041.
⁹¹ Там же. Ф. 472. Оп. 9. Д. 2. Л. 7.
⁹² Там же. Оп. 31. Д. 7. Л. 146.
⁹³ Там же. Л. 21.
⁹⁴ Там же. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2042. Л. 61.
⁹⁵ Там же. Ф. 472. Оп. 66. Д. 203. Л. 77.
⁹⁶ Устав о цензуре и печати. С. 37.
⁹⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2042. Л. 570.
⁹⁸ Там же. Ф. 472. Оп. 9. Д. 2.
⁹⁹ Там же. Оп. 31. Д. 7.
¹⁰⁰ Там же. Оп. 16. Д. 8.
¹⁰¹ Там же. Оп. 27. Д. 9.
¹⁰² Там же. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2042.
¹⁰³ Там же. Ф. 472. Оп. 9. Д. 32.
¹⁰⁴ Там же. Оп. 16. Д. 14.
¹⁰⁵ Там же. Оп. 27. Д. 12.
¹⁰⁶ Там же. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2041.
¹⁰⁷ Там же. Ф. 472. Оп. 16. Д. 14. Л. 43–45.
¹⁰⁸ Там же. Ф. 468. Оп. 42. Д. 1787. Л. 28.
¹⁰⁹ Там же. Л. 32.
¹¹⁰ Там же. Л. 150.
¹¹¹ Там же. Л. 337.
¹¹² Там же. Ф. 472. Оп. 27. Д. 12. Л. 9–10.

- ¹¹³ Там же. Ф. 468. Оп. 42. Д. 1787. Л. 147–148.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 339.
- ¹¹⁵ Там же. Д. 2041. Л. 266.
- ¹¹⁶ Там же. Д. 1891. Л. 1–8.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 6.
- ¹¹⁸ ГАРФ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 158. Л. 4.
- ¹¹⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 1891. Л. 18.
- ¹²⁰ Там же. Д. 1964. Л. 101–105.
- ¹²¹ Там же. Д. 1891. Л. 23.
- ¹²² Там же. Д. 2042. Л. 17.
- ¹²³ Там же. Л. 657.
- ¹²⁴ Там же. Д. 1964. Л. 13.
- ¹²⁵ Там же. Д. 2042. Л. 15.
- ¹²⁶ Там же. Д. 2191.
- ¹²⁷ Там же. Ф. 472. Оп. 43. Д. 46.
- ¹²⁸ Там же. Д. 37.
- ¹²⁹ Там же. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2042. Л. 157.
- ¹³⁰ Там же. Л. 228.
- ¹³¹ Там же. Д. 1964. Л. 76.
- ¹³² Там же. Д. 2042. Л. 576.
- ¹³³ Там же. Л. 160.
- ¹³⁴ Там же. Л. 330.
- ¹³⁵ Там же. Л. 220.
- ¹³⁶ Там же. Л. 494.
- ¹³⁷ Там же. Ф. 472. Оп. 44. Д. 120. Л. 26.
- ¹³⁸ Там же. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2042. Л. 209.
- ¹³⁹ Там же. Ф. 472. Оп. 44. Д. 120. Л. 60.
- ¹⁴⁰ Там же. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2043. Л. 342.
- ¹⁴¹ Там же. Ф. 472. Оп. 43. Д. 99.
- ¹⁴² Там же. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2042. Л. 335.
- ¹⁴³ Там же. Л. 374–377.
- ¹⁴⁴ Там же. Ф. 472. Оп. 16. Д. 28. Л. 5.
- ¹⁴⁵ Там же.
- ¹⁴⁶ Там же. Оп. 44. Д. 120. Л. 49.
- ¹⁴⁷ Там же. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2076. Л. 1.
- ¹⁴⁸ Там же. Оп. 42. Д. 1901. Л. 126–127.
- ¹⁴⁹ Там же. Д. 2116.
- ¹⁵⁰ Там же. Д. 2042. Л. 129.
- ¹⁵¹ Там же. Л. 407–408.
- ¹⁵² См., напр.: Там же. Ф. 472. Оп. 49. Д. 962.
- ¹⁵³ Там же. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2202. Л. 1.
- ¹⁵⁴ Там же. Д. 2042. Л. 308.
- ¹⁵⁵ Там же. Ф. 472. Оп. 43. Д. 156. Л. 2–3.

- 156 Там же. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2043. Л. 377.
- 157 Там же. Оп. 31. Д. 11.
- 158 Там же. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2042. Л. 112.
- 159 Там же. Д. 2043. Л. 459.
- 160 Там же. Д. 2042. Л. 485
- 161 Там же. Д. 2043. Л. 388
- 162 Там же. Л. 396.
- 163 Там же. Ф. 472. Оп. 67. Д. 43. Л. 357.
- 164 Там же. Оп. 43. Д. 161. Л. 36.
- 165 Там же. Оп. 48. Д. 843. Л. 28.
- 166 Там же. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2042. Л. 82.
- 167 Там же. Ф. 472. Оп. 16. Д. 11. Л. 6.
- 168 Там же. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2042. Л. 103.
- 169 Там же. Л. 493.
- 170 Там же. Л. 115–116.
- 171 Там же. Л. 662.
- 172 Там же. Ф. 468. Оп. 42. Д. 1787. Л. 34.
- 173 Там же. Д. 2042. Л. 288.
- 174 Там же. Л. 291.
- 175 Там же. Л. 404.
- 176 Там же. Л. 483.
- 177 Там же. Д. 2043. Л. 306.
- 178 Там же. Л. 312.
- 179 Там же. Д. 2041. Л. 211.
- 180 Там же. Ф. 472. Оп. 9. Д. 2.
- 181 Там же. Оп. 31. Д. 7.
- 182 Там же. Оп. 16. Д. 8.
- 183 Там же. Оп. 27. Д. 9.
- 184 Там же. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2042.
- 185 Там же. Ф. 472. Оп. 9. Д. 32.
- 186 Там же. Оп. 16. Д. 14.
- 187 Там же. Оп. 27. Д. 12.
- 188 Там же. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2041.
- 189 Там же. Оп. 9. Д. 2. Л. 82.
- 190 Там же. Оп. 19. Д. 82. Л. 689.
- 191 Там же. Оп. 9. Д. 2. Л. 30.
- 192 Там же. Л. 72.
- 193 Там же. Л. 28.
- 194 Там же. Оп. 31. Д. 7. Л. 59.
- 195 Там же. Оп. 9. Д. 2. Л. 134.
- 196 Там же. Л. 103.
- 197 Там же. Л. 118.
- 198 Там же. Л. 82.

- 199 Там же. Л. 112.
- 200 Там же. Оп. 31. Д. 7. Л. 28.
- 201 Там же. Л. 130.
- 202 Там же. Оп. 9. Д. 2. Л. 26.
- 203 Там же. Л. 70.
- 204 Там же. Оп. 31. Д. 7. Л. 136.
- 205 Там же. Оп. 16. Д. 8. Л. 221.
- 206 Там же. Л. 316.
- 207 Там же. Оп. 31. Д. 7. Л. 141.
- 208 Там же. Л. 75–78.
- 209 Там же. Оп. 16. Д. 8. Л. 142.
- 210 Там же. Л. 179–180.
- 211 Там же. Л. 46.
- 212 Там же. Л. 152.
- 213 Там же. Л. 233.
- 214 Там же. Л. 168.
- 215 Там же. Л. 246.
- 216 Там же. Л. 54.
- 217 Материалы, собранные Особой Комиссией, Высочайше утвержденной 2 ноября 1869 года, для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати. СПб., 1870. Ч. 2. С. 245.
- 218 РГИА. Ф. 472. Оп. 16. Д. 8. Л. 257.
- 219 Там же. Л. 282.
- 220 Там же. Л. 26.
- 221 Там же. Оп. 27. Д. 9. Л. 137.
- 222 Там же. Л. 80.
- 223 Там же. Л. 181.
- 224 Там же. Л. 182.
- 225 Там же. Л. 110.
- 226 Там же. Л. 95.
- 227 Там же. Л. 185.
- 228 Там же. Л. 133.
- 229 Там же. Л. 105.
- 230 Там же. Л. 146.
- 231 Там же. Л. 78.
- 232 Там же. Л. 117.
- 233 Там же. Л. 137.
- 234 Там же. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2042. Л. 646.
- 235 Там же. Д. 1964. Л. 226.
- 236 Там же. Д. 2042. Л. 29.
- 237 РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2042. Л. 110.
- 238 Там же. Л. 398.
- 239 Там же. Оп. 44. Д. 109. Л. 103.

- 240 Там же. Оп. 42. Д. 2043. Л. 2.
- 241 Мосолов А. А. При дворе последнего Российского императора: Записки начальника Канцелярии Министерства императорского двора. С. 43–44.
- 242 РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2042. Л. 21.
- 243 Там же. Л. 569.
- 244 Там же. Л. 180–182.
- 245 Там же. Л. 133.
- 246 Там же. Л. 196–197.
- 247 Там же. Л. 34.
- 248 Витте С. Ю. Воспоминания: В 3-х т. М., 1960. Т. 2. С. 277.
- 249 Мосолов А. А. При дворе последнего Российского императора: Записки начальника Канцелярии Министерства императорского двора. С. 16.
- 250 РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2042. Л. 252.
- 251 Там же. Д. 2043. Л. 64.
- 252 Епанчин Н. А. Воспоминания. М., 1996. С. 237.
- 253 РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2042. Л. 636.
- 254 Там же. Л. 295.
- 255 См., напр.: Там же. Оп. 44. Д. 109.
- 256 Wortman R.- S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 2. Chapt. Fourteen "Publishing the Tsar". P. 481–502.
- 257 Мещерский В. П. Мои воспоминания. М., 2001. С. 340–341.
- 258 РГИА. Ф. 472. Оп. 48. Д. 191. Л. 54.
- 259 Wortman R.- S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 2. Chapt. Fourteen "Publishing the Tsar". P. 481–502.
- 260 РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2240.
- 261 Там же.
- 262 Там же. Ф. 472. Оп. 48. Д. 777.
- 263 Там же. Оп. 43. Д. 158.
- 264 Там же. Д. 216.
- 265 Там же. Д. 220.
- 266 Там же. Л. 75.
- 267 Там же.
- 268 Там же. Оп. 49. Д. 1248. Л. 1.
- 269 Там же. Л. 11.
- 270 Там же. Л. 5.
- 271 Там же. Л. 19.
- 272 Там же. Л. 21.
- 273 Там же. Ф. 472. Оп. 48. Д. 779. Л. 19.
- 274 Гинзбург С. С. Кинематография дореволюционной России. М., 1963.
- 275 Янгиров Р. Начало «царской» хроники // Искусство кино. 1995. № 3. С. 56–57.
- 276 Казакова С., Казаков С. «Их Императорских Величеств синематограф» // Искусство кино. 1995. № 3. С. 62.

- 277 РГИА. Ф. 472. Оп. 43. Д. 190. Л. 1–2.
- 278 Там же. Л. 2.
- 279 Там же. Л. 3.
- 280 Там же. Оп. 48. Д. 800. Л. 15.
- 281 Там же. Л. 14.
- 282 Там же. Л. 27.
- 283 Там же. Л. 53.
- 284 Там же. Д. 880. Л. 89.
- 285 Дневники Николая II. М., 1991. С. 351.
- 286 Казакова С., Казаков С. «Их Императорских Величеств синематограф». С. 63–64.
- 287 Магидов В. П. Итоги кинематографической и научной деятельности Б. А. Матушевского в России // Киноведческие записки. 1999. № 43. С. 273.
- 288 РГИА. Ф. 472. Оп. 43. Д. 221. Л. 7.
- 289 Там же. Л. 1.
- 290 Там же. Л. 108–109.
- 291 РГИА. Ф. 468. Оп. 14. Д. 619. Л. 2.
- 292 Магидов В. П. Итоги кинематографической и научной деятельности Б. А. Матушевского в России. С. 274–275.
- 293 РГИА. Ф. 468. Оп. 14. Д. 3225. Л. 2.
- 294 Барковец А. И. Император Николай II — «остановленное мгновение» // Николай II. Семейный альбом. Каталог фотовыставки. М., 1998. С. 21.
- 295 РГИА. Ф. 472. Оп. 44. Д. 75. Л. 91–94.
- 296 Барковец А. И. Император Николай II — «остановленное мгновение». С. 21.
- 297 РГИА. Ф. 468. Оп. 14. Д. 212. Л. 1.
- 298 Там же. Л. 2.
- 299 Там же.
- 300 Там же. Л. 4.
- 301 Там же. Оп. 43. Д. 1518. Л. 33.
- 302 Там же. Ф. 472. Оп. 48. Д. 794. Л. 80.
- 303 Данные за 1899–1900 гг.: РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1518. Л. 64.
- 304 Данные за 1901–1907 гг.: РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1518. Л. 64.; РГИА. Ф. 468. Оп. 14. Д. 3225. Л. 1.
- 305 Данные за 1908–1910 гг.: РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1518. Л. 30.
- 306 Данные за 1911–1913 гг.: РГИА. Ф. 472. Оп. 48. Д. 843. Л. 173.
- 307 РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1518. Л. 61.
- 308 Там же. Ф. 472. Оп. 43. Д. 221. Л. 11.
- 309 Каталог съемок А. К. Ягельского / Публикация В. К. Белякова // Киноведческие записки. 1993. № 18. С. 99–100.
- 310 РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1518. Л. 61.
- 311 Там же. Л. 63.
- 312 Там же. Ф. 472. Оп. 43. Д. 161. Л. 1.
- 313 Там же. Л. 17А.

- 314 Список фильмов см.: РГИА. Ф. 468. Оп. 14. Д. 1103. Л. 9–15, 49–50.
- 315 Там же. Л. 25.
- 316 Там же. Л. 26–27.
- 317 Там же. Л. 31–32.
- 318 Там же. Ф. 472. Оп. 48. Д. 787. Л. 185.
- 319 Казакова С., Казаков С. «Их Императорских Величеств синематограф». С. 66.
- 320 РГИА. Ф. 472. Оп. 48. Д. 843. Л. 12.
- 321 Там же. Л. 17.
- 322 Там же. Л. 67–68.
- 323 Там же. Л. 115.
- 324 Там же. Л. 173.
- 325 Там же. Оп. 43. Д. 1518. Л. 38–40.
- 326 Там же. Оп. 50. Д. 1617. Л. 16.
- 327 Там же. Оп. 9. Д. 2.
- 328 Там же. Оп. 31. Д. 7.
- 329 Там же. Оп. 16. Д. 8.
- 330 Там же. Оп. 27. Д. 9.
- 331 РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2042.
- 332 Там же. Оп. 9. Д. 32.
- 333 Там же. Оп. 16. Д. 14.
- 334 Там же. Оп. 27. Д. 12.
- 335 Там же. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2041.
- 336 Горбунова Ю. А. Записки // Наша старина. 1914. № 7. С. 772.
- 337 ПСЗ III. Отд. 1. Т. 6. № 3851.
- 338 ПСЗ I. Т. 24. № 17906.
- 339 Kantorowicz E. N. The Kings Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology. Princeton. N.J., 1957; Dnzinkiewicz J. Patefal Transformations: The Four Years Parliament and The Constitution of May 3, 1791. Boulder, 1993.
- 340 Cherniavsky M. Tsar and People. Studies in Russian Myths. New Haven. Conn, 1961. P. 84–91; Уортман Р. Сценарии власти: миф и церемония в русской монархии. М., 2000. С. 529.
- 341 Wortman R.-S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 2. P. 412.
- 342 ПСЗ III. Отд. 1. Т. 6. № 3851.

ГЛАВА IV

КАДРОВЫЙ СОСТАВ ПРИДВОРНОЙ ЦЕНЗУРЫ

Кадровый состав придворной цензуры может быть разделен на четыре части: руководители (министры двора), высшее звено (лица, наиболее влиятельные в МИДв в этот период; директора и заведующие Канцелярии; управляющие Кабинетом е.и.в.; заведующий Административным отделом Кабинета е.и.в.); среднее звено (делопроизводители, помощники делопроизводителей); низшее звено (канцелярские служащие). Главный интерес для данного исследования представляют те лица кадрового состава, которые лично принимали цензурные решения или оказывали реальное влияние на их принятие — т. е. те, кто на практике реализовал идеологическую линию придворной цензуры. Такими лицами, помимо самих носителей Верховной власти, являлись министры двора — что и было закреплено законодательно. Однако на практике право принятия цензурных решений в определенные периоды переходило к отдельным представителям высшего и даже среднего составов, что нарушало нормы российского законодательства, предоставляющего это право только министру двора. В этой связи на первый план выступил субъективный фактор: черты личности, особенности биографии, деловые и человеческие качества, границы влияния этих лиц. Именно эти моменты определяли различия стилей руководства придворной цензурой. В данной главе будет сделана попытка (опираясь на разрозненные документальные свидетельства современников) воссоздать возможно более полно портреты лиц, принимавших цензурные решения (руководителей,

представителей высшего и среднего состава придворной цензуры), с тем чтобы сравнить их по следующим определяющим критериям: основные черты характера; деловые качества; тип взаимоотношений с императором и членами императорской фамилии; границы властных влияний.

1. РУКОВОДИТЕЛИ ПРИДВОРНОЙ ЦЕНЗУРЫ — МИНИСТРЫ ДВОРА

1.1. В. Ф. Адлерберг

Первая категория лиц, оказывавших непосредственное влияние на принятие цензурных решений или принимавших их лично, — министры двора. Фактическим создателем института придворной цензуры стал второй министр двора — Владимир Федорович Адлерберг (1791–1884)¹. Сын начальницы института благородных девиц, воспитательницы будущего императора Николая I, личной подруги императрицы Марии Федоровны (супруги Павла I), В. Ф. Адлерберг был ближайшим другом детства великого князя Николая Павловича. В 1811 г. он окончил Пажеский корпус, участвовал в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. С 1817 г. В. Ф. Адлерберг был назначен адъютантом великого князя Николая Павловича, и они виделись почти ежедневно: адъютант всегда сопровождал великого князя, а затем императора, во всех его поездках. Гражданская служба Адлерберга началась в 1842 г. — он занял должность главноначальствующего над Почтовым департаментом. Назначение оказалось удачным; об этом говорит тот факт, что уже через пять лет, в 1847 г., В. Ф. Адлербергу был пожалован титул графа. На этом посту Владимир Федорович оставался целых пятнадцать лет, и ушел с него только в 1857 г. Причиной ухода стала большая занятость на новой, более важной должности, — 30 августа 1852 г. В. Ф. Адлерберг был назначен министром императорского двора и одновременно членом Государственного Совета. В этом качестве он и оставался до своей отставки, произошедшей 17 апреля 1870 г.

На протяжении всей своей жизни Адлерберг являлся одним из наиболее близких к Николаю I людей; после смерти императора именно он, согласно завещанию, был назначен душеприказчиком усопшего. Это исключительно уважительное отношение разделял и

будущий император Александр II, знавший министра двора с раннего детства: после воцарения граф не только сохранил свой министерский пост, но в 1856–1861 гг. занимал и должность командующего Императорской главной квартирой.

Люди, лично общавшиеся с В. Ф. Адлербергом, отмечали, что он был «очень приветлив и дружелюбен»². Чиновник почтового ведомства В. А. Инсарский, работавший под началом Адлерберга в начале 1850-х гг., через много лет писал: «Я не могу вспомнить без восторга об этих личных моих сношениях с графом. Что бы там ни говорили, он, на мои глаза, всегда был образцом доброты, благородства и истинно вельможеской вежливости»³. Прекрасные человеческие качества министра двора признавали и его идейные противники. Так, один из лидеров «либеральной партии», министр народного просвещения А. В. Голловнин позднее вспоминал, что В. Ф. Адлерберг «был в сущности человек добрый и готовый помогать ближнему»⁴. Адлерберг всегда поражал подчиненных своей работоспособностью. В. А. Инсарский характеризует своего руководителя следующим образом: «поразительно точный и беспримерно трудолюбивый»⁵. Вспоминая о том, что рабочий день графа нередко начинался в полшестого утра, Инсарский пишет: «Работал он изумительным образом, и nepocтижимо было, когда он успевал столько писать и подписывать. Кроме того, я положительно, насколько у меня хватает умственной силы, утверждаю, что он вовсе не был так слаб в делах, как многие это утверждали... [воспоминания, напомним, писались автором в то время (начало 1890-х гг.), когда фамилия «Адлерберг» стала для большей части образованного общества синонимом непрофессионализма, лени, корысти и вообще — «немецкого влияния» при дворе — прим. С. Г.]. Я видел и читал многие его мнения, исполненные самого ясного взгляда на дело и основательных идей. Если же он не старался выдаться вперед — то это, по моему убеждению, могло происходить единственно от его беспримерной деликатности и скромного желания ограничиваться кругом тех дел, которые прямо ему подчинены»⁶. Можно предположить, что Адлерберг вполне разделял концепцию Николая I о личном управлении, предписывающую обязательный и постоянный личный контроль за всем объемом находящихся в ведении дел; именно этот подход предполагал столь раннее начало рабочего дня и огромную работоспособность руководителя.

Другим редким для вельможи качеством Владимира Федоровича была его личная скромность и непритязательность в быту. Историк

и литератор П. И. Бартенев опубликовал в своем журнале «Русский архив» рассказ о том, как император Николай I был поражен убожеством обстановки в квартире графа в 1841 г., придя по какому-то делу домой к своему другу и ближайшему сподвижнику: «Друг царев, никогда о себе ничего не просивший, продолжал жить в самой мизерной обстановке»⁷. Это качество В. Ф. Адлерберг сохранил до конца жизни. Заведующий Канцелярией министра двора И. И. Воронцова-Дашкова В. С. Кривенко вспоминал: «Об Адлерберге 1-м в министерстве осталась память, как о добросовестном, неустанном работнике, рачительном хозяине, в частной жизни очень скромном, весьма не требовательном. Это подтверждала и небольшая лично им занимаемая квартира, и далеко не роскошная обстановка»⁸. Характерный факт: когда при уходе в отставку в 1870 г. ему был предложен в дар дом, занимаемый Канцелярией МИДв (Фонтанка, 20 — С. Г.), в котором министры двора имели служебную квартиру, он отказался от столь дорогого подарка⁹. Именно эти качества В. Ф. Адлерберга — работоспособность и личная скромность в быту — определяли его личность. Они же, надо думать, стали залогом его огромного личного влияния, вызванного близостью к императору. Вероятно, эти качества импонировали Николаю I — поскольку были в полной мере свойственны и ему самому.

По своим политическим убеждениям В. Ф. Адлерберг занимал одну из наиболее консервативных позиций в окружении Александра II. Военный министр Д. А. Милютин писал, что консерваторы, в число которых он включил и Адлерберга, в конце 1850-х гг. были «положительными противниками всяких либеральных реформ, а в особенности крестьянской»¹⁰. К этому мнению присоединяется в своих мемуарах и П. П. Семенов-Тянь-Шанский¹¹. Жесткие и бескомпромиссные правые убеждения, которые неизменно демонстрировали В. Ф. Адлерберг и его сын А. В. Адлерберг, в условиях начавшихся либеральных реформ вызывали со стороны как либеральной бюрократии новой формации, так и «просвещенного» высшего света постоянные нападки и обвинения. В. А. Инсарский вспоминал: «Графа... стали злословить тем с большею силою, что у него фамилия немецкая, и следовательно полагали, что русские интересы ему совершенно чужды»¹². Красноречивый пример подобных негативных суждений приводит в своих воспоминаниях фрейлина А. Ф. Тютчева. Она цитирует слова из письма княгини Е. А. Черкасской (1859 г.), утверждавшей, что Адлерберги, входившие в консервативное окружение императрицы Марии Александровны, — «люди истинно опасные для России, не любящие ее и

не знающие, готовые на все средства для того, чтобы упрочить свое личное влияние»¹³.

Именно в этом политическом противостоянии, думается, кроются истоки мифа о «немецком засилье» при дворе Александра II — мифа, родившегося в конце 1850-х гг. и впоследствии широко распространившегося во всех слоях российского образованного общества. Свое крайнее выражение он получил в писаниях князя П. В. Долгорукова — политического эмигранта, журналиста и соратника А. И. Герцена. В начале 1860-х гг. Долгоруков издавал во Франции газету, в которой публиковал свои статьи в форме политических памфлетов. В них он поливал грязью оставшихся в России политических противников. Оценки П. В. Долгорукова далеки от объективности и свидетельствуют об ожесточенности политической борьбы в то время. Вот как он «живописал» миф о «немецком засилье»: «Адлерберги и родственники их Барановы ныне составляют какую-то особую династию, которая составляет в России какое-то особое сословие: царскую дворню. Сословие это, подобно тинистому и грязному болоту, окружает престол и отделяет его от России»¹⁴. Понятно, что мнение Долгорукова о личности В. Ф. Адлерберга — одного из тех, кого он винил в своей эмиграции, — отличалось особым нетерпением: «Владимир Федорович отличается совершенным отсутствием ума, соображения и познания: трудно встретить такую совершенную безграничную бездарность. Дел он не понимает вовсе, занят лишь своими удовольствиями и добыванием какими бы то ни было способами денег, которые проматывает на свои удовольствия»¹⁵. Следует отметить, что ни одно из указанных обстоятельств не было подтверждено в каком-либо из известных автору источников. Учитывая, что Долгоруков не был лично знаком с графом, в отличие от мемуаристов, упоминавшихся выше, — можно заключить, что его мнение не имеет ничего общего с действительностью. Только желание возможно более полно и объективно представить восприятие министра двора современниками заставляет привести и его.

Цензурные решения в период министерства В. Ф. Адлерберга принимались чаще всего лично императором — и Николаем I и Александром II, — однако при непосредственном участии министра двора. В отдельных случаях цензурные решения принимал и сам министр двора, прежде всего это касалось упоминаний императрицы и великих князей. К своей цензурной деятельности министр двора относился с присущей ему добросовестностью, скрупулезно вчиты-

ваясь во все представляемые на цензуру МИДв материалы, стараясь вникнуть во все их тонкости и нюансы. В последние годы министерства В. Ф. Адлерберг начал быстро слепнуть. Все чаще его начал замещать сын, чье официальное назначение на пост министра лишь узаконило давно сложившееся положение.

1.2. А. В. Адлерберг

Александр Владимирович Адлерберг (1818–1888)¹⁶, получивший должность фактически «по наследству», был, как и его отец, ближайшим другом детства наследника. В 1836 г. А. В. Адлерберг был выпущен из Пажеского корпуса на службу в Л.-Гв. Преображенский полк, и в том же году его назначили состоять при особе наследника цесаревича великого князя Александра Николаевича. Вскоре, в 1839 г., Александр Владимирович стал адъютантом великого князя. Адлерберг участвовал в 1841 г. и 1850 г. в боевых действиях на Кавказе, и за отличие был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость». Он сопровождал наследника, а затем императора Александра II, во всех поездках, выполнял различные его поручения по дипломатической части, позднее состоял членом Государственного и Военного советов. Государственная служба А. В. Адлерберга проходила «по стопам» отца. В апреле 1861 г. он сменил В. Ф. Адлерберга на посту командующего Императорской главной квартирой, затем, в связи с болезнью отца, помогал ему в руководстве Министерством — состоял с октября 1867 г. товарищем министра двора. Наконец, 17 апреля 1870 г. Александр Владимирович достиг пика своей карьеры, став вместо отца министром двора, и оставался на этом посту до 17 августа 1881 г.

Главное отличие А. В. Адлерберга от прочих министров двора, как отмечал в мемуарах сотрудник Кассы МИДв А. И. Михайлов, состояло в том, что он «был не столько министр, сколько советник и самый близкий друг императора Александра II; дружба от самых юных лет и до самой смерти государя, дружба более чем полувековая соединяла этих людей. Граф бывал каждый день у государя, вел все его личные дела и переписку, читал ему газеты, книги, письма от иностранных государей и правительств и отвечал на них. Государь не имел особого секретаря, все письма, все телеграммы кабинетам и правителям всего мира от лица государя писал граф... Многие высочайшие рескрипты, даже манифесты, выходили из-под пера графа... Граф отлично понимал, как должно писать и чего желает его царственный друг»¹⁷.

Своеобразие своего министерского положения осознавал и сам А. В. Адлерберг. Заведующий Административным отделом Кабинета е.и.в. А. В. Половцов приводит в дневнике такие его слова из частного разговора: «Какой я был собственно министр двора! ...Я собственно был личным секретарем Государя по дипломатической части. И чего тут не приходилось писать! В одну ночь надо было иногда знакомиться с вопросами такими, что рука дрожала, когда писал по ним решения»¹⁸.

Супруга управляющего Ливадийским е.и.в. имением Ю. А. Горбунова, много общавшаяся с А. В. Адлербергом в Крыму в 1870-е гг., писала, что он «умный и тонкий придворный, пользовавшийся почти неограниченной властью, превосходный лингвист и поэт, в шутливом тоне описывающий окружающих и окружающее; он большого роста, очень полный, волосы с проседью, лицо матово-бледное, прекрасные карие глаза и приятная манера обращения. О нем говорили, что он никогда не ходит, а ездит не иначе, как в карете с поднятыми стеклами. Ноги, по его выражению, даны Богом для того, чтобы садиться в карету, а не ходить»¹⁹. Писатель К. С. Скальковский подтверждал, что «у Адлерберга были свои слабости и свои причуды. Он отрицал движение и чистый воздух. Постоянное пребывание в запертой комнате отразилось даже на его здоровье и глазах»²⁰.

В обхождении А. В. Адлерберг обычно производил на людей, лично общавшихся с ним, самое хорошее впечатление. Сослуживец графа по Преображенскому полку генерал-лейтенант Д. Г. Колокольцов вспоминал, что его «в полку очень любили; он оказался хорошим товарищем и до конца своей жизни оставался тем же добросердечным человеком, каким был в юности»²¹. На молодого А. В. Половцова граф произвел при встрече «обворожительное впечатление. Во всем виден недюжинный ум и обширное образование»²². С. Ю. Витте считал, что А. В. Адлерберг «замечательно умный и во всех отношениях порядочный человек»²³, «человек чрезвычайно умный, талантливый, весьма культурный»²⁴. Сходного мнения о графе был и П. И. Бартенев, находивший, что он «был человек даровитый и многосторонне образованный. В особенности любил он родословные и Русскую словесность... Правдивость его в рассказах о прошлом была образцовая»²⁵. Мемуаристы в один голос отмечают, что Адлерберг был отличный рассказчик: «Говорил граф Александр Владимирович увлекательно, иной раз с оттенком юмора. Простой какой-нибудь случай, но он его

так расскажет, что заслушаешься. Предметов для разговора у него бывал неиссякаемый источник»²⁶.

А. В. Адлерберг получил прекрасное образование. Так, М. Э. Клейнмихель подчеркивала его «европейское образование» — граф знал шесть иностранных языков²⁷. Хорошо знавшая Адлерберга фрейлина А. А. Толстая отмечала: «Несмотря на природную леность, он необыкновенно много работал, обладая необыкновенными способностями. Зная все европейские языки, он к тому же владел пером, как профессиональный литератор, и вообще был человек выдающейся культуры, которую никогда не выставлял напоказ»²⁸. К. А. Скальковский вспоминал, что граф «в обществе имел репутацию человека большого ума, но трудно доступного и весьма неохотно занимавшегося делами, даже входящими в круг его ведомства»²⁹. Заведующий Канцелярией министра двора В. С. Кривенко писал: «По общему признанию, он [А. В. Адлерберг — прим. С. Г.] обладал большими способностями, быстро вникал в сущность дел, прекрасно владел пером»³⁰. Тем не менее, существуя всю жизнь в замкнутом придворном мире, Адлерберг не смог приобрести широты взгляда, необходимого государственному человеку. Цензор А. В. Никитенко отмечал в дневнике в июне 1859 г., что большинство членов Комитета по делам книгопечатания* «люди недурные, особенно граф Адлерберг, но до того замкнутые в кругу тесных придворных идей, что почти совершенно неспособны понимать то, что происходит на широком поле жизни, века и истории»³¹. А вот мнение министра внутренних дел П. А. Валуева, записанное в дневнике (1873 г.): «Вчера вечером совещание у графа Адлерберга по делу о всеобщей воинской повинности. До невероятности легко, поверхностно и самоуверенно относятся к таким трудным и сложным делам некоторые из наших государственных полумужей»³².

А. В. Адлерберг — единственный из министров двора, кто занимался проблемой цензуры задолго до своего назначения. В 1859 г. он был назначен во вновь образованный Комитет по делам книгопечатания, в 1860 г. состоял в Главном управлении цензуры. В эти годы он сотрудничал со многими литераторами, издателями, цензорами. Один из них, А. В. Никитенко, часто общался с графом в этот период. Так, 8 мая 1859 г. он записал в дневник: «Ездил в Царское Село к графу Адлербергу. Много говорил с ним о литературе и цензуре, стараясь разъяснить разные предубеждения, которых довольно. Он человек с умом

* См. главу I.

и благородными наклонностями, насколько они могли сохраниться от рассеянной жизни. Но беда с нашими влиятельными людьми! Они неспособны к труду мыслей, мало образованны и чужды всякой глубины взгляда»³³. Никитенко, придерживавшийся либеральных взглядов, с отчуждением отмечал у А. В. Адлерберга «неприязнь ко всему мыслящему»³⁴, приводя в доказательство слова графа о том, что «общественного мнения у нас нет, да едва ли оно и возможно»³⁵.

Работа в Комитете шла трудно, по каждому поводу сразу возникало много противоречий. Вот интереснейшее описание прений, оставленное А. В. Никитенко (декабрь 1860 г.), которое дает редкую возможность уяснить идеологические воззрения будущего руководителя придворной цензуры: «С великим прискорбием слушал я мнение графа Адлерберга по поводу одной статьи... Граф обнаружил невообразимое незнание и непонимание самых простых вещей в умственной и государственной жизни. Ведь его считают здесь представителем государя и голос его — отголоском последнего. Неужели и там так же думают и столько же знают? Это невероятно, невозможно! Мысль была следующая: не должно ничего позволять писать о предметах финансовых, политико-экономических, судебных, административных, потому что все это означает посягательство на права самодержавия, и тогда даже, когда в сочинениях этого рода вопросы рассматриваются с общей точки зрения, и притом не заключают в себе ни малейшего намека на желательность каких бы то ни было изменений. Если же у кого зародится мысль об улучшениях по разным общественным и государственным предметам, тот может от себя писать в то ведомство, которого касаются эти улучшения. Словом, в печати нельзя обсуждать ни одного вопроса общественного. Тройницкий справедливо заметил, что это значит возвращаться к прошедшему времени. Напрасно он, я и Делянов доказывали невозможность такой системы, и что правительство само для своей собственной пользы должно желать гласного обсуживания разных общественных и административных предметов, и что между печатным объяснением своих мыслей и доносом заключается неизмеримая разница. Я тщетно старался растолковать также разницу между неприкосновенностью политического принципа в государстве и неприкосновенностью какой-нибудь местной власти и т. п. Адлерберг упорно стоял на своем»³⁶. Все это дало основание А. В. Никитенко заметить, что А. В. Адлерберг выражал «самые претительные мысли»³⁷. Отметим, что А. В. Адлерберг действительно всегда бескомпромиссно придерживался крайне

консервативных политических воззрений — в отличие от отца, В. Ф. Адлерберга, который, как отметил Никитенко в 1859 г., порой мог быть (вероятно, учитывая настроение императора) «весьма лоялен и сдержан»³⁸.

В апреле 1870 г. А. В. Адлерберг стал министром императорского двора. Это назначение — совершенно естественное для высшего света, учитывая степень близости графа к Александру II, — заставило, тем не менее, современников сравнивать стили руководства двух министров. Надо сказать, это сравнение было не в пользу сына, его деловые качества оценивались большинством невысоко. В. С. Кривенко вспоминал: «Александр Владимирович во многом являлся противоположностью своему отцу. Насколько первый был трудолюбив, настолько второй — ленив, беспорядочен, распущен и расточителен. Про Адлерберга рассказывали, что он накоплял корзины нерассмотренных бумаг, совершенно не интересовался своим министерством»³⁹. К. А. Скальковский в своих мемуарах приводит любопытные очерки бюрократических порядков, царивших в министерство А. В. Адлерберга: «Граф, в совершенную противоположность отцу, не любил читать бумаг, забывая о них, между тем никогда не хотел иметь секретаря, а рассеянность или небрежность его были таковы, что, по увольнении его из министерства... в кабинете его нашли вещи и письма, присланные еще на коронацию 1856 года. Ходили слухи, что, накопив некоторое количество разных просьб и прошений, которыми везде одолевают человека в его положении, граф без церемонии две трети их, не распечатывая, отправлял в камин. Он сжег, было, однажды, важные документы одной дамы и вынужден был платить ей потом пенсию. И своих ближайших помощников граф принимал весьма неохотно с докладами, и иногда, сидя в кабинете, заставлял их писать рядом в приемной записки о предмете посещения, хотя разговор в двух словах решил бы гораздо скорее дело. В конце концов подчиненные распоряжались по своему... Никаких изменений в своем ведомстве граф Адлерберг, однако, не задумывал, ревниво поддерживая порядок вещей, сложившийся до него»⁴⁰. Об отношении самого А. В. Адлерберга к своей министерской деятельности прекрасно свидетельствуют его слова, приведенные в дневнике В. Н. Ламздорфа: «Верьте мне, никогда не нужно делать того, что можно сделать завтра»⁴¹.

Цензурная деятельность А. В. Адлерберга на министерском посту не отличалась интенсивностью. Можно было бы предположить, что, поскольку он занимался этой областью уже давно, она привлечет

его особое внимание, однако этого не произошло. Похоже, придворная цензура (равно как и прочие области, предполагающие текущую, рутинную административную работу) воспринималась новым министром двора как очередная скучная обуза. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что во время министерства А. В. Адлерберга резко понизился уровень принятия цензурных решений. Императору цензурируемые материалы представлялись теперь лишь в исключительных случаях. Каждый материал сначала рецензировался делопроизводителем Канцелярии, который составлял проект цензурного заключения. Затем управляющий Канцелярии подавал этот проект министру двора на утверждение. Практически всегда предположения делопроизводителя без изменений утверждались А. В. Адлербергом, что говорит об отсутствии у него интереса к данной области. В пользу этого предположения свидетельствует и тот факт, что в период министерства Александра Владимировича значительно возросли сроки прохождения документов внутри Министерства, вероятно, министр каждый раз откладывал просмотр документов до последнего срока.

Поразительный случай непрофессионализма Адлерберга описан в дневнике хозяйки известного петербургского салона А. В. Богданович (за 2 апреля 1879 г.): «Бильбасов рассказывал, что за 5 дней до покушения [имеется в виду покушение А. К. Соловьева на Александра II 15 апреля 1879 г. — прим. С. Г.] германское тайное агентство прислало зашифрованные телеграммы на имя Адлерберга, а потом депеши к Дрентельну, спрашивая его, что они, т. е. русское правительство, намерены предпринять по получении этих телеграмм. Дрентельн будто бы отвечал, что он никаких депеш не получал и не знает, почему ему делают этот вопрос, что никаких депеш они не посылали. По вторичному утверждению в посылке ими депеш, было приступлено к разведыванию, где находятся эти депеши. Они оказались на столе у Адлерберга, который никогда не берет на себя труда что-либо распечатать. Берлинский тайный комитет извещал, что социалисты намереваются сделать покушение на жизнь государя, или на обоих разом — царя и наследника, или же на всю семью царскую одновременно, но что покушение будет непременно. И такая депеша лежит нераспечатанная на столе у ленивого министра!»⁴². А. В. Богданович прямо винила А. В. Адлерберга и во взрыве, произведенном С. Н. Халтуриным в Зимнем дворце в феврале 1880 г.⁴³ Ее мнение разделяла и фрейлина А. А. Толстая⁴⁴. Следует признать, что эти обвинения имели под собой определенное основание — неоднократные

просьбы в течение 1879 г. столичного генерал-губернатора И. В. Гурко допустить полицию к охране Зимнего дворца «всякий раз встречали отпор со стороны Адлерберга, который не хотел и слышать о чьем-либо вмешательстве в дела дворцового ведомства»⁴⁵. А. А. Толстая добавляет: «Говорят, он счел это позорной мерой и посягательством на свои права»⁴⁶. Впрочем, подобная независимость неоднократно демонстрировалась министром двора и раньше. Так, А. И. Михайлов приводит случаи трений с петербургским градоначальником по поводу хозяйственного здания Академии художеств и с МВД — по вопросу о предоставлении им бесплатной театральной ложи⁴⁷. Характерно, что из всех этих межведомственных конфликтов Министерство двора неизменно выходило победителем.

Секрет столь огромного влияния А. В. Адлерберга состоял не в формальных полномочиях его власти как министра двора (присущих ему, как и любому другому министру), но в ее неформальной части. Дело в том, что А. В. Адлерберг пользовался полным и безграничным доверием одновременно обоих царствующих супругов — и императора Александра II, и императрицы Марии Александровны, — ставших (особенно во второй половине 1870-х гг.) фактически центрами отъединенных, противостоящих кружков. Тот бесспорный авторитет, любовь и уважение, которые питали к А. В. Адлербергу оба царствующих супруга, давали ему возможность ежедневного доступа к ним в неформальной обстановке. Изо дня в день разделяя с императорской четой их любимые занятия (читая вслух книги императрице и играя в карты с императором), А. В. Адлерберг имел огромные возможности для влияния на взгляды и убеждения Александра II. К тому же немалую роль играло и еще одно обстоятельство.

Отчуждение между царственными супругами, углубившееся после сближения императора с княжной Е. М. Долгорукой, не могло быть проявлено публично. При этом княжна не должна была играть какую-либо особую, непредусмотренную регламентом роль при дворе, даже несмотря на то, что у императора порой возникали такие желания. В этой связи положение министра двора становилось исключительно важным: он устанавливал ежедневные церемониалы, которые позволяли сглаживать постоянно возникающие неловкости. Кроме того, формально являясь первым лицом свиты и неформально — признанным лидером придворной жизни, А. В. Адлерберг всегда находился в центре поступающей со всех сторон информации (подтвержденной и неподтвержденной). В любой момент он имел

возможность вмешаться в события, используя в ту или иную пользу свое влияние на императорскую чету. Ю. А. Горбунова вспоминала о пребывании двора в Ливадии в 1870-е гг.: «Придворные высшие чины отправлялись к гр. Адлербергу. Там рассказывались всевозможные сплетни, критиковались отсутствующие и пускались на счет их меткие слова и словечки, с не менее едкими замечаниями»⁴⁸.

Положение изменилось только в 1880 г., в связи с предстоящим морганатическим браком Александра II и Е. М. Долгорукой. Это событие занимает ключевое место в биографии А. В. Адлерберга; его роль в сложившейся ситуации исключительно ярко характеризует графа как человека и государственного деятеля, и потому на этом моменте следует остановиться подробнее. Военный министр Д. А. Милютин приводит в воспоминаниях свой разговор с А. В. Адлербергом, проливающий свет на этот сюжет (май 1881 г.): «Граф Александр Владимирович убежден, что официальное положение его при дворе, несмотря на дружеские, почти братские отношения к императору Александру Николаевичу, сделалось невозможным. “Если б не было даже катастрофы 1-го марта, то я все-таки не был бы теперь министром двора”, — сказал граф Адлерберг»⁴⁹. Причина заключалась в крайне враждебных взаимоотношениях, которые установились в последние годы у графа и Е. М. Долгорукой. Далее Д. А. Милютин цитирует самого А. В. Адлерберга: «Покойный государь до самой кончины императрицы постоянно избегал всяких разговоров со мной относительно связи своей с княжной Долгорукой, и я вовсе не был с нею знаком. Конечно, мне было все известно, но по какому-то чувству приличия, по какой-то утонченной деликатности при наших, могу сказать, дружеских отношениях с самого детства государь ничего мне не говорил об этом щекотливом предмете, а я показывал вид, что ничего не знаю. Доходило до того, что, когда государь решил переместить княжну Долгорукую в Зимний дворец, он призвал к себе заведывающего двором генерал-майора Дельсала и дал ему непосредственно все приказания, прибавив, чтобы мне ничего об этом не говорил. Само собою разумеется, что приказание это не могло быть исполнено в точности: Дельсаль не мог сделать без моего ведома никакого распоряжения. Тем не менее, я был признателен государю за его деликатность в отношении ко мне»⁵⁰. Подобное признание почти в тех же выражениях еще раньше, осенью 1880 г., А. В. Адлерберг сделал в частном разговоре с фрейлиной А. А. Толстой, занесшей слова графа в дневник⁵¹, а потому можно предположить, что они отражают подлинное отношение министра двора к происходящему.

Следует отметить, что граф всегда был очень близок с покойной императрицей. А. А. Толстая отмечала в дневнике осенью 1880 г.: «Образ Государыни по-прежнему жил в его сердце. Он горячо любил и почитал Государыню с того самого дня, как узнал ее (более 40 лет назад). Она, в свою очередь, всегда видела в нем верного друга. С ее глубоким тактом она, без всякого сомнения, понимала, что Адлерберг не замешан в эту темную историю, разыгрывавшуюся рядом с ней. Я часто думала, что именно благодаря близости с Государыней Адлерберг сумел сохранить доверие Государя»⁵². В полной мере осознавая огромную угрозу морганатического брака главы императорского дома для престижа Верховной власти, но не имея возможности убедить Александра II вообще отказаться от этого намерения, министр двора настаивал на невозможности заключения нового брака до истечения годового траура после смерти императрицы Марии Александровны. Видя тщетность своих доводов, А. В. Адлерберг поначалу отказался не только быть свидетелем со стороны императора (как того желал Александр), но и вообще присутствовать на венчании. Однако просьба венценосного друга наконец переросла в приказ, и граф был вынужден подчиниться (это подтверждает в воспоминаниях и генерал-адъютант А. М. Рылеев)⁵³. Сам факт венчания, произошедшего 6 июля 1880 г., решено было (идя навстречу настояниям министра двора) до истечения годового траура оставить в тайне. Это, конечно, не удалось в полной мере, но слухи в столичном обществе были весьма противоречивы. Некоторые мемуаристы (например, Е. А. Перетц⁵⁴) отмечали, что А. В. Адлерберг не присутствовал на венчании.

Учитывая столь принципиальную позицию министра двора, становится понятной крайняя неприязнь к нему Е. М. Долгорукой, о чем упоминает в своем дневнике Д. А. Милютин⁵⁵. С этого времени началось (надо думать, под влиянием новой супруги) охлаждение к Адлербергу и самого императора. По признанию генерал-адъютанта А. М. Рыльева (командующего Императорской главной квартирой, бывшего на венчании свидетелем со стороны невесты), после свадьбы граф «к интимному вечернему чаю более не приглашался»⁵⁶. По информации А. В. Половцова, он «даже совсем поссорился с Государем, и когда факт [свадьбы — прим. С. Г.] совершился, безвыходно сидел дома и в яхт-клубе, чтобы ни с кем не видаться и не говорить»⁵⁷. Адлерберг начал уклоняться от текущих министерских обязанностей, которые в ряде случаев был вынужден выполнять А. М. Рылеев.

Таким образом, формально оставаясь министром двора, Александр Владимирович перестал им быть. Можно предположить, что отныне его министерская карьера и без смены царствований была обречена... Тот факт, что А. В. Адлерберг в полной мере осознал огромный вред этого морганатического брака для авторитета романовской династии и целостности Верховной власти и решительно выступил против него, то, что он не посчитал для себя возможным поставить личные интересы конкретного носителя Верховной власти (пусть и своего близкого друга) выше самодержавного принципа монархии, характеризует графа как зрелого государственного деятеля, имеющего свои политические принципы и моральные убеждения и не боящегося, не смотря ни на что, их отстаивать.

Увольнение А. В. Адлерберга в августе 1881 г. было воспринято в высшем свете «совершенно в порядке вещей»⁵⁸, поскольку имя графа в обществе однозначно ассоциировалось с немецким засильем при дворе. К тому же неприязнь бывшего наследника, а теперь императора Александра III, к министру двора была общеизвестна. Причины этой личной неприязни привел в мемуарах С. Ю. Витте⁵⁹: во-первых, по мнению Александра III, А. В. Адлерберг был «недостаточно внимателен» к нему в бытность его наследником цесаревичем; во-вторых, граф имел «репутацию человека не вполне корректного в денежном отношении»; но главное — молодой император, под воздействием широко распространенных слухов, был уверен, что министр двора «если не устраивал, то во всяком случае покрывал всю жизнь»⁶⁰ отношения Александра II и Е. М. Долгорукой. Сама отставка А. В. Адлерберга произошла в весьма резкой форме. Император даже не пожелал лично объявить отставку своему министру, послав уведомить об этом его преемника, И. И. Воронцова-Дашкова⁶¹. Государственный секретарь Е. А. Перетц записал в дневнике: «Всех поразила несколько крутая форма увольнения Адлерберга. ...Адлерберг очень оскорблен таким недостатком внимания. Я видел его сегодня. На нем лица [не было]»⁶². По информации Перетца, императрица Мария Федоровна была настолько огорчена этим, что «проплакала три дня»⁶³. Позднее даже К. П. Победоносцев (весьма негативно настроенный по отношению к графу) в частном разговоре с государственным секретарем А. А. Половцовым признавал, что при увольнении «уж слишком его очернили»⁶⁴. Чтобы немного сгладить это впечатление, в сентябре 1881 г. (как можно предположить, не без влияния императрицы) Адлербергу был пожалован высочайший рескрипт и украшенный алма-

зами портрет Александра II, который должен был служить «живым памятником тесной связи»⁶⁵ с покойным.

Со временем, посчитав, вероятно, что способности А. В. Адлерберга все же могут быть использованы, император Александр III решил прибегнуть к административному опыту бывшего министра двора. По случаю предстоящего коронования был подготовлен соответствующий высочайший рескрипт. Однако этот акт не мог обмануть А. В. Адлерберга: полной переоценки роли графа в предшествовавшее царствование не произошло. Об этом свидетельствуют записи А. А. Половцова, составлявшего этот документ. В начале мая 1883 г. Половцов отметил в дневнике, что слова в конце рескрипта о «блестящей успешно» деятельности А. В. Адлерберга по исполнению возлагавшихся на него покойным государем поручений император приказал заменить. Из предложенных Половцовым вариантов — «отличного рвения», «крайнего усердия» и «усердной старательности» — император лично выбрал последний⁶⁶. Как можно заметить, данный вариант давал наиболее скромную оценку роли А. В. Адлерберга. Граф принял участие в коронационных торжествах 15 мая 1883 г., но воспринимался многими из окружающих как некая одиозная фигура, воплощающая прежнее засилье нерусских фамилий вокруг трона. Описывая коронацию, А. А. Половцов с удовлетворением отметил в своем дневнике: «Трон окружен придворными почти исключительно из старинных русских фамилий... Немцы заметны лишь как остатки прошлого царствования»⁶⁷.

Главным жестом нового императора, призванным показать бывшему опальному вельможе нынешнее благорасположение, стало высочайшее распоряжение в декабре 1883 г. оплатить накопившиеся долги А. В. Адлерберга. Финансовый вопрос вообще занимал в судьбе графа особое место, и потому остановимся на этом подробнее. Финансовые дела бывшего министра двора всегда были весьма сложными. С. Ю. Витте отмечал в мемуарах, что А. В. Адлерберг «был постоянно запутан денежно, т. е. он проживал всегда больше того, что имел. В молодости он делал долги, и ходили слухи о его различных денежных некорректностях [один из подобных слухов, о взятке министру двора в 100 000 рублей за протекцию при постройке Киево-Балтийской железной дороги, привел в дневнике за 1875 г. известный издатель А. С. Суворин⁶⁸ — прим. С. Г.]. Следует отметить, что эти слухи после его смерти не подтвердились: он не оставил после себя никакого состояния. Просто в денежном отношении он был, как тог-

да выражались, несколько «жуир»⁶⁹. В 1866 г. долги Адлерберга вызвали ряд жалоб, о чем через петербургского градоначальника было доложено императору. Александр II повелел все негласно оплатить. Министр внутренних дел П. А. Валуев писал в дневнике 28 ноября 1866 г.: «Идут со мною переговоры о займе из сумм Министерства [внутренних дел — С. Г.] для уплаты долгов графа Александра Адлерберга. Уплата неизбежна ввиду новых судов. Остается изыскать к тому средство без нарушения казенного интереса, т. е. с обеспечением возврата занимаемых сумм и с соблюдением нужной тайны»⁷⁰. Позднее (25 марта 1868 г.) Валуев указал и сумму отошедших кредиторам средств — 670 000 рублей⁷¹. Тем не менее, министр двора продолжал жить не по средствам, и к концу царствования Александра II у А. В. Адлерберга вновь оказались огромные долги.

Желание расплатиться за них высказал еще в мае 1883 г., незадолго до коронации, великий князь Владимир Александрович, но император пожелал сделать это сам. Однако дело затянулось до конца года. Общая сумма долгов составила 1 200 000 рублей. После переговоров с кредиторами (их вел министр двора И. И. Воронцов-Дашков) цифру снизили (по данным А. В. Половцова) до 700 000 рублей⁷², но выяснилось, что имеются еще долги сына графа, Н. А. Адлерберга, составлявшие 200 000 рублей. К тому же, уже в ходе переговоров, стало известно, что А. В. Адлерберг только что занял еще 50 000 рублей, которые не вошли в первоначальную сумму. По докладу министра двора Александр III лично распорядился оставить без оплаты долги сына бывшего министра. Можно предположить, что здесь сыграла свою роль и плохая репутация Н. А. Адлерберга в высшем свете. Характерно мнение о нем Ю. А. Горбуновой (относившейся, что важно, к самому А. В. Адлербергу вполне доброжелательно): «Избалованный судьбой и не знающий ни в чем препятствий кутила, хотя от природы умный и способный; при Дворе пользуется очень плохой репутацией и заочно все почти относятся к нему с презрением»⁷³. Кроме того, И. И. Воронцов-Дашков отказался погасить и новую задолженность самого А. В. Адлерберга, расплатившись только по первоначальной сумме. При этом он приказал отдать ее прямо в руки кредиторам, минуя самого должника (А. А. Половцов передает со слов атамана Н. И. Святополк-Мирского, что Воронцов-Дашков, получив высочайшее указание об оплате, успел перед тем скупить долги у кредиторов за 600 000 рублей, чем еще сэкономил казне немалые средства⁷⁴). Эта по сути унижительная для А. В. Адлерберга

ситуация (определение суммы долга и передача денег без участия самого должника вполне естественно могли быть истолкованы в обществе как высочайшее утверждение его юридической недееспособности) не могла прибавить ему любви к новому императору. Впрочем, своего истинного отношения к Александру III А. В. Адлерберг никогда не выражал, перенеся всю ненависть, которую он не считал нужным скрывать, на нового министра двора⁷⁵. Тот, надо думать, отвечал ему тем же. Так, в 1886 г., в частном разговоре с А. А. Половцовым, И. И. Воронцов-Дашков упомянул, что при передаче дел кассы МИДв были обнаружены 450 000 рублей, принадлежавшие супруге графа, Е. Н. Адлерберг. По утверждению И. И. Воронцова-Дашкова, это состояние было получено графиней Адлерберг различными «темными аферами», чему есть у него все документальные доказательства⁷⁶. Тем не менее, это дело не получило развития.

Личность А. В. Адлерберга весьма ярко характеризует следующий факт. Согласно данным А. В. Половцова⁷⁷, во время министерства графа в Кабинете е.и.в. образовалась экономия средств на очень большую сумму (В. С. Кривенко упоминает 43 млн рублей⁷⁸, А. И. Михайлов — 23 млн рублей⁷⁹). В 1880 г. А. В. Адлерберг подарил эти деньги Александру II, а тот завещал разделить их после его смерти между всеми своими сыновьями (надо думать, именно этим не в последнюю очередь объясняется благородное желание великого князя Владимира Александровича оплатить долги бывшего министра двора в 1883 г. — вероятно, доля великого князя в наследстве, полученном благодаря А. В. Адлербергу, перекрывала долги графа во много раз). То, что министр двора не присвоил эти огромные средства (хотя имел такую возможность, поскольку они были неподотчетными), а подарил их своему другу, Александру II; то, что, имея все возможности для неограниченного личного обогащения на своем посту, А. В. Адлерберг не использовал их (не оставив, как уже отмечалось, никакого наследства — в отличие даже от своей супруги) — все это свидетельствует о его личной честности и благородстве.

Смысл высочайшего желания возратить А. В. Адлерберга в политику стал ясен в октябре 1884 г., когда бывшему министру двора было поручено редактирование нового «Учреждения об Императорской Фамилии», призванного регламентировать запутанные финансовые и юридические взаимоотношения внутри Российского императорского дома. А. А. Половцов, участвовавший в разработке «Учреждения...» с ноября 1883 г., отметил определенное коварство этого высочайше-

го назначения. Дело в том, что новый закон должен был сузить круг лиц, относящихся к первостепенным высочайшим особам (старшим великим князьям), существенно урезав права их потомства. Следовательно, он был направлен, в числе прочих, и против будущих детей великого князя Константина Николаевича (незадолго до того вновь женившегося). Понятна нелюбовь Александра III к своему дяде (который в прошедшее царствование был одним из лидеров либеральной партии) — отношения с ним всегда оставались холодными. Но граф А. В. Адлерберг являлся близким другом великого князя, да и с большинством других великокняжеских дворов поддерживал тесные связи. Подписывая это назначение, Александр III не без ехидцы заметил: «А это и кстати, он [А. В. Адлерберг — С. Г.] любит либеральничать, а это будет либеральная мера»⁸⁰.

И на новом посту А. В. Адлерберг пытался (хотя и безуспешно) сгладить углубляющиеся противоречия между императором и великокняжескими дворами. П. А. Валуев, также входивший в созданную Комиссию, писал в марте 1884 г.: «Адлерберг опасается умножить дурные отношения членов царского семейства и прежде всего нерасположение их к государю. В его словах чувствуется то, что так редко, — доброе человеческое чувство и желание мира, при всем том, конечно, большое нерасположение к преемнику Воронцову-Дашкову, который под влиянием всяких проходимцев легкомысленно ломает прежние порядки Министерства двора, не заменяя их ничем прочным»⁸¹. Можно предположить, что в конце приведенного пассажа автор процитировал слышанные им слова А. В. Адлерберга, поскольку сам П. А. Валуев относился к И. И. Воронцову-Дашкову очень тепло, отметив как-то в дневнике: «При всех недостатках, проистекающих от его слабохарактерности, я его очень люблю»⁸².

А. А. Половцов, работавший вместе с А. В. Адлербергом над подготовкой нового закона, оставил любопытные зарисовки с натуры, изображающие графа в процессе работы (февраль 1886 г.): «Адлерберг, по обыкновению нахмуренный, несколько сгорбившийся, смотрит на всех нас, как на мальчишек, и процеживает от времени до времени несколько слов, имеющих преимущественно значение традиций или архивной справки, потому что как скоро обсуждение приближается к почве юридической, так немедленно чувствуется отсутствие самых элементарных в этой сфере познаний... Адлерберг хотел непременно побольше говорить и, несмотря на обширность природного ума и многолетнюю опытность, постоянно путался, когда вопросы на сколько-

нибудь входили в юридические сферы»⁸³. Заслуги А. В. Адлерберга по составлению нового закона были оценены по достоинству: 2 августа 1886 г., в день полувекового юбилея службы, ему были высочайше пожалованы украшенные бриллиантами портреты императоров Александра II и Александра III — для ношения на груди⁸⁴.

Наиболее взвешенная и справедливая оценка личности А. В. Адлерберга и его роли в царствование Александра II принадлежит, как представляется, фрейлине А. А. Толстой: «Его называли барином-игроком, обвиняли в эгоизме, лени и чрезмерном властолюбии. Может быть, во всех этих обвинениях и была доля истины, но преувеличенная настолько, что выглядит клеветой. Ему невозможно было отказать в благородстве ума и большом достоинстве чувств. В своем двойном качестве друга и министра двора он был совершенно незаменим для Государя. Он был посвящен во все дела Царской семьи, знал все пружины политического механизма, и в тоже время отличительными чертами его характера, приводящими в ярость любопытных, были скромность, умение хранить тайны»⁸⁵. Свидетельства современников характеризуют А. В. Адлерберга как человека очень культурного и доброжелательного; легкого и приятного в общении, хотя и несколько поверхностного; не имеющего склонности к систематическому чиновному труду, но при необходимости способного хорошо выполнить срочную работу. Можно предположить, что причина общепринятого среди современников (и разделяемого сегодня потомками) негативного отношения к графу заключается в том, что А. В. Адлерберг успешно реализовал карьеру, более свойственную российским реалиям XVIII века, — карьеру профессионального царедворца.

Проблема графа состояла в том, что он не был государственным деятелем нового типа, востребованного временем, — административным чиновником на службе государства. Он был всего лишь личным другом и секретарем императора, вельможей, целью жизни которого было не столько наилучшее управление вверенной ему отраслью, сколько желание сохранить свое влияние и близость к престолу. При этом он старался получать удовольствия от жизни, особо не напрягаясь, но и не причиняя кому-либо вреда. Одним словом, как кратко и емко охарактеризовал его В. С. Кривенко, — А. В. Адлерберг был «сибарит»⁸⁶. Но главное — он не считал нужным скрывать это, а для быстро либерализующегося в 1860–1870-е гг. российского образованного общества это было уже неприемлемо.

1.3. И. И. Воронцов-Дашков

Граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков (1837–1916)⁸⁷ начал свою карьеру с поступления в 1855 г. в Императорский Петербургский университет, однако курса не закончил и уже на следующий год перешел на службу в Л.-Гв. Конный полк — унтер-офицером на правах вольноопределяющегося. В 1858 г. он был произведен в корнеты, а в 1859 г. уехал в Кавказскую армию, где участвовал в военных действиях против горцев. В 1861 г. за отличие в боях И. И. Воронцов-Дашков был назначен командиром конвоя главнокомандующего, кавказского наместника князя А. И. Барятинского. Вскоре наместник представил молодого блестящего офицера великому князю Александру Александровичу — будущему императору Александру III. Эта встреча стала поворотным моментом в судьбе И. И. Воронцова-Дашкова. Симпатия между ним и великим князем была взаимной, и в том же году граф стал адъютантом Александра Александровича. Затем на несколько лет их жизни разошлись: в 1865 г. Воронцов-Дашков был командирован в Туркестан, где участвовал в боях с бухарцами, а после перемирия служил помощником военного губернатора Туркестанской области. Но наследник цесаревич (им Александр Александрович стал в 1865 г.) не терял из виду своего друга и в 1874 г. настоял на назначении И. И. Воронцова-Дашкова начальником штаба Гвардейского корпуса, командиром которого был он сам. Они стали близкими друзьями и больше надолго не расставались. Балканскую войну 1877–1878 гг. И. И. Воронцов-Дашков также прослужил под началом Александра Александровича, командуя кавалерией Рушукского отряда, возглавляемого наследником.

Вскоре после воцарения Александра III, в апреле 1881 г., Воронцов-Дашков был назначен главным начальником Охраны е.и.в., в июне того же года — главноуправляющим Государственным коннозаводством, а 17 августа 1881 г. — министром двора. По информации П. А. Валуева, вначале император предложил этот пост генералу В. В. Зинovieву, гофмаршалу двора наследника, но тот отказался, сославшись на старость, и предложил вместо себя И. И. Воронцова-Дашкова⁸⁸. Император согласился. Надо думать, решающим основанием этого выбора была личная преданность, добродушный характер, честность и независимость Воронцова-Дашкова. Александр Александрович не ошибся. «Окруженный несколькими близкими друзьями, как-то: Воронцовым, Черевиным, Рихтером и кн. В. Оболенским, которым он

отнюдь не позволял вмешиваться в государственные вопросы и даже говорить о них, Александр III действительно оградил себя от интриг, могущих его свернуть с твердо начертанного им пути»⁸⁹.

Хорошо лично знавший Воронцова князь В. П. Мещерский вспоминал, что тот сделал блестящую военную карьеру «отчасти благодаря его замечательно изящной и обаятельной наружности и отчасти благодаря его широкой, доброй и размашистой натуре... При своей доброте и мягкости, граф Воронцов был и умен»⁹⁰. С. Ю. Витте, также знавший графа с юности, считал, что И. И. Воронцов-Дашков «очень хороший человек, среднего образования»⁹¹. Сравнивая министров двора, Витте отмечал, что Воронцов-Дашков «ни по уму, ни по образованию, ни по культуре не мог сравниться с Адлербергом; он в этом отношении гораздо ниже, слабее своего предшественника. Но тем не менее он представляет собой русского барина с известными принципами, и по нынешнему безлюдью он является во всяком случае человеком выдающимся по своему государственному и политическому поведению»⁹². Сходного мнения придерживался и директор Пажеского корпуса генерал Н. А. Епанчин, полагавший, что новый министр двора отличался «безусловной честностью и преданностью государю и России... был благородный человек, способностей средних»⁹³. Проработавший под началом Воронцова более двадцати лет В. С. Кривенко считал его, напротив, «обаятельной личностью, светлым умом, обладающим восприимчивостью, редкой способностью схватывать существо предмета»⁹⁴. Высокого мнения о Воронцове был и генерал В. Ф. Джунковский (московский губернатор в 1905–1913 гг.), полагавший, что он «благороднейший, чудной души человек, весьма обаятельный в обращении»⁹⁵.

Политические воззрения Воронцова-Дашкова были достаточно противоречивы. С. Ю. Витте писал, что он «был и остался до сих пор человеком довольно либерального направления; до некоторой степени он подбирал себе и таких сотрудников»⁹⁶. Правда, в другом случае он же упоминает И. И. Воронцова-Дашкова первым среди лиц, «которых никоим образом в либерализме заподозрить нельзя»⁹⁷. Чтобы разобраться в этом вопросе, обратимся к рассмотрению позиций графа по конкретным политическим проблемам периода его министерства. С одной стороны, Воронцов был сторонником хозяйственно-экономического упрочения положения дворянства: выступал за создание майоратов, усиление влияния поместного дворянства, предлагал учреждение специальных стипендий для молодых дворян в высших

сельскохозяйственных школах с тем, чтобы выпускники «сели на землю», чем и выполнили бы «исконную дворянскую задачу»⁹⁸. С другой стороны, он выступал за отмену гражданских чинов⁹⁹, против введения института земских начальников, противопоставив ему свой проект реформы местного управления¹⁰⁰. Кроме того, Воронцов был убежденным противником крестьянской общины, сознавая ее экономический ущерб для сельского хозяйства. Он видел выход во введении подворного земельного надела, не подлежащего отчуждению, и даже начал налаживать арендные крестьянские хозяйства на территориях, управляемых Министерством¹⁰¹. Все это в свое время дало основание советскому историку Ю. Б. Соловьеву прийти к выводу, что на министерском посту Воронцов «действовал в духе буржуазного предпринимательства»¹⁰². Современный исследователь Д. И. Исмаил-Заде также характеризует И. И. Воронцова-Дашкова как «реформатора буржуазного типа»¹⁰³.

Как представляется, Воронцов придерживался скорее либеральных взглядов, чем консервативных. Характерно мнение о графе П. А. Валуева, работавшего с ним в Комиссии по изменениям в «Учреждении об Императорской Фамилии» (февраль 1886 г.): «Воронцов молчит как можно больше, а в случае разногласия примыкает ко мне, зная, что я всегда буду держать его сторону, потому что его личные качества безусловной честности, благородства мне давно известны и я их высоко ставлю, несмотря на все его недостатки, и прежде всего бесхарактерность по отношению к государю»¹⁰⁴. Позднее (январь 1889 г.) П. А. Валуев привел в дневнике слова Александра III, доказывающие его правоту: «У Воронцова нет никаких убеждений»¹⁰⁵. Тот факт, что министр двора предпочитал выступать в прениях согласно с одним из наиболее либеральных сотрудников Александра II (к слову сказать, постоянному и непримиримому политическому противнику В. Ф. и А. В. Адлербергов), свидетельствует о либеральных (хотя и зачастую непоследовательных) убеждениях Воронцова-Дашкова. Более того, его вообще можно считать самым либеральным сотрудником Александра III. Можно утверждать также, что И. И. Воронцов-Дашков был наиболее либеральным министром двора за всю историю Министерства.

А. А. Половцов в конце 1881 г. отметил в дневнике, что новый министр «преисполнен добрых и честных намерений, выливающих в самые смутные формы»¹⁰⁶. Позднее именно в этой черте министра двора Половцов увидел причину начавшихся неудач в проведении ад-

министративной реформы МИДв¹⁰⁷; по его мнению, Воронцов-Дашков стал «блестящим олицетворением хаоса в своих неумелых распоряжениях»¹⁰⁷. Князь В. П. Мещерский считал, что «для трудной в хозяйственном отношении должности министра Двора ему недоставало двух весьма важных условий: твердого характера и административных способностей. Вследствие этого, волею-неволею ему пришлось с самого начала подчиняться докладывавшему, и если дело шло наружно благополучно, то, главным образом, благодаря симпатиям, которые министр Двора умел внушать своим добрым характером подчиненным»¹⁰⁸. Атаман Н. И. Святополк-Мирский также был невысокого мнения об административных способностях министра двора: в частном разговоре с П. А. Валуевым он как-то заметил, что «его управление похоже... на разрушение своего собственного жилища прежде сооружения другого, в коем можно было бы жить»¹⁰⁹.

В. С. Кривенко вспоминал: «Граф Воронцов-Дашков принял Министерство Двора, застывшее еще в дореформенных рамках. Много пришлось ему потрудиться над преобразованием дворцовых учреждений и удалось достигнуть хороших результатов. При нем на службу в это ведомство пошли выдающиеся силы, причем граф неизменно ставил в неперемное условие совместной работы — нравственную чистоплотность. К самым малейшим проявлениям корыстных побуждений он относился резко брезгливо, и ни на какие компромиссы не шел. Все жаждавшие личных материальных выгод или обильных наград были по натуре ему совершенно чужды, он отворачивался от них. При вступлении в управление Министерством Двора он привел в удрученное состояние местный бюрократический мирок. Установленные долгими годами формы делопроизводства, разраставшегося по небольшим вопросам в огромные дела, приходилось резко изменить. Вылеживания докладов, отписок, переписки отделения с отделением в одном здании — граф решительно не допускал. На внешнюю сторону докладов он не обращал внимания, но неизменно просил представить сконцентрированные, нерасплывчатые разъяснения. Поседевшие в делопроизводстве мастера бюрократического уклада приходили в уныние, былая слава их быстро увядала»¹¹⁰.

Новый министр двора не имел склонности к постоянной и скрупулезной рутинной работе, к тому же он, как и А. В. Адлерберг, не придавал придворной цензуре какого-либо значения. Это привело

¹⁰⁷ См. главу II данного исследования.

к тому, что при первой возможности (уже в начале 1883 г.) Воронцов-Дашков передал эту свою обязанность лицу, официально к тому не уполномоченному, — руководителю Контроля МИДв Н. С. Петрову. Тот занимался этим направлением почти десять лет — до начала своей болезни, сделавшей невозможной его повседневную деятельность в Министерстве. Цензурируемые материалы подавались Петрову обычно сразу по мере поступления, без подготовки проекта цензурного решения, и в большинстве случаев он принимал эти решения лично. Лишь в редких случаях руководитель Контроля МИДв докладывал вопрос И. И. Воронцову-Дашкову, который, впрочем, всегда утверждал предложенное решение. Ни одного факта личного утверждения цензурного решения императором Александром III выявлено не было. В начале 1893 г., после отхода Н. С. Петрова от практического руководства Министерством, принятие цензурных решений ненадолго перешло к следующему управляющему Кабинетом, П. К. Гудим-Левковичу, а затем — к В. Б. Фредериксу, занявшему пост помощника министра двора.

И. И. Воронцов-Дашков с самого назначения жестко отстаивал прежнее особое положение МИДв в государственной системе. При этом он занял совершенно независимую позицию и по отношению к великим князьям, нередко допуская проявления некорректности. Так, в декабре 1889 г. министр двора, желая уволить вице-президента Академии художеств (находящейся в ведении МИДв), обратился с этой просьбой прямо к императору, в обход и без ведома формального начальника — президента Академии великого князя Владимира Александровича. Увольнение, в нарушение должностной субординации, было произведено и не получило обратной силы, несмотря на последовавшую жалобу великого князя¹¹¹, что является свидетельством огромного влияния И. И. Воронцова-Дашкова в период его министерства. Вполне понятно поэтому установившееся вскоре общее резко отрицательное отношение к министру двора большинства членов императорской фамилии, выраженное тем же великим князем Владимиром Александровичем в разговоре с А. А. Половцовым в начале 1891 г.: «Мы теперь чувствуем, какая разница с прежним [министром двора — С. Г.]. Адлерберг старался по возможности смягчить все неприятное в отношениях нашего семейства, а Воронцов, напротив, находит удовольствие в том, чтобы делать нам всем неприятности»¹¹². Это отрицательное отношение к Воронцову разделялось и столичными правыми общественными кругами. А. В. Богданович уже 4 мая 1881 г.

записала в дневнике, что И. И. Воронцов-Дашков произвел на ее знакомого «ужасно неприятное впечатление, — очень бесцеремонно обращается с царем, ездит козырем, без всякого почтения, имеет вид настоящего временщика»¹¹³. Это первое негативное впечатление со временем еще усугубилось; в мае 1891 г. та же А. В. Богданович уже называет министра двора «дурак и пьяница»¹¹⁴. Через год, в марте 1892 г., она добавляет, что Воронцов, «судя по народному говору, и нечестный, и глупый, и заносчивый, и ленивый, и недоступный»¹¹⁵. Характерно, что большинство приведенных черт носят оценочный характер, отражая только эмоциональное неприятие автора. Думается, одна из причин столь однозначного отторжения Воронцова правыми кругами кроется в последней из приведенных его черт — «недоступный». Эта черта — единственная из всех не нагруженная эмоциями — свидетельствует о том, что министр двора старался держать жесткую дистанцию между собой, как ближайшим представителем императора, и консервативно настроенным дворянством. Возможно, это было необходимо ему для того, чтобы иметь определенную свободу политического маневра, что не могло не восстанавливать против него правых.

С начала 1889 г. И. И. Воронцов-Дашков, по свидетельству В. С. Кривенко¹¹⁶, разочаровался в реформаторской деятельности и начал отдаляться от управления Министерством. Его интересы все более смещались в сторону коннозаводства. После 1894 г. министр двора неоднократно просил у нового императора Николая II отставку. Одной из причин этого стало возрастающее отчуждение между молодым императором и его министром двора. По сведениям С. Ю. Витте, поначалу Воронцов-Дашков, знавший Николая Александровича с колыбели, имел в его глазах «особый авторитет»¹¹⁷. Однако со временем он «должен был производить на молодого императора некоторое гнетущее влияние. Эта психология отношений совершенно понятна... Министры августейшего батюшки... часто говорили с молодым императором не так, как они должны были бы говорить с самодержавным государем великой империи... Вероятно, проскакивающий менторский тон шокировал молодого императора и его супругу»¹¹⁸. Сложившуюся ситуацию описывает практически в тех же словах и начальник Канцелярии МИДв А. А. Мосолов: «Граф Илларион Иванович, зная молодого государя с детских лет, относился к нему покровительственно, что его величество находил вполне естественным... Молодую императрицу этот тон шокировал»¹¹⁹.

Повод для отставки министра двора и С. Ю. Витте, и А. А. Мосолов видели в Ходынской трагедии — гибели сотен людей из-за давки на Ходынском поле в Москве 18 мая 1896 г. Тогда И. И. Воронцов-Дашков советовал Николаю II воздержаться от посещения вечернего бала во французском посольстве, но император все-таки поехал. Вот что царь отмечал в дневнике вечером того же дня: «Обедали у Мама в 8 часов. Поехали на бал к Montebello [Л. Г. Монтебелло, французский посол — прим. С. Г.]. Было очень красиво устроено, но жара стояла невыносимая. После ужина уехали в 2 часа»¹²⁰. Причиной такого на первый взгляд жестокого шага Николая II была, конечно, не его бессердечность, сам он воспринял Ходынскую катастрофу как большое горе и действительно вначале не хотел ехать на бал. Ситуацию изменила позиция его ближайших родственников, которые в первые годы нового царствования оказывали на молодого монарха большое влияние.

Ясность в этот вопрос вносит в своем дневнике великий князь Константин Константинович. В записи за 19 мая он особо останавливается на роли, сыгранной в истории с балом дядями царя — великими князьями Алексеем, Владимиром и Сергеем Александровичами. «Государь не хотел, было, ехать на французский бал, но Его убедили показаться там хотя бы на один час, и что же: на балу Владимир, Алексей и сам Сергей упросили Государя остаться ужинать, так как отъезд с бала показался бы “сентиментальностью”. И Государь уехал с бала после ужина, в 2 часа». К событиям 18 мая Константин Константинович вернулся также 26 мая: «Государь глубоко расстроенный, весь в слезах, не хочет ехать на французский бал, Ему вечером известно о 300 жертвах, тогда как утром адъютант Сергея Гадон знал за достоверное, что погибших никак не менее 400. И что же? Сам же Сергей, которому следовало бы сокрушаться не менее Государя, вместе с братьями уговаривает Государя остаться на балу»¹²¹. Таким образом, можно заключить, что именно указанные старшие великие князья в конечном счете должны нести историческую ответственность за этот пагубный шаг — за это страшное решение, нанесшее, как показало будущее, непоправимый урон авторитету династии и образу Верховной власти в целом.

Тем не менее, все это не помешало великому князю Сергею Александровичу, занимавшему тогда пост московского генерал-губернатора, в ходе расследования обвинить в произошедшей трагедии Министерство двора и лично И. И. Воронцова-Дашкова. Сам министр двора ее виновником справедливо считал московского обер-полиц-

мейстера, а следовательно — и его начальника, великого князя. Следует отметить, что Сергей Александрович, дядя императора, был женат на родной сестре императрицы, великой княгине Елизавете Федоровне, и имел в этот период большое влияние на молодую императорскую чету. Видя, что император склоняется к точке зрения великого князя, И. И. Воронцов-Дашков вновь попросил отставку и вновь не получил ее — Николай не хотел огласки дела. Отставка была объявлена министру двора только через год, в мае 1897 г., уже без нового прошения, и потому неожиданно.

Тем не менее, эта отставка не означала опалу; и после увольнения И. И. Воронцов-Дашков остался членом Государственного Совета, а в 1904 г. возглавил Главное управление Российского общества Красного Креста. В следующем году Воронцов-Дашков получил новое, весьма почетное назначение — занял пост наместника на Кавказе и главнокомандующего войсками Кавказского военного округа. Одновременно он состоял наказным атаманом кавказских казачьих войск. На этих должностях он и прослужил до самой смерти, снискав уважение местного населения своим здравомыслием и добродушием.

1.4. В. Б. Фредерикс

Личность последнего министра двора В. Б. Фредерикса долгое время не вызывала особого интереса ни у специалистов, ни у любителей отечественной истории. Мнение о его «реакционных» взглядах и крайне незначительной роли в политических событиях эпохи стало своего рода «общим местом» в исторической литературе, посвященной последнему царствованию. Это мнение традиционно основывается на невысокой оценке способностей В. Б. Фредерикса, но главное — на непреложном убеждении в его физической, и как следствие — политической недееспособности. Это убеждение, давно ставшее аксиомой, берет свое начало в общем мнении современников. Авторы многочисленных мемуаров и воспоминаний на редкость единодушны в отказе В. Б. Фредериксу в какой-либо значимой роли в событиях того времени. Отношение к последнему министру двора разнится разве что от презрительного до снисходительного — в зависимости от политических убеждений автора. Однако справедлива ли эта оценка? Непредвзятое изучение документов позволяет совершенно по-новому взглянуть на личность Фредерикса и его политические взгляды

и выявить его реальную роль в принятии ряда важнейших политических решений эпохи.

Барон Владимир Борисович Фредерикс (1838–1927)¹²² начал свою карьеру в 1856 г. с поступления на службу в Л.-Гв. Конный полк унтер-офицером на правах вольноопределяющегося (т. е. в тот же год, в тот же дивизион полка и в том же звании, что и И. И. Воронцов-Дашков). В 1858 г. они оба были произведены в корнеты, но затем пути их разошлись: И. И. Воронцов-Дашков отправился в действующую армию на Кавказ, а В. Б. Фредерикс остался служить в полку. В 1871 г. барон был пожалован во флигель-адъютанты е.и.в., а в 1875 г., в чине полковника, назначен командующим Л.-Гв. Конным полком. В 1884–1885 гг. состоял членом Главного военного суда, затем выполнял различные поручения по инспекциям кавалерийских войск. В 1888 г. В. Б. Фредерикс впервые был представлен будущему императору Николаю II: барон состоял при наследнике цесаревича при погребении германского императора Вильгельма I в Берлине. В марте 1891 г. в жизни Фредерикса произошла важная перемена — он оставил действительную военную службу. По протекции И. И. Воронцова-Дашкова барон перешел на гражданскую службу в Министерство двора и возглавил Придворную конюшенную часть.

Вопрос о дальнейшем возвышении В. Б. Фредерикса имеет свою историю. В конце 1893 г., с отходом Воронцова-Дашкова от практического управления Министерством и увольнением в отставку главного контролера МИДв Н. С. Петрова, возник вопрос, кто будет теперь замещать министра — для начала во время его отсутствия. Казалось бы, эта проблема решалась сама собой: министра должно замещать лицо, следующее за ним согласно ведомственной иерархии. Таким лицом являлся на тот момент управляющий Кабинетом генерал-лейтенант П. К. Гудим-Левкович. Однако, как отмечал в мемуарах тогдашний заведующий Канцелярией министра двора В. С. Кривенко, этот вопрос отнюдь не решался автоматически: «То, что так легко предоставлено было Петрову, человеку, совершенно чуждому двору и придворному миру, то вдруг оказалось не подходящим для генерала»¹²³. Было решено учредить новый пост — помощника министра двора, на правах товарища министра. От великокняжеской партии на новое место был выдвинут генерал Н. А. Скалон — управляющий двором великого князя Владимира Александровича¹²⁴, но победил кандидат, выдвинутый самим министром двора — В. Б. Фредерикс (декабрь 1893 г.).

Великий князь Николай Михайлович указывал на решающую роль в этом назначении императрицы Марии Федоровны, которая всегда весьма благоволила И. И. Воронцову-Дашкову (это обстоятельство отмечал и С. Ю. Витте¹²⁵): «Благодаря императрице выбор на должность министра двора остановился на лице, о котором покойный император Александр III говорил графу Воронцову: “Я охотно соглашаюсь назначить его вашим помощником, но при одном условии, чтобы он управлял только императорскими конюшнями и чтобы он не имел претензии быть вашим преемником”. О ком шел вопрос? Не более, как о бароне Фредериксе (позднее графе), человеке порядочном, но ограниченном и представляющем абсолютное ничтожество»¹²⁶. Столь злая и явно необъективная характеристика становится понятной, если учесть, что в то время, когда великий князь писал свои «Записки», неоспоримая близость Фредерикса к императору Николаю II, отдалившемуся от всех своих родственников, вызывала у них большое раздражение. Так или иначе, после состоявшейся 6 мая 1897 г. отставки Воронцова-Дашкова В. Б. Фредерикс был назначен управляющим МИДв, а 5 апреля 1898 г. — и министром двора. С этого времени и до февраля 1917 г. он практически неразлучно сопровождал Николая II во всех его поездках, являясь одним из самых близких людей последнего императора.

Став министром, Фредерикс продолжал, как и прежде, в бытность помощником министра, непосредственное руководство придворной цензурой, лично принимая цензурные решения по докладу их проектов — сначала заведующим Административным отделом Кабинета А. В. Половцовым (1893–1897 гг.), затем исполняющим обязанности заведующего Канцелярией МИДв К. Н. Рыдзевским (1897–1900 гг.). Только после прихода на этот пост А. А. Мосолова (март 1900 г.) данный порядок был изменен. Уровень принятия цензурных решений понизился еще на ступень: теперь именно Мосолов принимал большинство цензурных решений, вынося их на утверждение министра двора только в исключительных случаях. Такая практика существовала вплоть до отъезда А. А. Мосолова в Румынию (ноябрь 1916 г.), а также и после, когда обязанности начальника Канцелярии исполнял его заместитель князь С. В. Гагарин.

А. В. Половцов так образно описывал в дневнике внешность Фредерикса (лето 1894 г.): «Во время разговора... я любовался бароном. Он удивительно красив до настоящего времени. Это в полном смысле слова *belle homme*. В его благородном профиле, нежном цвете кожи,

очевидно необыкновенно холеной, виртуозно причесанных остатках волос есть что-то женственное, но длиннейшие и характернейшие усы не оставляют сомнения в его поле. Он на своем веку победил вероятно сотни сердец. Его манера говорить — обаятельна. Манера вообще держать себя джентльменская до последней степени. Он всегда спокоен, ровен, но не сух, напротив, ему точно будто бы доставляет особенное удовольствие говорить именно с вами»¹²⁷. Подобный вид В. Б. Фредерикс сохранил и много лет спустя. Генерал Ю. Н. Данилов, общавшийся с ним уже во время Мировой войны, характеризовал его как «по наружному виду чопорного и накрахмаленного..., в действительности же очень доброго и приветливого старика»¹²⁸.

Мемуаристы высоко оценивали человеческие качества нового министра двора. Так, его ближайший сотрудник А. А. Мосолов отмечал: «Любим был граф Фредерикс как своими подчиненными, так и всеми придворными и военными кругами за доброжелательность и обворожительную любезность»¹²⁹. Генерал Н. А. Епанчин писал о Фредериксе, что он «человек глубоко благородный, рыцарь; он никого не боялся и всегда говорил правду, безразлично, нравилось ли это или нет»¹³⁰. В. Ф. Джунковский полагал, что он «человек на редкость благородный, преданный Государю, но, к сожалению, поддававший под чужое влияние, и не всегда хорошее»¹³¹. (Можно предположить, что автор имеет в виду родственные связи подчиненных министра двора. Напомним, что А. А. Мосолов был женат на сестре Д. Ф. Трепова, а В. Н. Воейков был зятем самого министра двора В. Б. Фредерикса).

Военный министр А. Ф. Редигер вспоминал, что при его назначении на пост (июнь 1905 г.) А. Н. Куропаткин, предыдущий военный министр, напутствовал его словами: «Держитесь ближе, находите опору в министре Двора Фредериксе. Это твердый и вполне благородный человек. Он верный слуга государя и все меры принимает для охраны его от родственников»¹³². К последнему министру двора относились с большим уважением и многие политические деятели Государственной Думы, чьи политические убеждения были далеки от воззрений Фредерикса. Так, его весьма «ценил»¹³³ председатель IV Государственной Думы М. В. Родзянко. Впрочем, возможно, на это отношение повлияло то обстоятельство, что когда-то Родзянко служил под началом барона все в том же Л.-Гв. Конном полку.

Отношение С. Ю. Витте к новому министру двора было неоднозначным. Он считал, что барон «весьма почтенный человек»¹³⁴, более того, даже «прекраснейший, благороднейший и честнейший

человек, — но и только. Впрочем, этого вообще, а в особенности по нынешним временам, очень много. Можно сказать, что барон Фредерикс по нынешним временам по своей честности и благородству — рыцарь»¹³⁵. В то же время С. Ю. Витте очень невысоко оценивал умственные и деловые способности министра двора: «Фредерикс по части понимания дел был совсем плох, ему трудно было усвоить не только рассуждения, но и самые простые факты. Его сотрудники его подучивали, как школьника, перед всяким всеподданнейшим докладом. Он, конечно, сам по себе не мог разобраться в том, правильны или неправильны те или другие действия и предположения»¹³⁶. В другом случае Витте даже утверждал, что барон вообще «лишен способности понимать что-либо мышлением»¹³⁷. Тем не менее, они оставались в хороших отношениях. Характерно, что Фредерикс был единственным лицом из придворной среды, пришедшим навестить С. Ю. Витте после попытки покушения на него в январе 1907 г.¹³⁸ Двойственным было мнение о министре двора и генерала В. И. Гурко: «Барон Фредерикс, как известно, отличался ограниченными умственными способностями, но одновременно и безукоризненной честностью и рыцарскими свойствами»¹³⁹.

Однако именно в этой ограниченности В. Б. Фредерикса, а точнее, в том исключительно удачном совпадении психологических особенностей личностей императора и его министра двора, С. Ю. Витте видел причину их многолетней близости: «Конечно, ни по своим знаниям, ни по своим способностям, ни по своему уму он не может иметь решительно никакого влияния на государя императора и не может служить ему ни в какой степени советчиком по государственным делам и даже по непосредственному управлению министерством двора. По характеру государя императора такой министр двора представляет собою тип человека наиболее для императора подходящего»¹⁴⁰. А. А. Мосолов отмечал другие основания близости барона и императорской четы: «Граф Фредерикс равно был любим государем и государыней. Оба ценили в нем врожденный такт, спокойствие и здравый смысл, исключительную правдивость и кристальную честность»¹⁴¹.

Современники единодушно отмечали роль барона В. Б. Фредерикса в кадровой сфере. Так, С. Ю. Витте писал в мемуарах: «Конный полк являлся самым влиятельным в последнее десятилетие, ибо министр двора барон Фредерикс, а вследствие этого и все высшие чины министерства двора также были из конного полка»¹⁴². Витте полагал, что для Фредерикса «высшей аттестацией человека было то,

что сей человек служил в конной гвардии, особливо в то время, когда Фредерикс был ее командиром»¹⁴³. С этим мнением был согласен и В. И. Гурко: «Николай при многих назначениях опирался на советы приближенных, преимущественно весьма порядочного, но ограниченного министра императорского двора гр. Фредерикса, неизменно рекомендовавшего на любую должность бывших офицеров лейб-гвардии Конного полка, коим он некогда командовал»¹⁴⁴.

Великий князь Николай Михайлович, в высшей степени нетерпимо относившийся к министру двора, пошел в своих мемуарах дальше и сделал попытку поименно очертить круг «назначенцев» барона: «Его влияние проявлялось время от времени в некоторых более или менее значительных назначениях, где выбор падал обычно на какого-нибудь офицера Л.-Гв. Конного полка, в котором бар. Фредерикс сам долго служил и которым позднее командовал. Все эти люди, имена которых: Максимович [К. К. Максимович, варшавский генерал-губернатор — С. Г.], Мосолов, Теляковский [В. А. Теляковский, директор императорских театров — С. Г.], кн. Орлов [В. Н. Орлов, начальник Военно-походной Канцелярии е.и.в. — С. Г.], кн. Белосельский [К. Э. Белосельский-Белозерский, член совета Главного управления государственного коннозаводства — С. Г.], Одоевский-Маслов [Н. Н. Одоевский-Маслов, начальник Московского Дворцового управления — С. Г.], Новосильцев [А. В. Новосильцев, генерал-адъютант е.и.в. — С. Г.], бар. Штакельберг [К. К. Штакельберг, заведующий Придворным музыкантским хором МИДв — С. Г.], Каменев [В. П. Каменев, член Совета Кабинета е.и.в. — С. Г.], Переяславцев [полицмейстер Императорских театров в Москве — С. Г.], обязаны своей карьерой или хорошо оплачиваемым местом только протекции барона, их покровителя и патрона»¹⁴⁵. Специфическую кадровую однородность окружения Николая II отмечает и граф И. И. Толстой (министр народного просвещения в 1905–1906 гг.): «В непосредственной близости к Государю находилось целое общество однополчан, так как бар. Фредерикс, гр. Бенкендорф [П. К. Бенкендорф, обер-гофмаршал двора — С. Г.], Трепов [Д. Ф. Трепов, московский обер-полицмейстер в 1896–1905 гг.; петербургский генерал-губернатор, товарищ министра внутренних дел, затем министр внутренних дел в 1905 г.; дворцовый комендант в 1905–1906 гг. — С. Г.], кн. Орлов [В. Н. Орлов, начальник Военно-походной канцелярии е.и.в. в 1906–1915 гг.] — все они были конногвардейцами. Конногвардейцем был и Оболенский [Н. Д. Оболенский — С. Г.] — управляющий

Кабинетом Е. В., заменявший барона Фредерикса в его отсутствие из Петербурга, так же как начальник Канцелярии Министерства двора генерал Мосолов (женатый на сестре Трепова)¹⁴⁶. Здесь уместно напомнить, что кроме А. А. Мосолова, женатого на сестре трех братьев Треповых, занимавших в разное время значимые посты в государственной системе, дворцовый комендант В. Н. Воейков был зятем самого министра двора В. Б. Фредерикса. Таким образом, внутри Министерства двора существовали и неформальные родственные связи, повседневные влияния которых также накладывали свой отпечаток на кадровую политику министра.

Свои политические взгляды Фредерикс никогда не высказывал — ни публично, ни письменно, — и потому их выяснение представляется очень важным. Директор одного из департаментов Министерства иностранных дел В. Б. Лопухин, анализируя в своих воспоминаниях политический расклад в правительствах Думской монархии, отмечал, что все министры (включая, разумеется, и министра двора) «были консерваторами, иначе не были бы призваны к власти»¹⁴⁷. Однако внутри состава правительств Лопухин выделял две группы: «крайних консерваторов, принципиально не допускавших компромиссов», и «умеренных консерваторов, признававших эволюцию консерватизма в приспособлении к современности»¹⁴⁸. Фредерикса он относил ко второй группе, подчеркивая, что министр двора последовательно проводил в своей деятельности принцип невмешательства в любые возникающие в правительстве политические конфликты. Самого барона Лопухин характеризовал следующими словами: «честный, прямой, близкий к царю, но никогда этой близостью не злоупотреблявший, старавшийся ни во что, непосредственно его не касавшееся, не вмешиваться... При его системе невмешательства [Фредерикс] мог считаться на лучший конец лишь сочувствующим умеренным прогрессивным течениям»¹⁴⁹.

Конечно, убеждения В. Б. Фредерикса отнюдь не были «реакционными», т. е. крайне-консервативными. Его вполне можно назвать «дуалистом»¹⁵⁰ — представителем правого крыла правительственного либерализма. С. В. Куликов, впервые введший этот термин в научный оборот, так определяет его значение: «В отличие от парламентаристов, дуалисты понимали под реформированным “самодержавием” неограниченность императорской власти, но не вообще, а **только** [выделено у автора — прим. С. Г.] в управлении, признавая, тем самым, ограничение ее в законодательстве»¹⁵¹. «Дуалисты» отождествляли

строй, созданный в 1906 г., с конституционно-дуалистической системой, при которой новые Основные законы четко разделили сферы властей законодательной и исполнительной. Признавая, таким образом, новые законодательные учреждения (Государственную Думу и Государственный Совет) и не стремясь к их ликвидации, «дуалисты», тем не менее, полагали необходимым ограничить их права одной законодательной областью. Император и правительство оставались при этом вне подчинения законодательным учреждениям, и прерогативы «самодержавия» в управлении оставались незыблемыми. Однако вся система в целом была подчинена закону. Эта оценка политических воззрений Фредерикса представляется вполне справедливой.

Хорошо известно участие В. Б. Фредерикса в подготовке Манифеста 17 октября 1905 г.¹⁵² Министр двора присутствовал на всех совещаниях, созывавшихся императором в узком составе, выступал в качестве посредника между Николаем II и С. Ю. Витте и сыграл, наряду с великим князем Николаем Николаевичем (Младшим), ключевую роль на последнем этапе обсуждения, представив по просьбе императора свое положительное мнение о предстоящей реформе.

Свидетельством умеренного консерватизма взглядов Фредерикса является и его лояльное отношение к такому нетерпимому для крайне правых кругов институту, как Государственная Дума. Министр А. Ф. Редигер приводит в воспоминаниях весьма показательный случай. 4 мая 1906 г. правительство получило информацию об адресе императору, принятом только что I Государственной Думой и носившем совершенно неприемлемый для Верховной власти характер. Некоторые министры потребовали сразу же, не дожидаясь официального поступления адреса, обнародовать жесткую ответную декларацию правительства — что привело бы к мгновенному конфликту, требующему автоматического роспуска Думы. Однако большинство членов правительства (к их числу присоединился и Фредерикс) полагало, что хотя «на совместную работу с нею, да и вообще на работу Думы, едва ли можно было надеяться; но население возлагало на нее такие большие надежды, что немедленный роспуск ее был бы для него большим разочарованием и надобно было попытаться привлечь ее к работе и дать ей самой возможность показать, способна ли она к ней или нет?»¹⁵³. В итоге было решено дать ответ лишь по получении адреса.

В. И. Гурко отмечает, что когда 8 июля 1906 г. председатель Совета Министров И. Л. Горемыкин привез к императору подготовленный им

проект высочайшего указа о роспуске I Государственной Думы, министр двора активно выступил против. Считая, вероятно, эту меру преждевременной, Фредерикс старался убедить И. Л. Горемыкина, что достаточно высказать Думе порицание от имени государя — и она образумится (Николая II он уже убедил к тому времени). Сознывая всю наивность этого предположения, председатель Совета Министров быстро склонил императора на свою сторону. Дума была распущена.

Терпимое отношение министра двора к Государственной Думе проявлялось и позднее. Так, в воспоминаниях М. В. Родзянко (май 1912 г.) описан такой пример: «Весной перед окончанием работ Думы, многие члены, как правые, так и октябристы, а главным образом крестьяне всех партий, выражали желание представиться Государю. В этом я видел побуждения самые искренние и благородные, а также и проявление верноподданнейших чувств. Я энергично начал через председателя Совета Министров Коковцова хлопотать об этом. Государь отнесся подозрительно к этому заявлению и сперва наотрез отказался принять членов Думы, вероятно под влиянием Императрицы, которая присутствовала при разговоре с Коковцовым и все время повторяла, что это совершенно лишнее. С другой стороны велись переговоры с бароном Фредериксом... с просьбой о том же. Только после того, как Коковцов и Фредерикс объявили, что они выходят в отставку, если Дума не будет принята, Государь нехотя на это согласился»¹⁵⁴. Дворцовый комендант В. Н. Воейков приводит в воспоминаниях информацию о том, что именно министр двора был 1 января 1916 г. инициатором посещения императором IV Государственной Думы, «дабы показать... представителям народа доброжелательное к ним отношение со стороны царя»¹⁵⁵, что вызвало понятное удивление со стороны либерально настроенных министров.

Тем не менее, как уже отмечалось, министру двора всегда — и до революции, и сегодня — отказывали в какой-либо значимой роли в политической жизни. Несмотря на укорененность этой общепринятой низкой оценки влияния В. Б. Фредерикса, она представляется глубоко ошибочной. Специфику положения барона весьма точно подметил А. А. Мосолов: «Он не любил вмешиваться в дела государственного управления и не имел решающего влияния на поступки государя. Но в трудные минуты государственной и семейной жизни государь всегда делился с ним своими заботами и охотно выслушивал его мнение. Часто он открывал глаза государю на весьма хитро сплетенные интриги, которые беспощадно клеймил. За всю мою службу при нем он ни одного дня не был в немилости государя, а незначительные

вспышки недовольства императрицы быстро ею же сглаживались. Она искренне любила своего “старого джентльмена”, как она его в семейном кругу называла¹⁵⁶. Однако в принципиально важные, как он полагал, моменты министр двора не боялся прямо высказывать свое мнение даже в том случае, когда оно заведомо противоречило уже высказанной точке зрения императора или императрицы. Ряд примеров такого вмешательства в политику отражены в мемуарах наиболее информированных современников Фредерикса.

Интереснейший сюжет приведен в воспоминаниях В. И. Гурко. Весной 1900 г. Николай II, под влиянием А. М. Безобразова, В. М. Вонлярлярского и А. М. Абазы, призывавших императора поддержать русское проникновение в Корею, согласился на то, чтобы устав организованной ими Восточно-Азиатской промышленной компании был внесен на утверждение в Комитет Министров. Кроме того, император повелел министру двора приобрести 200 паев новой компании — за счет средств Кабинета е.и.в., но на другое имя. В ответ Фредерикс 2 июня 1900 г. представил Николаю всеподданнейший доклад, в котором, «упомянув про то, что коммерческая прибыльность предприятия представляется весьма сомнительной, подробно развивает то положение, что участие русского царя, хотя бы анонимное, через посредство третьего лица, в русских коммерческих делах, успех коих зависит в значительной степени от действий правительства, совершенно невозможно. Известия об этом могут проникнуть в печать, если не русскую, то заграничную, и, во всяком случае, тайной не останутся»¹⁵⁷. Барон предложил передать участие в этом проекте Министерству финансов.

В это же время императору представил свою записку И. И. Воронцов-Дашков, уже состоящий в пайщиках этого предприятия. Он, напротив, горячо настаивал на личном участии императора в деле. В. И. Гурко цитирует слова из записки Воронцова: «Если не будет явно, что мы работаем для Вас и под Вашим покровительством, то, вероятно, большинство откажется, не желая отдавать свое время и труд на увеличение средств X-а, Y-а или Z-а, при могущих изменяться взглядах гг. министров»¹⁵⁸. Одновременно Воронцов обратился с письмом к В. Б. Фредериксу, в котором «в весьма резких выражениях» упрекал барона в том, что он «тормозит дело государственного значения».

Император встал на точку зрения Воронцова-Дашкова и повторил свое поручение о приобретении паев образуемого общества. Тогда Фредерикс «наотрез отказался от исполнения этого Высочайшего повеления, подав одновременно прошение об увольнении от долж-

ности министра двора. Прощение это Фредерикс снабдил изложением тех мотивов, которые его к этому побуждают, — недопустимость для русского царя участвовать в денежных делах, прибыльность которых зависит от мер государственных, самим царем проводимых, причем прибавлял, что если государю угодно вложить в это дело деньги в виде помощи ему, не связанной ни с какими возможными прибылями, иначе говоря, в виде безвозвратной субсидии, то он, Фредерикс, хотя и считает, что это неразумная трата государевых денег, разумеется, не сочтет себя вправе этому препятствовать»¹⁵⁹. Николай II внял этим доводам и резолюцией 5 июля 1900 г. повелел не вносить устав в Комитет Министров, «покуда не успокоятся события на Дальнем Востоке». С. Ю. Витте добавляет, что когда А. М. Безобразов явился к министру двора за выделенными (уже в виде дара, как и предлагал Фредерикс) средствами, «он [Фредерикс] отказался иметь какие-либо сношения с Безобразовым и просил государя избавить его от сношений с этими господами, а отнес 200 тыс. рублей в пакете государю, чтобы он передал деньги Безобразову через кого-либо другого»¹⁶⁰. Устав был утвержден много позднее, в мае 1903 г., после назначения А. М. Безобразова статс-секретарем. Этот сюжет показывает типичный путь воздействия и границы влияния В. Б. Фредерикса на политические процессы. Следует отметить и недалёковидность бывшего министра двора И. И. Воронцова-Дашкова — впрочем, неудивительную, учитывая активное участие в этом проекте некоторых других высочайших особ, например великого князя Александра Михайловича.

Другой характерный случай прямого влияния министра двора описан в дневнике директора Императорских театров В. А. Теляковского (июнь 1901 г.): «В одном из разговоров с бароном [Фредериксом — С. Г.], когда Александр Михайлович [великий князь — С. Г.] просил его поддержать ходатайство перед Государем Императором об отделении торгового флота, барон сказал, что считает невозможным говорить об этом помимо Великого Князя Алексея Александровича, что подобный образ действия дискредитирует Великого Князя Алексея Александровича и подводит Государя Императора на нежелательное решение. Как верноподданный, он, Министр Двора, не может на это идти и очень удивляется, что Великий Князь Александр Михайлович, будучи женат на сестре Государя Императора, пользуется своим исключительным положением, чтобы ставить Государя Императора в затруднительное положение. “Пока я министр, — закончил барон, — я этого не допущу и говорю вам впредь, что всег-

да буду говорить Государю правду и буду против вас говорить"»¹⁶¹. Негодование великого князя было велико: между ним и Фредериксом установились такие напряженные взаимоотношения, что, когда вскоре Александр Михайлович давал большой бал, на который были приглашены все члены императорской семьи, начиная с императорской четы, министра двора (которому надлежит быть на таких мероприятиях по должности) демонстративно обошли приглашением¹⁶². Можно предположить, что именно с этого времени в обозначившемся внутрисемейном конфликте между Михайловичами, а затем и другими великокняжескими дворами и молодой императорской четой, министр двора окончательно перешел на сторону Николая II и Александры Федоровны. Следствием этого стало ухудшение отношения старших великокняжеских дворов к Фредериксу, позднее, во время Мировой войны, переросшее в открытое неприятие.

Но иногда министр двора проявлял смелую инициативу и в чисто политических вопросах. Поразительный пример имел место в сентябре 1915 г., уже во время болезни Фредерикса¹⁶³. Оппозиционные Земские и Городские союзы пожелали довести до сведения императора содержание принятых на союзных съездах резолюций (имевших достаточно радикальный характер). Лидеры союзов ходатайствовали о высочайшей аудиенции, в которой им было отказано самим Николаем II. Встал вопрос о форме этого отказа, очень важный в сложившейся тогда политической ситуации. Формальным автором ответного послания по статусу должен был быть министр двора, и это позволило ему проявить собственную политическую волю.

Премьер-министр И. Л. Горемыкин составил весьма жесткий текст ответной телеграммы, посылка и последующее неминуемое опубликование которой фактически означали бы полный разрыв с либеральной оппозицией. Фредерикс считал это крайне нежелательным и потому сделал все, чтобы «сгладить» отказ. Для начала он убедил Николая II, что текст телеграммы необходимо смягчить, и добился включения в него упоминания заслуг союзов перед Родиной. Но даже от передачи такого примирительного варианта телеграммы министр двора предпочел уклониться. Он настоял на поручении объявления царского ответа управляющему Министерством внутренних дел Н. Б. Щербатову (более либерально настроенному, чем премьер-министр), который составил новый, еще более миролюбивый ответ оппозиционерам. А затем, уже по своей собственной инициативе, Фредерикс предложил Щербатову передать отказ императора в аудиенции лидерам союзов в

устной форме — оговорив, что император отнесется к такому исходу дела одобрительно. Разумеется, министр двора при этом отдавал себе отчет в том, что либеральный управляющий МВД постарается всеми способами смягчить отказ. Императору об этом Фредерикс доложил лишь на следующий день. Поставленный перед совершившимся фактом, Николай II согласился с предложенным вариантом ответа — тем более что он и сам не стремился к обострению внутривластной ситуации.

Данный случай представляется исключительно интересным, поскольку зримо показывает обычно скрытый механизм принятия конкретного политического решения. Однако для нас важнее в этом сюжете то, что он ясно представляет «политическое лицо» престарелого министра двора и реальное влияние его на императора. Не оспаривая уже принятого Николаем II решения — отказа в аудиенции, В. Б. Фредерикс сделал все, чтобы максимально смягчить негативные последствия этого шага. На этом пути министр двора не побоялся встать в открытую оппозицию к более консервативно настроенному главе правительства и даже пошел на прямую манипуляцию позицией управляющего МВД. Тем не менее, император согласился с проведенным от имени Фредерикса решением — поскольку, видимо, министр двора сумел угадать именно тот вариант, который отвечал скрытым желаниям императора. Это еще раз доказывает очень высокую степень душевной близости, существовавшую между ними. Таким образом, можно сделать вывод, что влияние В. Б. Фредерикса на ряд высочайших политических решений имело место, и было если не решающим, то вполне значительным.

Вопреки распространенному мнению, министр двора имел собственное мнение по острым политическим вопросам дня, которое не скрывал. Так, В. Н. Воейков отмечает его самостоятельную позицию во время балканского кризиса в июле 1914 г.: «Считая императора Вильгельма благородным человеком и веря в искренность его слов относительно возможности ликвидировать угрозу войны, министр двора граф [он был возведен в графское достоинство в 1913 г., к 300-летию Дома Романовых — С. Г.] Фредерикс был сторонником остановки мобилизации»¹⁶⁴. Когда же министр иностранных дел С. Д. Сазонов попытался убедить министра двора в необходимости продолжения мобилизации, ему это не удалось: «Граф определенно высказал ему свой взгляд, что война в случае неудачи приведет в конечном результате к революции; Сазонов же держался того мнения, что только вой-

на может предупредить революцию, которая непременно вспыхнет, если войны не будет»¹⁶⁵. Позднее, в августе 1915 г., по свидетельству военного министра В. А. Сухомлинова¹⁶⁶, Фредерикс резко выступил против уже принятого решения императора лично возглавить командование войсками, считая этот шаг пагубным в политическом смысле (это подтверждают А. А. Мосолов¹⁶⁷ и В. Н. Воейков¹⁶⁸). Следует отметить, что, по свидетельству великого князя Андрея Владимировича¹⁶⁹, не менее активно против этого решения выступал и бывший министр двора И. И. Воронцов-Дашков (в то время наместник на Кавказе). То, что резко отрицательное отношение к этому поступку Николая II двух в высшей степени уважаемых императором лиц (равно как и многих прочих) не повлияло на исход дела, свидетельствует прежде всего об огромном влиянии императрицы в данный период (как известно, горячей сторонницы этого высочайшего решения). Позднее, в феврале 1917 г., В. Б. Фредерикс высказывался и против отъезда Николая II из столицы в Ставку, считая, что это в сложившихся условиях несвоевременно¹⁷⁰.

Весьма ярко характеризует министра двора и его отношение к Г. Е. Распутину. Сознывая, вероятно, невозможность полного удаления «старца» из жизни императорской семьи, Фредерикс все же попытался выступить против него, но неудачно. Император сразу остановил графа, сказав «Милый граф! Со мною уже много говорили о Распутине... Я вперед знаю все, что вы можете мне сказать... Останемся друзьями, но об этом больше не говорите». Тем не менее, позднее Фредерикс вновь пытался вернуться к этому вопросу, но встретил «еще более сильный отпор»¹⁷¹. Однако, по сведениям и А. А. Мосолова, и баронессы М. Э. Клейнмихель¹⁷², министр двора по-прежнему продолжал демонстративно игнорировать Г. Е. Распутину, избегал с ним любых контактов и был одним из тех немногих властных лиц, которые никогда не принимали просителей с рекомендацией Распутина, оставляя его письменные просьбы без внимания.

Постоянным стремлением Фредерикса было погашение часто возникающих конфликтов между императорской четой и другими особами. С. Ю. Витте отмечает случай, имевший место в августе 1906 г. Князь П. Д. Святополк-Мирский, вернувшийся в столицу из длительного отпуска после своей отставки с поста министра внутренних дел, пожелал представиться императору (он имел на это законное право как генерал-адъютант). Однако Николай II, по требованию императрицы, отказал князю, известному своими либеральными взглядами.

В ответ тот незамедлительно подал в отставку. Только благодаря совместным настояниям министра двора и председателя Совета Министров П. А. Столыпина император изменил свое решение и принял опального князя, избежав тем самым общественного скандала¹⁷³.

В 1912 г. Фредерикс по тем же причинам пытался воспрепятствовать увольнению воспитательницы царских детей С. И. Тютчевой, однако ее удаления требовал Г. Е. Распутин, и вмешательство не увенчалось успехом¹⁷⁴. Также неудачным было заступничество министра двора в 1916 г., когда императрица, получив некорректное письмо княгини С. Н. Васильчиковой (требовавшей удаления Распутина), настояла на ее высылке из столицы. Фредерикс тогда советовал просто оставить письмо без ответа¹⁷⁵. По свидетельству В. Н. Воейкова, только прямое вмешательство министра двора предотвратило скандал внутри императорского дома на Рождество 1916 г., когда большинство членов императорской фамилии отказались поздравить царственную чету с праздником¹⁷⁶.

Со временем все большее значение приобрел фактор возраста и связанных с этим изменений. С начала 1913 г. у Фредерикса резко ухудшилось здоровье: начались кровоизлияния в мозг, сопровождавшиеся временной потерей памяти. В воспоминаниях В. Ф. Джунковского (в то время товарища министра внутренних дел)¹⁷⁷ и Т. Е. Мельник (Боткиной)¹⁷⁸, дочери лейб-медика Е. С. Боткина, описываются комические случаи, к которым приводила «рамольность» (старческое слабоумие) министра двора. Очевидцы этих болезненных проявлений способствовали распространению в высшем обществе негативного отношения к барону. Однако приведенные выше факты участия Фредерикса в политической жизни свидетельствуют о том, что и раньше, и в процессе болезни мнения министра двора отличались здравым смыслом, умеренным либерализмом, а порой и истинной мудростью.

Проблема последнего десятилетия министерства Фредерикса состояла в том, что граф не мог уйти в отставку по болезни, поскольку император не видел никого, кто мог бы официально заменить министра двора. Против кандидата самого В. Б. Фредерикса, устраивавшего и императора, — начальника Канцелярии МИДв А. А. Мосолова — была резко негативно настроена императрица (по свидетельству В. А. Теляковского¹⁷⁹, здесь не обошлось без влияния Г. Е. Распутина, не получившего через А. А. Мосолова, несмотря на все свои старания, выход на министра двора). Второй приемлемый для императора кандидат — начальник Главного управления уделов В. С. Кочубей — сам

отказался от этого назначения¹⁸⁰. Других лиц, пользовавшихся полным доверием императорской четы, в их окружении к этому времени не осталось. Однако на неофициальном уровне переход власти в Министерстве все же произошел: в предреволюционные годы вся фактическая административная власть в Министерстве сосредоточилась в руках А. А. Мосолова.

Итак, в чем же загадка «политического лица» В. Б. Фредерикса? Почему ни современники, ни потомки не смогли оценить по достоинству реальную политическую роль престарелого министра двора в предреволюционные десятилетия? Дело, думается, в том, что неправомерен сам взгляд на Фредерикса как на традиционного политического деятеля: он автоматически приводит исследователя к ошибке. Действительно, казалось бы, барон не играл активной роли в политической жизни страны. Он зачастую игнорировал заседания Кабинета, а затем Совета Министров, предпочитая присылать туда своих заместителей; он сторонился любого соприкосновения с публичной сферой политики, не появляясь на заседаниях Государственной Думы и Государственного Совета; он избегал любых публичных или финансовых скандалов вокруг своего ведомства, не выступая с заявлениями для прессы. Кроме того, совершенно «несветский» образ жизни барона (вполне, кстати, соответствующий его возрасту) и крайне замкнутый круг общения также не способствовали распространению его истинных взглядов и убеждений. Все это дало современникам основание считать В. Б. Фредерикса одним из лидеров пресловутой «камарильи» — якобы окружившей трон Николая II группы крайних консерваторов, ненавидящих новый политический строй, установившийся в России после 1905 г., и старавшихся всеми силами вернуть Империю к патриархальным порядкам. Именно в этом современникам виделась истинная причина того, почему император десятилетиями держит подле себя старчески «слабоумного» и профессионально «бесполезного» министра. А поскольку многолетняя близость Фредерикса к Николаю II никем не могла быть подвергнута сомнению, становится понятно широко распространенное тогда в «прогрессивном обществе» презрение к престарелому министру двора, выразившееся во всеобщем отчуждении.

На первый взгляд, В. Б. Фредерикс не принимал видимого участия в принятии важных политических решений. Однако приведенные факты говорят обратное. Участие Фредерикса в политических процессах происходило постоянно, но никогда не отражалось в каких-либо официальных документах. Оно было незаметно стороннему

наблюдателю, поскольку имело место в основном в устной форме и исключительно на неформальном уровне. Секрет Фредерикса — в его огромном личном влиянии на Николая II. Причина этого влияния — в глубоком уважении, которое неизменно питала к нему императорская чета. Подобное отношение министр двора заслужил прежде всего благодаря своим безупречным моральным качествам: кристальной честности, подлинному благородству, неподдельной личной скромности и житейской мудрости — то есть тому «рыцарскому» отношению к жизни, что так ценил последний император и так редко встречал в окружающих его людях.

Долгие годы находясь рядом с императором, Фредерикс не только делил с ним быт и стол в путешествиях и в столице. Ежедневно доверительно общаясь с Николаем II и императрицей, высказывая открыто и недвусмысленно свое мнение по наиболее важным, по его мнению, проблемам, министр двора оказывал важное, хотя и не всегда решающее, влияние на формирование высочайших решений. Со временем Фредерикс стал для Николая II, надо думать, своего рода моральным камертоном политической жизни. Даже не спрашивая прямо мнения своего министра двора по каждому предстоящему политическому решению, императору, тем не менее, всегда было известно об отношении барона к данному вопросу. Таким образом, Николай мог быть уверен в том, что в случае, если с моральной точки зрения единственно возможным будет только определенное решение, министр двора обязательно сообщит об этом. К тому же император знал, что барон представит ему свое мнение только в принципиально важном случае. Дополнительный вес этому мнению в глазах царя придавала и хорошо ему известная личная незаинтересованность барона в предлагаемом решении, а главное — свобода Фредерикса от любых посторонних влияний.

Судьба последнего министра двора после революции — историческая загадка, разъяснить которую автору оказалось не по силам. Как известно, В. Б. Фредерикс был со своим императором до конца — они были разлучены уже после отречения Николая II. Долгие семь лет Фредерикс жил в большевистском Петрограде, но даже не был надолго арестован. Более того, в 1924 г. его выпустили за границу — в Финляндию — доживать свои дни в собственном огромном имении. Понятно, что такое политическое решение могло быть принято только на самом высоком уровне, ведь формально министр двора должен был тогда считаться злейшим врагом советской власти.

Как смог Фредерикс выжить в революционной столице, кто уберег его от террора и кто принял это уникальное для 1924 г. решение, так и осталось тайной.

2. ЛИЦА, НАИБОЛЕЕ ВЛИЯТЕЛЬНЫЕ В МИНИСТЕРСТВЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА В ОПРЕДЕЛЕННЫЙ ПЕРИОД

Первая категория тех, кто на практике, в обход закона, помимо министров двора принимал цензурные решения, — лица, наиболее влиятельные в Министерстве в определенный период, но не имеющие на это соответствующих официальных полномочий, так называемые «временщики». Они появлялись тогда, когда сам министр двора, в силу причин личного характера, отдалялся от повседневного текущего руководства Министерством. В этом случае властные полномочия переходили к лицу, сосредоточившему в своих руках финансовый и административный контроль за разнообразными установлениями МИДв. Это давало такому лицу огромную власть, не предусмотренную российским законодательством. Для такого незаконного перераспределения властных полномочий существовала объективная возможность, которую пояснил В. С. Кривенко: «До реформы, проведенной гр. Воронцовым-Дашковым [в 1880-х гг. — С. Г.], в министерстве не существовало особого органа, ведавшего финансовым управлением, функции эти постепенно сосредоточились в Контроле, который, втянув в свою орбиту и Кассу, обратился в хозяйственно-распорядительное, само себя контролирующее учреждение. Нецелесообразность такого положения не могла не отражаться вредно на деле, зато ставила в исключительное положение управляющего Контролем, и если он был властного характера, то для него открывались возможности держать все ведомство в своих руках»¹⁸¹. Таким образом, большинство «временщиков» были руководителями Контроля МИДв.

2.1. К. К. Кистер

Первый «временщик» в Министерстве двора появился при А. В. Адлерберге. Со временем Александр Владимирович устранился от повседневного руководства МИДв, и бразды правления впервые в истории Министерства фактически перешли к другому лицу —

управляющему Контролем МИДв барону Карлу Карловичу Кистеру (1820–1893). Одно из самых влиятельных лиц Министерства двора в 1860–70-е гг., действительный тайный советник, статс-секретарь, К. К. Кистер шел к вершинам власти весьма извилистым путем. В шестнадцать лет он начал свою карьеру с поступления унтер-офицером в Уланский е. и. в. великого князя Михаила Павловича полк. В 1839 г. барон переводится в Л.-Гв. Конно-пионерный полк, а еще через год благополучно сдает экзамены в Инженерном училище и становится офицером. Казалось бы, впереди его ждала успешная военная карьера, но всего через три года, в 1843 г., К. К. Кистер по неизвестным причинам увольняется со службы в чине поручика и уезжает за границу — на долгие семь лет. Решив, видимо, что военная карьера не для него, барон отдается науке. Времени в Европе он даром не теряет: в 1846 г., окончив курс обучения в Гессенском университете, получает степень доктора философии. Определившись в своих естественнонаучных пристрастиях, Кистер в том же году становится членом-корреспондентом Королевского Вюртембергского центрального общества сельского хозяйства, а затем и действительным членом ряда европейских естественнонаучных академий.

Через несколько лет, несмотря на столь успешное развитие, научная карьера К. К. Кистера по неизвестным причинам прерывается. Барон возвращается в Россию и в феврале 1850 г. поступает простым бухгалтером в Императорский Ботанический сад (напомним, что до 1863 г. сад был в составе МИДв). В скором времени Кистер «привел в примерный порядок» все финансовые дела сада, принеся при этом казне немалую экономию средств, и «неутомимою деятельностью своей, в соединении с отличными сведениями по технической части»¹⁸² обратил на себя внимание начальства. В апреле 1855 г. барона назначают товарищем директора Ботанического сада, а еще через два года — и управляющим. Казалось бы, служебный «потолок» достигнут, расти дальше некуда. Но К. К. Кистер уже нащупал свой «конек», который вывезет его наверх; нашел то, что он мог делать лучше других. Этим «коньком» барона было «умение всемерной экономии» ведомственного бюджета; и в новых пореформенных условиях оно оказалось очень востребовано. Настоящая карьера барона только начиналась...

Решающий шаг наверх Карл Карлович сделал в 1859 г. Изворотливость, ловкость и даже наглость, продемонстрированные бароном при этом, поразили даже привычных к карьеризму сослуживцев. На этот любопытный сюжет проливают свет воспоминания одного из

подчиненных Кистера, весьма информированного чиновника дирекции петербургских театров Пешкова¹⁸³. По его данным, в то время Ботанический сад часто посещала В. И. Буркова — многолетняя фаворитка министра двора В. Ф. Адлерберга, имевшая на него большое влияние. Кистер взял за правило каждый раз на выходе из сада лично подносить ей богатый букет свежих цветов. Со временем он сблизился с В. И. Бурковой и стал бывать у нее дома, где неоднократно встречал и министра двора — напомним, своего руководителя. В процессе общения Кистер сумел составить самое благоприятное впечатление о себе.

Вскоре место управляющего Кабинетом е.и.в. занял барон П. К. Мейендорф — бывший посол в Вене и личный друг императора. Дальнейшее продвижение Кистера зависело также от личного контакта с ним. Поначалу Кистер, по словам Пешкова, совершил оплошность: попытавшись наладить с Мейендорфом «прямые связи», он «начал за ним ухаживать» с таким подхалимством, что достиг обратного результата, оттолкнув от себя управляющего Кабинетом. Тогда Кистер стал действовать с другой стороны. Подкупив прислугу Мейендорфа, он выяснил, что тот обычно выполняет все желания своей супруги, а та имеет страсть к цветам. Однажды Кистер привез на служебную квартиру барона несколько роскошных букетов и, через посредство подкупленного швейцара, оставил их в комнате баронессы. Через день он повторил эту процедуру. Польщенная таким вниманием, та захотела лично познакомиться со столь галантным кавалером — чего Кистер и добивался. При встрече он любезно сообщил, что «ему доставляет счастье привозить цветы, которые ему ничего не стоят». После этого свидания Кистер стал доставлять букеты каждую неделю, на замену увядшим, чем окончательно очаровал баронессу. Отметим, что для посещений им всегда выбиралось время, когда хозяин дома отсутствовал — об этом Кистер имел постоянную информацию от прислуги. Теперь нужен был подходящий случай, и он не заставил себя долго ждать.

После смерти прежнего руководителя освободилось место управляющего Контролем МИДв — и Кистер отправляется к баронессе Мейендорф и заявляет, что «от ее супруга зависит счастье всей его жизни», ему нужно, чтобы барон исходатайствовал назначение Кистера на этот пост. Муж, конечно, выполнил настоятельную просьбу супруги, а министр двора не имел ничего против хорошо ему известного подчиненного. Следует отметить, что это назначение очень удивило коллег барона, поскольку главным кандидатом на освобо-

дившуюся должность был, по общему мнению, советник П. С. Плешко — прежний начальник Кистера по службе в Ботаническом саду. Так в октябре 1859 г. К. К. Кистер стал управляющим Контролем МИДв, войдя в высший эшелон власти в Министерстве.

В том же году Кистер стал представителем МИДв в составе высочайше утвержденной комиссии при Государственном контроле. Она была призвана привести ведомственный контроль (напомним, совершенно отделенный и неподотчетный государственному) в соответствие с новыми общими принципами — «для устройства правильного движения капиталов, их отчетности и ревизии»¹⁸⁴. Этим, надо думать, барон и занимался на новом посту. В 1863 г. Кистеру было поручено новое ответственное поручение: по высочайшему повелению он был командирован в Берлин для ознакомления с управлением существующей при прусском дворе придворной кассы. Последующие служебные командировки с той же целью в Вену и Париж принесли весомый результат: в том же году аналогичное установление было учреждено и в МИДв. Управляющим Кассы МИДв сделался, разумеется, сам Карл Карлович. Наконец, в марте 1875 г. барону доверили и управление дирекцией Императорских театров. С этого момента и до отставки в 1881 г. К. К. Кистер совмещал все эти должности в одном лице, являясь одновременно управляющим Императорским Ботаническим садом, Императорскими театрами, Контролем и Кассой МИДв. Вершиной его карьеры стало едва не состоявшееся в апреле 1880 г. назначение в состав Государственного Совета. Учитывая формально невысокое положение барона в бюрократической иерархии, это был бы уникальный прецедент. Собственно, высочайшее повеление о назначении Кистера, с подачи министра двора, уже было подписано, но неожиданно по неизвестным причинам этому резко воспротивился тогдашний председатель Государственного Совета, великий князь Константин Николаевич. Он лично попросил императора отменить его решение, что и было сделано. Взамен Кистер получил почетное звание статс-секретаря его величества¹⁸⁵.

Как отмечал В. С. Кривенко, «точный, исполнительный Карл Карлович скоро выдвинулся на пост Управляющего Контролем, но при первом Адлерберге, входившем непосредственно в дела, он сдерживался, расправил же свои крылья при втором Адлерберге, который рад был спихнуть с себя ежедневные, скучные бумажные заботы»¹⁸⁶. Постепенно влияние Кистера распространялось все шире и шире, и в 1870-е гг. власть барона в Министерстве двора стала поистине все-

объемлющей. Естественно, что в числе прочих административных дел под руководство Кистера перешла и придворная цензура: во многих выявленных случаях именно он, а не министр двора, утверждал цензурные решения по проектам, представляемым ему чинами Канцелярии. Старший казначей Кассы МИДв А. И. Михайлов, работавший под его началом, вспоминал: «Барон Кистер был человек умный, отлично знающий дело, хороший администратор. Наружною любезностью не отличался, подчиненным своим руки не подавал... Барон зла не делал, но позволял себе сердиться и шуметь на служащих»¹⁸⁷. Уже упоминавшийся чиновник Пешков живописует образ Кистера также не в лучшем свете: «Честолюбию Кистера не было границ. При входе в Контроль он шел, держа голову вверх, как будто ни на кого не обращая внимания и редко отвечал на поклон, а между тем высматривал, кто вставал при его появлении, и как ему кланялись: низкопоклонники много выигрывали. Один чиновник был уволен за то, что, будучи занят делом, не заметил прихода барона Кистера, не встал и не поклонился. Сторож в Михайловском театре был уволен за то, что, не зная в лицо Кистера, не пропустил его на сцену с актерского подъезда, тогда как сторож исполнял свою обязанность»¹⁸⁸. Аналогичный случай, но уже в Александринском театре, приводит в воспоминаниях и актер А. А. Нильский¹⁸⁹. Для того чтобы постоянно держать в «черном теле» своих подчиненных, Кистер применял следующий метод: при нем все чиновники Контроля МИДв много лет числились «исправляющими должность», чтобы при первой малейшей оплошности можно было уволить человека без всяких объяснений — что он неоднократно и делал. Характерно, что барон утвердил в должностях всех подобных лиц лишь в последние дни перед отставкой¹⁹⁰.

Не забывал К. К. Кистер и свою личную пользу. Под свое начало он взял сына, О. К. Кистера, выхлопотал ему звание церемониймейстера двора и сделал начальником специально образованной для него «синекуры» — Материального отделения при Контроле МИДв. В этом Отделении числился, кроме его сына, только один чиновник — и тот для выдачи прихода-расходных (т. е. канцелярских) принадлежностей. Как свидетельствует Пешков, с мая по ноябрь О. К. Кистер жил за границей (исправно получая при этом зарплату), в остальное же время являлся в присутствие раз в неделю, по понедельникам, чтобы подписать бумаги¹⁹¹. Своим всегдашним хамством и высокомерием он вызывал ненависть сослуживцев. Понятно, что он был уволен одновременно с отцом. Другой характерный случай

также приводит в своих воспоминаниях чиновник Пешков¹⁹². Как-то барон решил заново отделать свой дом, находящийся рядом с тогдашним Большим театром (на углу Театральной площади и Никольской улицы). Однако Кистер решил обойтись без личных трат. Он настоял на возведении пристройки к театру — для расширения гардеробного помещения. Поручено оно было приближенному к Кистеру архитектору А. И. Кракау (автору проектов Балтийского вокзала и Училища технического рисования барона А. Л. Штиглица). Архитектор составил смету, Кистер ее утвердил — и закипела работа. Одновременно «сэкономленными» материалами Кракау отделывал и стоящий рядом дом Кистера. По окончании строительства барон «с особым цинизмом» еще и представил своего протеже к высочайшей награде (благополучно утвержденной) — за якобы имевшуюся экономию средств в 8 тысяч рублей.

Пешков упоминает и о другой сфере Кистера. На протяжении нескольких лет весной он сносился с министром финансов об отпуске из Монетного двора 100 000 рублей золотом, на якобы предполагавшуюся в скором времени высочайшую поездку за границу. Золото привозилось и принималось в Кассу МИДв по весу. Через некоторое время деньги возвращались в казначейство, якобы из-за отмены царского вояжа. Но при этом, по утверждению Пешкова, каждый раз они возвращались уже не золотом, а бумажными ассигнациями. Куда поступало это золото — осталось загадкой. Пешков в этой связи упоминает слух, распространившийся в Министерстве после отставки барона, что в Кассе недосчитались трех казначейских книг, в которых, как он предположил, и могли находиться отчеты по обороту этого золотого запаса. К сожалению, проверить информацию Пешкова сегодня не представляется возможным, но с главным его выводом нельзя не согласиться: «Кистер пользовался полным доверием министра А. В. Адлерберга и за ширмой его делал все, что хотел»¹⁹³.

К. К. Кистер принимал участие в работе множества различных комиссий, учреждаемых в Министерстве, вникал в самые мелкие технические детали с главной целью — найти новые возможности для экономии внутри своего ведомства. В этом и заключалась причина поразительного возвышения барона: во главу угла своего управления он поставил всемерное сокращение бюджета МИДв, а это очень устраивало министра двора А. В. Адлерберга. «Все устремления Кистера направлены были на экономию, на экономию во что бы ни стало, на урезывание самых необходимых расходов, сокращение

по всем статьям... Скромный садовод добился чина действительного тайного советника, звания статс-секретаря, стал состоятельным человеком, но в то же время казенной скарედностью возбудил против себя громадное большинство служащих»¹⁹⁴. А. И. Михайлов отмечал: «Расходы были так урезаны, что барону Кистеру дальше в бережливости идти было некуда»¹⁹⁵. Особенно болезненно этот режим экономии сказался на театрах.

Возглавив Дирекцию Императорских театров в 1875 г., К. К. Кистер, по замечанию К. А. Скальковского, «взглянул на театральное дело с коммерческой точки зрения и все свое внимание обратил исключительно на увеличение доходов театральной дирекции. С этой целью он добился монопольного права дирекции на увеселение жителей столицы»¹⁹⁶. Исключение делалось лишь для французской оперетты. По мнению историка театра А. И. Вольфа, Кистер «искусства вовсе не любил и занимался театрами только в экономическом отношении; для него что театр, что конюшня, что кухня было все равно»¹⁹⁷. Он требовал, чтобы ему докладывали не о том, что и как будут ставить в театрах, а о том, сколько будет стоить данная постановка, и сколько она может дать прибыли. Например, Кистер признал излишними расходы на содержание штата опытных театральных рабочих (машинистов и плотников), распустил его и приказал набирать неквалифицированных людей прямо «с улицы» — на сдельную работу. Результатом стали постоянные неисправности в работе сценических механизмов и череда несчастных случаев в театрах¹⁹⁸. Для новых постановок было запрещено делать новые декорации — нужно было переделывать старые. Кистер признал непозволительной роскошью изготавливать для одного персонажа более одного костюма, да и те в целях экономии стали делать не из ткани, согласно рисункам художника, а из холста, который затем расписывался под бархат или плюш¹⁹⁹. Наконец, Кистер экономил на оплате артистов и театрального персонала, заставляя даже музыкантов буквально бедствовать, ища любой подработки на стороне. Советский историк театра А. А. Гозенпуд приводит случай, когда главный капельмейстер Мариинского театра Э. Ф. Направник не побоялся поставить на карту собственную карьеру и пошел на прямой конфликт с Кистером, отказавшись возобновлять контракт с дирекцией до тех пор, пока не будет хотя бы частично улучшено положение его оркестра и хора. Тогда помог только авторитет известного музыканта и личное вмешательство министра двора А. В. Адлерберга²⁰⁰. Вполне справедливым представляется вывод

А. А. Гозенпуда о Кистере: «Никто из его предшественников не был столь равнодушен к нуждам русского искусства, как он»²⁰¹. По единодушному мнению современников, театр при нем стал «чахнуть». Наследие барона в этой области было столь тяжело, что в 1882 г., уже после ухода Кистера, для исправления финансовой ситуации в театрах была высочайше назначена для них особая ежегодная субсидия в два миллиона рублей²⁰².

Крайне непопулярная финансовая политика К. К. Кистера, неукоснительно проводимая им в Министерстве двора и дирекции театров из года в год, множила число его врагов. Пока деятельность барона не выходила за рамки МИДв, его фигура оставалась неизвестной широкой публике, но когда он вступил в руководство театрами, то в несколько лет скарედность и показное презрение к русскому искусству создали Кистеру поистине ужасную славу. Буквально ни один из множества современников, упоминавших имя Кистера в воспоминаниях, не сказал о нем доброго слова. Вспыльчивый тяжелый характер, грубость, недоступность, надменный, порой просто хамский стиль руководства, наконец, немецкая фамилия — все эти факторы привели к тому, что барон стал в столичном высшем свете едва ли не самой ненавистой фигурой, персонифицировавшей «немецкое засилье» при дворе. Певец И. А. Мельников отмечал в воспоминаниях, что «по своей немецкой заносчивости и скряжничеству, он был страшно не любим во всех слоях петербургского общества»²⁰³. Балерина Е. О. Вазем отмечала, что Кистер «оставил по себе плачевную память. Его обвиняли в безрассудном разбрасывании казенных денег, с одной стороны, и в бессмысленной скупости — с другой, в разведении фаворитизма, полном игнорировании интересов театра... Во всех этих обвинениях была очень большая доля истины»²⁰⁴. К. А. Скальковский приводит язвительные слова издателя А. С. Суворина о Кистере, намекающие на его служебный путь: «Этот немецкий барон в русском искусстве играл роль того садовника в оранжерее, который, не умея воспитывать цветов, стал бы насаждать в нее капусту и картофель»²⁰⁵. Даже сдержанный В. С. Кривенко, говоря о нем, употреблял такие эмоциональные определения, как «Кистеровский экономический гнет», и даже — «экономия свечных огарков»²⁰⁶. Молодой император Александр III вполне разделял эту негативную оценку деятельности барона. Резолюция императора на одном из докладов о деятельности барона в области театра гласила: «Вот до чего довела экономия Кистера»²⁰⁷.

Барон К. К. Кистер был отправлен в отставку со всех постов «по собственному желанию» уже на следующий день нового министерства, 19 августа 1881 г. Согласно официальной версии — «по расстроенному здоровью». В сентябре того же года Кистер навсегда уехал с семьей из России. Это было с восторгом воспринято в придворном обществе. Так, Е. А. Перетц записал в дневнике 30 августа 1881 г.: «На прошедшей неделе, к общей радости, барон Кистер уволен от всех своих должностей»²⁰⁸. Поселился барон в Дармштадте, в Германии, где и умер от порока сердца в декабре 1893 г.

2.2. Н. С. Петров

Путь К. К. Кистера во многом повторил действительный тайный советник Николай Степанович Петров (1833–1913). В начале 1880-х гг. он занимал пост директора в одном из департаментов Государственного контроля. В 1881 г. Петрова пригласили в МИДв в качестве специалиста-консультанта — в Особую комиссию для составления положений о контроле и кассе МИДв. Его выступления понравились присутствующему на заседаниях министру двора И. И. Воронцову-Дашкову, и вскоре (в феврале 1883 г.) Н. С. Петров занял пост главного контролера МИДв. Еще через год (в январе 1884 г.) он стал вместе с тем и заведующим Кабинета е.и.в. В 1885 г. Н. С. Петров дослужился до высокого положения статс-секретаря.

В. С. Кривенко его высоко ценил, считая Н. С. Петрова «выделявшимся, честным, благородным чиновником-тружеником»²⁰⁹. Такого же мнения был А. А. Половцов, характеризовавший Петрова как «в высшей степени полезного и достойного»²¹⁰ работника. Обер-гофмаршал князь С. Н. Трубецкой добавлял, что «при всех его достоинствах» Петров имел «внешность заскорузлого провинциального чиновника»²¹¹.

В конце 1880-х гг. И. И. Воронцов-Дашков постепенно стал отдаляться от повседневных министерских обязанностей. В этой ситуации в ведении Н. С. Петрова оказались все финансовые и хозяйственные дела по Министерству: «Как-то незаметно, без особых распоряжений, к нему стали устремляться дела со всего ведомства, как это практиковалось при Кистере... В то время как Канцелярия министерства все хирела и погружалась в летаргию, выходил на линию Николай Степанович Петров»²¹². Постепенно реальное управление Министерством двора сосредоточилось в его руках. Он ездил с докладами, в отсутствие министра, к императору в Гатчино. Отметим, что уже в 1883 г.

Н. С. Петрову была пожалована в пользование придворная карета, что являлось неслыханной привилегией. Это обстоятельство, как отмечал в дневнике А. А. Половцов, возмущало великих князей — в частности, Михаила Николаевича²¹³. Впрочем, Петров был выдвинутцем И. И. Воронцова-Дашкова, и уже одно это обстоятельство являлось причиной резко отрицательного отношения к нему великих князей.

Именно Н. С. Петрову принадлежала, по свидетельствам А. В. Половцова и В. С. Кривенко, инициатива в подготовке и проведении второго этапа административных реформ МИДв (1888 г.). Стратегическая задача при этом ставилась та же, что и на первом этапе: сосредоточение управления всеми землями, находящимися в ведении МИДв, в одном установлении. Однако теперь переход удельных земель под общее управление в ближайшем будущем уже не планировался: сначала было решено всемерно улучшить управление землями, находящимися в управлении Кабинета (прежде всего Алтайского и Нерчинского округов) — с тем, чтобы иметь их в качестве образцов для дальнейших земельных преобразований. Такая задача могла быть решена только при условии концентрации на ней всех административных и хозяйственных ресурсов министерства. Новым элементом этого этапа реформы стала личная заинтересованность ее инициатора: Н. С. Петров был родом из Алтайского края, и потому экономическое и культурное развитие родных мест являлось для него очень важным.

В начале разработки административной реформы Петров полагал, что Кабинет е.и.в. и Канцелярия МИДв, как отдельные установления Министерства, должны быть упразднены и заменены новым центральным установлением, который соединил бы их функции — при приоритете земельно-хозяйственного направления. Об этих планах свидетельствует запись в дневнике А. В. Половцова от 22 декабря 1883 г. Чиновник Кабинета А. Т. Аракин, рассказывая Половцову о своем разговоре с Н. С. Петровым, привел слова руководителя Контроля МИДв о том, что «так называемый Кабинет не должен существовать, но если что в нем заслуживает полного внимания и дальнейшего существования, так это земельное отделение»²¹⁴. С Петровым был согласен и министр двора. Весьма осведомленный П. А. Валуев отмечал в дневнике 24 ноября 1883 г.: «Воронцов желал бы совершенно изменить положение Кабинета, сведя его на минимум»²¹⁵, при этом «на первое место ставит финансовый смысл [т. е. экономию — С. Г.]»²¹⁶. Однако позднее было решено оставить Кабинет е.и.в., полностью реорганизовав его устройство.

В день реформы, 24 апреля 1888 г., А. В. Половцов отметил в дневнике: «Н. С. Петров продержал-таки вопрос о штатах в полном секрете до самого конца. Каждый год по несколько раз возникали слухи, что штаты утвердятся и введутся то к 1 янв., то 1 марту, то 1 мая и т. д. Последние очень упорные слухи гласили, что штаты опубликуются 28 февраля и вступят в силу с 1 марта — но ничего не было...». Будущие начальники отделов Кабинета получили 24 апреля письма о новых назначениях «вдруг, совершенно неожиданно, без всяких предварительных слухов»²¹⁷.

В результате административной реформы 24 апреля 1888 г. Кабинет е.и.в. стал главным административным органом («общим центральным установлением») МИДв. Возглавил его, разумеется, сам Н. С. Петров. Главной целью реформы, сосредоточившей в Кабинете большую часть материальных ресурсов и всю административную власть в Министерстве, было улучшение управления министерскими землями. Таким образом, можно заключить, что реформа была спроектирована и осуществлена Н. С. Петровым по сути «под себя». Фактически это было ни что иное, как попытка достичь личной цели (в данном случае — благоустройства родного Алтая), поставив ей на службу все огромные ресурсы Министерства двора. Влияние Н. С. Петрова в этот период было, видимо, столь велико, что он мог позволить себе и это.

В 1888 г. придворная цензура, в числе прочих административных задач, отошла из компетенции упраздненной Канцелярии МИДв — в ведение Административного отдела Кабинета. Цензурные решения Н. С. Петров по-прежнему утверждал лично, изменилось только подразделение, докладывающее проекты решений: если раньше этим занимались чины Канцелярии, то теперь это был заведующий Административным отделом. При этом следует отметить, что придворная цензура (как и вообще административные задачи, не связанные с хозяйственным управлением землями) оказалась на далекой периферии интересов нового руководства. Будучи человеком в высшей степени консервативным и не имея ни опыта, ни склонности к идеологической работе, Петров видел в придворной цензуре только инструмент жесткого охранительного давления на частные источники информации. С этой точки зрения любое положительное цензурное решение — уступка, на которую следует идти лишь в крайнем случае. Оптимальный (с охранительной позиции) исход в любом сомнительном случае — отказ. Однако, вероятно,

такое количество отказов было признано нежелательным. Лучше всего было бы, чтобы отказывало не МИДв — а, значит, и ответственность за возможное неверное решение с него, Петрова, в этом случае снималась.

Осторожность Н. С. Петрова проявилась в постоянном стремлении избежать ответственности за неправильное решение. Он использовал любую возможность, чтобы уйти от принятия однозначно положительного цензурного заключения. Чаще всего для этого использовалась переадресация окончательного решения какой-либо сторонней инстанции, которая, как можно предположить, имея на руках подобный неопределенный отзыв столь влиятельного органа, каким являлось в то время МИДв, скорее всего, не осмеливалась на принятие положительного решения. Другим характерным методом Н. С. Петрова было затягивание времени: он старался перед пропуском материала проверять любую, даже самую элементарную, приведенную информацию и считал необходимым утверждать материал со всеми упоминающимися в материалах высочайшими особами — что значительно замедляло документооборот внутри МИДв.

Н. С. Петрову не было суждено закончить задуманную и осуществленную им реформу: с 1891 г. у него начало развиваться тяжелое нервное заболевание, позднее приведшее к потере речи. В марте 1893 г. он был отправлен в «почетную отставку» в Государственный Совет, где и пробыл до самой смерти, состоя членом Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах, а также Комитета призрения заслуженных гражданских чиновников.

2.3. В. С. Кривенко

«Временщиком» совсем иного рода, чем К. К. Кистер и Н. С. Петров, был Василий Силович Кривенко (1854–1931)²¹⁸ — вероятно, самый близкий сотрудник И. И. Воронцова-Дашкова и одно из наиболее влиятельных лиц в Министерстве двора в 1880-х гг. Сын офицера, он закончил в 1871 г. Петровский Полтавский военный корпус, в 1873 г. — 1-е военное Павловское училище, откуда был выпущен в чине подпоручика на службу в Л.-Гв. Финляндский полк.

В 1876 г. случилось событие, оказавшее решающее влияние на всю дальнейшую судьбу В. С. Кривенко: он стал личным секретарем графа И. И. Воронцова-Дашкова, ближайшего друга наследника цесаревича Александра Александровича. Вместе с графом В. С. Кривенко

прошел балканскую войну. В 1878–1881 гг. В. С. Кривенко учится в Военно-юридической академии, по окончании которой резко меняет свою судьбу — выходит в отставку и поступает на гражданскую службу в Министерство двора. Дело в том, что взошедший на престол в 1881 г. Александр III назначил И. И. Воронцова-Дашкова министром двора, а он, в свою очередь, предложил службу в привилегированном придворном ведомстве своему секретарю. С этого момента и вплоть до 1917 г. деятельность В. С. Кривенко протекала в МИДв. Министерство И. И. Воронцова-Дашкова стало его «звездным часом», растянувшимся почти на два десятилетия. Формально Кривенко не занимал крупного поста в ведомственной иерархии и не имел высокого чина: с ноября 1881 г. он служил помощником юрисконсульта МИДв, затем с декабря 1885 г. по май 1897 г., с первого и до последнего дня ее существования, руководил Канцелярией министра двора. Тем не менее, неизменно пользуясь исключительным доверием И. И. Воронцова-Дашкова, В. С. Кривенко приобрел огромное влияние в придворном мире. Будучи «правой рукой» министра, в 1881–1885 гг. он стал инициатором и главным «проводником» первого этапа прогрессивных административных реформ в Министерстве двора, призванных адаптировать архаичную структуру придворного ведомства к запросам современности. Так, например, при непосредственном участии Кривенко были успешно учреждены Совет Министра двора и Главное дворцовое управление. Однако это была лишь административная «перегруппировка сил» перед главным «сражением».

Одной из стратегических задач, стоявшей перед МИДв в тот период, было установление контроля над финансовыми потоками, проходящими через удельное ведомство. Важнейшим условием решения этой проблемы являлось объединение земель, находящихся под управлением Главного управления уделов и Кабинета е.и.в., в одном новом установлении. Именно эту меру В. С. Кривенко считал своей главной целью, полагая, что «существование в одном министерстве двух централизованных управлений по управлению землями было нецелесообразно, расточительно». В отдаленной перспективе он не исключал и более радикальных действий, «вплоть до передачи их [земель, находящихся в управлении МИДв — С. Г.] в общий государственный земельный фонд»²¹⁹. Тем не менее, несмотря на полную поддержку министра двора, эта попытка поставить удельное ведомство под общий финансовый контроль не удалась. В. С. Кривенко впоследствии признавал:

«Здание, задуманное мною, рассыпалось... Попытка моя объединить дуалистическое министерство, спаять его воедино в целях экономии и более производительной совместной работы — потерпела крушение»²²⁰. Место главного «проводника» второго этапа реформ в МИДв занял Н. С. Петров — «восходящая звезда» Министерства двора, а В. С. Кривенко, возглавив в декабре 1885 г. личную Канцелярию министра двора, сосредоточился на кадровой, административной и идеологической политике.

Под руководством В. С. Кривенко кадровая политика в Министерстве двора претерпела на рубеже 1880–1890-х гг. радикальные изменения. Новый подход получил неофициальное название «гражданские военные». Он состоял в массовом привлечении на гражданскую службу в МИДв гвардейских офицеров, лично известных высшему руководству Министерства. Эта установка была воспринята многими старожилами ведомства с неодобрением. В. С. Кривенко вспоминал: «Особое раздражение вызывали назначения на должности, занятые еще недавно одряхлевшими военными генералами или родовитыми гофмейстерами, шталмейстерами и егермейстерами. Вместо них появились сравнительно молодые офицеры»²²¹. В числе этого «кривенковского» набора были и будущие руководители придворной цензуры — генерал-лейтенант П. К. Гудим-Левкович (ставший управляющим Кабинетом е.и.в.), полковой адъютант Л.-Гв. Егерского полка Н. И. Оприц (делопроизводитель, бессменно ведший все дела по придворной цензуре более пятнадцати лет) и ряд других. Новая кадровая политика, проводимая В. С. Кривенко без оглядки на мнение великих князей, вызвала к нему стойкую антипатию в великосветских кругах. Впрочем, по его признанию, Кривенко всегда была чужда придворная среда: за все время работы с И. И. Воронцовым-Дашковым он только один раз имел личную аудиенцию у Александра III, императрице же не представлялся ни разу²²².

В качестве администратора В. С. Кривенко оказывал подчас определяющее влияние на решение многих важнейших вопросов. Так, он сыграл едва ли не главную роль при реформировании Академии художеств (которая, как уже отмечалось, до революции входила в состав Министерства двора). «Устав Академии художеств, — отмечал в дневнике А. С. Суворин 4 февраля 1893 г., — составлен Кривенко из 75 отзывов от разных художников и всех известных»²²³. Но особенно значимыми оказались нововведения В. С. Кривенко в области идеологии. Он впервые в истории МИДв специально занялся разра-

боткой новых подходов к деятельности придворной цензуры. Именно Кривенко добился введения института официальной аккредитации представителей прессы при МИДв, а впоследствии — присутствия чинов придворной цензуры на основных мероприятиях столичной придворной жизни. Другим важным идеологическим направлением работы Василия Силовича стала организация придворной цензуры на местах, во время высочайших вояжей.

Первым опытом такого рода стало путешествие на Кавказ в сентябре 1888 г., куда Кривенко в качестве заведующего Канцелярией министра двора сопровождал Александра III. Свою цензурную деятельность там он описал в мемуарах: «Редакции газет мобилизовали значительное [количество] солидных журналистов для ведения «царского месяца» на Кавказе. Провинциальная подцензурная печать попробовала под видом отчетов о путешествии государя открыто высказывать[ся] о разных наболевших вопросах, волновавших туземцев. Попытка удалась. Надпись на рукописи «Со стороны Министра Двора нет препятствий к напечатанию» обеспечивала, гарантировала редакцию от скорпионов»²²⁴. Надо сказать, В. С. Кривенко сам признавал, что отнесся тогда к порученному делу не самым лучшим образом: «Министр уполномочил меня заниматься просмотром вороха статей и заметок, и я, получив от журналистов коллективное заверение, что они меня не подведут под беду, ставил пропускной штамп... Случалось, что некоторые из журналистов, привыкшие сдерживать свое перо, боялись, не перешли ли они границу дозволенного и просили меня самого ознакомиться с тем или другим опасным местом. Не помню, чтобы приходилось выправлять, не считая конечно фактических неточностей»²²⁵. Отметим, что столь далеко идущая лояльность В. С. Кривенко была оценена по достоинству: через два месяца, уже в столице, кавказские корреспонденты представили ему благодарственный адрес. Вполне понятна благодарность прессы: свою миссию Кривенко видел в фактическом снятии бремени придворной цензуры с корреспондентов, которые, благодаря этому, получили возможность достигать, кроме всего прочего, и своих сторонних целей. Позднее, как отмечалось, Кривенко положил начало организации на местах Бюро корреспондентов — первых российских пресс-центров. Все эти меры вывели придворную цензуру на новый уровень развития и существенно повысили качество ее работы как института.

Собственно цензурная деятельность не привлекала Кривенко. В мемуарах он отмечал, что цензура придворных известий «занятие крайне

неинтересное и требовавшее большой точности, т. к. придворные чрезвычайно близко принимали к сердцу малейшую ошибку в обозначении звания, чина или должности и обижались, когда в отчетах не упоминалось о них»²²⁶. Тем не менее, ему постоянно приходилось ею заниматься — ведь через Канцелярию министра двора также проходили материалы, представляемые на придворную цензуру.

Параллельно с бюрократической деятельностью В. С. Кривенко занимался и литературным трудом. Впервые он выступил в качестве публициста в 1881 г., напечатав в газете «Страна» свои размышления о народном образовании, (впоследствии дважды, в 1882 и 1896 гг., выходявшие отдельными изданиями)²²⁷. Кривенко заявил себя решительным сторонником либеральной школьной реформы и противником классицизма в народном образовании. По его мнению, все учебные заведения, кроме военных — в том числе и духовные — следовало передать Министерству народного просвещения, расширив систему профессиональных школ и увеличив число университетов и женских вузов, особенно медицинских. Такие либеральные взгляды В. С. Кривенко ничуть не помешали его дальнейшей карьере в МИДв — поскольку, как уже отмечалось, и сам министр двора И. И. Воронцов-Дашков являлся, в известной степени, единомышленником своего секретаря, будучи одним из виднейших представителей правительственного либерализма.

Литературное дарование Кривенко весьма активно использовал и сам его патрон. Так, в 1888 г. по поручению министра В. С. Кривенко составил сборник кратких сведений о правительственных учреждениях²²⁸, который содержал перечень ведомств с обзором их деятельности и штата руководящих должностных лиц. Издание такого справочника было предпринято впервые и стало серьезным шагом на пути к гласности в работе органов государственной власти. Приходилось В. С. Кривенко выступать и в роли официозного журналиста. Например, в октябре 1888 г., после крушения императорского поезда в Борках, он посвятил этому происшествию особую статью в «Правительственном вестнике», вскрывающую непорядки в Министерстве путей сообщения. Позднее именно Кривенко поручили составление официального описания путешествия по Востоку наследника цесаревича Николая Александровича — будущего Николая II, опубликованное и в виде книги²²⁹. Но публицистическая деятельность В. С. Кривенко не ограничивалась официозными органами. С 1889 г. он регулярно печатает очерки и статьи в газетах «Новое время»,

«Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости»; журналах «Нива», «Исторический вестник», «Всемирная иллюстрация». Некоторые очерки выходили отдельными изданиями²³⁰.

В мемуарах В. С. Кривенко можно найти и уникальное свидетельство отношения императора к придворной цензуре: «Александр III не любил слащаво-приторных выражений, вроде: “проследовал”, “соизволил”, не любил вымученных восторгов. Как-то он попросил, чтобы отчет об одном из торжеств представлен был лично ему. В то время на звание короля придворных репортеров состязались два соперника — Калугин и Коровин; их отчеты министр захватил с собой в доклад Государю. Вечером получен был обратно пакет с произведениями придворных бардов, с резолюцией: “Вот образчик того, как не следует писать”»²³¹. Выраженное столь однозначно скептическое отношение Александра III к придворной цензуре (понятно, что эти тексты предварительно получили разрешение в Административном отделе) позволяет сделать два важных вывода. Во-первых, подобное негативное отношение императора к стандартным ритуальным терминам, всегда ранее неотъемлемо присущим официальным текстам российской монархии, свидетельствует о внутреннем отходе Александра III от прежних придворных ритуалов. Это может служить еще одним доказательством концепции Р. Уортмана о введении Александром III в политическую символику российской монархии национального мифа, что сопровождалось постепенным отрицанием основ европейского наследия в монархической традиции²³². Во-вторых, приведенная информация объясняет выявленный в главе I факт, почему в царствование этого императора не выходило новых юридических норм по придворной цензуре.

Смерть Александра III в 1894 г. и вступление на престол Николая II не отразились на служебном положении В. С. Кривенко. Существенно его изменила Ходынская катастрофа. Не будучи ее виновником, Кривенко, тем не менее, использовал в сложившейся ситуации все свое влияние на И. И. Воронцова-Дашкова для того, чтобы хотя бы отчасти восстановить поколебавшийся авторитет императора и его двора. Кривенко высказался против посещения Николаем II бала во французском посольстве, намеченного на вечер того же дня, и выдвинул идею материальной помощи семьям погибших. «Государь, — отметил 18 мая А. С. Суворин, — дал на каждую осиротелую семью по 1000 рублей. Доложить в этом смысле государю посоветовал Воронцову-Дашкову В. С. Кривенко... Вчера В. С. Кривенко задержал статью для “Русского

слова", где говорилось, что радоваться нечего, что следует печалиться об умершем императоре, который так много сделал. Сегодня Кривенко говорит: "Вот, накаркал этот господин!". Многие хотели, чтоб государь не ездил на бал французского посольства, т. е., иными словами, чтобы посольство отложило свой бал ввиду этого несчастья. Кривенко советовал это Воронцову-Дашкову и говорил: "Франция приобрела бы тотчас популярность, если б отложили этот бал"²³³. Тем не менее, посольство бал не отменило, и Николай II, как известно, на нем присутствовал.

После ухода И. И. Воронцова-Дашкова в мае 1897 г. подал в отставку и В. С. Кривенко, однако она не была принята: новый министр двора В. Б. Фредерикс высоко ценил его опыт и профессиональные качества. В том же 1897 г. Кривенко назначили членом Совета при министре двора. В этом качестве он и пребывал до 1917 г.

Как и ранее, исполнение служебных обязанностей Кривенко успешно сочетал с литературным творчеством. В 1899 г. именно ему поручили ответственное и важное дело: редактирование «Коронационного сборника»²³⁴ — официального издания материалов о последней коронации. За успешное выполнение этого поручения он, будучи 45-ти лет от роду, еще достаточно молодым сановником, — получил чин тайного советника, до которого обычно дослуживались в гораздо более старшем возрасте. В 1901 г. В. С. Кривенко вновь выступил в качестве редактора и составителя в новом небывалом проекте: издании фундаментального исторического труда о деятельности Министрства двора в царствование Александра III²³⁵, занявшего видное место в историографии МИДв.

В 1900-х гг. Кривенко много занимался общественной работой: был членом Главного управления Российского общества Красного Креста; председателем Совета Русского театрального общества; был одним из руководителей Общества попечения о бедных и больных детях. Кроме того, в 1907–1916 гг. В. С. Кривенко состоял гласным петербургской городской Думы, а в 1912–1916 гг. — и петербургского губернского земского собрания. После революции Кривенко остался в Петрограде, работал экспертом городского благоустройства в Петроградском Совете коммунального хозяйства, состоял членом Совета Общества взаимопомощи ученых и литераторов. Он даже продолжил литературную деятельность, изредка помещая свои заметки в журнале «Вестник литературы» и работая над мемуарами. Умер Василий Силович своей смертью в Ленинграде в 1931 г.

3. НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ РУКОВОДИТЕЛИ ПРИДВОРНОЙ ЦЕНЗУРЫ

Поскольку придворная цензура относилась к компетенции Канцелярии МИДв, ее руководителями были директора и управляющие Канцелярии. Однако, как отмечалось, долгое время они занимали незначительное место во властной иерархии ведомства, выполняя преимущественно технологические функции по оформлению текущей делопроизводственной документации. Фактов единоличного принятия ими цензурных решений выявлено не было, но их участие в формировании этих решений представляется весьма вероятным. Поэтому следует кратко обрисовать эту категорию чинов придворной цензуры.

Первым директором Канцелярии МИДв стал **И. Ф. Ситников** (он занимал этот пост в 1826–1832 гг.). В 1832–1859 гг. директором был статс-секретарь **Владимир Иванович Панаев** (1792–1859) — старший брат писателя и редактора революционно-демократического журнала «Современник» И. И. Панаева. Свою служебную карьеру В. И. Панаев описал в интересных воспоминаниях, доведя их, к сожалению, только до 1832 г.²³⁶ Закончив Казанский университет, он служил в Министерстве народного просвещения. Затем, по приглашению тогдашнего руководителя Департамента уделов графа Л. А. Перовского, перешел в МИДв. Человек высокой культуры, поэт, В. И. Панаев на протяжении всей своей карьеры много общался с литераторами, был дружен с цензором А. В. Никитенко. Последний упоминает в мемуарах любопытный случай, говорящий о близости директора Канцелярии МИДв к литературному миру²³⁷. В феврале 1846 г. А. В. Никитенко обратился к Панаеву с просьбой негласно, через свои каналы, воздействовать на председателя столичного Цензурного комитета и попечителя Петербургского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина, отличавшегося мелочными придирками и крайней несдержанностью в общении. Просьба эта была удовлетворена.

В 1859–1860 гг. обязанности руководителя Канцелярии временно исполнял начальник I отделения, статский советник **Александр Карлович Мейснер**, который 1 января 1861 г. был замещен тайным советником **Александром Петровичем Тарновским**. Тот пробыл в этой должности до мая 1871 г. Затем управляющим Канцелярией стал тайный советник **Андрей Николаевич Кирилин**, занимавший этот пост до октября 1883 г. Вот как описывает его В. С. Кривенко

(август 1881 г.): «Небольшой, кругленький, лысенький старичок, с багровыми отвисшими щечками, с маленькими насмешливыми глазами... Андрею Николаевичу вряд ли приходилось жаловаться на бывшего министра [А. В. Адлерберга — С. Г.], жилось ему недурно, если он и ощущал какой-либо служебный пресс, то никак не со стороны самого Адлерберга 2-го, а от давления барона Кистера, являвшегося главной пружиной ведомства»²³⁸. Чиновник Кассы МИДв А. И. Михайлов вспоминал о своеобразной манере вести дела руководителя Канцелярии: «Был другой деятель, А. Н. Кирилин (ныне покойный): придешь, бывало, к нему, он не знает как обласкать; руку подаст, стул подвинет, предложит свою папиросу, пообещает исполнить всякую просьбу, но никогда не исполнял ни одной»²³⁹.

В. С. Кривенко невысоко оценивал деловые качества и влияние А. Н. Кирилина: «Первое время, пока министр [И. И. Воронцов-Дашков — С. Г.] не освоился с ходом дел, он [А. Н. Кирилин — С. Г.] имел некоторое значение в качестве министерского старожилы, усвоившего себе разные дворцовые порядки, сложившиеся по одному рецепту: “по примеру прежних лет”. Андрея Николаевича нисколько не тянуло к преобразованиям, он держался за старое, ворчал на новаторов, вроде меня. Министр относился к нему дружелюбно, однако никаких сколько-нибудь важных поручений ему не давал, ограничив деятельность Канцелярии чисто инспекторскими, сухими функциями “прохождения службы по ведомству”. Влияния на дела Кирилин не имел»²⁴⁰. После упрочения Н. С. Петрова А. Н. Кирилин «очутился совсем в тени и запросился на покой, его не удерживали». На практике эта «мягкая отставка» выглядела так. В мае 1883 г., в ознаменование коронавания, Кирилину вручили ценный подарок (табакерку, украшенную бриллиантами, с «вензелевым изображением Имени Его Величества»), а уже в октябре того же года перевели в распоряжение министра двора (увеличив при этом его жалование).

Короткое время обязанности директора Канцелярии МИДв исполнял помощник Кирилина, действительный статский советник **Владимир Андреевич Юргенс** — по словам В. С. Кривенко, «скромный, почтенный работник»²⁴¹. Он вскоре умер, и в октябре 1883 г. место директора занял действительный статский советник в должности шталмейстера двора, князь **Владислав Игнатьевич Друцкой-Любецкой** — сотрудник А. Н. Кирилина по Коронационной комиссии 1883 г. Вот как описал эту перемену В. С. Кривенко: «Вместо тихого, незаметного чиновника появился шумливый, вертлявый, шаровид-

ный кубарь-волчок... Меня крайне удивило это неожиданное, видимо кем-то навязанное назначение человека, совершенно чуждого канцелярской сфере, склонного по природе к распорядительно-антрепренерской частной деятельности. Однако долго удивляться не приходилось, князю скоро надоела Канцелярия, не нравилась скромная роль, которую пришлось ему выполнять. Как неожиданно появился он за директорским столом, также внезапно и скрылся с канцелярского горизонта»²⁴². С февраля 1884 г. и до упразднения Канцелярии МИДв в апреле 1888 г. место ее директора было вакантно, и его обязанности выполнял действительный статский советник **Михаил Богданович Фельд**.

Первым после реформы 1888 г. управляющим Кабинетом был **Николай Степанович Петров**, которого в мае 1893 г. сменил генерал-лейтенант **Павел Константинович Гудим-Левкович** (1842–1907) — заслуженный ординарный профессор Николаевской Академии Генерального штаба, в 1880-х гг. служивший помощником начальника штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. В 1891 г. он был приглашен в МИДв на пост помощника управляющего удельным ведомством. Причиной этого назначения, как и многих назначений в МИДв того времени, стало военное знакомство: «Граф Воронцов близко знал Гудима по совместной службе в штабе гвардейского корпуса [П. К. Гудим-Левкович был помощником И. И. Воронцова-Дашкова во время балканской войны 1877–1878 гг. — С. Г.], почитал его как знающего, вдумчивого офицера генерального штаба и любил как человека долга и чести»²⁴³. В. С. Кривенко уважал П. К. Гудим-Левковича, называя его: «Благородный человек и большой труженик»²⁴⁴. Однако деловые качества генерала, судя по всему, оставляли желать лучшего. В. С. Кривенко деликатно отмечал, что «для успеха в административной его деятельности ему не хватало решительности в действиях, он всегда сомневался, колебался, отмеривал по десяти раз и все-таки боялся отрезать, боялся совершить незакономерный акт... При Гудим-Левковиче уже незаметно было всенаправляющей руки из Кабинета. Он далек был от желаний властвовать в министерстве, проникнут до щепетильности строгим соблюдением компетенции каждого из учреждений»²⁴⁵. Деловые способности генерала очень невысоко оценивал и А. А. Половцов²⁴⁶.

Придворная цензура, оказавшаяся в ведении нового управляющего, его внимания не привлекла. Первое время после назначения П. К. Гудим-Левкович утверждал цензурные решения лично (по докладу заведующего Административным отделом А. В. Половцова), но

при первой возможности передал их В. Б. Фредериксу и больше (а он занимал пост управляющего Кабинетом до января 1900 г.) никакого отношения к придворной цензуре не имел. Таким образом, можно сделать вывод, что с назначениями П. К. Гудим-Левковича и особенно В. Б. Фредерикса (в декабре 1893 г.) соотношение власти внутри Министерства существенно изменилось: новый управляющий Кабинета не хотел (да и не мог, поскольку не обладал необходимым неформальным влиянием) занимать то лидирующее положение внутри Министерства, которое прежде занимал Н. С. Петров.

Лицом, готовившим в 1890-гг. все проекты цензурных решений, был действительный статский советник **Анатолий Викторович Половцов** (1849–1905). Он был сыном известного в свое время петербургского филолога и педагога В. А. Половцова, и приходился двоюродным братом государственному секретарю, затем члену Государственного Совета А. А. Половцову, который и взял на себя попечение над А. В. Половцовым после ранней смерти его родителей. Он оплатил обучение брата на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, который тот закончил в 1871 г. со званием кандидата прав. В ноябре того же года А. В. Половцов поступил на службу в Сенат, но вскоре перешел в Земский отдел МВД. Там он занимался изучением крестьянской общины. Результатом этой работы стала разработанная им программа исследования общины, принятая Географическим и Вольным Экономическим Обществами²⁴⁷, и публикация «Сборника сведений о сельской общине».

А. В. Половцов был поразительно разносторонней творческой личностью, добившейся больших успехов в самых разных гуманитарных областях. В конце 1870-х гг., решив получить второе высшее образование, он поступил в Санкт-Петербургский Археологический институт, который и закончил со званием действительного члена института. Перу А. В. Половцова принадлежат несколько монографий и множество статей по экономическим, археологическим и художественным вопросам: «Земледелие и сельскохозяйственная статистика», «О международной статистике земледелия», «Царьград и Византийское искусство», «Художественно-промышленное искусство» и др. Как историк, он написал несколько исторических работ — «Малороссийские казаки в Дюнkerке в 1646 г.» (прочитана в виде доклада в Обществе любителей древней письменности в 1899 г.), «Сафо. Исследование жизни и творчества». Как археолог, он был членом нескольких научных обществ: Вольного Экономического и Геогра-

фического Обществ, а также Рязанской и Таврической Археологических Комиссий. Как литератор, А. В. Половцов писал рассказы и занимался переводами со шведского языка, публикуясь в столичных изданиях «Новое время» и «Московские ведомости». Наконец, он был драматургом: пьеса «Ломоносов. Историко-бытовые сцены» была поставлена (по высочайшему повелению) в петербургском Александринском театре в 1902 г.²⁴⁸ А. В. Половцов не пропускал новые выставки и театральные премьеры. В 1890-е гг. он и сам проводил литературные вечера, на которых бывали многие известные люди того времени: писатели П. Д. Боборыкин и Д. С. Мережковский, поэты А. Н. Майков и З. Н. Гиппиус, художник А. Н. Бенуа, юрист А. Ф. Кони.

В статье об А. В. Половцове, опубликованной в журнале «Родина» на 25-летие его служебной деятельности (март 1897 г.), говорилось: «Начав службу... Анатолий Викторович постепенно проходил все служебные должности, заслуживая своим ревностным отношением к принятым на себя своим обязанностям внимание начальства, видевшего в молодом человеке усердного труженика, успевшего при том выказать большие административные способности»²⁴⁹. В 1881 г. он состоял делопроизводителем Особых совещаний министров внутренних дел, финансов и государственных имуществ, по вопросам: о понижении выкупных платежей, питейному и переселенческому²⁵⁰, после чего был назначен чиновником особых поручений при министре государственных имуществ. В феврале 1883 г. он перевелся, по протекции брата, в Кабинет е.и.в. — под начало его тогдашнего управляющего К. Г. Ребиндера (большого друга А. А. Половцова²⁵¹). Здесь А. В. Половцов руководил Земельно-заводским отделом — вплоть до назначения заведующим Административным отделом Кабинета 1 января 1890 г. Вскоре в его обязанности вошла и придворная цензура.

По своим политическим взглядам А. В. Половцов был близок к либеральной интеллигенции. Характерно, что по поводу закрытия журнала «Отечественные записки», известного своей либеральной направленностью, он записал в дневнике 10 мая 1884 г.: «Я был ужасно поражен, точно человек умер. Мне кажется, что это была большая ошибка правительства»²⁵². Недаром А. А. Половцов отметил в дневнике в декабре 1889 г. (после крестин брата, на которых его крестным отцом согласился быть сам император Александр III, просивший заместить его на празднике А. А. Половцовым): «Анатолий очень честный, твердый человек с примесью идеализма, подчас весьма комичного»²⁵³.

Лично известный императору, А. В. Половцов имел прекрасные возможности для карьерного роста в МИДв. В конце 1880-х гг. он стал одним из самых доверенных сотрудников Н. С. Петрова, а когда после начавшейся болезни Петров отошел от текущей административной работы, то, до прихода П. К. Гудим-Левковича на должность руководителя Кабинета, Анатолий Викторович фактически выполнял эти обязанности сам. С новым управляющим отношения у А. В. Половцова складывались непросто: сказалось различие жизненных путей и интересов. В. С. Кривенко отмечал, что на этой почве в их совместной работе возникали определенные сложности: «Половцов увлекался историей искусств, часто парил в небесах, вследствие чего порою получались некоторые канцелярские недочеты в его отделе. Гудима же из своей штабной службы вынес некоторое преувеличенное представление о значении форм и разных чисто писарских условностей»²⁵⁴. Сам А. В. Половцов отмечал в дневнике летом 1894 г., что П. К. Гудим-Левкович «иногда относится очень поверхностно к вопросу, решает как-то все с высоты птичьего полета и не отдает себе отчета, много ли времени потребует та или другая работа»²⁵⁵.

П. К. Гудим-Левкович, относясь к работе достаточно формально, часто и надолго уезжал, оставляя всю текущую работу по управлению Кабинетом на А. В. Половцова. Многие бы использовали этот редкий шанс, чтобы проявить себя, но Половцова эти временные повышения очень тяготили. Вот поразительный пример его реакции на сообщение о повышении по службе, записанный в дневник 24 июня 1894 г.: «Сегодня Гудим подписал Приказ по Кабинету о том, что поручает мне временное управление Кабинетом... Это занятно, но только так, на короткое время, но назначение (*к счастью* [курсив наш — С. Г.], совершенно невозможное) меня на должность управляющего Кабинетом надолго — было бы несчастьем. Оно лишило бы меня покоя и относительной свободы. Теперь у меня есть время и почитать, и пописать, тогда возня с Алтаем и всякая суета поглотили бы всего... Хорошо, что это недели на 3, а не на года — иначе я бы погиб. Прощай тогда моя относительная свобода, мое чтение, мои писания и в конце концов и мое здоровье...»²⁵⁶.

А. В. Половцов вообще тяготился своей работой в Административном отделе, он чувствовал, что бюрократическая рутина мешает заниматься ему чем-то другим, более творческим, к чему у него лежит душа — наукой и литературой. Служебная карьера его не занимала; он так и не стал настоящим чиновником, оставаясь всю жизнь интел-

лигентом на государственной службе***. К материалам, представляемым на придворную цензуру, он относился очень лояльно. Следует отметить, что в период его руководства Административным отделом (1890–1897 гг.) доля положительных цензурных заключений достигла наивысших значений в истории придворной цензуры. Возможно, именно поэтому он снискал на своем посту определенную известность и уважение в российском образованном обществе: на 25-летний юбилей его служебной деятельности многие печатные издания обеих столиц выпустили хвалебные статьи и заметки с его портретами. Так, например, журнал «Родина» опубликовал в марте 1897 г. такой любопытный пассаж: «Помимо почтенной государственной и административной деятельности, А. В. Половцов известен как редкий благотворитель и просвещенный помощник всяким благим начинаниям, и доброта его сердца, соединенная с широкою истинно-русскою щедростью, сделали его имя весьма популярным далеко за пределами столицы»²⁵⁷. При упразднении Административного отдела А. В. Половцов исполнил свое давнее намерение: он не стал переходить вместе с прочими чинами своего отдела в восстановленную Канцелярию МИДв, а вышел в 1897 г. в отставку и занялся научной работой. Впрочем, отставка продлилась лишь год: изучив в длительной командировке архивное дело в странах Европы, А. В. Половцов вскоре принял предложение нового министра двора В. Б. Фредерикса и занял пост заведующего Общим архивом МИДв. На этой должности он и пробыл до конца жизни.

Обязанности заведующего вновь образованной Канцелярии МИДв с мая 1897 г. исполнял генерал-майор свиты **Константин Николаевич Рыздзевский** (1852–1929), которого в 1900 г. сменил полковник **Александр Александрович Мосолов** (1854–1939). Произведенный в корнеты Л.-Гв. Конного полка в 1873 г., он отличился в балканской войне 1877–1878 гг., получив за доблесть три боевых ордена. После войны А. А. Мосолов на несколько лет, с высочайшего дозволения,

*** Интересно, что это отразилось и на его облике. А. В. Половцов обладал внешностью, типичной скорее для интеллигента, а не для чиновника — высокий, с залысинами лоб, борода клинышком... В 1890-е гг. он внешне очень напоминал В. И. Ленина на известном фотопортрете середины 1890-х гг. Можно предположить, что такой образ являлся знаковым среди интеллигенции того время, служа одним из средств самоидентификации ее представителей.

остался в Болгарии, где выполнял особую миссию, налаживая русско-болгарские связи. Возвратившись в 1883 г. в Россию, он принимает командование над эскадрой в родном Конном полку. В 1885 г. Мосолов был назначен адъютантом командующего войсками Киевского военного округа, через год перешел на аналогичную должность уже при военном министре.

В 1898 г. Александр Александрович, по просьбе хорошо знающего его по совместной службе в Конном полку В. Б. Фредерикса, перешел под его начало в Министерство двора и занял пост помощника начальника Варшавского дворцового управления. В этом качестве Мосолов, благодаря прекрасному знанию нескольких языков, неоднократно сопровождал иностранных высочайших особ, приезжающих в Россию. В январе 1900 г. А. А. Мосолов возглавил Канцелярию Министерства императорского двора — сначала как «исправляющий должность». Через год он стал флигель-адъютантом, а с декабря 1902 г. — генерал-майором свиты его величества; одновременно он получил и постоянную должность начальника Канцелярии МИДв. Время показало, что это назначение оказалось исключительно удачным: А. А. Мосолов оставался на этом посту целых 16 лет (до ноября 1916 г.). Даже взыскательный С. Ю. Витте отмечал, что Мосолов — «человек смысленный»²⁵⁶. Директор Императорских театров В. А. Теляковский вспоминал, что он «был человек далеко неглупый, получивший образование за границей. Языками он владел довольно хорошо, чтением особенно не занимался, но был в курсе светской литературы... А. А. Мосолов был очень работоспособный и толковый начальник Канцелярии. Обладая хорошим здоровьем, он выносил необыкновенно утомительную жизнь, будучи всегда начеку и весь день вызываем по телефону»²⁵⁹.

Министр двора был очень доволен своим начальником Канцелярии. В. А. Теляковский приводит в дневнике (декабрь 1901 г.) такой свой разговор с В. Б. Фредериксом: «Говорили, между прочим, об умении обращаться с людьми... Я пробовал доказать, что нелюбовь к начальнику бывает часто вследствие его строгости и требовательности. На это барон мне сказал, что чтобы занимать место высокое, надо уметь обходиться с людьми, и в пример привел ненависть, которую многие питают к Рыздзевскому, как к человеку, который не умеет обходиться с людьми... Противоположный пример, по мнению барона, представляет Мосолов. На что я ему ответил, что Мосолов и человек совершенно другой, а потому и требования к нему представляются другие. Вообще

из разговоров с бароном можно было убедиться, что он придает слишком большое значение качеству служащих ладить с людьми. Когда приходится иметь дело с деньгами, то ладить с людьми трудно»²⁶⁰. Эта любопытнейшая беседа не только дает представление о взглядах всех упомянутых в ней лиц на такой важный предмет, как взаимоотношения начальника и подчиненного, но и зримо представляет разницу в мировоззрениях: человека «старой школы» — министра-царедворца, для которого свойственны житейская мудрость и терпимость в межличностных отношениях, которые он старался привносить и в свою профессиональную деятельность; и человека «новой формации» — управленца-профессионала, руководствующегося в своей деятельности исключительно интересами вверенного дела и не считающего нужным делать какую-либо скидку на людские слабости. Налицо не только конфликт поколений, но и важный мировоззренческий конфликт, имевший большое влияние на судьбы российского государства. Впрочем, эта тема выходит за рамки данной работы.

К начальнику Канцелярии благоволил и сам император. В. А. Теляковский отмечал в дневнике (январь 1903 г.), что, когда министр двора принес к Николаю II на утверждение новые штаты МИДв, первым вопросом императора было: «А сколько прибавлено Мосолову и Рыздзевскому? ...Узнав, что Мосолов получает 10 000, Государь нашел содержание весьма удовлетворительным»²⁶¹. С высокой оценкой административных способностей А. А. Мосолова был согласен и В. Ф. Джунковский, отмечавший (апрель 1915 г.), что присутствие Мосолова «значительно облегчало разрешение всех вопросов, касавшихся разных распоряжений во время высочайших путешествий, а главное, приемов, высочайших подарков и т. д., все это при Мосолове разрешалось в несколько минут»²⁶². Надо думать, А. А. Мосолов действительно имел талант к административной работе: во время его руководства работа в Канцелярии МИДв была поставлена очень четко. Несмотря на то, что именно в этот период объем документооборота достиг наибольших величин, сроки прохождения бумаг не увеличились.

Мосолов с большим интересом относился к проблемам придворной цензуры, стараясь решать их творчески. В повседневной работе он стремился к объективности. Характерный пример: в феврале 1903 г. Мосолов не пропустил к публикации в «Петербургской газете» подробную восторженную рецензию на спектакль в Эрмитажном театре — на том основании, что она была представлена на цензуру... раньше самого спектакля!²⁶³ Еще более поразительный

пример его непредвзятости имел место в мае 1904 г. Бывший руководитель Административного отдела Кабинета, а теперь заведующий общим архивом МИДв А. В. Половцов обратился к Мосолову с ходатайством. Незадолго до того Анатолий Викторович выхлопотал из «собственных его величества сумм» благотворительную помощь для дочери — очень дорогую импортную арфу и годовое пособие на обучение. Теперь радостный отец желал бы поместить заметки об этом высочайшем даре во всех главных газетах страны: «Новом времени», «Петербургской газете», «Московских ведомостях» и даже в официальном «Правительственном вестнике». Те факты, что А. В. Половцов занимает высокий пост в Министерстве, и что он долгое время сам возглавлял придворную цензуру, для Мосолова не значили, как видно, ничего: выяснив, что пособие было выделено «негласно», он отказал бывшему коллеге²⁶⁴.

Схема принятия цензурных решений при Мосолове имела следующий вид. Делопроизводитель Н. И. Оприц рассматривал поступившие на цензуру материалы, при необходимости делал соответствующие запросы и готовил проект решения. Этот проект представлялся А. А. Мосолову, который и принимал в большинстве типовых случаев цензурные решения. Министру двора материал представлялся только в тех случаях, когда приведенная информация предполагала неоднозначное решение, или сам материал был нестандартным, не имеющим ранее аналогов в практике придворной цензуры. Отметим, что в таких ситуациях В. Б. Фредерикс предпочитал всегда уходить от ответственности, лежащей на нем по закону, и неизменно представлял цензурное решение на рассмотрение императора. Тогда Николай II ставил своим мягким синим карандашом на всеподданнейших докладах особые пометы: «Съ» («согласен») — в случае положительного заключения, или «*/**» («читал») — когда определенное решение им не было принято. Степень самостоятельности А. А. Мосолова, всегда проявляемая им в повседневной работе, свидетельствует о его огромном влиянии — как формальном, так и неформальном. Как уже отмечалось, во время болезни министра двора В. Б. Фредерикса (1913–1916 гг.), именно в руках Мосолова сосредоточилась вся реальная административная власть в Министерстве. Фактически Александр Александрович стал самым влиятельным руководителем Канцелярии МИДв за всю ее историю.

В ноябре 1916 г. интриги Г. Е. Распутина против начальника Канцелярии МИДв наконец увенчались успехом: по настоянию императрицы А. А. Мосолов был отправлен в Румынию, чтобы возглавить «вре-

менное управление Императорской Российской Миссией». Особым приказом ему было присвоено личное звание «Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра, с оставлением в занимаемой им ныне должности»²⁶⁵. Эта «почетная ссылка» и сохранила ему жизнь: в российскую столицу А. А. Мосолов больше никогда не вернулся. В Бухаресте он оставался до революции, в 1921 г. участвовал в организации «Общероссийского монархического съезда» в Рейхенгале (Бавария)²⁶⁶, а затем переехал в Болгарию, где и жил до самой смерти.

Последним руководителем Канцелярии МИДв стал гофмейстер двора, князь **Сергей Владимирович Гагарин**. Отпрыск старинного княжеского рода, он долго и настойчиво шел к этому посту. Окончив полный курс юридического факультета Императорского Московского университета, Гагарин поступил весной 1891 г. на гражданскую службу в Канцелярию Комитета министров. Начав с должности писмоводителя, князь хорошо зарекомендовал себя у начальства и начал быстро подниматься по служебной лестнице. К концу 1904 г. он дослужился уже до места начальника отделения. Затем по личному запросу министра двора В. Б. Фредерикса был переведен в МИДв и с января 1905 г. стал помощником начальника Канцелярии. С. В. Гагарин был в этот период едва ли не единственным руководителем среднего звена в Министерстве двора, не имевшим отношения к Конному полку и пришедшим с гражданской службы. Причины и инициатора этого странного перевода выяснить не удалось.

Между тем, мотивы этого перемещения должны были быть очень вескими, поскольку в этот период данный пост подразумевал огромную ответственность. Дело в том, что помимо своих прямых служебных обязанностей, С. В. Гагарин должен был замещать начальника Канцелярии во время частых и длительных отъездов: А. А. Мосолов обычно сопровождал министра двора и Николая II в вояжах (в предреволюционное десятилетие он входил в свиту императора). Таким образом, заместитель начальника становился на это время фактически руководителем Министерства. С. В. Гагарин, судя по всему, хорошо справлялся со своими обязанностями: в январе 1907 г. министр двора В. Б. Фредерикс после приезда даже прислал ему благодарственное письмо, в котором отметил, что Гагарин во время отсутствия высшего руководства выполнял обязанности начальника Канцелярии «с большим рвением, тактом и полным знанием дела»²⁶⁷.

Возлагались на Гагарина и представительские функции: помощник начальника Канцелярии часто представлял свое установление —

на внутриведомственных Особых совещаниях по административным и финансовым вопросам, и свое Министерство — на межведомственном уровне. Тем не менее, своей непосредственной делопроизводительной деятельности С. В. Гагарин, похоже, не придавал особого значения. Замещая А. А. Мосолова, он должен был утверждать цензурные заключения, проекты которых представлял ему делопроизводитель. Анализ текущей цензурной документации показал, что в периоды отсутствия Мосолова сроки прохождения деловых бумаг всегда резко возрастали: нередко необходимая виза ставилась Гагариным только через две-три недели. Подобная служебная нерадивость прежде отмечалась только во времена министерства А. В. Адлерберга. Отметим, что А. А. Мосолов практически всегда рассматривал представленные на цензуру материалы за два-три дня.

После отъезда А. А. Мосолова в Румынию в ноябре 1916 г. С. В. Гагарин временно выполнял его обязанности и именно в этом качестве достиг пика своей бюрократической карьеры: на последней сессии Государственной Думы в январе 1917 г. он замещал министра двора, представляя МИДв. Интересно, что Февральская революция не сместила С. В. Гагарина с его поста. Более того, указ Временного правительства 15 сентября 1917 г. официально утвердил Гагарина в должности начальника Канцелярии, отменив наконец его «временность». Последний руководитель Канцелярии МИДв потерял свой пост только 17 января 1918 г., когда, согласно приказу № 1 Народного Комиссариата имуществ республики, Канцелярия МИДв была упразднена²⁶⁸.

Из состава среднего звена придворной цензуры следует выделить делопроизводителя **Николая Ильича Оприца**, также бывшего гвардейца (до перехода в МИДв он служил полковым адъютантом в Л.-Гв. Егерском полку). Именно Оприц — сначала (в 1888–1897 гг.) в составе Административного отдела Кабинета е.и.в., затем (в 1897–1914 гг.) в составе II делопроизводства Канцелярии МИДв — непосредственно занимался придворной цензурой. В его обязанности входила подготовка проекта цензурного заключения по каждому поступившему на цензуру МИДв материалу. В эту подготовку входило ведение всего объема деловой переписки по цензуре: посылка необходимых запросов и получение требуемых справок. К сожалению, информация о Н. И. Оприце крайне недостаточна. Единственный обнаруженный содержательный отзыв оставил в своих мемуарах В. С. Кривенко: «Бывший прежде лейб-егерь... писанный красавец. Средства материальные у него были солидные, и переход на службу в Министерство

двора [март 1888 — С. Г.] объяснялся не исканием денежного благополучия, а тем, что военная карьера его нисколько не привлекала... К середине девяностых годов у Оприца уже стала заметно пробиваться лысина, но он все-таки выглядел очень красиво. Николай Ильич отличался большой чисто немецкой пунктуальностью в работе, в бюро он высиживал двойной рабочий день, увлекая своим примером и остальных сотрудников»²⁶⁹.

Впрочем, «ничто человеческое» и ему не было чуждо. В одном из дел за 1899 г. обнаружена любопытная записка К. Н. Рыздзевского (тогдашнего непосредственного начальника Оприца) Николаю Ильичу: «Звонил к Вам два раза, но Вы где-то папильонируете [так в тексте! — С. Г.]... по обыкновению»²⁷⁰. Раздражение руководителя, в очередной раз не заставшего подчиненного на рабочем месте, вполне понятно. Тем не менее, благодаря своей работоспособности и огромному опыту цензурной деятельности, Н. И. Оприца, дослужившегося до высокого звания тайного советника, можно считать наиболее ценным работником среднего звена придворной цензуры за всю ее историю.

4. МИНИСТРЫ ДВОРА И ИМПЕРАТОРЫ: ТИПОЛОГИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Проведенное исследование кадрового состава придворной цензуры показало, что биографии ее руководителей, министров двора, имеют ряд общих черт. Все министры двора были военными, служившими в привилегированных лейб-гвардейских полках: В. Ф. Адлерберг — в Л.-Гв. Литовском, А. В. Адлерберг — в Л.-Гв. Преображенском, И. И. Воронцов-Дашков и В. Б. Фредерикс — в Л.-Гв. Конном полках. Первые трое в молодости участвовали в боевых действиях (исключение составляет В. Б. Фредерикс, прослуживший всю жизнь в столице). В.Ф. и А. В. Адлерберги, И. И. Воронцов-Дашков были личными друзьями носителей Верховной власти, знающими их с раннего детства (в случае И. И. Воронцова-Дашкова — с юности). Только В. Б. Фредерикс был представлен наследнику Николаю Александровичу в возрасте 50 лет. Все без исключения министры двора являлись наиболее доверенными сотрудниками носителей Верховной власти, безусловно преданными своим императорам. Все они во время своего министерства обладали огромным влиянием. Все без исключения министры двора имели очень хорошие отношения с им-

ператрицами — вероятно, это было одним из непреложных условий успешной службы на данном посту.

Имелись у министров двора и общие черты личности, отмечаемые всеми современниками. Так, все без исключения министры двора были безукоризненно честными и благородными людьми и обладали ровным, доброжелательным характером. Все они имели репутацию обходительных и приятных в общении светских людей. Можно предположить, что именно эти черты в наибольшей степени отвечали требованиям, которые предъявляли императоры своим министрам двора. Напротив, черты, очевидно необходимые для любых других министров — хорошие умственные способности, всестороннее образование, широкая культура — видимо, были не слишком важны: из всех министров двора этими качествами обладал только А. В. Адлерберг.

Профессионализм министров двора, как высших государственных чиновников, также не был обязательным качеством в глазах носителей Верховной власти. Две основные составляющие этого качества — работоспособность (т. е. постоянная способность лично выполнять большой объем делопроизводственных работ) и административный талант (т. е. умение направить возможности и энергию сотрудников в нужном направлении) были свойственны далеко не всем министрам двора. В полной мере обоими этими качествами был наделен лишь В. Ф. Адлерберг. И. И. Воронцов-Дашков и В. Б. Фредерикс имели достаточный административный талант, но не располагали личной работоспособностью. А. В. Адлерберг вообще не имел ни одного из этих качеств — и потому его можно считать наименее профессиональным министром двора.

Что же касается отношения министров двора к придворной цензуре, то следует признать, что единственный министр, который придавал ей большое значение, был ее фактический создатель — В. Ф. Адлерберг. Только он видел в институте придворной цензуры идеологический инструмент воздействия на общественное мнение и старался использовать его именно в этом качестве. Все последующие министры двора смотрели на цензуру только как на средство охранительного давления — более или менее жесткого.

Анализируя взаимоотношения министров двора с императорами, можно выявить два основных психологических типа этих отношений, условно обозначенных как «друг» и «отец». Так, отношения В. Ф. Адлерберга и Николая I в полной мере описывались типом «друг»: император, зная своего министра двора с детства, не сомневался в его

преданности, и, имея сильный характер, мог позволить себе взаимоотношения «на равных», без ущерба своему самолюбию. Александр II воспитывался в постоянном присутствии В. Ф. Адлерберга, привык к нему, и, вероятно, никогда не чувствовал с его стороны какого-либо властного давления. Уравновешенный и доброжелательный характер императора позволил ему принять как должное, не испытывая психологического дискомфорта, отношение мягкого «отеческого» покровительства министра двора — поэтому после воцарения Александра II В. Ф. Адлерберг был оставлен на министерском посту. Можно предположить, что сложившиеся между министром и императором личные и деловые отношения совершенно удовлетворяли Александра II: престарелый министр был отпущен в отставку только тогда, когда болезнь совершенно воспрепятствовала дальнейшему выполнению им министерских обязанностей.

А. В. Адлерберг, как отмечали многие мемуаристы, находился в точно таких же взаимоотношениях с Александром II, как раньше В. Ф. Адлерберг и Николай I (т. е. речь идет о психологическом типе «друг»); они также воспитывались вместе, их объединяло большое личное прошлое. Будущий министр двора никогда не вызывал сомнений в своей личной преданности. Императору Александру II, вследствие свойственного ему толерантного психологического склада, вполне импонировали в повседневном общении отношения «на равных», без особых скидок на его верховное положение.

Взаимоотношения И. И. Воронцова-Дашкова с Александром III вполне повторили вариант В. Ф. Адлерберга и Николая I — но при этом (поскольку в момент знакомства они были уже не дети) их взаимоотношения, судя по всему, были лишены того налета фамильярности, который обычно свойственен людям, росшим вместе (и который, по свидетельствам современников, присутствовал в повседневном общении А. В. Адлерберга и Александра II). Тем не менее, исключительная близость Воронцова и Александра III не вызывает сомнений: будучи столь же властным и сильным человеком, как и Николай I, Александр III вполне мог себе позволить в быту допускать с ближайшими людьми любые вольности, оставаясь совершенно спокойным относительно своего верховного престижа.

В первое время после воцарения Николая II, казалось бы, его взаимоотношения с И. И. Воронцовым-Дашковым вполне повторили модель отношений В. Ф. Адлерберга и Александра II, укладываясь в тип взаимоотношений «отец». Тем не менее, вскоре прежний

министр двора оказался уволен. Основной причиной этого стали психологические особенности восприятия молодого Николая II. Его характер значительно отличался от характера Александра II: патерналистское, «наставническое», порой даже снисходительное отношение — которое, вполне вероятно, проявлялось в словах и поведении пожилых министров двора, пестующих будущих императоров почти «с пеленок», — было вполне приемлемо для добродушного, уверенного в себе Александра II, но оказалось нетерпимым для мнительного и робкого, но упрямого и скрытного Николая II. Вероятно, подобные проявления покровительственного отношения со стороны И. И. Воронцова-Дашкова глубоко уязвляли молодого императора, давая постоянную подпитку его комплекса неполноценности. Мнение супруги, Александры Федоровны, могло в этой ситуации лишь подтвердить уже сформировавшееся решение.

Отношения последнего министра двора В. Б. Фредерикса с Николаем II очевидно не вписывались ни в одну из приведенных ранее моделей. С одной стороны, будучи представлен наследнику уже в зрелом возрасте и не имея с ним никакого совместного прошлого, новый министр никак не мог претендовать на какую-либо особую близость во взаимоотношениях с императором. С другой стороны, постоянно подчеркиваемая официальная отстраненность Фредерикса исключала, несмотря на огромную разницу в возрасте, и малейшие оттенки покровительственного отношения в их взаимодействиях. Таким образом, В. Б. Фредерикс реализовал новый, ранее не имевший аналогов в России, тип взаимоотношений с императором, который условно можно назвать «сотрудник» — т. е. надежный человек, на которого при необходимости всегда можно опереться, а при избавлении от опасности — отдалить без какого-либо ущерба для собственной совести. Другими словами, «сотрудник» — это лицо, по должности всегда находящееся рядом с императором, но никак не претендующее на что-то большее, чем просто уважение; особа, как бы исполняющая обязанности близкого человека. Но не являющаяся таковым по сути.

Данная модель, видимо, была единственно приемлема для тонкой, ранимой личности Николая II. Однако эта модель имела, кроме ряда прочих, один очень существенный недостаток: в созданных условиях министр двора становился незаменим на своем посту. Не имея друзей детства, которым он мог бы совершенно доверять, чтобы позволить отношения «на равных» — но, при этом, не желая вновь допустить в будущем возможность отношения к себе как к младшему (а значит,

делая нереальным занятие этого поста каким-либо новым человеком старше себя) — император Николай II фактически стал заложником Фредерикса. И действительно, когда, уже во время Мировой войны, министр двора по состоянию здоровья физически перестал справляться со своими обязанностями, император не опускал его, не видя замены. Таким образом, в момент, когда министр двора по своей должности мог сыграть, возможно, самую значительную роль в российской истории — это место фактически оказалось пустым.

5. ИНСТИТУТ МИНИСТРОВ ДВОРА: МЕЖДУ ИМПЕРАТОРСКОЙ ЧЕТОЙ И ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИМИ ДВОРАМИ

Профессиональная состоятельность министров двора не определялась их работоспособностью и административным талантом. Основным показателем ее служило то, как способствует конкретный министр двора достижению общей политической цели данного института. Эту общую цель института министров двора можно сформулировать так: **регулирование взаимоотношений внутри Российского императорского дома для сохранения единства Верховной власти.** Анализируя взаимоотношения министров двора с великокняжескими дворами, можно выявить их большие различия. Так, в министерство В. Ф. Адлерберга проблема взаимоотношений между императорской четой и другими членами императорской фамилии вообще не стояла — в авторитарном режиме личной власти, воссозданном Николаем I, никаких реальных проблем в этой сфере просто не могло возникнуть. В министерство А. В. Адлерберга династические проблемы начали проявляться, однако их углублению воспрепятствовало субъективное обстоятельство. Дело в том, что в этот период главами великокняжеских дворов были ровесники Александра II — родные братья и сестры, смотрящие на него не как на недостижимо высшего, но как на первого среди равных. При этом Александр II располагал достаточным авторитетом в Российском императорском доме, чтобы решать все возникающие династические вопросы лично, но «полюбовно» — т. е. по обоюдному согласию. Задачей министра двора тогда было лишь поддержание хороших отношений между императорским и великокняжескими дворами, и, надо сказать, А. В. Адлерберг справлялся с ней блестяще.

В царствование Александра III ситуация изменилась: он стал младшим по возрасту главой императорского дома, по сравнению с великими князьями. Однако, будучи властным и решительным человеком, он сумел поставить свой авторитет на недостижимую высоту. Новый император уже не считал приоритетной задачу поддержания прежней гармонии и «лада» в семье Романовых. Он поставил перед своим министром двора И. И. Воронцовым-Дашковым совсем иную задачу: законодательно ограничить властные и имущественные привилегии великокняжеских дворов. Естественно, что подобное посягательство на «исконные» права старших членов императорской фамилии не содействовало улучшению отношений в императорской семье (немало этому поспособствовал и министр двора, весьма жестко проводящий заданную императором линию). Только благодаря влиянию императрицы Марии Федоровны, ее личному обаянию и такту, взаимоотношения между императорским и великокняжескими дворами не переросли в этот период в открытое противостояние.

В царствование Николая II противоречия внутри династии Романовых углубились еще больше — прежде всего из-за непримиримой позиции, с самого начала занятой молодой императрицей Александрой Федоровной. Этому способствовали и объективные обстоятельства: Николай II был существенно младше своих дядей — великих князей. При этом его известные личностные особенности — нерешительность, мнительность и зависимость от других мнений — делали эти возрастные различия определяющими во взаимоотношениях внутри Российского императорского дома.

В этих условиях новый министр двора В. Б. Фредерикс не имел возможности продолжать прежнюю «воронцовскую» линию на активное противодействие старшим членам императорской фамилии — он перешел к политике «пассивной обороны». Можно предположить, что первоначально В. Б. Фредерикс видел свою основную задачу как министра двора в том, чтобы с нейтральной позиции следить за соблюдением всеми членами императорской фамилии установленных в прошедшее царствование династических законов. Однако на практике Фредерикс уже очень скоро перешел на сторону молодой императорской четы — поскольку в первое время ему пришлось неоднократно оберегать ее от попыток влияния некоторых высочайших особ. Это не могло не восстановить против него старшие великокняжеские дворы. В дальнейшем барон даже не пытался целенаправленно улучшить отношения между противостоящими сторонами — в условиях

установившегося противостояния подобные его действия неминуемо были бы восприняты императорской четой как посягательство на свои верховные прерогативы. Основной обязанностью министра двора стало сглаживание публичных проявлений постоянно возникающих личных конфликтов во взаимоотношениях императорской четы (прежде всего императрицы Александры Федоровны) и старших великокняжеских дворов.

Министры двора, как главные проводники политики императоров внутри Российского императорского дома, всегда находились в центре этой до поры скрытой борьбы. Но если при наличии сильного носителя Верховной власти министры двора, неукоснительно следующие его повелениям, не могли разрушить ее единство, то в царствование Николая II ситуация радикально изменилась. В условиях объективно развивающихся внутри императорской семьи противоречий высший долг министра двора, в полной мере сознающего всю опасность происходящего, состоял, думается, в активном противодействии деструктивным процессам, быстро разрушающим целостность Верховной власти, или в уходе со своего поста. Там не менее, в силу ряда причин объективного плана (непримиримая позиция императрицы, престарелый возраст министра двора) В. Б. Фредерикс не смог воспрепятствовать превращению существовавших и ранее противоречий внутри императорской фамилии в непреодолимую пропасть между царской четой и остальными членами династии, возникшую в последние годы царствования Николая II. Встав только на одну из сторон в разгоревшемся конфликте внутри Российского императорского дома, В. Б. Фредерикс не выполнил истинную задачу как министр двора — не смог охранить Верховную власть от внутреннего распада. Впрочем, возможно, это было тогда уже не в силах человеческих...

Проведенное исследование показало, что участие в формировании цензурных решений официальных руководителей придворной цензуры — директоров, управляющих и заведующих Канцелярией МИДв — на протяжении долгого времени оставалось минимальным, ограничиваясь подготовкой делопроизводственной документации к всеподданнейшим докладам министров двора. В те периоды, когда министры двора по каким-либо причинам не могли или не желали заниматься придворной цензурой (например, во времена их отъездов

вместе с императорами в долгосрочные зарубежные поездки или в периоды, когда они отходили от повседневного руководства Министерством), согласно сложившейся практике, право придворной цензуры переходило не по принадлежности, руководителям Канцелярии, — а лицам, не предназначенным к тому существующим законодательством. В первом случае право придворной цензуры переходило министру внутренних дел, во втором — лицам, наиболее влиятельным в МИДв в данный период (т. н. «временщикам»). Однако со временем роль официальных руководителей Канцелярии стала возрастать: уже в 1870-х гг. они совместно с делопроизводителями начали готовить проекты цензурных решений. В 1880-е гг. это превратилось в прямую обязанность руководителей Канцелярии. В 1890-е гг., во время нахождения придворной цензуры в составе Кабинета е.и.в., заведующий Административным отделом А. В. Половцов уже не только готовил все без исключения проекты цензурных заключений, но и в отдельные периоды лично утверждал эти решения. Наконец, после восстановления Канцелярии МИДв, в период руководства ею А. А. Мосоловым (1900–1916 гг.), практика утверждения именно им, а не министром двора, большинства типовых цензурных решений стала не исключением, как в предыдущие годы, но правилом.

Таким образом, можно заключить, что налицо выраженная тенденция к росту роли официальных руководителей придворной цензуры в процессе принятия цензурных решений, которая со временем преодолела и законодательный барьер (напомним, что по закону вплоть до 1917 г. право придворной цензуры принадлежало исключительно министру двора), и существовавшую ранее практику. Причины этого объяснялись объективным обстоятельством — объемы материалов, поступающих на цензуру МИДв, постоянно росли, и министры должны были бы, отставив все другие дела, ежедневно принимать огромное количество однотипных цензурных решений.

¹ *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской Империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917 гг.: Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 37–41.

² *Никитенко А. В.* Дневник: В 3-х т. М.; Л., 1955–1956. Т. 2. С. 111.

³ *Инсарский В. А.* Записки // Русская старина. 1895. № 4. С. 31.

⁴ *Головнин А. В.* Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 149.

- 5 *Инсарский В. А.* Записки. С. 31.
- 6 Там же. С. 31–32.
- 7 *Бартенев П. И.* Из записной книжки // Русский архив. 1912. № 4. С. 632–633.
- 8 ОР РНБ. Ф. 1000 (Собрания отдельных поступлений). Оп. 2. Д. 672. Л. 33.
- 9 Там же. Л. 33.
- 10 *Милютин Д. А.* Воспоминания. М., 1999. С. 46.
- 11 *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Мемуары: Эпоха освобождения крестьян // Трагедия реформатора: Александр II в воспоминаниях современников. СПб., 2006. С. 78.
- 12 *Инсарский В. А.* Записки. С. 34.
- 13 *Тютчева А. Ф.* Воспоминания. М., 2000. С. 245.
- 14 *Долгоруков П. В.* Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта (1860–1867 гг.). М., 1992. С. 140.
- 15 Там же. С. 142.
- 16 *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской Империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917 гг.: Биобиблиографический справочник. С. 33–37.
- 17 *Михайлов А.* Граф Александр Владимирович Адлерберг. Заметки к его биографии (1818–1888) // Русская старина. 1890. № 2. С. 498.
- 18 ОР РНБ. Ф. 601 (Половцовых). Д. 58. Л. 7.
- 19 *Горбунова Ю. А.* Записки // Наша старина. 1914. № 7. С. 663.
- 20 *Скальковский К. А.* В театральном мире. Наблюдения, воспоминания и рассуждения. СПб., 1899. С. 8.
- 21 *Колокольников Д. Г.* Воспоминания // Русская старина. 1891. № 3. С. 638.
- 22 ОР РНБ. Ф. 601. Д. 58. Л. 7.
- 23 *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 38.
- 24 Там же. Т. 1. С. 312.
- 25 *Бартенев П. И.* Из записной книжки // Русский архив. 1911. № 12. С. 640.
- 26 *Михайлов А.* Граф Александр Владимирович Адлерберг. Заметки к его биографии (1818–1888). С. 499.
- 27 *Клейнмихель М. Э.* Из потонувшего мира // За кулисами политики (1848–1914) (серия «История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв.»). М., 1999. С. 476.
- 28 *Толстая А. А.* Записки фрейлины: Печальный эпизод из моей жизни при дворе. М., 1996. С. 71.
- 29 *Скальковский К. А.* В театральном мире. Наблюдения, воспоминания и рассуждения. С. 8.
- 30 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 34.
- 31 *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 2. С. 93–94.
- 32 *Валуев П. А.* Дневник министра внутренних дел: В 2-х т. М., 1961. Т. 2. С. 283.

- ³³ Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. С. 87.
- ³⁴ Там же. С. 93.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. С. 167.
- ³⁷ Там же. С. 118.
- ³⁸ Там же. С. 14–15.
- ³⁹ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 34.
- ⁴⁰ Скальковский К. А. В театральном мире. Наблюдения, воспоминания и рассуждения. С. 8–9.
- ⁴¹ Ламздорф В. Н. Дневник. М.; Л., 1926. С. 134–135.
- ⁴² Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 29–30.
- ⁴³ Там же. С. 37–38.
- ⁴⁴ Толстая А. А. Записки фрейлины: Печальный эпизод из моей жизни при дворе. С. 33.
- ⁴⁵ Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы (1848–1896 гг.). М., 1991. С. 365.
- ⁴⁶ Толстая А. А. Записки фрейлины: Печальный эпизод из моей жизни при дворе. С. 33.
- ⁴⁷ Михайлов А. Граф Александр Владимирович Адлерберг. Заметки к его биографии (1818–1888). С. 501–502.
- ⁴⁸ Горбунова Ю. А. Записки // Наша старина. 1914. № 8. С. 763.
- ⁴⁹ Милютин Д. А. Дневник // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 325.
- ⁵⁰ Там же. С. 325.
- ⁵¹ Толстая А. А. Записки фрейлины: Печальный эпизод из моей жизни при дворе. С. 73.
- ⁵² Там же. С. 77–78.
- ⁵³ Рылеев А. М. Воспоминания // Русская старина. 1907. № 11. С. 360.
- ⁵⁴ Перетц Е. А. Дневник. М.; Л., 1927. С. 5.
- ⁵⁵ Милютин Д. А. Дневник. С. 325.
- ⁵⁶ Рылеев А. М. Воспоминания // Русская старина. 1907. № 11. С. 360.
- ⁵⁷ ОР РНБ. Ф. 601. Д. 58. Л. 6–7.
- ⁵⁸ Перетц Е. А. Дневник. С. 95.
- ⁵⁹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 313.
- ⁶⁰ Там же. С. 316–317.
- ⁶¹ Мещерский В. П. Мои воспоминания. М., 2001. С. 616.
- ⁶² Перетц Е. А. Дневник. С. 95–96.
- ⁶³ Там же. С. 96.
- ⁶⁴ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря: В 2-х т. М., 1966. Т. 1. С. 173.
- ⁶⁵ 200-летие Кабинета его императорского величества (1704–1904). СПб., 1911. С. 467.
- ⁶⁶ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. Т. 1. С. 87–88.

- ⁶⁷ Там же. С. 95.
- ⁶⁸ Суворин А. С. Дневник. М., 1999. С. 30–31.
- ⁶⁹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 312–313.
- ⁷⁰ Там же. Т. 2. С. 173.
- ⁷¹ Там же. С. 259.
- ⁷² ОР РНБ. Ф. 601. Д. 58. Л. 5.
- ⁷³ Горбунова Ю. А. Записки // Наша старина. 1914. № 7. С. 664.
- ⁷⁴ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. Т. 1. С. 155.
- ⁷⁵ Там же. С. 427.
- ⁷⁶ Там же. Т. 2. С. 125.
- ⁷⁷ ОР РНБ. Ф. 601. Д. 58. Л. 5.
- ⁷⁸ Там же. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 42.
- ⁷⁹ Михайлов А. Граф Александр Владимирович Адлерберг. Заметки к его биографии (1818–1888). С. 502.
- ⁸⁰ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. Т. 1. С. 253.
- ⁸¹ Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 1. С. 194.
- ⁸² Там же. С. 243.
- ⁸³ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. Т. 1. С. 393, 396.
- ⁸⁴ Михайлов А. Граф Александр Владимирович Адлерберг. Заметки к его биографии (1818–1888). С. 498.
- ⁸⁵ Толстая А. А. Записки фрейлины: Печальный эпизод из моей жизни при дворе. С. 71.
- ⁸⁶ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 160.
- ⁸⁷ Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской Империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917 гг.: Биобиблиографический справочник. С. 140–144.
- ⁸⁸ Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 2. С. 365–366.
- ⁸⁹ Гурко В. И. Царь и царица // Николай Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 390.
- ⁹⁰ Мещерский В. П. Мои воспоминания. С. 495.
- ⁹¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 43.
- ⁹² Там же. С. 313.
- ⁹³ Епанчин Н. А. Воспоминания. М., 1996. С. 166.
- ⁹⁴ Кривенко В. С. Памяти графа И.И. Воронцова-Дашкова. Пг., 1916. С. 7.
- ⁹⁵ Джунковский В. Ф. Воспоминания: В 2-х т. М., 1997. Т. 1. С. 250.
- ⁹⁶ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 313.
- ⁹⁷ Там же. Т. 2. С. 535.
- ⁹⁸ РГИА. Ф. 919 (Воронцовых). Оп. 2. Д. 239. Л. 4–5.
- ⁹⁹ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978. С. 388–389.
- ¹⁰⁰ Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 48.
- ¹⁰¹ РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 228. Л. 3–4.

- ¹⁰² Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. С. 168.
- ¹⁰³ Исмаил-Заде Д. И. Илларион Иванович Воронцов-Дашков // Исторические силуэты. М., 1991. С. 41.
- ¹⁰⁴ Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 1. С. 393.
- ¹⁰⁵ Там же. Т. 2. С. 151.
- ¹⁰⁶ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. Т. 1. С. 85.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 147.
- ¹⁰⁸ Мещерский В. П. Мои воспоминания. С. 495.
- ¹⁰⁹ Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. 1. С. 155.
- ¹¹⁰ Кривенко В. С. Памяти графа И. И. Воронцова-Дашкова. С. 6–12.
- ¹¹¹ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. Т. 2. С. 245.
- ¹¹² Там же. Т. 2. С. 343.
- ¹¹³ Богданович А. В. Три последних самодержца. С. 71.
- ¹¹⁴ Там же. С. 138.
- ¹¹⁵ Там же. С. 170.
- ¹¹⁶ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 122.
- ¹¹⁷ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 71.
- ¹¹⁸ Там же. С. 113–114.
- ¹¹⁹ Мосолов А. А. При дворе последнего Российского императора. Записки начальника Канцелярии Министерства императорского двора. М., 1993. С. 96.
- ¹²⁰ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 145.
- ¹²¹ Романов К. К. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. С. 231–233, 236.
- ¹²² Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской Империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917 гг.: Биобиблиографический справочник. С. 695–698.
- ¹²³ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 97.
- ¹²⁴ Там же. Л. 99.
- ¹²⁵ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 39, 71.
- ¹²⁶ Великий Князь Николай Михайлович. Записки // Гибель монархии (серия «История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв.»). М., 2000. С. 74.
- ¹²⁷ ОР РНБ. Ф. 601. Д. 66. Л. 25.
- ¹²⁸ Данилов Ю. Н. Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче // Николай Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 423.
- ¹²⁹ Мосолов А. А. При дворе последнего Российского императора. Записки начальника Канцелярии Министерства императорского двора. С. 186.
- ¹³⁰ Епанчин Н. А. Воспоминания. С. 219.
- ¹³¹ Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 2. С. 51.
- ¹³² Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х т. М., 1999. Т. 1. С. 422.

- ¹³³ Родзянко М. В. Крушение Империи // Гибель монархии (серия «История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв.»). М., 2000. С. 223.
- ¹³⁴ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 417.
- ¹³⁵ Там же. Т. 2. С. 115.
- ¹³⁶ Там же. С. 349.
- ¹³⁷ Там же. Т. 3. С. 52.
- ¹³⁸ Там же. С. 421.
- ¹³⁹ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 318.
- ¹⁴⁰ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 115.
- ¹⁴¹ Мосолов А. А. При дворе последнего Российского императора. Записки начальника Канцелярии Министерства императорского двора. С. 186.
- ¹⁴² Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 344.
- ¹⁴³ Там же. С. 347.
- ¹⁴⁴ Гурко В. И. Царь и царица // Николай Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 391.
- ¹⁴⁵ Великий князь Николай Михайлович. Записки // Гибель монархии (серия «История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв.»). М., 2000. С. 74–75.
- ¹⁴⁶ Толстой И. И. Мемуары. М., 2002. С. 260–261.
- ¹⁴⁷ Лопухин В. Б. Люди и политика (конец XIX – начало XX вв.) // Вопросы истории. 1966. № 9. С. 122.
- ¹⁴⁸ Там же.
- ¹⁴⁹ Там же.
- ¹⁵⁰ Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской Империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 16–18.
- ¹⁵¹ Там же. С. 17–18.
- ¹⁵² Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки: В 2-х т. СПб., 2003. Т. 2. С. 214–229.
- ¹⁵³ Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 2. С. 51.
- ¹⁵⁴ Родзянко М. В. Крушение Империи. С. 122.
- ¹⁵⁵ Воейков В. Н. С царем и без царя. М., 1995. С. 174.
- ¹⁵⁶ Мосолов А. А. При дворе последнего Российского императора. Записки начальника Канцелярии Министерства императорского двора. С. 186–187.
- ¹⁵⁷ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 318.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 319.
- ¹⁵⁹ Там же.
- ¹⁶⁰ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 502.
- ¹⁶¹ Теляковский В. А. Дневники Директора Императорских театров. 1901–1903 гг. М., 2002. С. 9–10.
- ¹⁶² Там же.

- ¹⁶³ Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской Империи накануне падения старого порядка (1914–1917). С. 117.
- ¹⁶⁴ Воейков В. Н. С царем и без царя. С. 109–110.
- ¹⁶⁵ Там же.
- ¹⁶⁶ Сухомлинов В. А. Воспоминания. М.; Л., 1926. С. 243.
- ¹⁶⁷ Мосолов А. А. При дворе последнего Российского императора. Записки начальника Канцелярии Министерства императорского двора. С. 33.
- ¹⁶⁸ Воейков В. Н. С царем и без царя. С. 160.
- ¹⁶⁹ Андрей Владимирович, вел. кн. Дневники // Гибель монархии (серия «История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв.»). М., 2000. С. 296.
- ¹⁷⁰ Воейков В. Н. С царем и без царя. С. 217.
- ¹⁷¹ Мосолов А. А. При дворе последнего Российского императора. Записки начальника Канцелярии Министерства императорского двора. С. 231.
- ¹⁷² Клейнмихель М. Э. Из потонувшего мира // За кулисами политики. 1848–1914 (серия «История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв.»). М., 1999. С. 485.
- ¹⁷³ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 346.
- ¹⁷⁴ Мосолов А. А. При дворе последнего Российского императора. Записки начальника Канцелярии Министерства императорского двора. С. 232–233.
- ¹⁷⁵ Воейков В. Н. С царем и без царя. С. 210.
- ¹⁷⁶ Там же. С. 211.
- ¹⁷⁷ Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 2. С. 230.
- ¹⁷⁸ Мельник (Боткина) Т. Е. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. М., 1993. С. 44–45.
- ¹⁷⁹ Теляковский В. А. Воспоминания. 1898–1917 гг. Пг., 1924. С. 55–56.
- ¹⁸⁰ Мосолов А. А. При дворе последнего Российского императора. Записки начальника Канцелярии Министерства императорского двора. С. 187.
- ¹⁸¹ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 35.
- ¹⁸² Ежегодник Императорских театров (сезон 1893–1894 годов). СПб., 1895. С. 453.
- ¹⁸³ Пешков. Управляющий театрами барон К. К. Кистер. Воспоминания чиновника Пешкова // Бирюч Петроградских государственных театров. 1918. № 15–16. С. 220–222.
- ¹⁸⁴ Ежегодник Императорских театров (сезон 1893–1894 годов). СПб., 1895. С. 454.
- ¹⁸⁵ Пешков. Управляющий театрами барон К. К. Кистер. Воспоминания чиновника Пешкова // Бирюч Петроградских государственных театров. 1918. № 15–16. С. 219.
- ¹⁸⁶ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 35.
- ¹⁸⁷ Михайлов А. Граф Александр Владимирович Адлерберг. Заметки к его биографии (1818–1888). С. 505.

- ¹⁸⁸ *Пешков*. Управляющий театрами барон К. К. Кистер. Воспоминания чиновника Пешкова // Бирюч Петроградских государственных театров. 1918. № 19–20. С. 344–347.
- ¹⁸⁹ *Нильский А. А.* Воспоминания. // Исторический вестник. 1899. № 11. С. 511–512.
- ¹⁹⁰ *Пешков*. Управляющий театрами барон К. К. Кистер. Воспоминания чиновника Пешкова // Бирюч Петроградских государственных театров. 1918. № 19–20. С. 347.
- ¹⁹¹ Там же. С. 344–345.
- ¹⁹² *Пешков*. Управляющий театрами барон К. К. Кистер. Воспоминания чиновника Пешкова // Бирюч Петроградских государственных театров. 1918. № 17–18. С. 281–282.
- ¹⁹³ Там же. С. 285.
- ¹⁹⁴ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 35–36.
- ¹⁹⁵ *Михайлов А.* Граф Александр Владимирович Адлерберг. Заметки к его биографии (1818–1888). С. 505.
- ¹⁹⁶ *Скальковский К. А.* В театральном мире. Наблюдения, воспоминания и рассуждения. С. 9.
- ¹⁹⁷ *Вольф А. И.* Хроника петербургских театров. III. СПб., 1884. С. 5.
- ¹⁹⁸ *Вазем Е. О.* Записки балерины Санкт-Петербургского Большого театра. 1867–1884. Л.; М., 1937. С. 142.
- ¹⁹⁹ Там же. С. 144.
- ²⁰⁰ *Гозенпуд А. А.* Русский оперный театр XIX века. 1873–1889. Л., 1973. С. 18–19.
- ²⁰¹ Там же. С. 21.
- ²⁰² Материалы по истории русского балета: В 2-х т. Л., 1939. Т. 2. С. 15.
- ²⁰³ *Мельников И. А.* Воспоминания певца Императорских театров // Русская старина. 1909. № 2. С. 360.
- ²⁰⁴ *Вазем Е. О.* Записки балерины Санкт-Петербургского Большого театра. 1867–1884. С. 142.
- ²⁰⁵ *Скальковский К. А.* В театральном мире. Наблюдения, воспоминания и рассуждения. С. 12–15.
- ²⁰⁶ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 37.
- ²⁰⁷ *Теляковский В. А.* Дневники Директора Императорских театров. 1901–1903 гг. С. 104.
- ²⁰⁸ *Перетц Е. А.* Дневник. С. 95.
- ²⁰⁹ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 96.
- ²¹⁰ *Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря. Т. 1. С. 303.
- ²¹¹ Там же. С. 403.
- ²¹² ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 86–88.
- ²¹³ *Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря. Т. 1. С. 255.
- ²¹⁴ ОР РНБ. Ф. 601. Д. 58. Л. 17.
- ²¹⁵ *Валуев П. А.* Дневник министра внутренних дел. Т. 1. С. 147.

- ²¹⁶ Там же. С. 153.
- ²¹⁷ ОР РНБ. Ф. 601. Д. 61. Л. 4.
- ²¹⁸ Бокова В. И. Кривенко Василий Силович // Русские писатели. 1800–1917 гг. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 152–153.
- ²¹⁹ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 68.
- ²²⁰ Там же. Л. 80–85.
- ²²¹ Там же. Л. 50.
- ²²² ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 51.
- ²²³ Суворин А. С. Дневник. М., 2000. С. 96.
- ²²⁴ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 112–113.
- ²²⁵ Там же. Л. 113.
- ²²⁶ Там же. Л. 111.
- ²²⁷ Народное образование // Страна. 1881. № 125, 126.
- ²²⁸ Сборник кратких сведений о правительственных учреждениях. СПб., 1888; 2-е изд. СПб., 1889.
- ²²⁹ Путешествие его императорского высочества наследника цесаревича на Восток, от Гатчины до Бомбея // Правительственный вестник. 1891. № 41, 48, 56, 78, 100; Путешествие его императорского высочества наследника цесаревича на Восток, от Гатчины до Бомбея. СПб., 1891.
- ²³⁰ Очерки Кавказа. СПб., 1891; По Дагестану. Путевые заметки. СПб., 1896; В дороге и на месте. СПб., 1899; На окраинах. СПб., 1901; Железнодорожные направления. СПб., 1901., и др.
- ²³¹ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 111.
- ²³² Wortman R.-S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1: From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton, 1995; Wortman R.-S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 2: From Alexander II to the Abdication of Nicholas II. Princeton, 2000. Рус. перевод: Уортман Р. Сценарии власти: миф и церемония в русской монархии. М., 2000.
- ²³³ Суворин А. С. Дневник. М., 2000. С. 230.
- ²³⁴ Коронационный сборник. СПб., 1899. Т. 1.
- ²³⁵ Обзор деятельности Министерства императорского двора и уделов за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III. 1881–1894. СПб., 1901.
- ²³⁶ Панаев В. И. Воспоминания // Вестник Европы. 1867. Т. III. С. 193–270; Т. IV. С. 72–178.
- ²³⁷ Никитенко А. В. Дневник. Т. 1. С. 297.
- ²³⁸ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 31–32.
- ²³⁹ Михайлов А. Граф Александр Владимирович Адлерберг. Заметки к его биографии (1818–1888). С. 505–506.
- ²⁴⁰ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 85–86.
- ²⁴¹ Там же. Л. 87.
- ²⁴² Там же. Л. 87–88.

- 243 Там же. Л. 97.
- 244 Там же. Л. 101.
- 245 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 101.
- 246 *Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря. Т. 2. С. 290.
- 247 РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 18. Л. 6.
- 248 *Теляковский В. А.* Дневники Директора Императорских театров. 1901–1903 гг. С. 361.
- 249 РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.
- 250 Там же. Л. 8.
- 251 *Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря. Т. 2. С. 240.
- 252 ОР РНБ. Ф. 601. Д. 58. Л. 29.
- 253 *Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря. Т. 2. С. 240.
- 254 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 103–104.
- 255 ОР РНБ. Ф. 601. Д. 66. Л. 18.
- 256 Там же. Л. 23–24.
- 257 РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.
- 258 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 349.
- 259 *Теляковский В. А.* Воспоминания. 1898–1917 гг. С. 47.
- 260 *Теляковский В. А.* Дневники Директора Императорских театров. 1901–1903 гг. С. 121.
- 261 Там же. С. 418.
- 262 *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 535.
- 263 РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 203. Л. 24–25.
- 264 Там же. Л. 59–61.
- 265 РГИА. Ф. 472. Оп. 46. Д. 30. Л. 218.
- 266 *Мосолов А. А.* При дворе последнего Российского императора. Записки начальника Канцелярии Министерства императорского двора. С. 4.
- 267 РГИА. Ф. 472. Оп. 46. Д. 30. Л. 76.
- 268 Там же. Л. 18–19.
- 269 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 214.
- 270 РГИА. Ф. 472. Оп. 43. Д. 271. Л. 10.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показало проведенное исследование, институт придворной цензуры возник не единовременно: от момента первого упоминания данного понятия в 1831 г. до введения института придворной цензуры в российское законодательство в 1870 г. прошло около сорока лет, что по меркам российской истории является весьма большим сроком. Тем не менее, уже к началу XX в. юридических основ, содержащихся в статье 73 Устава о цензуре и печати, для деятельности придворной цензуры стало явно недостаточно. Расширение областей ее компетенции после 1870 г. не сопровождалось дальнейшей кодификацией выработанных практикой цензурных норм, регламентирующих новые направления деятельности цензуры МИДв. В начале XX в. кодификация юридических норм придворной цензуры вообще прекратилась: цензурные уставы 1905 и 1912 гг., включавшие новые редакции статьи 73, так и не были утверждены. Таким образом, большинство правил и требований, регламентирующих новые направления деятельности придворной цензуры, остались не закрепленными ни на законодательном, ни на нормативном уровне. Статья 73 Устава о цензуре и печати была единственной законодательной нормой придворной цензуры вплоть до 1917 г. Это привело к тому, что при применении выработанных практикой цензурных правил к конкретным цензурным казусам многократно возросло количество исключений, зависящих как от текущей политической ситуации, так и от взглядов конкретного лица, принимающего цензурное решение. Таким образом, при существующей объективной тенденции к расширению и более жесткой регламентации новых областей компетенции придворной цензуры — на практике, напротив, количество исключений из общих правил, вызванных вмешательством субъективного, личного фактора, постоянно росло. Данное положение вполне отвечало традиционной житейской мудрости — «Суровость российских законов компенсируется необязательностью их исполнения».

Канцелярия МИДв большую часть своей истории являлась центральным установлением Министерства, и потому вполне понятно вхождение именно в ее компетенцию придворной цензуры, реализующей важнейшую идеологическую функцию МИДв. В разные периоды положение Канцелярии МИДв как государственного института

в рамках Министерства существенно менялось, что всегда отражалось на служебном и материальном положении высшего и среднего звена чинов Канцелярии. Это находило свое выражение в различных законодательно закрепленных штатах. Наиболее влиятельное положение в Министерстве Канцелярия МИДв занимала в 1900–1916 гг., в период руководства ею А. А. Мосоловым. В этот же период было обеспечено и самое высокое служебное и материальное положение ее чинам — в соответствии со штатом 1902 г.

Основные области компетенции придворной цензуры сформировались уже к 1870 г. — ко времени введения института придворной цензуры в российское законодательство. Они соответствовали видам материалов, постоянно поступающих на цензуру МИДв — текстовых, визуальных, музыкальных. Между тем в конце XIX — начале XX в. возник целый ряд новых видов носителей с изображениями высочайших особ, представляемых на цензуру МИДв, — жетонов и медалей, изделий прикладных промыслов, средств производства таких изделий, фотопортретов и кинофильмов.

Руководители Канцелярии МИДв, как правило, не принимали цензурных решений — это входило в компетенцию высшего начальства — министров двора и императоров. Пост руководителя Канцелярии долгое время занимали чиновники, не пользовавшиеся влиянием в Министерстве. Характерно, что лица, наиболее влиятельные в МИДв в отдельные периоды (т. н. «временщики»), одновременно возглавляли не Канцелярию, а другие установления — Контроль МИДв или Канцелярию министра. Хотя формально Канцелярия Министерства двора оставалась в этот период (1870–1888 гг.) центральным установлением МИДв, решающего влияния на дела ее руководство не имело. В Контроле МИДв было сосредоточено финансовое управление всеми частями Министерства — а значит, и реальная власть. Однако после восстановления Канцелярии МИДв в 1897 г. роль ее руководителей в принятии цензурных решений резко возросла, а во время руководства А. А. Мосолова стала определяющей — что объясняется влиянием личного фактора.

С начала 1890-х гг. бюрократический механизм органов придворной цензуры (в составе Административного отдела Кабинета е.и.в., а после 1897 г. — II делопроизводства Канцелярии МИДв) стал хорошо отлажен. В 1900–1910-е гг. он работал без сбоев — об этом свидетельствует факт выполнения в короткие сроки наибольших в истории придворной цензуры объемов делопроизводства. Это было достигнуто за

счет стандартизации делопроизводственной документации и цензурных подходов, а также высокого профессионального уровня кадрового состава, подобранного в органы придворной цензуры. Таким образом, на основании всей имеющейся информации следует заключить, что институт придворной цензуры достиг к началу XX в. своего наивысшего развития во всех отношениях — организационном, бюрократическом, кадровом. И тем не менее — история показала, что в конечном счете он оказался все-таки неэффективен. Идеологическая деятельность придворной цензуры по надзору за созданием и репрезентацией частными производителями положительного образа Верховной власти не увенчалась успехом. Однако возникает резонный вопрос: а ставилась ли перед ней такая задача? Сейчас можно утверждать, что эта задача, равно как и любая другая идеологическая задача, — перед придворной цензурой никогда и никем не была поставлена.

Институт цензуры, в случае его успешного функционирования, должен выполнять в государстве две функции: негативную — в качестве фильтра, препятствующего проникновению в общество нежелательной, с точки зрения власти, информации, и позитивную — являясь, наряду с пропагандой, одним из идеологических инструментов формирования общественного мнения. Причем в идеале цензура должна быть прежде всего именно идеологическим инструментом, и только затем — охранительным. Придворная цензура же всегда выполняла (хотя и вполне успешно) исключительно первую функцию. Впрочем, она лишь решала задачу, возложенную на нее законодательством — статьей 73 Устава о цензуре и печати. И эта норма закона всегда выполнялась очень четко (об этом говорит крайне незначительное количество ее нарушений, тщательно отслеживаемых Министерством).

Рассматривая представляемые на цензуру МИДв материалы, руководители придворной цензуры принимали решения о том, следует ли пропускать их, на основе ряда чисто формальных условий — что никак не могло способствовать наилучшей репрезентации позитивного образа Верховной власти. Вносимые цензурные изменения почти никогда не имели идеологических мотивов, нося поверхностный или эстетический характер. Любые оригинальные нововведения в области репрезентации принципиально отвергались. Стандартность традиционного мышления и косность идеологических догм неизменно побеждали смелость и творческий подход — что для проблемы репрезентации Верховной власти в России, возможно, и стало в конечном итоге фатальным... Но не следует обвинять придворную цен-

зуру в непрофессионализме: эта проблема была вне ее компетенции и заключалась в том, что придворная цензура оказалась просто лишена идеологического руководства.

Чины придворной цензуры не имели идеологических установок потому, что никогда — ни во время последнего царствования, ни раньше — носители Верховной власти не считали нужным использовать возможности придворной цензуры для целенаправленного формирования своего образа. Судя по всему, российские императоры попросту не отдавали себе отчет в необходимости таких изменений. Полагаясь исключительно на традиционные средства репрезентации своего образа, Верховная власть фактически упустила из вида столь действенный и прекрасно организованный идеологический инструмент воздействия на общественное мнение, каким к началу XX в. стала придворная цензура. Именно на самих российских императорах лежит историческая ответственность за то, что придворная цензура так и не стала реальным инструментом по созданию и репрезентации позитивного образа Верховной власти — и это можно считать главным выводом этой книги.

Придворная цензура пережила свое время. К началу XX в., когда все прочие ведомственные цензуры ушли в небытие, она, напротив, переживала свой наивысший институциональный расцвет. Однако, не решая никаких идеологических задач, прекрасно отлаженная бюрократическая машина придворной цензуры работала вхолостую. Оставаясь своего рода «рудиментом» прежних цензурных эпох, она со временем не могла не стать — и стала — только более или менее действенным тормозом на пути общественного развития. Удлиняя и удорожая путь материала к потребителю, придворная цензура была по сути лишь очередной досадной бюрократической помехой в работе производителей информационной продукции. Будучи лишенной идеологического руководства, цензура МИДв оказалась не готова к вызовам нового времени — технологическим, а главное, идеологическим, и потому была обречена на историческую неудачу. Впрочем, можно предположить, что причины этой неудачи кроются вне деятельности данного института, и обусловлены они такими обстоятельствами общен исторического характера, которые никак не могли быть устранены действиями какого бы то ни было отдельного государственного учреждения.

В заключение — несколько слов о нашем времени. Существует ли символический капитал власти сегодня? На этот вопрос нужно дать положительный ответ. Нынешняя наша «Верховная власть», вопло-

щенная в институте президентства, обладает огромным символическим капиталом в глазах значительной части россиян, по-прежнему, как и века назад, склонных к традиционному мировоззрению. Президент, надо думать, вполне осознает символическое значение этого капитала, используя его как действенное средство для создания позитивного образа современного российского государства. Однако это — государственный ПИАР. Что касается коммерческого использования образа «Верховной власти», то и сегодня это явление весьма распространено. Изделия, в которых для повышения уровня продаж прямо или косвенно используется образ действующего президента (как лица, персонифицирующего для многих в России «Верховную власть»), можно встретить где угодно. Фотопортреты, продающиеся в книжных магазинах, можно увидеть в кабинетах чиновников всех уровней, матрешек-президентов с удовольствием покупают в качестве сувениров интуристы... Кстати, новый водочный брэнд «Путинка» своим небывалым успехом (за считанные годы он занял лидирующие позиции по уровню продаж в России) также не в последнюю очередь, надо думать, обязан совершенно определенным ассоциациям, возникающим у людей в связи со своим названием. Этот список может быть продолжен — примеров вокруг множество.

Встречается мнение, что это — приметы нарождающегося культа вождя, чуть ли не знак возрождающегося авторитаризма. Думается, это не так. Это ни что иное, как использование символического капитала власти для личного обогащения. Как показано в данной книге, подобное встречалось и прежде, и бороться с этим бессмысленно — в условиях рынка производитель всегда будет пускать в ход все возможные средства для получения прибыли. Тот факт, что кто-то стремится использовать символическое значение сегодняшней «Верховной власти» в своих целях, прежде всего говорит о личной популярности того, кто эту власть воплощает, и это отрадно. Другой вопрос — как наладить должный контроль за этим процессом частной репрезентации образа власти? Когда-то этой цели служила придворная цензура. Сегодня этот процесс также требует внимательного, вдумчивого и целенаправленного руководства. Не следует его недооценивать — только в этом случае удастся отсеять неизбежные негативные опыты и в полной мере успешно использовать открывающиеся новые возможности репрезентации власти.

Шкатулка с портретом императора Александра II
(художник А.Г. Рокстал; золото, акварель по слоновой кости; 1870-е гг.)

Бюсты императора Александра II (скульптор М. А. Чижов; мрамор; 1881)
и императрицы Марии Федоровны (скульптор М. М. Антокольский; мрамор;
1887)

Портрет императора
Александра II и императрицы
Марии Александровны
(фотография Г. Деньера;
1860-е гг.)

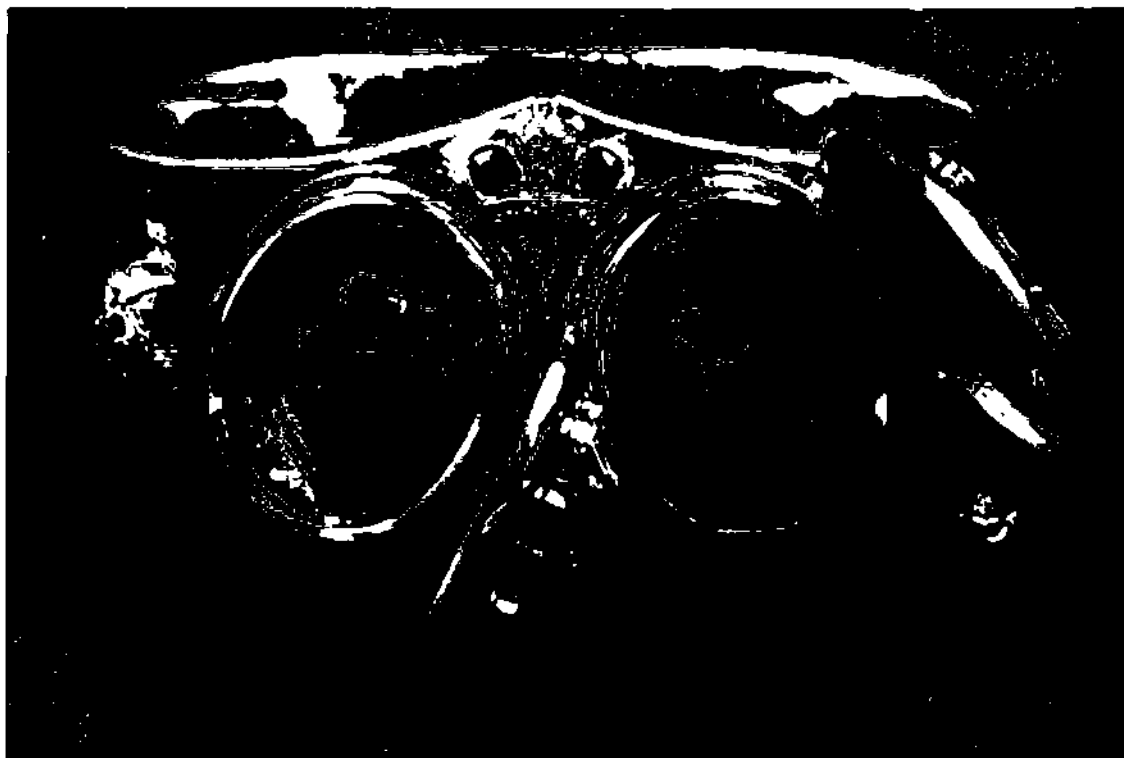

Портрет императора
Александра III с семьей.
Слева направо стоят: великий
князь Михаил Александрович,
императрица Мария
Федоровна, наследник
цесаревич великий князь
Николай Александрович,
великая княжна Ольга
Александровна, великая
княжна Ксения
Александровна.
Сидит: великий князь Георгий
Александрович.
(фотография С. Л. Левицкого;
1880-е гг.)

Портрет императора Николая II,
императрицы Александры
Федоровны и великой княжны
Ольги (фотография
С. Л. Левицкого; 1890-е гг.)

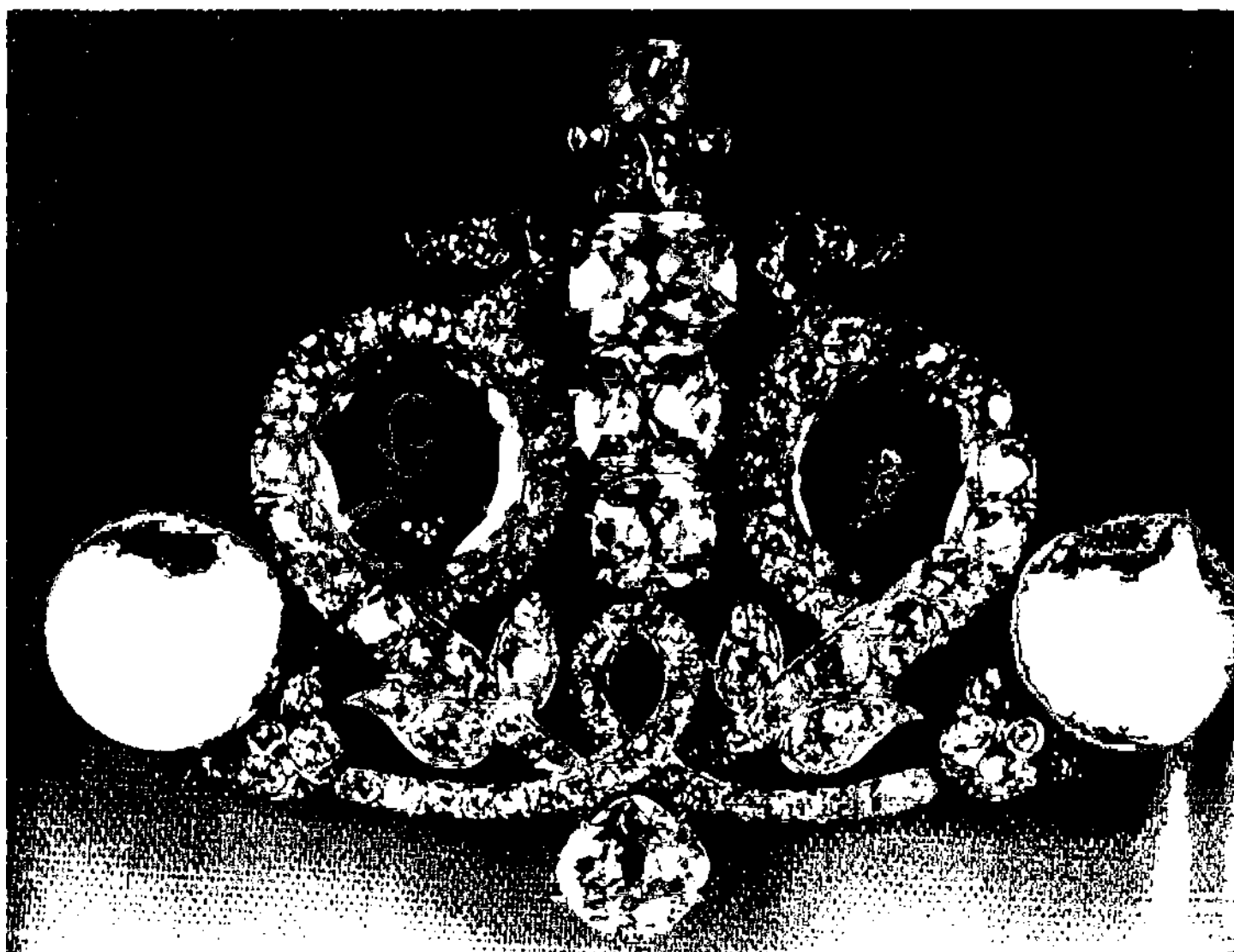

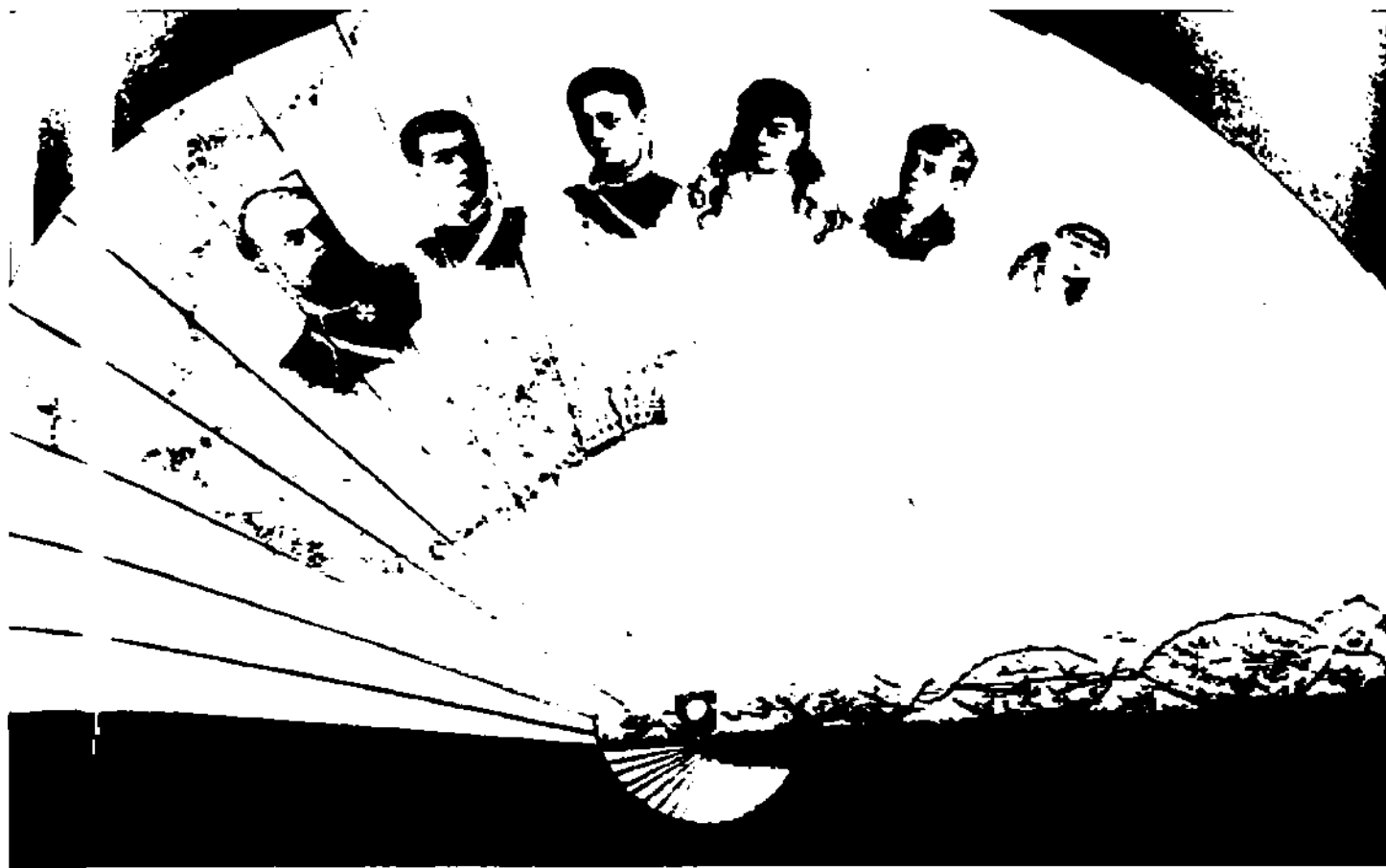
Портрет императора
Николая II и императрицы
Александры Федоровны
(фотография
А. А. Пазетти; 1890-е гг.)

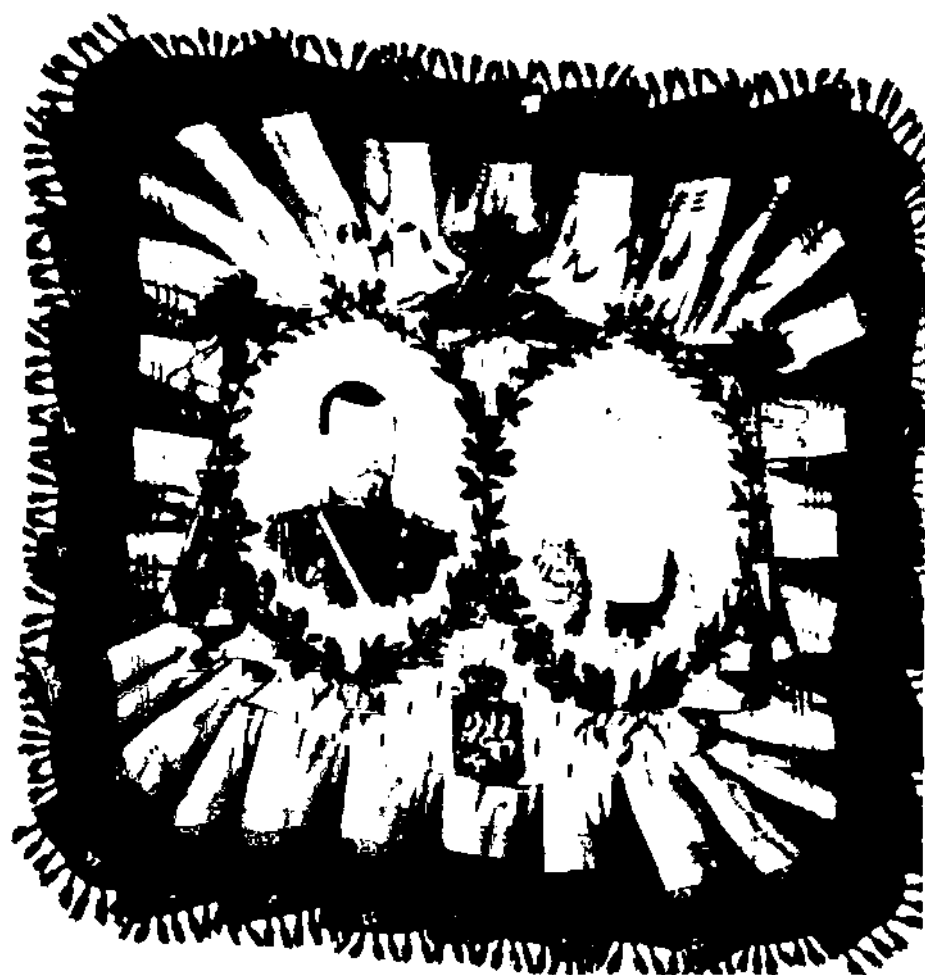
Браслет с портретами наследника цесаревича великого князя Александра Александровича и его невесты, датской принцессы Дагмары (золото, драгоценные камни; 1860-е гг.)

Брошь с портретами императора Александра III и императрицы Марии Федоровны (фотография С. Л. Левицкого; золото, бриллианты, жемчуг; 1880-е гг.)

Веер с портретами императора Александра III и его детей
(художник И. Н. Крамской; 1886; предназначался в подарок императрице
Марии Федоровне по случаю 20-летней годовщины бракосочетания
императорской четы)

Платок с портретами
императора Николая II
и императрицы
Александры Федоровны
(хлопок; 1896;
изготовлен на
Прохоровской
мануфактуре,
предназначался для
упаковки коронационных
подарков, раздававшихся
народу на
коронационных
торжествах в Москве, на
Ходынском поле)

Портрет наследника цесаревича
великого князя Алексея
Николаевича (фотография
фирмы «К. Е. фон Ган и К^о»;
1910-е гг.)

C.E. de Hahn & Co.
Царское Село

Портрет великой княгини
Татьяны Николаевны
(фотография фирмы
«К. Е. фон Ган и К^о»; 1900-е гг.)

C.E. de Hahn & Co.
Царское Село

Портрет детей императора Николая II.
Сверху вниз: великие княжны Ольга,
Татьяна, Мария, наследник цесаревич
великий князь Алексей Николаевич.
В зеркале слева — отражение фотографа
А. К. Ягельского. (фотография фирмы
«К.Е. фон Ган и К^о»; 1900-е гг.)

С.Е. ГАН & CO

Портрет императора
Николая II, императрицы
Александры Федоровны и
наследника цесаревича великого
князя Алексей Николаевич.
(фотография фирмы
«К.Е. фон Ган и К^о»; 1900-е гг.)

Образцы упаковки с портретами высочайших особ,
выпущенной к различным знаменательным датам
(хромолитография по жести; 1896–1913)

Коробка конфет фирмы «Блигкен и Робинсон» с портретом императора
Александра III (хромолитография по жести; 1880-е гг., выпущена к
высочайшему визиту во Францию)

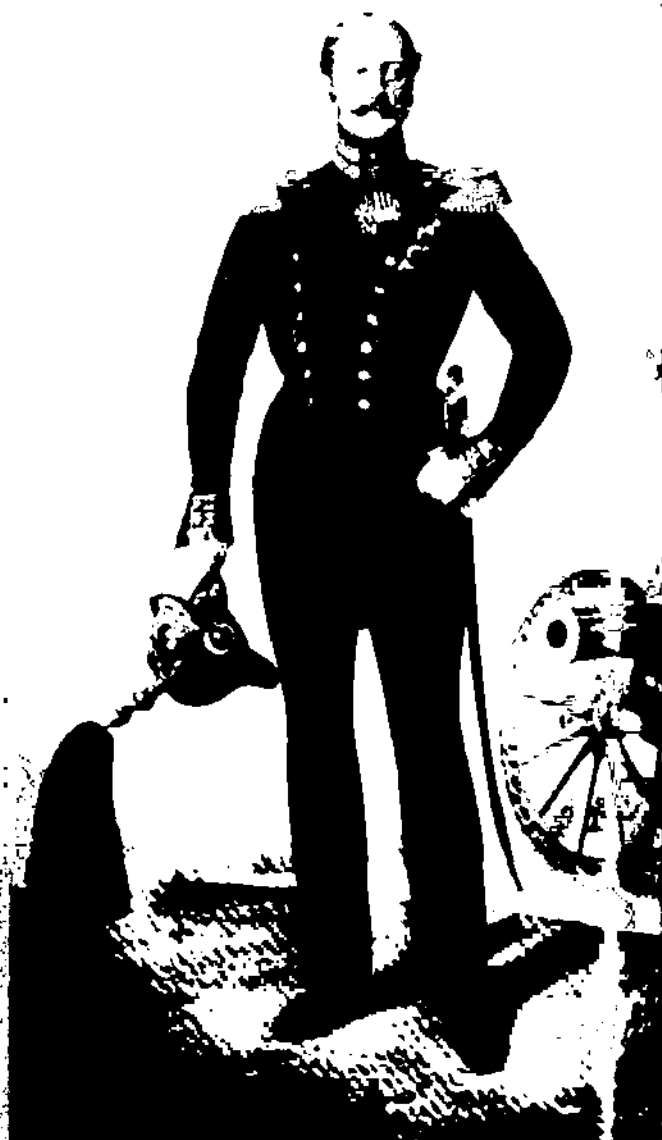
Ваза с портретами императрицы Марии Федоровны и наследника цесаревича великого князя Николая Александровича (фотография С.Л. Левицкого; стекло с содержанием золота и рубинов 1870-е гг.).

Обложка отрывного календаря с портретом императора Николая II (1890-е гг.).

Император Николай I

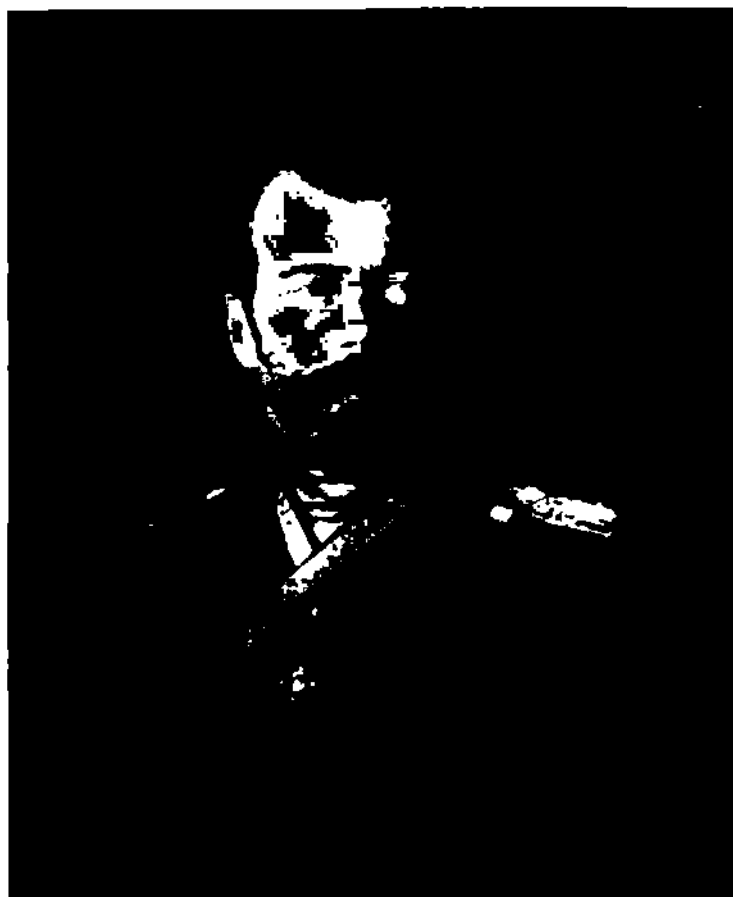

Николай

Александр II

Император Александр II

Император Александр III

A handwritten signature in cursive script, likely of Emperor Alexander III, written in black ink on a white background.

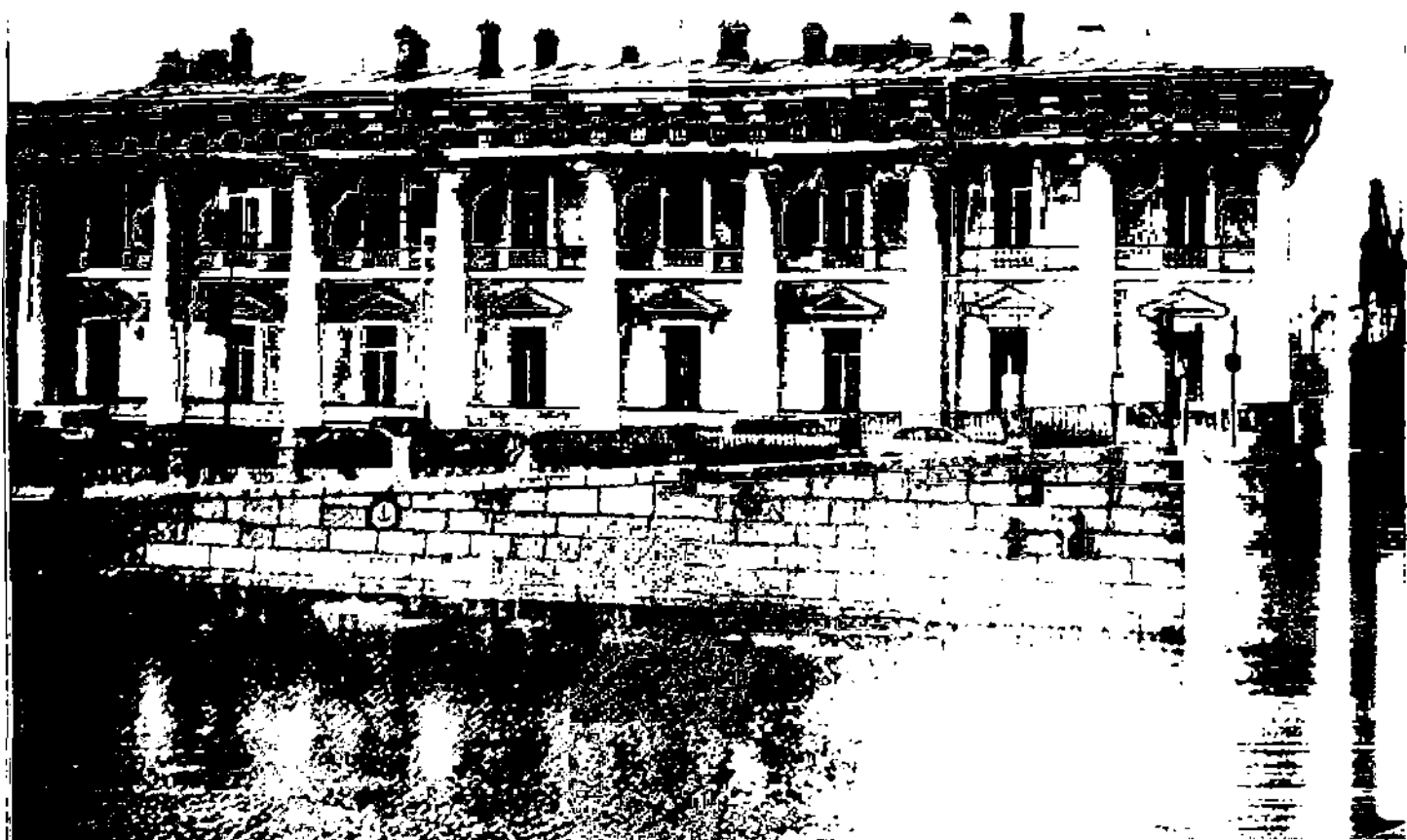
Император Николай II

A handwritten signature in cursive script, likely of Emperor Nicholas II, written in black ink on a white background.

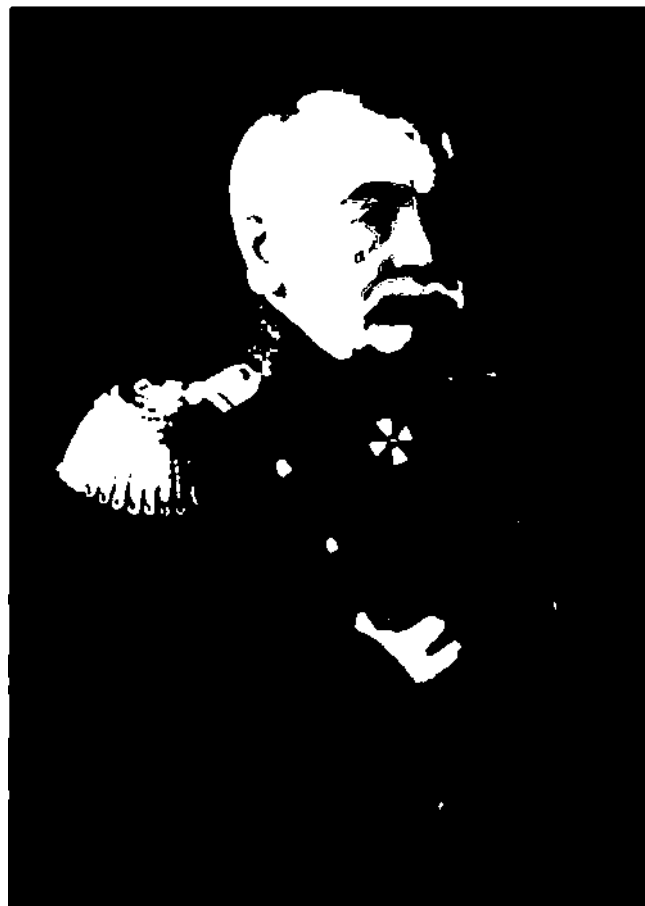

Здание на Фонтанке, д. 20, где размещалась
Канцелярия Министерства императорского двора

Здание на Фонтанке, д. 31, где находился
Кабинет его императорского величества

П. М. Волконский, министр
императорского двора и
уделов в 1826–1852 гг.

В. Ф. Адлерберг, министр
императорского двора и
уделов в 1852–1870 гг.

А. В. Адлерберг, министр
императорского двора и
уделов в 1870–1881 гг.

И. И.Воронцов-Дашков, министр
императорского двора и уделов
в 1881–1897 гг.

В. Б. Фредерикс, министр
императорского двора и уделов
в 1897–1917 гг.

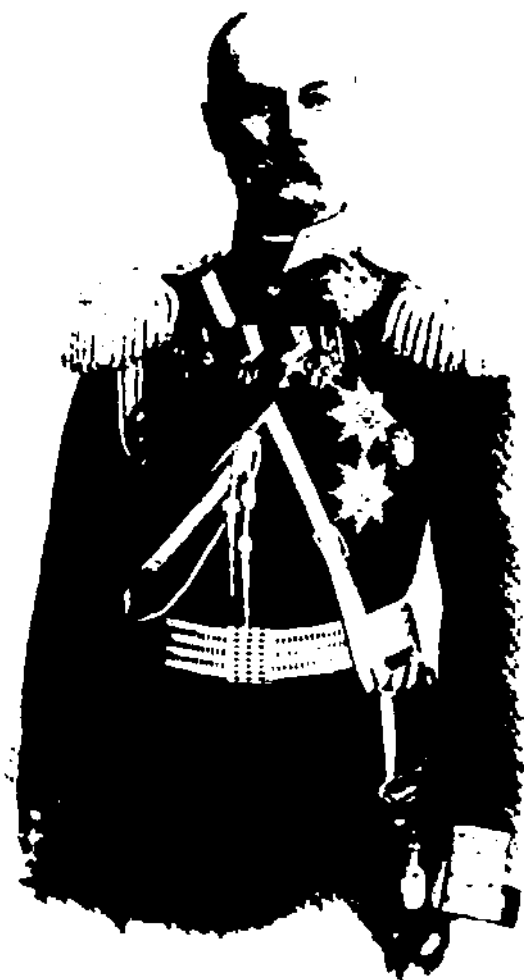

К. К. Кистер, управляющий Контролем
Министерства императорского двора
в 1859–1881 гг.

Н. С. Петров, главный контролер
Министерства императорского
двора (1883–1893), заведующий
(1884–1888) и управляющий
(1888–1893) Кабинетом его
императорского величества

В. С. Кривенко, начальник
Канцелярии министра
императорского двора
в 1888–1897 гг.

П. К. Гудим-Левкович, управляющий
Кабинетом его императорского
величества (1893–1900).

А. В. Половцов, заведующий
Административным отделом
Кабинета его императорского
величества (1890–1897)

К. Н. Рыдзевский, исправляющий
должность заведующего
Канцелярии Министерства
императорского двора
(1897–1900)

А. А. Мосолов, исправляющий должность
(1900–1902) и начальник Канцелярии
Министерства императорского двора
(1902–1916)

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Москва:
Ф. 1001 (А. А. Мосолова).

Российский государственный исторический архив (РГИА), Санкт-Петербург:

- Ф. 468 (Кабинета его императорского величества);
- Ф. 472 (Канцелярии Министерства императорского двора);
- Ф. 919 (Воронцовых);
- Ф. 1300 (В. Б. Фредерикса);
- Ф. 1614 (Адлербергов);
- Ф. 1654 (Половцовых).

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Санкт-Петербург:

- Ф. 601 (Половцовых);
- Ф. 831 (Цензурных материалов);
- Ф. 1000 (Собрания отдельных поступлений).

2. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

2.1. Государственные и законодательные акты

ПСЗ I. Т. 6, 7, 12, 13, 24, 25.

ПСЗ II. Т. 1, 6, 14, 21, 25, 27, 28, 31, 33, 37, 40, 45.

ПСЗ III. Т. 13, 17, 18, 21, 23, 25, 26.

Учреждение Министерств, издания 1857 г.

Учреждение Министерств, издания 1876 г.

Учреждение Министерств, издания 1892 г.

Учреждение Правительствующего Сената, издания 1857 г.

Учреждение Правительствующего Сената, издания 1886 г.

Учреждение Правительствующего Сената, издания 1892 г.

Свод Гражданских Законов, издания 1887 г.

Собрание Узаконений 1888 г.

Собрание Узаконений 1893 г.

Собрание Узаконений 1897 г.

Собрание Узаконений 1906 г.

Устав о Цензуре. СПб., 1804.

Устав о Цензуре. СПб., 1826.

Устав о Цензуре. СПб., 1829.

Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб., 1862.

Материалы, собранные Особой Комиссией, Высочайше утвержденной 2 ноября 1869 года, для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати. СПб., 1870.

Сборник узаконений и распоряжений правительства по делам печати. СПб., 1878.

Проект устава о печати. СПб., 1912.

Протоколы Высочайше учрежденного под председательством действительного тайного советника Кобеко Особого совещания для составления нового устава о печати. СПб., 1913.

2.2. Мемуары и воспоминания

Бартенев П. И. Из записной книжки // Русский архив. 1911. № 12. С. 639–640; 1912. № 4. С. 627–638;

Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990.

Вазем Е. О. Записки балерины Санкт-Петербургского Большого театра (1867–1884). Л.; М., 1937.

Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел: В 2-х т. М., 1961.

Андрей Владимирович, вел. кн. Дневники. 1915–1917 гг. // Гибель монархии (серия «История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв.»). М., 2000. С. 247–353.

Николай Михайлович, вел. кн. Записки // Там же. С. 9–81.

Витте С. Ю. Воспоминания: В 3-х т. М., 1960.

Воейков В. Н. С царем и без царя. М., 1995.

Вольф А. И. Хроника петербургских театров. III. СПб., 1884.

Головнин А. В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006.

Горбунова Ю. А. Записки // Наша старина. 1914. № 7. С. 648–665; № 8. С. 761–773.

Гурко В. И. Царь и царица // Николай Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 352–419.

Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000.

Данилов Ю. Н. Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче // Николай Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 419–454.

Джунковский В. Ф. Воспоминания: В 2-х т. М., 1997.

Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта (1860–1867 гг.). М., 1992.

Епанчин Н. А. Воспоминания. М., 1996.

Инсарский В. А. Записки // Русская старина. 1895. № 4. С. 1–42.

Клейнмихель М. Э. Из потонувшего мира // За кулисами политики (1848–1914 гг.) (серия «История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв.»). М., 1999. С. 447–492.

Колокольцов Д. Г. Воспоминания // Русская старина. 1891. № 3. С. 635–674.

Кривенко В. С. Памяти графа И. И. Воронцова-Дашкова. Пг., 1916.

[Кривенко В. С.] Народное образование // Страна. 1881. № 125, 126.

[Кривенко В. С.] Путешествие его императорского высочества наследника цесаревича на Восток, от Гатчины до Бомбея. СПб., 1891.

Ламздорф В. Н. Дневник. М.; Л., 1926.

Лопухин В. Б. Люди и политика (конец XIX – начало XX вв.) // Вопросы истории. 1966. № 9. С. 120–137.

Мельник (Боткина) Т. Е. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. М., 1993.

Мельников И. А. Воспоминания // Русская старина. 1909. № 2.

Мещерский В. П. Мои воспоминания. М., 2001.

Милютин Д. А. Дневник // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 256–290.

Милютин Д. А. Воспоминания (1860–1862 гг.). М., 1999.

Михайлов А. Граф Александр Владимирович Адлерберг. Заметки к его биографии (1818–1888) // Русская старина. 1890. № 2. С. 497–513.

Мосолов А. А. При дворе последнего Российского императора. Записки начальника Канцелярии Министерства императорского двора. М., 1993.

Никитенко А. В. Дневник: В 3-х т. М.; Л., 1955–1956.

Николай II. Дневники. М., 1991.

Нильский А. А. Воспоминания // Исторический вестник. 1899. № 11. С. 503–542.

Панаев В. И. Воспоминания // Вестник Европы. 1867. Т. III. С. 193–270; Т. IV. С. 72–178.

Перетц Е. А. Дневник. М.; Л., 1927.

Пешков. Управляющий театрами барон К. К. Кистер. Воспоминания чиновника Пешкова // Бирюч Петроградских государственных театров. 1918. № 15–16. С. 216–222; 1918. № 17–18. С. 279–285; 1919. № 19–20. С. 342–347.

Половцов А. А. Дневник государственного секретаря: В 2-х т. М., 1966.

Редигер А. Ф. История моей жизни: Воспоминания военного министра: В 2-х т. М., 1999.

Родзянко М. В. Крушение Империи // Гибель монархии (серия «История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв.»). М., 2000. С. 81–247.

Романов К. К. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998.

Рылеев А. М. Записки // Русская старина. 1907. № 11. С. 350–366.

Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары. Эпоха освобождения крестьян // Трагедия реформатора: Александр II в воспоминаниях современников. СПб., 2006. С. 75–104.

Скальковский К. А. В театральном мире: Наблюдения, воспоминания и рассуждения. СПб., 1899.

Суворин А. С. Дневник. М., 1999.

Сухомлинов В. А. Воспоминания. М.; Л., 1926.

Теляковский В. А. Воспоминания (1898–1917 гг.). Пг., 1924.

Теляковский В. А. Дневники Директора Императорских театров (1901–1903 гг.). М., 2002.

Толстая А. А. Записки фрейлины: Печальный эпизод из моей жизни при дворе. М., 1996.

Толстой И. И. Мемуары. М., 2002.

Тютчева А. Ф. Воспоминания. М., 2000.

Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы (1848–1896 гг.). М., 1991.

3. ЛИТЕРАТУРА

Барковец А. И. Император Николай II — «остановленное мгновение» // Николай II: Семейный альбом. Каталог фотовыставки. М., 1998. С. 19–26.

Беляков В. К. Царская хроника — опыт кинопубликации // Киноведческие записки. 1993. № 18. С. 23–37.

Беляков В. К. Каталог съемок А. К. Ягельского // Киноведческие записки. 1993. № 18. С. 98–106.

Бокова В. И. Кривенко Василий Силович // Русские писатели (1800–1917 гг.): Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 152–153.

Бровцын В. П. 50-летие Кассы Министерства императорского двора (1864–1914 гг.). СПб., 1914.

Булич Н. Н. Очерки из истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. СПб., 1900.

Волков Н. Е. Двор российских императоров в его прошлом и настоящем. СПб., 1900.

Временное положение о военной цензуре / Сост. И. К. Авдеенко. Одесса, 1914.

Высшие и центральные государственные учреждения России (1801–1917 гг.). СПб., 2002. С. 146–166.

Герасимова Ю. И. Правительственная политика Александра II в области печати в годы первой революционной ситуации (конец 50-х – начало 60-х гг. XIX века): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1974.

Гинзбург С. С. Кинематография дореволюционной России. М., 1963.

Гозенпуд А. А. Русский оперный театр XIX века (1873–1889). Л., 1973.

Горфейн Г. М. Основные источники по истории высших и центральных учреждений XIX – начала XX вв. // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX – начала XX вв.: Сб. ст. Л., 1967. С. 73–111.

Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма. М., 1975.

Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ. СПб., 1907.

Ежегодник Императорских театров (сезон 1893–1894 годов). СПб., 1895.

Ерошкин Н. П. Министерства России первой половины XIX века — фондообразователи центральных государственных архивов СССР. М., 1980.

Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX века). М., 1981.

Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.

Ерошкина А. Н. Министерство императорского двора // Государственность России: Словарь-справочник. М., 1997. Т. 3. С. 79–80.

Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск, 1973.

Жирков Г. В. История цензуры в России XIX века. СПб., 2000.

Жирков Г. В. Век официальной цензуры // Очерки русской культуры XIX века. М., 2000. Т. 2. С. 167–264.

Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001.

Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.

Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978.

Законы о печати. Настольная справочная книга / Под ред. З. М. Мсерианц. М., 1876.

Из архива С. Ю. Витте: Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки: В 2-х т. СПб., 2003.

Изложение постановлений о цензуре и печати. СПб., 1865.

Индова Е. И. Дворцовое хозяйство в России. (Первая половина XVIII века). М., 1964.

Исмаил-Заде Д. И. Илларион Иванович Воронцов-Дашков // Исторические силуэты. М., 1999. С. 20–62.

Казакова С., Казаков С. «Их Императорских Величеств синематограф» // Искусство кино. 1995. № 3. С. 62–68.

Коронационный сборник / Под ред. В. С. Кривенко. СПб., 1899. Т. 1.

Котович А. Н. Духовная цензура в России. СПб., 1909.

Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел за двадцатипятилетие 1855–1880 гг. СПб., 1880.

Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской Империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.

Левыкин А. К. Воинские церемонии и регалии русских царей. М., 1997.

Лемке М. К. Эпоха цензурных реформ (1859–1865 гг.). СПб., 1904.

Лобачева Г. В. Самодержец и Россия: образ царя в массовом сознании россиян (конец XIX – начало XX вв.). Саратов, 1999.

Магидов В. П. Итоги кинематографической и научной деятельности Б. Матушевского в России // Киноведческие записки. 1999. № 43. С. 268–280.

Материалы по истории русского балета: В 2-х т. Л., 1938–1939.

Мельникова О. Б. Образ Империи: церемониальные процессии в России XVII–XVIII вв. (Сравнительный анализ) // Образы власти в политической культуре России. М., 2000. С. 95–115.

Мнения разных лиц о преобразовании цензуры. СПб., 1862.

Несмеянова И. В. Управление императорским двором в XIX веке // Вестник Челябинского Университета. Серия 7 «Государственное и муниципальное управление». 1998. № 1. С. 59–65.

Новожилова И. В. Политика царского правительства в области законодательства о печати (1905–1914 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1971.

Нотович О. Исторический очерк нашего законодательства о печати. СПб., 1873.

Обзор деятельности Министерства императорского двора и уделов за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра II (1881–1894) / Сост. В. С. Кривенко. СПб., 1901.

Обзор деятельности Кабинета его императорского величества за 1906–1915 гг. Пг., 1915.

Образ // Философия. Энциклопедический словарь. М., 1989. С. 432.

Общий очерк к обзору деятельности Министерства императорского двора за время царствования в Бозе почившего императора Александра III. (1881–1894) / Сост. А. Н. Коковихин. СПб., 1901.

Оржеховский И. В. Администрация и печать между двумя революционными ситуациями (1866–1878 гг.). Горький, 1973.

Панина А. Л. Министерство императорского двора // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. М., 2000. Т. 3. С. 596.

Патрушева Н. Г. Цензурная реформа в России 1865 г.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1990.

Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000.

Правила о порядке выдачи разрешений корреспондентам, художникам, фотографам и кинематографистам на право производства ими по своей специальности работ во дворцах, дворцовых парках и на торжествах в Высочайшем присутствии. Царское Село, 1915.

Раскин Д. И. Исторические реалии российской государственности и русского гражданского общества в XIX веке // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 5. С. 662–830.

Расписание доходов и расходов Министерства императорского двора и уделов. СПб., 1856.

Розенберг В., Якушкин В. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М., 1905.

Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного Просвещения. (1802–1902). СПб., 1902.

Сборник кратких сведений о правительственных учреждениях. СПб., 1888; 2-е изд. СПб., 1889.

Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета Министров. СПб., 1902.

Скоробогатов А. В. Образ монарха в официальной идеологии России на рубеже XVIII – XIX вв. // Философский век. Альманах 17. История идей как методология гуманитарных исследований (Материалы Междунар. науч. конф. 27–30 сентября 2001 г., Санкт-Петербург). СПб., 2001. С. 225–231.

Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973.

Список чинов Министерства императорского двора. СПб., 1859–1885, 1892, 1898–1901, 1903–1912, 1914 гг.

Уортман Р. Сценарии власти: миф и церемония в русской монархии. М., 2000.

Устав о Цензуре и Печати / Сост. В. П. Ширков. СПб., 1900.

Фридберг П. И. Записка о цензуре. СПб., 1862.

Фукс В. Я. Записка о цензуре. СПб., 1862.

Цензура // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. СПб., 1903. Т. 37-А. С. 948–962.

/Стасов В. В./ Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1901. № 9. С. 643–668; 1903. № 2. С. 305–328; 1903. № 5. С. 379–396; 1903. № 6. С. 643–671; 1903. № 10. С. 165–183; 1904. № 1. С. 207–222; 1904. № 2. С. 433–442.

Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати в 60–70-е годы XIX в. Л., 1989.

Шевченко М. М. Конец одного величия. М., 2003.

Шепелев Л. Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской Империи. Л., 1991.

Шепелев Л. Е. Чиновный мир России XVIII – начала XX веков. СПб., 1999.

Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи: Главы высших и центральных учреждений (1802–1917 гг.): Биобиблиографический справочник. СПб., 2001.

✓ **[Щебальский П. К.]** Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862.

Энгельгардт Н. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903 гг.). СПб., 1904.

Юбилейная памятка Конвойной стражи (1811–1911). СПб., 1911.

Янгиров Р. Начало «царской» хроники // Искусство кино. 1995. № 3. С. 56–61.

200-летие Кабинета его императорского величества (1704–1904): Историческое исследование. СПб., 1911.

Cherniavsky M. Tsar and People. Studies in Russian Myths. New Haven. Conn., 1961.

Dnzinkiewicz J. Patefal Transformations: The Four Years Parliament and the Constitution of May 3, 1791. Boulder, 1993.

Kantorowicz E. N. The Kings Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology. Princeton. N.J., 1957.

Ruud Ch. A. The Russian censorship (1855–1865). Berkeley, 1965.

Ruud Ch. A. Fighting words Imperial censorship and the Russian press. Toronto, 1982.

Tsivian Y. Early Cinema in Russia and Its Cultural Reception. London, 1994.

Wortman R.-S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton, 1995. Vol. 1: From Peter the Great to the Death of Nicholas I.

Wortman R.-S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton, 2000. Vol. 2: From Alexander II to the Abdication of Nicholas II.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В ходе данного исследования в общем объеме текущей документации по придворной цензуре были выделены следующие позиции, образовавшие столбцы таблиц: **тип документа** (отношение или прошение); **отправитель обращения** (т. е. кто является отправителем материала); **источник материала** (т. е. от кого исходит данный материал, от чьего лица выступает его отправитель или чьи интересы он представляет); **содержание материала** (т. е. о чем он и на какого рода носителе информации представлен); **упомянутая особа императорской фамилии** (т. е. причина обращения в МИДв); **цензурное заключение**, принятое по данному поводу.

В тексте таблиц были приняты следующие сокращения: **П** — прошение, т. е. обращение в МИДв из неофициального источника: частного лица — автора материала, поступившего на цензуру, или представителя коммерческих структур, предполагающего тиражировать данный материал, или представителя негосударственной организации, предоставившей на цензуру свою информацию; **О** — отношение, т. е. обращение в МИДв официальных органов — цензурных и государственных; **ЦК** — цензурный комитет; **ОИФ** — особа императорской фамилии (обозначение ставилось в том случае, если в документах нет прямого указания, кто именно из императорской фамилии упомянут в данном материале); **Имп.** — царствующая императрица; **Вдов. Имп.** — вдовствующая императрица; **ИИВ** — их императорские величества — особая формула, принятая для общего обозначения царствующих императора и императрицы; **ВК** — великий князь (княгиня). Кроме того, все императоры — как царствующие, так и их предшественники — в таблице обозначались начальной буквой имени и их династическим номером (например, **НІ** — Николай I и т. д.); «+» — положительное цензурное заключение; «-» — отрицательное цензурное заключение.

Таблица 1
Внутренние обращения в цензуру МИДв за I полугодие 1855 г.¹

№	Тип документа	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомянутая ОИФ	Цензурное заключение
1	П	Редакция газеты «Северная пчела»		Стихотворения	НІ	+
2	О	Канцелярия военного министерства	Военно-цензурный комитет; Редакция газеты «Северная пчела»	Заметка о маневрах, с приведением слов ВК	ВК Николай Николаевич; ВК Михаил Николаевич	+
3	П	Баронесса фон Икскуль		Публикация сборника стихотворений, ранее уже подносившихся ОИФ	ОИФ	+
4	О	Управление СПб Военного генерал-губернатора		Публикация речи АІІ перед депутатами дворянства по случаю окончания работ по ополчению	АІІ	+
5	П	Редакция газеты «Северная пчела»		Стихотворение на кончину НІ	НІ	+
6	П	Редакция газеты «Северная пчела»		Стихотворение на кончину НІ	НІ	—
7	П	Редакция газеты «Северная пчела»		Статья на кончину НІ	НІ	+
8	П	Редакция газеты «Северная пчела»		Перевод из прусской газеты статьи на кончину НІ	НІ	+
9	П	А. Ступина, бывшая смолянка		Стихотворение на кончину НІ	НІ	+
10	П	А. Толлерт	Газета «СПб академические ведомости»	Стихотворение на кончину НІ (на нем. яз.)	НІ	+

№	Тип документа	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомянутая ОИФ	Цензурное заключение
11	П	Редакция газеты «СПб немецкие ведомости»		Стихотворение, посвященное Александру II (на нем. яз.)	АII	+
12	П	Редакция газеты «Северная пчела»		Стихотворение на кончину HI	HI	+
13	П	Редакция газеты «Северная пчела»		Стихотворения на кончину HI	HI	+
14	П	Редакция газеты «СПб немецкие ведомости»		Стихотворение на кончину HI (на нем. яз.)	HI	+
15	О	Управление СПб военного генерал-губернатора		Статья о последних минутах HI	HI	—
16	П	Императорское вольное экономическое общество		Речь на собрании Общества по случаю кончины HI	HI	+
17	О	Канцелярия Министерства народного просвещения	СПб ЦК	Сборник ранее опубликованных статей по случаю кончины HI	HI	+
18	П	Редакция журнала «Пантеон»		Статья о последних минутах HI	HI	+
19	П	Н. Кораблев, книгопродавец		Портрет HI	HI	+
20	О	Канцелярия Министерства народного просвещения	Одесский ЦК; редакция газеты «Одесский вестник»	Стихотворение на кончину HI	HI	+
21	О	Канцелярия Министерства народного просвещения	СПб ЦК	Портрет HI	HI	+
22	П	Редакция газеты «СПб немецкие ведомости»		Стихотворение на кончину HI (на нем. яз.)	HI	+

№	Тип документа	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомянутая ОИФ	Цензурное заключение
23	О	Канцелярия Министерства народного просвещения	СПб ЦК	Стихотворения с упоминаниями ОИФ	НІ АІІ Вдов. Имп.	+
24	П	А. Смирдин, книгопродавец		Сборник ранее опубликованных статей по случаю кончины НІ	НІ	+
25	О	Канцелярия Министерства народного просвещения	Московский ЦК	Рукопись на кончину НІ	НІ	+
26	О	Управление императорской публичной библиотеки и Румянцевского музея		Историческая публикация об А. Д. Меншикове	Петр І Екатери-на І	+
27	П	Редакция газеты «Северная пчела»		Статьи: на кончину НІ и о пѣздке АІІ в Кронштадт	НІ АІІ	+
28	П	И. И. Лажечников		Стихотворение о встрече с будущим АІІ в 1837 г. в Твери	АІІ	+
29	П	Редакция газеты «Северная пчела»		Стихотворение на кончину НІ	НІ	+
30	П	П. А. Плетнев	Князь П. А. Вяземский	Стихотворение на кончину НІ	НІ	+
31	О	Канцелярия Министерства народного просвещения	Одесский ЦК	Стихотворение на кончину НІ, с посв. Вдов. Имп. (на нем. яз.)	НІ Вдов. Имп.	+

№	Тип документа	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомянутая ОИФ	Цензурное заключение
32	О	Канцелярия Министерства внутренних дел; Департамент общих дел	Начальник Казанской губернии; редакция газеты «Казанские губернские ведомости»	Публикация речи АII перед депутатами казанского дворянства по случаю их представления в СПб	АII	+
33	О	Канцелярия Министерства народного просвещения	Московский ЦК	Рукопись с посвящением АII	АII	+
34	П	А. А. Горайнов		Заметка о высочайшем смотре ополчения	АII	+
35	П	Редакция газеты «Северная пчела»		Заметка о посещении ВК г. Або	ВК Николай Николаевич	+
36	П	Редакция газеты «Северная пчела»		Рукопись на кончину НI	НI	+
37	П	Редакция газеты «Северная пчела»		Стихотворение с посвящением АII	АII	+
38	П	Грушко, издатель «Русского букваря»		Желает посвятить новое издание АII	АII	0

Таблица 2
Внутренние обращения в цензуру МИДв за II полугодие 1855 г.²

№	Тип документа	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомянутая ОИФ	Цензурное заключение
1	П	Редакция газеты «Северная пчела»		Заметка об освящении церкви в честь ВК	ВК Елизавета Михайловна	+
2	О	Канцелярия Министерства народного просвещения	СПб ЦК	Статья с упоминанием АИ	АИ	+
3	П	Редакция газеты «СПб немецкие ведомости»		Стихотворение на тезоименитство АИ (на нем. яз.)	АИ	+
4	О	Канцелярия Министерства народного просвещения	Московский ЦК	Перевод с фр. языка книги о политической жизни Европы, с упоминанием Н	Н	+
5	О	Канцелярия Министерства народного просвещения	СПб ЦК; Редакция журнала «Пантеон»	Мемуары о Чечне, с упоминанием АИ	АИ	+
6	П	Редакция газеты «Северная пчела»		Некролог на кончину И.М. Фавицкого, с упоминанием Н	Н	+
7	О	Канцелярия Министерства народного просвещения	СПб ЦК; Редакция журнала «Современник»	Статья о пленных англичанах, с упоминанием АИ	АИ	+
8	П	Редакция газеты «Северная пчела»		Статья о худ. Бродском, с упоминанием ВК	ВК Александра Иосифовна	0
9	П	Редакция газеты «Северная пчела»		Статья о Крымской войне, с упоминанием Н, АИ	Н АИ	0

№	Тип документа	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомянутая ОИФ	Цензурное заключение
10	О	Канцелярия Министерства народного просвещения	Московский ЦК; Редакция журнала «Москвитянин»	Статья о посещении ВК Св. Афона	ВК Константин Николаевич	+
11	П	Редакция газеты «Северная пчела»		Стихотворение на помолвку ВК	ВК Николай Николаевич	+
12	П	Редакция газеты «Северная пчела»		Статья с упоминанием АИ	АИ	+
13	П	Редакция газеты «Северная пчела»		Статья о празднике инженеров, с упоминанием АИ	АИ	+
14	П	В. Тимм, академик		Желает поднести картину АИ	—	0

Таблица 3

Сводные итоги изучения внутренней цензуры МИД за 1855 г.³

№	Изучаемая позиция	I полугодие	II полугодие	Всего за год, ед.	Доля, %
1	Обращений, всего	38	14	52	100
2	В т. ч. прошений	26	9	35	67,3
3	В т. ч. отношений	12	5	17	32,7
4	В т. ч. прошений от периодических изданий, всего	16	8	24	68,6
5	В т. ч. прошений от редакции газеты «Северная пчела»	11	7	18	51,4
6	В т. ч. прошений от частных лиц (авторов)	6	1	7	20,0

№	Изучаемая позиция	I полу- годие	II полу- годие	Всего за год, ед.	Доля, %
7	В т. ч. прошений от коммерсантов	3	—	3	8,6
8	В т. ч. прошений от негосударственных организаций	1	—	1	2,8
9	Отношений, всего	12	5	17	100
10	В т. ч. отношений от государственных органов	5	—	5	29,4
11	В т. ч. отношений от цензурных органов	7	5	12	70,6
12	Отношений от цензурных органов, всего	7	5	12	100
13	В т. ч. из СПб ЦК	3	3	6	50,0
14	В т. ч. из Московского ЦК	2	2	4	33,3
15	В т. ч. из Одесского ЦК	2	—	2	16,7
16	Принято цензурных заключений	37	11	48	100
17	В т. ч. положительных заключений	35	11	46	95,9
18	В т. ч. отрицательных заключений	2	—	2	4,1
19	Не принято цензурных заключений	1	3	4	
20	Материалов на цензуру поступило, всего	37	13	50	100
21	В т. ч. текстов	16	11	27	54,0
22	В т. ч. стихотворений	18	2	20	40,0
23	В т. ч. изображений	3	—	3	6,0
24	Упоминаний ОИФ, всего	42	14	56	100
25	В т. ч. царствующего императора (АИ)	10	7	17	30,3
26	В т. ч. предшественника (НИ)	26	3	29	51,8
27	В т. ч. вдовствующей императрицы (Александры Федоровны)	2	—	2	3,6
28	В т. ч. великих князей	2	4	6	10,7
29	В т. ч. ОИФ	1	—	1	1,8
30	В т. ч. царственных предков	1	—	1	1,8

Таблица 4
Иностранные обращения в цензуру МИДв за I полугодие 1856 г.⁴

№	Отправитель отношения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. Закл.
1	Канцелярия Минис- терства народного просвещения	Комитет цензу- ры иностран- ной	Почтовая бумага, с портретом в виде водяного знака	ВК Констан- тин Нико- лаевич	+
2	Канцелярия Минис- терства финансов; Департамент внешней торговли	Московская таможня	Карманные золотые часы с портретом на циферблате	НІ	+
3	Канцелярия Минис- терства финансов; Департамент внешней торговли	Одесская таможня	Карманные золотые часы с портретом на циферблате	НІ	+
4	Канцелярия Минис- терства народного просвещения	Виленский ЦК	Карманные золотые часы с портретом на циферблате	НІ	+
5	Канцелярия Минис- терства народного просвещения	Виленский ЦК; Шклов- ская почтовая контора	Карманные золотые часы с портретом на циферблате	НІ АІІ	+
6	Канцелярия Минис- терства финансов; Департамент внешней торговли	Полангенская таможня	Портмоне с портретом	НІ Вдов. Имп. ВК Кон- стантин Николае- вич	+
7	Канцелярия Минис- терства финансов; Департамент внешней торговли	Полангенская таможня	Карманные золотые часы с портретом на циферблате	АІІ	+

Таблица 5
Иностранные обращения в цензуру МИДв за II полугодие 1856 г.⁵

№	Отправитель отношения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. Закл.
1	Канцелярия Министерства народного просвещения	Киевский ЦК	Пресс-папье из стекла, с портретами	ОИФ	+
2	Канцелярия Министерства народного просвещения	Комитет цензуры иностранной	Платки фуляровые, с портретами	АII ОИФ	+
3	Канцелярия Министерства народного просвещения	Комитет цензуры иностранной	Портрет барельефный на бумаге	АII	+

Таблица 6
Сводные итоги изучения иностранной цензуры МИДв за 1856 г.⁶

№	Изучаемая позиция	Всего за год, ед.	Доля, %
1	Обращений, всего	10	100
2	В т. ч. часов	5	50
3	В т. ч. предметов широкого потребления	5	50
4	Упоминаний ОИФ, всего	14	100
5	В т. ч. царствующего императора (АII)	4	28,6
6	В т. ч. предшественника (HI)	5	35,7
7	В т. ч. вдовствующей императрицы (Александры Федоровны)	1	7,1
8	В т. ч. великих князей	2	14,3
9	В т. ч. ОИФ	2	14,3

Таблица 7
Внутренние обращения в цензуру МИДв за I полугодие 1864 г.⁷

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
1	П	Ф. П. Леонтьева, вдова гвардейского прапорщика		Воспоминания о короновании НІ в 1826 г.	НІ Вдов. Имп.	+
2	П	Редакция дамского журнала «Русский базар»		Воспоминания о Вдов. Имп.	Вдов. Имп.	+
3	О	СПб ЦК	Редакция газеты «Новое слово»	Статья о царской охоте	АІІ	—
4	О	СПб ЦК	Редакция журнала «Весть»	Заметка о балах в высочайшем присутствии	АІІ ВК Екатерина Ольденбургская; Екатерина Павловна	+
5	О	Виленский ЦК	Редакция газеты «Гамагид»	Статья о высочайших милостях (на евр. яз.)	АІІ Имп. Насл. ВК Николай, Константин и Михаил Николаевичи	+
6	О	Канцелярия Почтового департамента		Заметка чиновника о переписке с наследником	АІІ Насл.	+
7	О	СПб ЦК		Заметка о благодарности, объявленной Имп.	Имп.	—
8	О	СПб ЦК	Редакция журнала «Северное сияние»	Статья о худ. Брюлове, с упоминанием ОИФ	Вдов. Имп.	+
9	П	Редакция газеты «Петербургский листок»		Заметка о приеме польской делегации	АІІ	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
10	О	СПб ЦК	Русское общество пароходства и торговли	Речь на собрании, с упоминанием ОИФ	АII Насл.	+
11	О	СПб ЦК	Редакция журнала «Сын отечества»	Статья о театрах	—	0
12	О	Управление Московского военного генерал-губернатора		Заметка о посещении АII Московского Мещанского училища	АII	+
13	О	Министерство внутренних дел; Департамент общих дел	Редакция газеты «Северная почта»	Заметка о пожаловании наследником золотых часов фабриканту	Насл.	+
14	О	СПб ЦК	Редакция газеты «СПб ведомости»	Статья	НII	+
15	О	СПб ЦК	Редакция газеты «СПб ведомости»	Рукопись	НII Предки	+
16	О	СПб ЦК	Редакция журнала «Грамотей»	Заметка о высочайшем награждении волостного головы	АII	+
17	О	СПб ЦК	Редакция журнала «Северная пчела»	Заметка о молебне в присутствии АII	АII	+
18	О	СПб ЦК	Редакция журнала «Северное сияние»	Статья о худ. Иванове, с упоминанием ВК	ВК Мария Николаевна	0

Таблица 8

Внутренние обращения в цензуру МИДв за II полугодие 1864 г.⁸

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
1	О	СПб ЦК	Редакция альманаха «Картинные галереи Европы»	Статья об Эрмитаже	—	+
2	О	СПб ЦК		Стихотворение, посвященное Насл.	Насл.	+
3	О	СПб ЦК	Редакция газеты «СПб ведомости»	Заметка о пребывании ИИВ в Германии	ИИВ	+
4	П	Редакция журнала «Георгиевские кавалеры»		Статья о юбилее Комитета о раненых	—	0
5	П	Худ. Китендер		Текст к «Портретной Галерее Дома Романовых» (на фр. яз.)	ОИФ	+
6	П	Редакция газеты «СПб немецкие ведомости»		Статья об обществе «Пальма», с упоминанием АИИ (на нем. яз.)	АИИ	+
7	О	СПб ЦК		Стихотворение о НИ	НИ	+
8	О	СПб ЦК		Картина с изображением ОИФ	ОИФ	—
9	О	Канцелярия СПб обер-полицмейстера		Заметка, с упоминанием чиновника Роты дворцовых гренадер	—	+
10	О	СПб ЦК		Стихотворение, посвященное АИИ	АИИ	+
11	О	СПб ЦК	Редакция «Иллюстрированной газеты»	Статья о театрах	—	0
12	О	СПб ЦК	Редакция газеты «Северная пчела»	Воспоминание о встрече с ВК	ВК Константин Николаевич	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
13	О	СПб ЦК	Редакция газеты «СПб ведомости»	Статья о театрах	—	—
14	О	СПб ЦК		Стихотворение, посвященное невесте наследника	Насл.	+
15	П	Ф. Рейф, швейцарец		Желает опубликовать заметку о пожаловании ему ордена	—	+
16	О	СПб ЦК		Заметка о путешествии ОИФ в Данию	ИИВ Насл.	+
17	О	СПб ЦК		Стихотворение, посвященное АИ	АИ	+
18	О	СПб ЦК	Медицинский совет; редакция газеты «Северная почта»	Научная статья о водопроводах, с упоминанием дворцов	—	+
19	О	СПб ЦК	Редакция газеты «СПб ведомости»	Статья о театрах	—	+
20	О	СПб ЦК	Редакция газеты «СПб ведомости»	Статья о театрах	—	+
21	О	СПб ЦК		Заметка о высочайшей благодарности за картину	АИ	+
22	О	Управление СПб военного генерал-губернатора		Статья фр. журнала, с упоминанием АИ	АИ	+
23	О	Канцелярия СПб обер-полицмейстера	Редакция газеты «Ведомости СПб городской полиции»	Речь на встрече АИ на Семеновском плацу	АИ	+
24	О	СПб ЦК	Редакция журнала «Отечественные записки»	Воспоминания о дворе Н	Н	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
25	П	Редакция «Journal de St. Petersburg»		Рекламное объявление придворного портного, с упоминанием АИ (на фр. яз.)	АИ	+
26	О	СПб ЦК	Редакция журнала «Отечественные записки»	Статья с упоминанием ВК	ВК	—
27	О	СПб ЦК	Редакция газеты «СПб ведомости»	Статья о театрах	—	+
28	О	СПб ЦК	Редакция газеты «СПб ведомости»	Статья о театрах	—	+
29	О	СПб ЦК	Редакция журнала «Сын отечества»	Статья о театрах	—	—
30	О	СПб ЦК		Стихотворение, посвященное Имп.	Имп.	+
31	О	Канцелярия СПб обер-полицмейстера	Редакция газеты «Ведомости СПб городской полиции»	Заметка с упоминанием чиновника Придворной певческой капеллы	—	+
32	О	СПб ЦК	Редакция журнала «Отечественные записки»	Воспоминания о дворе НИ	НИ	О
33	О	СПб ЦК		Статья о театрах (на фр. яз.)	—	+
34	О	СПб ЦК		Стихотворение, посвященное ОИФ	АИ ВК Михаил Николаевич	+

Таблица 9
Сводные итоги изучения внутренней цензуры МИДв за 1864 г.⁹

№	Изучаемая позиция	I полу- годие	II полу- годие	Всего за год, ед.	Доля, %
1	Обращений, всего	18	34	52	100
2	В т. ч. прошений	3	5	8	15,4
3	В т. ч. отношений	15	29	44	84,6
4	В т. ч. прошений от периодических изданий, всего	2	4	6	75,0
5	В т. ч. прошений от частных лиц (авторов)	1	1	2	25,0
6	В т. ч. отношений от государственных органов	3	4	7	15,9
7	В т. ч. отношений от цензурных органов	12	25	37	84,1
8	В т. ч. из СПб ЦК	11	25	36	97,3
9	В т. ч. из Виленского ЦК	1	—	1	2,7
10	Принято цензурных заключений	16	32	48	100
11	В т. ч. положительных заключений	14	27	41	85,4
12	В т. ч. отрицательных заключений	2	5	7	14,6
13	Не принято цензурных заключений	2	2	4	
14	Материалов на цензуру поступило, всего	18	34	52	100
15	В т. ч. текстов	18	26	44	84,6
16	В т. ч. стихотворений	—	7	7	13,5
17	В т. ч. изображений	—	1	1	1,9
18	Упоминаний ОИФ, всего	24	23	47	100
19	В т. ч. царствующего императора (АИ)	9	8	17	36,2
20	В т. ч. царствующей императрицы (Марии Александровны)	2	1	3	6,5
21	В т. ч. ИИВ	—	2	2	4,2
22	В т. ч. наследника престола	4	4	8	17,0
23	В т. ч. предшественника (НИ)	3	3	6	12,8
24	В т. ч. вдовствующей императрицы (Александры Феодоровны)	2	—	2	4,2
25	В т. ч. великих князей	3	3	6	12,8
26	В т. ч. ОИФ	—	2	2	4,2

Таблица 10

Внутренние обращения в цензуру МИДв за I полугодие 1876 г.¹⁰

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
1	П	Редакция журнала «Пчела»		Портрет гравированный	АИ	+
2	О	СПб ЦК		Портрет	АИ Насл.	—
3	О	СПб ЦК	Общество земледельческих колоний и ремесленных приютов	Годовой отчет, с упоминанием о пожертвованиях	Насл.	+
4	П			Сборник исторических статей о Сибири, автор желает посвятить ВК	ВК Алексей Александрович	+
5	П	Редакция «Иллюстрированной газеты»		Портрет греческой королевы в албанском наряде	Иностр.	+
6	О	Канцелярия Морского министерства	Редакция журнала «Кронштадтский вестник»	Статья об открытии новой кают-компании в присутствии ВК	ВК Константин Николаевич	+
7	П	Редакция газеты «St. Petersburg Herald»		Желают получить информацию об императорских конюшнях	—	—
8	П	Редакция журнала «Всемирная иллюстрация»		Портрет ВК	ВК Мария Николаевна	+
9	П	Редакция газеты «СПб ведомости»		Заметка о кончине ВК	ВК Мария Николаевна	+
10	П	Вилламов, колл. советник		Муз. произведение на кончину ВК	ВК Мария Николаевна	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
11	П	И. Келер, профессор		Желает делать копии с ранее сделанного им с натуры портрета АИ	АИ	+
12	П	Редакция газеты «Московские ведомости»		Заметка о кончине ВК	ВК Мария Николаевна	+
13	П	Редакция журнала «Нива»		Портрет ВК	ВК Мария Николаевна	+
14	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Одесса)		Стихотворение, посвященное АИ	АИ	—
15	П	А. А. Гатцук, владелец типографии		Стихотворение, посвященное АИ	АИ	+
16	О	СПб ЦК		Рукопись, с упоминанием ВК	ВК Николай Николаевич	О
17	П	Редакция журнала «Всемирная иллюстрация»		Портрет герцогини Эдинбургской	Иностр.	+
18	О	СПб ЦК		Стихотворение, посвященное АИ	АИ	—
19	П	СПб Таможенная артель		Статья о представлении выборных АИ в 1863 г.	АИ	О
20	П	СПб Дамский комитет общества попечения о раненых и больных воинах		Заметка о посещении ВК	ВК Мария Павловна	+
21	О	СПб ЦК	Редакция журнала «Домашняя беседа»	Заметка о кончине ВК	ВК Мария Николаевна	+
22	П	А. А. Суворов, граф, генерал-адъютант		Статья сослуживца о юбилее его офицерской службы	НИ АИ	+

№	Тип документа	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомянутый ОИФ	Ценз. закл.
23	П	Редакция журнала «Всемирная иллюстрация»		Рисунок, изображающий похороны ВК	ВК Мария Николаевна	+
24	П	Редакция журнала «Нива»		Статья о ВК	ВК Алексей Александрович	+
25	П	Редакция журнала «Всемирная иллюстрация»		Желает поместить репродукцию картины, находящейся в собственности АИИ	—	+
26	О	СПб ЦК		Стихотворение, посвященное АИИ	АИИ	—
27	П	Редакция газеты «Правительственный вестник»		Заметка о посещении АИИ Рождественской больницы	АИИ	+
28	П	Редакция журнала «Всемирная иллюстрация»		Рисунок, изображающий АИИ	АИИ	+
29	П	Редакция журнала «Всемирная иллюстрация»		Рисунок, изображающий похороны ВК	ВК Мария Николаевна	+
30	П	Редакция журнала «Нива»		Портрет ВК	ВК Михаил Николаевич	+
31	П	Редакция журнала «Всемирная иллюстрация»		Рисунок, изображающий ВК с офицерами	ВК Николай Николаевич	+
32	П	Редакция журнала «Нива»		Рисунок, изображающий АИИ	АИИ	—
33	П	Д. А. Скалон, адъютант ВК Николая Николаевича		Статья о путешествии ВК	ВК Николай Николаевич	+
34	П	Редакция журнала «Всемирная иллюстрация»		Рисунок, изображающий АИИ на смотре новобранцев	АИИ	+
35	П	Худ. К. В. Добровольский		Портрет АИИ	АИИ	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
36	О	СПб ЦК	Управление училищ Евангел. Церкви Св. Петра	Памятная медаль с портретом АИ	АИ	+
37	О	СПб ЦК		Мемуары баронессы Розен, с упоминанием ОИФ	ОИФ	—
38	О	СПб ЦК	Царско-сельский ремесленный приют	Годовой отчет, с упоминанием о пожертвованиях цесаревны	Насл.	+
39	П	Контора двора наследника		Учебный сборник, с посвящением Насл.	Насл.	+
40	О	СПб ЦК		Портреты Насл. и цесаревны	Насл.	+
41	О	СПб ЦК	Община сестер милосердия	Годовой отчет, с упоминанием о пожертвованиях ОИФ	ОИФ	+
42	О	СПб ЦК		Портреты Насл.	Насл.	+
43	О	СПб ЦК	Приходское Петергофское общество вспомоществования бедным	Годовой отчет, с упоминанием о пожертвованиях ОИФ	Имп. ОИФ	+
44	П	Редакция «СПб немецкой газеты»		Рекламное объявление фотографа, с упоминанием АИ	АИ	—
45	О	СПб ЦК	Свято-Троицкая община сестер милосердия	Годовой отчет, с упоминанием о пожертвованиях ОИФ	ОИФ	+

Таблица 11

Внутренние обращения в цензуру МИДв за II полугодие 1876 г.¹¹

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
1	П	Худ. К. С. Крыжановский		Портрет Насл.	Насл.	—
2	О	СПб ЦК		Стихотворение о И. Сусанине	Царь Алексей Михайлович	—
3	П	Редакция журнала «Всемирная иллюстрация»		Рисунок, изображающий ИИВ в Гельсингфорсе	ИИВ	+
4	О	СПб ЦК		Портрет АИИ	АИИ	+
5	П	Редакция журнала «Всемирная иллюстрация»		Рисунок, изображающий встречу итальянского принца	ИИВ Иностр.	—
6	О	СПб ЦК		Мемуары о посещении будущим АИИ Кургана в 1837 г.	АИИ	+
7	П	Редакция журнала «Всемирная иллюстрация»		Рисунок, изображающий прибытие ИИВ и итальянского принца в Красное Село	ИИВ Иностр.	—
8	П	В. А. Евреинов		Заметка о телеграмме ему от Имп.	Имп.	+
9	П	О. И. Бакст, владелец типографии		Портрет АИИ	АИИ	+
10	П	В. Головин, колл. советник		Перевод с швед. яз. стихотворения, обращенного к ИИВ	ИИВ	+
11	П	А. А. Гатцук, владелец типолитографии		Стихотворение, посвященное АИИ	АИИ	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
12	О	СПб ЦК	Общество распространения Св. Писания в России	Годовой отчет, с упоминанием о пожертвованиях ОИФ	ОИФ	+
13	О	СПб ЦК		Портрет принца П. Г. Ольденбургского	ВК	+
14	О	Канцелярия Морского министерства	Морской технический комитет	Мемуары адмирала Невельского	НИ	+
15	П	Редакция журнала «Нива»		Портрет ВК	ВК Николай Николаевич	+
16	П	Контора двора наследника	Редакция журнала «Современная Россия» (Киев)	Брошюра с биографиями ОИФ	ОИФ	—
17	О	СПб ЦК		Фотопортрет ВК	ВК Николай Николаевич	—
18	П	Редакция журнала «Всемирная иллюстрация»		Картина, изображающая АИИ	АИИ	—
19	О	СПб ЦК		Портрет ИИВ для календаря	ИИВ	—
20	О	СПб ЦК	Школа для детей бедных иностранцев	Годовой отчет, с упоминанием о пожертвованиях ОИФ (на нем. и фр. яз.)	ОИФ	+
21	П	Редакция журнала «Всемирная иллюстрация»		Картина, изображающая отъезд ВК	ВК Николай Николаевич	+
22	О	СПб ЦК	Павловская школа для бедных девочек	Годовой отчет, с упоминанием о пожертвованиях ОИФ	ОИФ	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
23	П	Редакция журнала «Всемирная иллюстрация»		Фотопортрет ВК	ВК Николай Николаевич	+
24	П	Редакция газеты «Церковно-общественный вестник»		Телеграмма черниговского губернатора ВК	ВК Николай Николаевич	+
25	П	Хлебников, фабрикант золотых и серебряных изделий		Заметка о покупках его товаров, сделанных ИИВ	ИИВ	+
26	П	Редакция «Иллюстрированной газеты»		Портрет Насл.	Насл.	+
27	П	Редакция «Иллюстрированной газеты»		Рисунки, изображающие ВК в Кишиневе	ВК Николай Николаевич	+
28	П	А. Фальтен, продавец художественных произведений		Желает издать копии с портрета АИ	АИ	+
29	П	Редакция журнала «Живописное обозрение»		Портрет ВК	ВК Николай Николаевич	+
30	П	Редакция «Иллюстрированной газеты»		Портрет ВК	ВК Мария Павловна	+
31	П	Редакция журнала «Всемирная иллюстрация»		Картина, изображающая благословление ВК	ВК Николай Николаевич	+

Таблица 12
Сводные итоги изучения внутренней цензуры МИДв за 1876 г.¹²

№	Изучаемая позиция	I полугодие	II полугодие	Всего за год, ед.	Доля, %
1	Обращений, всего	45	31	76	100
2	В т. ч. прошений	29	21	50	65,8
3	В т. ч. отношений	16	10	26	34,2

№	Изучаемая позиция	I полу- годие	II полу- годие	Всего за год, ед.	Доля, %
4	В т. ч. прошений от периодических изданий, всего	19	13	32	64,0
5	В т. ч. прошений от частных лиц (авторов)	7	4	11	22,0
6	В т. ч. прошений от коммерсантов	2	4	6	12,0
7	В т. ч. прошений от негосударственных организаций	1	—	1	2,0
8	В т. ч. отношений от государственных органов	1	1	2	3,8
9	В т. ч. отношений от цензурных органов	15	9	24	96,2
10	В т. ч. из СПб ЦК	14	9	23	95,8
11	В т. ч. от Отдельного цензора по внутренней цензуре (Одесса)	1	—	1	4,2
12	Принято цензурных заключений	43	31	74	100
13	В т. ч. положительных заключений	35	23	58	78,4
14	В т. ч. отрицательных заключений	8	8	16	21,6
15	Не принято цензурных заключений	2	—	2	
16	Материалов на цензуру поступило, всего	45	31	76	100
17	В т. ч. текстов	21	9	30	39,5
18	В т. ч. стихотворений	4	3	7	9,2
19	В т. ч. изображений	19	19	38	50,0
20	В т. ч. музыкальных произведений	1	—	1	1,3
21	Упоминаний ОИФ, всего	46	33	79	100
22	В т. ч. царствующего императора (АИ)	16	6	22	27,9
23	В т. ч. царствующей императрицы (Марии Александровны)	1	1	2	2,5
24	В т. ч. ИИВ	—	6	6	7,6
25	В т. ч. наследника престола	6	2	8	10,1
26	В т. ч. предшественника (НИ)	1	1	2	2,5
27	В т. ч. великих князей	16	10	26	32,9
28	В т. ч. царственных предков	—	1	1	1,3
29	В т. ч. ОИФ	4	4	8	10,1
30	В т. ч. великих князей	16	10	26	100
31	В т. ч. Марии Николаевны	8	—	8	30,8
32	В т. ч. Николая Николаевича	3	8	11	42,3

Таблица 13
Иностранные обращения в цензуру МИДв за I полугодие 1876 г.¹³

№	Содержание материала	Упомянутая ОИФ	Цензурное заключение
1	Портрет литографированный	АII	+
2	Портрет литографированный	АII	+
3	Папиросная бумага в книжечке, с портретом наследника	Насл.	—
4	Портреты	АII Имп.	—
5	Картина, изображающая трех императоров	АII Иностр.	+
6	Карманные серебряные часы с портретом на циферблате	ОИФ	—

Таблица 14
Иностранные обращения в цензуру МИДв за II полугодие 1876 г.¹⁴

№	Содержание материала	Упомянутая ОИФ	Цензурное заключение
1	Портрет	АII	+
2	Папиросная бумага в книжечке, с портретом АII	АII	—
3	Карманные серебряные часы с портретом на циферблате	АII	—
4	Портрет	АII	+
5	Бюст	АII	+
6	Фотопортрет	АII	—
7	Портрет	АII	+
8	Портрет	ОИФ	—
9	Портрет	АII	+
10	Портрет на этикетах сигар	Насл.	+
11	Портрет олеографический	АII	+
12	Фотопортрет	АII	+
13	Портрет	АII	+

Таблица 15
Сводные итоги изучения иностранной цензуры за 1876 г.¹⁵

№	Изучаемая позиция	Всего за год, ед.	Доля, %
1	Обращений, всего	19	100
2	В т. ч. изображений	13	68,4
3	В т. ч. произведений искусства	1	5,3
4	В т. ч. часов	2	10,5
5	В т. ч. предметов широкого потребления	3	15,8
6	Принято цензурных заключений, всего	19	100
7	В т. ч. положительных	11	57,9
8	В т. ч. отрицательных	8	42,1
9	Упоминаний ОИФ, всего	21	100
10	В т. ч. царствующего императора (АII)	15	71,4
11	В т. ч. царствующей императрицы (Марии Александровны)	1	4,8
12	В т. ч. наследника	2	9,5
13	В т. ч. ОИФ	2	9,5
14	В т. ч. иностранных ОИФ	1	4,8

Таблица 16
Внутренние обращения в цензуру МИДв за I полугодие 1885 г.¹⁶

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
1	0	СПб Комитет цензуры иностранной		Портрет наследника литографированный	Насл.	+
2	0	Отдельный цензор по иностранной цензуре (Москва)		Портреты	АIII Имп. Насл.	+
3	0	Московский ЦК		Портреты	АIII ОИФ Иностр.	—
4	0	Московский ЦК		Картина	АIII	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
5	П	Р. О. Досталь, австрийский подданный		Портрет	АII	+
6	О	СПб ЦК		Картина	ИИВ	+
7	О	СПб ЦК		Речь АIII на коронации	АIII	+
8	О	СПб ЦК	Гатчинское благотворительное общество	Годовой отчет с информацией о покровительнице	Имп.	+
9	О	Варшавский ЦК		Портреты	АIII Имп. Насл.	+
10	П	Г. А. Фальк, содержатель литографии		Портреты	ОИФ	—
11	П	Редакция журнала «Всемирная иллюстрация»		Рисунок, изображающий отъезд Имп.	Имп.	+
12	О	СПб ЦК		Портреты ИИВ в коронационных одеяниях	ИИВ	+
13	П	М. Я. Якобсон, издатель		Портреты для «Живописного Обиходного Календаря»	ИИВ Насл.	+
14	О	Канцелярия Олонецкого губернатора (Петрозаводск)		Статья, описывающая путешествие ВК по губернии	ВК Владимир Александрович; ВК Мария Павловна	+
15	П	Редакция газеты «СПб ведомости»		Статья о посещении ВК Тулы	ВК Михаил Николаевич; ВК Михаил Михайлович	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
16	П	Г. Данилович, генерал-адъютант		Заметка о представлении наследнику «модели для наглядного изучения ротного учения»	Насл.	+
17	П	М. И. Сонкин, землемер		Портрет на «этикетке» изобретенной им игры «Европейские Военно-Боевые Крокетты»	АIII	—
18	О	СПб ЦК	Редакция газеты «Екатеринбургская неделя»	Эскиз памятника АII, для помещения на купонах жертвователям	АII	0
19	О	СПб ЦК	Община сестер милосердия	Годовой отчет, с упоминанием ОИФ	ОИФ	+
20	О	Отдельный цензор по иностранной цензуре (Москва)		Портрет	АIII	+
21	О	СПб ЦК	Царскосельское благотворительное общество	Годовой отчет, с упоминанием ВК	ВК Владимир Александрович	+
22	П	Ф. Я. Штейн, купец		Желает издать фотокопии с картины, изображающей АII (ранее разрешенной)	АII	+
23	О	Московский ЦК		Картина, изображающая АIII на короновании	АIII	—
24	О	Московский ЦК		Рукопись о крестьянской жизни, с посвящением Насл.	АIII АII Насл.	0
25	О	Московский ЦК		Портреты	ИИВ Насл.	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
26	О	Московский ЦК		Портреты	ИИВ Насл.	+
27	О	Московский ЦК		Портрет	Иностр.	—
28	О	СПб Комитет цензуры иностранной		Картина, изображающая Петра I и Екатерину I	Предки	+
29	О	СПб ЦК	Петергофское общество спасения на водах	Годовой отчет, с упоминанием о посещении Имп.	Имп.	+
30	О	Московский ЦК		Портрет ВК	ВК Павел Александрович	+
31	О	Московский ЦК		Рисунок, изображающий императорские регалии	—	—
32	О	Московский ЦК		Объявление о дне коронавания 1883 г.; меню коронационного ужина	—	0
33	О	Московский ЦК		Портреты для обложек календарей	ИИВ Насл.	+
34	О	Московский ЦК		Эскиз памятника АII, для помещения на купонах жертвователям	АII	+
35	О	Комитет цензуры иностранной (СПб)		Книга на англ. яз., с посвящением АIII	АIII	+
36	О	Варшавский ЦК	О. Фрейденрайх, владелец фабрики фарфоровой и фаянсовой посуды	Портреты ОИФ на фарфоровых тарелках	ОИФ	—
37	П	С. Н. Шаховская, дочь сенатора		Рукопись, с посвящением ВК	Принцесса Е. М. Ольденбургская	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
38	О	Главное управление военно-учебных заведений	Редакция журнала «Педагогический сборник»	Статья о встрече АИИ с кадетами	АИИ	+
39	О	Комитет цензуры иностранной (СПб)		Музыкальное сочинение, посвященное АИ	АИ	—
40	О	Канцелярия Министерства народного просвещения	Постоянная комиссия по устройству народных чтений в СПб и его окрестностях	Портреты ВК	ВК Михаил Николаевич	+
41	О	Московский ЦК		Портрет	АИИ	+

Таблица 17
Внутренние обращения в цензуру МИДв за II полугодие 1885 г.¹⁷

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
1	О	СПб ЦК	Редакция журнала «Родина»	Заметка о посещении ИИВ Финляндии	ИИВ	+
2	О	СПб ЦК	Товарищество книготорговли М. О. Вольф	Портрет для календаря	ВК Георгий Александрович	+
3	П	И. Н. Привалов	Пермское губернское земство	Портрет АИ	АИ	0
4	О	СПб ЦК	Пермское губернское земство	Портреты АИ, ВК	АИ ВК Константин Николаевич	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
5	О	Варшавский ЦК		Портреты	АII	+
6	П	Редакция журнала «Всемирная иллюстрация»		Рисунки, изображающие прибытие ИИВ в Выборг	ИИВ	+
7	П	Редакция журнала «Всемирная иллюстрация»		Рисунки, изображающие путешествие ИИВ по Финляндии	ИИВ	+
8	П	Редакция журнала «Всемирная иллюстрация»		Рисунки, изображающие прибытие ИИВ в Копенгаген	ИИВ	+
9	П	Редакция журнала «Всемирная иллюстрация»		Рисунки, изображающие бал в Гельсингфорсе	ИИВ	+
10	П	Редакция журнала «Всемирная иллюстрация»		Рисунки, изображающие ИИВ в Копенгагене	ИИВ	+
11	П	Редакция журнала «Всемирная иллюстрация»		Портрет принца П.Г. Ольденбургского	Принц П.Г. Ольденбургский	+
12	О	Варшавский ЦК		Портрет АIII для календаря на нем. яз.	АIII Иностр.	+
13	О	Московский ЦК		Портреты	ИИВ Дети	+
14	О	СПб ЦК		Стихотворение на совершеннолетие Насл.	Насл.	—
15	П	Н. Г. Земляницын, отставной урядник		Статья о посещении ВК Барнаула в 1868 г.	ВК Владимир Александрович	—
16	О	Московский ЦК		Заметка о посещении АIII Бородина, с посвящением	АIII	+
17	О	СПб ЦК	Редакция журнала «Книжный вестник»	Заметка о поднесении юбилейного сборника АIII	АIII	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
18	О	СПб ЦК	Редакция журнала «Книжный вестник»	Заметка о поднесении книги ВК Георгию Александровичу	АII	+
19	П	Н. Малыхин, подполковник		Статья об императорской охоте	АIII	+
20	О	СПб Комитет цензуры иностранной		Брошюра на фр. яз., с посвящением АIII	АIII	—
21	О	СПб Комитет цензуры иностранной		Музыкальное сочинение, с посвящением Имп.	Имп.	—
22	О	Главное управление военно-учебных заведений	Редакция журнала «Педагогический сборник»	Статья о посещении АIII Владимирского кадетского корпуса	АIII	+
23	О	Московский ЦК		Портреты	АIII ОИФ	—
24	П	Редакция газеты «Новое время»		Корреспонденция из Вены о приеме АIII болгарских депутатов	АIII	+
25	П	В. А. Березовский, издатель		Портрет АIII для учебника рядовых нижних чинов	АIII	+
26	О	СПб ЦК		Стихотворения, посвященные АIII (ранее поднесенные)	АIII	0
27	О	СПб ЦК		Портрет	Насл.	+
28	О	СПб ЦК		Рисунки для календаря, изображающие ИИВ	ИИВ Насл. дети	+
29	П	Редакция журнала «Живописное обозрение»		Рисунки парада в высочайшем присутствии	АIII	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
30	П	Б. Левенштейн, содержательница переплетной мастерской		Бювары с портретами	ИИВ Насл. дети	+
31	О	СПб ЦК	Благотворительное общество дома призрения для престарелых и увечных воинов и их сирот, при храме Св. Ольги в Дудергофе	Годовой отчет, с упоминанием ОИФ	ИИВ ВК Елизавета Маврикиевна; Сергей Александрович; Елизавета Федоровна	+
32	О	Московский ЦК		Портреты	ИИВ Насл. дети	+
33	П	Редакция журнала «Чтение для солдат»		Мемуары о службе в Преображенском полку	АII Предки	+
34	П	Редакция «Всеобщей газеты»		Фотопортрет	АIII	+
35	П	Редакция «Всеобщей газеты»		Фотопортреты	АIII Имп. Насл.	+
36	О	СПб ЦК		Брошюра, упоминающая о встрече с будущим АIII в 1875 г.	АIII	+
37	О	Канцелярия Олонецкого губернатора; Статистический комитет		Статья о посещении Олонецкой губ. ВК	ВК Владимир Александрович	+
38	П	Редакция газеты «Свет»		Портрет	Имп.	+

Таблица 18
Сводные итоги изучения внутренней цензуры МИДв за 1885 г.¹⁸

№	Изучаемая позиция	I полу- годие	II полу- годие	Всего за год, ед.	Доля, %
1	Обращений, всего	41	38	79	100
2	В т. ч. прошений	9	17	26	32,9
3	В т. ч. отношений	32	21	53	67,1
4	В т. ч. прошений от периодических изданий, всего	2	12	14	53,8
5	В т. ч. прошений от частных лиц (авторов)	3	2	5	19,2
6	В т. ч. прошений от коммерсантов	4	2	6	23,1
7	В т. ч. прошений от негосударственных организаций	—	1	1	3,9
8	В т. ч. отношений от государственных органов	3	2	5	9,4
9	В т. ч. отношений от цензурных органов	29	19	48	90,6
10	В т. ч. от СПб ЦК	8	11	19	39,6
11	В т. ч. Московский ЦК	13	4	17	35,4
12	В т. ч. СПб Комитет цензуры иностранной	4	2	6	12,5
13	В т. ч. Варшавский ЦК	2	2	4	8,3
14	В т. ч. от Отдельного цензора по иностранной цензуре (Москва)	2	—	2	4,2
15	Принято цензурных заключений, всего	38	36	74	100
16	В т. ч. положительных заключений	30	31	61	82,4
17	В т. ч. отрицательных заключений	8	5	13	17,6
18	Не принято цензурных заключений	3	2	5	
19	Материалов на цензуру поступило, всего	41	38	79	100
20	В т. ч. текстов	14	13	27	34,2
21	В т. ч. стихотворений	—	2	2	2,5
22	В т. ч. изображений	25	22	47	59,5
23	В т. ч. музыкальных произведений	1	1	2	2,5
24	В т. ч. предметов широкого потребления	1	—	1	1,3
25	Упоминаний ОИФ, всего	51	52	103	100
26	В т. ч. царствующего императора (АИИ)	12	14	26	25,2

№	Изучаемая позиция	I полу- годие	II полу- годие	Всего за год, ед.	Доля, %
27	В т. ч. царствующей императрицы (Марии Федоровны)	5	3	8	7,8
28	В т. ч. ИИВ	6	11	17	16,5
29	В т. ч. наследника престола	9	6	15	14,6
30	В т. ч. августейших детей	—	4	4	3,9
31	В т. ч. предшественника (АII)	6	4	10	9,7
32	В т. ч. великих князей	6	7	13	12,6
33	В т. ч. царственных предков	1	1	2	1,9
34	В т. ч. ОИФ	4	1	5	4,9
35	В т. ч. иностранных ОИФ	2	1	3	2,9

Таблица 19
Иностранные обращения в цензуру за I полугодие 1885 г.¹⁹

№	Содержание материала	Упомянутая ОИФ	Ценз. закл.
1	Портреты литографированный	ИИВ Насл.	+
2	Статуэтка АIII	АIII	+
3	Портреты	ИИВ Насл.	+
4	Перья пишущие металлические, с портретом	АIII	—
5	Портрет	АIII	—
6	Портрет	ИИВ	+
7	Брелоки из слоновой кости, с портретами	ИИВ	+
8	Портрет	ИИВ	+
9	Карманные серебряные часы с портретом	АIII	—
10	Медальон металлический с портретом	АIII	—
11	Фотопортрет	АII	+
12	Медали позолоченные с портретами	АIII АII	+
13	Карманные серебряные часы с портретом	АIII	+
14	Портрет	ИИВ	+
15	Портрет	АIII	+
16	Портрет олеографический	ИИВ	+
17	Портрет олеографический	ОИФ	—

Таблица 20
Иностранные обращения в цензуру за II полугодие 1885 г.²⁰

№	Содержание материала	Упомянутая ОИФ	Ценз. закл.
1	Портрет трех императоров	АIII Иностр.	+
2	Карманные серебряные часы с портретом	АIII	—
3	Карманные серебряные часы с портретом	АIII	—
4	Бюст цинковый	АIII	+
5	Портрет	АIII	+
6	Медальон металлический с портретом	АIII	—
7	Портрет литографический	Имп.	+
8	Портрет трех императоров	АIII Иностр.	+
9	Бюсты	ИИВ	+
10	Портреты	ИИВ Насл.	+
11	Портреты	ИИВ Насл.	+
12	Фотопортрет	ИИВ	+
13	Чашки фарфоровые с портретом	ИИВ	+
14	Портрет трех императоров	АIII Иностр.	+
15	Портрет	ИИВ Насл	+

Таблица 21
Сводные итоги изучения иностранной цензуры МИДв за 1885 г.²¹

№	Изучаемая позиция	Всего за год, ед.	Доля, %
1	Обращений, всего	32	100
2	В т. ч. изображений	19	59,4
3	В т. ч. произведений искусства	7	21,9
4	В т. ч. часов	4	12,5
5	В т. ч. предметов широкого потребления	2	6,2
6	Принято цензурных заключений, всего	32	100
7	В т. ч. положительных	24	75,0
8	В т. ч. отрицательных	8	25,0

9	Упомянутый ОИФ, всего	41	100
10	В т. ч. царствующего императора (АIII)	16	39,0
11	В т. ч. царствующей императрицы (Марии Федоровны)	1	2,4
12	В т. ч. ИИВ	13	31,8
13	В т. ч. наследника	5	12,2
14	В т. ч. предшественника (АII)	2	4,9
15	В т. ч. ОИФ	1	2,4
16	В т. ч. иностранных ОИФ	3	7,3

Таблица 22

Внутренние обращения в цензуру МИДв за I полугодие 1896 г.²²

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
1	П	Ф. П. Рушин, присяжный поверенный		Стихотворение, посвященное АIII	АIII	+
2	П	Л. Г. Зильбербаум, фабрикант, купец 2 гил.		Портреты ОИФ из папье-маше	ИИВ ОИФ	+
3	П	Л. Бузон, владелец шелко-ткацкой фабрики		Портреты на шелковых лентах	ИИВ	+
4	О	Московский ЦК	Товарищество «Абрикосов и сын»	Портреты	ИИВ	+
5	О	Московский ЦК		Брошки с портретами	ИИВ	+
6	П	Л. Равали, французский фабрикант		Ковры с рисунками, изображающими коронование	ИИВ	—
7	П	Российское телеграфное агентство		Брошюра о полках, шефом которых состоит НII, с портретами	НII	+
8	П	Редакция «Энциклопедического словаря»		Статья о принцессах Лейхтенбергских	ВК	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
9	О	Московский ЦК		Портреты	ИИВ	+
10	О	Московский ЦК		Стихотворение крестьянина М. Шустина о короновании	НII	—
11	О	Канцелярия Владимирского губернатора	Редакция газеты «Владимирские губернские ведомости»	Телеграмма НII в ответ на адрес владимирского дворянства	НII	+
12	П	Э. И. Маркус, владелец заведения графических искусств		Портреты	ИИВ	+
13	О	Отдельный цензор по иностранной цензуре (Москва)		Портрет НII из букв Манифеста 14 ноября 1894 г.	НII	—
14	О	Варшавский ЦК		Портреты олеографические	ВК Владимир Александрович; Алексей Александрович	+
15	О	СПб ЦК		Брошюра поручика Д. И. Ломана о АIII	АIII	+
16	О	СПб ЦК	Морское благотворительное общество	Годовой отчет, с упоминанием ОИФ	ОИФ	+
17	О	СПб ЦК		Свадебный полонез Н. Глазунова	ИИВ	+
18	П	И. Е. Тогнолати		Медальон с портретами	ИИВ	—
19	О	Варшавский ЦК		Портрет НII из букв Манифеста 14 ноября 1894 г.	НII	—
20	О	Московский ЦК		Коронационный гимн Черно-Иванова	ИИВ	—

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
21		Отдельный цензор по внутренней цензуре (Одесса)		Портреты	ИИВ	+
22	О	СПб ЦК		Брошюра о путешествии будущего НII на Восток	НII	+
23	О	СПб ЦК		Музыкальные сочинения П. П. Шенка	НII	+
24	О	СПбЦК		Брошюра на фр. яз., о ВК Ольге Александровне	ВК Ольга Александровна	+
25	П	А. В. Кузнецов, купец 2 гил.		Желает выпускать «Коронационное» шампанское	—	—
26	П	Н. А. Демчинский, инженер путей сообщения		Портреты ИИВ на почтовой бумаге	ИИВ	—
27	О	Московский ЦК	Товарищество парфюмерного производства «Брокар и КО»	Портреты ИИВ	ИИВ	—
28	О	Московский ЦК		Коронационный марш А. Пиорковского	ИИВ	—
29	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Одесса)		Статья о короновании (на евр. яз.)	ИИВ	+
30	П	И. и М. Харины, содержатели переплетной фабрики		Альбом портретов	ИИВ ОИФ	+
31	П	Императорское русское техническое общество		Журнал заседания общества, с упоминаниями ОИФ	ОИФ	+
32	О	СПб ЦК	Э. К. Шуберт, ювелир	Жетоны с портретом	НII	—

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
33	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Казань)	Редакция журнала «Деятель»	Портреты	ИИВ	+
34	П	А. А. Пазетти, фотограф		Фотопортреты	НII	—
35	П	О. И. Лашкевич, владелец типографии		Историческая статья о коронованиях	Предки	+
36	П	И. Стропальцов, содержатель типо-литографии		Рисунок, изображающий коронование	ИИВ	+
37	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Казань)		Статья об отметках НII на отчете по народному образованию	НII	+
38	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Одесса)		Речь раввина Вайсмана, с упоминанием ИИВ	ИИВ	+
39	П	М. Флютштейн, содержатель кожаной мастерской		Кошельки с портретами	ИИВ	—
40	О	Варшавский ЦК		Брошюра о короновании (на евр. яз.)	НII	+
41	О	Московский ЦК		Статья о короновании	ИИВ	+
42	О	Московский ЦК		Портреты	ИИВ	+
43	О	Московский ЦК		Торжественный полонез И. Лабеди	ИИВ	+
44	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Казань)		Рисунок, изображающий императорские регалии, для помещения на жестяных питьевых кружках	—	—
45	П	Г. Гофман, французский фабрикант		Портреты	ИИВ	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
46	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Статья на фр. яз., с упоминанием НII	НII	+
47	О	СПб ЦК	К. Бороздин, издатель альманаха «Российский царственный дом Романовых»	Желает напечатать объявление о высочайшем одобрении и распространении альманаха в войсках	НII	—
48	П	Фабрика «В. Бонакер»		Жестяные щиты с гербом и императорскими регалиями	—	+
49	П	Фабрика «В. Бонакер»		Портреты НII на жести (для циферблатов часов и стенок календарей)	НII	+
50	П	Генеральное общество французской ваксы		Портреты НII на жести	НII	+
51	О	Московский ЦК		Статья о АIII для народных училищ	АIII	+
52	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Одесса)		Рисунок, изображающий императорские регалии, для помещения на жестяных питьевых кружках	—	—
53	П	С. П. Браский, коллежский секретарь		Портреты ИИВ для волшебных фонарей	ИИВ	—
54	О	Отдельный цензор по иностранной цензуре (Киев)	Редакция журнала «Марки»	Статья об увлечении филателией ВК	ВК Алексей Михайлович	+
55	П	Товарищество парфюмерного производства «Брокар и К0»		Портреты ИИВ на специальных медальонах для духов	ИИВ	—

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
56	П	Е. И. Коновалова, купчиха 2 гил., издательница народных книг и картин		Портреты ИИВ для обложек и стенок календарей	ИИВ	+
57	П	Э. Литауэр		Портреты	ИИВ	+
58	О	СПб ЦК		Рукопись о НII	НII	—
59	О	Министерство финансов; Департамент торговли и ману-фактур	Н. Н. Струк, владелец наждачной фабрики	Эскиз этикетов для его изделий, с императорскими регалиями	—	—
60	П	Д. Севербянов, купец 2 гил., владелец книжного магазина		Портреты ИИВ, для раздачи ученикам	ИИВ	+
61	П	И. Якобсен, купец		Портреты ИИВ на де-ревянных шкатулках	ИИВ	+
62	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Рига)		Стихотворения к коронованию (на нем. и латыш. яз.)	ИИВ	+
63	О	Отдельный цензор по иностранной цензуре (Киев)		Изображения императорских регалий, для цветных фонарей	—	—
64	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Одесса)		Рукопись о короно-вании	ИИВ	+
65	П	Г. Б. Нутис, владелец типо-графии		Стихотворения к ко-ронованию крестья-нина И. П. Зверева	ИИВ	+
66	П	Ф. Марк, купец 2 гил.	Е. И. Фесенко, владелец типолиитогра-фии	Портреты ИИВ, для раздачи ученикам	ИИВ	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
67	П	О. И. Лашкевич, владелец типографии		Портреты ИИВ, для обложек брошюр	ИИВ	+
68	П	И. Д. Сытин, владелец типографии		Портреты ИИВ	ИИВ	+
69	П	Редакция журнала «Музыка и пение»		Коронационная песнь, для воспитанников учебных заведений	ИИВ	+
70	О	Отдельный цензор по иностранной цензуре (Киев)		Торжественный марш на коронавание	ИИВ	+
71	О	Отдельный цензор по иностранной цензуре (Киев)		Стихотворение	НII	+
72	О	СПб ЦК		Стихотворения, с упоминанием ОИФ	ИИВ ОИФ	—
73	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Одесса)		Рукопись о коронавании	ИИВ	+
74	П	Е. И. Коновалова, купчиха 2 гил., издательница народных книг и картин		Портреты ИИВ для обложек и стенок календарей	ИИВ	+
75	О	СПб ЦК	Община сестер милосердия во имя Христа Спасителя	Годовой отчет, с упоминаниями о пожертвованиях	Имп. Вдов. Имп.	+
76	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Книги на фр. яз., с посвящением НII и ОИФ	НII ОИФ	+
77	П	Е. И. Пичугина, содержательница типолитографии	Товарищество парфюмерного производства «Брокар и К ^о »	Портреты ИИВ на платках	ИИВ	—

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
78	П	В. М. Остроградский, статский советник		Стихотворение, посвященное АИИ	АИИ	—
79	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Книги на фр. яз., с упоминанием АИИ	АИИ	—
80	П	Г. А. Андреев, фабрикант бронзовых и серебряных изделий		Статуя НII	НII	+
81	П	Генеральное общество французской ваксы		Портреты ИИВ на жести	ИИВ	+
82	П	Н. П. Кон, виндавской мещанин		Флаг с императорскими регалиями	—	+
83	П	Русское товарищество печатного и издательского дела	Фабрика парфюмерного производства «А. Сиу и К ^о »	Ярлык с императорскими регалиями	—	—
84	О	Московский ЦК		Исторические статьи о коронованиях	ИИВ предки	+
85	О	Московский ЦК		Портреты ИИВ царственных предков	ИИВ предки	+
86	О	Московский ЦК		Коронационный марш	ИИВ	+
87	П	Н. А. Демчинский, инженер путей сообщения		Портреты ИИВ для брошюр	ИИВ	+
88	О	СПб ЦК		Статья о рыбопромышленниках Зотовых, с упоминанием ИИВ	ИИВ	+
89	О	СПб ЦК	Фабрика кондитерских изделий «Конради»	Обертки с изображением императорских регалий, для карамели	—	—
90	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Статья на фр. яз. о короновании	ИИВ	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
91	О	Отдельный цензор по иностранной цензуре (Москва)		Портреты ИИВ	ИИВ	+
92	О	Московский ЦК		Рукопись о короновании, с посвящением ИИВ	ИИВ	+
93	П	К. Ган, фотограф		Изображение императорской короны	—	+
94	П	Худ. И. Гайкин		Портреты ИИВ в коронационном одеянии	ИИВ	+
95	П	А. Ступин, книгопродавец		Портреты ИИВ	ИИВ	+
96	П	В. Ф. Карнац, купец 1 гил.		Изображение императорских регалий на обложке брошюры о его карандашном производстве	—	—
97	О	СПб ЦК		Портреты ИИВ	ИИВ	+
98	П	М. М. Ледерле, купец 2 гил., владелец книжного магазина		Рисунок, изображающий коронование	ИИВ	+
99	П	М. М. Ледерле, купец 2 гил., владелец книжного магазина		Стихотворение о короновании	ИИВ	+
100	О	Варшавский ЦК	Фирма «Кельман и Гейбинер»	Портреты НII на кожаных бумажниках и портсигарах	НII	—
101	О	Варшавский ЦК		Брелоки с изображением бюста НII	НII	—
102	О	Отдельный цензор по иностранной цензуре (Киев)	Типография Подольского губернского правления	Портреты НII для раздачи казакам	НII	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
103	О	Министерство императорского двора; Управление гофмаршальской части	Кондитерская фирма «Де-Гурме»	Портреты ИИВ для оберток шоколада, для раздачи смолянкам	ИИВ	+
104	П	Российское телеграфное агентство		Брошюра о полках, шефом которых состоит НII, с портретами	НII	+
105	П	Товарищество книжной торговли И. Д. Сытина		Портреты ИИВ	ИИВ	+
106	П	И. Радин, владелец ювелирной фабрики		Жетоны с портретом НII	НII	—
107	О	Отдельный цензор по иностранной цензуре (Одесса)		Рукопись о коронации	ИИВ	—
108	О	Отдельный цензор по иностранной цензуре (Москва)		Коронационная песня для учащихся народных школ	ИИВ	+
109	П	В. И. Жолобов, владелец штамповальной фабрики		Рамки с портретами ИИВ и наследника	ИИВ Насл.	—
110	П	Р. В. Хорн, содержатель хромофотографии		Портреты ИИВ	ИИВ	+
111	П	У. Л. Гиршович, фабрикант плакатов		Портреты ИИВ и АIII	ИИВ АIII	+
112	О	Московский ЦК	Сергиевское общество трезвости	Журнал заседаний Общества, с упоминаниями ОИФ	ОИФ	+
113	О	Московский ЦК		Портрет ИИВ для тканевых скатертей	ИИВ	—
114	О	Московский ЦК		Рисунки исторических коронаваний	предки	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
115	О	Московский ЦК		Рисунок, изображающий крещение ВК	ВК Ольга Николаевна	—
116	О	Московский ЦК		Стихотворение о короновании	ИИВ	+
117	П	В. Гатцук, издатель		Портреты ВК для календарей	ВК	+
118	П	И. В. Цветков, запасной унтер-офицер		Украшения для рамок, с портретами ИИВ	ИИВ	—
119	П	«Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон»		Исторические статьи о коронованиях	АIII предки	+
120	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Одесса)		Портреты для обложек календарей	ИИВ ОИФ	—
121	П	Я. И. Левинский		Портрет ИИВ, вытканый шелком	ИИВ	+
122	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Казань)		Портреты ИИВ для оберток шоколадных конфет, для раздачи учащимся	ИИВ	+
123	П	Т. А. Маломерков, владелец кондитерской фабрики		Портреты ИИВ для оберток шоколадных конфет, для раздачи учащимся	ИИВ	+
124	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Лубочная картина с портретом НII (на фр. яз.)	НII	+
125	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Книга с упоминанием НII (на фр. яз.)	НII	—
126	П	Фон Дитмар, поручик		Портреты ИИВ	ИИВ	+
127	П	А. В. Сегессер, содержательница кондитерского заведения		Желает выпустить «Коронационные конфеты»	—	—

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
128	П	Худ. А. И. Вейценберг		Бюсты ИИВ	ИИВ	+
129	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Одесса)		Значки металлические с портретами ИИВ	ИИВ	—
130	О	Отдельный цензор по иностранной цензуре (Киев)		Стихотворение о АIII	АIII	+
131	П	А. А. Хаванов, содержатель музыкального магазина		Торжественный марш	ИИВ	+
132	О	Канцелярия е.и.в. по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых	А. Дальман, серебряных дел мастер	Серебряные жетоны с портретами АIII и НII	АIII НII	—
133	П	Хромолитография «Веферс и К ^о »		Портреты ИИВ	ИИВ	+
134	О	Отдельный цензор по иностранной цензуре (Киев)	Редакция газеты «Жизнь и искусство»	Портрет Имп.	Имп.	+
135	О	Варшавский ЦК	О. Флек, владелец литографии	Портрет Имп.	Имп.	+
136	О	СПб ЦК	К. Бороздин, издатель альманаха «Российский царственный дом Романовых»	Портрет Вдов. Имп.	Вдов. Имп.	+
137	О	СПб ЦК		Стихотворение о короновании	ИИВ	+
138	О	СПб ЦК		Брошюра, с упоминанием НII	НII	+
139	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Книга с упоминанием АIII и НII (на нем. яз.)	НII АIII	—

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
140	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Казань)	Редакция газеты «Камско-Волжский край»	Портреты ИИВ	ИИВ	+
141	П	Хишин, купец 1 гил., фабрикант		Портрет НII на бархате	НII	+
142	О	Отдельный цензор по иностранной цензуре (Киев)		Портреты ИИВ	ИИВ	+
143	О	Отдельный цензор по иностранной цензуре (Киев)		Портрет НII	НII	—
144	П	Мебиус, фотограф		Рекламное объявление, с упоминанием о ИИВ	ИИВ	+
145	П	Ф. Марк, купец 2 гил.	Е. И. Фесенко, владелец типографии	Портреты ИИВ, для раздачи ученикам	ИИВ	+
146	П	В. М. Остроградский, статский советник		Брошюра о короновании, для глухонемых	ИИВ	+
147	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Одесса)		Стихотворение о короновании	ИИВ	+
148	О	СПб ЦК	Редакция журнала «Чтение для солдат»	Стихотворение о АIII	АIII	+
149	О	СПб ЦК		Рукопись о короновании	ИИВ	+
150	О	СПб ЦК		Рукопись о короновании	ИИВ ОИФ	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
151	О	СПб ЦК	Постоянная комиссия по устройству народных чтений в СПб и его окрестностях	Портреты ИИВ	ИИВ	+
152	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Стихотворение, с упоминанием НII (на фр. яз.)	НII	+
153	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Стихотворение, с упоминанием НII (на фр. яз.)	НII	+
154	П	А. Д. Сазонов, книгопродавец		Рукопись о короновании	ИИВ	+
155	П	А. Д. Сазонов, книгопродавец		Рисунки, изображающие коронование	ИИВ	—
156	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Портреты ИИВ	ИИВ	+
157	П	Ф. Е. Скривано, французский фабрикант		Фотопортреты с бюстов ИИВ	ИИВ	+
158	П	Е. А. Евдокимов, содержатель типографии		Рисунки, изображающие коронование	ИИВ	+
159	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Одесса)		Речь Бессарабского губернатора, с упоминанием ИИВ	ИИВ	+
160	П	Р. Ф. Лоось, германский фабрикант		Портреты ИИВ	ИИВ	+
161	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Стихотворение, с упоминанием НII (на черногор. яз.)	НII	+
162	О	СПб ЦК	Первый Дамский художественный кружок	Годовой отчет, с упоминанием ОИФ	ОИФ	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
163	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Музыкальное сочинение Сен-Санса, посвященное Имп.	Имп.	+
164	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Музыкальное сочинение «Франко-русский марш», посвященное НII	НII	—
165	О	Отдельный цензор по иностранной цензуре (Киев)	Редакция журнала «Марки»	Объявление о продаже французских конвертов с портретом НII	НII	—
166	О	СПб ЦК		Стихотворение о короновании	ИИВ	+
167	П	Штейнберг, композитор		Музыкальное сочинение, посвященное коронованию	ИИВ	+
168	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Музыкальное сочинение, посвященное НII	НII	+
169	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Портрет Имп.	Имп.	+
170	П	А. А. Жалудский, содержатель книжного магазина		Флаги бумажные, с императорской символикой	—	—
171	П	Я. Якобсон, купец		Портреты ИИВ	ИИВ	+
172	П	В. Зверев, шуйский мещанин		Стихотворение о короновании	ИИВ	—
173	П	Ф. А. Печке, фабрикант		Брелоки в виде зрительной трубки, с портретами ИИВ	ИИВ	+
174	П	Е. И. Коновалова, купчиха 2 гил., издательница народных книг и картин		Рисунки, изображающие коронование	ИИВ	+
175	П	Товарищество «А. И. Абрикосов и сыновья»		Портреты ИИВ для коробок с конфетами	ИИВ	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
176	О	Канцелярия Саратовского губернатора		Стихотворение о короновании крестьянина И. Н. Липатова	ИИВ	+
177	П	Р. Юрк, владелец ткацкой мастерской		Портреты НII, вытканые вручную на ткацких станках	НII	+
178	П	Сергиевское общество трезвости		Журналы заседаний Общества, с упоминанием ОИФ	ОИФ	0
179	П	И. Радин, золотых дел мастер		Портреты ИИВ для брелоков на цепочках, к карманным часам	ИИВ	+
180	П	М. М. Розеноер, содержатель типографии		Портрет НII	НII	+
181	П	Товарищество И. Д. Сытина		Рисунки, изображающие коронование	ИИВ	+
182	П	А. Н. Новиков, потомственный почетный гражданин		Портреты ОИФ на бумажной ткани, для витрины	ОИФ	+
183	П	Е. И. Коновалова, купчиха 2 гил., издательница народных книг и картин		Рисунки, изображающие коронование	ИИВ	+
184	П	А. Д. Сазонов, книгопродавец		Портреты ИИВ для карманных календарей	ИИВ	+
185	П	С. Х. Арутюнов, содержатель типографии		Портреты ОИФ	ОИФ	+
186	П	Редакция журнала «Родина»		Музыкальное сочинение, посвященное коронованию	ИИВ	0
187	П	К. О. Коломиец, волынский мещанин		Рукопись о короновании	ИИВ	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
188	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Газета на болгар. яз., посвященная НII	НII	+
189	О	Московский ЦК		Стихотворение о короновании	ИИВ	+
190	О	Отдельный цензор по иностранной цензуре (Москва)		Торжественный марш	ИИВ	—
191	О	Отдельный цензор по иностранной цензуре (Киев)		Портреты ИИВ для календаря	ИИВ	+
192	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Одесса)		Рисунок, изображающий катастрофу в Борках 17 октября 1888 г.	АIII	—
193	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Одесса)		Портреты ИИВ для помещения на Манифестах 14 мая 1896 г.	ИИВ	+
194	П	Редакция журнала «Новь»		Рисунки, изображающие историю коронований	ИИВ предки	+
195	О	СПб ЦК	Редакция журнала «Игрушечки»	Портреты ИИВ и ВК	ИИВ ВК Ольга Николаевна	+
196	О	СПб ЦК		Стихотворение о короновании	ИИВ	+
197	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Портреты ИИВ	ИИВ	+
198	О	СПб ЦК	Фирма «Жесель»	Рекламное объявление об изготовлении портретов ИИВ на заказ	ИИВ	+
199	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Одесса)		Статья о истории коронований (на фр. яз.)	ИИВ предки	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
200	О	Отдельный цензор по иностранной цензуре (Киев)		Речь житомирского раввина, с упоминанием НII	НII	+
201	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Казань)	Редакция газеты «Волжский вестник»	Статья об истории коронований	ИИБ AIII	+
202	П	М. М. Розеноер, содержатель типо-литографии		Портреты ИИБ	ИИБ	+
203	О	Московский ЦК		Портреты ИИБ для календаря	ИИБ	+
204	О	Московский ЦК		Рисунок, изображающий коронационные торжества на Ходынском поле	ИИБ	—
205	П	Редакция журнала «Родина»		Рисунки, изображающие коронование	ИИБ	+
206	П	Редакция «Энциклопедического словаря»		Статья о Вдов. Имп.	Вдов. Имп.	+
207	П	П. Б. Потехин, коллежский советник		Музыкальное сочинение для хора с оркестром	ИИБ	+
208	П	Е. А. Евдокимов, содержатель типографии		Рисунки, изображающие императорские регалии	—	+
209	П	Э. И. Маркус, владелец заведения графических искусств		ИИБ	ИИБ	+
210	П	Е. И. Коновалова, купчиха 2 гил., издательница народных книг и картин		Рисунки, изображающие коронование, для календаря	ИИБ	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
211	П	Е. И. Коновалова, купчиха 2 гил., издательница народных книг и картин		Портрет ВК	ВК Ольга Николаевна	+
212	П	Г. Т. Бриллиантов, купец 2 гил.		Портреты ИИВ для стенок отрывных календарей	ИИВ	+
213	П	О. И. Лашкевич, владелец типографии		Портреты ИИВ	ИИВ	+
214	П	С. А. Чаманский, владелец фабрики шелковых изделий		Портреты ИИВ на шелку	ИИВ	+
215	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Одесса)		Портрет ИИВ	ИИВ	+
216	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Вильно)		Коронационный вальс, посвященный ИИВ	ИИВ	—
217	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Казань)	Редакция газеты «Камско-Волжский край»	Статья о НІ	НІ	О
218	О	СПб ЦК		Рукопись о коронавании	ИИВ	+
219	О	Отдельный цензор по иностранной цензуре (Киев)		Портреты ИИВ для календаря	ИИВ	+
220	О	Московский ЦК		Портреты ИИВ для блюд из жести	ИИВ	—
221	О	Московский ЦК		Портреты ИИВ и ВК	ИИВ ВК Николай Михайлович	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
222	О	Московский ЦК		Рисунки, изображающие коронование, для календаря	ИИВ	+
223	О	Московский ЦК		Музыкальное сочинение на кончину АИИ	АИИ	+
224	О	Московский ЦК		Статья об истории коронований	предки	+
225	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Одесса)		Портрет ИИВ	ИИВ	+
226	П	Генеральное общество французской ваксы		Портрет ИИВ для портсигаров из жести	ИИВ	—
227	П	Редакция журнала «Родина»		Рисунки, изображающие коронование	ИИВ	+
228	П	Русское общество для производства стальных перьев		Перья стальные, с изображением императорских регалий	—	—
229	О	СПб ЦК	Редакция журнала «Чтение для солдат»	Статья о короновании	ИИВ	+
230	О	Варшавский ЦК		Статья о короновании	ИИВ	+
231	П	Товарищество книжной торговли И. Д. Сытина		Портреты ИИВ для календаря	ИИВ	+

Таблица 23

Внутренние обращения в цензуру МИДв за II полугодие 1896 г.²³

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
1	О	Варшавский ЦК		Портрет НII из букв Манифеста	НII	+
2	П	А. А. Аскарханов, коллежский ассессор		Статья о короновании	ИИВ	+
3	О	Московский ЦК		Стихотворение о короновании	ИИВ	+
4	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Статья о НII (на нем. яз.)	НII	+
5	О	Московский ЦК		Портреты ИИВ для календаря	ИИВ	+
6	О	Московский ЦК		Портрет ВК	ВК Георгий Михайлович	+
7	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Портреты ИИВ	ИИВ	+
8	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Казань)		Заметка о посещении НII Нижегородской выставки	НII	+
9	О	СПб ЦК	Второе убежище Нарвского отделения общества попечения о бедных и больных детях	Годовой отчет, с упоминанием ВК	ВК Елизавета Маврикиевна	+
10	П	Редакция журнала «Родина»		Рисунки, изображающие коронование	ИИВ	+
11	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Одесса)		Портрет НII	НII	+
12	П	А. А. Аскарханов, коллежский ассессор		Рисунки к статье о короновании	ИИВ	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
13	О	Отдельный цензор по иностранной цензуре (Киев)	Чешский православный календарь	Статья о короновании (на чеш. яз.)	ИИВ	+
14	П	О. И. Лашкевич, владелец типографии		Фотопортреты ИИВ	ИИВ	+
15	П	О. И. Лашкевич, владелец типографии		Рисунки, изображающие коронование	ИИВ	—
16	О	Отдельный цензор по иностранной цензуре (Киев)	Редакция газеты «Жизнь и искусство»	Фотопортреты ИИВ	ИИВ	+
17	П	К. В. Гартман, купец		Олеографические портреты ИИВ	ИИВ	+
18	О	Варшавский ЦК		Картина коронования, для «публичной панорамы»	ИИВ	—
19	П	Н. И. Фортвенглер, купец 2 гил., владелец фабрики часов		Портреты ИИВ на циферблате часов	ИИВ	+
20	П	А. Е. Крупнов, крестьянин		Портреты ИИВ	ИИВ	+
21	О	Варшавский ЦК		Портреты ИИВ	ИИВ	+
22	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Стихотворение, посвященное Имп. (на фр. яз.)	Имп.	—
23	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Стихотворение о НII	НII	+
24	П	Е. И. Коновалова, купчиха 2 гил., издательница народных книг и картин		Рисунки, изображающие коронование	ИИВ	+
25	О	Московский ЦК		Рисунки, изображающие коронование	ИИВ	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
26	О	Московский ЦК		Статья о короновании	ИИВ	+
27	О	Московский ЦК		Портреты ВК	ВК Ольга Николаевна, ВК Георгий Михайлович	+
28	П	О. И. Лашкевич, владелец типографии		Фотопортреты ИИВ	ИИВ	+
29	П	О. И. Лашкевич, владелец типографии		Рисунки, изображающие коронование	ИИВ	—
30	О	Отдельный цензор по иностранной цензуре (Киев)		Стихотворение о короновании	ИИВ	—
31	О	Московский ЦК		Рисунки, изображающие коронования	ИИВ предки	+
32	П	А. Р. Яценко, штабс-капитан		Портрет НII	НII	+
33	П	Е. И. Коновалова, купчиха 2 гил., издательница народных книг и картин		Портреты ИИВ на почтовой бумаге, для нижних чинов войск	ИИВ	—
34	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Казань)		Заметка о посещении НII Нижегородской выставки	НII	+
35	П	О. И. Лашкевич, владелец типографии		Статья о короновании	ИИВ	+
36	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Статья о АIII и ВК (на датск. яз.)	АIII ВК	—
37	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Музыкальное сочинение, посвященное ИИВ	ИИВ	—

№	Тип документа	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомянутые ОИФ	Ценз. закл.
38	П	М. Шиндлер, владелец фотографии		Фототипический портрет АИ	предки	+
39	П	Товарищество парфюмерного производства «Брокер и К ^о »		Портреты ИИВ на атласной бумаге, для раздачи покупателям	ИИВ	+
40	О	Московский ЦК		Портреты ИИВ и ВК	ИИВ ВК	+
41	О	Московский ЦК		Портреты иностранных ОИФ	Иностр.	+
42	О	Московский ЦК		Текст высочайшей благодарности обществу хоругвеносцев Московского придворного архиерейского собора	НИИ	+
43	П	Редакция «Энциклопедического словаря»		Статья о ВК	ВК Михаил Николаевич, ВК Михаил Михайлович	+
44	О	СПб ЦК		Портреты	ИИВ Вдов. Имп. ВК	+
45	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Одесса)		Портрет ВК	ВК Алексей Александрович	+
46	П	Товарищество книжной торговли И. Д. Сытина		Портреты ИИВ для календаря	ИИВ	+
47	П	Л. Г. Зильбербаум, фабрикант, купец 2 гил.		Портреты НИИ и ВК из папье-маше	НИИ ВК	+
48	О	Московский ЦК		Портреты ИИВ для календаря	ИИВ	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
49	О	Московский ЦК		Статья о короновании	ИИВ	+
50	О	Московский ЦК		Портрет НII	НII	—
51	О	Канцелярия Киевского, Подольского и Волынского губернатора		Портреты ИИВ на медальонах	ИИВ	+
52	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Рига)	Либавский латышский календарь	Статья о короновании (на латыш. яз.)	ИИВ	+
53	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Портреты ИИВ	ИИВ	+
54	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Музыкальное сочинение, посвященное ИИВ	ИИВ	+
55	П	О. И. Леман, содержатель «словолитни»		Портреты ИИВ на памятных медалях	ИИВ	—
56	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Одесса)		Речь раввина Д. Слоуца, с упоминанием НII	НII	+
57	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Портреты ИИВ	ИИВ	+
58	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Брошюра с упоминанием ИИВ (на фр. яз.)	ИИВ	+
59	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Портреты ИИВ на медальонах из папье-маше	ИИВ	+
60	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Рисунки, отражающие пребывание ИИВ во Франции	ИИВ	+
61	О	СПб ЦК		Портреты ИИВ «для показывания в панораме»	ИИВ	+
62	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Портрет НII на альбоме для марок	НII	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
63	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Музыкальное произведение «Царский шансон»	НII	—
64	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Статьи о пребывании ИИВ во Франции	ИИВ	+
65	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Рисунки о пребывании ИИВ во Франции	ИИВ	+
66	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Музыкальные произведения	НII	+
67	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Статья о НII (на нем. яз.)	НII	+
68	П	А. А. Аскарханов, владелец типографии		Портрет ИИВ для обложки брошюры	ИИВ	+
69	О	Отдельный цензор по иностранной цензуре (Москва)		Рисунки о пребывании ИИВ во Франции	ИИВ	+
70	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Одесса)		Речь Аккерманского исправника, с упоминанием ИИВ	ИИВ	+
71	П	И. И. Брик, ковельский раввин		Речь о короновании, с упоминанием ИИВ	ИИВ	О
72	П	Д. Н. Ломан, поручик		Рукопись о короновании	ИИВ	+
73	О	СПб ЦК		Портреты ОИФ для игры А. Бабкина «Исторические карты для учащихся»	ИИВ АIII предки	+
74	О	Варшавский ЦК		Портреты ИИВ ВК на искусственных цветах	ИИВ ВК Владимир Александрович	+
75	О	Московский ЦК		Портреты ИИВ для стенок календаря	ИИВ	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
76	О	Канцелярия е.и.в. по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых		Музыкальное произведение, посвященное ИИВ	ИИВ	—
77	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Журнал, посвященный НII (на фр. яз.)	НII	+
78	О	Московский ЦК		Музыкальное произведение, посвященное ИИВ	ИИВ	+
79	О	Московский ЦК		Музыкальное произведение, посвященное ИИВ	ИИВ	—
80	О	Отдельный цензор по иностранной цензуре (Киев)	Редакция газеты «Жизнь и искусство»	Рисунки о пребывании ИИВ во Франции	ИИВ	+
81	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Музыкальное произведение, посвященное ИИВ	ИИВ	+
82	П	Товарищество парфюмерного производства «Брокер и К ^о »		Портреты ИИВ на атласной бумаге	ИИВ	+
83	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Журнал, посвященный НII (на фр. яз.)	НII	+
84	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Журнал, посвященный НII (на нем. яз.)	НII	+
85	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Музыкальные произведения, посвященные ИИВ и ВК	ИИВ ВК Ольга Николаевна	+
86	П	О. И. Лашкевич, владелец типографии		Статья о коронации	ИИВ	+
87	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Одесса)		Фотографии пребывания ИИВ во Франции	ИИВ	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
88	О	Московский ЦК		Портреты ИИВ	ИИВ	+
89	О	Отдельный цензор по иностранной цензуре (Москва)		Коллекция почтовых карточек, портретов и карикатур о пребывании ИИВ во Франции	ИИВ	+
90	О	Отдельный цензор по иностранной цензуре (Москва)		Медали и жетоны в память о пребывании ИИВ во Франции	ИИВ	—
91	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Рига)		Картина коронования	ИИВ	+
92	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Музыкальное произведение, посвященное НII	НII	+
93	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Брошюра о короновании (на англ. яз.)	ИИВ	+
94	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Газета, посвященная НII (на фр. яз.)	НII	+
95	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Портрет ИИВ и президента Франции на открытом письме	ИИВ	+
96	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Одесса)		Рукопись о пребывании ИИВ во Франции	ИИВ	+
97	П	Редакция журнала «Чтение для солдат»		Портрет ИИВ для солдатского календаря	ИИВ	+
98	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Портрет ИИВ на открытом письме	ИИВ	—
99	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Статья, посвященная НII (на нем. яз.)	НII	+
100	П	Э. Гиппиус, владелец типографии		Портрет ИИВ	ИИВ	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
101	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Брошюра, посвященная Вдов. Имп. (на фр. яз.)	Вдов. Имп.	+
102	О	Варшавский ЦК		Рисунки о пребывании ИИВ во Франции	ИИВ	+
103	О	СПб ЦК		Портрет ИИВ на жести	ИИВ	+
104	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Брошюра о короновании (на болгар. яз.)	ИИВ	+
105	О	Московский ЦК		Рукопись о пребывании ИИВ во Франции	ИИВ	+
106	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Казань)		Письмо ВК Казанскому губернатору	ВК Владимир Александрович	+
107	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Журнал, посвященный НII (на фр. яз.)	НII	+
108	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Одесса)		Рукопись о пребывании ИИВ во Франции (на фр. яз.)	ИИВ	+
109	О	СПб ЦК		Портрет ИИВ	ИИВ	+
110	П	Е. А. Евдокимов, содержатель типографии		Портрет ИИВ	ИИВ	+
111	О	Канцелярия начальника Главного штаба		Фотопортрет ИИВ, для записной книжки офицера	ИИВ	+
112	О	Отдельный цензор по внутренней цензуре (Казань)		Рескрипт ВК Казанскому городскому голове	ВК Владимир Александрович	+
113	О	Московский ЦК		Картины коронования	ИИВ ВК	+

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
114	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Статья о пребывании ИИВ во Франции (на фр. яз.)	ИИВ	+
115	О	Варшавский ЦК		Портрет НII и президента Франции на открытом письме	НII	+
116	П	Товарищество книжной торговли И. Д. Сытина		Портреты иностранных ОИФ	Иностр.	+
117	О	СПб ЦК	Редакция журнала «Вестник трезвости»	Извещение о полученной высочайшей благодарности	НII	+
118	О	Отдельный цензор по иностранной цензуре (Киев)	Редакция журнала «Ежегодник пчеловодства»	Фотопортрет НII	НII	+
119	О	Московский ЦК		Гимн памяти АIII	АIII	+
120	О	СПб ЦК		Портрет ИИВ на почтовой бумаге	ИИВ	—
121	П	Елец, ротмистр		Желает получить автографы ВК для своей книги по военной истории	ВК	+
122	П	Редакция журнала «Марки»		Объявление о продаже французских открытых писем и конвертов с портретами ИИВ	ИИВ	—
123	П	Д. и Б. Вильтух, фабриканты металлических изделий		Портрет ИИВ на металлических кружках	ИИВ	—

№	Тип док-та	Отправитель обращения	Источник материала	Содержание материала	Упомян. ОИФ	Ценз. закл.
124	О	СПб ЦК		Сборник стихов, посвященных ОИФ	АИИ Вдов. Имп. ВК Ксения Александровна; ВК Александр Михайлович	+
125	П	К. Ф. Рейнгардт, купец 2 гил.		Портрет ИИВ	ИИВ	+
126	О	СПб ЦК		Стихотворение о короновании крестьянина И. В. Клугина	ИИВ	+
127	О	СПб ЦК иностранной цензуры		Статья о пребывании ИИВ во Франции (на фр. яз.)	ИИВ	+

Таблица 24

Сводные итоги изучения внутренней цензуры МИДв за 1896 г.²⁴

№	Изучаемая позиция	I полу-годие	II полу-годие	Всего за год, ед.	Доля, %
1	Обращений, всего	231	127	358	100
2	В т. ч. прошений	105	33	138	38,5
3	В т. ч. отношений	126	94	220	61,5
4	В т. ч. прошений от периодических изданий, всего	5	4	9	6,5
5	В т. ч. прошений от частных лиц (авторов)	13	4	17	12,3
6	В т. ч. прошений от коммерсантов	85	25	110	79,7
7	В т. ч. прошений от негосударственных организаций	2	—	2	1,5
8	В т. ч. отношений от государственных органов	5	3	8	3,6
9	В т. ч. отношений от цензурных органов	121	91	212	96,4

№	Изучаемая позиция	I полу- годие	II полу- годие	Всего за год, ед.	Доля, %
10	В т. ч. от СПб ЦК	28	15	43	20,3
11	В т.ч. от Московского ЦК	28	20	48	22,7
12	В т. ч. от СПб ЦК иностранной цензуры	17	29	46	21,7
13	В т. ч. от Варшавского ЦК	7	6	13	6,1
14	В т. ч. от Отдельного цензора по иностран- ной цензуре (Москва)	3	3	6	2,8
15	В т.ч. от Отдельного цензора по иностран- ной цензуре (Киев)	13	5	18	8,5
16	В т.ч. от Отдельного цензора по внутренней цензуре (Одесса)	17	7	24	11,3
17	В т. ч. от Отдельного цензора по внутрен- ней цензуре (Казань)	6	4	10	4,7
18	В т. ч. от Отдельного цензора по внутрен- ней цензуре (Рига)	1	2	3	1,4
19	В т. ч. от Отдельного цензора по внутрен- ней цензуре (Вильно)	1	—	1	0,5
20	Принято цензурных заключений, всего	228	126	354	100
21	В т. ч. положительных заключений	173	107	280	79,1
22	В т. ч. отрицательных заключений	55	19	74	20,9
23	Не принято цензурных заключений	3	1	4	
24	Материалов на цензуру поступило, всего	231	127	358	100
25	В т. ч. текстов	55	39	94	26,3
26	В т. ч. стихотворений	22	6	28	7,8
27	В т. ч. изображений	105	61	166	46,4
28	В т. ч. музыкальных произведений	18	11	29	8,1
29	В т. ч. предметов широкого потребления	31	10	41	11,4
30	Упоминаний ОИФ, всего	234	139	373	100
31	В т. ч. царствующего императора (Николая II)	40	24	64	17,1
32	В т. ч. царствующей императрицы (Александры Федоровны)	5	1	6	1,6
33	В т. ч. ИИВ	141	86	227	60,9
34	В т. ч. наследника престола	1	—	1	0,3
35	В т. ч. предшественника (АIII)	13	4	17	4,6
36	В т. ч. вдовствующей императрицы (Марии Федоровны)	5	1	6	1,6

№	Изучаемая позиция	I полу- годие	II полу- годие	Всего за год, ед.	Доля, %
37	В т. ч. великих князей	9	16	25	6,7
38	В т. ч. царственных предков	9	3	12	3,2
39	В т. ч. ОИФ	13	—	13	3,5
40	В т. ч. иностранных ОИФ	—	2	2	0,5
41	Императорская символика	14	—	14	

Таблица 25
Иностранные обращения в цензуру МИДв за I полугодие 1896 г.²⁵

№	Отправитель отношения	Содержание материала	Упом. ОИФ	Ценз. зак-ние
1	СПб портовая таможня	Портрет олеографический	ИИВ	+
2	Рижская таможня	Портрет	ИИВ	+
3	Рижская таможня	Портрет	ИИВ	+
4	Варшавская таможня	Портрет	НII	+
5	Рижская таможня	Портрет	ИИВ	+
6	СПб портовая таможня	Портрет в медальоне, с подставкой	ИИВ	+
7	Варшавская таможня	Декалькомании (портреты из папье-маше)	ИИВ	+
8	СПб портовая таможня	Портрет на клеенке, ручной работы	НII	+
9	СПб портовая таможня	Портреты на этикетах для сигар	Имп.	—
10	СПб портовая таможня	Портрет олеографический	ИИВ	+
11	СПб портовая таможня	Клише для воспроизведения портретов	ИИВ	+
12	Московская таможня	Кожаные бумажник и портсигар с портретами	НII	—
13	Гербская таможня	Портреты на преискурантах	ОИФ	+
14	Рижская таможня	Портрет	НII	—
15	Границкая таможня	Брелоки в виде биноклей, с портретами	ИИВ АIII	+
16	СПб портовая таможня	Альбом с портретами	ОИФ	+
17	СПб портовая таможня	Шаблоны для изготовления клише портретов	Имп.	+

№	Отправитель отношения	Содержание материала	Упом. ОИФ	Ценз. зак-ние
18	Московская таможня	Фотопортреты	ОИФ	+
19	Сосновицкая таможня	Портреты	НII	+
20	Варшавская таможня	Портреты	ИИВ	+
21	СПб портовая таможня	Миниатюрные портреты на финифти	ИИВ	—
22	СПб портовая таможня	Портрет олеографический	ИИВ	+
23	Харьковская таможня	Гравированные валы, для тиснения портретов на шелке	ИИВ	+
24	Московская таможня	Портрет	Имп.	+
25	Московская таможня	Портрет	НII	—
26	Волочискская таможня	Портреты	ИИВ ОИФ	+
27	СПб портовая таможня	Портреты	ИИВ АIII	+
28	СПб портовая таможня	Контурный оттиск с портретов	АIII Вдов. Имп.	+
29	СПб портовая таможня	Портрет на фарфоре	Имп.	+
30	Одесская таможня	Альбом с портретами	ОИФ	+
31	СПб портовая таможня	Миниатюрные портреты на финифти	ИИВ	—
32	Одесская таможня	Портреты на жестяных кубках	ИИВ	—
33	СПб портовая таможня	Портрет олеографический	АIII Вдов. Имп.	+
34	СПб портовая таможня	Портреты на алюминиевых подносах	ИИВ	—
35	Варшавская таможня	Серебряные часы с портретами на циферблате	НII	+
36	Московская таможня	Портреты на бумаге и шелке	ИИВ	+
37	СПб сухопутная таможня	Портрет маслом	НII	+
38	СПб таможня при Финляндской жд	Портрет на фарфоре	ИИВ	+
39	Рижская таможня	Брелоки в виде биноклей, с портретами	ИИВ	+
40	СПб таможня при Финляндской жд	Портрет	ИИВ	+

№	Отправитель отношения	Содержание материала	Упом. ОИФ	Ценз. зак-ние
41	СПб сухопутная таможня	Медали алюминиевые с портретами	АIII	+
42	СПб портовая таможня	Портреты на слоновой кости	НII	+
43	Варшавская таможня	Портрет	Имп.	+
44	Одесская таможня	Портрет хромофотогравированный	ИИВ	+
45	СПб портовая таможня	Медали алюминиевые с портретами	ИИВ	—
46	Рижская таможня	Портрет	НII	+
47	Московская таможня	Стенки для календарей, с портретами	ИИВ	—
48	СПб портовая таможня	Портрет олеографический	ИИВ	+
49	Рижская таможня	Портрет	ИИВ	+
50	Рижская таможня	Портрет	ИИВ	+
51	СПб портовая таможня	Металлические запонки и брошки	ИИВ	—
52	СПб портовая таможня	Портреты на шелку и на бумаге	ИИВ АIII	+
53	Министерство финансов; Департамент таможенных сборов	Деревянные рамки для портретов, с изображением императорской символики	—	—
54	СПб таможня при Финляндской жд	Портрет	ИИВ	+
55	Варшавская таможня	Портрет	НII	+
56	СПб портовая таможня	Портрет из мозаики	ИИВ	+
57	СПб портовая таможня	Изделия из каучука, с портретами	ИИВ	+
58	СПб портовая таможня	Жетоны с портретами	ИИВ	—
59	Варшавская таможня	Листы с портретами иностранных ОИФ	НII Иностр.	+
60	СПб портовая таможня	Фотопортреты	НII	+
61	Рижская таможня	Портрет	ИИВ	+
62	Варшавская таможня	Портрет	ИИВ	+
63	СПб портовая таможня	Портрет	Вдов. Имп.	+
64	СПб портовая таможня	Миниатюрные портреты на финифти	ИИВ	—

№	Отправитель отношения	Содержание материала	Упом. ОИФ	Ценз. зак-ние
65	Варшавская таможня	Серебряные часы с портретами на циферблате	ИИВ	+
66	Рижская таможня	Портрет	ИИВ	+
67	СПб портовая таможня	Портрет на жести	ИИВ	+
68	Рижская таможня	Портрет	ИИВ	+
69	СПб портовая таможня	Портрет в коронационном одеянии	ИИВ	+
70	СПб сухопутная таможня	Портрет	Имп.	+
71	Варшавская таможня	Литографический камень для производства портретов	Имп.	+
72	СПб портовая таможня	Фотопортрет	АIII	+
73	Варшавская таможня	Серебряные часы с портретами на циферблате	ИИВ	+
74	Московская таможня	Бюст	НII	+
75	СПб портовая таможня	Портрет	Имп.	+
76	Варшавская таможня	Портрет, составленный из цифр и слов	НII	—
77	СПб портовая таможня	Портрет	АIII Вдов имп	+
78	Одесская таможня	Брелоки в виде биноклей, с портретами	ИИВ	—
79	СПб портовая таможня	Портреты на шелковой ленте, вытканые шелком	ИИВ	+
80	СПб портовая таможня	Фотонегативы портретов	ИИВ	+
81	СПб портовая таможня	Бюст	АIII	+
82	СПб портовая таможня	Брошюра с портретом	ИИВ	+
83	Рижская таможня	Портрет	ИИВ	+
84	Московская таможня	Медные и серебряные коллекционные медали	АIII	+
85	СПб сухопутная таможня	Мраморные медальоны с портретами	ИИВ	+
86	Варшавская таможня	Портрет	ИИВ	+
87	Министерство финансов; Департамент таможенных сборов	Этикетки для вина, с изображением императорской символики	—	+
88	Московская таможня	Жетоны алюминиевые	ИИВ	—

№	Отправитель отношения	Содержание материала	Упом. ОИФ	Ценз. зак-ние
89	Гербская таможня	Портрет	ИИВ	+
90	СПб портовая таможня	Бюст бронзовый	НII	+
91	СПб портовая таможня	Фотопортрет	ОИФ	+
92	Рижская таможня	Портрет	ИИВ	+
93	Варшавская таможня	Серебряные часы с портретами на циферблате	ИИВ	+
94	СПб портовая таможня	Фотопортреты	Имп. ВК Ольга Никола- евна	+
95	СПб портовая таможня	Бюст металлический	АIII	+
96	СПб портовая таможня	Фотопортрет	ОИФ	+
97	СПб портовая таможня	Раковина в футляре, с рельеф-ным портретом	АIII	+
98	СПб портовая таможня	Коробки со стеклянными встав-ками для брелоков	ИИВ	+
99	Севастопольская таможня	Портрет олеографический	ОИФ Иностр.	+
100	СПб портовая таможня	Фотопортреты	ИИВ	+
101	СПб портовая таможня	Металлические жетоны с изображением императорской символики	—	—
102	Московская таможня	Брошки металлические	ИИВ	—
103	Рижская таможня	Значки металлические	НII	+
104	СПб портовая таможня	Герб металлический	—	+
105	СПб сухопутная таможня	Книга с изображением герба, тисненным на обложке	—	+
106	Рижская таможня	Оттиск клише с изображением императорских регалий	—	+
107	СПб портовая таможня	Фотопортреты	ИИВ	+
108	Варшавская таможня	Серебряные часы с портретами на циферблате	ИИВ	+
109	СПб портовая таможня	Портрет наследника Георгия Александровича	Насл.	+
110	СПб портовая таможня	Фотографии бюстов	НII АIII	+
111	Московская таможня	Фотопортреты	ИИВ	+

№	Отправитель отношения	Содержание материала	Упом. ОИФ	Ценз. зак-ние
112	СПб портовая таможня	Портреты на стеклах	НII	—
113	Волочискская таможня	Металлические часы с портретами на циферблате	ИИВ	—
114	Рижская таможня	Портрет	НII	+
115	Варшавская таможня	Брелоки металлические	ИИВ	—
116	СПб портовая таможня	Фотогравюры	ОИФ	+
117	Московская таможня	Портреты хромофотографические	ИИВ АIII	+
118	СПб портовая таможня	Прибор для вдевания ниток в иголки	АIII	—
119	Московская таможня	Металлические часы с портретами на циферблате	ИИВ	—
120	Министерство финансов; Департамент таможенных сборов	Бритвы с портретами	НII	—
121	Одесская таможня	Брелоки металлические	ИИВ	—
122	СПб портовая таможня	Портреты на жестяных кружках	ИИВ	—

Таблица 26

Сводные итоги изучения иностранной цензуры МИДв за I полугодие 1896 г.²⁶

№	Изучаемая позиция	Всего за год, ед.	Доля, %
1	Обращений, всего	122	100
2	В т. ч. изображений	72	59,0
3	В т. ч. произведений искусства	23	18,9
4	В т. ч. часов	7	5,7
5	В т. ч. предметов широкого потребления	12	9,8
6	В т. ч. средств производства	8	6,6
7	Принято цензурных заключений, всего	122	100
8	В т. ч. положительных	96	78,7
9	В т. ч. отрицательных	26	21,3
10	Упоминаний ОИФ, всего	130	100
11	В т. ч. царствующего императора (НII)	21	16,2
12	В т. ч. царствующей императрицы (Александры Федоровны)	10	7,7

№	Изучаемая позиция	Всего за год, ед.	Доля, %
13	В т. ч. ИИВ	66	50,8
14	В т. ч. наследника	1	0,8
15	В т. ч. предшественника (АIII)	15	11,5
16	В т. ч. вдовствующей императрицы (Марии Федоровны)	5	3,8
17	В т. ч. великих князей	1	0,8
18	В т. ч. ОИФ	9	6,9
19	В т. ч. иностранных ОИФ	2	1,5
20	Изображений императорских регалий	6	

Таблица 27
Сводные итоги изучения структуры иностранных обращений
в цензуру МИДв за I полугодие 1896г.²⁷

№	Отправитель отношения	Всего за год, ед.	Доля, %
1	Отношений, всего	122	100
2	СПб портовая таможня	53	43,5
3	СПб сухопутная таможня	5	4,1
4	СПб таможня при Финляндской жд	3	2,5
5	Московская таможня	13	10,4
6	Варшавская таможня	16	13,1
7	Одесская таможня	5	4,1
8	Рижская таможня	16	13,1
9	Гербская таможня	2	1,6
10	Границкая таможня	1	0,8
11	Сосновицкая таможня	1	0,8
12	Волочискская таможня	2	1,6
13	Харьковская таможня	1	0,8
14	Севастопольская таможня	1	0,8
15	Министерство финансов; Департамент таможенных сборов	3	2,5

¹ РГИА. Ф. 472 (Канцелярии Министерства императорского двора). Оп. 9. Д. 2.

² Там же.

³ Там же.

- 4 Там же. Д. 32.
- 5 Там же.
- 6 Там же.
- 7 Там же. Оп. 31. Д. 7.
- 8 Там же.
- 9 Там же.
- 10 Там же. Оп. 16. Д. 8.
- 11 Там же.
- 12 Там же.
- 13 Там же. Д. 14.
- 14 Там же.
- 15 Там же.
- 16 Там же. Оп. 27. Д. 9.
- 17 Там же.
- 18 Там же.
- 19 Там же. Д. 12.
- 20 Там же.
- 21 Там же.
- 22 РГИА. Ф. 468 (Кабинета е.и.в.). Оп. 42. Д. 2042.
- 23 Там же.
- 24 Там же.
- 25 Там же. Д. 2041.
- 26 Там же.
- 27 Там же.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абаза Алексей Михайлович (1853–1915) — контр-адмирал, управляющий делами Особого комитета Дальнего Востока (1903–1905) 307

Абрикосов Алексей Иванович — купец, основатель кондитерской фирмы «Абрикосов и сыновья» 210

Адлерберг Александр Владимирович (1818–1888) — граф (1847), генерал-майор свиты (1855), флигель-адъютант (1855), генерал-лейтенант (1861), генерал от инфантерии (1869). Участник покорения Кавказа. Управляющий Канцелярией цесаревича (1850), временно управляющий его двором (1852), управляющий делами (1855) и командующий Императорской главной квартирой (1861), член Военного и Государственного советов (1866), товарищ министра (1867–1870) и министр императорского двора и уделов (1870–1881) 59, 72–73, 127, 195–199, 274, 276–290, 292–295, 315, 318, 320–321, 333, 344–347, 349

Адлерберг Владимир Федорович (1791–1884) — граф (1847), флигель-адъютант (1825), генерал-майор свиты (1828), генерал-адъютант (1828), генерал-лейтенант (1833), генерал от инфантерии (1843). Участник Отечественной войны (1812) и заграничных походов (1813–1814). Исправляющий должность директора (1827) и директор Канцелярии начальника Главного штаба (1828). Участник русско-турецкой войны (1828–1829). Начальник Военно-походной канцелярии его императорского величества и член Военного совета (1832), главноначальствующий над Почтовым департаментом (1842–1857, с оставлением членом Военного совета). Участник венгерской кампании (1849). Командующий Императорской главной квартирой (1856–1861), министр императорского двора и уделов и член Государственного Совета (1852–1870) 53, 57, 67–68, 70–71, 74, 94–95, 97, 99–100, 126, 130, 136, 145, 153, 156, 187–191, 194–195, 201, 272–276, 280, 293, 317–318, 345–347, 349

Адлерберг Екатерина Николаевна (урожденная Полтавцева) (1822–1910) — графиня, статс-дама, супруга А. В. Адлерберга 288

Адлерберг Николай Александрович (1844–1904) — граф, полковник Л.-Гв. Преображенского полка, сын А. В. Адлерберга 287

Адлерберги 13, 274–275

- Александр I Павлович** (1777–1825) — российский император (1801) 37, 42–43, 189, 191
- Александр II Николаевич** (1818–1881) — российский император (1855) 15, 24, 26, 37, 54–57, 66, 70, 72, 76, 97–98, 101–102, 126–127, 138, 145, 152–153, 156, 165–166, 173, 177, 187, 190–194, 196, 198, 200–202, 227, 249–253, 255, 258, 272, 274–276, 280–288, 290, 293, 346–349
- Александр III Александрович** (1845–1894) — российский император (1881) 15, 26, 76–77, 82, 103, 105, 127, 145, 149, 160, 166–167, 169, 172–175, 184, 198, 203–204, 213, 227, 252–255, 258–260, 285–286, 288–293, 295, 300, 322, 326–329, 331–332, 337, 347, 350
- Александр Македонский** — греческий царь и полководец 191
- Александр Михайлович** (1866–1933) — великий князь, сын великого князя Михаила Николаевича. Флигель-адъютант (1886), контр-адмирал свиты (1903), главноуправляющий Главным управлением торгового мореплавания и портов (1902–1905), вице-адмирал и генерал-адъютант (1909), адмирал (1915) 206, 211, 308–309
- Александра Петровна** (урожденная принцесса Ольденбургская) (1838–1900) — великая княгиня, дочь принца П. Г. Ольденбургского, супруга великого князя Николая Николаевича (Старшего) 221
- Александра Федоровна** (урожденная принцесса Прусская) (1798–1860) — российская императрица, супруга императора Николая I 188, 190, 252
- Александра Федоровна** (урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская) (1872–1918) — российская императрица, супруга императора Николая II 6, 77, 148, 168, 209, 229, 232–233, 242, 253–254, 260, 309, 348, 350–351
- Александровский И. Ф.** — русский фотограф 152
- Алексей Александрович** (1850–1908) — великий князь, сын императора Александра II, контр-адмирал свиты (1877), генерал-адъютант (1880), генерал-адмирал (1883), адмирал (1888). Член Государственного Совета (1881), главный начальник флота и морского ведомства (1881–1905), член Комитета Министров (1892–1905) 297, 308
- Алексей Николаевич** (1904–1918) — наследник-цесаревич, великий князь, сын императора Николая II 232
- Андреев В.** — преподаватель киевского института благородных девиц 199
- Андреев В. А.** — служащий Дирекции императорских театров 156
- Андрей** — дьяк Архангельского собора 39
- Андрей Владимирович** (1879–1956) — великий князь, сын великого князя Владимира Александровича, генерал-майор (1915) 311
- Анна Иоанновна** (1693–1740) — дочь царя Ивана V, супруга Фридриха-Вильгельма, герцога Курляндского (1710–1711), российская императрица (1730) 133
- Аракин Александр Тихонович** (1846–1891) — тайный советник, статс-секретарь Государственного Совета, помощник управляющего Кабинетом его императорского величества, директор Департамента Министерства юстиции (1890–1891) 324

- Аренский Антоний Степанович** (1861–1906) — композитор, пианист, дирижер. Профессор московской консерватории, управляющий Придворной Певческой капеллой (1895) 180
- Арсеньев Константин Константинович** (1837–1919) — юрист, публицист 22, 81–82
- Асикритов Д.** — русский фотограф 226
- Барановы** 275
- Барковец А. И.** 29
- Бартенев Петр Иванович** (1829–1912) — историк, редактор и издатель журнала «Русский архив» 273, 277
- Бярятинский Александр Иванович** (1815–1879) — князь, флигель-адъютант (1847), генерал-майор свиты (1848), генерал-лейтенант (1853), генерал от инфантерии (1856), генерал-адъютант (1853), генерал-фельдмаршал (1859). Наместник на Кавказе (1856–1862), член Государственного Совета (1860–1862) 291
- Башуцкий Александр Павлович** (1801–1876) — литератор 189
- Безобразов Александр Михайлович** (1855–1931) — действительный статский советник, член Особого комитета по делам Дальнего Востока (1903–1905), статс-секретарь (1903) 307–308
- Бейдеман Александр Егорович** (1826–1869) — академик живописи (1860), адъюнкт-профессор Академии художеств (1861) 191
- Беккер И.** — германский фабрикант 171
- Беллони** — художник 153
- Белов В. И.** — представитель Товарищества ткацкой мануфактуры в Москве 169
- Белосельский-Белозерский Константин Эсперович** (1843–1920) — князь, генерал-лейтенант (1906), генерал-адъютант (1906), член совета Главного управления государственного коннозаводства 303
- Беляков В. К.** 29
- Бенкендорф Александр Христофорович** (1783–1844) — граф, генерал, главноуправляющий III Отделением собственной его императорского величества Канцелярии 129–130
- Бенкендорф Павел Константинович** (1853–1921) — граф, генерал от кавалерии, обер-гофмаршал двора (1893) 303
- Бенуа А. Н.** — художник 337
- Бергамаско К. И.** — русский фотограф 226
- Бергер** — германский фабрикант 171
- Бередников Яков Иванович** (1793–1854) — историк, археограф, адъюнкт Академии наук (1841) 133–134
- Бильбасов Василий Алексеевич** (1837–1904) — историк, публицист, редактор газеты «Голос» 281
- Боборыкин Петр Дмитриевич** (1836–1922) — русский писатель 337
- Богданович Александра Викторовна** (урожденная Бутовская) — хозяйка влиятельного консервативного салона в Петербурге 13, 281, 295–296

- Бортнянский Дмитрий Степанович** (1751–1825) — русский духовный композитор 181
- Боткин Евгений Сергеевич** (1865–1918) — лейб-медик (1906) 312
- Брасс М.** — московский купец 168
- Бродский** — художник 190
- Брюллов Карл Петрович** (1799–1852) — русский художник 188
- Бузон Л.** — французский фабрикант 170
- Булгарин Фаддей Венедиктович** (1789–1859) — консервативный журналист, издатель журнала «Сын отечества» и газеты «Северная пчела» 144
- Булич Н. Н.** 43
- Булл К. К.** — русский фотограф 239
- Буркова Вильгельмина (Мина) Ивановна** (урожденная Гут) — дочь петербургского ремесленника, фаворитка В. Ф. Адлерберга 317
- Вазем Е. О.** — русская балерина 322
- Валуев Петр Александрович** (1814–1890) — граф (1880), камергер (1850), действительный тайный советник (1866), статс-секретарь (1859), управляющий делами Комитета Министров (1861), министр внутренних дел (1861–1868), сенатор (1861), член Государственного Совета (1868), министр государственных имуществ (1872–1879), председатель Комитета Министров (1879–1881) 13, 66, 194, 278, 287, 289, 291, 293–294, 324
- Варыпаев П. И.** 16
- Васильева Прасковья** — вдова купца 39
- Васильчикова Софья Николаевна** (урожденная княжна Мещерская) (1859 — после 1917) — княгиня 312
- Веселаго Феодосий Федорович** (1817–1895) — генерал-лейтенант, историк, цензор Петербургского Цензурного Комитета (1860), член Совета Главного управления по делам печати (1866–1881), член-корреспондент Академии наук (1879) 63
- Вешняков И.** — русский художник 39–40
- Вилламов** — коллежский советник 199
- Вильгельм I** (1797–1888) — король Прусский (1861), германский император (1871), брат императрицы Александры Федоровны, супруги Николая I 299
- Вильгельм II** (1858–1941) — король Прусский и германский император (1888–1918) 168, 310
- Витте Сергей Юльевич** (1849–1915) — граф (1905), действительный тайный советник (1899), статс-секретарь (1896). Директор Департамента железнодорожных дел Министерства финансов (1889–1892), управляющий Министерством путей сообщения и Министерством финансов (1892), министр путей сообщения (1902), министр финансов (1892–1903), председатель Комитета Министров (1903–1905), председатель Совета Министров (1905–1906), член Государственного Совета 13, 211, 239, 277, 285–286, 292, 296–297, 300–302, 305, 308, 311, 340

- Владимир Александрович** (1847–1909) — великий князь, сын императора Александра II, флигель-адъютант (1865), генерал-майор свиты (1868), генерал-адъютант (1872), генерал-лейтенант (1874), генерал от инфантерии (1880). Сенатор (1868), товарищ президента Академии художеств (1869–1876), член Государственного Совета (1872), главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1884–1905), президент Академии художеств (1876–1909) 203–204, 287–288, 295, 297, 299
- Воейков Владимир Николаевич** (1868–1947) — генерал свиты, дворцовый комендант (1913–1917) 13, 301, 304, 306, 310–312
- Волков Егор Егорович** (1816–1885) — драматург, цензор Петербургского Цензурного Комитета (1860–1864) 62–64
- Волков Н. Е.** 14–15
- Волконский Петр Михайлович** (1776–1852) — светлейший князь (1834), генерал-майор (1801), генерал-адъютант (1801), генерал-лейтенант (1813), генерал от инфантерии (1817), генерал-фельдмаршал (1850). Участник кампании 1806–1807, Отечественной войны (1812) и заграничных походов (1813–1814). Начальник Главного штаба (1815–1823), член Государственного Совета (1821), министр императорского двора и уделов и управляющий Кабинетом его императорского величества (1826–1852) 51, 94–95, 130–132, 135
- Вольтер** (настоящее имя Мари Франсуа Аруэ) (1694–1798) — французский мыслитель, писатель 134–135
- Вольф А. И.** 321
- Вонлярлярский Владимир Михайлович** — полковник, гофмейстер двора, помощник статс-секретаря (1901) 307
- Воронцов-Дашков Илларион Иванович** (1837–1916) — граф, генерал-майор свиты (1866), генерал-адъютант (1875), генерал-лейтенант (1876), генерал от кавалерии (1890). Участник покорения Кавказа, адъютант великого князя Александра Александровича (1861). Участник покорения Туркестана, помощник военного губернатора Туркестанской области (1866), командир Л.-Гв. Гусарского полка (1867) и бригады 2-й гвардейской кавалерийской дивизии (1873), начальник штаба Гвардейского корпуса (1874–1878), член совета Главного управления государственного коннозаводства (1874–1881). Во время русско-турецкой войны (1877–1878) — начальник кавалерии Рушукского отряда, состоящего под началом наследника цесаревича Александра Александровича, затем начальник 2-й гвардейской пехотной дивизии. Министр императорского двора и уделов (1881–1897), главноуправляющий государственным коннозаводством (1881–1897), председатель Комитета для рассмотрения представлений к высочайшим наградам (1892). Член Государственного Совета (1897), председатель Главного управления Российского общества Красного креста (1904), наместник на Кавказе, главнокомандующий войсками Кавказского военного округа и наказной атаман кавказских казачьих войск (1905–1915). 20, 74, 103–105, 108, 112, 114, 127, 146–147, 199–200, 203, 214, 274, 285, 287–

289, 291–300, 307–308, 311, 315, 323–324, 326–328, 330–332, 334–335, 345–348, 350

Воронцовы 13

Вурм Василий Васильевич (1826–1904) — капельмейстер музыкантских хоров войск гвардии (1869–1889) 180

Вяземский Александр — князь 133

Гагарин Сергей Владимирович — князь, гофмейстер двора, помощник начальника Канцелярии (1905), начальник Канцелярии Министерства императорского двора (1917) 300, 343–344

Гадон Владимир Сергеевич (1860–1937) — генерал-майор, адъютант великого князя Сергея Александровича (1891–1903), командир Л.-Гв. Преображенского полка (1904–1906) 297

Галковский Константин Михайлович (1875–1963) — композитор, музыкант, дирижер 181

Ганелин Р. Ш. 31

Георгий Михайлович (1863–1919) — великий князь, сын великого князя Михаила Николаевича, управляющий Русским музеем императора Александра III 242

Герасимова Ю. И. 22

Герцен Александр Иванович (1812–1870) — русский писатель и публицист 275

Гинзбург С. С. 28

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869–1945) — русская поэтесса 337

Глазунов Николай — капельмейстер кадрового батальона Л.-Гв. Резервного пехотного полка 180

Глинка Федор Николаевич (1786–1880) — русский литератор 132

Гозенпуд А. А. 321–322

Гогель Н. — отставной капитан 173

Головнин Александр Васильевич (1821–1886) — министр народного просвещения (1861–1866), член Государственного Совета 61, 273

Горбунова Юлия Александровна — супруга управляющего Ливадийским его императорского величества имением 253, 277, 283, 287

Горемыкин Иван Логгинович (1840–1917) — министр внутренних дел (1895–1899), председатель Совета Министров (1906, 1914–1916) 305–306, 309

Горлов-Карнинский А. П. — русский кинооператор 221

Городецкий Л. — русский фотограф 226, 230

Горфейн Г. М. 17

Григорьев Василий Васильевич (1816–1881) — ученый-ориенталист, начальник Главного управления по делам цензуры (1874–1880) 198

Гринштейн фон Д. А. — автор стихотворения 196

Гудим-Левкович Павел Константинович (1842–1907) — генерал-майор (1885), генерал-лейтенант (1895), генерал от инфантерии, помощник на-

чальника штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба (1890), помощник управляющего Главного управления уделов (1891–1893), управляющий Кабинетом его императорского величества (1893–1900), член Государственного Совета (1899) 205, 295, 299, 328, 335–336, 338

Гуркина И. В. 31

Гурко Василий Иосифович (1864–1937) — генерал от кавалерии, генерал-лейтенант, сын И. В. Гурко 302–303, 305, 307

Гурко Иосиф Владимирович (1828–1901) — флигель-адъютант (1860), генерал-майор свиты (1867), генерал-лейтенант (1876), генерал-адъютант (1877), генерал от кавалерии (1878), генерал-фельдмаршал (1894). Помощник главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, временный петербургский генерал-губернатор (1879–1880), временный одесский генерал-губернатор и командующий войсками Одесского военного округа (1882–1883), варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа (1883–1894), член Государственного Совета (1884) 282

Дальман А. — серебряных дел мастер 175

Данилов Юрий Никифорович (1866–1937) — генерал-квартирмейстер Генерального штаба (1908–1914) 301

Дедюлин Владимир Александрович (1858–1913) — генерал-майор (1900), генерал-лейтенант (1908), генерал-адъютант (1908). Начальник Управления военных сообщений (1900), начальник штаба Отдельного корпуса жандармов (1903), петербургский градоначальник (1905), командир Отдельного корпуса жандармов (1905), дворцовый комендант (1906–1913) 241

Дельсаль Алексей Петрович (1830–1902) — генерал-майор, заведующий Петербургским дворцовым управлением (1880) 283

Деянов Иван Давыдович (1817–1897) — граф (1888), камергер (1849), действительный тайный советник (1873), статс-секретарь (1867). Попечитель Петербургского учебного округа (1858–1866), директор Императорской публичной библиотеки (1861–1888), сенатор (1865), член Главного управления цензуры (1861), товарищ министра (1866–1874) и министр народного просвещения (1882–1897), член Государственного Совета (1874) 279

Демчинский Николай Александрович (1851–1915) — инженер путей сообщения, журналист, издатель 177

Деньер Генрих (Андрей) Иванович (1820–1892) — русский фотограф 152–153, 226–227

Дехтярев Д. Н. — владелец мастерской золотых и серебряных изделий 173

Джаншиев Г. А. 22

Джунковский Владимир Федорович (1865–1938) — генерал-майор (1908), московский губернатор (1905–1913), товарищ министра внутренних дел (1913–1915) 13, 292, 301, 312, 341

- Долгорукова Екатерина Михайловна** (1847–1922) — княжна, фрейлина, светлейшая княгиня Юрьевская (1880), морганатическая супруга императора Александра II (1880) 282–285
- Долгоруков Петр Владимирович** (1816–1868) — князь, политический эмигрант, журналист 275
- Дранков Александр Осипович** (1880–1948) — русский фотограф, оператор, кинопромышленник 29, 232, 239
- Дрентельн Александр Александрович** (1868–1925) — генерал-майор свиты, флигель-адъютант при Императорской главной квартире, сын А. Р. Дрентельна 242
- Дрентельн Александр Романович** (1820–1888) — генерал-майор свиты (1864), генерал-лейтенант (1865), генерал-адъютант (1867), генерал от инфантерии (1878). Шеф жандармов и главный начальник III отделения Собственной его императорского величества Канцелярии (1878–1880), член Государственного Совета (1880) 281
- Друцкой-Любецкой Владислав Игнатьевич** — князь, действительный статский советник в должности шталмейстера двора, директор Канцелярии Министерства императорского двора (1883–1884) 334
- Евдокимов Е. А.** — владелец типографии 206
- Екатерина I Алексеевна** (урожденная М. Скавронская) (1684–1727) — российская императрица (1725) 132, 202
- Екатерина II Алексеевна** (урожденная принцесса Ангальт-Цербстская) (1729–1796) — российская императрица (1762) 40–41, 133–134
- Елена Владимировна** (1882–1938) — великая княгиня, дочь великого князя Владимира Александровича 240
- Елена Павловна** (урожденная принцесса Вюртембергская) (1806–1873) — великая княгиня, супруга великого князя Михаила Павловича 196
- Елизавета Петровна** (1709–1761) — российская императрица (1741) 39–40
- Елизавета Федоровна** (урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская) (1864–1918) — великая княгиня, супруга великого князя Сергея Александровича, сестра императрицы Александры Федоровны 298
- Елизаров Федор** — батырщик 39
- Епанчин Николай Александрович** (1857–1941) — генерал, директор Пажеского корпуса 13, 212, 292, 301
- Ерошкин Н. П.** 14, 17–20, 94
- Жидков Г. П.** 19
- Жирков Г. В.** 25, 51
- Заельская Ванда** — вдова титулярного советника 228
- Зайончковский П. А.** 18
- Заруднев Иван Иванович** — русский иконописец, супер-интендант 38–39
- Земляницын Н. Г.** — отставной урядник 204

Зильбербаум Л. Г. — варшавский фабрикант 171

Зиновьев Василий Васильевич (1814–1891) — генерал-адъютант (1870), генерал от инфантерии (1884), гофмаршал двора наследника цесаревича Александра Александровича (1868–1881), заведующий делами и конторой августейших детей и Собственным (Аничковым) дворцом его императорского величества (1881) 198, 291

Зотовы — петербургские рыбопромышленники 213

Иван IV Васильевич (Грозный) (1530–1584) — русский царь (1547) 133–134

Иванов Владимир Михайлович — действительный статский советник, врач при Московском Дворцовом управлении 213

Иванов В. — купеческий сын, ученик шестого класса харьковской 3-й гимназии 201

Иванов Василий Андреевич — титулярный советник, младший помощник делопроизводителя I делопроизводства (1898) Канцелярии Министерства императорского двора 37

Имеретинский Александр Константинович (1837–1900) — светлейший князь, флигель-адъютант (1867), генерал-майор свиты (1869), генерал-лейтенант (1877), генерал-адъютант (1878), генерал от инфантерии (1891). Начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа (1879), начальник Главного военно-судного управления и главный военный прокурор (1881), член Государственного Совета (1892), варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа (1897) 223

Индова Е. И. 19

Инсарский Василий Антонович (1814–1883) — чиновник почтового ведомства (1852–1856), вице-директор, позже директор канцелярии казакского наместника князя А. И. Барятинского (1857–1862), московский почт-директор (1866–1872), тайный советник (1878) 273–274

Исаков — купец Гостиного двора 169

Исмаил-Заде Д. И. 20, 293

Казаков С. 29

Казакова С. 29

Калугин — придворный репортер 331

Каменев Владимир Павлович — член Совета Кабинета его императорского величества 303

Канкрин Егор Францевич (1774–1845) — граф, министр финансов (1823–1844) 50

Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) — русский писатель, журналист, историк 134

Кирилин Андрей Николаевич — тайный советник, управляющий (1871–1882) и директор Канцелярии Министерства императорского двора (1882–1883) 195, 199, 333–334

- Кистер Карл Карлович** (1820–1893) — барон, действительный тайный советник (1874), статс-секретарь (1880). Товарищ (1855) и управляющий Императорским Ботаническим садом (1857), управляющий Контролем Министерства императорского двора (1859), заведующий Кассой Министерства императорского двора (1863), директор Императорских театров (1875) 315–323, 326, 333
- Кистер Оттон Карлович** — барон, сын К. К. Кистера, церемониймейстер двора, начальник Материального отделения при Контроле МИДв 319
- Китицыны П. Т.** 15, 97
- Клейнмихель Мария Эдуардовна** (1846–1923) — графиня 13, 278, 311
- Кобеко Дмитрий Фомич** (1837–1912) — директор Императорской публичной библиотеки (1902), член Государственного Совета (1901), председатель Особого Совещания для составления проекта нового устава о печати (1905), действительный тайный советник 78, 259
- Коковихин А. Н.** 15–16
- Коковцов Владимир Николаевич** (1853–1943) — государственный секретарь (1902–1904), министр финансов (1904–1914), председатель Совета Министров (1911–1914) 85, 306
- Колокольцов Дмитрий Григорьевич** — генерал-лейтенант 277
- Кони Анатолий Федорович** (1844–1927) — действительный тайный советник (1910). Юрист, сенатор (1891), член Государственного Совета (1907) 337
- Константин Константинович** (1858–1915) — великий князь, сын великого князя Константина Николаевича. Поэт, президент Академии наук (1889) 174, 297
- Константин Николаевич** (1827–1892) — великий князь, сын императора Николая I. Флигель-адъютант (1845), контр-адмирал свиты (1848), генерал-адъютант (1852), вице-адмирал (1853), адмирал (1855), генерал-адмирал (1861). Товарищ начальника Главного морского штаба (1852), управляющий флотом и Морским министерством (1855–1881), председатель Главного комитета по крестьянскому делу (1860) и Главного комитета по устройству сельского состояния (1861–1881), наместник в Царстве Польском (1862–1863), член (1849–1865) и председатель (1865–1881) Государственного Совета 187, 190, 198, 201, 203, 258, 289, 318
- Копейкин** — крестьянин Ярославской губернии, бронзовых дел мастер 173
- Коровин** — придворный репортер 331
- Корф Модест Андреевич** (1800–1876) — барон, директор Императорской публичной библиотеки (1849–1861) 129
- Косич А. Н.** 218
- Кочубей Виктор Сергеевич** (1860–1923) — князь, флигель-адъютант (1894), генерал-майор свиты (1899), генерал-лейтенант и генерал-адъютант (1909), начальник Главного управления уделов (1899–1917) 218, 242, 312
- Кракау Александр Иванович** (1817–1888) — русский архитектор, академик и профессор Академии художеств 320

- Кривенко Василий Силович** (1854–1931) — помощник юрисконсульта Министерства императорского двора (1881–1885), старший секретарь (1885) и начальник Канцелярии министра двора (1888–1897) 13, 15, 103, 105, 107, 147–149, 200, 214, 229, 274, 278, 280, 288, 290, 292, 294, 296, 299, 315, 318, 322–324, 326–335, 338, 344
- Кром М. М.** 31
- Крылов Александр Лукич** (1798–1853) — профессор Петербургского университета, цензор Петербургского Цензурного Комитета 133
- Ксения Александровна** (1875–1960) — великая княгиня, дочь императора Александра III, супруга великого князя Александра Михайловича 182
- Кузнецов А. В.** — петербургский купец 207
- Кузнецов Иван Емельянович** — владелец фарфоровой фабрики в Чудово Новгородской губернии 168, 216
- Кузнецов Матвей Сидорович** — владелец фарфоровой фабрики в Риге 216
- Куликов С. В.** 31, 216, 304
- Куропаткин Алексей Николаевич** (1848–1925) — генерал-майор (1882), генерал-лейтенант (1890), генерал от инфантерии (1900), генерал-адъютант (1902). Управляющий Военным министерством (1898), военный министр (1898–1904), главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке (1904–1905) 301
- Кюстер** — придворный портной 192
- Лагода** — служащий Петербургского почтамта 163
- Лажечников Иван Иванович** (1792–1869) — русский писатель 133–134, 191
- Ламздорф Владимир Николаевич** (1845–1907) — граф, директор Канцелярии Министерства (1880–1897), товарищ министра (1897–1900), министр иностранных дел (1900–1906) 13, 280
- Ланской Василий Сергеевич** (1762–1831) — министр внутренних дел (1823–1827) 45
- Лапин В. В.** 31
- Лашкевич О. И.** — владелец типолитографии 210
- Лебедев** — чиновник провиантского департамента 52
- Левицкий Лев Сергеевич** — фотограф, сын С. Л. Левицкого 227–228
- Левицкий Сергей Львович** (1819–1898) — придворный фотограф 152–153, 226–227, 230
- Левыкин А. К.** 27–28
- Лейхтенбергский Максимилиан** (1817–1852) — герцог, сын Е. Богарне (пасынка Наполеона I), муж великой княгини Марии Николаевны (дочери императора Николая I). Президент Академии художеств (1843) 135
- Лемке М. К.** 22, 55
- Ленин Владимир Ильич** (1870–1924) — политический деятель 243
- Ливен Карл Андреевич** (1767–1844) — князь, генерал-лейтенант, генерал от инфантерии (1827), министр народного просвещения (1828–1833) 50, 52, 132

- Липатов И. Н.** — крестьянин Саратовской губернии 163
- Лобачева Г. В.** 31
- Лопухин Владимир Борисович** (1871 — после 1940) — директор II департамента Министерства иностранных дел (1914–1917) 304
- Лубэ Эмиль** (1838–1929) — президент Французской республики (1899–1906) 177
- Люмьер братья** — изобретатели кинематографа 220
- Магидов В. П.** 29, 224
- Майков Аполлон Николаевич** (1821–1897) — русский поэт 337
- Макаров** — петербургский мещанин 173
- Маклаков Николай Алексеевич** (1871–1918) — министр внутренних дел (1913–1915) 218
- Максимович Константин Клавдиевич** — генерал от кавалерии, варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа (1905), помощник командующего Императорской главной квартиры (1915) 303
- Маломерков Т. А.** — казанский кондитер 173
- Мария Александровна** (1853–1920) — великая княжна, дочь императора Александра II, супруга принца Эдинбургского 188
- Мария Александровна** (урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская) (1824–1880) — российская императрица, супруга императора Александра II 190, 215, 253, 274, 282, 284
- Мария Николаевна** (1819–1876) — великая княжна, дочь императора Николая I. Президент Академии художеств (1852) 196, 199
- Мария Федоровна** (урожденная принцесса Вюртемберг-Штутгартская) (1759–1828) — российская императрица, супруга императора Павла I 272
- Мария Федоровна** (урожденная принцесса Датская) (1847–1928) — невеста наследника цесаревича Николая Александровича (1864), российская императрица, супруга императора Александра III 153–154, 156, 172–174, 203, 216, 239, 253, 285, 300, 350
- Матушевский Болеслав Александрович** — польский фотограф и кинооператор 29, 223–226, 234
- Матье Е.** — французский кинооператор 221, 225
- Мейендорф Петр Казимирович** (1796–1863) — барон, действительный тайный советник, обер-гофмейстер двора (1857). Посланник в Вюртемберге (1832), Берлине (1839), Вене (1850), член Государственного Совета (1854), управляющий Кабинетом его императорского величества (1859) 317
- Мейендорф** — баронесса, супруга П. К. Мейендорфа 317
- Мейснер Александр Карлович** — статский советник, временно исполняющий обязанности директора Канцелярии Министерства императорского двора (1859–1860) 333
- Мельник (Боткина) Татьяна Евгеньевна** — дочь лейб-медика Е. С. Боткина 312

Мельников Иван Александрович (1832–1906) — певец Императорских театров 322

Мельникова О. Б. 28

Менгден фон В. И. — русский фотограф 202

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866–1941) — русский писатель 337

Мещерский Владимир Петрович (1838–1914) — князь, публицист, издатель газеты «Гражданин» 13, 215, 292, 294

Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912) — граф (1878), генерал-майор свиты (1855), генерал-лейтенант (1858), генерал-адъютант (1859), генерал от инфантерии (1866), генерал-фельдмаршал (1898). Товарищ военного министра (1860) и военный министр (1861–1881), член Государственного Совета (1881) 13, 274, 283–284

Милютин Д. Ю. 31

Михаил Николаевич (1832–1909) — великий князь, сын императора Николая I. Флигель-адъютант (1850), генерал-майор свиты (1852), генерал-адъютант и генерал-лейтенант (1856), генерал от артиллерии (1860), генерал-фельдмаршал (1878). Наместник на Кавказе (1863–1881), член (1852) и председатель Государственного Совета (1881–1905), член Комитета Министров (1883) 136, 203, 324

Михаил Павлович (1798–1849) — великий князь, сын императора Павла I. Генерал-фельдцейхмейстер, командующий Гвардейским и Гренадерским корпусами (1844) 136, 196, 316

Михайлов Алексей Иванович — надворный советник, старший казначей Кассы Министерства императорского двора (1879) 276, 282, 288, 319, 321, 333

Михайловичи 309

Михельсон-Беггрова П. — вдова гельсингфорского купца 154

Монтебелло Луи Густав — маркиз, французский посол в России (1891–1903) 297

Мосолов Александр Александрович (1854–1939) — флигель-адъютант (1901), генерал-майор свиты (1902), генерал-лейтенант (1908). Адъютант командующего войсками Киевского военного округа (1885), адъютант военного министра (1886), помощник начальника Варшавского дворцового управления (1898), исправляющий должность (1900) и начальник Канцелярии Министерства императорского двора (1902–1916) 13, 79–80, 116–119, 148, 208–209, 211, 231, 244–246, 296–297, 300–304, 306, 311–313, 339–344, 352, 363

Мсерианц З. М. 74

Мусин-Пушкин Михаил Николаевич (1795–1862) — тайный советник, председатель Петербургского Цензурного Комитета, попечитель Петербургского учебного округа 333

Муханов Николай Алексеевич (1804–1871) — тайный советник, товарищ министра народного просвещения (1858–1861), член Главного управления цензуры 59

Мясковский — композитор 182

Направник Эдуард Францевич (1839–1916) — русский дирижер и композитор, главный капельмейстер Мариинского театра (1869) 321

Насветевич Александр Александрович — флигель-адъютант (1875), генерал-майор (1882), фотограф 227–228

Неннингер Борис Иванович — коллежский советник, помощник делопроизводителя II Делопроизводства Канцелярии Министерства императорского двора 148, 151

Несмеянова И. В. 20

Никитенко Александр Васильевич (1804–1877) — тайный советник, профессор Петербургского университета, цензор, действительный член Академии наук 13, 51, 63–64, 278–280, 333

Николай I Павлович (1796–1855) — российский император (1825) 11, 25, 37, 42–43, 45, 49–55, 57, 83, 93–95, 97, 129, 131–133, 135–137, 142, 184, 187–189, 211, 249, 251–253, 258, 260, 272–275, 346–347, 349

Николай II Александрович (1868–1918) — российский император (1894–1917) 6, 25–26, 28–30, 77, 127, 145, 154, 167–168, 171–172, 174–180, 203, 205, 208, 210–212, 214–215, 220, 223, 225, 227–232, 240–243, 252–255, 259–260, 296–300, 303, 305–311, 313–314, 331–332, 341–343, 345, 347–349, 350–351

Николай Александрович (1843–1865) — великий князь, сын императора Александра II наследник цесаревич (1855) 154, 156, 163, 254

Николай Михайлович (1859–1919) — великий князь, сын великого князя Михаила Николаевича. Генерал-лейтенант, историк, председатель Русского географического (1892) и Русского исторического (1910) обществ 300, 303

Николай Николаевич (Старший) (1831–1891) — великий князь, сын императора Николая I. Флигель-адъютант (1850), генерал-майор свиты (1852), генерал-адъютант и генерал-лейтенант (1856), инженер-генерал (1860), генерал-фельдмаршал (1878), генерал-инспектор кавалерии и инженерной части (1864–1891). Командир Гвардейского резервного кавалерийского корпуса (1859), командир Отдельного гвардейского корпуса (1862), командующий (1864) и главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1867–1880), главнокомандующий действующей армией на Балканах (1877–1878), член Государственного Совета (1855) 136, 198, 255

Николай Николаевич (Младший) (1856–1929) — великий князь, сын великого князя Николая Николаевича (Старшего). Флигель-адъютант (1876), генерал-майор (1885), генерал-лейтенант (1893), генерал-адъютант (1894). Генерал-инспектор кавалерии (1895), председатель Совета государственной обороны (1905–1908), главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1905–1914), верховный главнокомандующий (1914–1915), наместник на Кавказе (1915–1917) 305

Нильский А. А. — русский актер 319

Новосильцев Антон Васильевич — генерал-адъютант, генерал от кавалерии, командир Л.-Гв. Казачьего полка 303

Новожилова И.В. 23

Нотович Н. — композитор 182

Нотович О. 22, 41

Оберт Карл Станиславович (1811–1871) — цензор Петербургского Цензурного Комитета (1859–1865) 62–64

Оболенский В. — князь, друг императора Александра III 291

Оболенский Дмитрий Александрович (1822–1881) — князь, статс-секретарь, товарищ министра государственных имуществ (1870–1872), член Государственного совета (1872) 61, 65–66

Оболенский Николай Дмитриевич (1860–1912) — князь, флигель-адъютант, управляющий Кабинетом его императорского величества 154, 241, 303

Олин Валериан Николаевич (1790–после 1841) — русский писатель 133

Одоевский-Маслов Николай Николаевич (1849–1919) — князь, генерал-лейтенант (1904), генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Войсковой наказной атаман Войска Донского (1905–1907), начальник Московского дворцового управления (1907) 303

Ольга Николаевна (1895–1918) — великая княжна, дочь императора Николая II 229

Ольденбургская Евгения Максимилиановна (урожденная княгиня Лейхтенбергская) (1845–1925) — княжна Романовская, внучка императора Николая I, супруга А.П.Ольденбургского 178

Ольденбургский Александр Петрович (1844–1932) — принц, флигель-адъютант (1865), генерал-майор свиты (1871), генерал-лейтенант (1880), генерал-адъютант (1881), генерал от инфантерии (1895). Командир Л-Гв. Преображенского полка (1870–1876), член Государственного совета (1896) 199

Оприц Николай Ильич — тайный советник, делопроизводитель Административного отдела Кабинета его императорского величества (1888–1897) и II Делопроизводства Канцелярии Министерства Императорского двора (1897) 29, 148–149, 212, 218, 221, 223, 236–237, 328, 342, 344–345

Оржеховский И.В. 24

Орлов Алексей Федорович (1786–1861) — граф (1825), князь (1856), главноуправляющий III Отделением Собственной его императорского величества Канцелярии (1844–1856), председатель Государственного Совета и Комитета Министров (1856–1861) 52

Орлов Владимир Николаевич (1868–1927) — генерал-лейтенант, помощник начальника (1901–1906), затем начальник Военно-походной канцелярии его императорского величества (1906–1915) 303

Оцуп Петр Адольфович (1883–1963) — советский фотограф, брат А. А. Оцу-па 243

Оцуп Александр Адольфович — русский фотограф 239–243

Павел I Петрович (1754–1801) — российский император (1796) 28, 41, 133, 256, 272

- Пазетти Аниклид Александрович** — русский фотограф 226, 230
- Панаев Владимир Иванович** (1792–1859) — статс-секретарь, директор Канцелярии Министерства императорского двора (1832–1859) 137, 145, 333
- Панаев Иван Иванович** (1812–1862) — русский писатель и журналист, издатель журнала «Современник», брат В. И. Панаева 333
- Паскевич-Эриванский Иван Федорович** (1782–1856) — граф, генерал-фельдмаршал, светлейший князь Варшавский, главнокомандующий на Кавказе (1827–1830), наместник Царства Польского (1832–1856) 132
- Патрушева Н. Г.** 24–25, 70
- Перегудова З. И.** 30
- Перетц Егор Абрамович** (1833–1899) — государственный секретарь (1878–1883), член Государственного Совета (1883) 13, 284–285, 323
- Переяславцев Петр Андреевич** (1858–1915) — полицмейстер императорских театров в Москве 303
- Перовский Лев Алексеевич** (1792–1856) — граф (1849), камергер и действительный тайный советник (1843), генерал от инфантерии (1854), генерал-адъютант (1856). Исправляющий должность вице-президента (1828) и вице-президент Департамента уделов (1828–1840), сенатор (1831), товарищ министра уделов и член Государственного Совета (1840–1852), министр внутренних дел (1841–1852, с оставлением в предыдущих должностях), министр уделов, управляющий Кабинетом его императорского величества и Академией художеств (1852–1856) 95, 333
- Петр I Алексеевич** (1672–1725) — русский царь (1682–1721), российский император (1721–1725) 16, 25–26, 38–39, 82, 132–133, 189, 202, 217
- Петр III Федорович** (1728–1762) — российский император (1761) 39
- Петров Николай Степанович** (1833–1913) — действительный тайный советник, статс-секретарь (1885). Управляющий Омской (1865), Иркутской (1867), Пермской (1868) и Петербургской (1876) контрольными палатами, Временной ревизионной комиссией (1878). Член Комиссии для составления положений о контроле и кассе Министерства императорского двора (1881–1882), главный контролер Министерства императорского двора (1883–1893), заведующий (1884–1888) и управляющий (1888–1893) Кабинетом его императорского величества, член Государственного Совета (1893), член Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах (1894) и Комитета призрения заслуженных гражданских чиновников (1894) 200–203, 205, 295, 299, 323–326, 328, 334–336, 338
- Пешков** — чиновник дирекции петербургских театров 317, 319–320
- Пиорковский А.** — композитор 181
- Плешко Павел Степанович** (1814–1873) — советник, бухгалтер Императорского Ботанического сада 318
- Плюшар** — французский гражданин 153

- Победоносцев Константин Петрович** (1827–1907) — действительный тайный советник (1883), правовед, литератор. Профессор Московского университета (1860), сенатор (1868), член Государственного Совета (1872), обер-прокурор Священного Синода и член Комитета Министров (1880–1905), статс-секретарь (1894) 212, 285
- Погодин Михаил Петрович** (1800–1875) — историк, профессор Московского университета, академик, издатель журналов «Московский вестник» (1827–1830) и «Москвитянин» (1841–1856) 132
- Половцов Александр Александрович** (1832–1909) — государственный секретарь (1883–1892), действительный тайный советник (1885), член Государственного Совета, депутат Государственной Думы 13, 285–289, 293, 295, 323–324, 335–337
- Половцов Анатолий Викторович** (1849–1905) — действительный статский советник, историк, археолог, литератор, драматург. Заведующий Земельно-заводским отделом (1883–1890) и Административным отделом (1890–1897) Кабинета его императорского величества, заведующий Общим архивом Министерства императорского двора (1898–1905) 13, 205, 213, 277, 284, 287–288, 300, 324–325, 335–339, 342, 352
- Половцов Виктор Андреевич** (1803–1866) — филолог, педагог, отец А. В. Половцова 336
- Половцовы** 13
- Пономарев Е. П.** — автор 181
- Порошин Семен Андреевич** (1741–1769) — публицист, переводчик, педагог, флигель-адъютант Екатерины II (1761), воспитатель наследника цесаревича Павла Петровича (1762–1765) 133
- Прадин Ж.** — французский кинооператор 221
- Привалов И. Н.** — доверенное лицо Пермского губернского земства 200–201
- Пружан С.** — варшавский фабрикант 171
- Пушкин Александр Сергеевич** — русский поэт и писатель 134
- Равали Л.** — французский предприниматель 170
- Рангоф П.** — дерптский мещанин 180
- Распутин Григорий Ефимович** (1872–1916) — крестьянин, пользующийся влиянием при дворе императора Николая II (1905–1916) 311–312, 342
- Рахманинов Федор Иванович** (1825–1880) — цензор Петербургского (1860–1862) и Московского (1862–1880) Цензурных Комитетов 62
- Ревиндер Константин Григорьевич** (1814–1886) — генерал-лейтенант, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, управляющий Царскосельским дворцовым управлением, затем — Кабинетом его императорского величества 337
- Редигер Александр Федорович** (1853–1920) — генерал-майор (1893), генерал-лейтенант (1900), генерал от инфантерии (1907). Профессор Николаевской академии Генерального штаба (1884), исправляющий должность начальника (1898) и начальник Канцелярии Военного министерства (1901),

военный министр (1905–1909), член Государственного Совета (1909) 301, 305

Рейтерн Михаил Христофорович (1820–1890) — граф, министр финансов (1862–1878) 75

Рихтер Оттон Борисович (1830–1908) — флигель-адъютант (1859), генерал-майор свиты (1865), генерал-адъютант (1871), генерал от инфантерии (1886). Командующий Императорской главной квартирой (1881–1898), член Государственного Совета (1887) 291

Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) — депутат и председатель Государственной Думы (1911–1917) 301, 306

Рождественский С. В. 22, 51

Розенберг В. 22, 45

Рубо Франц Алексеевич (1856–1928) — русский художник-баталист, основоположник панорамного искусства в России 242

Рыдзевский Константин Николаевич (1852–1929) — генерал-майор, исправляющий должность заведующего Канцелярии Министерства императорского двора (1897–1900), исправляющий должность управляющего Кабинетом его императорского величества (1900–1904), товарищ министра внутренних дел и командир корпуса жандармов (1904–1905) 116, 221, 224, 300, 339–341, 345

Рылеев Александр Михайлович (1830–1907) — генерал-адъютант, командующий Императорской главной квартирой (1864–1881) 284

Сазонов Сергей Дмитриевич (1861–1927) — товарищ министра (1909–1910) и министр иностранных дел (1910–1916) 310

Святополк-Мирский Николай Иванович — князь, наказной атаман Войска Донского (1881–1898) 287, 294

Святополк-Мирский Петр Дмитриевич (1857–1914) — князь, генерал-адъютант, министр внутренних дел (1904–1905) 311

Сегессер А. В. — содержательница кондитерской 207

Семенов Василий Николаевич (1801–1863) — литератор, цензор Петербургского Цензурного Комитета (1830–1836) 132

Семенов-Тянь-Шанский Петр Петрович (до 1906 г. Семенов) (1827–1914) — географ, статистик, академик, президент Русского географического общества 274

Сергей Александрович (1857–1905) — великий князь, сын императора Александра II. Флигель-адъютант (1876), генерал-майор (1887), генерал-адъютант (1891), генерал-лейтенант (1896). Командир Преображенского полка (1887), московский генерал-губернатор (1891–1905), член Государственного Совета (1894), командующий войсками Московского военного округа (1896) 168–169, 297–298

Симятицкий — германский фабрикант 171

Ситников И. Ф. — директор Канцелярии Министерства императорского двора (1826–1832) 333

Скабичевский А. М. 22

Скалон Николай Антонович (1832–1903) — генерал-лейтенант, обер-гофмейстер двора, управляющий двором великого князя Владимира Александровича 299

Скальковский К. А. 277–278, 280, 321–322

Скоробогатов А. В. 28

Соколов И. — живописец 40

Соколов Ф. А. — академик живописи 153

Соловьев Александр Константинович (1846–1879) — террорист, совершивший покушение на императора Александра II 15 апреля 1879 г. 281

Соловьев Ю. Б. 18, 293

Соломирский В. Д. — автор 142

Сонкин М. И. — землемер 204

Софер И. — французский художник 208

Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) — граф (1839), государственный секретарь (1810–1812) 48

Стасов Владимир Васильевич (1824–1906) — музыкальный и художественный критик 129

Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) — председатель Совета Министров и министр внутренних дел (1906–1911) 218, 235, 246, 312

Строев В. Н. 16

Стромилов — отставной поручик 196

Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) — владелец и издатель газеты «Новое время» 229, 286, 322, 328, 331

Сусанин Иван — крестьянин Костромской губернии, герой Смутного времени 197

Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926) — генерал-майор (1890), генерал-лейтенант (1898), генерал от инфантерии и кавалерии (1906), генерал-адъютант (1912). Начальник штаба (1899), помощник командующего (1902) и командующий войсками Киевского военного округа (1904), Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор (1905, с оставлением в предыдущей должности), начальник Главного управления Генерального штаба (1908), военный министр (1909–1915), член Государственного Совета (1911–1916) 311

Сюряков — академик, придворный гравер 192

Тарновский Александр Петрович — тайный советник, директор Канцелярии Министерства императорского двора (1861–1871) 189, 333

Татьяна Николаевна (1897–1918) — великая княжна, дочь императора Николая II 229

Теляковский Владимир Аркадьевич (1861–1924) — директор императорских театров (1901–1917) 303, 308, 312, 340–341

Тимашев Александр Егорович (1818–1893) — генерал-адъютант, управляющий III Отделением собственной его императорского величества Кан-

целярии (1856–1861), министр почт и телеграфа (1867–1868), министр внутренних дел (1868–1878) 59, 196

Тимофеев Конон — сторож таможни 39

Толстая Александра Андреевна (1818–1904) — графиня, фрейлина 13, 278, 281–284, 290

Толстой Иван Иванович (1858–1916) — граф, вице-президент Академии художеств (1893), министр народного просвещения (1905–1906) 13, 230, 303

Толстой Иван Матвеевич (1806–1867) — обер-гофмаршал двора, главноначальствующий над Почтовым департаментом (1863–1865), министр почт и телеграфа (1865–1867) 163

Топоров — учитель одесской городской гимназии 190

Трепов Дмитрий Федорович (1855–1906) — генерал-майор свиты (1905), московский обер-полицмейстер (1896–1905), петербургский генерал-губернатор (1905), товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов (1905), дворцовый комендант (1905–1906) 301, 303–304

Треповы 304

Тройницкий Александр Григорьевич (1807–1871) — сенатор, член Главного управления цензуры (1853–1863), товарищ министра внутренних дел (1861–1867), член Государственного Совета 279

Трубецкой Никита Юрьевич (1699–1767) — князь, генерал-прокурор (1740–1760) 39

Трубецкой Сергей Никитич (1829–1899) — князь, генерал-лейтенант (1877), действительный тайный советник (1888), обер-гофмаршал двора (1888), начальник Главного дворцового управления, директор Императорского Эрмитажа (1893) 323

Турунов Михаил Николаевич (1814–1890) — начальник Петербургского Цензурного Комитета. (1863), член Совета Главного управления по делам печати (1865), сенатор (1868) 189

Турчанинов Петр Иванович (1779–1856) — протоиерей, духовный композитор 190

Тычинкин Константин Семенович — редактор газеты «Новое время» 230

Тютчев Федор Иванович (1803–1873) — русский поэт, председатель Комитета цензуры иностранной 136

Тютчева Анна Федоровна (1829–1889) — фрейлина, дочь Ф. И. Тютчева 13, 274

Тютчева Софья Ивановна (1870–1957) — фрейлина, воспитательница детей императора Николая II 312

Уваров Сергей Семенович (1786–1855) — граф (1846), министр народного просвещения (1833–1849), почетный член (1811) и президент (1818–55) Петербургской Академии наук 45, 52, 130–131, 133

Умберто I (1844–1900) — принц Пьемонтский, король Италии (1878–1900) 197

Урусов Сергей Николаевич (1816–1883) — князь, статс-секретарь (1865), тайный советник, главноуправляющий II Отделением Собственной его им-

ператорского величества Канцелярии (1867–1881), член Государственного Совета 66, 72

Фельд Михаил Богданович — действительный статский советник, старший помощник директора Канцелярии Министерства императорского двора, выполнявший обязанности ее директора (1884–1888), делопроизводитель Административного отдела Кабинета его императорского величества 300, 335

Фельдман — автор 182

Фельтен А. — владелец магазина эстампов 153–154

Феокистов Евгений Михайлович (1828–1898) — публицист, начальник Главного управления по делам печати, редактор журналов «Русская речь» и «Журнал Министерства народного просвещения» 13

Филарет (в миру Дроздов Василий Михайлович) (1782–1867) — митрополит Московский и Коломенский (1826) 136

Фламенг Франсуа — художник 153

Фредерикс Владимир Борисович (1838–1927) — барон, граф (1913), флигель-адъютант (1871), генерал-майор свиты (1879), в должности шталмейстера двора (1891), генерал-лейтенант и шталмейстер двора (!891), генерал-адъютант (1896), генерал от кавалерии (1900). Командир Л.-Гв. Конного полка (1875–1883), командир 1-й бригады 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии (1881), управляющий Придворной конюшенной частью (1891), помощник министра (1893–1897), управляющий Министерством (1897) и министр императорского двора и уделов (1898–1917), член Государственного Совета (1905–1917) 13, 72, 112–115, 120, 127, 148, 151, 169, 171, 181, 205, 208, 211, 219, 234, 241–243, 260, 295, 298–315, 332, 336, 339–340, 342–343, 345–346, 348–351

Фрейденрайх О. — владелец фабрики фарфоровой и фаянсовой посуды в Калише 204

Фридебург Г. К. — издатель 60

Фукс В. Я. — коллежский ассессор 64

Халтурин Степан Николаевич (1856–1882) — рабочий-террорист, исполнитель покушения на императора Александра II в Зимнем дворце (1880), член Исполкома «Народной воли» (1881) 281

Хлебников — московский фабрикант золотых и серебряных изделий 193

Храповицкий Александр Васильевич (1749–1801) — статс-секретарь императрицы Екатерины II 133

Цейтль М. А. — автор 181

Церер — колпинский мещанин 216

Чаманский С. А. — владелец фабрики шелковых изделий в Лодзи 170

Черевин Петр Александрович (1837–1896) — флигель-адъютант (1867), генерал-майор свиты (1877), генерал-лейтенант (1882), генерал-адъютант (1882). Командир конвоя его величества (1869), начальник штаба

Отдельного корпуса жандармов (1878) товарищ главноуправляющего III отделения Собственной его императорского величества Канцелярии (1878–1880), товарищ министра внутренних дел (1880–1883), начальник личной охраны Александра III (1881) и дворцовой охраны (1883) 291

Черкасская Е. А. — княгиня 274

Чернуха В. Г. 24, 56, 61, 65, 70

Чернышёв Александр Иванович (1785–1857) — граф (1826), светлейший князь (1841), генерал-адъютант, военный министр (1827–1852), председатель Государственного Совета (1848) 50

Шевченко М. М. 25

Шенк Петр Петрович — композитор и музыкальный критик, заведующий центральной библиотекой и репертуарным отделением Императорских театров 181

Шилов Д. Н. 31

Ширинский-Шихматов Платон Александрович (1790–1853) — князь, академик Петербургской Академии наук (1828), председатель Археографической комиссии (1834–1850), товарищ (1842) и министр народного просвещения (1850) 53, 136

Ширков В. П. 74, 131

Шишков Александр Семенович (1754–1841) — адмирал (1823), президент Российской Академии наук (1813–1841), государственный секретарь (1812–1814), министр народного просвещения (1824–1828), член Государственного Совета 48

Штакельберг Константин Карлович — барон, генерал-майор, заведующий Придворным музыкантским хором Министерства императорского двора (1882) 181–183, 303

Штиглиц Александр Людвигович (1814–1884) — барон, действительный тайный советник (1881), управляющий Государственным банком (1860–1866), меценат 320

Шуберт Э. К. — ювелир 175

Шульц К. — дерптский фотограф 193

Щебальский П. К. 21–22, 37, 43

Щербатов Николай Борисович (1868–1943) — князь, начальник Главного управления Государственного коннозаводства (1913–1915), управляющий Министерством внутренних дел и корпуса жандармов (1915), член Государственного Совета (1915) 309

Шулепников Н. А. — автор 197

Эгглер Ф. — германский фотограф 154

Энгельгардт Н. А. 22, 36

Эрлих З. М. — чиновник почтового ведомства из Бесарабии 217

Эртель О. — германский фабрикант 174

Юргенс Владимир Андреевич — действительный статский советник, директор Канцелярии Министерства императорского двора (1883) 334

Яворский Стефан (1658–1722) — местоблюститель патриаршего престола (1700–1721) 38

Ягельский Александр Карлович — придворный фотограф 28–30, 228–246

Ягельский Иван Карлович — фотограф, брат А. К. Ягельского 228

Якобсон К. Е. (урожденная фон Ган) — жена помощника старшего инженера-механика, совладелица фирмы «К. Е. фон Ган и К^о» 228

Якобсон М. Я. — издатель 202

Якушкин В. 22, 49, 51, 69

Янгиров Р. 29

Ruud C. A. 24

Wortman R.-S. 25–28, 126, 215, 331

Tsivian Y. 28

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

St. — sankt

Vol. — volume

англ. — английский

бар. — барон

болгар. — болгарский

в. — век

вв. — века

Вдов. Имп. — вдовствующая императрица

ВК — великий князь

ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет

ВЦСПС — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов

вып. — выпуск

г. — год

г. — город

г. — господин

Г. Пом. Мин. — господин помощник министра

г.г. — господа

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

гг. — годы

гил. — гильдия

гл. — глава

гр. — граф

ГУ — Главное управление

ГУ ДП — Главное управление по делам печати

губ. — губерния

д. — документ

датск. — датский

др. — другие

- е.в. — ее величества
е.и.в. — его императорского величества
евангел. — евангелический
евр. — еврейский
ед. — единица
ЕУСПб — Европейский Университет в Санкт-Петербурге
жд — железная дорога
и.д. — исправляющий должность
и.о. — исполняющий обязанности
изд. — издание
ИИВ — их императорские величества
Имп. — царствующая императрица
иностр. — иностранный
К.Е.И.В. — Кабинет его императорского величества
Кн. — книга
кн. — князь
конф. — конференция
Л. — Ленинград
л. — лист
Л.-Гв. — Лейб-Гвардии
латыш. — латышский
М. — Москва
МВД — Министерство внутренних дел
междунар. — международный
МИДв — Министерство императорского двора
МНП — Министерство народного просвещения
напр. — например
насл. — наследник
нем. — немецкий
О — отношение
ОИФ — особа императорской фамилии
оп. — опись
опр. — определен
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
отд. — отделение
П — прошение
Пг. — Петроград
прил. — приложение
прим. — примечание

- ПСЗ — Полное собрание законов Российской Империи
Р. — page
РАН — Российская академия наук
РГИА — Российский государственный исторический архив
руб. — рубль
с. — страница
с.е.и.в. — собственная его императорского величества
Св. — святой
Св. Зак. Граж. — Свод Законов Гражданских
Св. Осн. Гос. Зак. — Свод Основных Государственных Законов
см. — смотри
Собр. Узак. — Собрание Узаконений
сост. — составитель
соч. — сочинение
СПб. — Санкт-Петербург
ст. — статья
ст. ст. — статьи
т. — том
т. д. — так далее
т. е. — то есть
т. н. — так называемые
т. п. — тому подобное
т. ч. — том числе
тт. — тома
указ. — указанный
Учр. Мин. — Учреждение Министерств
Учр. Прав. Сената — Учреждение Правящего Сената
ф. — фонд
фр. — французский
ценз. — цензурный
цит. — цитируется
ЦК — Цензурный комитет
ч. — часть
черногор. — черногорский
чеш. — чешский
шт. — штук
яз. — язык

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава I. Юридические основы придворной цензуры.....	36
1. Период до кодификации норм придворной цензуры (1723–1804 гг.).....	38
2. Кодификация норм придворной цензуры в царствования императоров Александра I и Николая I (1804–1857 гг.).....	42
3. Кодификация норм придворной цензуры в царствование императора Александра II (1857–1870 гг.)	55
4. Кодификация норм придворной цензуры после ее введения в законодательство как института (1870–1917 гг.).....	74
Глава II. Канцелярия Министерства императорского двора как государственный институт.....	93
Глава III. Деятельность придворной цензуры	125
1. Выбор и обоснование методики исследования.....	125
2. Придворная цензура в царствование императора Николая I.....	129
3. Становление организационной структуры придворной цензуры	138
4. Прошения в придворную цензуру.....	143
4.1. Придворная цензура и пресса: прошения органов печати.....	144
4.2. Придворная цензура и авторское право: прошения авторов	152
4.3. Придворная цензура и бизнес: прошения коммерсантов.....	155
4.4. Придворная цензура и общественные организации: прошения негосударственных учреждений	157
5. Отношения в придворную цензуру	157
5.1. Отношения органов общей цензуры.....	158
5.2. Отношения таможен.....	161
5.3. Отношения других государственных органов	162
6. Материалы, поступавшие на придворную цензуру	164
6.1. Визуальные материалы: портреты и изображения	165
6.2. Предметы широкого потребления	166
6.3. Музыкальные произведения.....	179

6.4. Стихотворения	183
6.5. Карманные часы	184
6.6. Средства производства	185
7. Технологии принятия цензурных заключений	185
7.1. Цензурная практика в министерство В. Ф. Адлерберга	187
7.2. Цензурная практика в министерство А. В. Адлерберга	195
7.3. Цензурная практика в министерство И. И. Воронцова-Дашкова ...	199
7.4. Цензурная практика при управлении В. Б. Фредерикса	205
8. Новые формы репрезентации Верховной власти при императоре Николае II	214
8.1. Царские портреты и юбилейные кружки	214
8.2. Почтовые марки с портретами императоров	217
8.3. Верховная власть и фотографии: упорядочивание отношений	219
8.4. Верховная власть и кинематограф	220
8.5. Б. А. Матушевский — первый придворный киномеханик	223
8.6. Первые придворные фотографии — С. А. Левицкий и А. А. Насветевич	226
8.7. А. К. Ягельский, фотограф его величества	227
8.8. А. А. Оцуп как пример удачной конкуренции	239
8.9. Запоздалые признания	243
9. Упоминания высочайших особ как товар	246
10. Титулы в цензурной документации Министерства императорского двора	255
11. Концепция генезиса символического значения Верховной власти	257
Глава IV. Кадровый состав придворной цензуры	271
1. Руководители придворной цензуры — министры двора	272
1.1. В. Ф. Адлерберг	272
1.2. А. В. Адлерберг	276
1.3. И. И. Воронцов-Дашков	291
1.4. В. Б. Фредерикс	298
2. Лица, наиболее влиятельные в Министерстве императорского двора в определенный период	315
2.1. К. К. Кистер	315
2.2. Н. С. Петров	323
2.3. В. С. Кривенко	326
3. Непосредственные руководители придворной цензуры	333
4. Министры двора и императоры: типология взаимоотношений	345
5. Институт министров двора: между императорской четой и великокняжескими дворами	349
Заключение	362
Источники и литература	367
1. Неопубликованные источники	367

Содержание

2. Опубликованные источники	367
2.1. Государственные и законодательные акты.....	367
2.2. Мемуары и воспоминания	368
3. Литература	370
Приложение	375
Именной указатель.....	451
Список сокращений.....	474

С. И. Григорьев
ПРИДВОРНАЯ ЦЕНзуРА
И ОБРАЗ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ
1831–1917

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Редактор *О. А. Потанина*

Оригинал-макет *Л. А. Философова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),

aletheia@peterstar.ru (*редакция*)

www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95

Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.

Тел. (812) 327-26-37

Книги издательства «Алетейя» в Москве

можно приобрести в следующих магазинах:

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

«Ад Маргинем», 1-й Новокузнецкий пер., 5/7. Тел. (495) 951-93-60

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Гилея». Тел. (495) 332-47-28

Магазин «Фаланстер», Малый Гнезниковский пер., 12/27.

Тел. (495) 504-47-95, 629-88-21

Магазин издательства «Совпадение».

Тел. (495) 915-31-00

Подписано в печать 03.09.2006. Формат 60×88¹/₁₆.

Усл. печ. л. 25. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Заказ № 4402

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография «Наука»,
199034, Санкт-Петербург, В. О., 9 линия, д. 12

Printed in Russia